Tyragetia

Arheologie
Istorie Antică

SERIE NOUĂ

Vol. XIV [XXIX] nr. 1

Chișinău
2020

ISSN 1857-0240 Categoria B

MUZEUL NAȚIONAL DE ISTORIE A MOLDOVEI

TYRAGETIA

Colegiul de redacție

Redactor responsabil: dr. hab. Eugen Sava
Secretar de redacție: dr. Aurel Zanoci
Redactori: Vlad Pohilă (†), Claudia Cemârtan, Mariana Balan

Membri: dr. Marius Alexianu (Iași); dr. Ana Boldureanu (Chișinău); dr. Nikolaus Boroffka (Berlin); dr. hab. Ion Eremia (Chișinău); dr. hab. Alexander Falileyev (Aberystwyth University Ceredigion); dr. hab. Elke Kaiser (Berlin); dr. Maia Kašuba (Sankt Petersburg); dr. Igor Manzura (Chișinău); dr. Eugen Nicolae (București); dr. hab. Ion Niculiță (Chișinău); dr. Virgil Nițulescu (București); dr. hab. Elena Ploșniță (Chișinău); dr. Elena Postică (Chișinău); dr. hab. Gheorghe Postică (Chișinău); dr. hab. Igor Sapozhnikov (Kiev); dr. Ion Tentiuc (Chișinău); dr. hab. Valentin Tomuleț (Chișinău); dr. Victor Trifonov (Sankt Petersburg); dr. Lilia Zabolotnaia (Chișinău).

Toate lucrările publicate în revistă sunt recenzate de specialiști în domeniu.
All the papers to be published are reviewed by experts.

Revista „Tyragetia” apare de două ori pe an.
Journal „Tyragetia” appears twice a year.

Manuscrisele, cărțile și revistele pentru schimb, precum și orice corespondență se vor trimite pe adresa Colegiului de redacție al „Tyragetiei”: *Muzeul Național de Istorie a Moldovei, str. 31 August 1989 nr. 121 ”A”, MD-2012 Chișinău, Republica Moldova*. Tel. (0373+22) 238279, e-mail: tyragetia@starnet.md

Manuscripts, books and reviews for exchange, as well as other papers are to be sent to the editorship of the „Tyragetia”: *Muzeul Național de Istorie a Moldovei, str. 31 August 1989 nr. 121 ”A”, MD-2012 Chișinău, Republica Moldova*. Tel. (0373+22) 238279, e-mail: tyragetia@starnet.md

Design: Ivan Litsuk, Mihai Sava

Lucrare apărută în cadrul Programului de Stat (2020-2023), Proiect instituțional „Patrimoniul muzeal și memoria istorică: cercetare, interpretare, prezentare”, cifru 20.80009.09 07.43, finanțat de Agenția Națională de Cercetare și Dezvoltare (ANCD) în baza contractului cu Muzeul Național de Istorie a Moldovei nr. 138-PS din 15.01.2020.

© Muzeul Național de Istorie a Moldovei

Verum ab Histro oppida Cremniscoe, Aepolium, montes Macrocremni, clarus amnis Tyra, oppido nomen inponens ubi antea Ophiusa dicebatur. In eodem insulam spatiosam incolunt **Tyragetae**; abest a Pseudostomo Histri ostio CXXX.

Plinii Secundi, *Naturalis Historia*, IV, 12 (26), 82

Iar de la Istru înainte se află oraşele Cremniscoe, Aepolium, munţii Macrocremni, vestitul fluviu Tyras, care dă numele şi oraşului, numit odinioară Ophiusa. Tot acolo este o insulă întinsă, locuită de **tirageţi**, la o depărtare de o sută treizeci de mii de paşi de braţul Pseudostomon al Istrului.

Pliniu cel Bătrân, *Istoria naturală*, IV, 12 (26), 82

CUPRINS
(Contents)

I. Studii (Researches)

Михаил Видейко, Наталия Бурдо
Триполье от Днестра до Днепра во второй половине V тыс. до н.э.: аграрная колонизация, инвазии, миграции (возможности исследований) (Trypillia from Dniester to Dnieper in the second half of the 5th mill. BC: farming colonization, invasions, migrations (possibilities of investigations)..... 7

Munteanu Octavian, Mihail Băţ, Aurel Zanoci
Fibule din fier de schemă La Tène timpuriu descoperite pe teritoriul Republicii Moldova (Early La Tène scheme iron fibulae in the Republic of Moldova) 23

II. Materiale şi cercetări (Papers and surveys)

Кетеван Эсакия, Гурам Чхатарашвили, Амиран Кахидзе
Комплексный анализ каменного инвентаря раннеголоценовой стоянки Кобулети (Complex analysis of the stone industries at the Kobuleti Early Holocene site) 71

Mariana Sîrbu, Denis Topal, Eugen Sava, Lazar Dermenji
Piese de bronz descoperite în aşezările culturilor Noua-Sabatinovka din colecţia Muzeului Naţional de Istorie a Moldovei (Bronze items discovered on the settlements of the Noua-Sabatinovka cultures from the collection of the National Museum of History of Moldova) 77

Виктор Гребенников
Поселения поздней бронзы бассейна Висуни - Нижнего Ингульца (Late Bronze Age settlements in the Visun and the Lower Ingulets rivers basin)..... 103

Marina Daragan
About appearance of mega-hillforts in the Ukrainian Forest-Steppe in the early Scythian time: the search for an explanatory model (Despre apariţia cetăţilor-giganţi în silvostepa Ucrainei în perioada scitică timpurie: căutarea unui model explicativ) 117

Денис Топал
Бронзовые котлы скифского периода из коллекции Национального музея истории Молдовы (Scythian bronze cauldrons from the National Museum of History of Moldova) 141

Сергей Фидельский
Новые материалы железного века с левобережья Среднего Днестра (New materials of the Iron Age in the Middle Dniester left-bank region) 163

Natalia Mateevici, Mihai Ionescu
Ştampile de amfore greceşti din săpăturile arheologice de pe strada Oituz nr. 15, Mangalia, jud. Constanţa (Stamps on the Greek amphorae from the excavations on the Oituz Street, no. 15, Mangalia, Constanţa County, Romania) 177

Игорь Сапожников, Александр Синельников
Амфоры Северо-Западной акватории Черного моря (The amphorae from the Northwest Black Sea water area) 187

Vasile Iarmulschi
Din nou cu privire la data de început a culturii Poieneşti-Lucaşeuca (Nochmals zum Beginn der Poieneşti-Lucaşeuca-Kultur)..... 207

Игорь Сапожников
Нижнеднестровский (Змеевый) вал – часть лимеса Римской империи: картографо-археологическое исследование (Lower Dniester defensive wall (Serpent's Wall) as part of the limes of the Roman Empire: cartographic and archaeological research) 215

Vasile Mărculeţ
Campania împăratului Julianus în Persia (5 martie - 26 iunie 363). Consideraţii privind contribuţia flotei romano-bizantine (Emperor Julianus's Persian Campaign (March 5 - June 26, 363). On the role of the Roman-Byzantine fleet) 237

Ion Tentiuc, Valeriu Bubulici
Early medieval hoard of forging and jewelry tools found at Voloave, Soroca District (Depozitul cu unelte de făurărie-giuvaiergerie din perioada medievală timpurie descoperit la Voloave, raionul Soroca) 255

Роман Крицук
Находки «гибридных» солидов Сучавы в Беларуси (The finds of Suceava "hybrid" solidi in Belarus) 281

Elena Arcuş-Jantovan
Monede de tip Sadagura din patrimoniul Muzeului Naţional de Istorie a Moldovei (Sadagura coins from the collections of the National Museum of History of Moldova) 285

Mariana Gugeanu
Textilă liturgică arheologică – Paraman. Cercetare şi conservare-restaurare (Archaeological textile item – vestment paraman: research and conservation-restoration) 295

Bogdan Petru Niculică
150 years since the foundation of the first archaeological museum society in Bucovina: Society of the Siret Museum (150 de ani de la înfiinţarea primei societăţi arheologice şi muzeale din Bucovina: Societatea Muzeului Siret) 301

Vasile Diaconu
Arheologia fără graniţe. Interviu cu cercetătorul Tiberiu Bader (Hochdorf) 313

Ana Boldureanu
Cronica descoperirilor monetare (XIV) (Chronicle of coin finds (XIV)) 317

III. Recenzii şi prezentări de carte (Paper and book review)

Е. Сава, С. Агульников, И. Манзура, Исследования курганов в Буджакской степи (1980-1985 гг.). Кишинев: Bons Offices, 2019, 368 с., ISBN: 978-9975-87-560-8 *(Денис Топал)*..... 323

Mircea Mamalaucă, Descoperiri din perioada antichităţii târzii în Podişul Central Moldovenesc. Necropolele de la Bogdăneşti-Fălciu, Pogoneşti şi Polocin. Iaşi: Casa Editorială Demiurg, 2018, 666 p., inclusiv 259 planşe alb-negru şi color, ISBN: 973-152-367-5 *(Vlad Vornic, Larisa Ciobanu)* 329

IV. In memoriam

In memoriam Oleg Leviţki 333

Lista abrevierilor (List of abbreviation)..... 336

Condiţiile de publicare în revista „Tyragetia" 338

The following conditions for publishing in the „Tyragetia" journal..... 339

Условия для публикации в журнале «Tyragetia» 340

ТРИПОЛЬЕ ОТ ДНЕСТРА ДО ДНЕПРА ВО ВТОРОЙ ПОЛОВИНЕ V ТЫС. ДО Н.Э.: АГРАРНАЯ КОЛОНИЗАЦИЯ, ИНВАЗИИ, МИГРАЦИИ (ВОЗМОЖНОСТИ ИССЛЕДОВАНИЙ)

Михаил Видейко
Наталия Бурдо

Ключевые слова: Кукутень-Триполье, расписная керамика, керамика «Кукутень С», палеогенетика, миграции.

Уже около ста лет культурно-исторические изменения в Юго-Восточной Европе в конце V тыс. до н.э. привлекают внимание исследователей в связи с проблемой степных миграций, вероятно, оказавших значительное влияние на древнюю историю континента. На границе со степью в те далекие времена располагался восточный форпост цивилизации Древней Европы – культурный комплекс Кукутень-Триполье. Поэтому поиски следов тех событий именно в кукутень-трипольском археологическом материале представляли и будут представлять первостепенный интерес и значение для раскрытия и изучения данной проблематики.

Особое внимание исследователей традиционно привлекали свидетельства проникновения и влияния «степняков» на земледельцев, тогда как собственно история последних служила скорее задним планом для воссоздаваемой исторической картины. Но если десятилетия тому назад это можно было оправдать весьма скромным состоянием источниковедческой базы, то сегодня как объем информации, так и представления о Кукутень-Триполье и его окружении существенно отличаются от времен не только Вира Гордона Чайлда или Марии Гимбутас, но и дискуссий, имевших место в последние полтора-два десятилетия. Этим обстоятельством и вызвана наша попытка рассмотреть на примере ограниченной территории кукутень-трипольской общности – от Поднестровья до Поднепровья – тему перемещений населения и сопутствовавших им явлений во второй половине V тыс. до н.э., в том числе и то, о чем (и в каких случаях) следует вести речь: аграрной колонизации, инвазиях, миграциях.

Анализ и картографирование находок с поселений трипольской культуры, учет их хронологии, расположения, размеров дает основания для того, чтобы реконструировать различные версии причин и характера подвижности земледельческого населения, а также выдвигать предположения о месте, характере, а также вероятных последствиях его взаимодействия со степным миром в указанный период. При этом следует учитывать возможность, что были различия как в характере процессов, так и в составе их участников между регионами Поднестровья и Поднепровья. В настоящее время появилась возможность соотнести результаты анализа археологического материала с изучением генетики древнего населения, что в сумме может помочь как поиску, так и объяснению некоторых событий древности.

События второй половины V тыс. до н.э., связанные с междуречьем Днестра и Днепра, не раз оказывались в центре дискуссий в связи с реконструируемыми на археологических материалах миграциями населения, в особенности т. н. «степного». Содержанию этих дискуссий и анализу аргументации ее участников впору посвящать отдельные обзоры. Они периодически появляются в связи с написанием работ, затрагивающих различные источниковедческие и интерпретационные аспекты древних миграций (например: Бурдо 2016; Бурдо 2018; Манзура 2000; Manzura 2005; Манзура 2017).

Заметно, что исследователи располагают различным по качеству и количеству материалом. Те, кто изучает культурную общность Куку-

тень-Триполье, располагают внушительными коллекциями керамики, позволяющей выделять локальные группы и типы памятников, прослеживать их происхождение, связи, вероятные передвижения. При этом у них практически отсутствуют погребения и некрополи, так что этот весьма интересный и важный материал не может участвовать в построениях. У исследователей «степных» культур обратная ситуация: многочисленные, пусть и разнообразные по обряду погребальные памятники с весьма пестрым по типам и принадлежности набором керамики и немногочисленные раскопанные поселения, которые порой сложно связывать с древними некрополями (Бурдо 2005).

Точек соприкосновения не особо много, и они не всегда надежны и однозначны. Это, прежде всего, керамика, но к интерпретации этого материала тоже нет однозначных подходов, как и надежной проверки полученных построений. Изотопные датировки позволили синхронизировать культурные комплексы и памятники, но и тут оказалось достаточно подводных камней в виде резервуарного эффекта и прочих нюансов, способных разрушить наметившиеся цепочки. В последнее десятилетие, однако, появилось связующее (и многообещающее) звено — генетика, полученная как для энеолитических степных памятников, так и для Триполья. Как оказалось, порой она может обнаружить связи, о которых по археологическим материалам можно было только догадываться, а есть такие, где археология бессильна. Но и здесь необходима трезвая оценка всех вариантов, при которых могла получиться та или иная комбинация, характеризующая древние популяции и связи между ними. И тем не менее открывшиеся возможности представляют, на наш взгляд, значительный интерес.

Керамические комплексы и история Кукутень-Триполья в V тыс. до н.э.

На протяжении более двух тысяч лет истории культурного комплекса Кукутень-Триполье можно наблюдать динамичную картину формирования и смену разнообразных локально-хронологических группировок, что нашло выражение в разветвленной его структуре. Одним из факторов, повлиявших на эту структуру, были разного масштаба миграционные процессы.

Уже керамические ансамбли поселений Прекукутень-Триполья А изначально были синкретичными и отличались многообразием технологических, морфологических и стилистических черт, возникших в результате синтеза нескольких керамических традиций.

Появление культуры Кукутень знаменовало собой второй этап трансформации культурного комплекса Кукутень-Триполье, при этом связь его с культурой Прекукутень не вызывает сомнения, однако появление новой керамической традиции в виде расписной керамики не может быть объяснено исключительно развитием технологий предыдущего этапа. Проблема источника технологических, морфологических и стилистических инноваций окончательно не выяснена до сих пор. Очевидно, что трансформация керамического комплекса произошла под сильным влиянием нескольких культур Карпато-Дунайского бассейна и миграционных процессов в этом регионе. С переходом к среднему этапу Кукутень А - Триполье В I культурная однородность памятников Прекукутень - Триполье А сменяется многообразием локальных культурных типов, за которыми стоят определенные социальные структуры, также, по-видимому, не остававшиеся неизменными на протяжении этого времени. Рассмотрев детально структуру Кукутень А - Триполье В I можно проследить пути миграций групп населения с конкретными керамическими традициями.

Выявление группировок памятников по сходству их керамических ансамблей позволяет установить структуру культурного комплекса на определенных хронологических этапах, а также предположить источники инноваций в результате миграций и заимствований (Бурдо 2018, 19-29). Ниже мы рассмотрим такие процессы на двух примерах: распространения расписной керамики на этапе Триполье BI - Кукутень А и керамики типа «Кукутень С» для этапа Триполье BI-II - Кукутень АВ.

Локально-хронологические группы Кукутень А - Триполья В I и распространение расписной керамики

Локально-хронологические группы Кукутень А - Триполья В I соответствуют трем фазам: ранняя – Кукутень А1-2 - Триполье BI 1, средняя – Кукутень А3 - Триполье BI 2; поздняя –

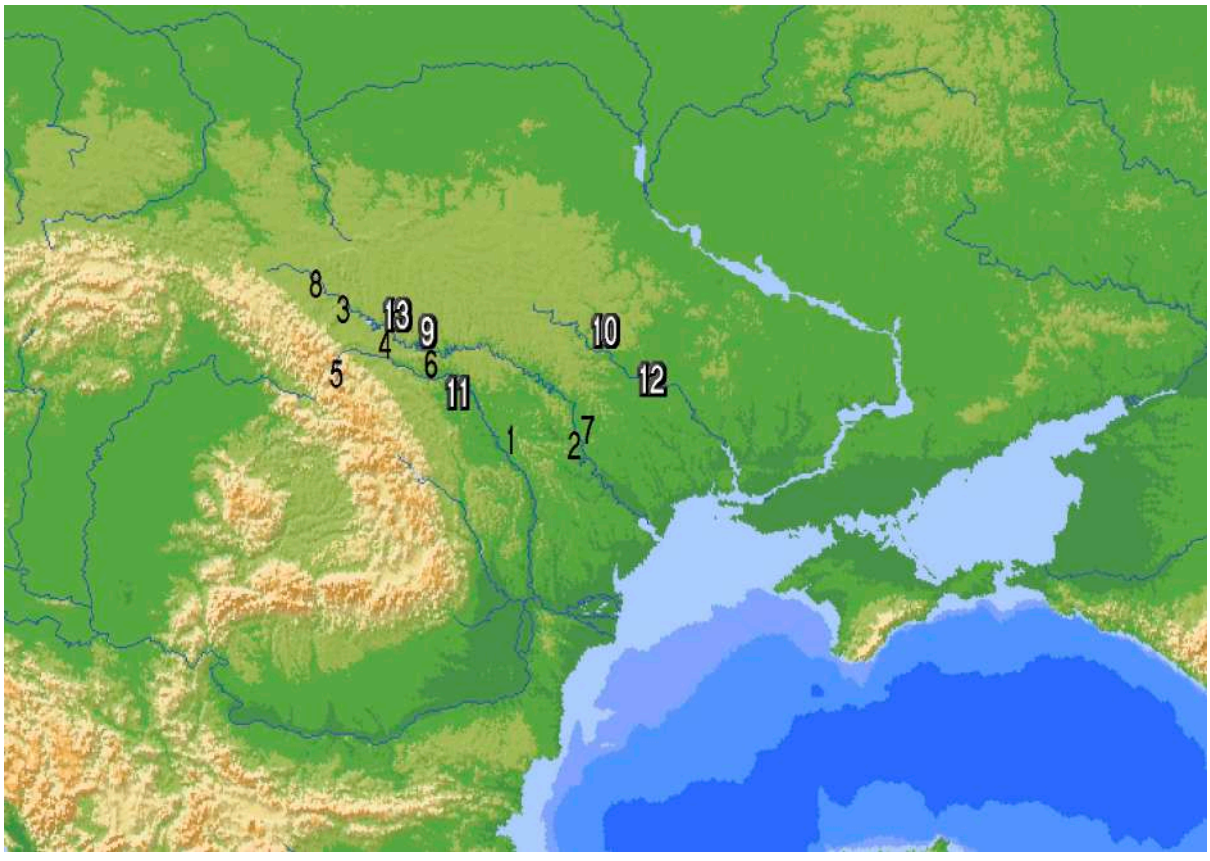


Рис. 1. Карта групп и типов Триполья этапа BI. 1-8 - Типы и группы памятников с прекукутенскими и кукутенскими традициями: 1 - тип Русештий Ной; 2 - тип Жора де Сус; 3 - тип Городница-Городище, 4 - тип Поливанов Яр III; 5 - группа Дрэгушень-Путинешть; 6 - тип Васильевка; 7 - тип Жура; 8 - tip Независько. 9-13 - Типы и группы памятников с прекукутенскими традициями: 9 - тип Лука-Врублевецкая; 10 - Борисовская группа, 11 - тип Тэтэрэука Ноуэ III, 12 - Сабатиновский тип, 13 - тип Кормань-Лужок.

Кукутень А 4 - Триполье BI 3. Типы и группы памятников с прекукутенскими и кукутенскими традициями: тип Русештий Ной, тип Жора де Сус, тип Городница-Городище, тип Поливанов Яр III, группа Дрэгушень-Путинешть, тип Васильевка, тип Жура, тип Независько. Типы и группы памятников с прекукутенскими традициями: тип Лука-Врублевецкая, Борисовская группа, тип Тэтэрэука Ноуэ III, Сабатиновский тип, Борисовская группа, тип Кормань-Лужок.

Эти группировки не соответствуют территориальным группам, ранее выделенным разными авторами для Триполья B I, так как в локально-хронологические группы должны быть включены только генетически связанные памятники. Среди перечисленных выше групп с преобладанием кукутенских традиций – 8 единиц (2 группы и 6 типов), прекукутенских – 6 (2 группы и 4 типа).

В данном случае в качестве самой заметной культурообразующей инновации выступает комплекс расписной керамики. Следует при этом иметь в виду, что небольшие выборки материала и слабая освещенность в публикациях многих памятников не позволяют настаивать на окончательности выводов о структуре Кукутень А - Триполье B I. Несомненно, схема будет модернизироваться. Пока имеющиеся в нашем распоряжении источники не позволяют объединить множество выделенных типов памятников Кукутень А - Триполье B I (10) в локально-хронологические группы без нарушения принципа построения схемы структуры культурного комплекса объединения в группы генетически связанных памятников. Не удается детально проследить несомненные генетические связи между Прекукутень-Триполье А и многими локально-хронологическими типами и группами Кукутень А 1-2 - Триполье B I 1. Очевидны эти связи толь-

ко для памятников типа Луки-Врублевецкой, которые генетически связаны с памятниками борисовской группы.

И тем не менее некоторые тенденции в распределение памятников разных традиций по территориям вызывает определенный интерес. Так, логично было бы предположить, что к западу от Днестра однозначно должна преобладать кукутенская традиция. Однако тут присутствуют также и памятники типа Тэтэрэука Ноуэ III с прекукутенскими традициями, они же весьма сильно проявляются в типе Русештий Ной. В днестро-бугском междуречье, точнее его западной части, наблюдаем «чересполосное» расположение групп и типов с различными традициями. И лишь бассейн Южного Буга и территория к западу от него остаются «вотчиной» прекукутенских традиций, где лишь наличие немногочисленных импортов расписной керамики напоминает о существовании на западе памятников с традициями Кукутень.

Итак, чем ближе к источнику инноваций, тем больше расписной керамики, чем дальше – ее количество сходит на нет. С другой стороны, чересполосное распространение памятников с разными традициями и разным сочетанием традиций демонстрирует начальные этапы формирования новых группировок земледельческого населения. Эта ситуация чем-то напоминает этап формирования культуры Прекукутень, интегрировавшей, по мнению исследователей, черты нескольких культурных комплексов позднего неолита.

Необходимо подчеркнуть, что анализ керамики памятников Кукутень А - Триполье В I отражает сложную систему культурных группировок. Комбинации керамических традиций, характерные для большинства памятников, отнюдь не могут быть сведены к двум признакам – углубленной и расписной орнаментации, и, соответственно, оппозиции запад-восток, утвердившейся в трипольской историографии. Разнообразие культурных группировок Кукутень А - Триполье В I показывает также несостоятельность упрощенного представления об истории культурного комплекса Кукутень - Триполье в виде многих волн миграции населения с запада на восток. Реальные культурно-исторические процессы были намного сложнее и не сводились к миграциям и взаимодействию «земледельцев и скотоводов». Можно предполагать разные модели развития древнеземледельческого населения в регионе между Карпатами и Днепром (Манзура 2000).

Историческая интерпретация

Появление множества культурных группировок Кукутень А - Триполье В I на месте единой культуры Прекукутень-Триполье А можно рассматривать, как одно из следствий кризиса, вызванного значительным ростом численности населения между Карпатами и Прутом и всесторонне освещенного И.В. Манзурой (Манзура 2000, 274-282).

Объяснение сложившейся мультикультурной ситуации, вероятно, следует искать в закономерностях функционирования родового общества, характерных для земледельческих хозяйственно-культурных типов. Экономическое благополучие и стабильное развитие общества Прекукутень-Триполья А в оптимальных климатических условиях и возможности аграрной колонизации свободных территорий к востоку от Днестра завершились бурным ростом численности населения в западном регионе, который на протяжении всей истории культурного комплекса Триполье-Кукутень выступал центром инноваций и культурогенеза.

Структура родового общества предусматривает надежный механизм реагирования на ситуацию перенаселения – сегментацию родовых коллективов (Шнирельман 1986, 360-361). В результате сегментации общины оформляется новая социальная группа, которая вынуждена переселяться в местности, где она сможет обеспечивать свое существование. Для земледельцев необходимым условием является наличие сельхозугодий. Отделившаяся социальная группа может представлять как коллектив, достаточный для самовоспроизведения и самостоятельного функционирования, так и слишком малолюдный для отдельного существования.

Известно, что для эффективного земледелия экономически оптимальной является модель расселения в небольших поселках. Именно такую модель демонстрирует нам Прекукутень - Триполье А в днестро-днепровском регионе. Недостатком обусловленной ведением земледельческого хозяйства модели расселе-

ния является малочисленность социальных групп, недостаточная для утверждения за собой сельхозугодий и прав на них. Именно этот фактор заставляет объединяться небольшие социальные группы (Шнирельман 1986, 376-377). Реконструкция моделей расселения трипольцев должна учитывать также традиции ритуального цикличного сожжения поселков и переселения их на новые места. Вероятно, священные циклы соответствовали периодам сегментации, и отделение новых социальных групп освящалось сакральной традицией.

Таким образом, можно предположить, что разнообразие культурных группировок Кукутень А - Триполье В I отражает интенсивные процессы сегментации родовых коллективов в западном ареале культурного комплекса. Отделившиеся группы обладают набором культурных традиций, в том числе и важных для нас керамических, идентичных или близких родственному социуму. Вероятно, группировки с относительно едиными традициями унаследовали их от социальной группы, от которой они отделились, а также достаточно большим количественным составом стабильно развивались на старой для них территории достаточно продолжительный период на протяжении нескольких археологических хронологических фаз.

Другая модель может быть предложена для разрозненных типов памятников, которым соответствуют небольшие по численности социальные группы, не входящие в более крупные группировки. Особенно изобилует такими группами Поднестровье. Необходимо упомянуть о том, что памятники некоторых культурных типов представлены керамическими ансамблями, сложившимися в результате синтеза нескольких керамических традиций. В таком случае можно предположить, что отделившиеся от них сегментарные группы могут быть представлены керамическими ансамблями а) с уже смешанными традициями, б) унаследовать разные ветви традиций. Сегментарные группы с небольшой численностью населения неизбежно должны были в течение непродолжительного времени объединяться в более крупные социальные единицы. А в результате такого объединения могли появиться либо локально-хронологические группы с достаточно единообразными керамическими ансамблями (что и позволяет объединить их в группы), либо такие памятники, в которых четко прослеживается сосуществование разных керамических традиций в разных объектах на одном поселении.

Таким образом, есть все основания полагать, что именно сегментация родовых коллективов и объединение сегментарных групп в новые крупные группировки обусловили разнообразие керамических стилей, которое мы наблюдаем. Знаменательно, что разнообразие культурных типов Кукутень А - Триполье В I на Днестре сменяется впоследствии двумя большими и относительно монолитными локально-хронологическими группами – солонченской и залещицкой (Виноградова 1983). Вероятно, появление крупных социальных группировок Кукутень АВ - Триполье В I-В II свидетельствует о выходе кукутенско-трипольских общин из перенаселенного прикарпатского региона на просторы лесостепи между Днестром и Днепром и завершении кризиса, с которым можно связывать трансформацию Прекукутень в Кукутень.

Триполье BI-BII и керамика типа «Кукутень С»

Памятники этапа Триполья BI-BII синхронизируются с периодом Кукутень А-В. На этом этапе трипольские племена занимают обширные территории от Прута до Днепра. В Украине известно около 80 поселений, образующих локально-хронологические группировки. Стратиграфическое залегание слоев Триполья BI-BII зафиксировано для поселений Поливанов Яр II, Бильшивци, Бильче Золоте II.

На основании анализа керамических ансамблей поселений Триполья BI-BII - Кукутень А-В можно выделить следующие 5 локально-хронологических единиц: группы — залещицкую, солонченскую, пенежковско-щербаневскую группы, типы Клищев и Биликивци.

Керамика типа Кукутень С составляет 2,6% в Залещиках, 12% – в Крутобородинцах, 5-14% в Поливановом Яре II. Она изготовлена из глины с примесью толченой ракушки, реже крупнозернистого песка, дресвы, мелкого шамота, еще реже встречается растительная примесь. Поверхность сосудов снаружи обработана инструментом, оставляющим параллельные полосы, вертикальные на венчиках горшков, горизонтальные на тулове. По форме выделя-

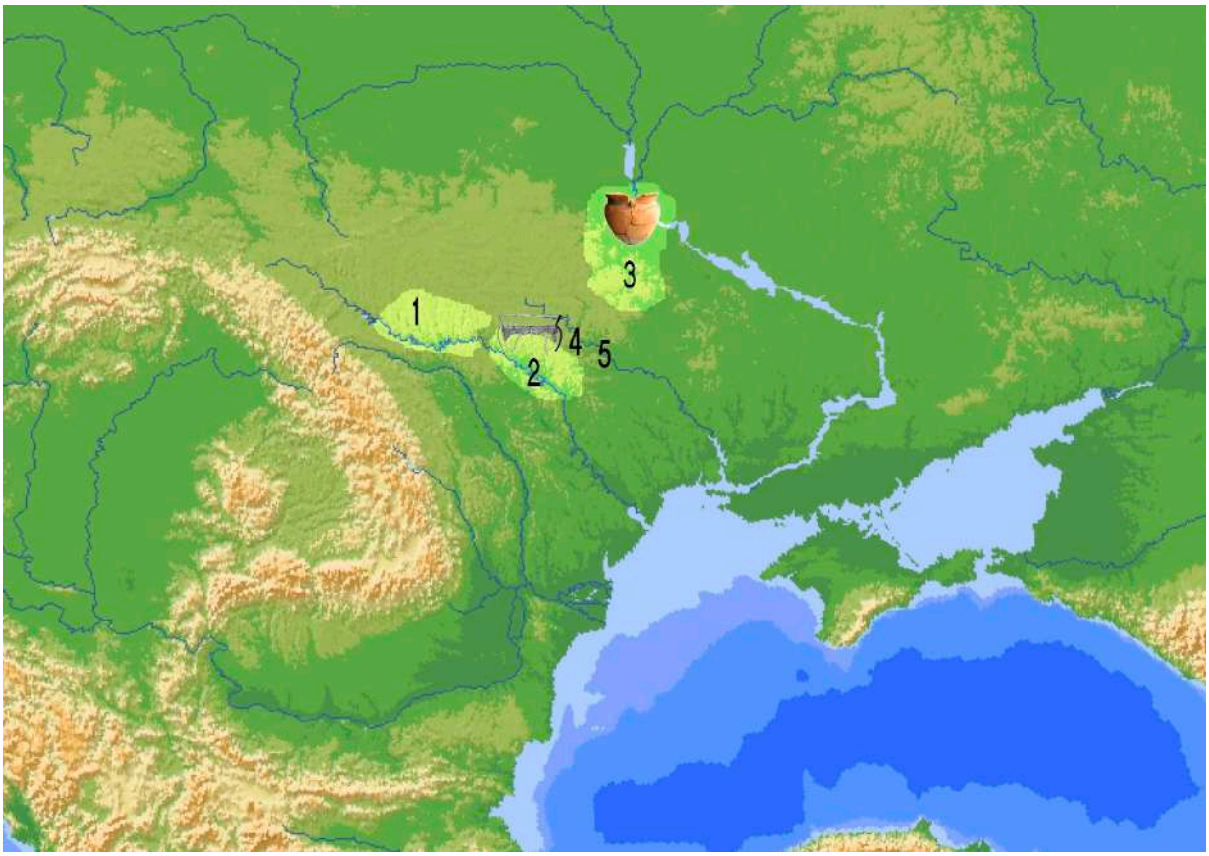


Рис. 2. Карта групп и типов Триполья этапа BI-II. 1 - Залещикская группа; 2 - солонченская группа; 3 - пенежковско-щербаневская группы; 4 - тип Клищев; 5 - тип Биликивци.

ется два типа – миски и горшки. Декор горшков преимущественно из оттисков мелкозубчатого штампа, нанесен на плечиках, а иногда и по краю венчика. В Поливановом Яре II отмечен горшок с «елочной» горизонтальной композицией (Попова 2003, рис. 77/1). Штампованный декор иногда сопровождают налепные детали, в том числе «жемчужины» на венчике.

Такие особенности «кухонной» залещицкой керамики типа Кукутень С, как примесь раковины, расчесы, композиции из оттисков штампа, расположение декора на краю венчика и на плечиках сосудов связывают ее с керамической традицией стоговской культуры (Котова 2006, 74-116).

В Поливановом Яре II отмечены «кухонные» сосуды, по форме и декору соответствующие традиционной трипольской «кухонной» керамике, но выполненные из массы с примесью толченой раковины (Попова 3003, рис. 52/2). В керамических ансамблях залещицкой группы встречаются единичные изделия, сочетающие трипольские и стоговские традиции. К таким изделиям относится шлемовидная крышка из Крутобородинцев I (Виноградов 1983, рис. 8/14), фрагмент миски с ручкой из Поливанового Яра II (Попова 2003, рис. 77/7).

В керамическом ансамбле поселения Бильщивци III, относящегося к поздней фазе залещицкой группы, немногочисленная группа «кухонной» керамики изготовлена в прекукутенских традициях из массы с примесью шамота. Здесь не прослежено никаких стоговских черт, зато выделены группы керамики, выполненные по традициям малицкой и люблинско-волынской культур (Ткачук, Кочкін, Щодровський 2017, I, 55). В керамических ансамблях поселений залещицкой группы присутствует категория керамики без орнаментации, которая также связана с влиянием керамических традиций этих культур.

Солонченская группа (вариант) представлена памятниками, расположенными в юж-

Рис. 3. Образцы керамики типа «Кукутень С» с поселений этапа BI-II трипольской культуры Среднего Поднепровья: 1-4 - Триполье; 5-12 - Коломийцив Яр.

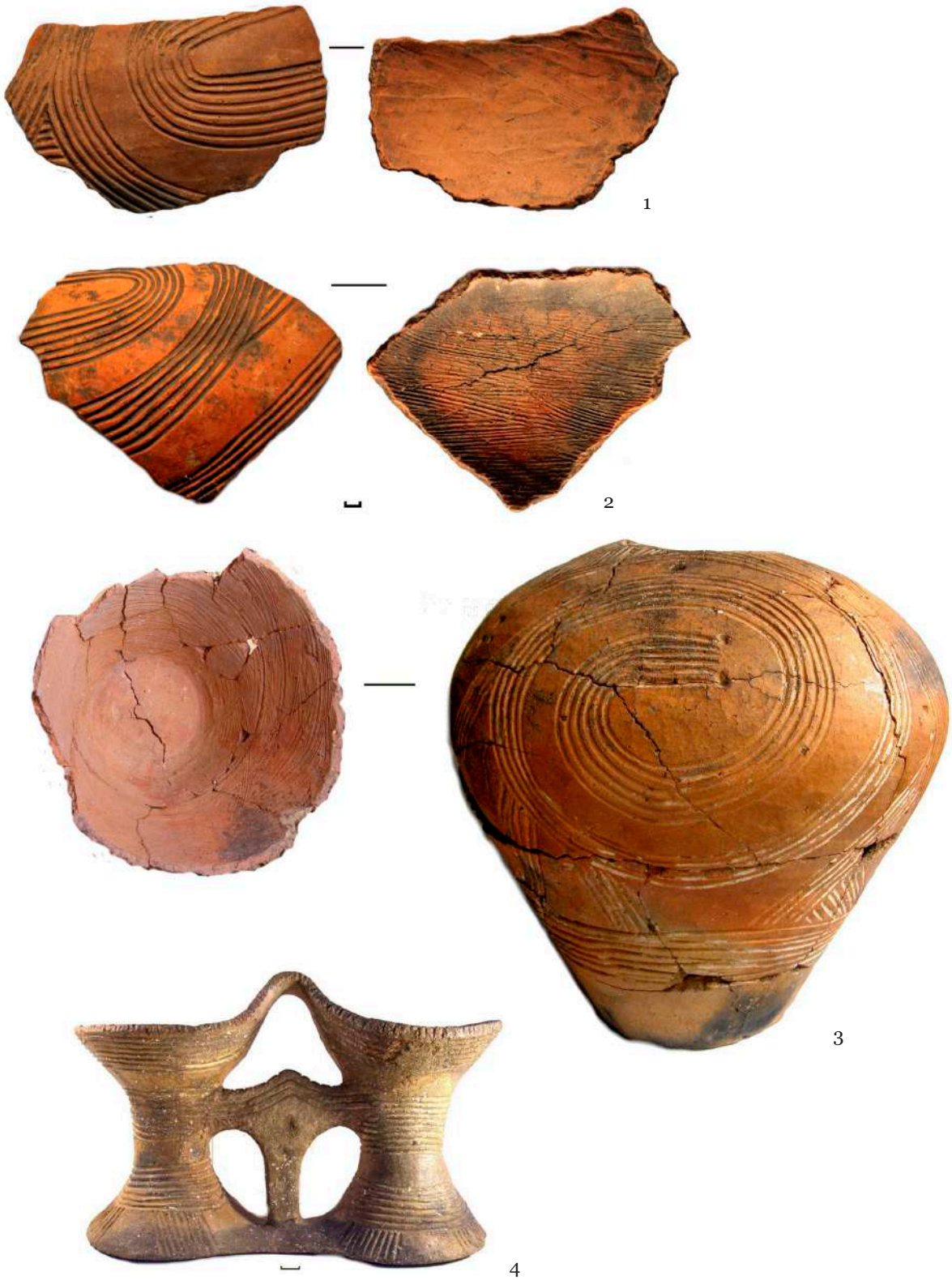


Рис. 4. Образцы трипольской керамики этапа BI-II с поселений Среднего Поднепровья, изготовленные расчесами на внутренней стороне (1-3), а также из глины с примесью толченной раковины (4): 1-3 - Коломийцив Яр; 4 - «культура А», раскопки В. Хвойко.

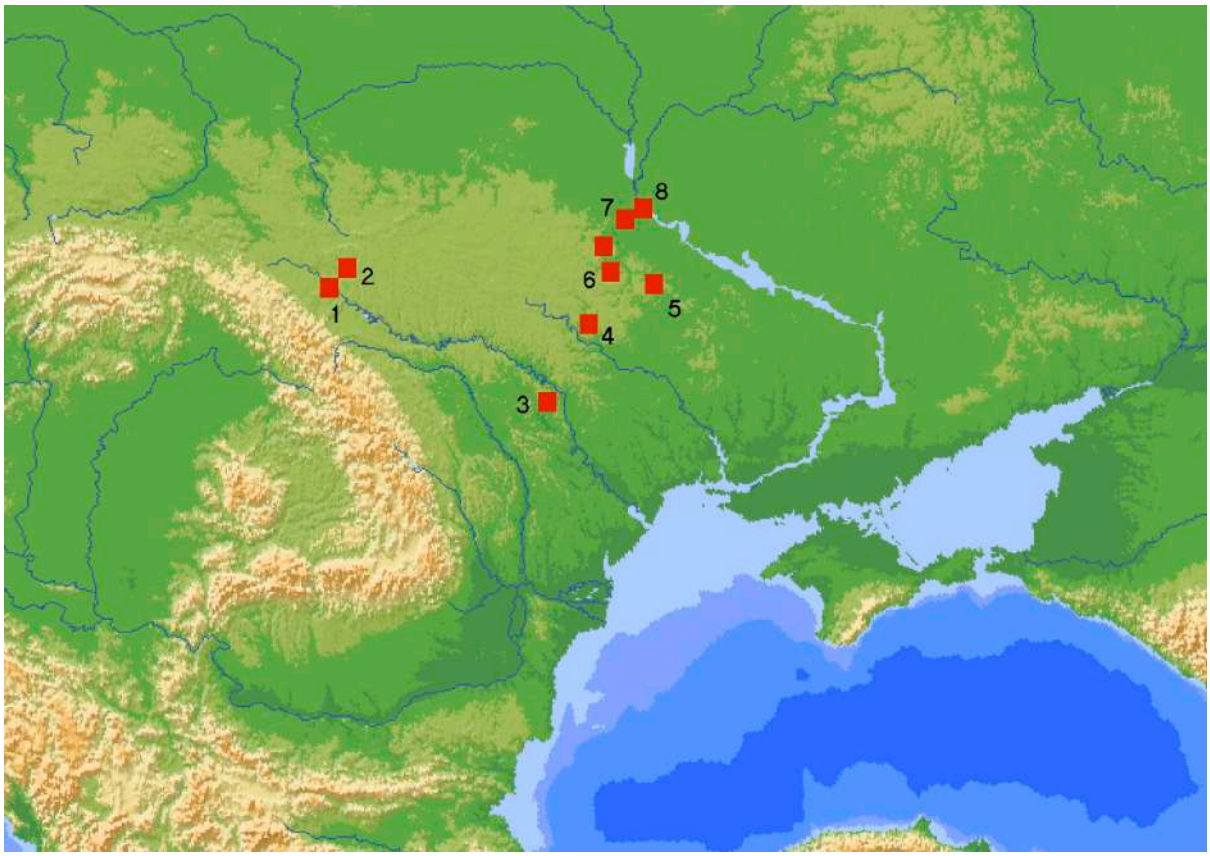


Рис. 5. Памятники трипольской культуры, упомянутые в связи с событиями этапа BI-II трипольской культуры: 1 - Залещики; 3 - Бильче-Золотое-Сад (рядом с пещерой Вертеба); 3 - Солончены; 4 - Клищев; 5 - Веселий Кут; 6 - Мирополье; 7 - Коломийцив Яр; 8 - Триполье.

ной части Среднего Поднестровья (Виноградова 1983, 42-65). Генетической подосновой ее были памятники финала Триполья BI типа Васильевка, Жура. Ранняя фаза – Солончены II, Старый Орхей, средняя фаза – Флорешты-Заготзерно, поздняя – Старые Радуляны, Флорешть 5 (Заец, Рыжов 1992, 137). Среди «кухонной» керамики сосуды из массы с примесью раковины типа Кукутень С составляют 6%, а выполненные в прекукутенской традиции с примесью шамота – 3%.

Памятники типа Клищев выявлены в Среднем Побужье, синхронны поселениям средней фазы залещицкой и солонченской групп Триполья BI-BII Бучач, Блыщанка (Заец, Рыжов 1992, 65, 139, 157). Глиняная масса керамики типа Кукутень С с примесями песка, толченой ракушки, дресвы, шамота. По форме выделяются миски (усечено-конические, полусферические) и горшки нескольких подтипов. Миски с обеих сторон заглажены или покрыты пальцевыми разводами, но только с внешней стороны. Орнаментировались по краю венчика рядом округлых вдавлений. Поверхность горшков заглажена или покрыта расчесами. По краю венчика проходят насечки, вдавления, «жемчужины». Плечики украшены рядами вдавлений, наколов, оттисков мелкозубчатого штампа. Углубленными линиями образованы горизонтальные или волютные ленты. Таким же способом исполнялся узор в виде шеврона или зигзага. Образованные поля заполнялись оттисками ногтя, штампа, косыми штрихами, оттиском торца косточки, пальцевыми вдавлениями.

Памятники типа Биликивци расположены в Среднем Побужье (Гусєв 2004, 49-50). Генезис не установлен, но есть борисовский компонент, включая памятники с левобережья Днестра в районе Могилева-Подольского. Горшки типа Кукутень С украшались «жемчужинами» по верхнему краю венчика, псевдоручками между венчиком и плечиками и лентами зубчатого штампа на плечиках.

Рис. 6. Ареалы распространения охотников-собирателей западных (WHG) и восточных (EHG), а также связанных с ними земледельческих (FA) археологических культур в Европе по соседству с культурным комплексом Кукутень-Триполье.

Пенежково-щербаневская локально-хронологическая группа локализована в междуречье Южного Буга и Днепра, в Среднем Поднепровье. Несмотря на обширность занимаемой территории, отличается достаточно унифицированным керамическим комплексом. Ее происхождение связано с дальнейшей трансформацией памятников борисовского типа. «Кухонная» керамика типа Кукутень С изготовлена с добавлением раковины в формовочную массу. Наиболее широко представлены горшки, встречаются миски. Горшки по плечикам украшены прочерчено-рельефным декором. Фестоны из тонких линий заполнены отпечатками зубчатого штампа или ямками, в центре композиции размещены рельефные выступы. В некоторых случаях по краю венчика расположен ряд «жемчужин».

В Клищеве керамика типа Кукутень С составляет 14-16%. Наиболее широко распространенная форма – широко открытый горшок с отогнутым венчиком. Поверхность таких сосудов часто имеет следы полосчатого сглаживания, вертикального по венчику и горизонтального или хаотичного на тулове. Декор из тонких прочерченных линий, штампа и различных ямок, а также пластические детали расположены на плечиках сосудов. По венчику иногда расположен ряд «жемчужин». В Мирополье «кухонная» типа Кукутень С – 16,3%.

В Среднем Поднепровье пенежково-щербаневская группа представлена эпонимным поселением и другими памятниками «культуры А» В.В. Хвойка (Щербаневка, Веремье), а также вновь открытыми поселениями в бассейне р. Красная Долина, Деревьяна, Коломийцив Яр (Відейко, Бурдо 2007). Грушевидный сосуд со спиральным прочерченным декором найден в искусственной земляной пещере на Смородиновском спуске в Киеве. Он маркирует присутствие общин Триполья BI-BII гораздо севернее р. Красной.

В целом керамический комплекс памятников Поднепровья сохраняет тот же облик, однако качество изготовления сосудов и их декор несколько выше, чем в памятниках буго-дне-

провского междуречья. Характерной чертой керамики из Коломийцева Яра является добавка измельченных раковин в массу части сосудов с прочерченным орнаментом, а также обработка их внутренней поверхности инструментом, оставляющим полосы-расчесы, что характерно для керамики типа Кукутень С.

Подводя итоги, можно сделать следующие наблюдения. Керамика типа «Кукутень С» распространена по всему ареалу Триполья к востоку от Днестра. Меньше всего ее на севере, в залещицкой группе. Данных о керамике «типа Кукутень С» залещицкого варианта немного. Колебания количественных показателей достаточно значительны, от 2,6% в Залещиках до 12% в Крутобородинцах I. По данным Н. М. Виноградовой, кроме наиболее распространенной формы – горшка – из массы с примесью раковины изготовлялись миски, а в Крутобородинцах I также шлемовидные крышки и кубки (Виноградова 1983, 31, 32, рис. 8/14-18). Заметно ее присутствие в солонченской группе (6%). По мнению Н.С. Котовой, ряд сосудов из Солончен с гребенчатым и накольчато-прочерченным орнаментом довольно близок степным сосудам, отличаясь более приземистыми пропорциями (Котова 2006, 128). Ни в одном другом памятнике Триполья В1-В2 не выявлено столько совпадающих черт трипольской и среднестоговской керамики. В Солонченах мы сталкиваемся с беспрецедентным, уникальным для культурного комплекса Триполье-Кукутень случаем такого близкого сходства технологических, стилистических и отчасти морфологических характеристик одной из групп керамического ансамбля с керамикой типа Средний Стог.

В памятниках Кукутень А-В керамика «типа Кукутень С» представлена относительно небольшим количеством находок, отличающихся разнообразием стилистических признаков. Наиболее распространены сосуды, сохраняющие традиционные технологические, морфологические и стилистические признаки предыдущего этапа и находящие аналогии в керамике среднестоговской культуры. К таким признакам относится орнаментация из лент, обрамленных ямками (Mantu 1998, 309, fig. 47/5, 9), отпечатки гребенчатого штампа, расположенные рядами (Petrescu-Dîmboviţa, Văleanu 2004, fig. 227/7). Различные виды штампа, за исключением редко встречаемой в материалах Триполья В1-В2 - Кукутень А-В «гусенички». Оформление поверхности сосудов и горла «расчесами» становится достаточно распространенным приемом этого периода (Mantu 1998, 309, fig. 47). Перечисленные виды оформления сосудов, находящие аналогии в керамике стоговской культуры, сочетаются на керамике Кукутень А-В с различными рельефными деталями, маленькими выпуклыми налепами – жемчужинами, ручками, а также скульптурными выступами (Petrescu-Dîmboviţa, Văleanu 2004, fig. 227/1, 3, 8), которые в дальнейшем получат широкое распространение на сосудах Триполья В 2 - Кукутень В и абсолютно не характерны для стоговских материалов.

При этом количественные показатели керамики типа Кукутень С разнятся не только от поселения к поселению, но иногда и между жилищами в таком памятнике, как Клищев (Заец 1974, 194). На памятниках залещицкого варианта количество керамики с примесью раковины колеблется от 2,6% в Залещиках до 14% в Поливановом Яре II. На памятниках солонченского варианта такой керамики всего 5-6% (Виноградова 1983). В Клищеве в среднем керамика «типа Кукутень С» составляет 26,4% (Заєць 2001, 68). На поселениях биликовского типа (Гусєв 2003, 310-311) керамика с примесью раковины составляет 13,8%. В последовательно сменяющих друг друга поселениях Триполья В1-В2 Буго-Днепровского междуречья Шкаровка, Веселый Кут, Мирополье приблизительно одинаковое количество керамики с примесью раковины в пределах 14-16% (Цвек 1987, 9-10).

Обращает на себя внимание также разнообразие керамики типа «Кукутень С» (Бурдо 2016). Несмотря на то, что все находки так или иначе сравнивают и находят аналоги в материалах памятников среднестоговского круга, вероятно, есть основания задуматься над тем, что с трипольскими группами имели дело разные группы степного населения. Однако, чтобы окончательно решить этот вопрос, нужны как археологические, так и генетические исследования.

Генетические исследования

Идеальным вариантом было бы генетическое исследование останков представителей культурной общности Кукутень-Триполье. Однако даже отдельные захоронения и находки

человеческих костей при раскопках, которые бы датировались интересующим нас периодом, пока что не изучались. Тем не менее, уже опубликованы результаты исследований, которые могут пролить некоторый свет на интересующий нас вопрос. Исследования эти проведены на материалах трипольских (пещера Вертеба), степных (энеолитические погребения в Северо-Западном Причерноморье), а также по ранним земледельцам Европы (Иванова, Никитин 2012; Иванова, Никитин, Киосак 2018; Nikitin et al. 2017; Matheison et al. 2018). Таким образом, мы уже имеем определенные части картины как для Кукутень-Триполья, так и окружающего мира Старой Европы и ее окрестностей.

Прежде всего, есть, пусть и относительно немногочисленные, данные о генетике степного населения Северного Причерноморья эпохи энеолита. Авторы этих исследований рассуждают о миграциях как степного, так и земледельческого населения в обоих направлениях (Иванова, Никитин 2012; Иванова, Никитин, Киосак 2018; Nikitin et al. 2017; и др.). Что важно, речь идет как раз о том районе, из которого могли иметь место миграции населения в северном направлении – в ареал Кукутень-Триполья, о которых говорят археологи на основании изучения керамики.

Что не менее интересно, генетические исследования позволяют приблизительно оценить не только факт, направление, источники, но и масштабы миграций.

Некоторые исследования в области популяционной генетики дали основания утверждать, что в праистории Европы имели место две «*масштабных миграции*»: около 6000 г. до н.э. и между 3000-2500 гг. до н.э. (Matheison et al. 2018). Таким образом, в рассматриваемый нами период между 4500-4000 гг. до н.э. подобные масштабные миграции не выявлены.

Относительно этих данных показательными стали исследования материалов трипольской культуры из пещеры Вертеба (Поднестровье, регион Подолье), датированных IV тыс. до н.э. Здесь не только был определен «степной компонент» – а это охотники-собиратели степей Северного Причерноморья, но и дана его количественная оценка – 3% в генетическом наследии. При этом самые высокие показатели имел индивид, антропологическая характеристика которого соответствовала характеристикам останков из могильников охотников-собирателей Поднепровья (Nikitin et al. 2017). Эти генетические исследования подтверждены также изучением краниологических материалов из Вертебы. Генетические и антропологические исследования также указывают на то, что генетическое наследие охотников-собирателей, живших здесь между 3900-3500 BC, связано как с мужской, так и женской родословными (Потєхіна 2018).

Таким образом, материалы из Вертебы устанавливают тот факт, что в какое-то время, причем до 3900 BC, в здешнюю «трипольскую» популяцию были включены в небольшом количестве представители как мужского, так и женского населения «степных» регионов. Как этот вывод согласуется с заключениями других генетиков о «*масштабной миграции около 6000 г. до н.э.*»? С одной стороны само определение «*около 6000 г. до н.э.*» является достаточно расплывчатым, с другой — следы миграции могут сохраняться весьма долгое время, что и показали исследования материалов из Вертебы. Кроме того, следует, что «масштабная миграция» была направлена не на территорию Подолья (несмотря на благоприятные для развития скотоводства ландшафты), относительно плотно заселенную в те времена земледельцами-трипольцами.

Сопоставление археологических и генетических исследований

Установлено, что между 3900-3500 BC пещеру Вертеба использовало трипольское население, принадлежавшее к шипинецкой локальной группе. Эту группу традиционно выводят из залещицкой группы этапа BI-II (датируемой второй половиной V тыс. до н.э.), материалы которой обнаружены неподалеку пещеры Вертеба, на поселении Бильче-Золотое Сад, в его нижнем горизонте (верхний представлен шипинецкой группой, к которой отнесены материалы из пещеры). Среди них присутствует «кухонная» керамика, но среди нее нет ни одного фрагмента керамики типа «Кукутень С» (Kadrow 2013, 45), которую как раз традиционно и рассматривают в качестве индикатора «степных влияний» на Кукутень-Триполье.

Таким образом, отсутствие керамики со степными традициями в комплексе более ранне-

го, чем останки из Вертебы, поселения как бы противоречит выводам генетических исследований о присутствии здесь потомков степных охотников-собирателей. То есть перед нами тот случай, когда генетики получили результат, недоступный для археологов. Возможно, к тому времени, когда потомки охотников-собирателей достигли этих мест, среди них не было никого, кто бы соблюдал старинные традиции в изготовлении посуды – или же они вообще не были допущены к этому ремеслу. Так или иначе, а в материальной культуре Вертебы степные традиции отражения не нашли.

Представляет интерес то обстоятельство, что группа охотников-собирателей смогла проникнуть так глубоко (а речь идет о почти двух сотнях километров) на территорию, заселенную трипольцами. При этом, чтобы достичь ареала распространения памятников типа Залещиков, им пришлось преодолеть лежавшие южнее земли ареала солонченской, а также, вероятно, и других групп трипольцев. Тем не менее, им это удалось сделать.

При этом с памятников залещицкой группы известно небольшое количество находок керамики типа «Кукутень С», что не противоречит выводу о том, что это первоначально должна была быть относительно немногочисленная группа населения, которая могла быть быстро ассимилирована более многочисленными «трипольцами». Все эти находки сосредоточены ближе к южной границе распространения залещицкой группы.

То обстоятельство, что на «солонченской» территории находок керамики типа «Кукутень С» с чертами степных прототипов известно намного больше, чем на севере, позволяет предположить, что здесь в трипольские общины могло влиться несколько большее количество представителей охотников-собирателей, чем в Верхнем Поднестровье.

Определенный интерес представляет также факт находки на поселении этапа BI-II Бильче-Золотое Сад керамики, которую С. Кадров соотносит с «инспирацией» со стороны культурного комплекса Коджадермен-Гумельница-Караново VI (Kadrow 2013, 45), что совпадает с направлением, с которого теоретически должны были появиться степные охотники-собиратели. С другой стороны, «восточные» охотники-собиратели, как показали генетические исследования, оставили существенный след в популяции самих носителей культурного комплекса Коджадермен-Гумельница-Караново VI (Matheison et al. 2018). Таким образом, еще предстоит разобраться, а не попали ли в эту часть ареала Кукутень-Триполья во второй половине V тыс. до н.э. представители сразу нескольких соседних с Трипольем южных групп населения, как охотники-собиратели, так и земледельцы, или же это было присутствие потомков обеих популяций.

Отметим, что те же керамические материалы как из Бильче-Золотого Сад, так и других поселений залещицкой группы Т. Ткачук рассматривает в качестве импортов и/или влияний со стороны культур Малица и люблинско-волынской, то есть с Северо-Запада и Запада (Ткачук 2018, 61-64, рис. 8, 9, 10 и др.). Наличие этой керамики объясняет присутствие в генетическом материале из Вертебы следов популяций западных охотников-собирателей, принявших участие в формировании упомянутых выше культурных комплексов в гораздо большем количестве – около 14% против 3% от восточных (Потехіна 2018, 32, рис. 5).

То обстоятельство, что «кухонная» керамика шипинецкой группы из Вертебы весьма отдаленно напоминает древние прототипы времен залещицкой группы (Kadrow 2013, pl. 99-108), вполне коррелирует с значительным (несколько веков) временем, разделяющим эти находки. Мы видим, что за такой срок «наследие предков» не было забыто и все еще служило напоминанием о давно минувших событиях, но существенно изменилось.

В целом генетические исследования косвенно подтвердили давние идеи археологов относительно того, что «кухонная керамика» «типа Кукутень С» (точнее, некоторые изделия) вполне может служить для установления факта миграции «степного» населения. Статистика и распространение находок в свою очередь помогают установить территорию, вероятные масштабы, а датировки комплексов, где сделаны находки, – уточнить время событий. Однако наличие компонента восточных охотников-собирателей может быть объяснено также и передвижением земледельческого населения культурного комплекса Коджадермен-Гумельница-Караново VI, о вероятности чего могут свидетельствовать (по определению

С. Кадрова) находки некоторых керамических изделий. Наличие импортов и подражаний керамике соседних земледельческих культур Тисаполгар, Малица, люблинско-волынской коррелирует с результатами генетических исследований.

С другой стороны, генетические исследования, на наш взгляд, подтвердили выводы, сделанные на археологическом материале, относительно весьма скромных масштабов этих миграций и того, что они не имели характера «инвазий» и не могли привести к предполагаемым катастрофическим последствиям по крайней мере для «*мира мирных земледельцев*» в исследуемом регионе, как это представлялось ранее. В то же время изменение состава популяции могло найти отражение не столько в материальной культуре, сколько в языке. По крайней мере, такие выводы делают время от времени, интерпретируя результаты генетических исследований – *«massive migration from the steppe was a source for Indo-European languages in Europe»* (Haak et al. 2015).

Насколько широко возможно распространять выводы, сделанные на столь ограниченном количественно и территориально материале? Предварительно можно сказать, что ситуация с керамикой типа «Кукутень С», датируемой IV тыс. до н.э., аналогична рассмотренной выше практически во всем ареале трипольской культуры вплоть до Днепра, независимо от принадлежности к той или иной локальной группе.

Гораздо больший интерес и возможности представляет изучение ситуации с такой керамикой для второй половины V тыс. до н.э. Тут мы находим определенные как локальные, так и количественные различия. Например, в Среднем Поднепровье (поселения Триполье, Коломийцив Яр) найдено довольно много образцов керамики типа «Кукутень С», а также зафиксировано использование примеси раковины и «степных» приемов отделки поверхности при изготовлении типично трипольской посуды.

Вероятно, в будущем перечисленные выше находки можно будет сопоставить с результатами более масштабных генетических исследований как степного, так и трипольского материала по всей территории от Карпат до Днепра. Возможно, тогда также удастся дифференцировать по группам тех же восточных степных охотников-собирателей, установить их связи с конкретными группами трипольского населения. Таким образом, может быть получен интереснейший материал для восстановления картины миграций и их связи с культурно-историческими изменениями в Восточной Европе второй половины V тыс. до н.э. Именно тех миграций, о которых теперь можно говорить не только на основании изучения археологических материалов.

Библиография

Бурдо 2005: Н.Б. Бурдо, Трипільске населення і оточуючі племена. Моделі взаємодії. В: (Ред. Л.Л. Залізняк) Кам'яна доба України, 7 (Київ: «Шлях» 2005), 177-185.

Бурдо 2016: Н.Б. Бурдо, Керамика «типа Кукутень С» в керамических ансамблях культурного комплекса Кукутень-Триполье. Tyragetia s.n. X/1, 2016, 7-38.

Бурдо 2018: Н.Б. Бурдо, Структура и социальные модели Кукутень А - Триполье В I. Stratum plus 2, 2018, 17-34.

Видейко, Бурдо 2007: М.Ю. Відейко, Н.Б. Бурдо, Рятувальні дослідження в ур. Коломійців Яр між сс. Копачів та Перше Травня Обухівського р-ну Київської обл. В: (Ред. Н.О. Гаврилюк) Археологічні дослідження в Україні 2005-2007 рр. (Київ 2007), 110-114.

Виноградова 1983: Н.М. Виноградова, Племена Днестровско-Прутского междуречья в период расцвета трипольской культуры (Кишинев: Штиинца 1983).

Заец 1974: И.И. Заец, Трипольское поселение Клищев на Южном Буге (В I - В II). СА 4, 1974, 180-200.

Заєць 2001: І.І. Заєць, Трипільська культура на Поділлі (Вінниця: Тезис 2001).

Заец, Рыжов 1992: И.И. Заец, С.Н. Рыжов, Поселение трипольской культуры Клищев на Южном Буге (Киев 1992).

Иванова, Никитин 2012: С.В. Иванова, А.Г. Никитин, Популяционная динамика степных культур энеолита и ранней бронзы с точки зрения археогенетики. Stratum plus 2, 2012, 31-42.

Иванова, Никитин, Киосак 2018: С.В. Иванова, А.Г. Никитин, Д.В. Киосак, Маятниковые миграции в Циркум-Понтийской степи и Центральной Европе в эпоху палеометалла и проблема генезиса ямной культуры. В: (Ред. П.П. Толочко) Археологія і давня історія України, 1 (26) (Київ 2018), 101-146.

Котова 2006: Н.С. Котова, Ранний энеолит степного Поднеповья и Приазовья (Луганск 2006).

Манзура 2000: И.В. Манзура, Владеющие скипетрами. Stratum plus 2, 2000, 237-295.

Манзура 2017: И.В. Манзура, Восточная Европа на заре курганной традиции. В: (Ред. Л.Б. Вишняцкий) Ex Ungue Leonem: Сборник статей к 90-летию Льва Самуиловича Клейна (Санкт-Петербург: Нестор-История 2017), 107-129.

Попова 2003: Т.А. Попова, Многослойное поселение Поливанов Яр. К эволюции трипольской культуры в Среднем Поднестровье (Санкт-Петербург: МАЭ РАН 2003).

Потєхіна 2018: І.Д. Потєхіна, Походження трипільців із печери Вертеба у світлі краніології і археогенетики. Маґістеріум 70. Археологічні студії, 2018, 25-33.

Ткачук 2018: Т.М. Ткачук, Контакти енеолітичних культур та їх локальних груп на територіях Прикарпаття, Західного Поділля і Волині. Матеріали і дослідження з археології Прикарпаття і Волині 22, 2018, 54-90.

Ткачук, Кочкін, Щодровський 2017: Т. Ткачук, І. Кочкін, Р. Щодровський, Багатошарове поселення Більшівці (ур. Кути) на Верхньому Подністров'ї, тт. І-ІІ (Галич - Івано-Франківськ: «Просвіта» 2017).

Цвек 1987: Е.В. Цвек, Трипольская культура междуречья Южною Буга и Днепра: (средний этап). Автореф. дис... канд. ист. наук (Киев 1987).

Шнирельман 1986: В.А. Шнирельман, Первобытная община земледельцев-скотоводов и высших охотников, рыболовов, собирателей. В: (Отв. ред. Ю.В. Бромлей) История первобытного общества. Эпоха первобытной родовой общины (Москва: «Наука» 1986), 236-426.

Haak et al. 2015: W. Haak, I. Lazaridis, N. Patterson, N. Rohland, S. Mallick, B. Llamas, Massive migration from the steppe was a source for Indo-European languages in Europe. Nature 522, 2015, 207-211.

Kadrow 2013: S. Kadrow, Description of "cooking" ceramics of the Tripolye culture. In: (Ed. S. Kadrow) Bilcze Złote. Materials of the Tripolye Culture from the Werteba and the Ogrod sites. Biblioteka Muzeum Archologicznego w Krakowie, tom V, 45-48, tab.99-111 (Krakow 2013), 136-250.

Mantu 1998: C.-M. Mantu, Cultura Cucuteni. Evoluţie, cronologie, legături (Piatra-Neamţ 1998).

Manzura 2005: I. Manzura, Steps to the Steppe: or, how the North Pontic region was colonised. Oxford Journal of Archaeology 24(4), 2005, 313-338.

Matheieson et al. 2018: I. Mathieson, S. Alpaslan-Roodenberg., C. Posth, A. Szécsényi-Nagy, N. Rohland et al., The genomic history of southeastern Europe. Nature, 2018; DOI: 10.1038/nature25778

Nikitin et al. 2017a: A.G. Nikitin, S. Ivanova, D. Kiosak, J. Badgerow, J. Pashnick, Subdivisions of haplogroups U and C encompass mitochondrial DNA lineages of Eneolithic - Early Bronze Age Kurgan populations of western North Pontic steppe. Journal of Human Genetics 62, 2017, 605-613. DOI: 10.1038/jhg.2017.12

Nikitin et al. 2017b: A.G. Nikitin, I. Potekhina, N. Rohland, S. Mallick, D. Reich, M. Lillie, Mitochondrial DNA analysis of eneolithic trypillians from Ukraine reveals neolithic farming genetic roots. *PLoS ONE* 12(2): 0172952. https://doi.org/10.1371/journal.pone.0172952

Petrescu-Dîmboviţa, Vălenu 2004: M. Petrescu-Dîmboviţa, M.-C. Valenu, Cucuteni-Cetăţuie. Monografie arheologică (Piatra-Neamţ 2004).

Tripolie de la Nistru până la Nipru în a doua jumătate a mil. V a. Chr.: colonizarea agrară, invaziile, migraţiile (posibilităţi de cercetare)

Cuvinte-cheie: Cucuteni-Tripolie, ceramică pictată, ceramică „Cucuteni C", paleogenetică, migraţii.

Rezumat: Schimbările care aveau loc în arealul de răspândire a complexului cultural Cucuteni-Tripolie pot fi abordate atât prin aplicarea metodelor tradiţionale de studiere a complexelor ceramice, cât şi prin utilizarea datelor oferite de ştiinţele naturale, inclusiv de paleogenetică. Pentru perioada de răspândire a ceramicii pictate şi de formare a complexului cultural Cucuteni-Tripolie, reconstrucţiile sunt efectuate doar prin prisma interpretării rezultatelor studierii ceramicii, care au demonstrat atât avansarea, cât şi formarea unor grupuri culturale noi de diferite niveluri. În cel de-al doilea caz, evenimentele din ultimul pătrar al mileniului V a. Chr. au fost analizate, apoi verificate atât din perspectiva studierii complexelor ceramice, inclusiv a ceramicii de tipul „Cucuteni C", cât şi a paleogeneticii şi antropologiei.

Compararea rezultatelor a relevat posibilităţile verificării reciproce, precum şi oportunităţile istoriografice unice ale diferitor metode, care au un efect maxim în cazul unei abordări interdisciplinare. În consecinţă, s-a reuşit a compara eficient rezultatele cercetărilor genetice, care au demonstrat pătrunderea în mediul agricultorilor tripolieni a reprezentanţilor populaţiilor de vânători-colectori apuseni şi răsăriteni, parţial legaţi cu alte grupuri de populaţie agricolă, observate în unele cazuri după materialele arheologice.

Lista ilustraţiilor:

Fig. 1. Harta grupurilor şi tipurilor din etapa Tripolie BI. 1-8 - Tipurile şi grupurile de situri cu tradiţii precucutene şi cucutene: 1 - tipul Ruseştii Noi; 2 - tipul Jora de Sus; 3 - tipul Gorodniţa-Gorodişte; 4 - tipul Polivanov Yar III; 5 - grupul Drăguşeni-Putineşti; 6 - tipul Vasilievka; 7 - tipul Jura; 8 - tipul Nezvisko. 9-13 - Tipuri şi grupuri de situri cu tradiţii precucutene: 9 - tipul Luca-Vrublevetskaia; 10 - grupul Borisov; 11 - tipul Tătărăuca Nouă III; 12 - tipul Sabatinovka; 13 - tipul Kormani-Luzhok.

Fig. 2. Harta grupurilor şi tipurilor din etapa Tripolie BI-II. 1 - grupul Zaleščik; 2 - grupul Solonceni; 3 - grupul Penežkov-Šerbanevka; 4 - tipul Kliščev; 5 - tipul Bilikivtsi.

Fig. 3. Mostre de ceramică de tipul „Cucuteni C" din aşezările etapei BI-II a culturii tripoliene de pe Niprul Mijlociu: 1-4 - Tripolie; 5-12 -Kolomiytsiv Yar.

Fig. 4. Mostre de ceramică tripoliană din etapa BI-II din aşezările de pe Niprul Mijlociu, decorată pe partea interioară (1-3), precum şi modelată din argilă cu amestec de scoică pisată (4): 1-3 - Kolomiytsiv Yar; 4 - „cultura A", săpăturile lui V. Hvoyka.

Fig. 5. Situri amintite în legătură cu evenimentele din etapa BI-II a culturii tripoliene: 1 - Zaleščik; 3 - Bilče-Zolotoe-Sad (lângă peştera Verteba); 3 - Solonceni; 4 - Kliščev; 5 - Veseli Kut; 6 -Miropolie; 7 - Kolomiytsiv Yar; 8 - Tripolie.

Fig. 6. Arealurile de răspândire a vânătorilor-colectori din culturile arheologice apusene (WHG) şi răsăritene (EHG), precum şi cele agricole, conexe cu acestea (FA), în Europa, în vecinătate cu complexul cultural Cucuteni-Tripolie.

Trypillia from Dniester to Dnieper in the second half of the 5th mill. BC: farming colonization, invasions, migrations (possibilities of investigations)

Keywords: Cucuteni-Trypillia, painted pottery, Cucuneni C pottery, paleogenetics, migrations.

Abstract: Changes, that have occurred in the area of distribution of the cultural complex Cucuteni-Trypillia can be considered using traditional methods for studying of pottery assemblages, of course, taking into account data from the natural sciences, including paleogenetics. For the period of the spreading of the painted pottery and formation of Cucuteni-Trypillia, reconstructions were carried out before only taking into account the interpretation of the results of ceramic studies, which showed both the progress and the formation of some new cultural groups of various levels. In the second case, the events of the last quarter of 5th mil. BC were examined and then verified using both the study of pottery assemblages, including pottery of the «Cucuteni C» type, paleogenetics and anthropology.

A comparison of the results showed the possibilities of mutual verification, as well as the unique source-study capabilities of various methods that give the greatest effect with an interdisciplinary approach. As a result, it was possible to successfully compare the results of genetic studies that showed the penetration into the communities of Trypillia farmers some amount of representatives of populations related to western and eastern hunter-gatherers, partially connected with other groups of the farming population, indicated in some cases by archaeological materials.

List of illustrations:

Fig. 1. Map of Trypillia BI groups and types. 1-8 - Types and groups with the Precucuteni and Cucuteni traditions: 1 - type Ruseştii Noi; 2 - type Jora de Sus; 3 - type Horodnytza-Gorodysche; 4 - type Polyvaniv Yar III, 5 - group Drăguşeni-Putineşti, 6 - type Vasylivka; 7 - type Jura , 8 - type Nezvysko. 9-13 - Types and groups with the Precucuteni traditions: 9 - type Luka-Vrublevetska; 10 - Borysivka group; 11 - type Tătărăuca Nouă III, 12 - Sabatynivka type, 13 - type Korman-Luzhok.

Fig. 2. Map of Trypillia BI groups and types: 1 - Zaleschyky group; 2 - Soloncheny group; 3 - Peniozkhovo-Scherbanivka group; 4 - Klischiv type; 5 - Bilykivtsi type.

Fig. 3. Samples of "Cucuteni C" pottery from Middle Dnieper region: 1-4 - Trypillia; 5-12 - Kolomyitsiv Yar.

Fig. 4. Samples of pottery from Middle Dnieper region with "steppe type' modelling of surface (1-3) and shells in clay (4). 1-3 - Kolomyitsiv Yar; 4 - "culture A" by V. Khvoika

Fig. 5. Trypillia sites mentioned in relation to situation during Trypillia BI-II stage: 1 - Zalishyky; 2 - Bilche-Zolote Sad (near Verteba Cave); 3 - Soloncheny; 4 - Klischiv; 5 - Veselyj Kut; 6 - Myropillia; 7 - Kolomyitsiv Yar; 8 - Trypillia.

Fig. 6. Distribution of cultures connected with the Western (WHG) and Eastern (EHG) hunters-gathers and connected with them farmers (FA) around Trypillia culture area.

29.02.2020

Д-р хаб. Михаил Видейко, Киевский университет имени Бориса Гринченко, ул. Маршала Тимошенко 13Б, Киев, Украина, https://orcid.org/0000-0002-8708-0749, e-mail: my.videiko@kubg.edu.ua

Д-р Наталья Бурдо, Институт археологии, Национальная Академия наук Украины, проспект Героев Сталинграда, 12, 04210 Киев, Украина, https://orcid.org/0000-0003-4873-5092, e-mail: nbburdo@gmail.com

FIBULE DIN FIER DE SCHEMĂ LA TÈNE TIMPURIU DESCOPERITE PE TERITORIUL REPUBLICII MOLDOVA

Octavian Munteanu, Mihail Băţ, Aurel Zanoci

Cuvinte-cheie: fibule, schema La Tène timpuriu, Nistru Mijlociu, fortificaţii getice, morminte „scitice târzii”, celţi.

Preambul

Studiul de faţă va aduce în prim-planul discuţiilor un tip de artefacte a căror importanţă în procesul analitic al vestigiilor arheologice este greu de subestimat, dar care, cu părere de rău, nu a fost valorificat la justa valoare de către cercetători. Astfel, în literatura de specialitate nu există nicio lucrare dedicată fibulelor din epoca fierului, ce au fost descoperite pe teritoriul actual al Republicii Moldova. Mai mult, chiar şi atunci când unele exemplare au fost introduse în circuitul ştiinţific, publicarea lor s-a făcut foarte sumar, de cele mai multe ori fără o prezentare clară şi exactă a contextului, iar imaginile ce însoţesc textele lacunare, de cele mai multe ori, nu sunt suficient de explicite pentru o analiză detaliată.

Pornind de la o astfel de situaţie, studiul de faţă este îndreptăţit să declanşeze procedura de lichidare a acestui handicap istoriografic prin prezentarea unei imagini actualizate a fibulelor descoperite în spaţiul pruto-nistrean. Pentru a oferi o imagine cât mai completă, dar şi cât mai inteligibilă, am decis să abordăm descoperirile în mod diferenţiat, în dependenţă de materia primă din care sunt realizate. La această etapă, în vizorul nostru au ajuns exemplarele realizate din fier de schemă La Tène timpuriu, delimitându-se un lot constituit din 12 fibule (fig. 2), majoritatea dintre ele fiind descoperite în incintele fortificaţiilor getice de pe malul Nistrului (fig. 1).

Aşa cum se întâmplă în multe alte situaţii legate de descoperirile fibulelor, gradul de conservare al pieselor nu este tocmai cel dorit. Numărul fibulelor întregi este relativ mic, iar cele păstrate fragmentar creează suficiente impedimente în posibilităţile de clasificare. În pofida acestor circumstanţe, a fost elaborat un catalog al fibulelor de schemă La Tène timpuriu, în baza căruia au fost identificate principalele analogii atât din spaţiile limitrofe – România şi Ucraina, cât şi din Europa Centrală – leagănul civilizaţiei celtice. De asemenea, am ţinut să urmărim reperele cronologice pentru analogiile existente (mai apropiate din punct de vedere teritorial sau mai îndepărtate), precum şi aprecierea cadrului cronologic pentru descoperirile din spaţiul pruto-nistrean. Evident, pentru anumite fibule, acolo unde situaţia este mai clară, analizele au fost mai extinse şi mai exacte, iar în situaţiile mai incerte, prezentările au fost mai sumare. Totodată, ne-am propus să urmărim căile şi modalităţile prin care aceste fibule au ajuns în spaţiul pruto-nistrean şi, acolo unde e posibil, să întrezărim fenomenele şi procesele care au stat în spatele respectivelor circuite de artefacte.

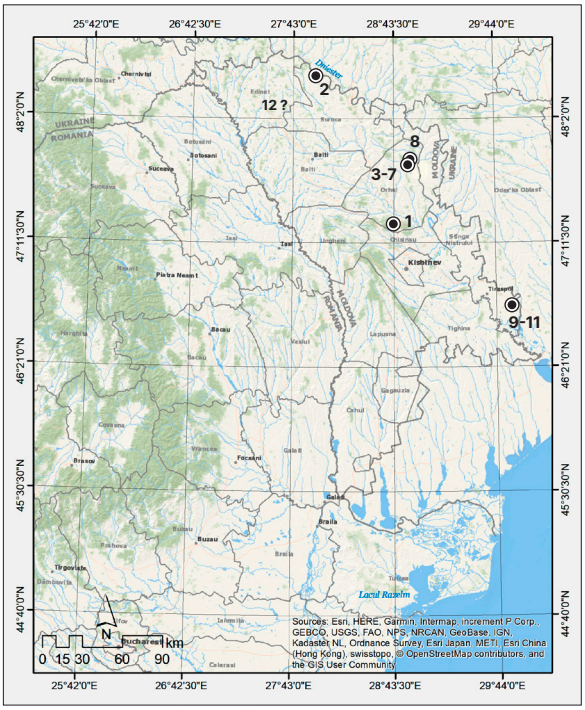


Fig. 1. Răspândirea fibulelor din fier de schemă La Tène timpuriu pe teritoriul Republicii Moldova: 1 - Mana III; 2 - Rudi „La Şanţuri; 3-7 - Saharna Mare; 8 - Saharna Mică; 9-11 - Hlinaia (Glinoe); 12 - probabil, zona de nord a Republicii Moldova (numerele corespund catalogului).

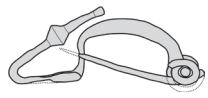
Nr.	Sit	Context	Adâncime	Ilustrație (scări diferite)
1.	**Mana III**	Săpătură neautorizată	La suprafața solului (?)	*
2.	**Rudi „La Șanțuri”**	Stratul cultural	0,64 m	*
3.	**Saharna Mare**	Construcția 1/2012	0,40 m	 *
4.		Stratul cultural (din proximitatea construcției 1/2012)	0,58 m	*
5.		Construcția 3/2017-2019	0,76 m	*
6.		Stratul cultural (din proximitatea construcției 3/2017-2019)	0,10 m	*
7.		Incinta bastionului nr. 2	0,40 m	*
8.	**Saharna Mică**	Stratul cultural	0,26 m	*
9.	**Hlinaia (Glinoe)**	Mormântul 51/1	-	**
10.		Mormântul 116/1	-	**
11.		Mormântul 116/1	-	**
12.	**Republica Moldova, probabil zona de nord**	?	-	***
* - desene după original; ** - desene după Тельнов, Четвериков, Синика 2016 și Синика, Тельнов 2018; *** - desen după fotografie.				

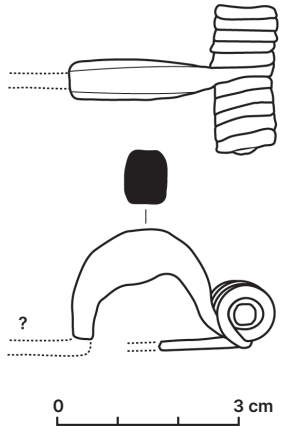
Fig. 2. Fibule de schemă La Tène timpuriu descoperite pe teritoriul Republicii Moldova.

Catalogul descoperirilor: contexte și caracteristici

Mana III, raionul Orhei

Fortificație cu suprafața de cca 0,18 ha, amplasată pe un promontoriu, apărată pe laturile de sud și de nord prin intermediul unor valuri cu șanțuri adiacente (Zanoci et al. 2015, 210, fig. 3). Ca urmare a unor intervenții neautorizate în situl Mana III, detectoriștii[1] au semnalat: o brățară din fier, o fibulă circulară (Ringfibeln) din fier și un

[1] Persoana în cauză ne-a informat că fibulele au fost recuperate din incinta cetății de la suprafața solului, iar brățara – de pe fundul canionului din preajma sitului. Donatorul menționează și un cuțit din fier cu lama curbată care, spre regretul nostru, nu a putut fi recuperat. De asemenea, în partea de sud a fortificației a fost descoperit un mormânt de incinerație într-o situlă din bronz, atribuit culturii Poienești-Lucașeuca (Tentiuc, Bubulici, Simalcsik 2015, 221-248).



1

2

Fig. 3. Mana III. Fibulă din fier, cat. nr. 1 (1 - după Munteanu, Băţ, Zanoci 2020; 2 - după Zanoci et al. 2015).

fragment de fibulă din fier de tip Dux (fig. 3/1, 2). Ulterior, prin cercetările noastre de suprafaţă[2], realizate în incintă, au fost descoperite fragmente de ceramică modelată cu mâna, atribuită comunităţilor getice din sec. IV-III a. Chr., precum şi fragmente de amfore greceşti (Zanoci et al. 2015, 211, fig. 4/1-7, fig. 5).

1. Fibulă din fier (fig. 3), descoperită pe suprafaţa cetăţii. S-a păstrat arcul, resortul şi un fragment de ac. Portagrafa, piciorul şi o parte din ac lipsesc. Piesa are resortul bilateral cu coardă exterioară. Este de dimensiuni mici, lungimea maximă a părţii recuperate fiind de 3,8 cm. Arcul este puternic boltit (lungimea – 2,2 cm şi înălţimea – 1,7 cm), îngroşat şi uşor lăţit în partea centrală, având formă quasi-rectangulară în secţiune, cu dimensiunile de 0,9×0,7 cm. Pe arc pot fi deslușite uşoare faţetări longitudinale, însă gradul de corodare nu oferă certitudini. Resortul bilateral este compus din zece spire (câte cinci de fiecare parte) cu coarda exterioară (cu ax din fier). Spirele au diametrul de 1,0 cm şi grosimea de cca 0,2 cm. Acul este filiform, fiind păstrat pe o lungime de doar 1,3 cm.

Bibliografie: Zanoci et al. 2015, 212, fig. 5/1, 2; Munteanu, Băţ, Zanoci 2020, 336, fig. 3/3.

[2] Cercetări de suprafaţă, realizate de către A. Zanoci, O. Munteanu, I. Tentiuc şi V. Bubulici în anul 2015.

Rudi „La Şanţuri", raionul Soroca

Fortificaţie[3] cu suprafaţa de cca 15 ha, amplasată pe un promontoriu de formă triunghiulară cu altitudinea relativă de cca 120-130 m, delimitat la nord - nord-est de malul abrupt al Nistrului, iar la sud - sud-est – de un defileu. Pe latura accesibilă (de vest) au fost amenajate patru linii defensive, ce constau din valuri cu şanţuri adiacente. În partea de nord-vest, în faţa valului exterior, vizavi de poarta de intrare, a fost edificat un bastion de formă semicirculară. Un alt bastion a fost ridicat în preajma porţii centrale. În incintă au fost cercetate mai multe structuri arheologice, care se încadrează în sec. IV-III a. Chr. şi sec. II a. Chr. - I p. Chr. Ca urmare a investigaţiilor arheologice, în incintă au fost descoperite două fibule de schemă La Tène timpuriu: una din bronz (Романовская 1971a, 8-9, fig. 41; Романовская 1971b, 358-359; Лапушнян, Никулицэ, Романовская 1974, fig. 34/1; Топал 2012, 169, fig. 2/1; Munteanu, Băţ, Zanoci 2020, 337-338, fig. 3/4) şi una din fier.

[3] Investigaţii arheologice au fost efectuate în anul 1969 de către Gh. Feodorov, în anii 1970-1976 de către M. Romanovskaia (Романовская 1971b; Лапушнян, Романовская 1972; Романовская 1973; Массленников, Романовская, Юшко 1974; Романовская 1975a; Романовская 1975b, 29-31; Романовская 1976; Романовская и др. 1977; Романовская, Шелов-Коведяев, Щеглов 1981, 121-123) şi în anii 1995-2002 de către M. Tcaciuc (Tcaciuc, Zasâpchin 2000, 101-112).

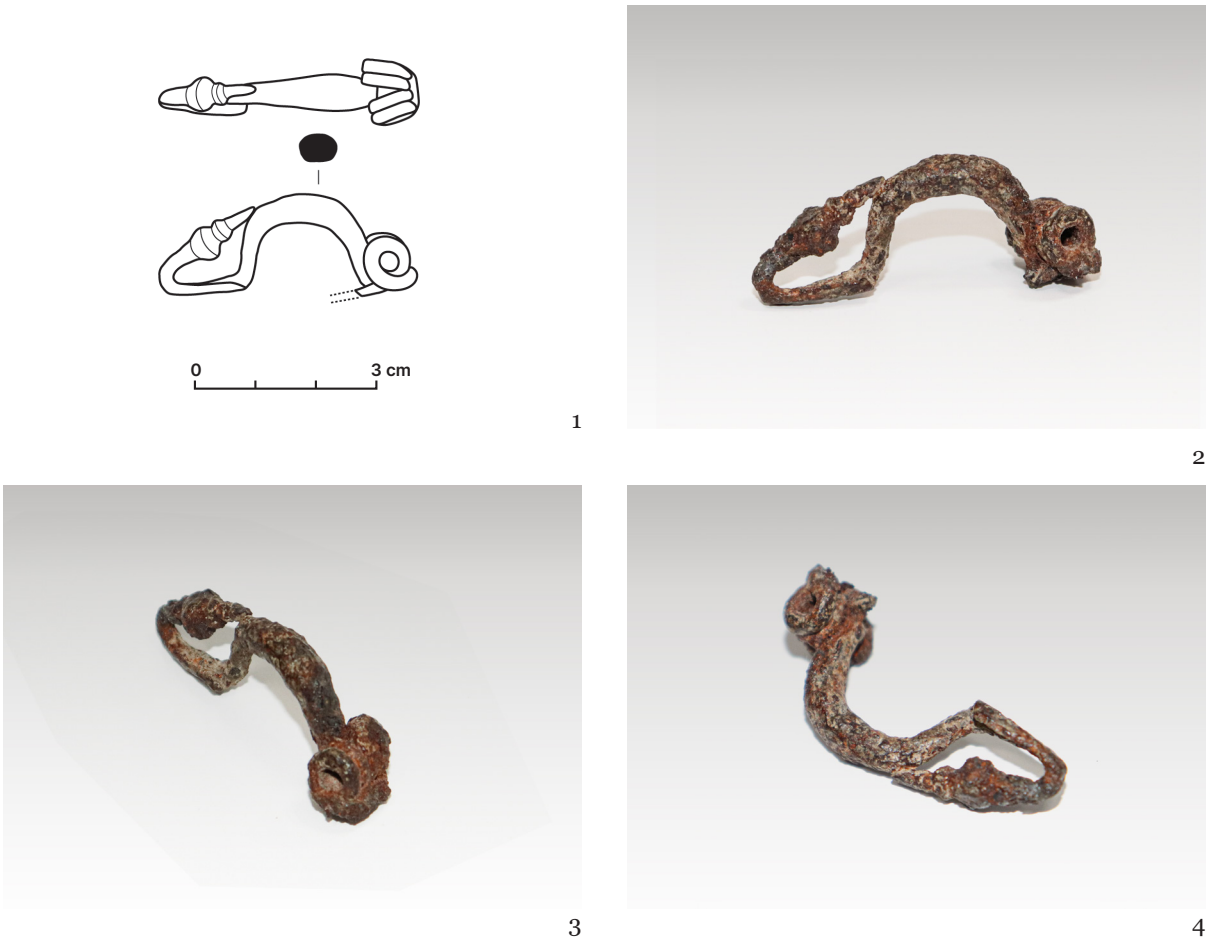


Fig. 4. Rudi „La Șanțuri". Fibulă din fier, cat. nr. 2 (desen și foto M. Băț).

2. Fibulă din fier[4] (fig. 4), descoperită în secținea nr. 6, la adâncimea de 0,64 m. S-a păstrat aproape întreagă (lipsește doar acul). Piesa are resortul bilateral cu coarda exterioară și este de dimensiuni relativ mici, lungimea maximă fiind de 4,3 cm. Arcul are boltire proporțională, cu aspect de semicerc (lungimea – 2 cm și înălțimea – 2,15 cm). Corpul arcului este ușor îngroșat și lățit, lățimea maximă fiind înregistrată în partea centrală. Partea inferioară a arcului este aplatizată, iar cea superioară – rotunjită, cu tendință de îngustare, având formă quasi-piramidală în secțiune, cu dimensiunile de 0,5-0,6 cm. Resortul bilateral este compus din patru spire (câte două de fiecare parte), cu coarda exterioară (fără ax). Piciorul filiform este relativ scurt, având grosimea de 0,3 cm. După ce a format portagrafa cu lungimea de 0,8 cm și lățimea maximală de 0,4 cm, se extinde puțin în linie dreaptă, după care se întoarce spre arc sub un unghi de cca 45 de grade, piciorul rămânând liber și continuând să se apropie de arc până la umărul acestuia. Piciorul este decorat cu o sferă de dimensiuni mici, ușor alungită (aproape bitronconică), precedată de o îngroșare. Sfera are dimensiunile de 0,55×0,4 cm. Urmează o nodozitate cu dimensiuni mai reduse decât sfera. Resortul are lățimea de 1,6 cm, iar spirele lui au diametrul de 0,8 cm și grosimea de cca 0,3 cm.

Bibliografie: Романовская и др. 1977, 460. Desen, foto și descriere inedite.

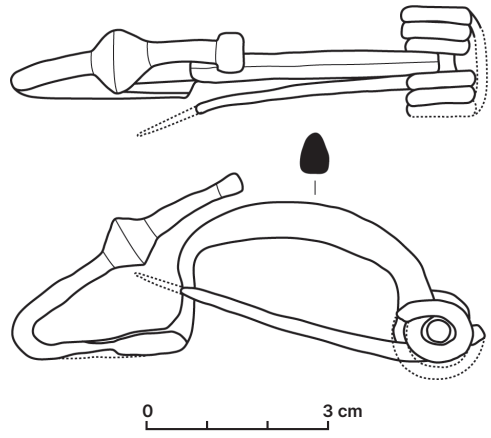
[4] Unica informație publicată despre această fibulă vine dintr-un scurt raport tehnic (Романовская и др. 1977, 460), din care se poate deduce că ea a fost descoperită în campania din anul 1976, în secțiunea nr. 6, și că era confecționată din fier, având buton la capăt. Recent, în urma prelucrării colecției de artefacte din situl Rudi „La Șanțuri", păstrată în fondurile Muzeului Național de Istorie a Moldovei (Chișinău), colegul dr. Denis Topal a identificat această piesă și ne-a oferit-o cu amabilitate pentru a fi publicată, pentru care îi aducem sincerele noastre mulțumiri și pe această cale. Cu regret, în arhiva muzeului nu s-a păstrat raportul de săpătură (campania 1976) de la Rudi „La Șanțuri", fapt care nu ne permite să avem mai multe detalii cu privire la contextul descoperirii acestei fibule.

Saharna Mare, raionul Rezina

Fortificaţie[5] amplasată pe un promontoriu de formă aproximativ trapezoidală, ce face parte din terasa înaltă (altitudinea de cca 130 m faţă de albia râului) a malului drept al Nistrului. Incinta cetăţii, cu suprafaţa de cca 6 ha, a fost înconjurată cu un sistem defensiv, compus din mai multe elemente de apărare. Pe latura de vest a fost edificat un „zid" din lemn, pământ şi piatră, cu şanţ adiacent, în faţa căruia au fost amenajate trei bastioane semicirculare. Laturile de nord, est şi sud au fost apărate cu un „zid" similar, doar că de proporţii mai mici. Un bastion analog a fost atestat şi pe segmentul de nord al fortificaţiei, în preajma porţii de intrare de pe această latură. Sistemul defensiv, conform materialelor descoperite, se încadrează în a doua jumătate a sec. IV - sec. III a. Chr. (Niculiţă, Zanoci, Arnăut 2008, 89-99, pl. 5-7, foto 13-26; Niculiţă, Zanoci, Băţ 2016, 155-171, fig. 103-114).

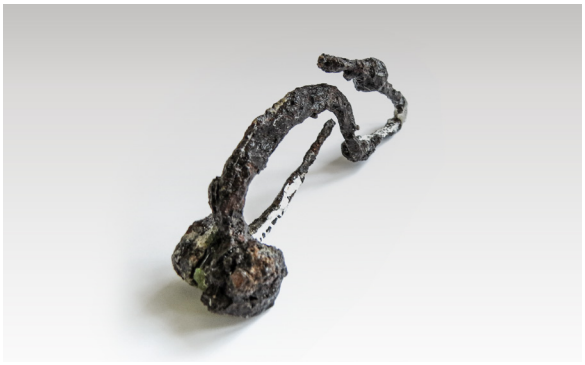
În urma cercetărilor arheologice, în incinta fortificaţiei au fost descoperite vestigiile mai multor locuinţe, construcţii auxiliare, gropi menajere, precum şi un bogat şi variat material arheologic, printre care se evidenţiază cinci fibule de schemă La Tène timpuriu – două întregi şi trei fragmentare.

3. Fibulă din fier (fig. 5/1-4), descoperită în Construcţia 5 (1/2012), la adâncimea de cca 0,4 m (fig. 10/1)[6]. S-a păstrat aproape întreagă (lipseşte doar vârful acului, o spiră şi coarda aproape în întregime). Piesa are resortul bilateral cu coarda exterioară şi este de dimensiuni medii, lungimea maximă fiind de 7,9 cm. Arcul este bine boltit, cu aspect de semicerc, uşor asimetric (partea dinspre portagrafă coborând sub un unghi de aproape 90 de grade în raport cu aceasta: lungimea – 3,3 cm şi înălţimea – 2,5 cm). Corpul arcului este uşor îngroşat, având formă quasi-piramidală în secţiune (partea mai îngustă fiind spre exterior), cu dimensiunile de 0,5-0,75 cm. Piesa



1

2



3

4

Fig. 5. Saharna Mare. Fibulă din fier, cat. nr. 3 (1 - după Munteanu, Băţ, Zanoci 2020; 2-4 - foto M. Băţ).

[5] Situl a fost descoperit şi cercetat prin investigaţii arheologice în anul 1946 de către G. Smirnov (Смирнов 1949a). În anii 2001-2019 cercetări arheologice au fost realizate de către colaboratorii Universităţii de Stat din Moldova (Niculiţă, Zanoci, Arnăut 2008, 69-150, fig. 68-159; Niculiţă, Zanoci, Băţ 2016, 19-248; Niculiţă et al. 2019; ş.a.).

[6] În publicaţiile anterioare s-a considerat că este vorba despre fragmente de la două fibule (Niculiţă et al. 2013, 282, fig. 51/6, 7; Niculiţă, Zanoci, Băţ 2016, 412, fig. 151/7, 8), care proveneau din stratul cultural. În urma restaurării piesei şi a verificării contextului descoperirii s-a constatat că, de fapt, fragmentele sunt de la una şi aceeaşi piesă, care provenea din Construcţia 1/2012.

are resortul bilateral cu coarda exterioară care lipsește aproape în întregime (cu ax din fier). Piciorul filiform este relativ lung. După ce a format portagrafa cu lungimea de 1,2 cm, se extinde în linie dreaptă, apoi se întoarce spre arc sub un unghi de cca 45 de grade, rămânând liber și continuând să se apropie de arc până dincolo de curbura acestuia (piciorul depășește arcul cu circa un sfert din toată lungimea acestuia). În drept cu curbura arcului, piciorul este decorat cu o sferă de dimensiuni mici, ușor alungită (aproape bitronconică). Capătul piciorului este lățit, având forma bilobată. Resortul bilateral este compus din șase spire (câte trei de fiecare parte) care au diametrul de 1,1-1,2 cm și grosimea de cca 0,3 cm. Acul este filiform, având capătul rupt (partea conservată – 4,3 cm).

Deopotrivă cu fibula, din construcție provin: o fusaiolă, o rondelă, un pandantiv din scoică, 364 de fragmente de ceramică modelată cu mâna (fig. 16/1-12; Niculiță, Zanoci, Băț 2016, 176-179, fig. 120-122) și nouă fragmente de amforă, printre care și un fragment al unui recipient de Chersones, datat cu ultimul sfert al sec. IV - prima treime a sec. III a. Chr. (Mateevici 2016, 240, fig. 167/11).

Bibliografie: Niculiță et al. 2013, 282, fig. 51/6, 7; Niculiță, Zanoci, Băț 2016, 412, fig. 151/7, 8; Munteanu, Băț, Zanoci 2020, 338, fig. 4/1.

4. Fibulă din fier (fig. 6), descoperită în stratul cultural, în preajma Construcției 5 (1/2012), la adâncimea de 0,58 m (fig. 10/1). S-a păstrat doar fragmentul piciorului care este puternic corodat. Acesta este filiform, rămânând liber, neataşat de arc. Este decorat cu o sferă alungită (bitronconică). Capătul piciorului este extrem de corodat și nu ne oferă o imagine clară. Dispunând doar de acest fragment, nu avem temei suficient pentru a atribui respectivul artefact la vreun tip anume, dar menționăm asemănările fidele cu exemplarul descris mai sus (cat. nr. 3) și atenționăm că ambele piese au fost descoperite la distanță mică una de alta.

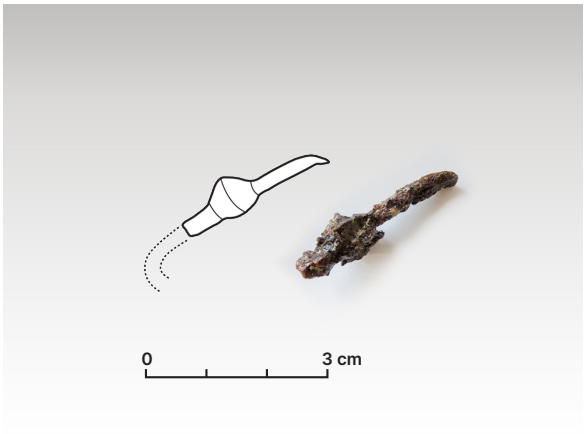


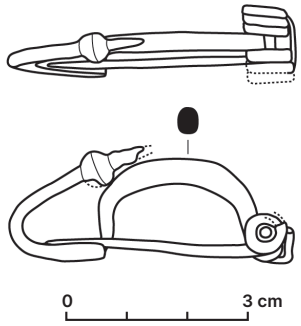
Fig. 6. Saharna Mare. Fibulă din fier, cat. nr. 4
(1 - după Munteanu, Băț, Zanoci 2020; 2 - foto M. Băț).

Bibliografie: Niculiță et al. 2013, 282, fig. 51/8; Niculiță, Zanoci, Băț 2016, 412, fig. 151/9; Munteanu, Băț, Zanoci 2020, 339, fig. 4/4.

5. Fibulă din fier (fig. 7/1-4), descoperită în construcția 3/2017-2019, la adâncimea de 0,76 m (fig. 10/2). Păstrată aproape integral (deteriorate două spire și sfera decorativă de pe picior), piesa are resortul bilateral cu coarda exterioară și este de dimensiuni mici, lungimea maximă fiind de 4,75 cm. Arcul este bine boltit, cu aspect de semicerc ușor asimetric (partea dinspre portagrafă coborând sub un unghi de aproape 90 de grade în raport cu aceasta: lungimea – 2,3 cm și înălțimea – 1,5 cm). Corpul arcului este ușor îngroșat, având formă elipsoidală în secțiune, cu dimensiunile de 0,45-0,30 cm. Resortul bilateral este compus din șase spire (câte trei de fiecare parte, două fiind lipsă), cu coarda exterioară (cu ax incorporat). Spirele au diametrul de 0,6 cm și grosimea de cca 0,15-0,20 cm. Piciorul filiform este relativ scurt. După ce a format portagrafa cu lungimea de 0,9 cm, piciorul se întoarce spre arc, sub un unghi de cca 45 de grade în raport cu portagrafa, rămânând liber. În drept cu curbura arcului, piciorul este decorat cu o sferă de dimensiuni mici (ușor deteriorată), continuând să se apropie de arc până dincolo de curbura acestuia (piciorul depășește arcul cu circa un sfert din toată lungimea acestuia). Capătul piciorului, după sfera decorativă, se îngustează treptat, având lungimea de 0,65 cm. Acul este filiform și are lungimea de 3,4 cm.

Printre ruinele construcției au mai fost descoperite: un fragment de fibulă circulară (Ringfibeln, fig. 17/11), opt vârfuri de săgeți din bronz, 456 fragmente de ceramică modelată cu mâna, precum și alte materiale arheologice, care se încadrează în tradiționalul set de descoperiri, atribuit culturii getice (fig. 17/1-27; Niculiță et al. 2019, 280, fig. 29-36).

Bibliografie: Niculiță et al. 2019, 308, fig. 29/14; Munteanu, Băț, Zanoci 2020, 340, fig. 4/2.



1

2

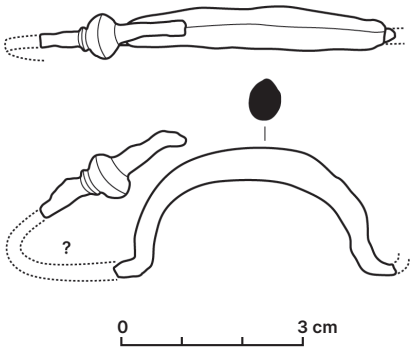
3

4

Fig. 7. Saharna Mare. Fibulă din fier, cat. nr. 5 (1 - după Munteanu, Băţ, Zanoci 2020; 2-4 - foto M. Băţ).

6. Fibulă din fier (fig. 8/1, 2), descoperită în stratul cultural la adâncimea de 0,1 m. S-a păstrat doar arcul și un fragment de picior. Arcul este în formă de toartă de coș, destul de arcuit (lungimea – 3,5 cm și înălțimea – 2,0 cm), cu secțiune elipsoidală ce are dimensiunile de 0,55×0,65 cm. Configurația arcului în partea dinspre resort sugerează că acesta este bilateral. Portagrafa și partea piciorului din imediata ei apropiere lipsesc. S-a păstrat doar vârful acestuia, care sugerează clar că piciorul rămânea liber, fapt confirmat și de lipsa oricăror intervenții pe suprafața arcului. Piciorul era decorat cu o sferă aplatizată, de dimensiuni mici (0,9×0,4 cm), delimitată din din partea inferioară de un „guler" de dimensiuni reduse. Vârful piciorului se îngusta treptat.

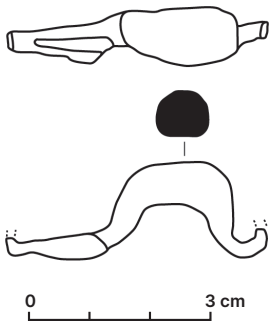
Bibliografie: Munteanu, Băţ, Zanoci 2020, 340-341, fig. 4/3.



1

2

Fig. 8. Saharna Mare. Fibulă din fier, cat. nr. 6 (1 - după Munteanu, Băţ, Zanoci 2020; 2 - foto M. Băţ).



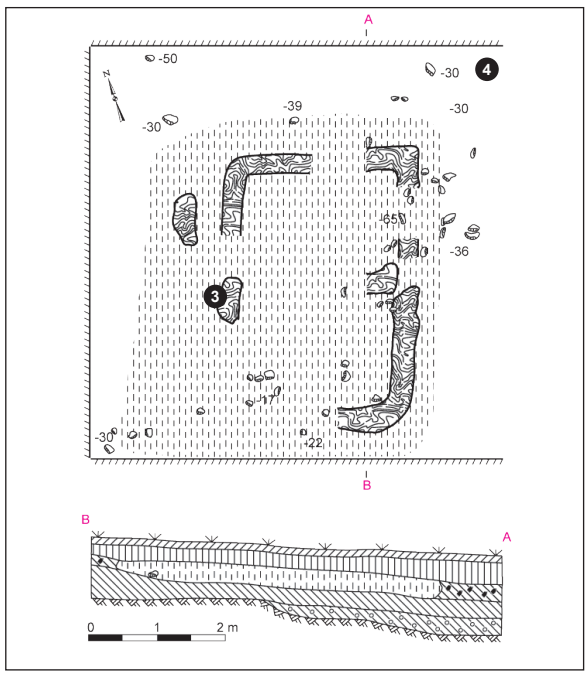
1 2

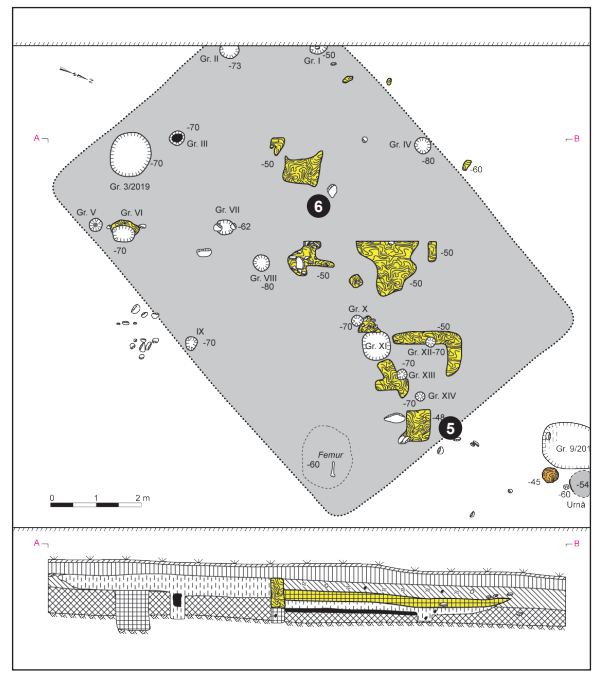
Fig. 9. Saharna Mare. Fibulă din fier, cat. nr. 7 (1 - după Munteanu, Băţ, Zanoci 2020; 2 - foto M. Băţ).

7. Fibulă din fier (fig. 9/1, 2), descoperită în incinta bastionului nr. 2, la adâncimea de 0,4 m. S-a păstrat parţial: arcul şi portagrafa. Resortul, acul şi partea superioară a piciorului lipsesc. Are dimensiuni medii, lungimea maximă a părţii recuperate fiind de 4,6 cm. Arcul este puternic boltit (lungimea – 1,7 cm; înălţimea – 1,6 cm), îngroşat şi lăţit în partea centrală, având formă quasi-rectangulară în secţiune, cu dimensiunile de 0,9×0,7 cm. Configuraţia arcului în partea dinspre resort sugerează că acesta este bilateral. Portagrafa este destul de lungă, având 1,35 cm.

Deopotrivă cu fibula, din incinta bastionului au mai fost recuperate: cinci fusaiole, un vârf de săgeată din bronz cu trei aripioare, o spatulă, un creuzet, un cui din fier, un piron din bronz şi numeroase fragmente de ceramică traco-getică (fig. 18/1-14; Niculiţă, Zanoci, Băţ 2016, 163, fig. 106/1-3, 6, 9-13, 14; fig. 108).

Bibliografie: Niculiţă et al. 2013, 226, fig. 15/4; Niculiţă, Zanoci, Băţ 2016, 412, fig. 106/4; Munteanu, Băţ, Zanoci 2020, 341, fig. 4/5.





1 2

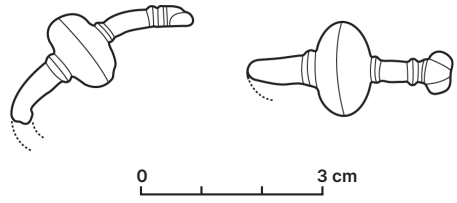
Fig. 10. Saharna Mare: 1 - Construcţia nr. 1/2012 cu marcarea locului descoperirii fibulelor cat. nr. 3-4; 2 - Construcţia nr. 3/2017-2019 cu marcarea locului descoperirii fibulelor cat. nr. 5-6 (1 - după Niculiţă, Zanoci, Băţ 2016; 2 - după Niculiţă et al. 2019).

Saharna Mică, raionul Rezina

Fortificaţia[7], cu suprafaţa de cca 0,7 ha, este amplasată pe un promontoriu cu altitudinea de cca 125 m faţă de albia Nistrului, format de curbura malului stâng al defileului „Valea Crac". Pe laturile de vest, sud şi est ea era protejată de versanţii abrupţi, aproape inaccesibili, ai promontoriului. Unica parte accesibilă, cea de nord, a fost barată cu un „zid" din lemn, pământ şi piatră, în faţa căruia a fost săpat un şanţ de apărare. Aproximativ în partea centrală a liniei defensive, în dreptul porţii de intrare, în faţa şanţului, a fost edificat un bastion de formă semicirculară. Un alt bastion a fost construit în faţa liniei de apărare, pe latura de nord-est, cea mai expusă în cazul unor atacuri dinspre nord şi est (Niculiţă, Zanoci, Arnăut 2008, 24-28, fig. 2; Niculiţă et al. 2016, 268-270, fig. 169, 184).

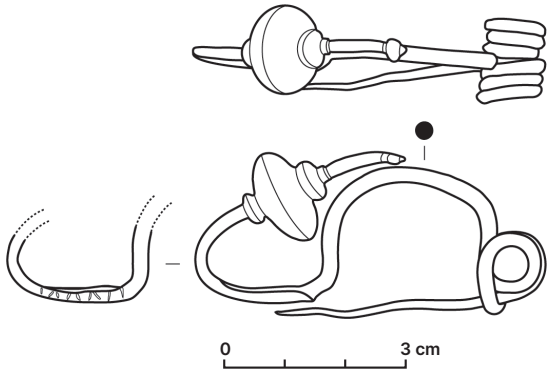
Ca urmare a cercetărilor arheologice, în incinta fortificaţiei au fost atestate şase construcţii de suprafaţă, un bordei, numeroase gropi menajere, precum şi un bogat şi variat inventar arheologic (Niculiţă, Zanoci, Arnăut 2008, 28-46, fig. 12-31; Niculiţă et al. 2016, 270-299, fig. 185-211). Printre piesele descoperite se remarcă trei fibule de schemă La Tène timpuriu – două întregi, confecţionate din bronz[8] şi un fragment de la o piesă lucrată din fier.

8. Fibulă din fier, placată cu bronz (?) (fig. 11/1, 2), atestată în stratul cultural, la adâncimea de 0,26 m. A fost descoperit doar capătul piciorului. Acesta este, practic, identic cu piciorul fibulei de bronz ce a fost descoperită în acelaşi sit (fig. 11/3, 4) – picior filiform decorat cu o sferă aplatizată de dimensiuni mari (1,5×0,9 cm). Sfera este delimitată din ambele părţi de câte o nodozitate, cea mai mică (0,4×0,15 cm) este poziţionată dinspre capătul piciorului, iar cealaltă (0,5×0,2 cm) – în partea opusă. Capătul piciorului este trilobat, la care se adaugă şi o mică nodozitate aplatizată, ce o precede. Partea superioară a piciorului la piesele menţionate diferă între ele, în primul rând, prin materia primă utilizată (fier



1

2



3

4

Fig. 11. Saharna Mică: 1, 2 - Fibulă din fier, cat. nr. 8; 3, 4 - fibulă din bronz (1, 3 - după Munteanu, Băţ, Zanoci 2020; 2, 4 - după Niculiţă et al. 2016).

[7] Descoperită de G. Smirnov, în anul 1946 (Смирнов 1949b, 195), care întreprinde în 1946 şi 1947 investigaţii arheologice. Cercetările au fost continuate în anii 2003-2009 şi 2011-2013 de către echipa LCŞ „Tracologie", Universitatea de Stat din Moldova (Niculiţă, Zanoci, Arnăut 2008, 13-50, fig. 1-39; Niculiţă et al. 2016, 268-304, fig. 184-211).

[8] Fibulele din bronz nu constituie subiectul studiului de faţă. Pentru detalii a se vedea: Мелюкова 1958, 96, рис. 30/22; Никулицэ 1977, рис. IX/4; Kašuba, Haheu, Leviţki 2000, 87, pl. LVI/1; Arnăut 2003, 130; Топал 2012, 169, рис. 2/2; Niculiţă et al. 2016, 422, fig. 202/7; Munteanu, Băţ, Zanoci 2020, fig. 5/1, 2.

și bronz). La aceasta s-ar adăuga unele particularităţi foarte mici. Atragem atenţia la faptul că sfera fibulei din bronz este delimitată, din ambele părţi, de câte o sferă puternic aplatizată de dimensiuni mici, pe când sfera aproape identică a piesei din fier este delimitată din ambele părţi de câte o nodozitate (replica sferelor aplatizate de pe exemplarul de bronz?), a căror dimensiuni sunt inversate – mai mică dinspre capătul piciorului. Deosebiri se observă și în modul prin care a fost decorată terminaţia piciorului, trilobarea piesei de fier fiind mult mai expresivă, la care se adaugă și o mică nodozitate aplatizată ce o precede.

Bibliografie: Niculiţă, Zanoci, Băţ 2016, 422, fig. 202/6; Munteanu, Băţ, Zanoci 2020, 341, fig. 5/3.

Hlinaia/Glinoe, raionul Slobozia

Necropola tumulară[9] este amplasată la marginea de nord a localităţii Hlinaia/Glinoe, în spaţiul cuprins între râurile Turunciuc (braţ de stânga al fluviului Nistru) și Krasnaia. Suprafaţa estimată a sitului este de cca 5,5 km², însă, din cauza unor amenajări din perioada sovietică, accesibilă pentru investigaţii a rămas doar o arie de cca 4,6 km² (Тельнов, Четвериков, Синика 2016, 36, рис. 2). Ca urmare a cercetărilor arheologice, au fost studiaţi 116 tumuli, dintre care doi (nr. 1 și nr. 110) au fost atribuiţi epocii bronzului, iar restul 114 – celei de-a doua epoci a fierului (cultura scitică). În tumulii atribuiţi sciţilor au fost identificate 183 de înmormântări care, conform inventarului recuperat, se încadrează în intervalul de timp cuprins între cumpăna sec. IV-III a. Chr. și sfârșitul sec. II a. Chr. (Тельнов, Четвериков, Синика 2016, 965). Printre piesele de inventar descoperite în morminte se evidenţiază 17 fibule de schemă La Tène timpuriu, dintre care 14 confecţionate din bronz și trei din fier (Тельнов, Четвериков, Синика 2016, 887-889; Синика, Тельнов 2018, 240, рис. 12/2, 3, 6).

9. Fibulă din fier (fig. 13/1), descoperită în mormântul 51/1, la umărul stâng al defunctului (bărbat, fig. 12/1, 2). Din start vom menţiona că nu am avut acces la original[10], ceea ce ştirbeşte atât din obiectivitatea descrierilor, cât și din imaginile pe care le alăturăm prezentărilor. În linii mari, vom da curs informaţiilor deja publicate de autorii descoperirilor, dar și imaginilor elaborate de către aceştia.

Piesa are resortul bilateral, dar gradul de conservare nu permite nici stabilirea numărului de spire și nici caracterul de amplasare a corzii. Resortul are lăţimea de 2,6 cm. Piesa este de dimensiuni mari, lungimea maximă fiind de 9,8 cm. Arcul filiform este relativ aplatizat, ușor asimetric, partea dinspre portagrafă coborând sub un unghi obtuz, iar cea dinspre resort fiind mai arcuită. Portagrafa este de dimensiuni mici, prezentându-se sub forma unei proeminenţe laterale. Înălţimea piesei este de 1,9 cm, grosimea firului – 0,4 cm, diametrul spirei – 0,8 cm. Piciorul filiform este relativ lung. După ce a format portagrafa, se extinde în linie dreaptă, după care se întoarce spre arc sub un unghi de cca 45 de grade. Imediat după curbură piciorul este fragmentat. Având în vedere faptul că pe arcul bine conservat nu au fost descoperite urme de prindere a piciorului, considerăm că acesta rămânea liber, determinând apartenenţa artefactului la schema La Tène timpuriu.

Printre inventarul mormântului se mai remarcă: două psalii din fier, nouă vârfuri de săgeţi din fier cu trei aripioare, două cuţite din fier, un opaiţ din lut etc. (fig. 20/1-14; Тельнов, Четвериков, Синика 2016, 318-320, рис. 176).

Bibliografie: Тельнов, Четвериков, Синика 2016, 320, рис. 176/12.

10. Fibulă din fier (fig. 13/2), descoperită în mormântul 116/1, la umărul stâng al defunctului (fig. 12/4). Piesa are resortul bilateral, cu șase spire (3+3) și coardă exterioară. Arcul are forma asimetrică, triunghiulară. Partea dinspre resort este îngroșată, iar începând cu locul curburii, arcul se îngustează treptat, trecând în piciorul filiform. Arcul este decorat cu o sferă circulară ce este amplasată în apropierea resortului. Reieșind din desenul publicat de autori, dimensiunile sferei sunt de 0,85×0,92 cm (autorii operează cu diametrul de circa 0,9 cm). Piciorul filiform este relativ lung. După ce a format portagrafa cu lungimea 0,65 cm, acesta se extinde puţin în linie dreaptă, după care se întoarce spre arc sub un unghi ascuţit, rămânând liber, dar, practic, lipindu-se de arc prin terminaţia sa care se prezintă sub formă de sferă. Judecând după desen, se pare că acesta nu a fost realizat foarte exact, de aceea e și greu să apreciem

[9] Necropola a fost cercetată în anii 1995-2012, 2017 de către expediţia Nistreană a Universităţii de Stat din Tiraspol „T.G. Şevcenko" (Тельнов, Четвериков, Синика 2016; Синика, Тельнов 2018).

[10] În perioada elaborării studiului (primăvara-toamna 2020), din cauza restricţiilor de circulaţie ce au fost stabilite în contextul răspândirii pandemiei de coronavirus, nu am reușit să examinăm în original vestigiile păstrate la Tiraspol, respectiv, le prezentăm în baza publicaţiilor.

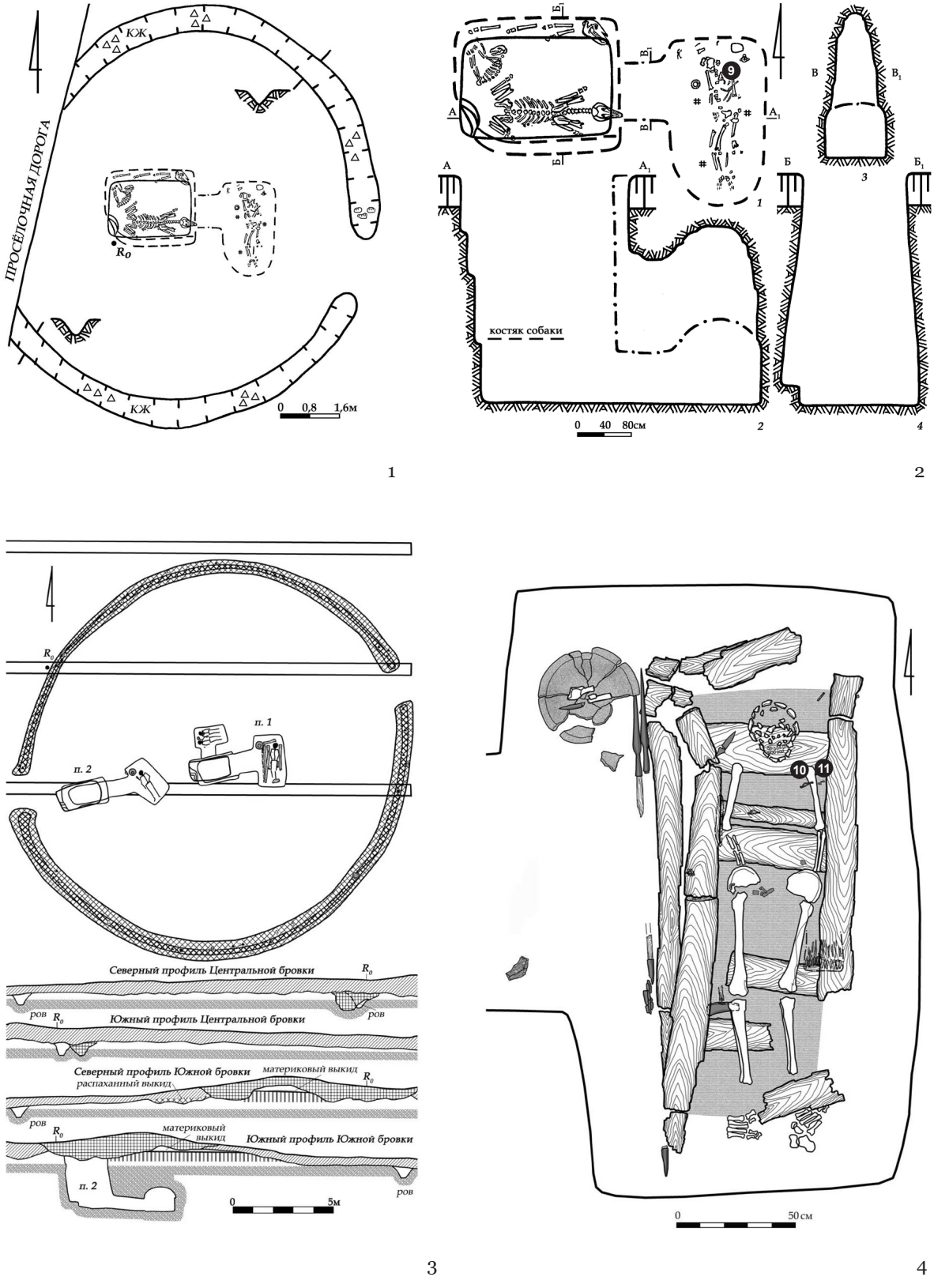


Fig. 12. Hlinaia (Glinoe): 1 - Planul tumulului nr. 51; 2 - mormântul nr. 51/1 cu marcarea locului depunerii fibulei cat. nr. 9; 3 - planul tumulului nr. 116; 4 - mormântul nr. 116/1 cu marcarea locului depunerii fibulelor cat. nr. 10-11 (1, 2 - după Тельнов, Четвериков, Синика 2016; 3, 4 - după Синика, Тельнов 2018).

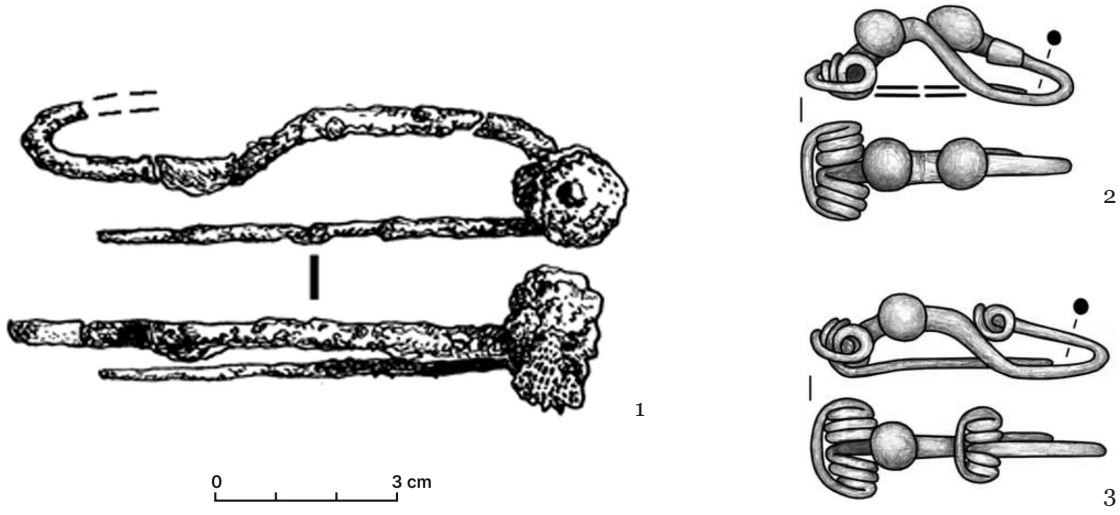


Fig. 13. Hlinaia (Glinoe). Fibule din fier: 1 - cat. nr. 9; 2 - cat. nr. 10; 3 - cat. nr. 11
(1 - după Тельнов, Четвериков, Синика 2016; 2, 3 - după Синика, Тельнов 2018).

atât forma sferei, cât și dimensiunile acesteia. După toate aparențele, acestea erau apropiate ca dimensiuni, în special având în vedere informația oferită de autorii descoperirilor, care operează cu dimensiunile de circa 0,9 cm. Autorii mai menționează – atât în text, cât și prin desen – delimitarea unei „manjete" de formă conică pe suprafața piciorului, în imediata apropiere a sferei. Din desen se poate deduce că diametrul piciorului varia între 0,28 și 0,45 cm, or, se observă, ca și în cazul arcului, o îngroșare a piciorului înspre partea terminală. Lungimea maximă a fibulei este prezentată de autori ca fiind de 4,5 cm, din desen fiind posibilă extinderea până la 4,65 cm. Înălțimea arcului este de 1,4 cm, iar cu tot cu decor – 1,8 cm. Lungimea resortului – 0,16 cm, grosimea spirei – 0,8 cm, grosimea acului – 0,15 cm.

11. Fibulă din fier (fig. 13/3), descoperită în mormântul 116/1, la umărul stâng al defunctului, împreună cu fibula nr. 10 (fig. 12/4). Piesa are resortul bilateral, cu șase spire (3+3) și coardă exterioară. Arcul este slab boltit, cu aspect de semicerc ușor asimetric (partea dinspre portagrafă coborând sub un unghi larg în raport cu aceasta: lungimea – 2,3 cm și înălțimea – 1,5 cm). Corpul arcului este ușor îngroșat (în special, dinspre resort), având formă elipsoidală în secțiune, cu dimensiunile de 0,45-0,30 cm, iar începând cu locul curburii, arcul se îngustează treptat, trecând în piciorul filiform. Arcul este decorat cu o sferă circulară ce este amplasată în apropierea resortului. Reieșind din desenul publicat de autori, dimensiunile sferei sunt de 0,8 cm. Piciorul filiform este relativ lung. care se întoarce spre arc sub un unghi de circa 45 de grade, rămânând liber, dar, practic, lipindu-se de arc (un pic mai jos de curbură) prin terminația sa care se prezintă sub formă de resort. Acesta este format din patru spire (2+2) cu coarda exterioară. Judecând după desen, se pare că și acesta nu a fost realizat foarte exact, de aceea e și greu să apreciem atât forma sferei, cât și dimensiunile ei. Lungimea maximă a fibulei este prezentată de autori ca fiind de 5,0 cm, din desen fiind posibilă aprecierea până la 4,65 cm. Arcul filiform, cu grosimea de 0,4 cm, are înălțimea de 1,5 cm, iar cu tot cu decor – 0,18 cm. Lungimea resortului de bază este de 1,6 cm, iar a pseudoresortului – 1,1 cm. Grosimea spirei resortului de bază este de 0,9 cm, iar a spirei pseudoresortului – 0,8 cm. Grosimea acului – 0,15 cm.

Deopotrivă cu fibulele nr. 10 și 11, în mormântul 116/1, la pieptul defunctului, în partea dreaptă, a mai fost descoperită o fibulă de schemă La Tène timpuriu, care însă este realizată din bronz (fig. 21/3; Синика, Тельнов 2018, 240, рис. 12/2). Din inventarul funerar al mormântului mai făceau parte: două vârfuri de lance, vârfuri de săgeți din bronz (4 ex.) și din fier (40 ex.), un topor din fier, o brățară compusă din mărgele de sticlă etc. (fig. 21/4-17; Синика, Тельнов 2018, 240, 243, рис. 12-13).

Bibliografie: Синика, Тельнов 2018, 240, рис. 12/3, 6.

1

2

Fig. 14. Fibulă din fier, cat. nr. 12, descoperită, probabil, în regiunea de nord a Republicii Moldova (sursă on-line).

Republica Moldova, partea de nord, *passim*

12. Fibulă din fier (fig. 14/1, 2), identificată de dr. D. Topal[11] pe site-ul http://oldstory.info/, cu menţiunea că ar proveni din nordul Republicii Moldova.

Piesa are resortul bilateral foarte înalt, constituit din două spire (câte una de fiecare parte) cu coarda exterioară, piciorul recurbat, sprijinit de arc, fără să fie ataşat de acesta. Fibula este de dimensiuni mari, lungimea maximă fiind de circa 11,4 cm.

Arcul este bine boltit, în formă de toartă de coş, cu aspect de semicerc, uşor asimetric. Corpul arcului este filiform. Din imaginea pe care o avem la dispoziţie este greu să stabilim exact care ar fi putut fi forma secţiunii arcului, dar putem să admitem că firul din care a fost realizată piesa avea faţete longitudinale (observaţiile asupra arcului şi, în special, asupra spirelor resortului ar putea sugera acest fapt).

Piciorul filiform este relativ scurt. După ce a format portagrafa ce se prezintă sub forma unei proeminenţe laterale, piciorul se extinde puţin în linie dreaptă, după care se întoarce spre arc sub un unghi de cca 45 de grade, rămânând liber. Imediat după recurbare, piciorul este decorat cu o sferă aplatizată, care este delimitată din ambele părţi de câte o îngroşare, iar terminaţia, decorată cu o a doua sferă ce este de dimensiuni mai mici, practic, este lipită de arc, în apropiere de înălţimea maximă, fără să fie ataşată de el.

[11] Mulţumim şi pe această cale colegului D. Topal pentru amabilitatea de a ne oferi informaţia.

Prima sferă are dimensiunile de circa 1,8 cm, iar a doua – de circa 1,1 cm. Spirele au diametrul de 4,7 cm şi grosimea de cca 0,6 cm. Acul este filiform, cu grosimea de circa 0,5 cm, având lungimea de 7,0 cm.

Tipologie, analogii şi cronologie

Tipologie. Toate cele douăsprezece exemplare realizate din fier se raportează la fibule de schemă La Tène timpuriu, având un set stabil de caracteristici comune: resortul bilateral cu coardă exterioară, piciorul ridicat, amplasat în poziţie liberă în raport cu arcul şi decorarea acestuia, în majoritatea cazurilor, cu o sferă de dimensiuni mai mici sau mai mari. Unica excepţie o face fibula de la Glinoe, care, în loc de sferă, are terminaţia piciorului în formă de pseudo-resort (nr. 11, fig. 13/3). Fibulele (nr. 1, fig. 3/1, 2 şi nr. 6, fig. 8/1, 2) cărora le lipseşte piciorul, cu siguranţă îl aveau liber, parametrii morfologici disponibili pledând în totalitate pentru această supoziţie. Ceea ce nu cunoaştem însă ţine de poziţionarea exactă a piciorului şi eventuala lui decorare. În situaţia în care lipseşte resortul (nr. 6 şi 7), construcţia specifică schemei La Tène poate fi dedusă din întreaga morfologie a piesei. Totodată, prin prisma particularităţilor ce se observă, fiecare dintre cele douăsprezece exemplare realizate din fier ar putea fi raportate la „grupuri”[12] diferite.

[12] Considerăm oportun ca fibulele din Republica Moldova să fie incluse în acelaşi sistem tipologic ca şi exemplarele din România. Cu părere de rău însă, niciunul dintre importantele eforturi ce au fost întreprinse până la moment pentru a realiza o tipologie a fibulelor La Tène timpuriu din România nu ni se pare pe deplin satisfăcător. Din aceste considerente, pentru a nu încărca/încurca şi mai mult situaţia, nu vom

Fig. 15. Saharna Mare. Fibule din fier, cat. nr. 3 și nr. 5 (foto M. Băţ).

„Grupul tipologic" I

„Gruparea" pieselor nr. 3-6 (toate de la Saharna Mare, fig. 5-8) este determinată, în primul rând, de morfologia asemănătoare a arcului. Excepţie face doar fibula nr. 6, din care s-a păstrat vârful piciorului aproape identic cu al exemplarului nr. 5, fapt ce ne-a determinat să le grupăm împreună. Este adevărat, o examinare atentă oferă suficiente caracteristici care deosebesc cele patru exemplare unul de altul. Astfel, două dintre fibulele de la Saharna Mare (nr. 3 şi 6) sunt mai apropiate între ele din punct de vedere al dimensiunilor şi al formei arcului (evident, şi în acest caz cu anumite particularităţi), înregistrând, în acelaşi timp, o serie de caracteristici ce nu pot fi comparate. Spre exemplu, în cazul piesei nr. 6 nu ne putem pronunţa nici într-un fel asupra resortului care lipseşte, de altfel ca şi asupra formei piciorului, din care s-a păstrat doar capătul acestuia. Cert este faptul că la ambele exemplare piciorul rămânea liber, însă poziţionarea lui în raport cu arcul fiind doar la nivel de presupunere. Anumite particularităţi se observă şi la decorul piciorului propriu-zis. În ambele cazuri, piciorul este decorat cu câte o sferă de dimensiuni mici. În cazul exemplarului nr. 3, sfera este bitronconică, pe când la piesa nr. 6 ea este aplatizată. Deosebiri avem şi în ceea ce priveşte decorul suplimentar al acestor două fibule. Dacă în cazul fibulei nr. 3 piciorul neted este uşor aplatizat la capăt, formând o foarte puţin sesizabilă bilobare, atunci cel al piesei nr. 6 este lipsit de acest element. Este adevărat că gradul de oxidare al respectivului exemplar ar putea sugera o ruptură chiar în vârful piciorului, lăsându-ne o anumită incertitudine în interpretarea lui. O altă deosebire este determinată de decorarea piciorului fibulei nr. 6 din ambele părţi ale sferei cu nodozităţi de dimensiuni mici, acestea lipsind la piesele nr. 3 şi 5. Şi ca să ne oprim doar la cele menţionate, mai semnalăm şi o uşoară deosebire a dimensiunilor în favoarea piesei nr. 3, constatând totuşi că ambele pot fi incluse în acelaşi grup din punct de vedere al clasificării pe dimensiuni (mai mari decât 6,2 cm, conform Bujna 2003, 46).

Rămânând la spectrul dimensional, menţionăm că exemplarul nr. 5, chiar dacă este substanţial mai mic decât celelalte două, este foarte asemănător cu piesa nr. 3 din punct de vedere al morfologiei arcului. Ambele exemplare au boltirea puţin asimetrică a arcului, formând un unghi aproape drept cu portagrafa, spre deosebire de piesa nr. 6, care are arcul proporţional boltit. În cazul fibulei nr. 6 se observă diferenţe şi în ceea ce priveşte modul de amplasare a sferei decorative pe picior: sfera este fixată mai jos decât curbarea arcului şi suficient de distanţată de acesta, spre deosebire de exemplarul nr. 5, a cărui decor de pe picior este amplasat mai sus şi este aproape lipit de arc.

realiza o tipologie locală, dar vom recurge la unificarea anumitor piese asemănătoare prin utilizarea noţiunii convenţionale „grup tipologic", rămânând în aşteptarea unui studiu complex ce ar aşeza mai temeinic întregul set al unor astfel de descoperiri de pe teritoriul României. Totodată, pentru a include piesele prezentate în circuitul deja existent al respectivelor piese de port, vom racorda piesele prezentate la sistemele deja elaborate de către V.V. Zirra (Zirra 2017) şi de D. Măndescu (Măndescu 2000), dar în mod special la tipologia realizată de I. Németi pentru necropola de la Pişcolt (Németi 1988; Németi 1989; Németi 1992; Németi 1993), în mediul căreia găsim cele mai fidele analogii pentru exemplarele din Moldova.

Oarecum mai specială, în raport cu celelalte, ar fi fibula nr. 2. Deosebirea rezidă, în primul rând, în structura, proporţiile şi amplasarea piciorului. Piesa de la Rudi „La Şanţuri" are piciorul mai scurt, care urcă doar până la începutul curburii arcului (până la umăr). Totodată, se remarcă şi prin numărul redus al spirelor resortului – doar patru. Arcul are boltire mai accentuată, raportul dintre lungimea arcului şi înălţimea acestuia fiind cel mai mic din şirul întregului grup tipologic. Decorul aplicat este şi el uşor diferit. Sfera de pe picior este amplasată mult mai jos în raport cu înălţimea fibulei. Imediat până la sferă piciorul se îngroşează, iar sfera este urmată de o nodozitate de dimensiuni mai mici – situaţie nemaiîntâlnită la fibulele de acest tip.

„Grupul tipologic" II

Fibula din M. 51/1 de la Hlinaia (nr. 9, fig. 13/1) ar putea fi inclusă în acelaşi grup cu cele cinci exemplare (nr. 2-6) menţionate mai sus, însă observăm o clară delimitare morfologică a arcului, care este mult mai alungit decât la celelalte fibule, dar şi mai scund. Totodată, consemnăm că şi formele piciorului sunt mai alungite decât ale celor patru, constituind un alt element specific. Acest indiciu, împreună cu celelalte caracteristici, s-ar potrivi, mai degrabă, parametrilor ce caracterizează fibulele din perioada La Tène mijlociu, ceea ce ne-a şi determinat să atribuim acest exemplar unui „grup tipologic" distinct.

„Grupul tipologic" III

Fibulele de la Mana (nr. 1, fig. 3/1, 2) şi de la Saharna Mare (nr. 7, fig. 9/1, 2) s-au regăsit împreună graţie formei aproape identice a arcului şi a caracteristicilor metrice, ambele fiind de dimensiuni mici şi cu arcul puternic boltit, îngroşat şi lăţit, cu secţiunea rectangulară. Restul parametrilor nu pot fi luaţi în considerare, pentru că ambele exemplare sunt păstrate parţial. Pe lângă arc s-a conservat doar portagrafa (în cazul descoperirii de la Saharna Mare), iar la fibula de la Mana III s-a păstrat un fragment de arc şi resortul extins, care este format din zece spire. Amintim că celelalte exemplare din fier, care au păstrat resortul, au câte şase spire.

„Grupul tipologic" IV

În acest grup am inclus una dintre fibulele de fier ce au fost descoperite în M. 116/1 de la Hlinaia (nr. 11, fig. 13/3). Chiar dacă ambele artefacte au fost identificate într-o structură închisă şi chiar dacă au un şir de caracteristici morfologice comune – dimensiuni aproape identice, aceeaşi structură a resortului, piciorul alungit, arcul îngroşat decorat cu o sferă –, ni s-a părut judicios să le atribuim unor „grupuri" diferite. Faptul se datorează, în primul rând, particularităţilor decorative de pe piciorul fiecărui artefact. În mod special ne referim la exemplarul al cărui picior, decorat cu pseudo-resort, constituie un tip bine delimitat, dar şi foarte discutat în bibliografie. Respectiv, fiecare dintre cele două fibule urmează să prezinte câte o „identitate" distinctă, „grupul" IV fiind reprezentat de piesa ce are piciorul decorat cu pseudo-resort (nr. 11, fig. 13/3). Aceasta are resortul bilateral cu şase spire (3+3) şi coardă exterioară, iar arcul este slab boltit, cu aspect de semicerc uşor asimetric, partea dinspre portagrafă coborând sub un unghi larg în raport cu aceasta. Corpul elipsoidal al arcului, care este uşor îngroşat dinspre resort, se deosebeşte de al celorlalte fibule de fier prin sfera circulară ce a fost aplicată în calitate de decor. Arcul se îngustează treptat, trecând în piciorul filiform relativ lung, care este întors sub un unghi de circa 45 de grade, rămânând liber, dar, practic, lipindu-se de arc (un pic mai jos de curbură) prin terminaţia sa, care se prezintă sub formă de resort. Acesta este format din patru spire (2+2) cu coarda exterioară. Fibulele asemănătoare au fost calificate iniţial ca fiind fibule hibride/tip hibrid (Zirra 1971, 226-227, fig. 23/69; Alexandrescu 1980, 50, nr. 98-100, 100, fig. 49/1, 2; Mândescu 2000a, 53; Zirra 2009, 82-84; Zirra 2011, 9), însă, ulterior, un excelent studiu al colegului D. Spânu a demonstrat că o astfel de noţiune nu se vădeşte nici consecventă, nici justificată (Spânu 2013, 152).

„Grupul tipologic" V

În cadrul acestui „grup tipologic" am inclus cea de-a două fibulă de fier, descoperită în M. 116/1 de la Hlinaia (nr. 10, fig. 13/2), elementul definitoriu, în cazul nostru, fiind decorul sub formă de sferă, aplicat pe arc. De menţionat că pentru fibulele de schemă La Tène timpuriu acest element este mai rar întâlnit. Totodată, respectivul exemplar se deosebeşte de toate celelalte prin forma asimetrică a arcului, care este aproape triunghiulară, dar şi prin decorul piciorului, a cărui terminaţie este sub formă de sferă, şi prin delimitarea unei „manjete" de formă conică pe suprafaţa piciorului, în imediata apropiere a sferei.

Celelalte caracteristici, precum tipul bilateral al resortului, numărul de spire, coarda exterioară și forma arcului, sunt apropiate de celelalte fibule descoperite pe teritoriul Republicii Moldova.

„Grupul tipologic" VI

Fragmentul de fibulă de fier de la Saharna Mică (nr. 8, fig. 11/1, 2) nu este suficient pentru a delimita un tip separat. În același timp, observăm afinități morfologice până la identitate cu o piesă din același sit, care însă este realizată din bronz (fig. 11/3, 4; Munteanu, Zanoci, Băț 2020, 343, fig. 5/2). Considerăm că aceste asemănări ar putea constitui temei pentru a utiliza parametrii caracteristici ai artefactului din bronz, în vederea delimitării structurii morfologice și decorative a fragmentului de fibulă din fier, chiar dacă cea din urmă este puternic fragmentată și chiar dacă este realizată din altă materie primă (bineînțeles, rămânând să planeze o anumită doză de incertitudine asupra acestei alegeri). Evident, din punct de vedere morfologic, precum și din punct de vedere al decorării piciorului, acest exemplar se detașează accentuat de toate celelalte piese de fier, ceea ce ne-a determinat să-l delimităm într-un „grup"separat.

„Grupul tipologic" VII

Un tip aparte este determinat de fibula descoperită întâmplător și fără context în regiunile de nord ale Republicii Moldova (nr. 12, fig. 14/1, 2). Aceasta se departajează în mod expresiv de toate celelalte, în primul rând, prin dimensiunile foarte mari ale resortului bilateral cu coardă externă, dar și prin numărul redus de spire ale acestuia – doar două. În al doilea rând, se evidențiază discrepanța dintre dimensiunile resortului foarte mare și ale arcului filiform. Totodată, de remarcat și dimensiunile sporite ale fibulei în general, precum și piciorul decorat cu o sferă aplatizată, care este delimitată din ambele părți de câte o îngroșare, iar terminația – decorată cu o a doua sferă, de dimensiuni mai mici, practic, lipită de arc, în apropiere de înălțimea maximă, fără să fie atașată de el.

Generalizând și făcând bilanțul, constatăm că exemplarele de fier descoperite pe teritoriul Republicii Moldova pot fi atribuite la șapte „grupuri tipologice", unul dintre ele, prin diversificarea caracteristicilor, oferind trei variante distincte. Vom încerca să urmărim, în rândurile de mai jos, principalele analogii pentru „grupurile" delimitate.

Analogii

„Grupul tipologic" I

Cea mai apropiată, din punct de vedere morfologic, analogie pentru fibulele de fier de la Saharna Mare (nr. 3-6), dar în special pentru piesa nr. 6 (fig. 8/1, 2), este atestată la Zimnicea (de aici încolo, a se vedea localizarea siturilor menționate în text pe harta de la fig. 22). Este vorba de o piesă care provine[13], potrivit registrului de inventar al Muzeului din Alexandria, din săpăturile desfășurate în 1970 de către A.D. Alexandrescu în „Cimitirul 10" și care a fost publicată, mai întâi, de către Dragoș Măndescu (Măndescu 2010, 219, nr. 7, pl. 333/13), iar ulterior și de către Daniel Spânu (Spânu 2014, pl. 16/10; Spânu 2016, fig. 2/11). Alte detalii contextuale, cu părere de rău, nu s-au păstrat. Situl „Cimitirul 10" se află la distanța de circa 20-30 m de situl „Cetate". Deocamdată nu există date despre vreo locuire La Tène, de acolo provin însă înmormântări cu fibule tracice și majoritatea mormintelor cu fibule La Tène de la Zimnicea (Alexandrescu 1980, 100, fig. 49/1-5), fapt ce ar permite să presupunem că fibula ar fi putut proveni dintr-un context funerar. Admitem existența la Zimnicea a unui al doilea exemplar asemănător, care provine, de data aceasta, dintr-un context funerar sigur (C19M1), dar din care s-a păstrat doar un fragment de arc și piciorul (Spânu 2016, fig. 2/12).

Restul descoperirilor ce au analogii cu piesele de la Saharna Mare, de altfel nu prea numeroase, provin din arcul intracarpatic. Cele mai expresive exemplare le întâlnim în necropola de la Pișcolt. Cea mai apropiată analogie pentru fibula nr. 3 o constituie piesa din mormântul 180, atribuită primului orizont (Németi 1988, fig. 9/1-M. 180). Aproape identică este piesa din M. 134 (Németi 1988, fig. 5/1-M. 134) și foarte asemănătoare – cea din M. 120 (Németi 1988, fig. 5/1-M. 120). Pornind de la tipologia întocmită de I. Németi, autorul descoperirilor din necropola de la Pișcolt, exemplarele de fier de la Saharna Mare se raportează la tipul A2 (Németi 1988, 65, fig. 9/1-M. 180), calificat ca fibule de tip Dux tim-

[13] Mulțumim colegilor – Daniel Spânu, de la Institutul de Arheologie „Vasile Pârvan" al Academiei Române, și Pavel Mirea, directorul Muzeului Județean Teleorman din Alexandria, – pentru prețioasele informații privind localizarea fibulei și pentru fotografia explicită a acesteia. Totodată, mulțumim colegului Daniel Spânu pentru sugestiile în reperarea analogiilor.

puriu (tipurile 1 şi 3 după Zirra 1997, fig. 19/1-3 şi fig. 25/a-b). La acestea se adaugă un şir de alte exemplare din fier, care sunt mai mult sau mai puţin asemănătoare cu descoperirile de la Saharna Mare. Evident, fiecare dintre ele îşi au particularităţile sale. Spre exemplu, piesa din M. 36 (Németi 1988, fig. 4/1, 2) se deosebeşte prin arcul mai lat şi prin piciorul decorat cu o sferă mai mare, amplasată lângă umărul arcului. Piesa descoperită în M. 142 (Németi 1988, fig. 7/1) este foarte apropiată morfologic, cu deosebirea că sfera decorativă de pe picior este amplasată mai jos. Posibil că şi fibula din M. 187 (Németi 1988, fig. 8/1-M. 187), care s-a păstrat parţial, ar putea fi atribuită aceluiaşi tip.

În afară de necropola de la Pişcolt, semnalăm doar câteva puncte în care s-au descoperit piese din fier cu analogii apropiate. Ne referim, în primul rând, la un exemplar descoperit întâmplător în zona necropolei de la Curtuişeni şi publicat de E. Teleaga (Teleaga 2007, 47, Abb. 2/EF 1). Acesta seamănă bine cu fibula nr. 2. În al doilea rând, atragem atenţia la o piesă din fier, descoperită în aşezarea de la Fântânele, care morfologic este asemănătoare, dar este de dimensiuni mai mici şi nu a păstrat piciorul, respectiv, nu poate fi considerată analogie sigură (Dănilă 1978, 262, 263, fig. 5/5; Zirra 2017, pl. 46/2). În tipologia elaborată de către Dragoş Măndescu astfel de fibule sunt incluse în tipul I.4 (Măndescu 2000, 49-50), iar în cea întocmită de către V.V. Zirra – în tipul 9(?) (Zirra 2017, 248). Fibule din fier au fost descoperite şi în mormintele de la Aradul Nou, unele dintre ele fiind mai asemănătoare, altele însă, fiind păstrate parţial, nu oferă certitudini (Zirra 1991, 181, fig. 2/l; Rustoiu, Ursuţiu 2013, fig. 9A).

Un alt grup de fibule au asemănări morfologice cu descoperirile de la Saharna Mare, doar că sunt realizate din bronz. Vom face trimitere, în primul rând, la fibula din aşezarea de la Căbeşti, care, având lungimea de 5,2 cm, se apropie de exemplarele de la Saharna Mare atât din punct de vedere morfologic, cât şi din punct de vedere dimensional (Buzdugan 1968, 97-98, fig. 2/3; Zirra 2017, pl. 27/1). La fel de apropiate din punct de vedere morfologic sunt fibulele din aşezarea de la Ciumeşti „Bostănărie" (tip 7, conform Zirra 2017, 286), deosebindu-se însă prin dimensiuni. Unele sunt de aceeaşi mărime (Zirra 1967, 62, fig. 30; Zirra 2017, fig. 37/2), altele pot fi mai mici (Zirra 1967, 60, fig. 28; Zirra 2017, pl. 37/1), iar al treilea grup include exemplare de dimensiuni mai mari în raport cu exemplarele de la Saharna Mare (Crişan 1966, 41, fig. 18; Zirra 2017, pl. 37/2). În categoria fibulelor oarecum asemănătoare, dar care sunt de dimensiuni mici, se includ exemplare precum cele de la Aradul Nou (Zirra 1971, 179-180, fig. 1/3; Dörner 1972, 152, pl. 2/11), Pecica (Zirra 1971, 180, fig. 1/2; Dörner 1972, 151, 153, pl. III/5; Zirra 2017, pl. 58/8), Foeni (Georgescu 2013, pl. 2), Bâzdâna (Tătulea 1984, 94, fig. 7 /1; Zirra 2017, pl. 13/2), Buneşti (Bazarciuc 1986, 98, fig. 9/8), Cucuteni-Băiceni (Schmidt 1932, 63, pl. 30/18) şi Oradea-Salca (Zirra 1971, 195, 197, fig. 15/1). Foarte asemănătoare este fibula de la Costâna (comuna Todireşti, judeţul Suceava), doar că este lucrată din argint, este un pic mai mică, are arcul perlat, iar resortul este format din patru spire cu diametrul mai mare decât al exemplarelor de la Saharna Mare. Acest exemplar se remarcă graţie amplasării lui pe teritoriul Bucovinei, fiind una dintre cele mai apropiate descoperiri din punct de vedere geografic (Teodor 1988, 49; Zirra 2017, pl. 41/12). Este bine să ţinem cont şi de analogiile ce pot fi desprinse pentru anumite componente ale fibulelor din bronz de schemă La Tène timpuriu descoperite pe teritoriul Moldovei din dreapta Prutului (a se vedea lista descoperirilor cu bibliografia şi localizarea lor la Honcu, Munteanu 2018, Pl. II)

În spaţii apropiate, dar deja pe teritoriul actualei Ucraina, la Grigorovka, regiunea Vinniţa, a fost semnalat un exemplar asemănător, dar din bronz şi fără picior (Артамонов 1955, рис. 41/2, 3; Казакевич 2015, 179, fig. 9/8). De altfel, pe teritoriul Ucrainei au mai fost descoperite fibule din bronz de tip Dux la Tyra (Савельєв 2013, 101, рис. 1/1); la Zalissja (Кухаренко 1959b, 27-28, Амброз 1966, табл. 1/1; Казакевич 2015, рис. 9/1); Golovno (Кухаренко 1961, 62, 64, табл. 5/13; Ambroz 1966, табл. 1/4; Казакевич 2015, рис. 9/3); Lipljava (Кухаренко 1959a, рис. 1/2; Петров 1961, табл. III/1; Ambroz 1966, табл. 1/3), dar niciuna dintre ele nu se apropie de tipul celor de la Saharna.

Fibule similare celor de la Saharna Mare sunt întâlnite frecvent în mediul celtic din Europa Centrală. În acest sens, vom face trimitere la tipul EF-A, conform tipologiei lui J. Bujna (2003, 61-65, obr. 31). În mod special atenţionăm la similitudinile cu tipul EF-A2-Aa şi Ab (Bujna 2003,

63, obr. 33), care este mai apropiat de piesa nr. 7, dar care se deosebeşte de fibulele noastre printr-o boltire mai redusă a arcului şi prin numărul mai redus de spire la resort (2+1 sau 2+2). Tipul EF-A3-A (Bujna 2003, 64-65, obr. 34) este mai apropiat de fibula nr. 5, deosebindu-se prin dimensiunile resortului şi numărul de spire (câte 2 sau 2+1). Fibulele de tip EF-C5 (Bujna 2003, 70, obr. 44) se aseamănă, din punct de vedere al formei arcului, cu piesa nr. 7, dar sunt un pic mai proporţionale. Observăm asemănări morfologice (cu specială referinţă la arc) şi cu anumite tipuri realizate din bronz, dar care sunt de dimensiuni considerabil mai mici (2-3 cm). Ne referim la tipul BF-A2-A (Bujna 2003, 47-48, obr. 7), ce are acelaşi tip de decor al piciorului (sferă care se sprijină pe umărul arcului), dar şi la tipul BF-A3-B (Bujna 2003, 48, obr. 8), al cărui arc este un pic mai boltit. Respectivele exemplare sunt asemănătoare, în special, cu fibula nr. 2 de la Rudi „La Şanţuri", pentru care analogii bune pot fi observate la Maňa (Benadik 1978, 207, Abb. 20) şi la Pećine (Jovanović 2018, pl. 4/4; 10/4)

Asemănări până la identitate observăm şi în spaţiile mai apropiate şi pentru celelalte variante ale grupului tipologic. Astfel, pe teritoriile Serbiei şi Bosniei menţionăm exemplarele de fier de la Rospi Ćuprija (Ljuština, Spasić 2012, 371, fig. 4/1; Ljuština 2013, fig. 7/8), de la Karaburma (Ljuština 2013, fig. 7/9), de la Kostolac-Repnjak (Jakanovic 1987, 7-17), de la Pećine, în M20/(G3 993) (Jovanović 2018, 51, pl. 20/3), dar şi cele din bronz de la Kamenjača u Brezi (exemplare descoperite în contexte mai târzii: Paškvalin 2002, 331, tab. 4/2; Paškvalin 2008, 120, tab. 13/8; Marić 2015, tab. 2/2). În Bulgaria, o piesă asemănătoare, dar lucrată din bronz, a fost descoperită la Pistiros (Bouzek 2005, 105, 244, fig. 91/A3; Kazakevich 2015, fig. 7/7), iar un alt şir de fibule asemănătoare provin din tumulii 22 şi 23 de la Sborjanovo şi regiunea Shumen (Dragoevo, Cherencha) (Vasileva 2012, 23). O parte dintre fibulele descoperite în regiune se păstrează la Muzeul din Shumen şi a fost publicată de Jordan Anastassov (2006, 13-15, fig. 4/1; 2011, 229, fig. 4/1-3). Pe teritoriul Ungariei astfel de fibule sunt mult mai răspândite, unele dintre ele fiind practic identice. Vom aminti aici, în primul rând, unele piese din necropola de la Ludas-Varjúdűlő, cum ar fi, de exemplu, cele din M. 683 tipul Bujna EF-A2 (Szabó, Tankó, Czajlik 2012, pl. V/5). Din acelaşi tip fac parte şi descoperirile din zona Austriei, aducându-le drept exemplu pe cele de la Neunkirchen (Schiel 2015, Taf. XXV, Inv.-Nr. 11239, 11240, 11241; Taf. XVIII, Inv.-Nr. 11202), a Moraviei (Čižmář 1975, 420, 422 cu bibliografia, obr. 2/4), dar şi a Croaţiei, cum ar fi, spre exemplu, piesele din bronz şi din fier de la Kupinovo (Drnić 2015, 153, t. 34/5; t. 35/5) şi de la Zeleno polje in Osijek (Dizdar 2012, 13, fig. 2).

„Grupul tipologic" II

Pentru fibula de dimensiuni mari din M. 51/1 de la Hlinaia (nr. 9, fig. 13/1) nu prea am reuşit să identificăm analogii. Mai apropiate ni se par artefactele din necropola de la Pişcolt ce au fost raportate de I. Németi la tipul A9, considerate a fi o variantă evoluată a tipului Dux timpuriu (A2) – fibula cu corpul alungit şi cu piciorul nelegat de arcul fibulei (Németi 1989, 107, fig. 9/1-M. 135; 16/1 şi 22/1). Foarte asemănătoare sunt două fibule de fier din M. 38/(G1-3 1791) de la Pećine (Jovanović 2018, 83, pl. 42/1).

„Grupul tipologic" III

Punând la bază forma arcului, putem invoca un număr destul de restrâns de piese asemănătoare cu fibulele nr. 1 (fig. 3) şi nr. 7 (fig. 9). Majoritatea dintre ele provin din necropolele transilvane. Este vorba de două exemplare din fier din necropola 2 de la Brateiu (Zirra 2017, pl. 23/7, 8, dintre care cel prezentat cu nr. 8 e ceva mai mare şi are arcul mai suplu, respectiv, ar putea fi luat în consideraţie cu o foarte mare rezervă), un exemplar de bronz din M. 6 de la Ciumeşti (Zirra 2017, pl. 33/6; Zirra 1967, 24, 25, fig. 11/II) şi, eventual, câteva exemplare din necropola de la Pişcolt: din M. 179 (Németi 1988, 58, 60, fig. 8-M. 179, 1; Zirra 2017, pl. 64/5), două piese din M. 34, (Németi 1988, 54, 53 fig. 3-M. 34, 1, 2); din M. 207 (Németi 1989, fig. 22/2); din M. 14 (Németi 1990, fig. 2/3-M. 14) şi M. 144 (Németi 1989, fig. 25/2-M. 144). Am putea lua în seamă exemplarul din aşezarea de la Buneşti (Bazarciuc 1983, 249, 268, fig. 20/2; Zirra 2017, pl. 26/1), care este realizat din bronz, însă reprezentările grafice nu ne oferă certitudini în privinţa formei arcului.

Analogii observăm şi în lumea celtică central-europeană, fibulele asemănându-se, din punct de vedere al formei arcului, cu fibulele din Slovacia de tip EF-C4 şi EF-C7, conform Bujna (Bujna 2003, 69, obr. 42), doar că cele din urmă au

resortul compus din cinci spire şi au arcul mai puţin îngroşat. Anumite asemănări se constată şi cu exemplarele ce sunt incluse de Bujna în tipul EF-C2 (Bujna 2003, 68, obr. 40) şi EF-C3 (Bujna 2003, 69, obr. 41). În acelaşi timp, trebuie luate în seamă şi deosebirile, care sunt determinate, pe de o parte, de o mai accentuată îngroşare a arcului, în special la tipul EF-C2, şi de numărul spirelor la resortul exemplarelor din Europa Centrală (opt spire). Analogii sporadice sunt observate atât mai înspre vest, în teritoriile Moraviei (Čižmář 1975, 420, 422, obr. 2/4), dar şi spre est – pe teritoriul Ungariei. Un exemplar realizat din fier având resortul cu opt spire provine din M. 951 din necropola de la Ludas (Szabó, Tankó 2006, fig. 4/3; Szabó, Tankó, Czajlik 2012, fig. 184/3, pl. XXXVII/5), iar un al doilea ce are resortul cu patru spire – din M. 879 al aceleiaşi necropole (Szabó, Tankó, Czajlik 2012, pl. XXII/2). Piese similare observăm printre descoperirile din Bosnia şi Herţegovina de la Donja Dolina (Popović 1996, 113, fig. 7/10), dar şi în Macedonia de Nord, cum ar fi, spre exemplu, la Vratnica (Popović 1996, 112, fig. 6/10).

„Grupul tipologic" IV

Cele mai apropiate analogii pentru fibulele din „grupul tipologic" IV, în care am inclus exemplarul cu pseudo-resort de la Hlinaia (nr. 11, fig. 13/3), sunt semnalate chiar în situl de la Hlinaia, fiind vorba însă de piese lucrate din bronz (Тельнов, Четвериков, Синика 2016 – M. 38/1, рис. 442/1; M. 63/1, рис. 442/2; M. 69/2, рис. 442/3; M. 19/2, рис. 442/4; M. 48/1, рис. 442/5; M. 52/1, рис. 442/6; M. 61/1, рис. 442/7 ş.a.). Aceeaşi situaţie este consemnată în necropola tumulară de la Parcani, amplasată în imediata apropiere (Фабрициус 1951, tab. XXII, 3; Еременко 1997, 203), dar şi în necropolele învecinate ale grupului tiraspolean (Бруяко 2005-2009, 333-336). De menţionat că în cadrul respectivelor necropole este constatată asocierea fibulelor cu pseudo-resort şi a celor de tip Brandeburg, cu decor în opt (Пачкова 2006, 284, рис. 141). Încă un exemplar a fost descoperit mai la sud, într-o structură din anticul Nikonium (cf. Бруяко 2005-2009, 337, рис. 2/12), iar un alt şir de descoperiri similare, toate realizate din bronz, au fost semnalate în mormintele „scitice târzii" din zona Dunării de Jos (Редина 1993, 52). În acelaşi timp, răspândirea fibulelor de acest tip, chiar dacă nu este în număr mare, se observă pe spaţii mai largi ale actualei Ucraina: un exemplar – în zona Niprului Mijlociu, la Biivcy (Бидзиля, Щукин 1993, 74, 82, таб. XVIII/6; Казакевич 2015, 179, 181), alte două exemplare – în zona Niprului Inferior (fără localizare exactă (Бидзиля, Щукин 1993, 74, 82, таб. XVIII/10, 11; Казакевич 2015, 179, 181) şi unul – în zona anticului Panticapaeum (Амброз 1966, 12, 14, таб. 1/8, 9; Бидзиля, Щукин 1993, 82; Казакевич 2015, 179, 181).

Circulaţia fibulelor cu pseudo-resort este sesizată şi pe teritoriul României actuale, unde au fost identificate trei exemplare. Unul dintre ele a fost descoperit în spaţiul apropiat de necropolele „scitice târzii" din sudul Basarabiei, pe malul drept al Dunării, la Tariverdi (Condurachi 1953, 134, 133, fig. 23; Zirra 2017, pl. 125/7). Alte două fac parte din necropola de la Zimnicea: una – din C10 M97 (Alexandrescu 1980, 100, fig. 49/2; Mândescu 2010, 171, fig. 25; Spânu 2013, fig. 3/20) şi alta – din C10 M55 (Alexandrescu 1980, 100, fig. 49/1; Spânu 2013, fig. 1/3). E interesant faptul că în acelaşi mormânt a fost descoperită şi o fibulă cu decor Brandeburg, exact ca în cazul descoperirilor din Republica Moldova.

Un număr destul de mare de fibule, ce au decorul piciorului realizat printr-un pseudo-resort, au fost semnalate pe teritoriul Bulgariei. Acestea au fost descoperite atât în necropole, cât şi în mediul de habitat, dar avem şi suficiente cazuri pentru care nu sunt cunoscute contextele. Spre exemplu, în Muzeul din Russe sunt expuse trei piese care ar putea fi raportate la schema La Tène timpuriu, dintre care doar una are piciorul păstrat şi poate fi atribuită cu siguranţă tipului cu pseudo-resort (Anastassov 2007, 166, pl. 1). La acestea s-ar adăuga descoperirile din afara contextului, din regiunea Shumen (Anastassov 2006, 14; Anastassov 2011, 234).

Drept exemplu de descoperiri în context funerar poate fi menţionat tumulul nr. 23 al necropolei de la Sboryanovo, în care s-a descoperit o înmormântare cu patru fibule mici de schemă La Tène timpuriu, dintre care trei din fier şi una de argint, două dintre piesele din fier fiind cu pseudo-resort (Гергова, Радев 1994, cf. Anastassov 2011, 234, fig. 22/1, 2). Acelaşi lucru este valabil şi pentru înmormântarea unei fete tinere din necropola tumulară Seuthopolis (tumulul nr. 2/mormântul nr. 2), în care s-au depistat două mici fibule de aur de tip „Pestrup" (Dimitrov, Čičikova 1978, 52-53; Atanasov 2011, fig. 23). Alături de aceste înmormântări

aristocratice feminine, cercetările au scos la lumina zilei morminte cu obiecte din epoca La Tène, printre care se evidenţiază înmormântarea bogată a unui războinic din necropola elenistică de la Philippopolis. Mormântul de incineraţie conţinea o sabie La Tène deformată în mod deliberat, asociată cu o fibulă La Tène timpuriu de tipul „Pestrup" (Bospatchieva 1995), situaţie ce se pare că trădează înmormântarea unui războinic „celtic", a cărui prezenţă pe acest teritoriu ar putea fi explicată prin dezvoltarea mercenariatului în regatele elenistice (Rustoiu 2006a, 53-63).

Un număr mult mai extins de fibule cu pseudo-resort vom observa în Muzeul din Shumen, care găzduieşte descoperiri ce se atribuie la circa 16 situri (dintre care şase sunt necropole) din împrejurimile platoului Shumen (Anastassov 2006, 12). Din totalul de 75 de fibule descoperite, 12 exemplare au piciorul decorat cu pseudo-resort, deopotrivă lucrate din fier şi bronz. Autorii au delimitat două variante: cu arcul filiform – 5a şi piese cu arcul lăţit, în formă de frunză de laur – 5b (Anastassov 2006, 14). Toate exemplarele se raportează la tipul A2 Peschel, reprezentând diferite variante ale acestuia şi sunt datate cu La Tène B2 (Peschel 1972, 16, 17).

Dincolo de similitudinile sesizate pe spaţii relativ înguste din sud-estul Europei, observăm teritorii mult mai largi în care au circulat fibulele cu pseudo-resort. Astfel, acestea se întind din regiunile vestice ale Franţei (Peschel 1972, 31, Abb. 10) până spre regiunile pontice (Anastassov 2006, fig. 7), fiind considerate ca marcheri ai migraţiei celtice (Anastassov 2006, 16; Lazarov 2001, 10). În mod special atragem atenţia la descoperirile din bazinele La Marne şi Moselle, cu extindere ulterioară spre valea râului Wesser, iar de acolo – tocmai spre regiunile Ungariei, României, Ucrainei şi Bulgariei.

„Grupul tipologic" V

Pentru fibula din „grupul" V, caracterizată prin decor sferic pe arc (nr. 10, fig. 13/2), nu am găsit analogii sigure în spaţiile limitrofe. Unele exemplare ar putea sugera anumite asemănări, însă imaginile şi descrierile foarte rezumative pe care le-am avut la dispoziţie nu ne pot oferi certitudini. Printre ipoteticele analogii ar putea fi enumerate două descoperiri din necropola de la Pişcolt (Németi 1992, fig. 22/M126,1; Németi 1989, fig. 1/M1, 2; Zirra 2017, pl. 73/2 şi pl. 62/4) şi câte un exemplar la Orosfaia (Vaida 2000, fig. 10/4; Zirra 2017, pl. 57/9), la Curtuişeni (Nánási 1973, pl. IV/1; Zirra 2017, pl. 44/3), la Cepari (Crişan 1966, fig. 25/4; Zirra 2017, pl. 31/1) şi la Ciumeşti (Zirra 2017, pl. 37/5). Nici pentru tipul de arc nu găsim multe analogii, una dintre cele mai apropiate fiind exemplarul din M. 125 de la Pişcolt (Németi 1988, fig. 5/M125, 1a; Zirra 2017, pl. 62/1).

Fibule cu sferă pe arc şi sfere pe piciorul recurbat observăm în centrul Europei, fiind de asemenea raportate la schema La Tène mijlociu (Bujna 2003, fig. 57, datate fiind B2c). Este adevărat că cele ilustrate de Bujna au o altă formă a arcului, dar şi alte dimensiuni. Totuşi, şi printre descoperirile de tip La Tène timpuriu avem o analogie pe teritoriul Serbiei, care merită a fi luată în seamă. Este vorba de o fibulă filiformă din bronz, cu piciorul ridicat, amplasat în poziţie liberă în raport cu arcul, care era decorat cu o sferă de dimensiuni mici, iar o a doua sferă decora piciorul acesteia. Aceasta a fost descoperită în M. 19/(G3 991) din necropola de la Pećine (Jovanovic 2018, 51, pl. 19/7). Este interesant că în acelaşi mormânt s-a mai descoperit o altă fibulă de bronz, care se aseamănă cu fibula de bronz de la Hlinaia (fig. 21/3), ce a apărut împreună cu cele două cu decorul globular pe arc (Jovanovic 2018, 49, pl. 19/3). Am putea admite şi unele exemplare pe teritoriul Bulgariei, având în vedere descoperirile de la Kalnovo, unde, într-o necropolă cu structuri similare celor de la Hlinaia, au fost descoperite două fibule de fier, dintre care cel puţin una ar putea să fie asemănătoare (Anastassov 2011, 236, fig. 25/1, 2).

„Grupul tipologic" VI

Un şir de analogii pentru exemplarul de la Saharna Mică (nr. 8, fig. 11/1, 2) au fost consemnate la Pişcolt. Cea mai apropiată din punct de vedere morfologic ar fi fibula din M. 138 (Németi 1988, 54, fig. 6/3; Zirra 2017, 300, 64/7), dar şi cea din M. 204 (Németi 1988, 103, fig. 21/1). Uşor deosebită ar fi fibula din M. 36, al cărei arc este lăţit (Németi 1988, 54, fig. 4/1; Zirra 2017, 300, 64/3). Fibulele din M. 185 (Németi 1989, 100, fig. 19/1; Zirra 2017, 300, 64/9) şi M. 159 (Németi 1989, 91, fig. 11/2; Zirra 2017, 300, 64/8) sunt apropiate ca formă, dar au dimensiuni diferite de exemplarele de la Saharna Mică (mai mică – cea din M. 185 şi mai mare – cea din M. 159). Respectivele artefacte au fost incluse de V.V. Zirra

în tipul 9, fiind caracterizate prin dimensiuni mari sau mijlocii, cu arcul puternic boltit, picior prevăzut cu o sferă, atingând înălţimea maximă a arcului. Resortul se compune din 4-6 spire, coardă exterioară – schemă La Tène timpuriu. Chiar dacă le califică prin termenul *Fibeln mit großem kugeligem Schlußstück*, observăm că descrierea exemplarelor incluse în acest tip nu are neapărat decorul constituit din sferă mare pe picior, iar piesele la care se face referinţă nu au neapărat acest tip de decor sau chiar nu-l au deloc, cum ar fi, spre exemplu, piesele de la Pişcolt din M. 14 (Németi 1992, fig. 2/1a-M. 14; Zirra 2017, 300, 64/11), M. 45 (Németi 1992, fig. 4/3-M. 45; Zirra 2017, 300, 64/6), M. 181 (Németi 1989, fig. 18/3-M. 181; Zirra 2017, 300, 64/12), de la Arad (Dörner 1972, 150, pl. 1/17; Zirra 2017, 300, 12/1), Ciumeşti (Zirra 1967, fig. 10/III; Zirra 2017, 300, 33/6) sau Fântânele (Dănilă 1978, fig. 5/5; Zirra 2017, 300, 46/2). Respectiv, vom lua în calcul doar exemplarele care, obiectiv, se aseamănă cu cele examinate, şi nu toate piesele atribuite la acest tip.

Apropiată tipologic este şi fibula de la Buneşti (Bazarciuc 1983, fig. 3), care a fost calificată ca tip 13 (?) de către V.V. Zirra (Zirra 2017, pl. 26/5). V.V. Zirra apreciază fibulele de tip 13 ca fiind, în general, de dimensiuni mici, cu arcul puternic boltit sau uneori drept, subţire, picior prevăzut cu o sferă de dimensiuni variabile, de regulă de dimensiuni mari în raport cu arcul, ajungând cel mult către mijlocul acestuia (Németi 1990, 87, fig. 21/3; Zirra 2017, 43). Vom rămâne rezervaţi faţă de o astfel de delimitare a tipului, prin care dimensiunile sferei nu vor fi luate în calcul, respectiv, vom fi rezervaţi în a califica întreg tipul 13 ca unul în care s-ar observa analogii pentru piesa de la Saharna. Astfel, un număr important de piese din şirul întocmit de V.V. Zirra nu se aseamănă cu piesa de la Saharna Mică, cum ar fi, spre exemplu, cele de la Ciumeşti (Zirra 1967, fig. 14/V; Zirra 2017, 33/8), de la Cucuteni (Schmidt 1932, pl. 30/17; Zirra 2017, 43/12, 13), Ichimeni (Teodor 1988, fig. 4/4; Zirra 2017, 48/6), Poiana (Teodor, Ţau 1996, fig. 3/3; Zirra 2017, 81/1) etc. Doar câteva dintre piesele descoperite la Pişcolt, menţionate în acest tip, ar putea găsi, cu anumite rezerve, corespondenţe pentru exemplarul de la Saharna Mică. În primul rând, este vorba de exemplarele păstrate relativ bine în M. 117 (Németi 1992, fig. 21/M117, 3; Zirra 2017, 68/6) şi cel din M. 7 (Németi 1989, fig. 2/2; Zirra 2017, 67/10), dar care sunt realizate din bronz şi care au un număr diferit de spire (4 şi 8). La ele s-ar adăuga cele din M. 97 (Németi 1989, fig. 7/4; Zirra 2017, 68/12) şi M. 47 (Németi 1992, 65, fig. 5/7; Zirra 2017, 68/13), ambele fiind din fier, dar de la care s-au păstrat doar decorul în formă de sferă mare pe picior. În M. 1 de la Remetea Mare au fost descoperite câteva fibule de fier cu sfera mare, dintre care piesa descoperită alături de urna funerară este foarte apropiată de cea de la Saharna Mică (Rustoiu 2008, fig. 55; Rustoiu 2017, 185, fig. 7/10).

Fibule de fier decorate cu sferă mare pe picior provin şi de pe teritoriul Ungariei. Vom aminti aici piesa foarte asemănătoare din necropola de la Kosd (descoperită împreună cu alte trei fibule de bronz şi un fragment de picior de fibulă din fier (Szabo, Peters 1992, 92, pl. 32) şi una de la Dubnik/Csúz (Szabo, Peters 1992, 105, pl. 87). La Ludas-Varjú-dűlő au fost semnalate cele mai multe analogii. Cele mai apropiate sunt reprezentate de fragmentele unei fibule de fier din M. 703 (Szabó, Tankó, Czajlik 2012, pl. XVI/2) şi ale alteia din M. 1288 (Szabó, Tankó, Czajlik 2012, pl. LII/3). În M. 879 avem o piesă asemănătoare, dar care este uşor deosebită de piesa de bronz de la Saharna, fiind mică prin dimensiunile resortului şi prin forma secţiunii arcului, care este ovală (Szabó, Tankó, Czajlik 2012, 43-44, pl. XXII/4). Autorul o atribuie tipului Bujna EF-C5, deşi resortul este de dimensiuni mari. Asemănătoare este şi fibula din M. 1003 (Szabó, Tankó, Czajlik 2012, pl. XXXII/5), al cărei picior are decor analogic, însă forma arcului, cu secţiunea romboidală şi resortul înalt, o deosebesc de exemplarul de la Saharna Mică, autorii atribuind-o tipului Bujna EF-C4. Alte trei exemplare provin din M. 1051 (Szabó, Tankó, Czajlik 2012, pl. XXXVIII/3 – EF-C7, 7, 8). Tot de acolo provine o fibulă de tip Dux din bronz, care are terminaţia piciorului foarte apropiată de cea a exemplarului de la Saharna Mică (Szabó, Tankó, Czajlik 2012, pl. XXXVIII/4). Ceva mai deosebită este terminaţia piciorului piesei de fier din M. 951, care însă se apropie de exemplarele analizate, dar şi două piese din M. 1009, asemănătoare morfologic, inclusiv prin decorul piciorului cu sferă de dimensiuni mari, dar deosebite ca decor al arcului (Szabó, Tankó, Czajlik 2012, 61, pl. XXXIV/9, 10 – EF-C7 şi EF-C5). Şi pe teritoriul Serbiei sunt cunoscute fibule similare, aducând drept exemplu câteva descoperiri din necropo-

la de la Čair in Stari Kostolac (Stojić, Jakanović 2008, fig. 138) şi de la Pećine, unde mormântul 3/G 3–982 conţine o pereche de fibule de schemă Dux timpuriu, cu sferă mare pe picior, şi o piesă de acelaşi fel, dar de dimensiuni mai mari, toate din bronz (Jovanović 2018, pl. 4/4, 6; Rustoiu, Egri 2011, fig. 9/3a-b, 5). În M. 16/ (G1-3 281), au fost localizate două piese din fier dintre care una foarte asemănătoare, doar că are patru spire (Jovanović 2018, 45, pl. 16/2), iar în M. 1/ (G1-3 268) – o piesă asemănătoare din fier (Jovanović 2018, 26, pl. 2/1).

„Grupul tipologic" VII

Trebuie să remarcăm că exemplare asemănătoare descoperirii întâmplătoare din nordul Moldovei (nr. 12, fig. 14/1, 2) nu prea au fost întâlnite în spaţiul nostru. Din ceea ce cunoaştem, cea mai apropiată analogie vine de la Pişcolt, M. 155 (Németi 1992, 97, fig. 27/1). Descrierea autorului este foarte succintă, iar imaginea nu este foarte expresivă, ceea ce ne lasă anumite rezerve în interpretarea ei. Totuşi, având în vedere acurateţea cu care sunt tratate materialele în general, vom da credit de încredere autorului cercetărilor, care califică respectivul exemplar ca fiind unul de schemă La Tène mijlociu. În calitate de argument suplimentar ar putea fi invocată delimitarea unui şir întreg de astfel de descoperiri. Este adevărat că arealul de răspândire al acestora este destul de îndepărtat, dar, totodată, şi suficient de îngust. Este vorba de regiunea cuprinsă între Dunăre şi Alpi (Ramsl 2003, fig. 11). Ceea ce merită de luat în seamă în mod special este delimitarea a cel puţin două tipuri de fibule cu resortul înalt – fibule de schemă La Tène timpuriu şi fibule de schemă La Tène mijlociu. Piesele mai vechi se concentrează în aceeaşi microzonă, doar că pe un spaţiu şi mai restrâns, cuprins între Traisen şi sudul Slovaciei (Ramsl 2003, 256, fig. 11), fiind delimitat chiar printr-un un tip aparte – *Pottenbrunn-Horny Jatov* (Ramsl 2003, 255). Necropola de la Pottenbrunn a găzduit mai multe exemplare de fibule de fier de tip Dux cu resortul înalt, cele din M. 562 şi M. 520 fiind mai apropiate din punct de vedere morfologic de artefactul descoperit pe teritoriul Republicii Moldova (Ramsl 2003, 255, fig. 10). Dintre piesele raportate la acest tip, cele din lista 1 – de la Chotin 16 şi Kamenin 7 (Ramsl 2003, 255, fig. 10) şi lista 2 – de la Bajc 22 şi Mana 15 (Ramsl 2003, 255, fig. 10) oferă cele mai bune analogii.

În acelaşi timp, descoperiri sporadice sunt menţionate şi în spaţii limitrofe. Astfel, o fibulă similară observăm pe teritoriul Sileziei, într-un mormânt izolat al necropolei cu mai multe orizonturi de la Żerniki Wielkie, pow. Wrocław (Jahn 1934, 116-119, fig. 8-13, pl. IX/ 2, cf. Dulęba 2019, 378, fig. 10/5). Fibula are paralele în orizontul pre-Duchcov (Holodňák, Waldhauser 1984, 36, fig. 2/15, 16) şi, după cum apreciază autorii descoperirii, ar putea fi vorba de o influenţă ce vine din regiunea Moraviei şi a Austriei Inferioare (Dulęba 2019, 384-85, fig. 13). Piese asemănătoare, dar cu anumite particularităţi, au fost descoperite pe teritoriul Ungariei. Spre exemplu, în necropola de la Sajopetri, în M. 9/55 observăm o piesă foarte apropiată, atribuită de autori la tipul Bujna EF-A3-A, doar că are şase spire (3+3). Fibula are un decor suplimentar pe picior şi este puţin mai mică (L – 8,5 cm, H – 3,3 cm) decât cea de pe teritoriul Moldovei (Szabó, Czajlik, Tankó 2018, pl. VIII/1). O altă piesă provine din M. 1003 al necropolei de la Ludas (Szabó, Tankó, Czajlik 2012, pl. XXXII/5), pe care autorii o atribuie tipului Bujna EF-C4. Şi la Kosd observăm o fibulă cu resort înalt, format din două spire, dar care se delimitează prin forma arcului (Szabo, Petres 1992, 91, pl. 30). Pe teritoriul Serbiei astfel de exemplare ar sugera descoperirile din mormântul 38/ (G1-3 1791) al necropolei de la Pećine (Jovanović 2018, 92, pl. 47/9).

Repere cronologice

„Grupul tipologic" I

Să urmărim care pot fi indicatorii cronologici pentru descoperirile ce fac parte din „grupul" I. În primul rând, vom porni de la constatarea faptului că în situl de la Saharna Mare avem un şir de asocieri ale fibulelor de schemă La Tène timpuriu cu piese ce au valenţe de indicatori cronologici. Astfel, în construcţia 5 (1/2012), împreună cu fibula de schemă La Tène timpuriu (cat. 3, fig. 5) şi numeroase descoperiri atribuite orizontului getic (fig. 16), au fost descoperite nouă fragmente de amforă, printre care unul de la un recipient de Chersones (fig. 16/11), ce se datează cu perioada cuprinsă între ultimul sfert al sec. IV şi prima treime a sec. III a. Chr (Mateevici 2016, 240), şi unul de Heracleea Pontica (fig. 16/12), datat cu sfârşitul sec. IV - începutul sec. III a. Chr. (Mateevici 2016, 236). Acest segment cronologic este reconfirmat de descoperirile din construcţia

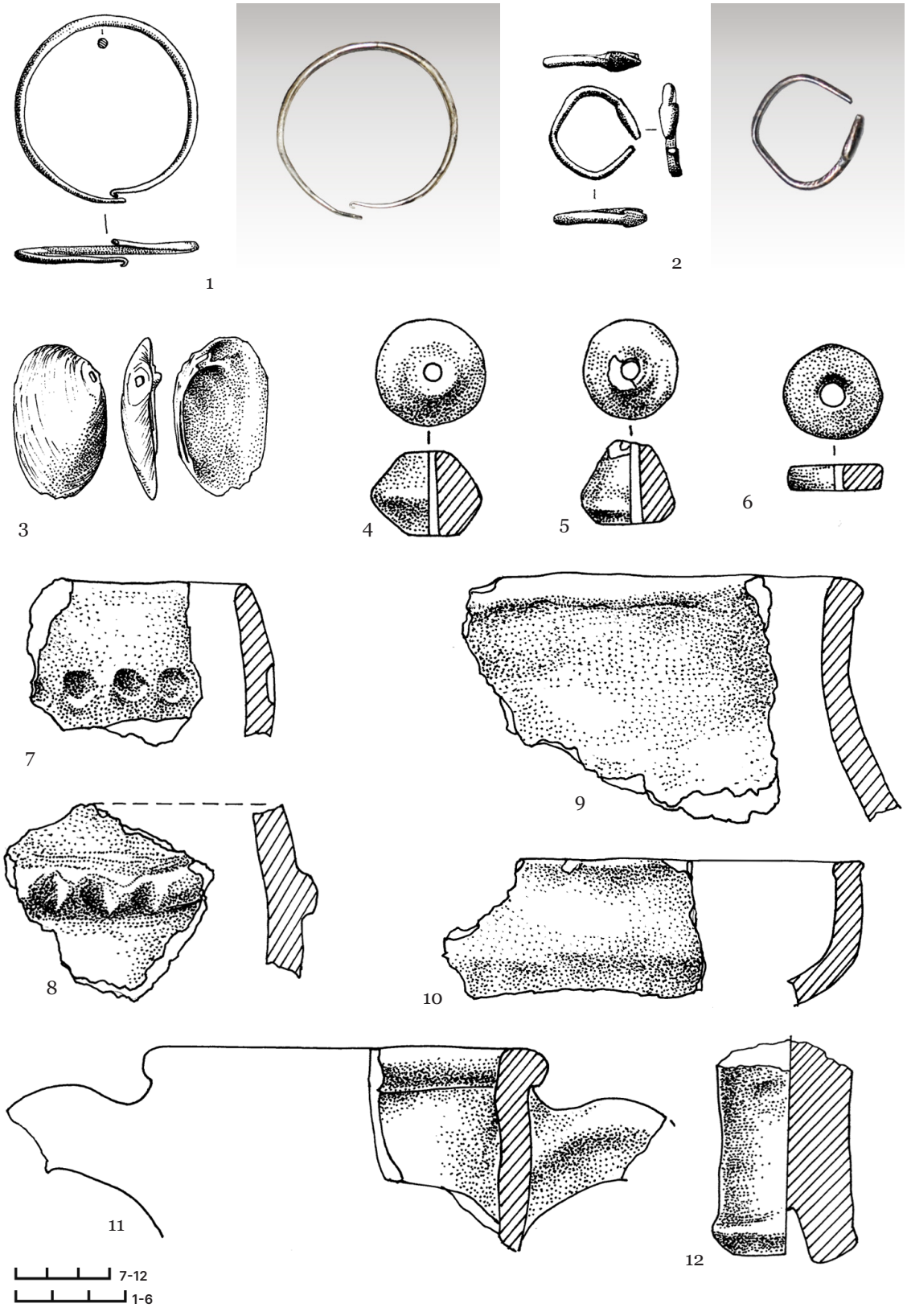


Fig. 16. Saharna Mare. Descoperiri din construcţia 5 (1/2012) asociate cu fibula cat. nr. 3 (după Niculiţă, Zanoci, Băţ 2016 şi autorii).

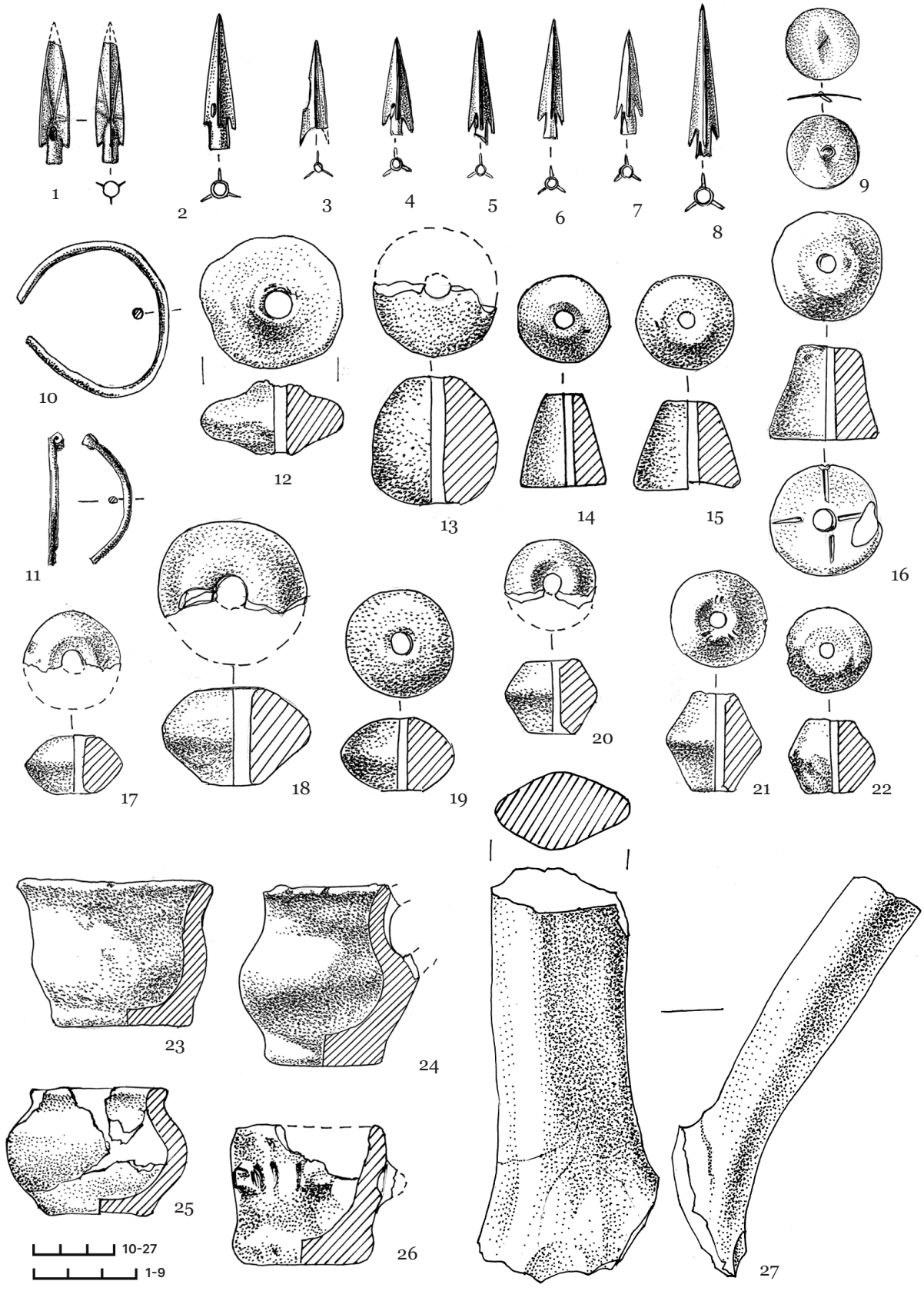


Fig. 17. Saharna Mare. Descoperiri din construcția 3/2017-2019 asociate cu fibula cat. nr. 5 (după Niculiță et al. 2019).

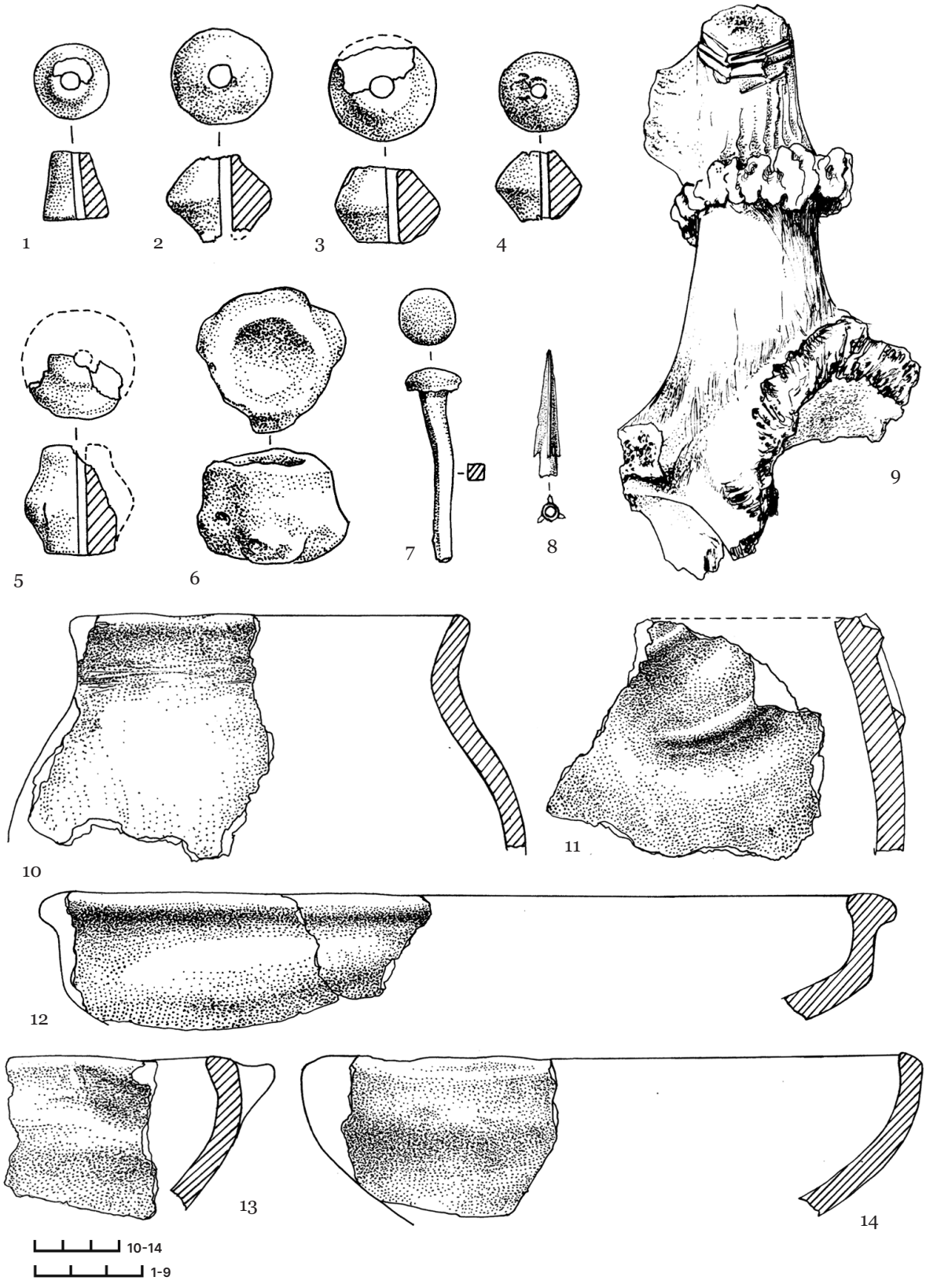


Fig. 18. Saharna Mare. Descoperiri din incinta bastionului nr. 2 asociate cu fibula cat. nr. 7 (după Niculiță, Zanoci, Băţ 2016 şi autorii).

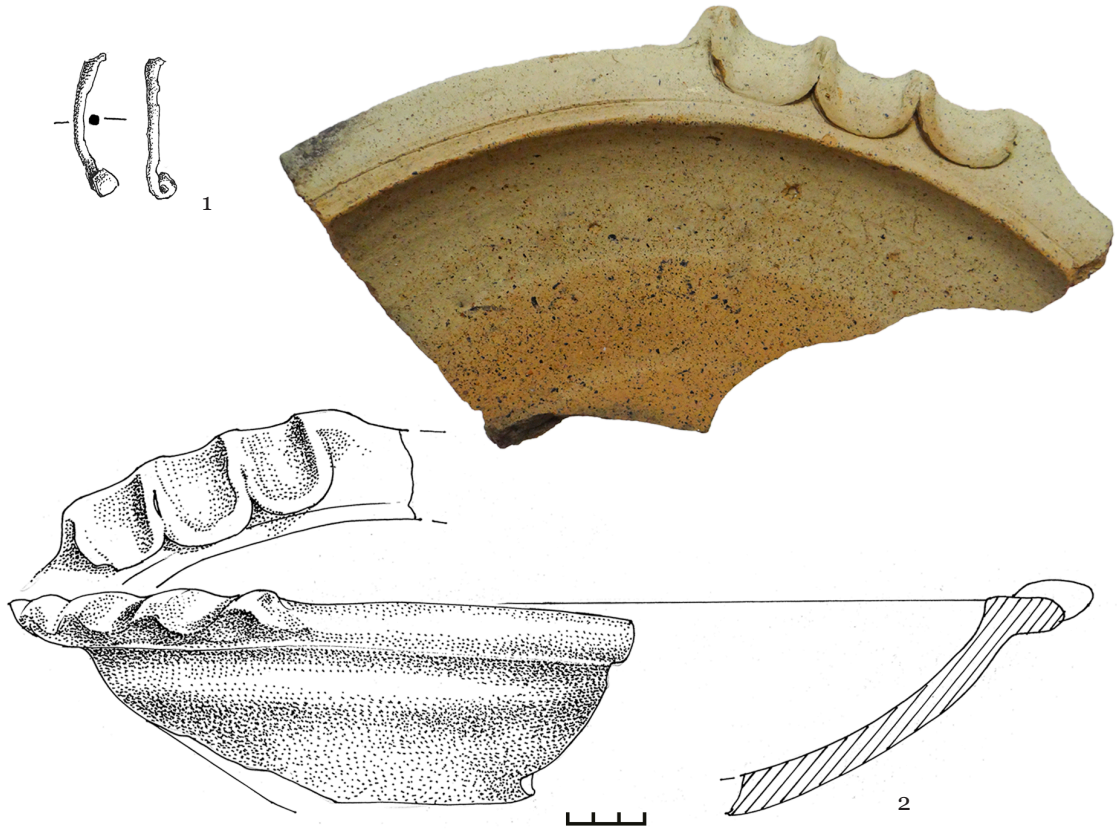


Fig. 19. Saharna Mare. Descoperiri din groapa 1/2019 (după Niculiţă et al. 2019, foto M. Băţ).

nr. 3/2017-2019 (fig. 17), în care avem fixată asocierea dintre fibula de tip Dux (nr. 5, fig. 7), o fibulă circulară, vârfuri de săgeţi din bronz „cu trei aripioare" şi un fragment de amforă de Thassos (fig. 17/27; Niculiţă et al. 2019, 307), care se datează larg cu secolul IV a. Chr. Această asociere de artefacte sugerează că ancorarea cronologică a locuinţei şi a setului de materiale descoperite acolo ar gravita spre intervalul cuprins între finele secolului IV şi începutul secolului al III-lea a. Chr. În acelaşi context, de avut în vedere că fibula nr. 6 (fig. 8) a fost descoperită în stratul cultural din imediata apropiere a construcţiei nr. 3 şi s-ar plia la acelaşi orizont cronologic. Un argument în plus în favoarea unor astfel de repere cronologice ar putea veni din partea descoperirilor din groapa nr. 1/2019. În afară de tradiţionala ceramică de factură traco-getică, constatăm asocierea unei fibule circulare (exact ca cea din construcţia nr. 3/2017-2019, ce a fost descoperită împreună cu fibula de tip Dux nr. 5, fig. 7) cu un fragment de luteriu de Sinope, datat cu a doua jumătate a sec. IV - începutul sec. III a. Chr. (fig. 19, Niculiţă et al. 2019, 298, fig. 42/10). Această situaţie, în mod indirect, ne determină să atribuim şi descoperirile din construcţia nr. 3/2017-2019, inclusiv fibula nr. 4, la perioada cuprinsă între finele secolului IV - începutul secolului III a. Chr. În continuare am putea invoca şi descoperirile de amfore din ruinele sistemului defensiv. O buză de amforă heracleotă de tip II-A-3, datată cu începutul sec. III a. Chr. (Mateevici 2015, 50), a fost localizată în ruinele valului, iar un picioruş de amforă heracleotă de la un vas de tipul II-A, datat cu sfârşitul sec. IV - începutul sec. III a. Chr. (Mateevici 2015, 51), a fost descoperit în dărâmăturile bastionului de sud. Considerăm că descoperirile materialului amforistic printre dărâmăturile sistemului defensiv din preajma structurilor incendiate din incintă, ce conţin fibule de schemă La Tène timpuriu, care, la rândul lor, sunt asociate cu amfore din acelaşi segment cronologic, constituie un argument suplimentar, suficient de convingător, pentru a sincroniza perioada de distrugeri (atât a sistemului defensiv, cât şi a structurilor din preajma acestuia) şi a o ancora în segmentul cronologic in-

dicat de importurile greceşti. Făcând bilanţul celor prezentate, considerăm că am avea suficiente temeiuri pentru a admite încadrarea cronologică a fibulelor de la Saharna Mare în perioada de la finele sec. IV - începutul sec. III a. Chr.

Pentru fibula de la Rudi, a cărei context nu ne este cunoscut, nu pot fi oferite repere cronologice interne, respectiv, vom pune la bază datările pe care ni le oferă analogiile depistate. Vom aminti că acestea au fost incluse de D. Măndescu în tipul I.4 (Măndescu 2000, 49-50), tip de broşe care în necropola de la Pişcolt constituie tipul A2 (Németi 1993, 122, fig. 7). De fapt, la acelaşi tip se raportează şi descoperirile de la Saharna Mare, chiar dacă observăm anumite particularităţi. Să urmărim, în cele ce urmează, ce repere ne oferă analogiile fibulelor din „grupul tipologic" I. După cum remarcam, cea mai apropiată analogie pentru acest grup vine de la Zimnicea, dar care constituie mai degrabă o excepţie pentru respectivele regiuni. Mai mult, piesa din sudul Munteniei a fost descoperită în afara contextului (Spânu 2014, 113), ceea ce aduce dificultăţi suplimentare de ancorare cronologică. Totuşi, asemănătoare morfologic cu fibulele de tip Dux (Maute 2000, 50), piesa demonstrează conexiunile pe care comunitatea din Zimnicea le-a avut cu Europa Centrală încă din faza B1 a La Tène-ului central-european (400-320 a. Chr.), cu alte cuvinte, chiar înainte ca celţii să ajungă în Balcani (Spânu 2016, 396). Ancorările cronologice ale fibulei de schemă La Tène timpuriu de la Zimnicea s-au realizat şi în contextul discuţiei privind asocierea fibulelor tracice cu fibula ce are două resorturi bilaterale funcţionale din mormântul C10M97 din aceeaşi necropolă. Pe baza asocierilor cu ceramică greacă sau, la Buneşti, cu drahme histriene, fibulele tracice pot fi datate în secolul al IV-lea a. Chr. şi, parţial, în prima jumătate a secolului următor (Măndescu 2010, 353-355, fig. 68a-c; Bazarciuc 1981, 566, nr. 32, fig. 4/5). Sincronizarea fibulelor tracice cu faza La Tène B2 din cronologia central-europeană este sugerată de asocierile cu fibule de schemă La Tène de la Fântânele (Rustoiu 2008, 26, fig. 2/25-26) şi Sborianovo (Féher 1934, 111-112, fig. 97/1-2, 4; cf. Măndescu 2010, 356), în aceeaşi perioadă fiind posibilă încadrarea fibulei cu două resorturi din mormântul C10 M97425 de la Zimnicea (Zirra 2000, 47; Măndescu 2010, 95; Spânu 2014, 113). Totodată, absenţa asocierii fibulelor tracice cu fibule din fazele La Tène C1 şi C2 indică ieşirea din modă a broşelor tracice începând cu cea de-a doua jumătate a secolului al III-lea a. Chr. (Spânu 2014, 114), impunându-se tot mai insistent o sincronizare a fibulelor tracice cu fazele B1 şi, mai ales, B2 din cronologia central-europeană (Vasić 2000; Rustoiu 2011), respectiv, în acelaşi interval de timp fiind posibilă ancorarea fibulei de schemă La Tène timpuriu, descoperită pe „Cetate" (Spânu 2014, 113).

Chiar dacă fibula de la Zimnicea pare a fi cea mai apropiată din punct de vedere tipologic, am observat că cele mai importante analogii pentru fibulele de fier de la Saharna Mare (nr. 2-5) provin din mormintele necropolei de la Pişcolt. Respectivele piese formează tipul A 2 sau Dux timpuriu şi aparţin orizontului I (Németi 1993, 122, fig. 7; Zirra 1997, fig. 19/1-3 şi fig. 25/a-b). Conform datelor oferite de autorul cercetărilor acum aproape trei decenii, necropola începe a fi funcţională din La Tène B1/B2, ori la scurt timp după mijlocul secolului IV a. Chr. (aproximativ în perioada 350-330 a. Chr., Németi 1993, 128). Vom vedea mai jos că reperele cronologice oferite de I. Németi au rezistat timpului, nu înainte de a atenţiona că aceluiaşi orizont îi sunt atribuite broşa de fier de tip Dux EF 1 din necropola de la Curtuişeni (Nánási 1973, IV/1-2; Zirra 2017, pl. 44/2) şi o piesă din necropola de la Tărian (Chidioşan, Ignat 1972, 562, pl. 6/9). Piese de tip A2 Németi se întâlnesc şi în alte necropole din Ardeal, cum ar fi cazul celor de la Oradea-Salca (Zirra 1971, 195, 197, fig. 15/1), de la Pecica (Zirra 1971, 180, fig. 1/2; Dörner 1972, 151, 153, pl. III/5; Zirra 2017, pl. 58/8) şi de la Aradul Nou (Zirra 1971, 179-180, fig. 1/3; Dörner 1972, 152, pl. 2/11), cea din urmă fiind ancorată în La Tène B2a – 330/320-290/280 a. Chr (Rustoiu 2017, 185; Rustoiu, Ursuţiu 2013, 326). Observăm cu uşurinţă că analogiile depistate conturează o concentrare de situri în spaţiile de nord-vest ale României, reprezentând o caracteristică importantă pentru aprecierea cronologiei respectivului tip de fibule.

Revenind la reperele cronologice ce pot fi desprinse din necropola cercetată de I. Németi, constatăm că din momentul publicării descoperirilor de la Pişcolt – un reper de bază pentru regiunile din estul bazinului carpatic – s-au întreprins numeroase eforturi pentru a rafina cronologia celei de-a doua epoci a fierului, inclusiv privind fazele sale incipiente. Amintim, spre exemplu, cele trei monografii ale lui Josef Bujna pentru diverse categorii de piese (Bujna 2003; Bujna 2005; Bujna 2011), sau interpretările realizate

de Aurel Rustoiu pentru artefactele din Bazinul Carpatic (Rustoiu 2015). Cercetările au vizat atât microregiuni bine distincte, cât și generalizări pe spații mai mari, cum ar fi, spre exemplu, estul Austriei (Pottenbrunn: Ramsl 2002; Mannersdorf: Ramsl 2011), valea râului Ipoly, la hotarul Ungariei cu Slovacia (Malé Kosihy: Bujna 1995), nordul Ungariei (Ludas: Szabó, Tankó, Czajlik 2012; Mátraszőlős: Almássy 2012) sau Transilvania (Berecki 2008; Berecki 2015). Evident, în contextul discuțiilor noastre, ne interesează, în primul rând, necropola de la Pișcolt – spațiul cu cele mai multe și fidele analogii pentru fibulele de la Saharna. Poate ar părea surprinzător în contextul multiplelor ajustări, dar datarea primei faze s-a menținut, rămânând a fi ancorată în perioada La Tène B1-B2 (Rustoiu 2014, 147, 150). Pe de o parte, acest rezultat se explică prin seriozitatea și profesionalismul autorului ce a publicat necropola de la Pișcolt, pe de altă parte însă, situația se explică și prin faptul că anumite tipuri de artefacte, descoperite la Pișcolt, sunt comune pentru întreg arealul de avansare a celților – Austria Inferioară, Slovacia și Ungaria (Rustoiu 2016, 238 cu bibliografia), respectiv permite o racordare suficient de exactă la siturile din Europa Centrală.

În acest sens, corelarea pieselor de la Pișcolt cu materialele din Slovacia, pentru care Josef Bujna a întocmit o tipologie riguroasă cu repere cronologice temeinice, pare a fi absolut binevenită. Observăm că piesele de tip A2 (după Németi) din necropolele transilvănene sunt similare tipului EF-A2-A, conform cronologiei propuse de J. Bujna (Bujna 2003, 63, obr. 33), tip care, la rândul său, este raportat în mod similar – sfârșitul La Tène B1, respectiv, la faza de tranziție La Tène B1-B2 (Bujna 2003, 63, obr. 31, 33, 64). Judecând după piciorul scurt al fibulei Dux 7.4 de la Curtuiușeni, cu un vârf ascuțit și spirala cu șase bucle, acesta ar putea aparține tipului EF-C4 sau EF-C5, datat cu perioada de trecere de la La Tène B1-B2 la mijlocul La Tène B2 (Bujna 2003, 69-70, fig. 38, 42, 44). Broșa de bronz 3.1 de la Curtuișeni este asemănătoare cu tipul BF-C2-a din necropolele slovace, care se datează de la mijlocul până la capătul La Tène B2 (Bujna 2003, 50, fig. 9, 11). După cum vedem, printre descoperirile corespunzând perioadei La Tène B1 se numără, în principal, broșe aparținând orizontului pre-Dux (Rustoiu, Ursuțiu 2013, 323; Dizdar 2015, 326), ceea ce ar însemna că primele comunități se stabilesc în estul bazinului carpatic începând cu sfârșitul secolului al IV-lea a. Chr. și începutul secolului următor (Rustoiu 2008, 37; Rustoiu, Ursuțiu 2013, 323).

Astfel, fazele de la Pișcolt ar corespunde cu fazele 3-7, propuse de Gebhard pentru întreg bazinul Carpatic (Gebhard 1989, 74-127), dintre care fazele 3 și 4 ar corespunde orizonturilor I și II de la Pișcolt (Rustoiu 2016, table 1). În acest sens, vom aminti că trei faze din La Tène B2 ale necropolei de la Ludas corespund cu orizonturile II-IV de la Pișcolt (Szabó, Czajlik, Tankó 2012, 141-149). Orizonturile 4 și 5 ale lui Gerbhard erau raportate la La Tène B2, începuturile respectivei faze fiind plasate spre 330-320 a. Chr. (Gerbhard 1989, 83-88, 118-120). Aceste date au fost corectate inițial de Szabó, care cobora începutul perioadei La Tène B2 spre sfârșitul secolului IV (Szabó 1996, 525, 526), delimitând, de fapt, un fenomen mai larg care acoperă spațiul din Slovacia cu extindere spre Ungaria, România occidentală, Serbia de nord și Croația de nord-est (Szabó 1996, 526). Este adevărat că rezultatele cercetării necropolei de la Ludas, înmănuncheate recent între coperțile unei monografii, nu i-au oferit lui Miklós Szabó și colegilor săi noi repere cronologice pentru datarea absolută a orizonturilor în cauză. Mai mult, autorii au considerat utilă revenirea la schema dezvoltată altădată de către Gebhard, conform căreia începutul La Tène B2 datează din 330/320 a. Chr., în timp ce sfârșitul ei corespunde anilor 260/50 a. Chr. (Szabó 2012, 150). Conform aceleiași viziuni, ar rezulta că demarcația dintre B2a și B2b ar fi trebuit să fi fost plasată în jurul anului 290 a. Chr. (Szabó 2012, 150). A nu se trece cu vederea faptul că autorii admit posibilitatea să fie puși în situația de a corecta data 330/320 a. Chr., menționată mai sus, și de a o readuce la 310 a. Chr., ceea ce ar presupune că faza La Tène B2b nu ar fi putut fi mai devreme de 280 a. Chr. (Szabó 2012, 150; Cf. Szabó 1994, 46-48) și se încheie aproximativ prin 260 a. Chr., poate, ceva mai devreme de 250 a. Chr. (Barral et al. 2012, 16). Și Mitja Guštin a propus, relativ recent, ca cea mai veche sosire a populațiilor celtice în teritoriul Austriei Inferioare să fie ancorată între 340 și 320 a. Chr. (Guštin, Kavur 2016, 69). Această propunere este sugerată de o datare actualizată a La Tène B2 în regiunea de la poalele Alpilor de Est, susținută de datarea cu radiocarbon pentru cimitirul La Tène din Pottenbrunn, în Austria Inferioară. Mormân-

tul 1005, datat la sfârşitul La Tène B1b, a produs rezultate absolute între 380 şi 350 a. Chr. (Ramsl 2002b, 359-361). Spre aceleaşi repere cronologice sunt îndreptate descoperirile fixate în spaţiile cuprinse între marginea sudică a Alpilor de Est şi câmpia Panoniei (Guštin 2011, 129), în nord-vestul peninsulei Balcanice în general (Popović 1996, 120), dar şi pe valea Dunării, în Croaţia şi Serbia (Popović 1991, 346; Drnić 2015, 77-78).

Pentru a încheia această incursiune în reperarea cronologică a fibulelor, vom reveni la necropolele transilvănene, în al căror inventar s-au găsit analogii pentru piesele descoperite în siturile de pe valea Nistrului. În acest sens, este interesant studiul lui Aurel Rustoiu, care a extins cercetarea asupra respectivelor artefacte, atenţionând că unele dintre ele încep a fi folosite din perioada de sfârşit La Tène B1 - început de La Tène B2, iar altele din La Tène B2 (Rustoiu 2008, 37, Rustoiu, Egri 2011, 13; Rustoiu 2014, 147; Rustoiu 2015, 14; Rustoiu 2016, 236). În mod special atragem atenţia asupra faptului că inventarele cimitirelor din Banat, cum ar fi cel de la Aradu Nou şi Remetea Mare, dar şi alte descoperiri accidentale, pot fi atribuite la orizontul 4 din Bazinul Carpatic, conform lui Gebhard (Rustoiu, Ursuţiu 2013, 326), orizont ancorat de către Rupert Gebhard în perioada La Tène B2a (Gebhard 1989, 74-127). Similitudini se întâlnesc şi în fazele timpurii ale unor cimitire din bazinul carpatic de nord, cum ar fi, spre exemplu, cele de la Maňa (Benadik 1983), Chotin (Ratimorská 1981) sau Ludas (Szabó, Tankó, Czajlik 2012). O situaţie similară se atestă şi la sud de Dunăre, aducând aici drept exemplu necropolele de la Kostolać-Pećine (Jovanović 2018; Popović, Jovanović 2004; Jovanović 1992; Jovanović 1984), Kostolac-*Repnjak* (Jacanović 1987), Požarevac (Božič 1981, 327, pl. 6/5-10) sau Belgrad-Karaburma (Todorović 1972). Constatările respective au dus la concluzia că cimitirele din Banat, de altfel ca şi cele de la confluenţa Moravei cu Dunărea, definesc un orizont unitar, aparţinând perioadei La Tène B2a şi marcând un traseu, de-a lungul căruia au înaintat unele mici grupări celtice, de la nord la sud, în intervalul cuprins între sfârşitul secolului al IV-lea şi începutul secolului al III-lea a. Chr. (Rustoiu 2012, fig. 3; Rustoiu, Ursuţiu 2013, 327; Ljuština 2014, 139).

În acest fel, observaţiile bazate pe materialele din fortificaţia Saharna Mare sunt în deplină concordanţă cu reperele cronologice pe care ni le oferă principalele analogii identificate: fibulele de schemă La Tène timpuriu se încadrează în La Tène B1-B2 sau La Tène B2a. Or, acest tip de fibule descoperit în zona Nistrului Mijlociu se sincronizează cu circulaţia acestora în sud-estul Europei.

„Grupul tipologic" II

Autorii cercetărilor de la Hlinaia au admis că fibula de dimensiuni mari din M. 51/1 (nr. 9, fig. 13/1) poate fi atribuită tipului cu pseudo-resort şi datată cu perioada primei jumătăţi a sec. III a. Chr. (Тельнов, Четвериков, Синика 2016, 965). În acest sens, ei au făcut trimitere la raţionamentele lui Igor Brujako privind circulaţia fibulelor cu pseudo-resort în sudul Basarabiei şi la observaţiile stratigrafice ale acestuia cu privire la fibula de la Nikonion (Бруяко 2005-2009, 333, 336, рис. 1/10-12, 2/12). Respectiv, întreaga structură a mormântului 51/1 a fost raportată la perioada ce nu ar depăşi mijlocul secolului III a. Chr. (Тельнов, Четвериков, Синика 2016, 965). Chiar dacă putem accepta astfel de repere cronologice pentru fibula din M. 51/1, considerăm forţată atribuirea ei la categoria fibulelor cu pseudo-resort. Amintim că respectiva fibulă, care nu a păstrat capătul piciorului, este asemănătoare, din anumite puncte de vedere, cu cele patru exemplare din „grupul" I (nr. 3-6). Totodată, ea reprezintă o semnificativă deosebire morfologică a arcului. Acesta este mult mai alungit decât la celelalte descoperiri, dar şi mai scund, la care se adaugă şi lungimea pronunţată a piciorului. Chiar dacă respectivele elemente ar tinde să apropie această fibulă de tradiţiile La Tène mijlociu, caracteristicile de bază sunt ale schemei La Tène timpuriu, sugerând asemănări cu fibulele de tip 9 din necropola de la Pişcolt. Conform autorului cercetărilor de la Pişcolt, respectivele broşe constituie o fază evolutivă a fibulelor de tip Dux. De regulă, aceste fibule sunt însoţite de obiecte metalice specifice pentru La Tène B2 (Németi 1989, 107), cu analogii în descoperirile din Europa Centrală (Benadik 1978, 412, fig. 22), ceea ce ar încadra cronologic şi descoperirile din nord-vestul României. Spre aceleaşi date ne conduc şi descoperirile de la Pećine, care sunt datate cu La Tène B2 (Jovanović 2018, 83, pl. 42/1).

„Grupul tipologic" III

Pentru fibulele din „grupul tipologic" III (nr. 1 şi nr. 7, fig. 3; fig. 9) nu avem repere cronologi-

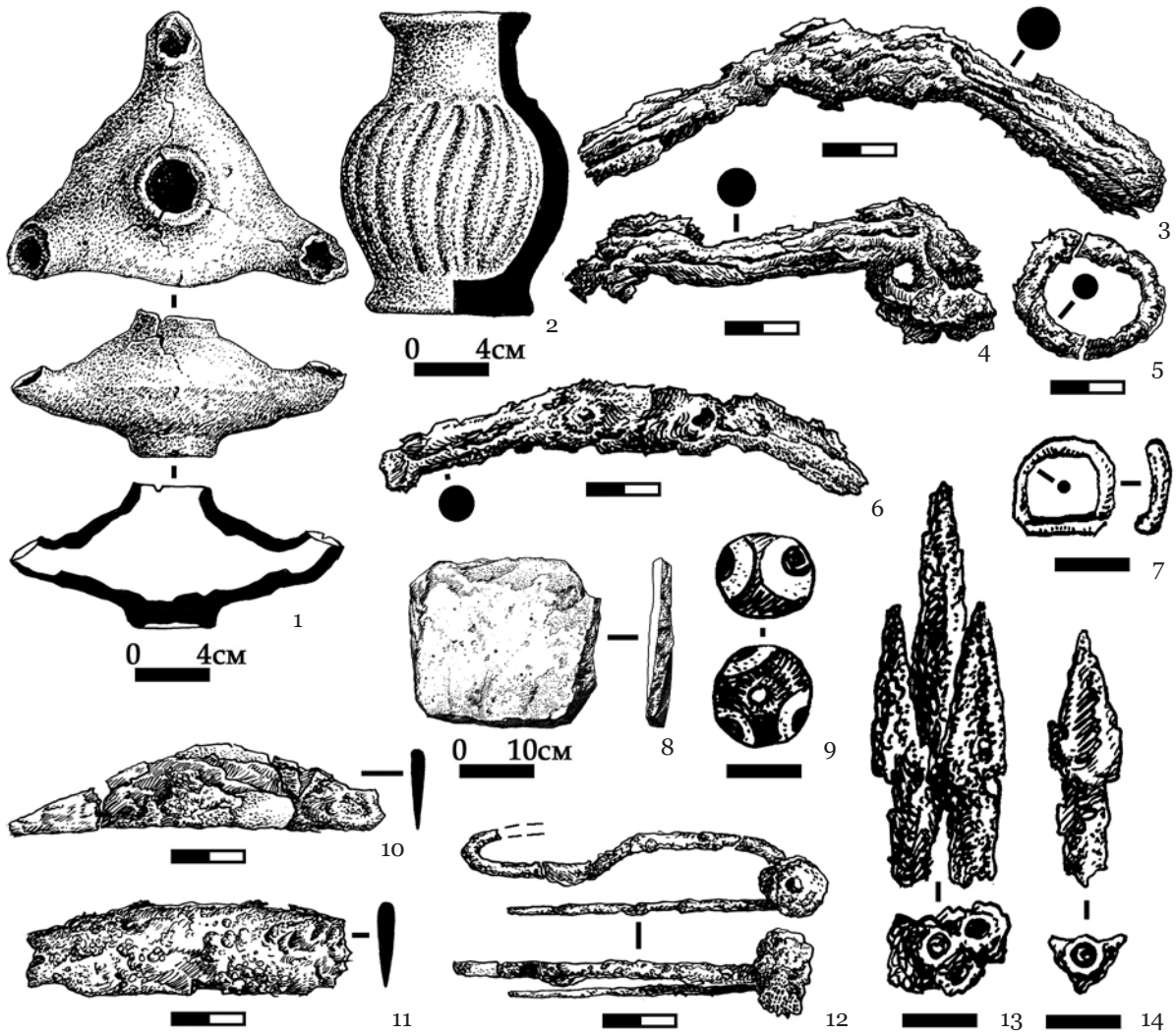


Fig. 20. Hlinaia (Glinoe). Mobilier funerar din mormântul 51/1 asociate cu fibula cat. nr. 9 (după Тельнов, Четвериков, Синика 2016).

ce interne directe. Astfel, contextul descoperirii fibulei în stratul cultural din incinta bastionului nr. 2 de la Saharna Mare nu ne oferă niciun indiciu sigur în acest sens. Nici datele interne din situl de la Mana nu ne pot oferi repere directe (în incinta sitului au fost semnalate vestigii din diferite perioade, iar fibula a fost descoperită în afara structurilor arheologice). Totodată, având în vedere că este vorba de o fortificaţie getică, în care s-a descoperit şi o fibulă circulară, exact ca în groapa nr. 1/2019 din fortificaţia getică de la Saharna Mare (în care o fibulă circulară se asociază cu una de schemă La Tène timpuriu şi cu un fragment de luteriu de Sinope, datat cu a doua jumătate a sec. IV - începutul sec. III a. Chr.), am putea admite că şi fibula de la Mana ar avea o circulaţie relativ apropiată de respectivul interval de timp. Pentru a evita incertitudinile, vom urmări reperele cronologice cunoscute pentru analogiile stabilite. Reamintim că pentru fibulele din „grupul" III, principalele similitudini au fost semnalate în necropolele din nord-vestul Transilvaniei. Analogiile din cimitirul de la Pişcolt, care din cauza imaginilor destul de confuze nu oferă certitudini, se situează în toate fazele de evoluţie a necropolei. Astfel, fibula de fier din M. 179 (Németi 1988, 58, 60 fig. 8/M179, 1; Zirra 2017, pl. 64/5) şi cele două exemplare din M. 34 (Németi 1988, 54, 53, fig. 3/M34/1, 2) fac parte din primul

orizont. Mormântul nr. 207 din care face parte exemplarul de fier (Németi 1989, fig. 22/2) se atribuie orizontului II, iar M. 14 (Németi 1990, fig. 2/3-M14) şi M. 144 (Németi 1990, fig. 25/2-M144) fac parte din orizonturile III şi IV. La fel de largă este şi perioada oferită de reperele cronologice ale fibulei de la Buneşti, dacă e să semnalăm totuşi anumite similitudini cu cele de la Mana şi Saharna Mare. Autoarea săpăturilor de la Buneşti a admis că nivelul de locuire în care s-a descoperit fibula s-ar încadra între sfârşitul sec. IV şi începutul sec. II a. Chr. Trebuie să dăm dreptate lui V.V. Zirra, care observa, cu eleganţă, că niciunul dintre materialele amintite sau ilustrate nu obligă la o datare sigură în sec. II a. Chr., respectiv, acest tip nu ar depăşi secolul III a. Chr. (Zirra 2017, 39). Poate ceva mai clară ar fi raportarea cronologică a fibulei de bronz din M. 6 de la Ciumeşti, care ar putea fi datată cu LTB2 sau chiar început de La Tène C1 (Zirra 2017, pl. 33/6; Zirra 1967, 24, 25 fig. 11/II).

Observaţiile făcute în baza descoperirilor din România vin să fie confirmate de datările oferite pentru materialele din Europa Centrală. În cronologia pieselor din Slovacia, unde principalele analogii se raportează la tipurile EF-C2 şi EF-C3, se va opera cu ancorarea lor în perioada La Tène B1 (Bujna 2003, 84), iar exemplarele de tipul EF-C4 şi EF-C7 sunt datate cu La Tène B2 (Bujna 2003, 85). Descoperirile din zona Moraviei sunt atribuite perioadei La Tène B1 (Čižmář 1975, 420, 422, obr. 2/4), cam aceeaşi situaţie fiind observată pe teritoriul Ungariei: piesa descoperită la Ludas în M. 879 (Szabó et al. 2012, 43-44, pl. XXII/2), uşor deosebită de piesa de bronz de la Saharna Mică, a fost găsită împreună cu o altă fibulă ce are piciorul decorat cu sferă de dimensiuni mari (asemănătoare fibulelor din „grupul" VI). Deşi resortul respectivului artefact este de dimensiuni mari, acesta a fost atribuit de către autor la tipul Bujna EF-C5 (Szabó et al. 2012, 44, pl. XXII/2), raportându-se la orizontul V, care se datează cu La Tène B2b (Szabó et al. 2012, fig. 187). Tot de la Ludas provine un alt exemplar din fier, având însă resortul cu opt spire (Szabó, Tankó 2006, fig. 4/3; Szabó, Czajlik, Tankó 2012, 48, pl. XXVII/5). Acesta a fost descoperit în M. 951, care este atribuit orizontului IV al necropolei ce se datează cu La Tène B2a. Piesele din Bosnia au fost încadrate în secolul IV a. Chr. (Popović 1996, 113, fig. 7/10), iar cele din Macedonia aproximativ la răscrucea LT B1 şi B2, respectiv cam la finele sec. IV - începutul secolului III a. Chr (Popović 1996, 112, fig. 6/10).

„Grupul tipologic" IV

Fibulele descoperite în M. 116/1 de la Hlinaia au fost încadrate cronologic de către autorii cercetărilor în prima jumătate a secolului III a. Chr. (Синика, Тельнов 2018, 259). Totodată, având în vedere că în şanţul tumulului a fost descoperită partea inferioară a unei amfore de Heracleia (fig. 21/14), care este identică cu o amforă întreagă din M. 71/1 ce se datează, în baza ştampilei, la final de sec. IV - început de sec.III a. Chr. (Кац 2007, 244, прил. V: 7; Тельнов, Четвериков, Синика 2016: 436, 826, 945-946, 988, табл. 21/10; рис. 244/5, 6), autorii au admis că întreg setul de descoperiri din structură funerară (fig. 21), inclusiv fibulele descoperite acolo, să fi avut încadrarea cronologică în intervalul cuprins între sfârşitul celui de al doilea sfert - începutul sfertului al treilea al secolului III a. Chr. (Синика, Тельнов 2018, 260). Este adevărat, nu prea e clară logica autorilor şi cum se face că fibulele care se datează în prima jumătate a secolului III, asociate cu fragmentul de amforă datat la final de secol IV - început de III a. Chr., ar oferi o datare a structurii în a doua jumătate a secolului III a. Chr.? Pentru a lămuri această nedumerire, vom arunca o privire spre analogiile depistate pentru acest tip de fibule. Mai mult, vom antrena în aceste observaţii şi informaţiile privind fibula nr. 9 care, deşi este de alt tip, a fost descoperită în acelaşi mormânt.

Fibulele din „grupul" IV se atribuie tipului A1-A2, conform morfologiei propuse de Peschel (*Fibeln mit Spiralfuß*), având un areal foarte extins de circulaţie. Acestea sunt cunoscute din zona Franţei de Est până spre câmpiile pontice şi sunt încadrate în perioada LT B2 a schemei cronologice central-europene (Peschel 1972, 3-19). Se pare că la aceleaşi repere cronologice se racordează şi descoperirile similare din teritoriile învecinate necropolei de la Hlinaia. Piesele cu pseudo-resort din grupul tumulilor tiraspoleni, dar şi cele de bronz din necropola de la Hlinaia, având analogii perfecte în regiunea Sborjanovo din Bulgaria, urmează a fi racordate la perioada ce nu ar depăşi La Tène B2 (Anastassov 2006, 17). Fibulele cu pseudo-resort din zona ucraineană a Dunării de Jos, care se caracterizează prin arcul

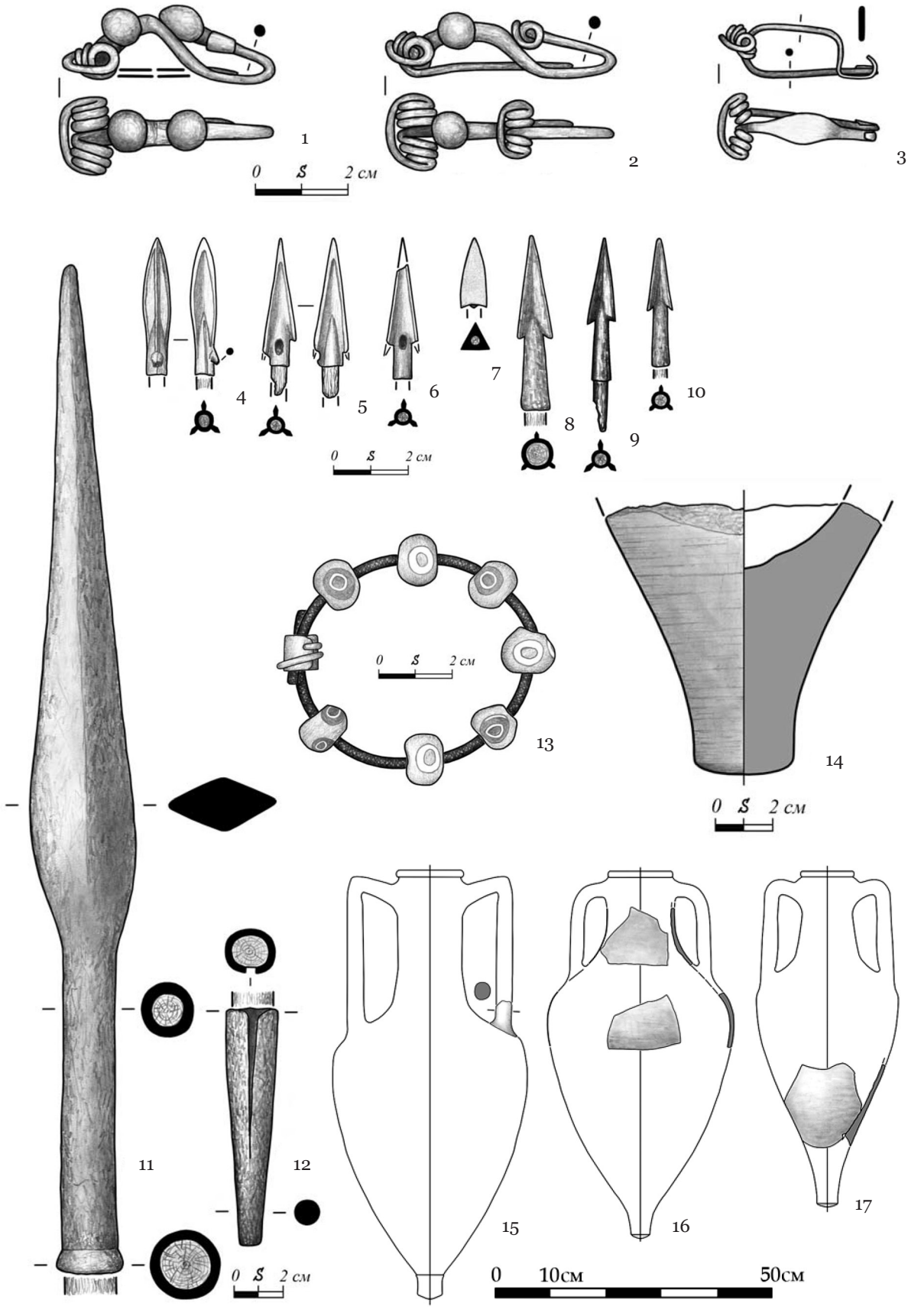


Fig. 21. Hlinaia (Glinoe). Mobilier funerar din mormântul 116/1 asociat cu fibulele cat. nr. 10-11 (după Синика, Тельнов 2018).

filiform, uşor îngroşat în partea centrală (posibile influenţe venite dinspre tipul tracic), după toate probabilităţile, nu depăşesc mijlocul secolului III a. Chr. (Бруяко 2005-2009, 333), fără să existe repere mai exacte pentru fazele incipiente ale circulaţiei lor. Asocierea acestora cu exemplare ce au decor de tip Brandeburg, ar veni să confirme, într-o anumită măsură, aceste date, respectivele fibule avându-şi circulaţia în spaţiul carpato-pontic în perioada La Tène B2-C1 (Еременко, Щукин 1998, 73) şi, poate, fiind chiar prototipul celor cu decor în opt (Щукин 1993, 104).

Şi piesele de pe teritoriul României care se includ în tipurile A1-A2 conform morfologiei lui K. Peschel, cum ar fi, spre exemplu, descoperirile de la Zimnicea, urmează a fi plasate în intervalul de timp LT B2, reflectând debutul adoptării modelelor culturale La Tène la Dunărea de Jos (Spânu 2016, 397, fig. 2/13, 14). În ceea ce ţine de varianta exemplificată prin descoperirea de la Tariverde, s-a exprimat viziunea că ar fi putut fi atribuită sfârşitului subfazei La Tène B2, constituindu-se în piese ce fac trecerea la schema La Tène mijlociu (Mândescu 2000, 58; Shchukin 1995, 304, fig. 7/14; Амброз 1966, 12, t. 1/8).

Numărul semnificativ de fibule, descoperit pe teritoriul Bulgariei, oferă aceleaşi tendinţe de ancorare în La Tène B2. Foarte sugestive, în acest sens, sunt descoperirile funerare de la Sboryanovo (Anastassov 2011, 234, fig. 22) şi din necropola tumulară Seuthopolis (Dimitrov, Čičikova 1978, 52-53; Anastassov 2011, fig. 23). Majoritatea respectivelor descoperiri „feminine" pot fi datate începând de la sfârşitul secolului al IV-lea sau chiar începutul secolului al III-lea a. Chr. până la începutul „Marii Expediţii" şi, poate, chiar înainte de fondarea regatului Tylis (Anastassov 2011, 234). Fibulele de schemă La Tène timpuriu din colecţia Muzeului Regional Russe (Anastassov 2007, 166, pl. 1) sunt datate cu perioada de tranziţie La Tène B2-C1 (Anastassov 2007, 173). Alături de înmormântările aristocratice feminine, structurile funerare ale războinicilor, cum ar fi, spre exemplu, cazul de la Philippopolis, trădează o efectivă prezenţă celtică în Tracia aproximativ pe la începutul secolului III a. Chr, chiar dacă la această etapă ea era încă suficient de restrânsă numeric, reflectând procesul dezvoltării mercenariatului în statele elenistice (Rustoiu 2006a, 53-63). Pe baza obiectelor de tip La Tène, descoperite în Bulgaria, este posibil să distingem originea unora dintre persoanele care au luat parte la „Marea Expediţie" şi s-au stabilit în Tracia în secolul al III-lea a. Chr. Cu siguranţă, acestea provin din teritoriile Moraviei, Boemiei şi ale Bazinului Carpatic, care prezintă cele mai apropiate paralele, plasându-se printre principalele surse ale grupurilor migratoare, extinzând spre est graniţa lumii celtice orientale (Szabó 2006).

„Grupul tipologic" V

Amintim că pentru fibulele cu decor sferic pe arc (nr. 10, fig. 13/2) nu am găsit analogii sigure în spaţiile limitrofe. Unica fibulă care, mai mult sau mai puţin, poate fi asociată cu cea de la Hlinaia a fost descoperită în Serbia, în necropola de la Pećine, aceasta fiind datată cu La Tène B2 (Jovanović 2018, 203). Este interesant că în acelaşi mormânt s-a mai descoperit o fibulă (fig. 21/3) care, fiind realizată din bronz, se aseamănă foarte bine cu fibula de bronz de la Hlinaia, ce a apărut în M. 116/1, împreună cu cele două cu decorul globular pe arc (Jovanovic, 2018, 49, pl. 19/3). Respectivul exemplar se aseamănă cu fibulele de tip I.16, conform clasificării propuse de Dragoş Mândescu (Mândescu 2000b, 57-58). Se cunosc doar trei exemplare de acest tip, fiind descoperite în două puncte: unul – la Satu Nou (Irimia, Conovici 1989, 123, 148, fig. 31/8) şi două – la Poiana (Vulpe et al. 1952, 202, fig. 25/2). Fibulele de acest tip au fost încadrate cronologic în a doua jumătate/sfârşitul subfazei La Tène B2 (Mândescu 2000, 58). Fibulele de pe teritoriul Bulgariei, din necropola de la Kolnova, descoperite în structuri similare celor de la Hlinaia şi care sunt relativ asemănătoare, în special cu artefactul marcat în imagine cu nr. 2 (Anastassov 2011, fig. 25/1, 2), sunt încadrate în La Tène C1 (Anastassov 2011, 236). Exemplarele incerte însă au fost datate cu La Tène B2c, cum e cazul celor din Europa Centrală (Bujna 2003, fig. 57).

Corelând informaţia privind cele trei tipuri de fibule din M. 116/1 de la Hlinaia, putem admite circulaţia acestora în perioada La Tène B2, cu o posibilă extindere spre perioada de tranziţie La Tène B2-C1.

„Grupul tipologic" VI

Cea mai timpurie încadrare cronologică pentru piesele din acest „grup tipologic" (fig. 11) o vedem în necropola de la Remetea Mare-Gomila lui Pituţ, în M. 1 (Rustoiu 2017, 190, fig. 7/2, 10), unde

avem câteva fibule de fier cu sfera mare pe picior, acestea fiind datate cu La Tène B2a – 330/320-290/280 a. Chr. (Rustoiu 2017, 190; Rustoiu 2008, 111-115, fig. 55, 57/2). Următoarele repere cronologice vin de la Pişcolt, dar care necesită o abordare prudentă. După cum am observat mai sus, piesele de la Pişcolt ce au similitudini cu cea de la Saharna, au fost incluse de V.V. Zirra atât în tipul 9, cât şi în tipul 13. Însuşi faptul că piesele similare au fost incluse în tipuri diferite, precum şi anumite neconcordanţe, pe care le vom menţiona mai jos, ne fac să fim mult mai prudenţi la capitolul cronologie şi chiar reticenţi în a prelua date în întregime. În acest sens, amintim că fibulele de tip 9, conform Zirra, au fost catalogate ca fiind specifice orizontului II (Zirra 2017, 41, fig. 22), însă, după observaţiile noastre, mormintele de la Pişcolt, în care s-au descoperit fibule similare celor pe care le analizăm (M. 138 şi M. 36), au fost atribuite orizontului I de către autorul săpăturilor (Németi 1988, 54) şi doar piesele asemănătoare, dar de proporţii mai mici, au fost descoperite în mormintele orizontului II (M. 185 şi M 159). Or, conform datelor oferite de autorul cercetărilor realizate acum aproape trei decenii, necropola începe a fi funcţională din LT B1/B2, deci la scurt timp după mijlocul secolului IV a. Chr. (aproximativ în perioada 350-330 a. Chr., Németi 1993, 128). În necropola de la Sanislău, fibulele de tip 9 sunt încadrate în faza La Tène B2, datarea mormintelor în care au fost găsite pornind, în special, de la aceste fibule (Zirra 1972, 174, 155, fig. 3/1-2; Zirra 2017, 41). În ceea ce priveşte datarea pieselor de tip 13 de la Pişcolt, vom atenţiona că acestea vin din morminte ce au fost atribuite deopotrivă atât orizontului II (M. 7: Németi 1989, 75; M. 97: Németi 1989, 82, 86), cât şi orizontului III (M. 47: Németi 1992, 65; M. 117: Németi 1992, 87). V.V. Zirra, în baza serierii inventarelor, dar, mai ales, în baza distribuţiei planimetrice a exemplarelor acestui tip, a plasat respectivele descoperiri la sfârşitul celui de-al doilea şi începutul celui de-al treilea orizont de înmormântări (Zirra 2017, 43, nota 4). Or, datarea generală a acestui tip poate fi admisă pentru o etapă corespunzătoare sfârşitului La Tène-ului timpuriu şi începutul La Tène-ului mijlociu (B2/C1) (Zirra 2017, 44, pl. 2/13; harta 6, fig. 22 şi lista). Totodată, de amintit că două dintre piesele menţionate sunt cunoscute doar în baza fragmentelor, iar cele întregi se deosebesc prin anumite particularităţi constructive de exemplarele de la Saharna Mică.

Să urmărim şi ce ne oferă descoperirile din Europa Centrală. Analogiile pieselor din necropola de la Ludas se raportează la două orizonturi. Fibulele de tip EF-C7 după Bujna din M. 951, M. 1051 şi M. 1282 sunt atribuite orizontului IV (Szabó, Tankó, Czajlik 2012, fig. 187). Fibule de acelaşi tip au fost descoperite însă şi în alte trei morminte care sunt datate cu faza V – M.1009, 703 şi 879 (Szabó, Tankó, Czajlik 2012, fig. 187). De avut în vedere că în M. 1051 şi M. 1282, ambele atribuite orizontului IV, au fost semnalate, dincolo de fibulele de fier de tip EF-C7 după Bujna, şi piese de tip BF-Hy1-A. Aceeaşi combinaţie se observă şi în M1009, care face parte din orizontul V, confirmând afirmaţiile autorilor prin care se constată dificultatea diferenţierii între orizonturile IV şi V – LT B2a şi LT B2b (Szabó, Tankó, Czajlik 2012, fig. 184-185). În afară de cele menţionate mai sus, fibule ce au piciorul decorat cu o sferă mare au mai fost descoperite în M. 703 şi M. 879, care aparţin orizontului V (Szabó et al. 2012, fig. 187). Piesa descoperită în M. 879 (Szabó et al. 2012, 43-44, pl. XXII/4), uşor deosebită de piesa de bronz de la Saharna Mică, este atribuită de către autor la tipul Bujna EF-C5 (Szabó, Tankó, Czajlik 2012, 44), deşi resortul este de dimensiuni mari, fiind datată cu La Tène B2b (Szabó, Tankó, Czajlik 2012, fig. 187). Vom mai aminti alte două descoperiri asemănătoare, care sunt datate cu La Tène B2. Este vorba de un picior de fibulă de fier, descoperit împreună cu alte trei fibule de bronz în necropola de la Kosd (Szabo Peters 1992, pl. 32), şi o fibulă foarte asemănătoare de la Dubnik/Csúz (Szabo, Peters 1992, 105, pl. 87).

Descoperirea de la Pećine, în Serbia, a unei perechi de fibule de schemă Dux timpuriu cu sferă mare pe picior şi o piesă de acelaşi fel, dar de dimensiuni mai mari, toate din bronz, aparţine aceluiaşi tip, având o largă răspândire în Bazinul Carpatic (Jovanović 2018, pl. 4/4, 6; Rustoiu, Egri 2011, 29, fig. 9/3a-b, 5), de altfel, ca şi exemplarele de fier de la Pećine din M. 1/ (G1-3 268) (Jovanović 2018, 26, pl. 2/1) şi M. 16/ (G1-3 281) (Jovanović 2018, 45, pl. 16/2). Exemplare similare, realizate atât din bronz, cât şi din fier, au fost descoperite în complexe funerare datate, în general, în La Tène B2a (Gebhard 1989, 74-117; Bujna 2003, 48-50, fig. 9/C1-Bac, 10/Bac; Szabó,

Tankó 2006, 331, fig. 4/7; Németi 1988, 103-107, tip 8; etc.).

Constatăm că analogiile mai apropiate pentru fibula de la Saharna Mică sunt ancorate în perioada ce defineşte faza de început a necropolei de la Pişcolt. Conform datelor oferite de autorul cercetărilor acum aproape trei decenii, necropola începe a fi funcţională din La Tène B1/B2, ori la scurt timp după mijlocul secolului IV a. Chr. (cândva în perioada 350-330 a. Chr., Németi 1993, 128), date care s-au menţinut de-a lungul timpului, rămânând a fi ancorate în perioada La Tène B1-B2 (Rustoiu 2014, 147, 150). Acestea vin să fie confirmate de încadrarea cronologică a descoperirilor de la Remetea Mare care sunt datate cu La Tène B2a (330/320-290/280 a. Chr.) (Rustoiu 2017, 190). Totodată, nu trebuie să ne scape că anumite exemplare, chiar dacă nu sunt identice cu descoperirea de la Saharna Mică, sunt totuşi relativ apropiate de acestea şi supravieţuiesc reperelor indicate mai sus, prelungindu-se şi în intervalul La Tène B2 şi, poate chiar, prelungindu-se şi până la intervalul cuprins între final de La Tène B2 - început de La Tène C1. Cam acelaşi tablou ni-l oferă şi descoperirile de pe teritoriul Ungariei şi Slovaciei.

„Grupul tipologic" VII

Pornind de la numărul analogiilor delimitate pentru acest tip de descoperiri (fig. 14), nu avem un spectru larg de date cu care am putea opera. Totuşi cele câteva repere de care dispunem ne oferă o situaţie relativ bine deslușită. Considerăm oportun să punem la baza observaţiilor noastre datele pe care ni le oferă descoperirile compacte de tip *Pottenbrunn-Horny Jatov*. Orizontul de la Pottenbrunn, cu fibule de fier de dimensiuni mari ce au resortul constituit din două spire înalte, a fost datat cu perioada ce începe în La Tène B2 şi durează până la La Tène C1 (Ramsl 2003, 256). De acelaşi interval cronologic sunt legate unele descoperiri de pe teritoriul nord-estic al Ungariei. Astfel, piesa de la Sajopetri, descoperită în M. 9/55 (Szabó, Czajlik, Tankó 2018, 31, pl. VIII/1), împreună cu o fibulă de tip EF-A2 după Bujna (Szabó, Czajlik, Tankó 2018, 31, pl. VIII/2), face parte din orizontul IV al necropolei, respectiv LT B2b (Szabó, Czajlik, Tankó 2018, 216). Un alt exemplar, aproape identic cu cel de la Sajopetri, a fost descoperit în M. 1003 al necropolei de la Ludas și, după toate probabilităţile, aparţine aceluiaşi orizont (Szabó, Tankó, Czajlik 2012, pl. XXXII/5). Pe teritoriul Sileziei, în M. 8 al cimitirului din Żerniki Wielkie, pow. Wrocław, a fost semnalat exemplarul unei fibule de schemă La Tène timpuriu cu resortul mare, constituit din două spire (cf. Dulęba 2019, 378, fig. 10/5). În baza descoperirilor asociate, se pare că fibula ar putea data din faza finală a La Tène B1 sau, mai degrabă, din La Tène B2, constituind o influenţă timpurie ce vine din regiunea Moraviei şi a Austriei Inferioare, care s-au perpetuat mult mai insistent în etapele imediat următoare (Dulęba 2019, 378, 384-85, fig. 13). În acest fel, circulaţia fibulelor din această categorie poate fi raportată la perioada ce începe cu La Tène B2 şi durează până spre La Tène C1.

Concluzii

Făcând bilanţul prezentării fibulelor din fier de schemă La Tène timpuriu, ce au fost descoperite în siturile de pe teritoriul Republicii Moldova, totalizăm 12 exemplare. Majoritatea dintre ele (zece piese) au fost găsite în siturile amplasate pe malul Nistrului (fig. 1; fig. 22). Șapte provin din regiunea bazinul Nistrului Mijlociu: o fibulă de la Rudi „La Şanţuri" şi şase exemplare din siturile din microzona Saharna. Alte trei exemplare provin din regiunea Nistrului Inferior, la cca 100 km în aval, din necropola de la Hlinaia. Doar o piesă, cea de la Mana, a fost atestată într-un spaţiu mai îndepărtat de Nistru, la cca 30 km spre vest, în bazinul râului Vatici. La acestea se adaugă o piesă care provine dintr-un punct necunoscut al regiunilor nordice. Totodată, menţionăm că, practic, toate fibulele au fost recuperate din fortificaţii, cu excepţia a trei exemplare ce au fost descoperite în structurile funerare de la Hlinaia.

Fibulele din fier se raportează la piesele de schemă La Tène timpuriu, având un set stabil de caracteristici comune: resortul bilateral cu coardă exterioară, piciorul ridicat, amplasat în poziţie liberă în raport cu arcul şi decorarea acestuia cu o sferă de dimensiuni mai mici sau mai mari. Exemplarele cărora le lipseşte piciorul (nr. 3 şi nr. 9), cu siguranţă, îl aveau liber, parametrii morfologici disponibili pledând în totalitate pentru această supoziţie. Ceea ce nu cunoaştem însă ţine de poziţionarea exactă a piciorului şi eventuala lui decorare, elemente care, de fapt, sunt esenţiale pentru a înţelege tipul artefactului. În situaţia în care lipseşte resortul (nr. 8 şi nr. 9),

construcţia specifică schemei La Tène poate fi dedusă din întreaga morfologie a piesei. Totodată, prin prisma particularităţilor stabilite, exemplarele realizate din fier ar putea fi raportate la şapte „grupuri tipologice", în cadrul unuia dintre ele fiind delimitate un şir de variante.

În funcţie de grupul delimitat, observăm şi distribuirea analogiilor în spaţiile limitrofe. Fibule asemănătoare celor prezentate sunt cunoscute pe teritoriul Ucrainei – atât în zona de stepă (Савельєв 2013, 101, рис. 1/1; Амброз 1966, 82), cât şi în cea de silvostepă (fig. 22) (Артамонов 1955, рис. 41/2, 3; Кухаренко 1959, 45; Кухаренко 1961, 62, 64, таб. 5/13; Петров 1961, 63, таб. III/8; Амброз 1966, 12, таб. 2/1; Бидзиля, Щукин 1993, 74, 82; Kazakevich 2012, cu catalogul descoperirilor; Казакевич 2015, 179, cu bibliografia). Analogii apropiate se observă şi pe teritoriul României (Zirra 2017, 38-48; Măndescu 2010, 219, nr. 7, pl. 333/13; Spânu 2016, pl. 2/11; Bazarciuc 1983, fig. 3; Crişan 1966, 41, fig. 18; Teodor 1988, 49), cele mai fidele similitudini fiind atestate în mediul celtic din regiunea de nord-vest (Németi 1988, fig. 5/1, fig. 9/1-M. 180; Teleagă 2007, 47, Abb. 2/EF 1; Zirra 1967, 23, 24, fig. 10). Totodată, menţionăm extinderea spre vest a arealului cu descoperiri similare, în regiunile din Ungaria şi Slovacia (Szabó, Tankó, Czajlik 2012, pl. V/5, pl. XXII/4; Szabó, Petres 1992, 92, pl. 34; Čižmář 1975, 420, 422, cu bibliografia, obr. 2/4; Bujna 2003, 61-65, obr. 31, 33), dar şi în direcţie sudică, spre Serbia şi Bosnia (Ljuština 2012, fig. 4/1; Ljuština, 2013, fig. 7/8; Jovanović 2018, 45, 51, pl. 20/3, pl. 16/2; Popović 1996, 106, 107, 113, fig. 2/10, 11, fig. 7/10).

Atestarea, în spaţiul dintre Prut şi Nistru, a unui tip de fibule, caracteristic comunităţilor celtice din Europa Centrală, care, în a doua jumătate a secolului IV a. Chr., declanşase un proces de migraţiune spre est (Božič 1981, 322; Szabó, Tankó 2006, 330; Kavur, Lubšina Tušek 2016, 117-119; Rustoiu 2008, 37; Rustoiu, Ursuţiu 2013, 323; Rustoiu 2014, 147; Rustoiu 2015, 14; Rustoiu 2016, 236; Berecki 2008, 52), ne pune în faţa unui şir de întrebări, răspunsul la unele dintre ele fiind posibil de întrezărit şi la această etapă de cercetare.

O primă întrebare-cheie ar viza perioada circulaţiei respectivelor accesorii vestimentare. Am observat că acestea se includ, în linii mari, în segmentul cronologic cuprins între perioada de trecere La Tène B1/ LTB2 şi sfârşitul perioadei La Tène B2, cu posibile extinderi în La Tène C1. În dependenţă de tipul artefactelor, am delimitat intervale de timp mai restrânse pentru fiecare dintre ele. Cele mai timpurii exemplare sunt determinate de artefactele ce constituie „grupul tipologic" I. Acestea îşi au cele mai bune analogii în orizontul I de la Pişcolt, dar şi în alte necropole ce se datează cu perioada de trecere La Tène B1/B2 din nord-vestul României cu extindere în Ungaria şi Slovacia (fig. 22). De menţionat că şi datarea internă, realizată pe baza importurilor greceşti, ne oferă acelaşi interval cronologic. Fibule din grupul VI se pretează cam la aceeaşi datare, având la bază un şir de analogii printre descoperirile din acelaşi orizont I de la Pişcolt, dar şi de la Remetea Mare. Totodată, de avut în vedere unele analogii de la Sanislău, care se încadrează în LTB2, dar şi acelea din necropola de la Ludas, de pe teritoriul Ungariei, ale căror repere cronologice sunt determinate de circulaţia lor atât în orizontul IV, cât şi în orizontul V, ceea ce ar însemna o utilizare a respectivelor exemplare de-a lungul perioadei La Tène B2a şi La Tène B2b (Szabó, Tankó, Czajlik 2012, fig. 184-185). Apropiate în timp sunt fibulele din „grupul tipologic" II, care îşi au analogiile în faza de început a necropolei de la Pişcolt – La Tène B1/B2 (Németi 1993, 128; Rustoiu 2014, 147, 150). Acestea vin să fie confirmate de încadrarea cronologică a descoperirilor de la Remetea Mare, datate cu La Tène B2a (330/320-290/280 a. Chr.) (Rustoiu 2017, 190). În acelaşi timp, nu trebuie să ne scape că anumite exemplare, chiar dacă nu sunt identice cu descoperirile pe care le-am prezentat, sunt totuşi relativ apropiate din punct de vedere morfologic de acestea şi supravieţuiesc reperelor indicate mai sus, prelungindu-se şi în intervalul La Tène B2 şi, poate, chiar ajungând până la intervalul cuprins între sfârşit de La Tène B2 - început de La Tène C1. Vestigiile ce au fost încadrate în grupurile III, IV, V şi VII au început a fi utilizate într-o perioadă imediat următoare, având şi ele un interval semnificativ de circulaţie: pe parcursul întregii perioade La Tène B2, cu o posibilă extindere şi în fazele incipiente ale La Tène C1.

Altfel spus, am putea admite că fibulele de schemă La Tène timpuriu îşi fac apariţia în teritoriile actuale ale Republicii Moldova într-o perioadă relativ timpurie, care, din punct de vedere cronologic, ar fi apropiată de perioada de circulaţie a exemplarelor similare din nord-vestul României,

estul Ungariei şi al Serbiei. De avut în vedere că pe teritoriile învecinate de la vest de Prut, practic, nu sunt semnalate piese asemănătoare (cu foarte mici excepţii). Mai mult ca atât, chiar pe teritoriul spaţiului dintre Prut şi Nistru nu avem, deocamdată, atestate astfel de descoperiri, cu excepţia fibulei de la Mana. Practic, toate fibulele din fier de schemă La Tène timpuriu, pe care le cunoaştem la acest moment, au fost descoperite în situri ce se află în imediata apropiere a Nistrului, deopotrivă pe malul drept, cât şi pe cel stâng (pe malul drept toate fibulele au fost descoperite în incintele fortificaţiilor getice de pe cursul mijlociu al Nistrului, iar pe malul stâng – în necropola de la Hlinaia). Un alt moment care trebuie luat în seamă ţine de diferenţierea cronologică a pieselor descoperite, cele din regiunile de nord ale Moldovei (în fortificaţii) fiind mai timpurii decât cele din regiunile sudice (în necropolă).

Cum s-ar interpreta această prezenţă compactă, de-a lungul principalei artere fluviale, a fibulelor cu analogii fidele în siturile datate cu La Tène B1/B2 din spaţiul Bazinului Carpatic, dar şi cu corespondenţe bune în lumea celtică din Europa Centrală? În mod special, această întrebare se nuanţează în contextul unei lipse quasi-totale a respectivului tip de descoperiri în regiunile amplasate mai înspre vest. Vom rezuma observaţiile înregistrate, pentru a încerca să oferim răspuns la această întrebare.

Avem constatată o mişcare a populaţiilor în perioada La Tène A şi B1 din Europa Centrală spre est, colonizând regiuni din Transdanubia, mai ales din partea de nord, şi urmând, după toate aparenţele, cursul Dunării.

Ulterior, în a doua jumătate a sec. IV a. Chr., o parte a acestor populaţii s-a deplasat spre răsărit, ocupând noi teritorii în partea de nord a Marii Câmpii Maghiare şi în valea superioară a Tisei, unde avem constatate necropolele cu cele mai apropiate analogii ale fibulelor pe care le prezentăm.

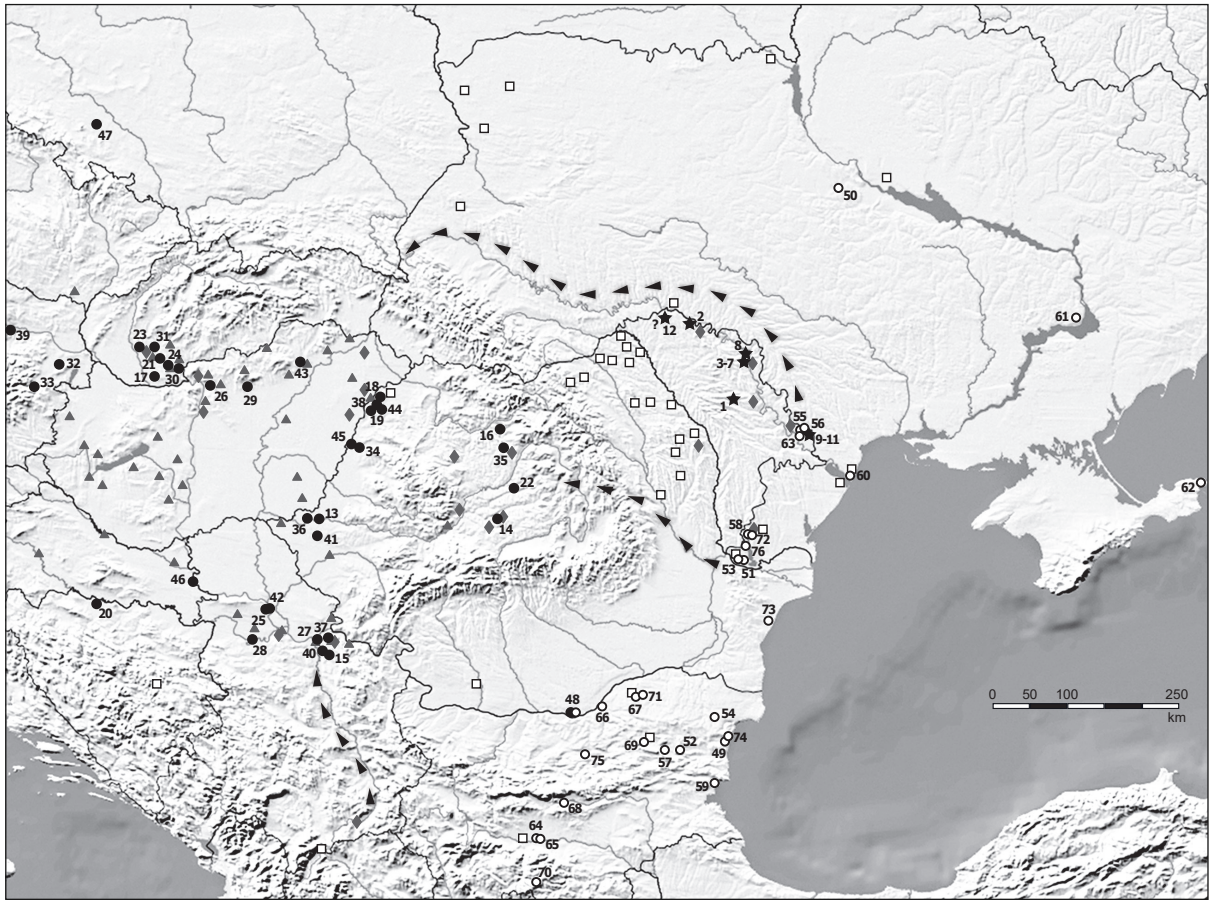
De acolo se observă mişcarea spre sud a unor comunităţi celtice, cu respectarea unei succesiuni cronologice clare, siturile cu material mai timpuriu fiind amplasate anume în nord-vestul României şi estul Ungariei.

Este stabilită existenţa unui orizont celtic relativ timpuriu în Ucraina Transcarpatică şi pe Nistrul superior, dar cu iradieri estice suficient de consistente în spaţii destul de extinse.

Am constatat că analogiile cele mai fidele pentru piesele din Moldova au fost semnalate în siturile funerare din nord-vestul României, estul Ungariei, pe teritoriile Croaţiei, Serbiei şi Bosniei, care, la rândul lor, îşi au corespondenţele de rigoare în lumea celtică din Europa Centrală, care sunt cronologic apropiate (fig. 22).

Am observat că fibulele descoperite în fortificaţiile getice de pe cursul Nistrului au cele mai bune analogii în orizontul timpuriu al necropolelor din regiunile amintite.

La cele menţionate trebuie racordate observaţiile anterioare care constată existenţa, în zona Bazinului Carpatic şi a Tisei Superioare, a unui şir de importuri şi imitaţii greceşti, datate cu sfârşitul sec. IV - începutul sec. III a. Chr. (Kruta, Szabó 1982, 53-61; Szabó 2006, 97-117) (fig. 22). Astfel de descoperiri sunt semnalate mult mai înspre vest, tocmai spre regiunile Austriei Inferioare (Rustoiu, Egri 2011, fig. 5; Rustoiu, Egri 2014, fig. 2, 4, 7), dar şi înspre sud, spre teritoriile sârbeşti (Kruta, Szabó 1982, 53-61; Szabó 2006, 104-106, fig. 9-10; Kavur, Blečić Kavur 2014, fig. 4; Rustoiu, Egri 2011, 20-37, fig. 5; Rustoiu, Egri 2014, fig. 2, 4, 7). Respectivele descoperiri au fost interpretate drept o conectare a comunităţilor nou-create la spaţiul est-mediteranean, iar aceste legături au cunoscut forme dintre cele mai diverse, mergând de la raiduri de jaf sau incursiuni militare până la relaţii paşnice de natură comercială, diplomatică, „profesională" ori alte forme de comunicare şi schimb de ideologie sau de bunuri la distanţă (Rustoiu, Egri 2011, 15). Legăturile şi transferul de bunuri şi idei s-a efectuat fie prin Balcani, dinspre Grecia şi bazinul est-mediteranean, fie dinspre coloniile greceşti de la Marea Neagră (Rustoiu, Egri 2011, 15). În baza acestor observaţii, a fost expusă deja ipoteza existenţei mai multor trasee comerciale dintre comunităţile descrise mai sus şi lumea greacă. Dincolo de cele ce veneau direct din sud, prin Balcani (Szabó 2006, 104-106, fig. 9-10; Kruta, Szabó 1982), sunt admise alte două căi comerciale, care au conectat coloniile greceşti de pe litoralul nordic şi de pe cel vestic al Mării Negre cu Bazinul Carpatic, una dintre acestea traversând Munţii Carpaţi prin pasurile nordice şi conectându-se la valea Tisei superioare, iar cealaltă, venind dinspre Moldova, ajungea în zona de est a Transilvaniei (fig. 22) (Rustoiu, Egri 2011, 38, 115, fig. 14).



Legenda: **I. Fibule din fier prezentate în catalog** (★) – **1.** Mana III; **2.** Rudi „La Șanțuri; **3-7.** Saharna Mare; **8.** Saharna Mică; **9-11.** Hlinaia (Glinoe); **12.** probabil, zona de nord a Republicii Moldova; **II. Analogii apropiate pentru fibulele din fier, cu excepția celor cu pseudo-resort** (●) – **13.** Aradul Nou; **14.** Brateiu; **15.** Čair, Stari Kostolac; **16.** Cepari; **17.** Chotín; **18.** Ciumești; **19.** Curtuișeni; **20.** Donja Dolina; **21.** Dubnik/Csúz; **22.** Fântânele; **23.** Horny Jatov; **24.** Kamenin; **25.** Karaburma; **26.** Kosd; **27.** Kostolac-Repnjak; **28.** Kupinovo; **29.** Ludas-Varjú-dűlő; **30.** Malé Kosihy; **31.** Maňa; **32.** Mannersdorf; **33.** Neunkirchen; **34.** Oradea-Salca; **35.** Orosfaia; **36.** Pecica; **37.** Pećine; **38.** Pișcolt; **39.** Pottenbrunn; **40.** Požarevac; **41.** Remetea Mare; **42.** Rospi Ćuprija; **43.** Sajopetri; **44.** Sanislău; **45.** Tărian; **46.** Zeleno Polje, Osijek; **47.** Żerniki Wielkie; **48.** Zimnicea; **III. Analogii apropiate pentru fibulele din fier cu pseudo-resort** (○) – **49.** Asparuhovo (Varna); **50.** Biivcy; **51.** Cugurlui; **52.** Dalgopol; **53.** Dervent; **54.** Dobric; **55.** Grupul tiraspolean; **56.** Hlinaia; **57.** Kalnovo; **58.** Mresnota Mogila; **59.** Nesebar; **60.** Nikonion; **61.** Niprul Inferior; **62.** Panticapaeum; **63.** Parcani; **64.** Philipopolis; **65.** Plovdiv; **66.** Russe; **67.** Sborjanovo; **68.** Seuthopolis; **69.** Shumen; **70.** Stoikite; **71.** Sveshtary; **72.** Tabaki; **73.** Tariverdi; **74.** Varna; **75.** Veliko Tarnovo; **76.** Vlădiceni; **IV. Alte analogii pentru fibulele prezentate în catalog** (□); **V. Descoperiri de kantharoi dabunieni** (▲) (după Rustoiu, Egri 2011); **VI. Descoperiri de vase grecești** (♦) (după Rustoiu, Egri 2011 și autorii); **VII. Căi de răspândire a vaselor grecești** (◄) (după Rustoiu, Egri 2011).

Fig. 22. Localizarea fibulelor de schemă La Tène timpuriu menționate în text și a importurilor/imitațiilor grecești în Europa de Sud-Est.

Considerăm că descoperirile fibulelor de schemă La Tène timpuriu de pe teritoriul Republicii Moldova (fig. 22) ar reprezenta elementele constitutive ale aceluiaşi fenomen, marcând unul dintre cele două trasee ale comerţului realizat de comunităţile celtice/celto-indigene cu lumea greacă. Ne referim la itinerarul ce conecta pasurile nordice ale Carpaţilor, la valea Tisei superioare, trecând prin teritoriile actuale ale Republicii Moldova. Artera Nistrului era, probabil, cea mai potrivită cale, care ar putea fi confirmată prin prezența mărfurilor elenistice în fortificațiile getice, inclusiv în microzona Saharna, locul de unde provin cele mai multe dintre fibulele pe care le discutăm. Având acest tablou, suntem tentați să considerăm că descoperirile fibulelor de schemă La Tène timpuriu reprezintă un posibil rezultat al circulației mărfurilor, realizat de elitele grecești

și celtice, constituind o etapă timpurie de pătrundere a respectivului tip de piese în lumea barbară din nord-vestul Pontului Euxin, în care, inevitabil, erau antrenate și elitele getice. Astfel, contactele stabilite între elitele comunităţilor din valea Nistrului Mijlociu cu cele din centrul Europei și cele din Balcani, prin intermediul mobilităţilor umane antrenate în schimbul de bunuri, a jucat un rol important în răspândirea anumitor elemente ale „modei", cum ar fi, în cazul nostru, accesoriile pentru vestimentaţie.

Într-o fază ulterioară, astfel de contacte ar fi putut fi extinse de la schimb spre încheierea unor acorduri reciproc avantajoase, schimburi de cadouri, alianţe matrimoniale etc., contribuind și mai mult la mobilitatea individuală, prin care bunurile culturale circulau dintr-un mediu în altul (Rustoiu 2017, 201). Respectivele obiecte erau preluate și adaptate stilului de ornamentare corporală, care era specifică unei anumite comunităţi/grup social, acesta, probabil, fiind și cazul fibulelor cu pseudo-resort, ce provin din mediul central-occidental european și care au fost descoperite deopotrivă în mormintele din Bulgaria, dar și în cele din Bugeac și de pe malul stâng al Nistrului.

Mulţumiri

Aducem sincere mulţumiri colegilor dr. Denis Topal (Chișinău), dr. Sorin-Cristian Ailincăi (Tulcea), dr. Vitalii Sinika (Tiraspol) și dr. Pavel Mirea (Alexandria) pentru suportul informaţional și bibliografic. În mod special, exprimăm gratitudinea noastră colegilor dr. hab. Aurel Rustoiu (Cluj-Napoca) și dr. hab. Daniel Spânu (București) pentru lectura critică, sugestiile pertinente și sfaturile utile. Acest studiu a fost realizat în cadrul proiectului 20.80009.1606.14 „Patrimoniul arheologic din epoca fierului în regiunea Nistrului Mijlociu și bazinul râului Cogâlnic: cercetare interdisciplinară și valorificare ştiinţifică".

Bibliografie

Alexandrescu 1980: A.D. Alexandrescu, La nécropole géte de Zimnicea. Dacia N.S. XXIV, 1980, 19-126.

Almássy 2012: K. Almássy, A Mátraszőlős-királydombi kelta temető. I. A sírok leírása. A Nyíregyházi Jósa András Múzeum Évkönyve LIV, 2012, 71-215.

Anastassov 2006: J. Anastassov, Objets Latèniens du musée de Schoumen. In: (Eds. V. Sîrbu, C.L. Vaida) Thracians and Celts. Proceedings of the International Colloquium from Bistriţa (18-20 May 2006) (Cluj-Napoca: Mega 2006), 11-50.

Anastassov 2007: J. Anastassov, Le mobilier laténien du Musée de Ruse (Bulgarie). Известия. Регионален исторически музей - Русе XI, 2007, 165-187.

Anastassov 2011: J. Anastassov, The Celtic presence in Thrace during the 3rd century BC in light of new archaeological data. In: (Eds. M. Guštin, M. Jevtić) The Eastern Celts. The Communities between the Alps and the Black Sea (Koper-Beograd 2011), 227-285.

Arnăut 2003: T. Arnăut, Vestigii ale sec. VII-III a. Chr. în spaţiul de la răsărit de Carpaţi (Chișinău 2003).

Barral et al. 2012: Ph. Barral, St. Fichtl, V. Guichard, De Bibracte à Vesontio: esquisse d'une périodisation de la fin de l'âge du Fer en Bourgogne et Franche-Comté. In: (Eds. Ph. Barral, St. Fichtl) Regards sur la chronologie de la fin de l'âge du Fer (IIIe-Ier siècle avant J.-C.) en Gaule non mediterraneenne. Actes de la table ronde tenue à Bibracte Glux-en-Glenne, 15-17 octobre 2007 (Bibracte 2012), 9-20.

Bazarciuc 1980: V.V. Bazarciuc, Cetatea geto-dacică de la Bunești-Dealu Bobului, jud. Vaslui. MCA XIV, 1980, 164-177.

Bazarciuc 1981: V.V. Bazarciuc, Tezaurul geto-dacic de la Bunești-Vaslui. SCIVA 32/4, 1981, 563-570.

Bazarciuc 1983: V.V. Bazarciuc, Cetatea geto-dacă de la Bunești (jud. Vaslui). MCA XV, 1983, 211-217.

Bazarciuc 1986: V.V. Bazarciuc, Cetatea geto-dacă de la Bunești-Avereşti, jud. Vaslui. MCA XVI, 1986, 89-99.

Benadik 1978: B. Benadik, Keltisches Gräberfeld in Maňa. Slovenska archeologia 26, 1978, 383-422.

Benadik 1983: B. Benadik, Maňa, Keltisches Gräberfeld. Fundkatalog (Nitra: Archäologisches Institut der Slowakischen Akademie der Wissenschaften 1983).

Berecki 2008: S. Berecki, The Chronology of the Celtic Discoveries from Transylvania. In: (Eds. V. Sîrbu, D.L. Vaida) Funerary Practices of the Bronze and Iron Ages in Central and South-Eastern Europe (Cluj-Napoca: Mega 2008), 47-65.

Berecki 2015: S. Berecki, Iron Age Settlement Patterns and Funerary Landscapes in Transylvania (4th-2nd Centuries BC) (Târgu Mureș 2015).

Bospatchieva 1995: M. Bospatchieva, Mound Burial in the Hellenistic Necropolis of Philippopolis. Bulletin of the Museums of South Bulgaria 21, 1995, 43-61.

Bouzek 2005: J. Bouzek, Thracians and Their Neighbours: Their Destiny, Art and Heritage. Studia Hercynia 9 (Praga 2005).

Božič 1981: D. Božič, Relativna kronologija mlajše železne dobe v jugoslovanskem Podonavju. Arheološki Vestnik 32, 1981, 315-347.

Bujna 2003: J. Bujna, Spony z keltských hrobov bez výzbroje z územia Slovenska (ľypovo-chronologické triedenie LTB- a Cl -spôn). Slovenská Archeológia LI-1, 2003, 39-108.

Bujna 2005: J. Bujna, Kruhový šperk z laténskych ženských hrobov na Slovensku (Nitra 2005).

Bujna 2011: J. Bujna, Opasky ženského odevu z doby Laténskej (Nitra 2011).

Bujna, Jakab 1995: J. Bujna, J. Jakab, Malé Kosihy: latènezeitliches Gräberfeld. Katalog (Nitra 1995).

Buzdugan 1968: C. Buzdugan, O nouă așezare getică în bazinul Zeletinului. Carpica 1, 1968, 95-99.

Chidioșan, Ignat 1972: N. Chidioșan, D. Ignat, Cimitirul celtic de la Tărian. SCIV 23/4, 1972, 553-579.

Čižmář 1975: M. Čižmář, Relativní chronologie keltských pohřebišť na Moravě. Památky archeologické 66, 1975, 417-437.

Condurachi 1953: Em. Condurachi și colab., Șantierul arheologic Histria. SCIV 4/1-2, 1953, 90-152.

Crișan 1966: I.H. Crișan, Materiale dacice din necropola și așezarea de la Ciumești și problema raporturilor dintre daci și celți în Transilvania (Baia Mare 1966).

Dănilă 1978: Șt. Dănilă, Primele săpături arheologice în necropola de epocă La Tène de la Fîntînele. SCIVA 29/2, 1978, 257-275.

Dimitrov, Čičikova 1978: D.P. Dimitrov, M. Čičikova, The Thracian city of Seuthopolis. British Archaeological Reports. Supplementary Series 38 (Oxford 1978).

Dizdar 2012: M. Dizdar, The Čurug phase in Northern Croatia – contacts of the final Hallstatt and the Early La Tène Culture. In: Latènisierung im Raum von den Südostalpen bis zum Kroatisch-Serbischen Donaugebiet Fragen und Modelle im Spiegel neuer Forschungsergebnisse (Kobarid, 23rd - 25th November 2012) (Kobarid 2012), 13.

Dörner 1972: E. Dörner, Urme celtice pe teritoriul arădean. Revista muzeelor 2, 1972, 149-155.

Drnić 2015: I. Drnić, Kupinovo. Groblje latenske kulture (Zagreb 2015).

Dulęba 2019: P. Dulęba, On the Origin of the La Tène Culture in Silesia. In: (Hrsg. Ch. Bockisch-Bräuer, B. Mühldorfer, M. Schönfelder) Die frühe Eisenzeit in Mitteleuropa /Early Iron Age in Central Europe. Internationale Tagung vom 20.-22. Juli 2017 in Nürnberg. Beiträge zur Vorgeschichte Nordostbayerns, Band 9 (Nürnberg 2019), 369-389.

Gebhard 1989: R. Gebhard, Der Glasschmuck aus dem Oppidum von Manching. Die Ausgrabungen in Manching 11 (Wiesbaden-Stuttgart 1989).

Georgescu 2013: A. Georgescu, Observații asupra unei fibule descoperite la Foeni, jud. Timis. Analele Banatului S.N., Arheologie – Istorie, XXI, 2013, 75-81.

Guštin, Kavur 2016: M. Guštin, B. Kavur, Early La Tène Warrior Graves from Unterpremstätten-Zettling and Dobl-Zwaring (Styria/Austria). In: (Ed. S. Berecki) Iron Age Chronology in the Carpathian Basin. Proceedings of the international colloquium from Târgu Mureș (8-10 October 2015) (Cluj-Napoca: Mega 2016), 65-73.

Guštin 2011: M. Guštin, On the Celtic tribe of Taurisci. Local identity and regional contacts in the ancient world. In: (Eds. M. Guštin, M. Jevtić) The Eastern Celts. The Communities between the Alps and the Black Sea (Koper-Beograd 2011), 119-130.

Holodňák, Waldhauser 1984: P. Holodňák, J. Waldhauser, Předduchcovský horizont (fáze Lt B1a) v Čechách. Archeologické Rozhledy 36, 1984, 31-48.

Honcu, Munteanu 2018: Ș. Honcu, L. Munteanu, A fibula of Celtic origin in the collection of Archeology Institute in Iași. In: S. Țurcanu, C.-E. Ursu (eds.), Materiality and identity in pre- and protohistoric Europe. Homage to Cornelia-Magda Lazarovici, Suceava, 2018, 453-462.

Irimia, Conovici 1989: M. Irimia, N. Conovici, Așezarea getică fortificată de la Satu Nou – „Valea lui Voicu" (com. Oltina, jud. Constanța). Raport preliminar. Thraco-Dacica X/1-2, 1989, 115-154.

Jacanović 1987: D. Jacanović, Keltski grob iz Kostolaca. Viminacium 2, 1987, 7-17.

Jovanović 1984: B. Jovanović, Les sépultures de la nécropole celtique de Pećine près de Kostolac (Serbie du Nord). Études celtiques 21, 1984, 63-91.

Jovanović 1992: B. Jovanović, Celtic settlement of the Balkans. In: (Ed. N. Tasić) Scordisci and the native population in the middle Danube region (Belgrade 1992), 19-33.

Jovanović 2018: B. Jovanović, Early La Tène Pećine Necropolis. Editor Al. Kapuran (Belgrade: Institute of Archaeology 2018).

Kašuba, Haheu, Leviţki 2000: M. Kašuba, V. Haheu, O. Leviţki, Vestigii traco-getice pe Nistrul Mijlociu (Bucureşti 2000).

Kavur, Blečić Kavur 2014: B. Kavur, M. Blečić Kavur, "...to boldly go where no man has gone before". Dedicated to Ruth and Vincent... In: (Eds. C. Gosden, S. Crawford, K. Ulmschneider), Celtic Art in Europe: Making Connections. Essays in honour of Vincent Megaw on his 80th birthday (Oxford 2014), 274-283.

Kavur, Lubšina Tušek 2016: B. Kavur, M. Lubšina Tušek, Na stičišču svetov / On the Crossroadof Worlds (Koper 2016).

Kazakevich 2012: G. Kazakevich, Celtic Military Equipment from the Territory of Ukraine: Towards a New Warrior Identity in the Pre-Roman Eastern Europe. In: (Eds. M. Fomin, V. Blažek, P. Stalmaszczyk) Transforming Traditions: Studies in Archaeology, Comparative Linguistics and Narrative. Studia Celto-Slavica 6 (Łódź: University Press 2012), 177-212.

Kruta, Szabó 1982: V. Kruta, M. Szabó, Canthares danubiens du IIIe siècle avant notre ère: Un exemple d'influence hellénistique sur les Celtes orientaux. Études celtiques 19, 1982, 51-67.

Lazarov 2001: L. Lazarov, Historical museum - Dalgopol. Ancient Bronze. Katalog (Varna 2001).

Ljuština 2013: M. Ljuština, Southern fringe of the Carpathian Basin during the 4th century BC and the first contacts with the La Tène world: the case study of the Belgrade Confluence, Serbia. Acta Archaeologica Carpathica XLVIII, 2013, 87-109.

Ljuština 2014: M. Ljuština, Regiunea sudică a Bazinului Carpatic în secolul al IV-lea î.Hr. şi primele sale contacte cu lumea La Tène: studiu de caz asupra arealului „confluenţei Belgradului", Serbia. Istros XX, 2014, 139-184.

Ljuština, Spasić 2012: M. Ljuština, M. Spasić, Celtic Newcomers between Traditional and Fashionable: Graves 63 and 67 from Karaburma. In: (Ed. S. Berecki) Iron Age rites and rituals in the Carpathian basin. Proceedings of the International Colloquium from Târgu Mureş (7-9 October 2011) (Târgu Mureş 2012), 367-376.

Marić 2015: A. Marić, Nova interpretacija groba sa skeletnim ukopom žene iz mlađeg željeznog doba s Kamenjače u Brezi kod Sarajeva. Godišnjak Centra za balkanološka ispitivanja 44, 2015, 143-158.

Mateevici 2007: N. Mateevici, Amfore greceşti în mediul barbar din nord-vestul Pontului-Euxin în sec. VI - începutul sec. II a. Chr. (Chişinău 2007).

Mateevici 2015: N. Mateevici, Distribution of Greek amphorae at the fortifications from Saharna micro-zone. In: (Eds. A. Zanoci, P. Ettel, M. Băţ) Fortified sites from the 1st millennium BC in Central and South-Eastern Europe. Materials of the Moldovan-Romanian-German Colloquium (Saharna, July 24th-26th, 2014) (Chişinău 2015), 47-61.

Mateevici 2016: N. Mateevici. Ceramică de import. In: I. Niculiţă, A. Zanoci, M. Băţ, Evoluţia habitatului din microzona Saharna în epoca fierului (Chişinău 2016), 235-241.

Maute 2000: M. Maute, Fibeltypen und Verbreitung (§ 17). In: (Hrsg. H. Beck, H. Steuer, D. Timpe, R. Wenskus) Fibel und Fibeltracht (Berlin 2000), 48-52.

Măndescu 2000a: D. Măndescu, Fibula de schemă tracică –noi puncte de vedere. SCIVA 51/1-2, 2000, 71-92.

Măndescu 2000b: D. Măndescu, Fibulele de schemă Latène în perioada timpurie a celei de-a doua epoci a fierului pe teritoriul vechii Dacii. Crisia XXX, 2000, 45-80.

Măndescu 2010: D. Măndescu, Cronologia perioadei timpurii a celei de-a doua epoci a fierului (sec. V-III a. Chr.) între Carpaţi, Nistru şi Balcani (Brăila 2010).

Munteanu, Băţ, Zanoci 2020: O. Munteanu, M. Băţ, A. Zanoci, Fibule de schemă La Tène timpuriu de pe teritoriul Republicii Moldova: un catalog al descoperirilor din aşezări. In: (Ed. I. Cândea) The Thracians and Their Neighbours in Antiquity: Archaeology and History. Studies in Honor of Valeriu Sîrbu at his 70th Anniversary (Brăila: Istros 2020), 333-358.

Nánási 1973: Z. Nánási, Descoperiri în necropola celtică de la Curtuişeni. Crisia 3, 1973, 29-45.

Németi 1988: I. Németi, Necropola Latène de la Pişcolt, jud. Satu Mare. I. Thraco-Dacica IX/1-2, 1988, 49-74.

Németi 1989: I. Németi, Necropola Latène de la Pişcolt, jud. Satu Mare. II. ThracoDacica X/1-2, 1989, 75-114.

Németi 1992: I. Németi, Necropola Latène de la Pişcolt, jud. Satu Mare. III. ThracoDacica XIII/1-2, 1992, 59-112.

Németi 1993: I. Németi, Necropola Latène de la Pişcolt, jud. Satu Mare. IV. Thraco-Dacica XIV/1-2, 1993, 117-129.

Niculiţă et al. 2013: I. Niculiţă, A. Zanoci, M. Băţ, S. Matveev, Investigaţiile arheologice la situl Saharna Mare (2009-2012) (II). Tyragetia s.n. VII/1, 2013, 219-292.

Niculiţă et al. 2016: I. Niculiţă, T. Arnăut, A. Nicic, A. Corobcean, Aşezări deschise şi situri fortificate pe promontoriul Saharna Mică. In: I. Niculiţă, A. Zanoci, M. Băţ, Evoluţia habitatului din microzona Saharna în epoca fierului (Chişinău 2016), 249-304.

Niculiţă et al. 2019: I. Niculiţă, A. Zanoci, M. Băţ, V. Dulgher, Investigaţiile arheologice la situl Saharna Mare / „Dealul Mănăstirii", raionul Rezina (2017-2019). Tyragetia s.n. XIII/1, 2019, 253-322.

Niculiţă, Zanoci, Arnăut 2008: I. Niculiţă, A. Zanoci, T. Arnăut, Habitatul din mileniul I a. Chr. în regiunea Nistrului Mijlociu (siturile din zona Saharna) (Chişinău 2008).

Niculiţă, Zanoci, Băţ 2016: I. Niculiţă, A. Zanoci, M. Băţ, Evoluţia habitatului din microzona Saharna în epoca fierului (Chişinău 2016).

Paškvalin 2002: V. Paškvalin, Inhumirani grob žene na Kamenjači u Brezi nekropoli predrimskih Dezitijata. Godišnjak Centra za balkanološka ispitivanja XXXII/30, 2002, 329-348.

Paškvalin 2008: V. Paškvalin, Kamenjača, Breza kod Sarajeva – mlađeželjeznodobna i rimska nekropola. Godišnjak Centra za balkanološka ispitivanja XXXVII/35, 2008, 101-179.

Peschel 1972: K. Peschel, Fibeln mit Spiralfuß. Zeitschrift für Archäologie 6, 1972, 1-42

Popović 1991: P. Popović, Les Celtes Orientaux et la formation des Scordisques: aspects archéologique, numismatique et chronologique. Études celtiques 28, 1991, 339-348.

Popović 1996: P. Popović, Early La Tène between Pannonia and the Balkans. Starinar 47, 1996, 105-125.

Popović, Jovanović 2004: P. Popović, B. Jovanović, La sépulture 1–3/378 de la nécropole de Pećine près de Kostolac. Balcanica 35, 2004, 23-34.

Ramsl 2002: P. Ramsl, Das eisenzeitliche Gräberfeld von Pottenbrunn. Forschungsansätze zu wirtschaftlichen Grundlagen und sozialen Strukturen der latènezeitlichen Bevölkerung des Traisentales, Niederösterreich. Fundberichte aus Österreich, Materialhefte A 11 (Wien 2002).

Ramsl 2003: P.C. Ramsl, La nécropole laténienne de Pottenbrunn (Basse-Autriche), mirojr des relations Est-Ouest. In: (Eds. O. Buchsenchutz, A. Bulard, M.-B. Chardenoux, N. Ginoux) Décors, images et signes de l'âge du Fer européen. Actes du XXVIe colloque de l'AFEAF (Paris et Saint-Denis, 9-12 mai 2002) (Tours: FERACF 2003), 247-258.

Ramsl 2011: P. Ramsl, Das latènezeitliche Gräberfeld von Mannersdorf/Lgb, Flur Reinthal Süd. Studien zu Phänomenen der latènezeitlichen Kulturausprägungen. Mitteilungen der Prähistorischen Kommission 74 (Wien 2011).

Ratimorská 1981: P. Ratimorská, Keltské pohrebisko v Chotine I. Západné Slovensko 8, 1981, 15-88.

Rustoiu 2008: A. Rustoiu, The Beginning of Celtic Colonization inside the Carpathians. In: (Ed. H. Pop) Dacian Studies (Cluj-Napoca: Mega 2008), 33-52.

Rustoiu 2011: A. Rustoiu, The Celts from Transylvania and Eastern Banat and their southern neigh-bours. Cultural exchanges and individual mobility. In: (Eds. M. Guštin, M. Jevtić) The Eastern Celts: the communities between the Alps and the Black Sea (Koper-Beograd 2011), 163-170.

Rustoiu 2012: A. Rustoiu, The Celts and Indigenous Populations from the Southern Carpathian Basin. Intercommunity Communication Strategies. In: (Ed. S. Berecki) Iron Age rites and rituals in the Carpathian Basin. Proceedings of the International Colloquium from Târgu Mureş, 7-9 October 2011 (Târgu Mureş 2012), 357-390.

Rustoiu 2014: A. Rustoiu, Indigenous and Colonist Communities in the Eastern Carpathian Basin at the Beginning of the Late Iron Age. The Genesis of an Eastern Celtic World. In: (Eds. C.N. Popa, S. Stoddart) Fingerprinting the Iron Age Approaches to Identity in the European Iron Age. Integrating South-Eastern Europe into the Debate (Oxford 2014), 42-156.

Rustoiu 2015: A. Rustoiu, The Celtic Horizon in Transylvania. Archaeological and Historical Evidence. In: (Ed. S. Berecki) Iron Age Settlement Patterns and Funerary Landscapes in Transylvania (4th-2nd Centuries BC) (Târgu Mureş 2015), 9-29.

Rustoiu 2016: A. Rustoiu, Some Questions Regarding the Chronology of La Tène Cemeteries from Transylvania. Social and Demographic Dynamics in the Rural Communities. In: (Ed. S. Berecki) Iron Age chronology in the Carpathian Basin. Proceedings of the international colloquium from Târgu Mureş (8-10 October 2015) (Cluj-Napoca: Mega 2016), 235-264.

Rustoiu 2017: A. Rustoiu, Silver jewellery in the Early La Tène cemeteries from Banat. The hybridization of bodily ornaments. Dacia N.S. LXI, 2017, 183-205.

Rustoiu, Egri 2011: A. Rustoiu, M. Egri, The Celts from the Carpathian Basin Between Continental Traditions and the Fascination of the Mediterranean. A Study of the Danubian Kantharoi / Celţii din bazinul carpatic între tradiţiile continentale şi fascinaţia Mediteranei. Un studiu privind kantharoi-i danubieni (Cluj-Napoca: Mega 2011).

Rustoiu, Egri 2014: A. Rustoiu, M. Egri, The Celts from the eastern Carpathian Basin and their connections with the Mediterranean. Import, imitation and adaptation. In: (Eds. M. Guštin, W. David) The Clash of Cultures? The Celts and the Macedonien World. Schriften des Kelten-Römer-Museums Manching 9, Manching 2014, 117-128.

Rustoiu, Ursuţiu 2013: A. Rustoiu, A. Ursuţiu, Celtic colonization in Banat. Comments regarding the funerary discoveries. In: (Eds. V. Sîrbu, R. Ştefănescu) The Thracians and their Neighbors in the Bronze and Iron Ages. Proceedings of the 12th International Congress of Thracology. Târgovişte 10th-14th September 2013, vol. II (Braşov 2013), 323-345.

Schiel 2015: H. Schiel, Das Latènegräberfeld von Neunkirchen. Masterarbeit, angestrebter akademischer Grad Master of Arts (Wien 2015).

Schmidt 1932: H. Schmidt, Cucuteni in der oberen Moldau, Rumänien (Berlin-Leipzig 1932).

Shchukin 1995: M. Shchukin, The Celts in Eastern Europe. Oxford Journal for Archaeology 12, 1995, 201-227.

Spânu 2013: D. Spânu, Fibule „de tip hibrid"? MCA (Serie nouă) 9, 2013, 145-156.

Spânu 2014: D. Spânu, Contribuţii arheologice şi iconografice la cercetarea sitului „Cetate" de la Zimnicea (Piteşti 2014).

Spânu 2016: D. Spânu, Iron Age Fibulae from Zimnicea in their Archaeological Contexts. In: (Ed. S. Berecki) Iron Age chronology in the Carpathian Basin. Proceedings of the international colloquium from Târgu Mureş (8-10 October 2015) (Cluj-Napoca: Mega 2016), 395-404.

Stojić, Jacanović 2008: M. Stojić, D. Jacanović, Požarevac. Kulturna stratigrafija praistorijskih lokaliteta u Braničevu. Arheološka građa Srbije 4 (Beograd-Požarevac 2008).

Szabó 1994: M. Szabó, Kelta harcosok Delphoi előtt és után. Antik Tanulmányok 38, 1994, 37-56.

Szabó 1995: M. Szabó, Guerriers celtiques avant et après Delphes. Contribution à une période critique du monde celtique. In: (Éd. J.-J. Charpy) L'Europe celtique du V*e* au III*e* siècle avant J.-C. Actes du deuxième symposium international d'Hautvillers, 8-10 octobre 1992 (Sceaux 1995), 49-67.

Szabó 1996: M. Szabó, L'expansion celte et l'armement décoré. Mélange de l'École Française de Rome Antiquité 108, 1996, 523-553.

Szabó 2006: M. Szabó, Les Celtes de l'Est. In: (Éd. M. Szabó) Celtes et Gaulois. L'Archéologie face a L'Histoire. Les Civilisés et les Barbares du Ve au IIe siècle avant J.-C. Actes de la table ronde de Budapest 17-18 juin 2005. Collection Bibracte 12/3 (Glux-en-Glenne 2006), 97-117.

Szabó, Czajlik, Tankó 2018: M. Szabó, Z. Czajlik, K. Tankó, La nécropole celtique à Sajópetri – Homokiszőlőskert (Paris: L'Harmattan 2018).

Szabó, Petres 1992: M. Szabó, E. Petres, Decorated weapons on the La Tene Iron Age in the Carpathian Basin. Inventaria Praehistorica Hungariae 5 (Budapest 1992).

Szabó, Tankó 2006: M. Szabó, K. Tankó, Nécropole laténienne à Ludas-Varjú-dűlő. Acta Archaeologica 57 (4), 2006, 325-343.

Szabó, Tankó, Czajlik 2012: M. Szabó, K. Tankó, Z. Czajlik, La nécropole celtique à Ludas – Varjú-dűlő (Budapest 2012).

Tătulea 1984: C.M. Tătulea, Aşezarea geto-dacică fortificată de la Bâzdâna, jud. Dolj. Consideraţii preliminare. Thraco-Dacica V/1-2, 1984, 92-110.

Tcaciuc, Zasâpchin 2000: M. Tcaciuc, G. Zasâpchin, Date noi de la cetatea Rudi – La Şanţuri. Caracterizarea tipologică şi cronologică a complexelor închise. Tyragetia IX, 2000, 101-112.

Teleagă 2007: E. Teleagă, Die Ausgrabungen von Nicolae Chidiosan in der La-Tenezeitlichen Nekropole von Curtuiseni-Érkörtvélyes (Bihor, Rumäniein). Crisia XXXVII, 2007, 23-58.

Tentiuc, Bubulici, Simalcsik 2015: I. Tentiuc, V. Bubulici, A. Simalcsik, A cremation burial of a horseman near the village of Mana (the Orhei district). Tyragetia s.n. IX/1, 2015, 221-248.

Teodor 1988: S. Teodor, Elemente celtice pe teritoriul est-carpatic al României. ArhMold XII, 1988, 33-52.

Teodor, Ţau 1996: S. Teodor, S. Ţau, Obiectele de port şi podoabă din aşezarea geto-dacică de la Poiana, jud. Galaţi (I). Fibule. ArhMold 19, 1996, 57-105.

Todorović 1972: J. Todorović, Praistorijska Karaburma I – nekropola mlađeg gvozdenog doba (Beograd 1972).

Vaida 2000: L. Vaida, The Celtic Cemetery from Orosfaia (Bistriţa-Năsăud County). In: Les Celtes et les Thraco-Daces de l'Est du bassin des Carpathes. Actes du colloque national, Bistriţa 16.-17. Octobre 1998 (Cluj-Napoca 2000), 135-159.

Vasić 2000: R. Vasić, Thracian fibulae in the west: Invasion or cultural exchange? Archaeologia Bulgarica 4/1, 2000, 13-20.

Vulpe et al. 1952: R. Vulpe, E. Vulpe, A. Niţu, N. Gostar, E. Chirilă, Şantierul Poiana. SCIV 2, 1952, 191-230.

Zanoci et al. 2015: A. Zanoci, O. Munteanu, I. Tentiuc, V. Bubulici, Noi descoperiri arheologice din epoca fierului în preajma satului Mana, raionul Orhei. Tyragetia s.n. IX/1, 2015, 209-220.

Zirra 1967: V. Zirra, Un cimitir celtic în nord-vestul României (Baia Mare 1967).

Zirra 1971: V. Zirra, Beiträge zur Kenntnis des keltischen Latène in Rumänien. Dacia N.S. 15, 1971, 171-238.

Zirra 1991: V. Zirra, Les plus anciennes fibules en Romanie. Dacia N.S. 35, 1991, 177-184.

Zirra 1997: V.V. Zirra, Contribuții la cronologia relativă a cimitirului de la Pișcolt. Analiză combinatorie și stratigrafie orizontală. SCIVA 48/2, 1997, 87-137.

Zirra 2009: V.V. Zirra, Two Thracian Fibulae. In: (Ed. B. Tănăsescu) Treasure Lost, Treasure Regained (Giurgiu 2009), 82-84.

Zirra 2011: V.V. Zirra, Research stage of the La Tène and Thracian scheme fibulae in Romania – Dynamics and exclusion. Critical general approach. WSEAS – Transactions on Environment and Development 7/1, 2011, 1-12.

Zirra 2017: V.V. Zirra, Fibule de schema La Tène din România (Craiova 2017).

Амброз 1966: А. Амброз, Фибулы юга европейской части СССР. Свод археологических источников, Д.1-30 (Москва 1966).

Артамонов 1955: М. Артамонов, Археологические исследования в Южной Подолии в 1952-1953 гг. КСИИМК 59, 1955, 100-117.

Бидзиля, Щукин 1993: В. Бидзиля, М. Щукин, Памятники латенской культуры Закарпатья и к востоку от Карпат. В сб.: (Отв. ред. И.П. Русанова, Е.А. Сымонович) Славяне и их соседи в конце I тысячилетья до н.э. - первой плоловине I тысячелетья н.э. (Москва 1993), 67-84.

Бруяко 2005-2009: И.В. Бруяко, От Скифии к Сарматии: десять лет спустя. Stratum plus 3, 2005-2009, 329-370.

Василева 2012: М. Василева, Фибули от късножелязната епоха в древна Тракия (V-I в. пр. Хр.). Автореферат на дисертация за присъждане на образователна и научната степен „доктор“ (София 2012).

Еременко 1997: В.Е. Еременко, «Кельтская вуаль» и зарубинецкая культура (Санкт-Петербург 1997).

Еременко, Щукин 1998: В.Е. Еременко, М.Б. Щукин, К вопросу о хронологии восточного латена и позднего предримского времени. АСГЭ 33, 1998, 61-89.

Казакевич 2015: Г. Казакевич, Східні кельти: культура, ідентичність, історіографічні конструкції (Київ-Вінниця 2015).

Кац 2007: В.И. Кац, Греческие керамические клейма эпохи классики и эллинизма (опыт комплексного изучения). Боспорские исследования, вып. XVIII (Симферополь-Керчь 2007).

Кухаренко 1959a: Ю.В. Кухаренко, Распространение кельтских вещей на территории Восточной Европы. СА 1, 1959, 31-51.

Кухаренко 1959b: Ю.В. Кухаренко, Памятники зарубинецкой культуры в области Верхнего Поднепровья. МИА 70, 1959.

Кухаренко 1961: Ю. Кухаренко, Памятники железного века на территории Полесья. Свод археологических источников, Д.1-29 (Москва 1961).

Лапушнян, Никулицэ, Романовская 1974: В.Л. Лапушнян, И.Т. Никулицэ, М.А. Романовская, Памятники раннего железного века. АКМ, вып. 4 (Кишинев 1974).

Лапушнян, Романовская 1972: В.Л. Лапушнян, М.А. Романовская, О работе гетского отряда. В: Археологические открытья 1971 г. (Москва 1972), 450.

Масслеников, Романовская, Юшко 1974: А.А. Масленников, М.А. Романовская, А.А. Юшко, Работы на городище Рудь. В: Археологические открытья 1973 г. (Москва 1974), 424-426.

Мелюкова 1958: А.И. Мелюкова, Памятники скифского времени лесостепного Среднего Поднестровья. В сб.: МИА, вып. 64. Памятники скифо-сарматского времени в Северном Причерноморье (Москва 1958), 5-102.

Никулицэ 1977: И.Т. Никулицэ, Геты IV-III вв. до н.э. в Днестровско-Карпатских землях (Кишинев 1977).

Пачкова 2006: С.П. Пачкова, Зарубинецкая культура и латенизированные культуры Европы (Киев 2006).

Петров 1961: В.П. Петров, Зарубинецько-корчуватівська культура Середнього Подніпров'я і синхронні культури суміжних територій (До проблеми класифікації археологічних культур зарубинецького часу). Археологія XII, 1961, 53-75.

Редина 1993: Е.Ф Редина, Классификация фибул из скифских погребений Северо-Западного Причерноморья. В: Древнее Причерноморье. Краткие сообщения Одесского археологического музея (Одесса: ОАМ АН Украины 1993), 50-52.

Романовская 1971a: М.А. Романовская, Отчет о раскопках на гетском городище Рудь (Дондюшанский р-н МССР) в 1970 г. (Кишинев 1971). Arhiva MNIM, inv. nr. 59, 69.

Романовская 1971b: М.А. Романовская, Раскопки на гетском городище Рудь. В: Археологические открытья 1970 г. (Москва 1971), 358-359.

Романовская 1973: М.А. Романовская, О работе гетского отряда. В: Археологические открытья 1972 г. (Москва 1973), 415-416.

Романовская 1975a: М.А. Романовская, Работы гетского отряда. В: Археологические открытья 1974 г. (Москва 1975), 446.

Романовская 1975b: М.А. Романовская, Оборонительные сооружения городища Рудь. В: Новейшие открытия советских археологов, II (Киев 1971), 29-31.

Романовская 1976: М.А. Романовская, Исследование городища Рудь. В: Археологические открытья 1975 г. (Москва 1976), 476.

Романовская и др. 1977: М.А. Романовская, П. Гайдуков, Н. Макаров, А. Варенов, Раскопки городища Рудь. В: Археологические открытья 1976 г. (Москва 1977), 459-460.

Романовская, Шелов-Коведяев, Щеглов 1981: М.А. Романовская, Ф.В. Шелов-Коведяев, А.Н. Щеглов, Городище Рудь - Метоний Птоломея?. ВДИ 4, 1981, 121-138.

Савельєв 2013: О.К. Савельєв, Фібули з Тіри (знахідки 1996-2010 рр.). Археологія 2, 2013, 100-114.

Синика, Тельнов 2018: В.С. Синика, Н.П. Тельнов, Скифский курган 116 первой половины III в. до н.э. у с. Глинное. В сб.: (Ред. В.С. Синика, Р.А. Рабинович) Древности. Исследования. Проблемы. Сборник статей в честь 70-летия Н.П. Тельнова (Кишинев-Тирасполь 2018), 223-266.

Смирнов 1949a: Г.Д. Смирнов, Скифское городище и селище «Большая Сахарна». КСИИМК 26, 1949, 93-96.

Смирнов 1949b: Г.Д. Смирнов, Итоги археологических исследований в Молдавии в 1946 г. В сб.: Ученые записки Института истории, языка и литературы, II (Кишинев 1949), 189-202.

Тельнов, Четвериков, Синика 2016: Н.П. Тельнов, И.А. Четвериков, В.С. Синика, Скифский могильник III-II вв. до н.э. у с. Глинное (Тирасполь 2016).

Топал 2012: Д. Топал, Новые находки раннелатенских импортов между Днестром и Прутом. В сб.: (Ред. Н. Тельнов) Древности Северного Причерноморья в III-II вв. до н.э. (Тирасполь 2012), 169-171.

Фабрициус 1951: И.В. Фабрициус, Археологическая карта Причерноморья УССР (Киев 1951).

Щукин 1989: М.Б. Щукин, О галатах и дате декрета Протогена. В сб.: Скифия и Босфор. Археологические материалы к конференции памяти академика М.И. Ростовцева (Ленинград, 14-17 марта 1989 года) (Новочеркасск 1989), 97-110.

Щукин 1994: М.Б. Щукин, На рубеже эр. Опыт историко-археологической реконструкции политических событий III до н.э. - I в. н.э. в Восточной и Центральной Европе (Санкт Петербург 1994).

Early La Tène Iron Fibulae in the Republic of Moldova

Keywords: fibulae, early La Tène scheme, Middle Dniester, Getic fortifications, “late Scythian” tombs, Celts.

Abstract: The present study brings to the foreground of discussions a certain type of artifacts, the importance of which in the process of analyzing archaeological finds is difficult to overestimate, but which, unfortunately, was not used by the researchers to the proper extent. Thus, in the archaeological literature there is no single work on the Iron Age fibulae that were discovered on the present-day territory of the Republic of Moldova. Moreover, even when some specimens were introduced into scientific circulation, their publication was very short, often without a clear and precise presentation of the context, and the images accompanying incomplete texts in most cases are not clear enough for detailed analysis. Based on this situation, we decided to fill this historiographic gap and at the first stage we devoted our research to the iron fibulae of the early La Tène scheme found on the territory of the Republic of Moldova. As a result of the investigation, a lot was allocated, consisting of 12 fibulae, most of which were found on the territory of the Getic hillforts on the right bank of the Dniester. The degree of preservation of the items leaves much to be desired. The number of undamaged fibulae is relatively small, and those preserved fragmentarily create sufficient impediments for the possibilities of classification. Despite these circumstances, a catalogue of early La Tène scheme fibulae was developed, on the basis of which the main analogies were identified both in the neighboring areas (Romania and Ukraine), and in the Central Europe. We suggested to trace the chronological landmarks for the existing analogies, as well as to evaluate the chronological framework of the presented artifacts. At the same time, we set out to follow the ways and means by which these fibulae reached the Prut-Dniester area and, where possible, to highlight probable phenomena and processes that were behind the respective distribution of this type of artifacts.

List of illustrations:

Fig. 1. Distribution of iron fibulae of the early La Tène scheme in the territory of the Republic of Moldova: 1 - Mana III; 2 - Rudi “La Şanţuri”; 3-7 - Saharna Mare; 8 - Saharna Mică; 9-11 - Hlinaia (Glinoe); 12 - probably the northern part of the Republic of Moldova (the numbers correspond to the catalogue).

Fig. 2. Fibulae of the early La Tène scheme, found on the territory of the Republic of Moldova.

Fig. 3. Mana III. Iron fibula, cat. No. 1 (1 - after Munteanu, Băţ, Zanoci 2020; 2 - after Zanoci et al. 2015).

Fig. 4. Rudi "La Şanţuri". Iron fibula, cat. No. 2.

Fig. 5. Saharna Mare. Iron fibula, cat. No. 3 (1 - after Munteanu, Băţ, Zanoci 2020; 2-4 - photo by M. Băţ).

Fig. 6. Saharna Mare. Iron fibula, cat. No. 4 (1 - after Munteanu, Băţ, Zanoci 2020; 2 - photo by M. Băţ).

Fig. 7. Saharna Mare. Iron fibula, cat. No. 5 (1 - after Munteanu, Băţ, Zanoci 2020; 2-4 - photo by M. Băţ).

Fig. 8. Saharna Mare. Iron fibula, cat. No. 6 (1 - after Munteanu, Băţ, Zanoci 2020; 2 - photo by M. Băţ).

Fig. 9. Saharna Mare Iron fibula, cat. No. 7 (1 - after Munteanu, Băţ, Zanoci 2020; 2 - photo by M. Băţ).

Fig. 10. Saharna Mare: 1 - Structure No. 1/2012 with the location of the fibulae cat. Nos. 3-4; 2 - Structure No. 3/2017-2019 with the location of the fibulae cat. Nos. 5-6 (1 - after Niculiţă, Zanoci, Băţ 2016; 2 - after Niculiţă et al. 2019).

Fig. 11. Saharna Mică: 1, 2 - Iron fibula, cat. No. 8; 3, 4 - bronze fibula (1, 3 - after Munteanu, Băţ, Zanoci 2020; 2, 4 - after Niculiţă et al. 2016).

Fig. 12. Hlinaia (Glinoe): 1 - Mound 51 plan; 2 - burial No. 51/1 with the location of the fibula cat. No. 9; 3 - Mound 116 plan; 4 - burial No. 116/1 with the location of the fibulae cat. Nos. 10-11 (1, 2 - after Синика, Тельнов 2016a; 3, 4 - after Синика, Тельнов 2016b).

Fig. 13. Hlinaia (Glinoe). Iron fibulae: 1 - cat. No. 9; 2 - cat. No. 10; 3 - cat. No. 11 (1 - after Тельнов, Четвериков, Синика 2016; 2, 3 - after Синика, Тельнов 2018).

Fig. 14. Iron fibula, probably found in the northern part of the Republic of Moldova (online source).

Fig. 15. Saharna Mare. Iron fibulae, cat. No. 3 and No. 5 (photo by M. Băţ).

Fig. 16. Saharna Mare. Finds from structure No. 5 (1/2012), associated with fibula cat. No. 3 (after Niculiţă, Zanoci, Băţ 2016 and the authors).

Fig. 17. Saharna Mare. Finds from structure No. 3/2017-2019, associated with fibula cat. No. 5 (after Niculiţă et al. 2019).

Fig. 18. Saharna Mare. Finds from the enclosure of bastion No. 2, associated with fibula cat. No. 7 (after Niculiţă, Zanoci, Băţ 2016 and the authors).

Fig. 19. Saharna Mare. Finds from pit No. 1/2019 (after Niculiţă et al. 2019, photo by M. Băţ).

Fig. 20. Hlinaia (Glinoe). Grave goods from burial No. 51/1, associated with fibula cat. No. 9 (after Тельнов, Четвериков, Синика 2016).

Fig. 21. Hlinaia (Glinoe). Grave goods from burial No. 116/1, associated with fibulae cat. Nos. 10-11 (after Синика, Тельнов 2018).

Fig. 22. Location of the early La Tène scheme fibulae mentioned in the text and of Greek imports/imitations in Southeast Europe.

Раннелатенские железные фибулы на территории Республики Молдова

Ключевые слова: фибулы, раннелатенская схема, Средний Днестр, гетские городища, «позднескифские» захоронения, кельты.

Резюме: Наше исследование связано с определенным типом артефактов, важность которого в процессе анализа археологических находок трудно переоценить, но который, к сожалению, не был использован исследователями в должной мере. Как бы ни казалось странным, но в специальной литературе нет работ, посвященных фибулам железного века, обнаруженным на нынешней территории Республики Молдова. Более того, даже когда некоторые экземпляры были введены в научный оборот, их публикация была очень краткой, часто без четкого и точного представления контекста, а изображения, сопровождающие неполные тексты, в большинстве случаев недостаточно ясны для подробного анализа. Исходя из такой ситуации, мы решили заполнить этот историографический пробел и на первом этапе посвятили наше исследование железным фибулам раннелатенской схемы, обнаруженным на территории Республики Молдова. В результате расследования был выделен лот, состоящий из 12 экземпляров, большая часть которых была обнаружена на территории гетских городищ правобережья Днестра. Степень сохранности находок оставляет желать лучшего. Количество целых фибул относительно невелико, а сохранившиеся фрагменты создают существенные препятствия для возможностей классификации. Несмотря на эти обстоятельства, был разработан каталог фибул раннелатенской схемы, на основе которого мы составили их типологию и определили основные аналогии как в соседних территориях, так и в более отдаленных регионах. Мы предложили себе проследить хронологические ориентиры существующих аналогий, а также оценить хронологические рамки представленных артефактов. В то же время мы попытались проследить пути и способы, с помощью которых эти предметы попали в район Пруто-Днестровского междуречья, и, где это возможно, рассмотреть потенциальные явления и процессы, которые стояли за соответствующим распространением этого типа артефактов.

Список иллюстраций:

Рис. 1. Распространение железных фибул раннелатенской схемы на территории Республики Молдова: 1 - Мана III; 2 - Рудь «Ла Шанцурь»; 3-7 - Сахарна Маре; 8 - Сахарна Микэ; 9-11 - Хлиная (Глиное); 12 - вероятно, северная часть Республики Молдова (номера соответствуют каталогу).

Рис. 2. Фибулы раннелатенской схемы, обнаруженные на территории Республики Молдова.

Рис. 3. Мана III. Железная фибула, кат. №1 (1 - по Munteanu, Băţ, Zanoci 2020; 2 - по Zanoci et al. 2015).

Рис. 4. Рудь «Ла Шанцурь». Железная фибула, кат. № 2.

Рис. 5. Сахарна Маре. Железная фибула, кат. № 3 (1 - по Munteanu, Băţ, Zanoci 2020; 2-4 - фото М. Бэц).

Рис. 6. Сахарна Маре. Железная фибула, кат. № 4 (1 - по Munteanu, Băţ, Zanoci 2020; 2 - фото М. Бэц).

Рис. 7. Сахарна Маре. Железная фибула, кат. № 5 (1 - по Munteanu, Băţ, Zanoci 2020; 2-4 - фото М. Бэц).

Рис. 8. Сахарна Маре. Железная фибула, кат. № 6 (1 - по Munteanu, Băţ, Zanoci 2020; 2 - фото М. Бэц).

Рис. 9. Сахарна Маре. Железная фибула, кат. № 7 (1 - по Munteanu, Băţ, Zanoci 2020; 2 - фото М. Бэц).

Рис. 10. Сахарна Маре: 1 - Сооружение № 1/2012 с указанием места обнаружения фибул под №№ 3-4; 2 - Сооружение № 3/2017-2019 с указанием места обнаружения фибул под №№ 5-6 (1 - по Niculiţă, Zanoci, Băţ 2016; 2 - по Niculiţă et al. 2019).

Рис. 11. Сахарна Микэ: 1, 2 - Железная фибула, кат. № 8; 3, 4 - бронзовая фибула (1, 3 - по Munteanu, Băţ, Zanoci 2020; 2, 4 - по Niculiţă et al. 2016).

Рис. 12. Хлиная (Глиное): 1 - План кургана № 51; 2 - захоронение № 51/1 с указанием местонахождения фибул под №№ 9; 3 - план кургана № 116; 4 - захоронение № 116/1 с указанием местонахождения фибул под №№ 10-11 (1, 2 - по Тельнов, Четвериков, Синика 2016; 3, 4 - по Синика, Тельнов 2018).

Рис. 13. Хлиная (Глиное). Железные фибулы: 1 - кат. № 9; 2 - кат. № 10; 3 - кат. № 11 (1 - по Синика, Тельнов 2016a; 2, 3 - по Синика, Тельнов 2016b).

Рис. 14. Железная фибула, обнаруженная, вероятно, в северной части Республики Молдова (онлайн-источник).

Рис. 15. Сахарна Маре. Железные фибулы, кат. № 3 и № 5 (фото М. Бэц).

Рис. 16. Сахарна Маре. Находки из сооружения № 5 (1/2012), связанные с фибулой под № 3 (по Niculiţă, Zanoci, Băţ 2016 и авторам).

Рис. 17. Сахарна Маре. Находки из сооружения № 3/2017-2019, связанные с фибулой под № 5 (по Niculiţă et al. 2019).

Рис. 18. Сахарна Маре. Находки с территории бастиона № 2, связанные с фибулой под № 7 (по Niculiţă, Zanoci, Băţ 2016 и авторам).

Рис. 19. Сахарна Маре. Находки из ямы № 1/2019 (по Niculiţă et al. 2019, фото М. Бэц).

Рис. 20. Хлиная (Глиное). Погребальный инвентарь из захоронения № 51/1, связанный с фибулой под № 9 (по Тельнов, Четвериков, Синика 2016).

Рис. 21. Хлиная (Глиное). Погребальный инвентарь из захоронения № 116/1, связанный с фибулами под №№ 10-11 (по Синика, Тельнов 2018).

Рис. 22. Расположение фибул раннелатенской схемы, упомянутых в тексте, и предметов греческого импорта/имитаций в Юго-Восточной Европе.

20.10.2020

Dr. Octavian Munteanu, Universitatea Pedagogică de Stat „Ion Creangă”, str. Ion Creangă nr. 1, MD-2069, Chișinău, Republica Moldova, https://orcid.org/0000-0001-9340-8002, e-mail: ocmunteanu@gmail.com

Mihail Băţ, Universitatea de Stat din Moldova, str. A. Mateevici, 60, MD-2009 Chișinău, Republica Moldova, https://orcid.org/0000-0001-6642-2888, e-mail: mb_usm@yahoo.com

Dr. Aurel Zanoci, Universitatea de Stat din Moldova, str. A. Mateevici, 60, MD-2009 Chișinău, Republica Moldova, https://orcid.org/0000-0002-3236-7582, e-mail: azanoci@gmail.com

КОМПЛЕКСНЫЙ АНАЛИЗ КАМЕННОГО ИНВЕНТАРЯ РАННЕГОЛОЦЕНОВОЙ СТОЯНКИ КОБУЛЕТИ

Кетеван Эсакия, Гурам Чхатарашвили, Амиран Кахидзе

Ключевые слова: Кобулети, ранний голоцен, артефакт, технотипологический анализ, трасологический анализ.

На территории Юго-Западной Грузии (Аджария) обнаружено много памятников эпохи каменного века: Бешуми (Григолия 2002, 5-10), Хуцубани, Квирике, Кохи, Джиханджури, Чилоки, пос. Кобулети и др. Среди них особое место занимает памятник раннеголоценовой эпохи открытого типа Кобулети. Он расположен в 10 км восточнее современного курорта Кобулети (рис. 1) по правому берегу реки Кинтриши (GPS координаты N 41 48.178 E 041 53.066), на высоком холме, имеющем с трех сторон отвесные склоны. Самые ранние раскопки на стоянке Кобулети связаны с именами Нино Бердзенишвили и Ламары Небиеридзе (1964, 7-16). Позднее изучение памятника продолжил Серго Гогитидзе (1978; 2008), который с 1971 по 1986 год провел здесь не один полевой сезон.

Рис. 1. Местоположение археологической стоянки Кобулети.

Полевые археологические исследования на стоянке Кобулети возобновились в 2019 году[1]. Необходимо отметить, что впервые в истории археологии каменного века Аджарии в полевых работах участвовала междисциплинарная группа ученых (трасолог, палинолог, геохимик и геофизик). Раскопки проводились в центральной части холма, к северу от ранее изученного основного раскопа. Было выявлено 1533 артефакта из кремня и обсидиана, ямы различного назначения, древесный уголь и прочее. С помощью радиоуглеродного метода (^{14}C) находки были датированы 7769±142 кал. л. н.э. (CalPal).

Для изучения каменного инвентаря нами был проведен комплексный технотипологический и трасологический анализ.

Технотипологический анализ. Анализ технологии изготовления показал, что для получения пластинок и микропластин использовалась техника ручного отжима. В частности, из конического и карандашевидного нуклеуса методом ручного отжима получали тонкие и ровные микропластины (Hildebrand 1996, 193-206; Binder 2007, 235-243). Для орудий использовались кремний (934) и обсидиан (599). Коллекция представлена следующими технологическими формами: отщепы различных размеров, пластины больших и средних размеров, микропластины, чешуйки и осколки (Таблица 1).

В коллекции карандашевидные нуклеусы представлены в трех экземплярах. К этой же категории отнесены две пластинки нуклеуса (таблетки), которые, как правило, использовались для правки рабочей области нуклеуса.

[1] Исследование выполнено при финансовой поддержке Батумского Государственного университета им. Шота Руставели (грант № 02-12/19).

Таблица 1

Кобулети. Статистические данные необработанных артефактов

Тип	Кремень	Обсидиан	Всего
Нуклеусы	2	1	3
Пластинки нуклеуса	3	1	4
Пластины	17	8	25
Пластинки	110	84	194
Микропластинки	83	76	159
Отщепы	180	92	272
Первичные отщепы	5	1	6
Осколки	156	65	221
Чешуйки	271	107	378
Резцовые сколы	6	3	9
Всего:	**833**	**438**	**1044**

Количество пластин и микропластин значительно превосходит количество отщепов. Это указывает на развитую технику пластинчатой обработки. Различие между пластинами и пластинками определяется условно по ширине предмета. Например, граница устанавливается в 12 мм по ширине скола. Те изделия, ширина которых меньше этого значения, относятся к пластинкам, а у которых ширина равна или больше – к пластинам (Tixier 1974, 10-11). По такому же принципу Х. Амирханов выделил микропластинки как длинные узкие и плоские сколы, ширина которых была меньше 7 мм (Амирханов 1987, 10). Примечателен и тот факт, что число пластинок и микропластинок, ширина которых колеблется в диапазоне 0,2-1,2 см, составляет 353 экземпляра (рис. 2). То есть процесс микролитизации каменного инвентаря достиг высокого уровня.

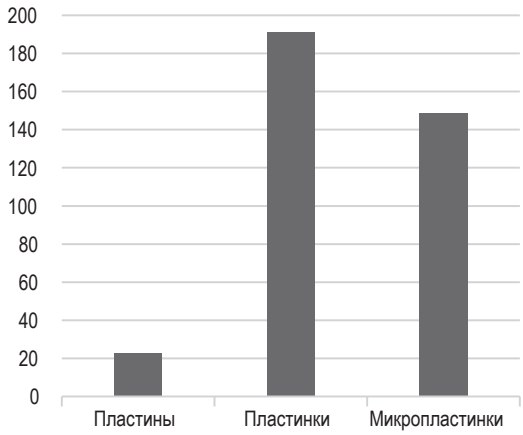


Рис. 2. Кобулети. Соотношения пластин и микропластин.

Технологический анализ дает возможность предположить, что обработка камня на месте не производилась, а артефакты в виде готовой продукции доставлялись на стоянку.

Всего в материале зафиксировано 262 орудия (105 кремневых и 157 обсидиановых) (рис. 3; таблица 2). Большинство из них представлены пластинами, пластинками, микропластинками и их сегментами с ретушью (89). Чаще всего такие изделия имеют мелкую затупливающую ретушь. Много пластин с выемками (27).

Среди орудий доминируют резцы (62). Встречаются угловые и боковые резцы. Боковые – преимущественно на отщепах. Часто такие резцы являются двойными. Определен симметричный двугранный резец. Все перечисленные резцы изготовлены на пластинах. Имеется одно комбинированное орудие: боковой резец – концевой скребок.

Скребков в коллекции очень мало (15). Все они изготовлены на отщепах и являются концевыми скребками. Имеется серия долот (15) на массивных сегментах пластин. В качестве скребков и долот, вероятно, использовались некоторые ретушированные отщепы (9).

Среди орудий встречаются пластины со скошенной головкой (19). На некоторых из них сохранились негативы микрорезцов. Довольно представителен комплекс микропластин с затупливающей ретушью по одному краю, связанных с метательными орудиями (25). Данные изделия делятся на две группы, отличающиеся по ширине заготовок. Это микро-

Таблица 2

Кобулети. Типологический лист орудий

Тип	Кремень	Обсидиан	Всего
Резец	32	30	62
Скребок	6	9	15
Резец-скребок	1	0	1
Долото	9	6	15
Ретушированный отщеп	5	4	9
Ретушированная пластинка и микропластинка	30	59	89
Пластинка и микропластинка с выемками	10	17	27
Тронкированные Пластинки и микропластинки	7	12	19
Микропластинки с притупленным краем	5	20	25
Всего:	**105**	**157**	**262**

пластины и пластины толщиной около 1 мм и массивные пластины и микропластинки толщиной до 3 мм.

Трасологический анализ. Трасологические исследования состоят из двух этапов. На первом поверхность изделия изучается под микроскопом. Фиксируются следы применения орудия – линии, царапины, штрихи разных размеров, углубления и др. (Семенов 1957; Семенов, Коробкова 1983). На втором проводится анализ функций орудий путем их классификации по группам (Коробкова 1987).

Трасологический анализ проводился на базе трасологического отдела Археологического исследовательского института Национального музея Грузии. В исследованиях использовался стереоскопический микроскоп МБС-9 (увеличение X 50-100). Всего анализу подверглось 288 изделий: ножевидные микропластины, отщепы и осколки.

Среди исследованных орудий больше всего ножей (84 экз.). Из них мясных – 81, для разрезания шкур – 3. Следы работы на ножах (тончайшие выбоины, выкрошенность лезвий, царапины и заполированность краев) проявляются очень слабо, и наблюдать их можно только под микроскопом. Мясные ножи однолезвийные и зафиксированы на микропластинах. Три других – двулезвийные. Противоположные стороны у ножей оформлены затупливающей ретушью. Отметим, что визуально на рабочих лезвиях пластин, которые функционально отнесены к ножам для мяса, не наблюдаются ретушь или следы правки. Довольно часто по морфологическим признакам их определяют как заготовки.

Следующую функциональную группу составляют скобели (37 экз.). Ретушь на их рабочих лезвиях является следом утилизации. Мало экземпляров с выемчатыми лезвиями. Почти все скобели использовались для обработки дерева.

Скребков меньше – 27 экз. Это боковые скребки с одним, двумя лезвиями и концевой ретушью. Большинство скребков изготовлены на микропластинах, и только несколько – на осколках. Зафиксированы два миниатюрных скребка с концевой ретушью.

Резцы (13) изготовлены как на пластинах, так и на отщепах. Среди них 3 резака для ювелирных работ.

В коллекции в малых количествах зафиксированы строгальные ножи малых размеров с ретушью утилизации, проколки, пилки, ретушеры, одна развертка и три поврежденных орудия неопределенной функции.

В полифункциональных орудиях чаще встречаются комбинации скобелей и скребков, которые изготовлены на использованных и изношенных ножах. С точки зрения вторичной обработки материал не отличается разнообразием: в основном это затупливающая, редко – заостряющая ретушь, резцовые сколы и часто – ретушь утилизации.

Результаты трасологического анализа указывают на то, что почти половина орудий связана с обработкой продуктов охоты. В то же вре-

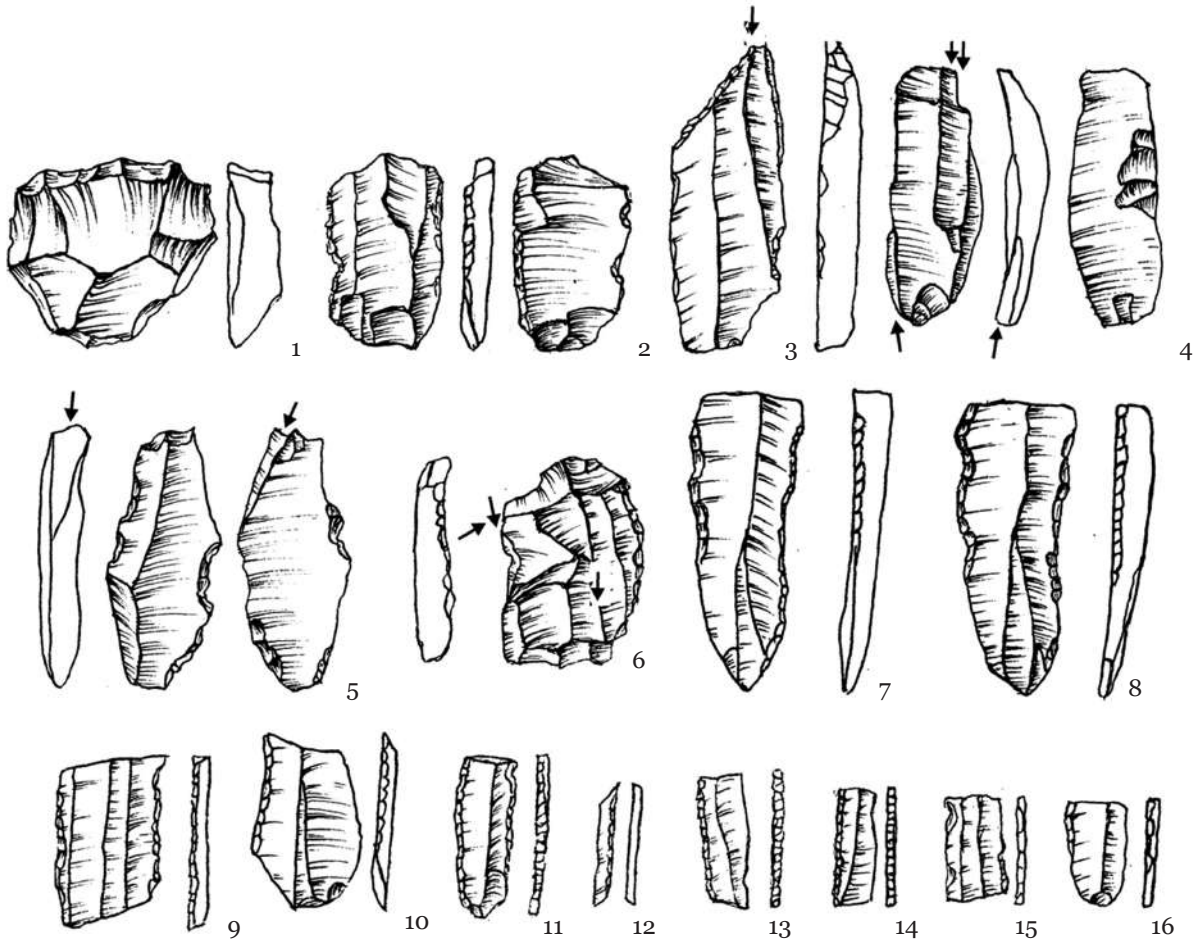


Рис. 3. Орудия. 1 - Скребок; 2 - долото; 3-5 - резцы; 6 - скребок-резец; 7-8 - пластины с выемками; 9-10 - ретушированные пластины; 11-16 - микропластинки с притупленным краем.

мя довольно значительное количество орудий связано с обработкой дерева, кости, меньше – для обработки шкур.

Классификация орудий проводилась с применением метода нормирования (Esakia 2005, 57-58): выделяется основная группа орудий (в нашем случае – ножи) и строится гистограмма отношений всех остальных групп орудий к основной группе (рис. 4). Поскольку каждая группа орудий связана с определенным видом хозяйства, на гистограмме получаем качественную картину распределения древних хозяйственных ресурсов. На степень развития хозяйства указывает количество и величина составляющих гистограммы. Немаловажно, что нормирование позволяет исключить погрешность, связанную с количественными методами, поскольку даже выборочный анализ изделий дает достоверную структуру хозяйства. В нашем случае это оправдано вдвойне, поскольку мы рассмотрели только часть коллекции каменного инвентаря древней кобулетской стоянки. В заключении отметим, что этот метод широко используется в современных статистических исследованиях.

Гистограмма дает возможность установить ведущие и второстепенные отрасли хозяйства и их специфику. Ведущее хозяйственное направление на стоянке связано с обработкой мяса. Вместе с тем представлены отрасли, связанные с домашним хозяйством, хотя в значительно меньшем соотношении. Опыт наших исследований подсказывает, что расклад орудий (богатый спектр) исследуемой стоянки указывает на достаточно развитое хозяйство. Вместе с тем микроскопическое исследование рабочих следов орудий показало, что их подправляли и многократно использовали. Это

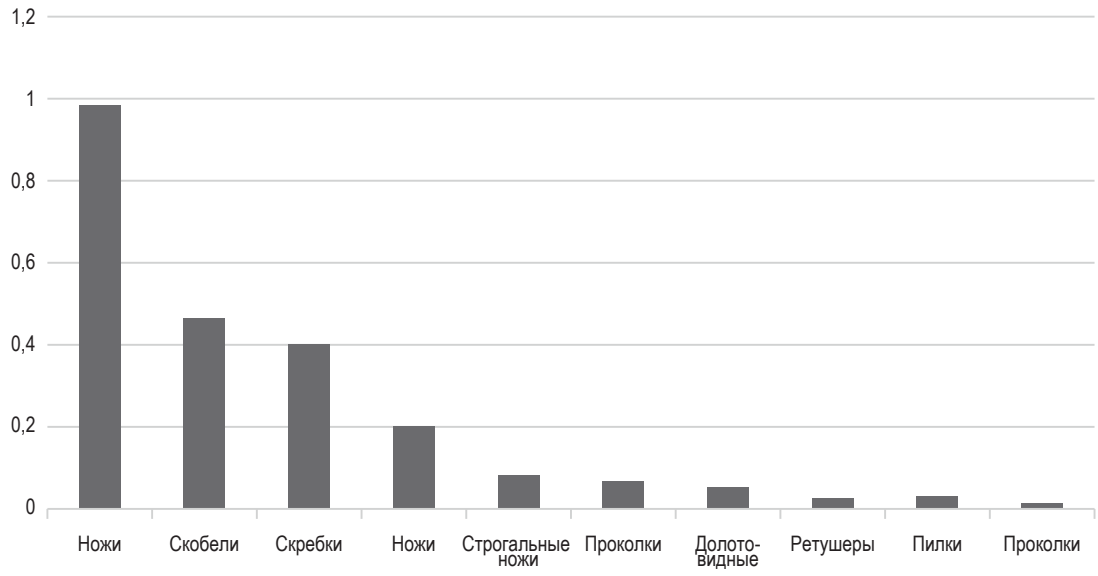


Рис. 4. Гистограмма нормированных значений групп орудий труда стоянки Кобулети.

довольно редкое событие для хозяйств стационарных поселений. То есть орудия труда скорее были доставлены на место их использования, чем были изготовлены там же, а сам памятник представляет собой стоянку группы охотников.

В целом, технико-типологический анализ комплекса свидетельствует, что стоянка Кобулети представляла собой сезонный лагерь охотников, где осуществлялась в минимальном количестве добыча и заготовка мяса.

Трасологический анализ каменного инвентаря стоянки около с. Кобулети выявил орудия труда, которые по следам изношенности и признакам рабочего применения представляют собой орудия для обработки мяса, кожи, а также дерева и кости.

Стоянка носила временный характер (лагерь охотничьей логистики), где производилась первичная обработка добычи, которая впоследствии доставлялась на место постоянного проживания.

Библиография

Амирханов 1987: Х.А. Амирханов, Чохское поселение, человек и его культура в мезолите и неолите горного Дагестана (Москва 1987).

Бердзенишвили, Небиеридзе 1964: Н. Бердзенишвили, Л. Небиеридзе, Стоянки каменного века в ущелье Кинтриши. В сб.: Памятники юго-западной Грузии, I (Тбилиси 1964), 7-16.

Гогитидзе 1978: С. Гогитидзе, Неолитическая культура юго-восточного Причерноморья (Тбилиси 1978).

Гогитидзе 2008: С. Гогитидзе, Археологические памятники каменного века в ущелье Кинтриши (Кобулетское ранненеолитическое поселение) (Батуми 2008).

Григолия 2002: Г. Григолия, Древнейший след первобытного человека в Аджарии. В: Труды Батумского археологического музея, II (Батуми 2002), 5-10

Коробкова 1987: Г.Ф. Коробкова, Хозяйственные комплексы ранних земледельческо-скотоводческих обществ юга СССР (Ленинград 1987).

Семенов 1957: С.А. Семенов, Первобытная техника. Материалы и исследования по археологии СССР (Москва-Ленинград 1957).

Семенов, Коробкова 1983: С.А. Семенов, Г.Ф. Коробкова, Технология древнейших производств (мезолит-энеолит) (Ленинград 1983).

Binder 2007: D. Binder, PPN Pressure Technology views from Anatolia, APDCA editors (Antibes 2007), 235-243.

Esakia 2005: K. Esakia, Economic efficiency of Meso-Eneolithic settlements in Southern Caucasus: the results of the traceological analysis of stone instruments. In: "Prehistoric Technology" 40 years later: Functional studies and the Russian legacy (Verona 2005), 57-58.

Hildebrand 1996: E. Hildebrand, Changes in Methods and techniques of blade production during the Epipaleolithic and Early Neolithic in the Eastern Fertile Crescent. In: Studies in Early Near Eastern Production, Subsistence and Environment 3 (SENEPSE) (Berlin 1996), 193-206.

Tixier 1974: J. Tixier, Glossary for the description of stone tools, with special reference to the Epipalaeolithic of the Maghreb. Newsletter of Lithic Technology: Special Publication, 1974, 3-40.

Analiza complexă a inventarului litic din staţiunea holocenului timpuriu Kobuleti

Cuvinte-cheie: Kobuleti, holocenul timpuriu, artefact, analiză tehno-tipologică, analiză trasologică.

Rezumat: Cercetarea presupune analiza tehno-tipologică şi trasologică a artefactelor obţinute ca urmare a săpăturilor arheologice în staţiunea din epoca holocenului timpuriu de la Kobuleti. Noutatea acestei lucrări constă în faptul că studiul uneltelor din piatră din această epocă nu a fost încă efectuat pe teritoriul Adjariei. Rezultatele obţinute, ne permit să concluzionăm că situl a fost o tabără temporară de vânători primitivi, unde s-a efectuat, în principal, prelucrarea iniţială a cărnii şi pielii.

Lista ilustraţiilor:

Fig. 1. Locul amplasării staţiunii arheologice Kobuleti.

Fig. 2. Kobuleti. Raportul dintre plăci şi micro-plăci.

Fig. 3. Unelete. 1 - Răzuitor; 2 - daltă; 3-5 - burine; 6 - răzuitor-burine; 7, 8 - plăci cu aplatizări; 9, 10 - plăci retuşate; 11-16 - micro-plăci cu margini contondente.

Fig. 4. Histograma valorilor normalizate ale grupurilor de unelte din staţiune Kobuleti.

Complex analysis of the stone industries at the Kobuleti Early Holocene site

Keywords: Kobuleti, Early Holocene, artifact, techno-typological analysis, traceological analysis.

Abstract: The main subject of this paper is techno-typological and traceological analysis of the stone artifacts found as a result of archaeological excavations in the Kobuleti Early Holocene site. The novelty of the work consists in the fact that the study of the stone industries of this period has not yet was carried out on the territory of Adjara. The obtained results allow us to conclude that the site was a temporary camp of primeval hunters, where mainly the initial processing of meat and skin was carried out.

List of illustrations:

Fig. 1. Location of the archaeological site of Kobuleti.

Fig. 2. Kobuleti. The ratio of blades and micro-blades.

Fig. 3. Tools. 1 - Endscraper; 2 - chisel; 3-5 - burins; 6 - endscraper-burin; 7, 8 - bladelets with notches on the edge; 9, 10 - retouched bladelets; 11-16 - micro-blades with abrupt retouch on edges.

Fig. 4. The histogram of the normalized values of the groups of tools from the Kobuleti site.

03.05.2020

Др. хаб. Кетеван Эсакия, Исследовательский Институт Археологии Государственного национального Музея Грузии, пр. Руставели 3, Тбилиси, Грузия, https://orcid.org/0000-0003-0053-8495, e-mail: k.esakia@gmail.com

Др. Гурам Чхатарашвили, Музей Аджарии, ул. Чавчавадзе 77-А, Батуми, Грузия, https://orcid.org/0000-0002-0568-9797, e-mail: gurami.chxa87@yahoo.com

Др. хаб. Амиран Кахидзе, Батумский государственный университет Шота Руставели, ул. Ниношвили 35, Батуми, Грузия, https://orcid.org/0000-0003-2319-0436, e-mail: amirankakhidze35@gmail.com

PIESE DE BRONZ DESCOPERITE ÎN AŞEZĂRILE CULTURILOR NOUA-SABATINOVKA DIN COLECȚIA MUZEULUI NAȚIONAL DE ISTORIE A MOLDOVEI*

Mariana Sîrbu, Denis Topal, Eugen Sava, Lazar Dermenji

Cuvinte-cheie: obiecte din metal, perioada târzie a epocii bronzului, culturile Noua-Sabatinovka, Republica Moldova.

Majoritatea pieselor de metal atribuite culturilor Noua-Sabatinovka[1] provin din depozite sau din descoperiri izolate. În aşezările acestor culturi, artefactele de bronz se întâlnesc foarte rar. De regulă, sunt reprezentate printr-un număr nesemnificativ de obiecte: ace, împungătoare, dăltiţe, mai rar – fragmente de podoabă, topoare-celturi şi cuţite/pumnale.

În fondurile Muzeului Naţional de Istorie a Moldovei (în continuare MNIM) se păstrează peste 70 de obiecte din metal, unele dintre ele fiind publicate în diferite lucrări. S-au făcut unele încercări de sistematizare a acestor artefacte (Sîrbu 2014, 185-201; Sîrbu, Sava 2014, 481-500), însă fără a elabora o tipologie generală şi a prezenta date referitoare la analiza chimică a metalului. Drept urmare, considerăm oportună realizarea unei astfel de completări în lucrarea de faţă. Referitor la contextul descoperirii în aşezări, obiectele de metal provin din stratul cultural, doar puţine din ele fiind descoperite în complexe: un fragment de brăţară (groapa nr. 2) şi un ac cu cap inelar (groapa nr. 5) – în aşezarea culturii Noua de la Odaia-Miciurin (Sava, Kaiser 2003, 9, fig. 42/10; 20, fig. 62/10); un ac cu cap inelar (groapa nr. 9) – în aşezarea culturii Sabatinovka de la Taraclia-Gaidabul (Sava et al. 2019, 18-19, fig. 30/5, 116/3).

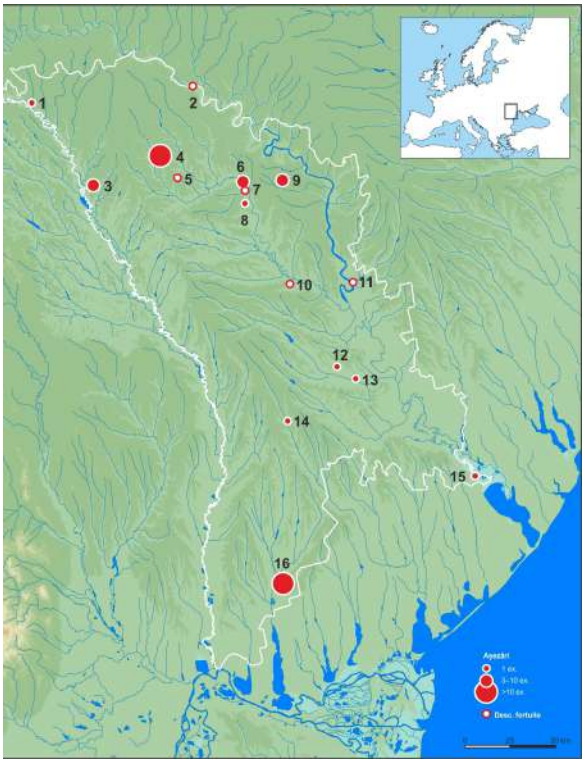


Fig. 1. Harta aşezărilor complexului cultural Noua-Sabatinovka cu piese din bronz analizate: 1 - Slobozia-Şireuţi; 2 - Balinţi; 3 - Petruşeni; 4 - Odaia-Miciurin; 5 - Lazo; 6 - Ghindeşti; 7 - Ciutuleşti; 8 - Roşieticii Vechi; 9 - Cobîlea; 10 - Isacova; 11 - Goian; 12 - Mereni; 13 - Socoleni; 14 - Gura Galbenei; 15 - Tudora; 16 - Taraclia-Gaidabul.

Urmează catalogul pieselor de metal pe categorii şi tipuri, însoţit de date statistice, descriere, analogii, precum şi rezultatele analizelor chimice ale acestor obiecte (Tab. 1)[2].

* Acest articol a fost elaborat în cadrul proiectului 20.80009.0807.43 „Patrimoniul muzeal şi memoria istorică: cercetare, interpretare, prezentare".

[1] În prezent, pentru perioada târzie a epocii bronzului, pe un spaţiu imens – de la incinta Carpaţilor, la vest, până la Nipru, la est – se distinge un grup de monumente, cunoscute în literatura de specialitate sub denumirea de „complexul cultural Noua-Sabatinovka-Coslogeni" (Morintz 1978; Sava 1998; Sava 2002a; Сава, Кайзер 2011; Sava 2014). Dat fiind faptul că în arealul prezentat în articolul de faţă nu cunoaştem aşezări de tip Coslogeni, vom utiliza în continuare doar termenul de culturi Noua-Sabatinovka.

[2] Menţionăm că cercetării şi analizelor chimice au fost supuse doar 65 de piese, celelalte nefiind disponibile pentru cercetare în timpul elaborării lucrării de faţă. Analizele au fost efectuate în incinta Laboratorului de Materiale pentru Fotovoltaică şi Fotonică, în cadrul acordului încheiat între Muzeul Naţional de Istorie a Moldovei şi Institutul de Fizică

UNELTE

Topor-celt de tip Râşeşti, 1 exemplar.

Comuna Isacova, raionul Orhei, descoperire fortuită (cat. 46; fig. 3/1). Are corpul zvelt hexagonal în secţiune, cu faţetele arcuite, prevăzute cu orificii ovale. Pe una din faţete, orificiul este încadrat într-o nervură de formă ovală cu capetele suprapuse. Tubul de înmănuşare are formă ovală, cu marginea reliefată, din care este trasă urechiuşa laterală. Marginea tubului de înmănuşare prezintă un defect de turnare. Lama este uşor arcuită şi ştirbită. Dimensiuni: H[3] – 10,7 cm; LA – 3,7 cm; LA_{lamei} – 3, 8 cm; tubul de înmănuşare – 3,6×4,9 cm. Greutatea – 240 g. FB-27817-4.

Literatura: Дергачев 1975, 31, рис. 11/8; Дергачев 2010, табл. 2/23; Dergačev 2002, Taf. 43/E.

Tipul Râşeşti reprezintă topoare-celt cu corpul drept şi masiv, prevăzut cu tortiţă laterală şi faţete arcuite cu orificii ovale sau imitaţii ale acestora sub arcade. Astfel de celturi sunt descoperite rar în aşezări de tip Noua (Poiana Dulceşti, Tăvădăreşti, Tanacu) şi Coslogeni (Radovanu) de pe teritoriul României (Morintz 1978, fig. 86/1; Florescu 1991, fig. 102-A/6, 105-A/11, 106-A/6), sau de tip Sabatinovka de pe teritoriul Ucrainei – la Pivdene, Antonovka, Becilova (Черняков 1985, рис. 63/11-15; Дергачев 1986, рис. 52/1; Дергачёв 2010, 35; Sîrbu 2014, 185, fig. 2/1), cele mai multe fiind descoperite în depozite de bronzuri (Дергачёв 2010, рис. 18, таб. 1-7). Un tipar de turnare cu negativul unui astfel de celt a fost descoperit la Majaki (Bočkarev, Leskov 1980, Taf. 6/48a). Cea mai mare concentraţie a acestui tip de topor-celt se înregistrează teritorial în zona centrală a Moldovei din dreapta Prutului, de unde s-a răspândit în arealul culturii Sabatinovka, în HaA1, fiind prezente şi pe teritoriul Transilvaniei (Dergačev 1997, 144).

Dălţi cu tub de înmănuşare, 2 exemplare.

Satul Socoleni, raionul Anenii Noi, descoperire fortuită (cat. 44; fig. 3/2). Are corpul drept şi zvelt, cu secţiune semiovală în partea superioară şi rectangulară în cea inferioară, prevăzut pe una din faţete cu o şănţuire care se adânceşte şi se lărgeşte progresiv spre lama uşor evazată. Tubul de înmănuşare are marginea evidenţiată prin două nervuri slab reliefate. Alte două nervuri coboară lateral spre lamă. Dimensiuni: H – 9,4 cm; LA – 1,8 cm; LA_{lamei} – 1,7 cm; tubul de înmănuşare – 2,0×2,1 cm. Greutatea – 104 g. FB-27817-4.

Literatura: Дергачев 1975, 19, рис. 7/2; Дергачев 2011, рис. 136/28; Dergačev 2002, Taf. 47/B4;

Taraclia-Gaidabul, oraşul Taraclia, aşezare a culturii Sabatinovka (cat. 50; fig. 4/1). Are corpul drept şi zvelt, hexagonal în partea superioară şi rectangular în cea inferioară, prevăzut pe una din faţete cu o şănţuire care se adânceşte şi se lărgeşte progresiv spre lama uşor evazată. Tubul de înmănuşare are marginea uşor îngroşată, sub care are un orificiu oval neregulat de 0,3×0,4 cm. Dimensiuni: H – 8,2 cm; LA – 1,6 cm; LA_{lamei} – 1,4 cm; tubul de înmănuşare – 1,8×2,0 cm. Greutatea – 66 g. FB-30530-1.

Literatura: Sava et al. 2019, 18-19, fig. 116/4.

Turnate în tipare bivalve, dălţile au corpul drept, zvelt, sau uşor evazat în zona tăişului, manşon vertical pentru fixarea mânerului şi secţiunea transversală semicirculară sau rectangulară în partea inferioară (Черных 1976, 109-110). Un studiu dedicat acestui tip de daltă a fost elaborat de E. Uşurelu (Uşurelu 2010c, 8-17). V. Dergačev atribuie dălţile de acest fel tipului Malye Kopani (Dergačev 2002, 121). Dălţi cu tub de înmănuşare au fost descoperite în aşezări ale culturii Noua de pe teritoriul Ucrainei la Mahala (Балагурі 1971, рис. 111/8; Sîrbu, Sava 2014, fig. 229/2) şi României la Rădeni, Ruginoasa (Diaconu 2014, fig. 80/5, 9), cele descoperite pe teritoriul ţării noastre provenind din mediul culturii Sabatinovka. Restul exemplarelor cunoscute provin din depozite de bronzuri de pe un areal vast, cuprins între Dunărea Inferioară şi bazinul râului Don (Дергачёв 2011, рис. 137; Sîrbu 2013b, 208, fig. 4/9; Topal, Sîrbu, 2016, fig. 5/2). Pe teritoriul Ucrainei sunt cunoscute câteva forme de turnare cu negativul acestui tip de daltă (Bočkarev, Leskov 1980, Taf. 3/29, 36, 4/39d, 40, 11/87a-b).

Cuţite, 4 exemplare.

Tudora XII, comuna Tudora, raionul Ştefan Vodă, aşezare a culturii Sabatinovka. Cuţit fără peduncul, cu un singur tăiş şi muchia îngroşată (cat. 34; fig. 3/3). Dimensiuni: L – 8,4 cm; LA – 1,1-1,3 cm; G – 0,2 cm. Greutatea – 6,46 g. FB-28143-5.

Literatura: Мелюкова 1961, 120, рис. 44/7; Dergačev 2002, Taf. 53/N.

Aplicată al Academiei de Ştiinţe a Republicii Moldova, cu ajutorul spectrometrului de fluorescenţă AFRX Xenemetrix „X-Calibur". Pe această cale, aducem sincere mulţumiri pentru asistenţă şi colaborare domnului Leonid Culiuc, academician AŞM, dr. hab., şef al Laboratorului Fizica Compuşilor Semiconductori „Sergiu Rădăuţan".

[3] H – înălţimea, L – lungimea, LA – lăţimea; G – grosimea, D – diametrul.

Satul Văratic, raionul Râşcani, descoperire fortuită. Cuţit fără peduncul, cu tăişuri paralele şi nervură mediană pe lamă (cat. 36; fig. 4/2). Dimensiuni: L – 10,7 cm; LA – 1,4-1,7 cm; G – 0,25 cm. Greutatea – 12,71 g. FB-29081.

Literatura: Дергачев 1975, 24, рис. 10/29; Dergačev 2002, Taf. 53/M.

Taraclia-Gaidabul, oraşul Taraclia, aşezare a culturii Sabatinovka (2 ex.):

- Fragment de cuţit cu un singur tăiş şi muchia îngroşată (cat. 55; fig. 4/5). Dimensiuni: L – 7,0 cm; LA – 1,3-1,8 cm; G – 0,2-0,4 cm. Greutatea – 16,36 g. FA-12297-2.

Literatura: Sava et al. 2019, 18-19, fig. 175/3.

- Cuţit fără peduncul, cu tăişuri paralele şi nervură mediană pe lamă (cat. 51; fig. 4/4). Este prevăzut cu un orificiu oval de 0,4×0,3 cm spre vârful lamei. Dimensiuni: L – 13,4 cm; LA –1,4-2,5 cm; G – 0,2-0,3 cm. Greutatea – 24,26 g. FB-30530-4.

Literatura: Sava et al. 2019, 18-19, fig. 116/5.

Cuţitele sunt reprezentate de un număr relativ redus în aşezări, în mare parte fiind întâlnite în depozite (Черных 1976, 115; Petrescu-Dîmboviţa 1977, pl. 73/6-17, 100/8-11; Lazanu, Ursache 2013, pl. 9). Pot fi distinse câteva tipuri de cuţite (Черных 1976, 115-122, таб. 13III). Unul din exemplarele descoperite la Taraclia-Gaidabul şi cel din aşezarea de la Tudora sunt incluse de E. Černych în tipul H-2 (Черных 1976, 113). Celelalte două sunt atribuite tipului H-16 (Черных 1976, 116). Analogii ale acestora sunt cunoscute în aşezarea culturii Sabatinovka de la Vyše-Tarasovka (Черных 1976, 113) şi în cele ale culturii Noua de la Botoşana şi Horoiata (Florescu 1991, fig. 99/9, 111/1).

Specifice mediilor culturale central-europene (Derčacev 2002, 130), cuţitele, în special cele cu peduncul, au evoluat pe parcursul unei perioade îndelungate de timp, fiind cunoscute până în HaB (Leviţki 1994, 128; Caşuba 2003, рис. X/39-40; XXX/16-22; Ciugudean et al. 2006, 39). Pentru regiunea nord-pontică, o concentraţie a cuţitelor este înregistrată în zona Niprului inferior şi mijlociu (Черных 1976, рис. 48).

Ace simple, 9 exemplare.
Sunt prelucrate din sârmă de bronz circulară în secţiune, cu unul din capete ascuţit şi celălalt prevăzut cu un orificiu.

Ghindeşti VI, comuna Ghindeşti, raionul Floreşti, aşezare a culturii Noua (3 ex.):

- Ac simplu cu piciorul puternic curbat şi rupt în zona orificiului (cat. 42; fig. 7/13). Dimensiuni: L – 8,2 cm; D – 0,2 cm. Greutatea – 1,08 g. FA-11653-1.

Literatura: Мелюкова 1961a, 31, рис. 12/10; Dergačev 2002, Taf. 45/C3; Sîrbu 2014, fig. 3/12; Sava 2014, fig. 140/14.

- Ac simplu cu piciorul îndoit spre vârf şi capătul opus rupt (cat. 37; fig. 7/9). Dimensiuni: L – 7,3 cm; D – 0,2 cm. Greutatea – 0,77 g. FA-11653-2.

Literatura: Мелюкова 1961a, 31, рис. 12/11; Dergačev 2002, Taf. 45/C1; Sîrbu 2014, fig. 3/4; Sava 2014, fig. 140/7.

- Ac simplu cu piciorul uşor îndoit în zona de mijloc, cu un capăt ascuţit şi celălalt prevăzut cu orificiu în formă ovală (cat. 41; fig. 7/10). Dimensiuni: L – 9,5 cm; D – 0,25 cm; $D_{orif.}$ – 0,2×03 cm. Greutatea – 1,57 g. FB-29078-7.

Literatura: Мелюкова 1961a, 31, рис. 12/9; Dergačev 2002, Taf. 45/C2; Sîrbu 2014, fig. 3/1; Sava 2014, fig. 140/10.

Odaia-Miciurin, satul Miciurin, raionul Drochia, aşezare a culturii Noua (4 ex.):

- Ac simplu cu piciorul puternic curbat spre vârf, prevăzut la capătul opus cu orificiu de formă ovală (cat. 31; fig. 8/11). Dimensiuni: L – 6,0 cm; D – 0,3 cm; $D_{orif.}$ – 0,2×0,3 cm. Greutatea – 1,53 g. FB-28535-8.

Literatura: Сава, Кайзер 2011, рис. 72/7; Sîrbu 2014, fig. 3/2; Sava 2014, 92/7.

- Ac simplu cu piciorul uşor curbat, vârful rupt şi capătul opus prevăzut cu orificiu (acoperit cu patină) (cat. 21; fig. 7/8). Dimensiuni: L – 7,5 cm; D – 0,3 cm. Greutatea – 1,52 g. FA-11626-77.

Literatura: Сава, Кайзер 2011, рис. 72/5; Sîrbu 2014, fig. 3/6; Sava 2014, 92/5.

- Ac simplu cu piciorul puternic îndoit în jumătatea superioară, prevăzut cu orificiu de formă ovală (cat. 19; fig. 8/6). Dimensiuni: L – 6,0 cm; D – 0,3 cm; $D_{orif.}$ – 0,2×0,4 cm. Greutatea – 2,46 g. FB-29036-4.

Literatura: Сава, Кайзер 2011, рис. 72/8; Sîrbu 2014, fig. 3/3; Sava 2014, 92/8.

- Ac simplu cu piciorul curbat, un capăt ascuţit şi altul rupt (cat. 23; fig. 8/7). Dimensiuni: L – 10,0 cm; D – 0,25 cm. Greutatea – 2,01 g. FA-11626-83.

Literatura: Сава, Кайзер 2011, рис. 72/15; Sîrbu 2014, fig. 3/7; Sava 2014, fig. 92/15.

Petruşeni III „La Cigoreanu", satul Petruşeni, raionul Râşcani, aşezare a culturii Noua. Ac simplu cu piciorul îndoit spre vârf, prevăzut la capătul opus cu orificiu în formă ovală (cat. 6; fig. 8/9). Dimensiuni: L – 8,7 cm; D – 0,3 cm; $D_{orif.}$ – 0,2×03 cm. Greutatea – 2,24 g. FB-28233-5.

Literatura: Levitsckii, Sava 1993, des. 3/14; Dergačev 2002, Taf. 46/D3; Sîrbu 2014, fig. 3/8; Sava 2014, fig. 49/10.

Taraclia-Gaidabul, oraşul Taraclia, aşezare a culturii Sabatinovka (cat. 57; fig. 6/12). Ac simplu cu piciorul uşor îndoit, vârful ascuţit şi celălalt capăt rupt. Dimensiuni: L – 7,6 cm; D – 0,2 cm. Greutatea – 2,08 g. FA-12297-3.

Literatura: Sava et al. 2019a, fig. 2/3; Sava et al. 2019b, 18-19, fig. 175/2.

Acele de cusut sunt cunoscute în mai multe aşezări de tip Noua de pe teritoriul Ucrainei – Ostrivec (Балагурі 1968, рис. 3/3-4), Mahala (Смирнова 1957, рис. 38/10, 13; Смирнова 1969, рис. 7/I,26) şi al României – Zoltan (Cavruc 2003, 107, foto 233-237; 107, foto 242), Piatra-Neamţ, Dodeşti, Gârbovăţ, Cavadineşti, Zapodeni (Florescu 1991, fig. 103-A/11, 106-A/3, 4; 107-A/7, 108-A/17-19; 111-A/8-10), Râşeşti (Petrescu-Dâmboviţa 1958, 462, fig. 10/7; Березанская 1985, рис. 131/18), Crasnaleuca (Dascălu 2007, 126, pl. 61/94. 1) ş.a.

Împungătoare, 14 exemplare.
În baza trăsăturilor morfologice, pot fi distinse două tipuri de împungătoare:

1. Împungătoare cu ambele capete ascuţite, 5 exemplare.

Odaia-Miciurin, satul Miciurin, raionul Drochia, aşezare a culturii Noua (3 ex.):

- Împungător prelucrat din bară trapezoidală în secţiune, cu ambele capete ascuţite (cat. 15; fig. 6/6). Are corpul curbat la ambele capete. Dimensiuni: L – 7,9 cm; LA – 0,4 cm. Greutatea – 3,31 g. FB-29069-2.

Literatura: Сава, Кайзер 2011, рис. 72/20; Sîrbu 2014, fig. 3/18; Sava 2014, fig. 92/20.

- Împungător prelucrat din bară trapezoidală în secţiune, cu ambele capete ascuţite (cat. 17; fig. 6/7). Are corpul uşor îngroşat în zona mediană. Dimensiuni: L – 6,4 cm; LA – 0,4 cm. Greutatea – 3,06 g. FB-29036-2.

Literatura: Сава, Кайзер 2011, рис. 72/19; Sava 2014, fig. 92/19.

- Împungător prelucrat din bară trapezoidală în secţiune, cu ambele capete ascuţite (cat. 18; fig. 6/14). Are corpul uşor îngroşat spre unul din capete. Dimensiuni: L – 4,5 cm; LA – 0,3 cm. Greutatea – 1,33 g. FB-29036-3.

Literatura: Сава, Кайзер 2011, рис. 72/21; Sava 2014, fig. 92/21.

Petruşeni III „La Cigoreanu", satul Petruşeni, raionul Râşcani, aşezare a culturii Noua (cat. 4; fig. 6/5). Împungător prelucrat din bară trapezoidală în secţiune, cu ambele capete ascuţite. Are corpul uşor îngroşat în zona mediană. Dimensiuni: L – 6,5 cm; LA – 0,5 cm. Greutatea – 4,13 g. FB-28233-22.

Literatura: Levitsckii, Sava 1993, des. 3/7; Dergačev 2002, Taf. 46/D1; Sava 2014, fig. 44/19.

Taraclia-Gaidabul, oraşul Taraclia, aşezare a culturii Sabatinovka (cat. 60; fig. 6/2). Împungător prelucrat din bară trapezoidală în secţiune, cu ambele capete ascuţite. Are corpul uşor îngroşat spre unul din capete. Dimensiuni: L – 5,2 cm; LA – 0,4 cm. Greutatea – 3,36 g. FB-30520-8.

Inedit.

2. Împungătoare-dăltiţă, 9 exemplare.

Odaia-Miciurin, satul Miciurin, raionul Drochia, aşezare a culturii Noua (4 ex.):

- Împungător prelucrat din bară trapezoidală în secţiune, cu un capăt ascuţit şi altul aplatizat (cat. 25; fig. 6/4). Are corpul curbat spre capătul aplatizat. Dimensiuni: L – 7,0 cm; LA – 0,3 cm. Greutatea – 2,32 g. FB-28930-10.

Literatura: Сава, Кайзер 2011, рис. 72/6; Sava 2014, fig. 92/6.

- Împungător prelucrat din bară trapezoidală în secţiune, cu un capăt ascuţit şi altul aplatizat (cat. 27; fig. 4/6). Are corpul drept, uşor îngroşat spre capătul aplatizat. Dimensiuni: L – 8,2 cm; LA – 0,4 cm. Greutatea – 6,08 g. FB-28930-9.

Literatura: Сава, Кайзер 2011, рис. 72/17; Sava 2014, fig. 92/17; Sîrbu 2014, fig. 3/15.

- Împungător prelucrat din bară trapezoidală în secţiune, cu un capăt ascuţit şi altul aplatizat (cat. 26; fig. 6/8). Are corpul curbat spre ambele capete, prevăzut cu o proeminenţă spre capătul aplatizat. Dimensiuni: L – 13,2 cm; LA – 0,5 cm. Greutatea – 12,34 g. FB-28930-14.

Literatura: Сава, Кайзер 2011, рис. 72/1; Sava 2014, fig. 92/1; Sîrbu 2013, fig. 3/14.

- Împungător prelucrat din bară trapezoidală în secţiune, cu un capăt ascuţit şi altul aplatizat (cat. 14; fig. 6/10). Are corpul îngroşat spre capătul aplatizat şi capătul ascuţit uşor curbat. Dimensiuni: L – 9,2 cm; LA – 0,3 cm. Greutatea – 3,36 g. FB-29069-3.

Literatura: Сава, Кайзер 2011, рис. 72/18; Sava 2014, fig. 92/18; Sîrbu 2014, fig. 3/20.

Ghindeşti VI, comuna Ghindeşti, raionul Floreşti, aşezare a culturii Noua (cat. 40; fig. 6/11). Împungător prelucrat din bară trapezoidală în secţiune, cu ambele capete ascuţite. Are corpul uşor îngroşat spre unul din capete. Dimensiuni: L – 7,9 cm; LA – 0,4 cm. Greutatea – 3,82 g. FB-29078-4.

Literatura: Мелюкова 1961a, 31, рис. 12/9; Dergačev 2002, Taf. 45/C4; Sava 2014, fig. 140/9; Sîrbu 2014, fig. 3/22.

Cobâlnea-Staţia, comuna Cobâlea, raionul Şoldăneşti, aşezare a culturii Noua (cat. 9; fig. 6/9). Împungător prelucrat din bară trapezoidală în secţiune, cu un capăt ascuţit şi altul aplatizat. Are corpul drept, îngroşat pronunţat în zona mediană. Dimensiuni: L – 12,0 cm; LA – 0,6 cm. Greutatea – 12,40 g. FB-28381-15.

Literatura: Демченко, Левицкий 1992, 120, рис. 3/5; Dergačev 2002, Taf. 44/G1; Sava 2014, fig. 159/14; Sîrbu 2014, fig. 3/21.

Lazo, oraşul Sângerei, raionul Sângerei, descoperire fortuită (cat. 45; fig. 4/3). Împungător prelucrat din bară trapezoidală în secţiune, cu un capăt ascuţit şi altul aplatizat. Are corpul curbat spre ambele capete, prevăzut cu o proeminenţă spre capătul aplatizat. Dimensiuni: L – 12,7 cm; LA – 0,7 cm. Greutatea – 16,71 g. FB-28409-1.

Literatura: Dergačev 2002, Taf. 46/G.

Taraclia-Gaidabul, oraşul Taraclia, aşezare a culturii Sabatinovka (2 ex.)

- Împungător prelucrat din bară trapezoidală în secţiune, cu un capăt ascuţit şi altul aplatizat (cat. 56; fig. 6/3). Are corpul îngroşat în zona mediană şi uşor curbat spre capătul ascuţit. Dimensiuni: L – 6,7 cm; LA – 0,5 cm. Greutatea – 3,97 g. FB-30520-5.

Literatura: Sava et al. 2019a, fig. 2/2; Sava et al. 2019b, 18-19, fig. 175/1.

- Împungător prelucrat din bară trapezoidală în secţiune, cu un capăt ascuţit şi altul aplatizat (cat. 59; fig. 6/1). Are corpul drept, uşor îngroşat în zona mediană. Dimensiuni: L – 8,0 cm; LA – 0,45 cm. Greutatea – 6,42 g. FB-30520-10.

Inedit.

Împungătoare analogice celor descrise mai sus au fost descoperite în aşezări ale culturii Noua de pe teritoriul Ucrainei – la Ostrivec (Балагурі 1968, 145, рис. 3/6, 14, 20), Mahala (Смирнова 1969, рис. 7/I 22), Stecivka (Крушельницка 2006, рис. 21/12) şi al României – la Truşeşti, Bărboasa, Tăvădăreşti, Gârbovăţ (Florescu 1991, fig. 100-A/2, 104-A/7, 105-A/8, 109-A/24-30), Zoltan (Cavruc 2003, 108, foto 240 şi urm.), Vlădeni (Dascălu 2007, 125). Împungătoare fixate în mânere de os sau corn au fost descoperite în câteva aşezări ale culturii Noua (Mahala, Gârbovăţ, Tăvădăreşti) şi Sabatinovka (Dremajlivka).

PIESE ŞI ATRIBUTE DE PODOABĂ

Ace de tip Rollenadel, 4 exemplare.

Ghindeşti VI, comuna Ghindeşti, raionul Floreşti, aşezare a culturii Noua (2 ex.)

- Ac cu piciorul mediu, circular în secţiune, vârf ascuţit şi capătul opus aplatizat şi răsucit lateral în formă de ineluş (cat. 38; fig. 5/5). Dimensiuni: L – 8,6 cm; D – 0,3 cm; $D_{inelului}$ – 0,9 cm. Greutatea – 4,75 g. FB-29078-2.

Literatura: Мелюкова 1961a, 29, рис. 12/5; Dergačev 2002, Taf. 45/C5; Sava 2014, fig.140/6; Sîrbu 2014, fig. 4/4.

- Ac cu piciorul înalt, circular în secţiune, vârf ascuţit şi capătul opus aplatizat şi răsucit lateral în formă de ineluş (cat. 39; fig. 5/7). Sub ineluş are o adâncitură circulară cu diametrul de 0,2 cm. Dimensiuni: L – 10,5 cm; D – 0,3 cm; $D_{inelului}$ – 0,5 cm. Greutatea – 3,80 g. FB-29078-3.

Literatura: Мелюкова 1961a, 29, рис. 12/7; Dergačev 2002, Taf. 45/C7; Sava 2014, fig. 140/5; Sîrbu 2014, fig. 4/2.

Odaia-Miciurin, satul Miciurin, raionul Drochia, aşezare a culturii Noua (cat. 24; fig. 5/6). Ac cu piciorul înalt, circular în secţiune, vârf ascuţit şi capătul opus aplatizat şi răsucit lateral în formă de ineluş. Dimensiuni: L – 12,7 cm; D – 0,4 cm; $D_{inelului}$ – 0,7 cm. Greutatea – 8,58 g. FB-28771-17.

Literatura: Сава, Кайзер 2011, рис. 72/3; Sava 2014, fig. 92/3; Sîrbu 2014, fig. 4/1.

Gura-Galbenei I, comuna Gura Galbenei, aşezare a culturii Sabatinovka (cat. 1; fig. 5/4). Ac cu piciorul înalt, circular în secţiune, vârf rupt şi capătul opus aplatizat şi răsucit lateral în formă de ineluş. Are piciorul puternic îndoit în partea superioară. Dimensiuni: L – 8,7 cm; D – 0,3 cm; $D_{inelului}$ – 0,7 cm. Greutatea – 4,68 g. FB-29075-2.

Literatura: Дергачев 1973, 100, рис. 24/1; Dergačev 2002, Taf. 45/H; Sîrbu 2014, fig. 4/7.

Acele de tip Rollenadel sunt prelucrate din bară de bronz circulară în secţiune, cu capătul superior aplatizat şi răsucit în spirală. Astfel de ace sunt cunoscute şi în aşezările culturii Noua de pe teritoriul Ucrainei – la Mahala (Смирнова 1969, рис. 7/I30), Ostrivec (Балагурі 1968, 145, рис. 3/9-12) şi al României – la Cândeşti (Florescu, Florescu 1990, 13, fig. 32/9), Zoltan (Cavruc 2003, 107, foto 232; 108, foto 239), Hărman, Corlăteni, Valea Lupului, Truşeşti, Poiana-Dulceşti, Târpeşti (Florescu 1991, fig. 98-A/8; 99-A/1, 7; 100-A/7, 8; 102-A/3; 103-A/1, Dascălu 2007, 65), precum şi în aşezările de tip Sabatinovka de la Berislav (Gerškovič 1999, Taf. 7/15, 16).

Ace cu cap inelar, 2 exemplare.
Odaia-Miciurin, satul Miciurin, raionul Drochia, aşezare a culturii Noua (cat. 29; fig. 6/18). Ac cu picior lung, circular în secţiune, vârf ascuţit şi capătul opus finisat în formă de inel. Dimensiuni: L – 12,0 cm; D – 0,4 cm; $D_{inelului}$ – 1,7 cm. Greutatea – 4,58 g. FB-28535-10.

Literatura: Сава, Кайзер 2011, рис. 72/2; Sava 2014, fig. 92/2; Sîrbu 2014, fig. 4/15.

Taraclia-Gaidabul, oraşul Taraclia, aşezare a culturii Sabatinovka (cat. 54; fig. 8/1). Ac cu picior scurt, circular în secţiune, vârf ascuţit şi capătul opus finisat în formă de inel. Dimensiuni: L – 7,5 cm; D – 0,3 cm; $D_{inelului}$ – 0,8 cm. Greutatea – 3 g. FB-30520-3.

Literatura: Sava et al. 2019b, 18-19, fig. 116/3.

Acele cu cap inelar sunt prelucrate din bară de bronz circulară în secţiune, cu unul din capete ascuţit şi celălalt finisat în formă de inel. În baza criteriilor morfologice, au fost incluse de către E. Černych în tipul У18 (Черных 1976, 128-129, таб. XL/21-23). Analogii sunt cunoscute în aşezările culturii Noua de la Mahala (Смирнова 1957, рис. 39/8), Žabokruki (Балагурі 1971, рис. 111/14), Cândeşti (Florescu, Florescu 1990, fig. 32/18), Truşeşti, Gârbovăţ (Florescu 1991, fig. 100-A/1, 108-A/14) şi Sabatinovka de la Novokievka (Gerskovič 1999, Taf. 44/3). Ace cu cap inelar sunt atestate şi în depozite datate cu BrD-HaA1 (Dergacev 1991, fig. 3/1-3; Dergačev 2002, Taf. 30/70-72; Sîrbu 2013b, fig. 3/11, 6/1; Сава, Борофка 2013, рис. 2/5 ş.a.). Acest tip de ac este cunoscut pe un teritoriu cuprins între nordul Moldovei, la vest, şi Niprul Inferior, la est (Черных 1976, 129, рис. 53), fiind descoperite şi în mediul culturilor Lebedovskaja (Березанская 1982, рис. 20/1, 2), Belogrudovka (Березанская 1971, рис. 114/9; Березанская 1982, рис. 22/25), Černyj Les (Шарафутдинова 1987, 75), Gava-Holigrady (Клочко 1994, рис. 37/12).

Ace cu cap semisferic, 2 exemplare.
Petruşeni III „La Cigoreanu", satul Petruşeni, raionul Râşcani, aşezare a culturii Noua (cat. 5; fig. 8/3). Ac cu piciorul scurt, vârf ascuţit şi capătul opus finisat în formă de proeminenţă semisferică. Dimensiuni: L – 6,0 cm; $D_{piciorului}$ – 0,2-0,35 cm; $D_{capului}$ – 0,65 cm. Greutatea – 2,94 g. FB-28233-21.

Literatura: Levitsckii, Sava 1993, des. 3/8; Dergačev 2002, Taf. 46/D4; Sava 2014, fig. 44/20; Sîrbu 2014, fig. 4/13.

Taraclia-Gaidabul, oraşul Taraclia, aşezare a culturii Sabatinovka (cat. 52; fig. 6/13). Fragment de ac, cu un capăt rupt şi altul finisat în formă de proeminenţă semisferică, prevăzută cu orificiu longitudinal. Dimensiuni: L – 3,3 cm; $D_{piciorului}$ – 0,3 cm; $D_{capului}$ – 0,6 cm; $D_{orificiului}$ – 0,3 cm. Greutatea – 2,07 g. FA-11297-5.

Literatura: Sava et al. 2019b, 18-19, fig. 116/1.

Analogii ale acestui tip de ac au fost descoperite şi în arealul vestic al culturii Noua, în România – la Davideni şi Chirceşti (Florescu 1991, fig. 102-A/1, 111-A/6). Piese asemănătoare sunt cunoscute şi în cadrul culturilor Mnogovalikovaja (Березанская 1982, рис. 4/7) şi Srubnaja (Лесков 1971, рис. 117/17).

Ac de tip Ösennadel, 1 exemplar.
Petruşeni III „La Cigoreanu", satul Petruşeni, raionul Râşcani, aşezare a culturii Noua (cat. 2; fig. 5/2). Ac prelucrat din bară de bronz circulară în secţiune, cu unul din capete ascuţit şi celălalt îndoit lateral şi finisat cu proeminenţă semisferică aplatizată. Este prevăzut în partea superioară a piciorului cu urechiuşă laterală. Dimensiuni: L – 14,3 cm; $D_{piciorului}$ – 0,45 cm; $D_{urechiuşei}$ – 0,8×1,3 cm. Greutatea – 11,93 g. FB-30520-11.

Literatura: Levitsckii, Sava 1993, des. 3/9; Dergačev 2002, Taf. 46/D5; Sava 2014, fig. 49/12.

Un astfel de ac a fost descoperit pe teritoriul României, în aşezarea culturii Noua de la Rotbav (Dietrich, Dietrich 2008, pl. 2/2). Alt exemplar provine din aşezarea hallstatiană de la Saharna Mare (Niculiţă, Zanoci, Băţ 2016, fig. 8/1-5).

Ac cu urechiuşă laterală, 1 exemplar.
Odaia-Miciurin, satul Miciurin, raionul Drochia, aşezare a culturii Noua (cat. 32; fig. 5/3). Ac prelucrat din bară de bronz circulară în secţiune, cu unul din capete ascuţit şi celălalt aplatizat şi răsucit lateral în formă de urechiuşă ovală. Dimensiuni: L – 8,2 cm; $D_{piciorului}$ – 0,3 cm; $D_{urechiuşei}$ – 0,4×0,6 cm. Greutatea – 3,73 g. FB-28535-30. Fără analogii.

Literatura: Сава, Кайзер 2011, рис. 72/4; Sava 2014, fig. 92/4; Sîrbu 2014, fig. 4/22.

Ac cu cap romboidal, 1 exemplar.

Satul Balinţi, comuna Iarova, raionul Soroca, descoperire fortuită (cat. 49; fig. 5/1). Ac cu piciorul înalt, circular în secţiune, cu unul din capete ascuţit şi celălalt finisat în formă de romb, realizat din sârmă romboidală în secţiune, prevăzut pe colţurile laterale cu ineluş, unul din ele cu capetele depărtate. Ineluşul de pe colţul superior este rupt. Dimensiuni: L – 14,4 cm; $D_{piciorului}$ – 0,1-02 cm; $D_{ineluşelor}$ – 0,8 cm. Greutatea – 7,36 g. FB-30380.

Literatura: Sîrbu, Sava 2014, fig. 227/20.

Un fragment de ac de acelaşi tip a fost descoperit în aşezarea culturii Noua de la Roşieticii Vechi[4]. Alte descoperiri de acest tip nu sunt cunoscute la momentul de faţă.

Ac cu cap conic aplatizat şi urechiuşe în partea superioară a piciorului, 1 exemplar.

Taraclia-Gaidabul, oraşul Taraclia, aşezare a culturii Sabatinovka (cat. 64; fig. 8/2). Ac prelucrat din bară de bronz circulară în secţiune şi capătul finisat printr-o placă discoidală, sub care este prevăzut cu fragmente mici de bară de la trei urechiuşe plasate în jurul piciorului. Dimensiuni: L – 7,2 cm; $D_{piciorului}$ – 0,2 cm; $D_{plăcii}$ – 2,0 cm. Greutatea – 7,72 g. FB-30520-6.

Inedit.

Acest tip nu este specific culturilor Noua-Sabatinovka, cunoaşte analogii în cultura Komarow (Лисенко и др. 2004, 191-196; Лысенко и др. 2005, 154, рис. 3/1; Лысенко и др. 2012, 154, рис. 1/1) şi cel mai probabil reprezintă o piesă de import.

Un fragment de ac, nedeterminat tipologic din cauza lipsei capătului superior, a fost descoperit în aşezarea culturii Noua de la *Petruşeni* (cat. 3, fig. 8/8). Are piciorul masiv, circular în secţiune, şi vârf ascuţit. Dimensiuni: L – 10,0 cm; $D_{piciorului}$ – 0,4 cm. Greutatea – 7,97 g. FA-11473-4.

Literatura: Dergačev 2002, Taf. 53/F.

Fragmente de pandantive cruciform-antropomorfe, 2 exemplare.
Ghindeşti VI, comuna Ghindeşti, raionul Floreşti, aşezare a culturii Noua (cat. 12, fig. 7/4). Fragment de pandantiv. Reprezintă partea inferioară – o placă de formă triunghiulară cu colţurile inferioare evazate. Dimensiuni: L – 5,0 cm; LA – 0,3-2,5 cm; G – 0,35 cm. FB-27705-66.

Literatura: Мелюкова 1961a, 32, рис. 13/3; Dergacev 2002, Taf. 45/C10-11; Sava 2014, fig. 140/3; Sîrbu 2014, fig. 5/5, 7; Sîrbu 2015, fig. 5/22, 25.

Odaia-Miciurin, satul Miciurin, raionul Drochia, aşezare a culturii Noua (cat. 16; fig. 7/6). Fragment de pandantiv. Reprezintă partea inferioară – o placă de formă triunghiulară cu colţurile inferioare evazate. Dimensiuni: L – 4,3 cm; LA – 0,4-2,1 cm; G – 0,2 cm. Greutatea – 4,17 g. FB-29069-9.

Literatura: Sava 2014, fig. 92/26; Sîrbu 2014, fig. 5/9; Sîrbu 2015, fig. 5/24.

Întâlnite în literatura de specialitate şi ca *pandantive cu placă ajurată* sau *pandantive antropomorfe ajurate* (Petrescu-Dîmboviţa 1977, 73, 77), *pandantive cu verigă de suspensie şi placă ajurată* (Dascălu 2007, 128) sau *pandantive cruciforme de tip Băleni* (Dergačev 2002, 155). V. Diaconu, într-un studiu dedicat acestor piese, identifică pentru acest tip două variante – A şi B (Diaconu 2012, 24-25, Tab.1).

Varianta A reprezintă pandantivele cruciforme cu placă triunghiulară şi braţe circulare, prevăzute cu decupaj romboidal central, partea inferioară de formă triunghiulară având baza îngustă sau lăţită. Astfel de exemplare au fost descoperite în aşezarea culturii Noua de la Ulmi-Liteni (Florescu 1991, fig. 101/4, 7) şi în cea eponimă a culturii Coslogeni (Diaconu 2012, fig. 1/14). La est de

[4] Piesa nu a fost disponibilă pentru analiză.

Nistru, pe teritoriul Ucrainei, în mediul culturii Sabatinovka astfel de pandantive sunt cunoscute în depozitele de la Ingul (Черняков 1985, рис. 63/3-4) şi Soloneţ (Bočkarev, Leskov 1980, Taf. 15/B2).

Varianta B se evidenţiază prin lipsa decupajului rombic central, baza arcuită şi braţele circulare sau ovoidale. Astfel de pandantive provin din aşezările culturii Noua de la Mahala (Балагурі 1968, рис. 3/8) şi Ostrivec (Смирнова 1969, рис. 7/I21). Un tipar de turnare cu negativul acestei variante de pandantiv este cunoscut în mediul culturii Sabatinovka din aşezarea Vyše Tarasovka II (Шарафутдинова 1987, рис. 4/2).

Cu privire la originea acestor pandantive, în literatura de specialitate se optează atât pentru varianta central-europeană (Diaconu 2012, 27-28), cât şi pentru cea estică (Новикова 1976, 30-43, рис. 1/29-32), în susţinerea celei din urmă fiind şi forma de turnare, descoperită la Vyše Tarasovka II (Шарафутдинова 1987, рис. 4/2). Funcţionalitatea pandantivelor este cea de podoabă (Diaconu 2012b, 31), nefiind exclusă utilizarea lor şi ca piese decorative pentru harnaşament (Chidioşan 1977, 57) sau amulete (Sîrbu 2015, 98; Diaconu 2012, 32). Cronologic, sunt specifice perioadei BrD, dar îşi continuă evoluţia şi la nivelul HaA1 (Dergačev 2002, 157; Дергачев 2012, 168).

Aplici, 3 exemplare.

Ghindeşti VI, comuna Ghindeşti, raionul Floreşti, aşezare a culturii Noua (cat. 35; fig. 6/15). Aplică calotiformă, prelucrată din placă subţire, prevăzută pe partea interioară cu o urechiuşă din bară trapezoidală în secţiune. Are marginea ştirbită. Dimensiuni: D – 2,2 cm; $G_{plăcii}$ – 0,1 cm. Greutatea – 3,82 g. FB-28400-6.

Literatura: Мелюкова 1961a, рис. 12/4; Dergačev 2002, Taf. 45/C9; Sava 2014, fig. 140/2; Sîrbu 2014, fig. 5/1.

Cobâlnea-Staţia, comuna Cobâlea, raionul Şoldăneşti, aşezare a culturii Noua (cat. 8; fig. 6/17). Aplică calotiformă, prelucrată din placă subţire, prevăzută pe partea interioară cu o urechiuşă din bară trapezoidală în secţiune. Dimensiuni: D – 2,3 cm; $G_{plăcii}$ – 0,2 cm. Greutatea – 6,06 g. FB-28381-5.

Literatura: Демченко, Левицкий 1992, рис. 2/12; Levitsckii, Sava 1993, des. 11/12; Dergačev 2002, Taf. 44/G3; Sava 2014, fig. 159/12; Sîrbu 2014, fig. 5/3.

Odaia-Miciurin, satul Miciurin, raionul Drochia, aşezare a culturii Noua (cat. 20; fig. 6/16). Aplică calotiformă, prelucrată din placă subţire, prevăzută pe partea interioară cu o urechiuşă din plăcuţă lenticulară. Dimensiuni: D – 2,1 cm; $G_{plăcii}$ – 0,1 cm. Greutatea – 2,61 g. FB-29036-8.

Literatura: Сава, Кайзер 2011, рис. 72/25; Sava 2014, fig. 92/25; Sîrbu 2014, fig. 5/4.

Prelucrate din placă subţire de bronz, acestea au formă semisferică şi sunt prevăzute cu perforaţie centrală sau urechiuşă de prindere pe partea interioară. Aplici de acest tip sunt cunoscute şi în aşezări ale culturii Noua de pe teritoriul Ucrainei – la Ostrivec (Балагурі 1968, рис. 3/19, 23), şi al României – la Ulmi-Liteni (Dascălu 2007, 129), Zoltan (Cavruc 2003, 109, foto 247). În arealul culturii Sabatinovka, analogii provin din aşezările Vyšetarasovka (Березанская и др. 1986, рис. 30/35) şi Solonec (Березанская и др. 1986, рис. 30/20). Numeric, mai multe se întâlnesc în cadrul depozitelor de bronzuri (Aricescu 1970, fig. 26/1-2, 27/2,4; Petrescu-Dîmboviţa 1977, pl. 74/17-18, 176/3-8, 274/9-12; Шарафутдинова 1982, рис. 52/7; Dergacev 1991, fig. 3/12; Дергачев 2012, илл. II/1; Sîrbu 2013, fig. 1-3, 6/6-8), fiind atribuite, cronologic, perioadelor BrD şi HaA1 (Dergačev 2002, 163).

Brăţări, 3 exemplare.

Odaia-Miciurin, satul Miciurin, raionul Drochia, aşezare a culturii Noua (cat. 33; fig. 7/3). Fragment de brăţară, prelucrată din sârmă semiovală în secţiune, cu un capăt progresiv îngustat. Dimensiuni: L – 3,2 cm; LA – 0,4 cm; G – 0,2 cm. Greutatea – 1,05 g. FA-11520-81.

Literatura: Сава, Кайзер 2011, рис. 72/224; Sava 2014, fig. 92/22.

Roşieticii Vechi V, comuna Roşieticii Vechi, raionul Floreşti, aşezare a culturii Noua (cat. 43; fig. 7/12). Fragment de brăţară, prelucrată din sârmă semiovală în secţiune, cu un capăt progresiv îngustat. Dimensiuni: L – 8,1 cm; LA – 0,5 cm; G – 0,4 cm. Greutatea – 6,81 g. FB-28079-23.

Literatura: Мелюкова 1961a, 31, рис. 12/12; Dergačev 2002, Taf. 46/E2; Sava 2014, fig. 140/13; Sîrbu 2014, fig. 5/14.

Taraclia-Gaidabul, oraşul Taraclia, aşezare a culturii Sabatinovka (cat. 62; fig. 7/7). Brăţară prelucrată din bară semiovală în secţiune, cu capetele depărtate. Are un capăt îngustat şi rotunjit

şi celălalt retezat pe linie dreaptă. Dimensiuni: D – 5,2 cm; LA – 0,5 cm; G – 0,4 cm. Greutatea – 11,60 g. FB-30520-9.

Literatura: Sava et al. 2020, fig. 2/5.

Brăţările descoperite în aşezări de tip Noua-Sabatinovka sunt lucrate din bare de bronz ovale, circulare sau trapezoidale în secţiune. Sunt piese de podoabă bine reprezentate numeric în cadrul depozitelor (Aricescu 1970, fig. 24/1-12; Черных 1976, таб. 7/13, 41/19; Petrescu-Dâmboviţa 1977, pl. 7573-13, 76, 77, 78/1-8; Черных, Кузьминых 1989, рис. 73/7-16; Dergačev 2002, Taf. 19/R, 46/E; 31/A; Sîrbu 2013b, fig. 3/14-16, 6/14-16; Bolohan 2016, pl. 47/A2 ş.a.) şi, mai rar, ca descoperiri din incinta aşezărilor. Morfologic, pot fi deosebite două tipuri principale de brăţări: închise (turnate integral) şi deschise (cu capetele depărtate). Cu mici excepţii (Черных 1976, таб. 41/19; Petrescu-Dâmboviţa 1977, pl. 96/5, 182/4-6, 334/1-2; Florescu 1991, fig. 108/10), în culturile Noua-Sabatinovka predomină brăţările deschise. Analogii sunt cunoscute în aşezări de tip Noua de pe teritoriul Ucrainei – la Ostrivec (Балагурі 1968, 145, рис. 3/15, 16), şi al României – la Bărboasa, Tăvădăreşti, Gârbovăţ (Florescu 1991, fig. 104-A/1, 104-A/2, 105-A/10, 108-A/10, 13), Zoltan (Cavruc 2003, 109, foto 244 şi urm.). Prezenţa acestui tip de brăţară într-un interval cronologic vast (Sava 2002a, 190) complică stabilirea unui cadru temporal exact pentru ele. Totuşi la nivelul stadiului actual de cercetare, tindem să credem mai corectă datarea lor în BrD.

Inel de buclă, 1 exemplar.

Taraclia-Gaidabul, oraşul Taraclia, raionul Taraclia, aşezare a culturii Sabatinovka (cat. 53; fig. 7/11). Inel de buclă, prelucrat din placă de bronz, îndoită în formă de inel cu capetele suprapuse. Prezintă pe suprafaţă un ornament ce reprezintă o linie punctată, realizată în stil *au repousse*. Dimensiuni: D – 2,3 cm; $LA_{plăcii}$ – 0,3-0,8 cm; G – 0,15 cm. Greutatea – 2,84 g. FB-30530-2. Fără analogii.

Literatura: Sava et al. 2019b, 18-19, fig. 116/2.

Cercel, 1 exemplar.

Taraclia-Gaidabul, oraşul Taraclia, raionul Taraclia, aşezare a culturii Sabatinovka (cat. 61; fig. 7/5). Cercel prelucrat din sârmă subţire de bronz, pătrată în secţiune, îndoită în formă circulară (ulterior deformat), cu un capăt ascuţit şi altul aplatizat. Dimensiuni: L – 9,1 cm; LA – 0,3 cm; G – 0,2 cm. Greutatea – 1,90 g. FB-30520-7.

Inedit.

Analogii sunt cunoscute în aşezările culturii Noua de la Zoltan (Cavruc 2003, foto 244-245) şi Truşeşti (Florescu 1991, fig. 100/6), precum şi în depozitele de la Tăutu (Petrescu-Dâmboviţa 1978, 131, Taf. 159/A10) şi Haragâş (Sîrbu, Popovici, Vornic 2019, 233, fig. 5/1).

Elemente passementerie, 2 exemplare.

Slobozia-Şirăuţi III, comuna Slobozia-Şirăuţi, raionul Briceni, aşezare a culturii Noua (cat. 10; fig. 7/1). Sârmă subţire, circulară în secţiune cu unul din capete răsucite sub formă de cerc concentric. Dimensiuni: $D_{cercului}$ – 1,5 cm; $D_{sârmei}$ – 0,2 cm. Greutatea – 2,98 g. FB-26732-11.

Literatura: Дергачев 1969, 116, табл. 3/18; Dergačev 2002, Taf. 46/H3; Sava 2014, fig. 12/6; Sîrbu 2014, fig. 5/12.

Odaia-Miciurin, satul Miciurin, raionul Drochia, aşezare a culturii Noua (cat. 28; fig. 7/2). Sârmă subţire, circulară în secţiune, cu unul din capete răsucite sub formă de cerc concentric. Dimensiuni: $D_{cercului}$ – 1,7 cm; $D_{sârmei}$ – 0,2 cm. Greutatea – 2,60 g. FB-28535-7.

Literatura: Сава, Кайзер 2011, рис. 72/27; Sava 2014, fig. 92/27; Sîrbu 2014, fig. 5/11.

Analogii sunt cunoscute pe teritoriul Ucrainei, în aşezarea culturii Noua de la Ostrivec (Балагурі 1968, 145, рис. 3/22), şi pe teritoriul României, în aşezarea culturii Noua de la Banca-Tăvădăreşti (Florescu, Căpitanu 1968, fig. 6/4), depozitele de la Ticvaniul Mare (Hansen 1994, 276, Abb. 176/3), Băleni, Bocşa, Guşteriţa, Pecica II, Poşaga de Sus, Suseni, Şpălnaca (Petrescu-Dîmboviţa 1977, pl. 74/12, 120/17,18, 160/40, 176/10, 179/21, 191/16-18, 210/21) ş.a., precum şi în depozitul de bronzuri, descoperit în arealul culturii Sabatinovka la Antoneşti (Sîrbu 2013, fig. 3/7, 6/10).

ARME

Pumnale, 3 exemplare.

Satul Ciutuleşti, raionul Floreşti, descoperire fortuită (cat. 47; fig. 2/1). Pumnal de tip Krasnyi Majak. Are lama foliformă, cu lăţimea maximă în zona centrală, prevăzută cu trei nervuri mediane. Are garda arcuită, cu capetele răsucite în formă de inel şi partea superioară în formă de clepsidră, cu suprafaţa faţetată, din care continuă pe-

duncului de formă dreptunghiulară, şi pătrat în secţiune. Vârful este uşor îndoit şi tăişurile ştirbite. Dimensiuni: $L_{totală}$ – 41,5 cm; L_{lamei} – 35,0 cm; $L_{gărzii}$ – 3,0 cm; $L_{pedunculului}$ – 3,5 cm; $LA_{max.}$ – 8,0 cm; G_{lamei} – 0,3 cm. Greutatea – 379 g. FB-29272.

Literatura: Кетрару, Рафалович 1964, 220, рис. 1; Дергачев 1975, 26, рис. 9/19; Дергачев 2011, рис. 142/7; Dergačev 2002, Taf. 44/C.

Pentru perioada târzie a epocii bronzului din spaţiul nord şi nord-vest pontic, în baza trăsăturilor morfologice şi metrice, au fost stabilite mai multe tipuri şi variante de pumnale (Черных 1976, 115-125; Дергачев 2011, 222-231; Dergačev 2002, 123-131; Uşurelu 2010, 24-70). Exemplarul descoperit la Ciutuleşti aparţine tipului Krasnyi Majak. Acesta reprezintă pumnale având lama foliformă, cu lăţimea maximă în zona centrală, de cele mai multe ori prevăzută cu trei nervuri mediene. Garda este arcuită, cu capetele răsucite în formă de inel sau prevăzută cu inel la mâner. Sunt cunoscute şi pumnale de dimensiuni mai mici, având lăţimea maximă mai jos de jumătatea lamei, prevăzută cu o singură nervură mediană. Acestea sunt caracteristice regiunii Bugo-Niprene şi sunt cunoscute doar în baza tiparelor de turnare (Дергачев 2011, 228). Se evidenţiază prin prezenţă concentrată în trei zone diferite: în interfluviul Bugului inferior şi Nipru (arealul culturii Sabatinovka), în interfluviul Prutului Mijlociu şi Nistrului (partea estică a culturii Noua) şi la Dunărea de Jos (în spaţiul ce corespunde arealului culturii Coslogeni) (Дергачев 2011, 223, рис. 140). Cele mai multe provin din depozite sau au fost descoperite întâmplător (Дергачев 1975, рис. 4/1-7; Dergacev 1991, 42, 45; Dergačev 2002, 124-125, Abb. 44/C, G4, 69/A420, 421; Topal, Sîrbu 2016, fig. 6/2-3). Spre est, în regiunea Niprului, pumnalele de acest tip sunt descoperite destul de rar şi au dimensiuni mai mici (Дергачев 2011, 227). În aşezările Noua-Sabatinovka nu se cunosc exemplare turnate, însă forme de turnare cu negativul a unor astfel de pumnale au fost descoperite la Cobâlnea, Mahala, Voloske; Krasnyi Majak (Bočkarev, Leskov 1981, Taf. 2/24a, 3/27-28, 5/42a-b, 12/112, 13/113). Se consideră că acestea au apărut la etapa iniţială de formare a culturilor Noua-Sabatinovka, după încheierea existenţei acestoa continuând să fie turnate şi în mediul culturii Belozerka (Дергачев 2011, 228).

Satul Goian, raionul Dubăsari (cat. 48; fig. 2/3). Pumnal-cuţit cu peduncul, lamă foliformă cu lăţimea maximă în zona superioară, prevăzută cu nervură mediană şi proeminenţă tronconică între peduncul şi lamă. Dimensiuni: $L_{totală}$ – 22,0 cm; L_{lamei} – 17,0 cm; $L_{pedunculului}$ – 5,0 cm; $LA_{max.}$ – 4,2 cm; G_{lamei} – 0,3 cm. Greutatea – 125 g. FB-29270.

Literatura: Кетрару, Рафалович 1964, 220, рис. 2; Дергачев 1975, рис. 9/18; Дергачев 2011, рис. 146/7; Dergačev 2002, Taf. 43/B.

Analogii sunt cunoscute în aşezările culturii Noua de la vest de Prut – la Rogojeni (Florescu 1991, fig. 111/11) şi Vânători (Dumitroaia 1985, 469, fig. 6/b), Crucişoara, Răcătău (Дергачев 2011, рис. 146/3-4).

Mereni II, comuna Mereni, raionul Anenii-Noi, aşezare a culturii Sabatinovka (cat. 11; fig. 2/2). Pumnal cu peduncul şi lamă foliformă prevăzută cu nervură mediană şi cu lăţimea maximă în partea superioară. Trecerea de la peduncul spre lamă are formă tronconică. Are tăişurile ştirbite. Dimensiuni: $L_{totală}$ – 17,0 cm; L_{lamei} – 11,0 cm; $L_{pedunculului}$ – 6,0 cm; $LA_{max.}$ – 4,3 cm; G_{lamei} – 0,25 cm. Greutatea – 49 g. FB-29274-1.

Literatura: Савва 1992, 137, рис. 60/4; Dergacev 2002, Taf. 46/C; Sava 2002b, fig. 3/8; Sava 2014, fig. 182/21; Sîrbu 2014, fig. 6/4.

Exemplarul descoperit în aşezarea de la Mereni aparţine tipului Lobojkovo. E. Černych îl atribuie tipului H32 (Черных 1976, 119). Analogii sunt cunoscute în mai multe aşezări şi depozite de pe întreg arealul de răspândire a culturilor Noua-Sabatinovka – la Lobojkovo (Leskov 1981, Taf. 3/38,39; Kločiko 1995, 118, Abb. 24/2,3,6), Mahala (Смирнова 1969, 17, рис. 7I/29; Leskov 1981, Taf. 9/87), Suhaja Balka (Черняков 1985, 114, рис. 57/9), Chmel'na, Kabakovo, Pujaikovo (Черняков 1964, 129, рис. 1), Dobrjanka (Leskov 1981, Taf. 4/D1,3), Borovoe, Klepikovo, Berdsk (Подобед, Усачук, Цимиданов 2009, рис. 3/2,3,6), Soloneck (Шарафутдинова 1982, рис. 52/13), Cut (Popa 1999, 29, fig. 1), Ulmi-Liteni (Petrescu-Dîmboviţa 1977, pl. 88/17; Florescu 1991, 273, fig. 101/8; Dascălu 2007, 402, pl. 68/9), Băleni (Dragomir 1967, fig. 8/3; Petrescu-Dîmboviţa 1977, pl. 73/20-24; Leskov 1981, Taf. 9/85), Duda (Petrescu-Dîmboviţa 1977, pl. 80/15), Rogojeni (Черняков 1985, 114, рис. 57/4; Florescu 1991, 283, fig. 111/11), Copăceana (Дергачев 2011, 231, рис. 146/4), Truşeşti (Dascălu 2007, 397, pl. 63/365), Crucişoara, Răcătău, Lăţeşti (Dergačev 2002, Taf. 70/A423, 424, 426).

ALTE OBIECTE

Fragmente de obiecte cu utilitate incertă, 7 exemplare.

Odaia-Miciurin, satul Miciurin, raionul Drochia, aşezare a culturii Noua (2 ex.)

- Sârmă ovală în secţiune, curbată spre unul din capete (cat. 13; fig. 8/10). Dimensiuni: L – 6,4 cm; LA – 0,4 cm; G – 0, 3 cm. Greutatea – 5,29 g. FA-11648-13.

Literatura: Сава, Кайзер 2011, рис. 72/14; Sava 2014, fig. 92/14.

- Sârmă circulară în secţiune, curbată la ambele capete (cat. 30; fig. 8/4). Dimensiuni: L – 7,8 cm; D – 0,3 cm. Greutatea – 4,08 g. FA-11520-1.

Literatura: Сава, Кайзер 2011, рис. 72/10; Sava 2014, fig. 92/10.

Cobâlnea-Staţia, comuna Cobâlea, raionul Şoldăneşti, aşezare a culturii Noua (cat. 7; fig. 8/5). Sârmă circulară în secţiune, uşor îndoită la capete. Dimensiuni: L – 9,6 cm; D – 0,3 cm. Greutatea – 8,20 g. FB-28381-10.

Literatura: Демченко, Левицкий 1992, рис. 4/7; Levitsckii, Sava 1993, des. 14/7; Dergačev 2002, Taf. 44/G/2; Sava 2014, fig. 159/13.

Taraclia-Gaidabul, oraşul Taraclia, raionul Taraclia, aşezare a culturii Sabatinovka (3 ex.)

- Plăcuţă răsucită în spirală (cat. 63, fig. 8/12). Dimensiuni: L – 3,1 cm; D – 0,4 cm; $G_{plăcuţei}$ – 0,1 cm. Greutatea – 0,67 g. FA- 12297-1.

Inedit.

- Plăcuţă de oxizi (după cum a demonstrat analiza chimică a acesteia) de formă neregulată (cat. 65; fig. 8/13). Dimensiuni: L – 1,8 cm; LA – 1,7 cm; G – 0,2 cm. Greutatea – 1,48 g. FA: 12297-6.

Literatura: Sava et al. 2019b, 18-19, fig. 175/4.

- Fragment de lingou, de formă pătrată neregulată (cat. 58; fig. 8/14). Dimensiuni: L – 2,0 cm; LA – 1,9 cm; G – 0,7 cm. Greutatea – 15,80 g. FA-12297-4.

Inedit.

Odaia-Miciurin, satul Miciurin, raionul Drochia, aşezare a culturii Noua. Fragment de rebut de bronz (cat. 22; fig. 8/15). Dimensiuni: L – 2,9 cm; LA – 0,7 cm; G –0,5 cm. Greutatea – 4,25 g. FA-11626-82.

Literatura: Сава, Кайзер 2011, рис. 72/24; Sava 2014, fig. 92/24.

Concluzii. În baza repartizării pe categorii a lotului de piese analizate, menţionăm că uneltele sunt cele mai numeroase (30 exemplare), fiind urmate de podoabe (25 exemplare) şi, în număr mult mai redus, de arme (3 exemplare). Foarte rar descoperite în cadrul complexelor arheologice (Sava, Kaiser 2003, 9, fig. 42/10; 20, fig. 62/10; Sava et al. 2019, 18-19, fig. 30/5, 116/3), piesele din metal provin, în cele mai multe cazuri, din stratul cultural al aşezărilor. Din păcate, unele dintre piese (11 din 65[5]) nu au putut fi curăţate complet de patină, ceea ce, cel mai probabil, a denaturat rezultatul analizei compoziţiei chimice, crescând conţinutul unor impurităţi (cat. 1, 10, 19, 21, 22, 28, 30, 44, 46, 48, 65). Suprafeţele probelor au fost excitate cu raze X (tensiunea – până la 45 keV, puterea curentului – 10 μA), timpul de expunere constituind 60 s, iar diametrul ariei supuse excitări (câmpului fluorescent) – 3 mm. Analiza spectrelor obţinute a fost realizată de software de la producător, în regim de simulare a parametrilor fundamentali ai componentelor probei. Această metodă permite determinarea compoziţiei chimice a probei cu o marjă de eroare de 3-5%, cu condiţia respectării anumitor cerinţe: suprafaţă plată, cu rugozitate minimală şi compoziţie omogenă. Întrucât nu toate probele corespundeau acestor cerinţe, precizia cu care au fost obţinute unele rezultate cantitative ar putea fi puţin mai joasă. Spre a mări precizia determinării compoziţiei eşantioanelor cu suprafeţe de formă cilindrică, măsurătorile au fost efectuate în geometrie, când generatoarea suprafeţei cilindrice, axa fascicolului excitator de raze X şi axa detectorului se aflau într-un singur plan. În cazurile când suprafaţa cercetată era acoperită cu straturi generate de procesele de oxidare (patină, de exemplu), pentru a asigura veridicitatea datelor obţinute, a fost necesar a înlătura aceste straturi până la suprafaţa metalică a eşantionului.

Excluzând obiectele necurăţate, cel mai mic conţinut de impurităţi (Sn: 0,5-1,2%; Pb: 0,35-1,2%) se găseşte într-un fragment de sârmă (cat. 13), un ac de tip Rollenadel (cat. 38), un fragment de brăţară (?) (cat. 43), ace (cat. 42), mai presus de toate (Sn: 13-16%; Pb: 5,3-5,6%) – la împungătoare (cat. 59, 15), ace cu cap inelar (cat. 54) şi un cuţit (cat. 51). În acelaşi timp, valorile medii ale staniului sunt aproape aceleaşi la unelte, precum şi la piese de

[5] Pentru şapte obiecte (cat. 1, 10, 38, 39, 44, 47, 48), componenţa chimică era deja cunoscută (Dergačev 2002, 224), însă menţionăm că aceste date sunt contradictorii cu rezultatele obţinute recent (Tab. 1).

podoabă, şi se ridică la aproximativ 7%, în timp ce conţinutul de plumb, arsenic şi antimoniu este vizibil mai mare doar la unelte (în special la cuţite). Printre unelte, împungătoarele ies în evidenţă, în compoziţia aliajului lor staniul poate fi de 10-11%, în timp ce conţinutul mediu de staniu în ace şi cuţite este vizibil mai mic. În grupul de podoabe, conţinutul de staniu din aliajul acelor este, în general, sub medie, deşi există exemplare cu un conţinut de staniu de 8-13% (cat. 2, 5, 39, 54, 64). Este necesar de subliniat că majoritatea pieselor de bronz, descoperite în aşezările Noua-Sabatinovka, sunt de origine vestică, având analogii directe cu tipurile de bronzuri din Transilvania, dar se cunosc şi obiecte de origine estică (din regiunile râului Nipru), de exemplu, pumnalele.

Bibliografie

Aricescu 1970: A. Aricescu, Depozite de unelte, arme şi podoabe de bronz din Dobrogea. Pontica III, 1970, 25-76.

Bočkarev, Leskov 1980: V.S Bočkarev, A.M. Leskov, Jung- und spätbronzezeitliche Gußformen im nördlichen Schwarzmeergebiet. PBF XIX, 1 (München 1980).

Bolohan 2016: N. Bolohan, Bronzul târziu la Dunărea de Jos. Componente şi relaţii interculturale (Cluj-Napoca 2016).

Caşuba 2003: M. Caşuba, Periferia de est a complexului hallstattian timpuriu cu ceramică incizată şi imprimată (sec. X-VIII î.e.n.) în interfluviul Nistru-Siret. In: (Red. E. Sava) Interferenţe cultural-cronologice în spaţiul nord-pontic (Chişinău 2003), 183-210.

Cavruc 2003: V. Cavruc, Noi descoperiri arheologice în sud-estul Transilvaniei (Sfântu Gheorghe 2003).

Chidioşan 1977: N. Chidioşan, Depozitul de bronzuri de la Micşa. SCIV 28/1, 1977, 55-70.

Ciugudean et al. 2006: H. Ciugudean, S.A. Luca, A. Georgescu, Depozitul de bronzuri de la Dipşa (Sibiu 2006).

Dascălu 2007: L. Dascălu, Bronzul Mijlociu si Târziu în Câmpia Moldovei (Iaşi 2007).

Dergačev 1997: V. Dergačev, Piesele de metal – Referinţe la problema genezei culturilor Hallstattului timpuriu din regiunea carpato-danubiano-nord-pontică. Thraco-Dacica XVIII/1-2, 1997, 135-205.

Dergačev 2002: V. Dergačev, Die äneolithischen und bronzezeitlichen Metallfunde aus Moldawien. PBF XX, 9 (Stuttgart 2002).

Diaconu 2012: V. Diaconu, Discuţii privitoare la unele pandantive specifice bronzului târziu din nord-vestul şi nordul Mării Negre. Peuce S.N. X, 2012, 21-38.

Dietrich, Dietrich 2008: L. Dietrich, O. Dierich, Alte und neue Bronzefunde aus Rotbav „La Pârâuţ“. MCA (serie nouă) III, 2007, 2008, 89-102.

Dragomir 1967: I.T. Dragomir, Un nou depozit de obiecte de bronz, descoperit la Băleni în sudul Moldovei. Danubius I, 1967, 89-105.

Dumitroaia 1985: Gh. Dumitroaia, Obiecte de aramă şi bronz, descoperite pe teritoriul judeţului Neamţ. Memoria Antiquitatis IX-XI (1977-1979), 1985, 465-482.

Florescu 1991: A.C. Florescu, Repertoriul culturii Noua-Coslogeni din România. Cultură şi civilizaţie la Dunărea de Jos IX (Călăraşi 1991).

Florescu, Căpitanu 1968: M. Florescu, V. Căpitanu, Câteva observaţii privitoare la sfârşitul epocii bronzului în lumina ultimelor cercetări arheologice, efectuate de Muzeul de Istorie din Bacău. Carpica 1, 1968, 35-47.

Florescu, Florescu 1990: M. Florescu, A.C. Florescu, Unele observaţii cu privire la geneza culturii Noua în zonele de curbură ale Carpaţilor Răsăriteni. ArhMold XIII, 1990, 49-102.

Gerškovič 1999: Ja.P. Gerškovič, Studien zur spätbronzezeitlichen Sabatinovka-Kultur am unteren Dnepr und an der Westküste des Azov'schen Meeres. AE 7 (Rahden/Westf. 1999).

Hansen 1994: S. Hansen, Studien zu den Metalldeponierrungen während der älteren Urnenfelderzeit zwischen Rhônetal und Karpatenbecken, Teil 1 (Bonn 1994).

Kločko 1995: V. Kločko, Zur bronzezeitlichen Bewaffung in der Ukraine. Die Metallwaffen des 17-10 Jrs. v. Chr. Eurasia Antiqua 1, 1995, 81-163.

Lazanu, Ursache 2013: C.C Lazanu, C.N. Ursache, Depozitul de bronzuri de la Oţeleni-Cimitirul ortodox (com. Hoceni, jud. Vaslui). In: (Eds. B.P. Niculică, D. Boghean) Semper fidelis. In honorem magistri Mircea Ignat (Suceava 2013), 175-194.

Leskov 1981: A.M. Leskov, Jung-und spätbronzezeitliche depotfunde in nördlichen Scwarzmeergebiet, I. PBF XX, 5 (München 1981).

Leviţki, 1994: O. Leviţki, Cultura hallstattului canelat la răsărit de Carpaţi. Biblioteca tracologica VII (Bucureşti 1994).

Levitsckii, Sava 1993: O.G. Levitsckii, E.N. Sava, Nouvelles recherches des établissements de la culture Noua dans la zone comprise entre la Prout et le Nistru. Cultură şi civilizaţie la Dunărea de Jos IX, 1993, 125-155.

Morintz 1978: S. Morintz, Contribuţii arheologice la istoria tracilor timpurii: Epoca bronzului în spaţiul carpato-balcanic, Vol. I (Bucureşti 1978).

Niculiţă, Zanoci, Băţ 2016: I. Niculiţă, A. Zanoci, M. Băţ, The Horizon with incised pottery of the Holercani-Hansca tape in the Middle Dniester river region. In: Mensch, Kultur und gesellschaft von der Kupferzeit bis Frühen Eisenzeit im Nördlichen Eurasien. Beiträge zu ehren zum 60. Gerburtstag von Eugen Sava (Chişinău 2016), 295-317.

Petrescu-Dîmboviţa 1977: M. Petrescu-Dîmboviţa, Depozitele de bronzuri din România (Bucureşti 1977).

Petrescu-Dîmboviţa 1978: M. Petrescu-Dîmboviţa, Die Sicheln in Rumänien. PBF XVIII, 1 (München 1978).

Popa 1999: C.I. Popa, Un pumnal de tip răsăritean provenit de la Cut (jud. Alba). Carpica XXVIII, 1999, 17-30.

Sava 1998: E. Sava, Die Rolle der „östlichen" und „westlichen" Elemente bei der Genese des Kulturkomplexes Noua-Sabatinovka. In: (Hrsg. B. Hänsel, J. Machnik) Das Karpatenbecken und die osteuropäische Steppe. Nomadenbewegungen und Kulturaustasch in den vorchristlichen Metallzeiten (4000-500 v. Chr.) (München-Rahden/Westf. 1998), 267-312.

Sava 2002a: E. Sava, Die Bestattungen der Noua-Kultur. Ein Beitrag zur Erforschung spätbronzezeitlicher Bestattungsriten zwischen Dnestr und Westkarpaten. PAS, Bd. 19 (Kiel 2002).

Sava 2002b: E. Sava, Materiale din epoca bronzului târziu din aşezarea Mereni. ArhMold XXV, 2002, 69-92.

Sava 2014: E. Sava, Aşezări din perioada târzie a epocii bronzului în spaţiul pruto-nistrean (Noua-Sabatinovka) (Chişinău 2014).

Sava et al. 2019a: E. Sava, E. Kaiser; M. Sîrbu, E. Mistreanu, V. Bubulici, L. Sîrbu, Aşezarea de la Taraclia-Gaidabul. O nouă etapă de cercetare. Campania 2018. In: Cercetări arheologice în Republica Moldova. Campania 2018. Sesiunea Naţională de Rapoarte, 18 aprilie 2019 (Chişinău 2019), 46-48.

Sava et al. 2019b: E. Sava, E. Kaiser, M. Sîrbu, E. Mistreanu, V. Bubulici, Raport ştiinţific privind rezultatele investigaţiilor arheologice din anii 2017-2018 în aşezarea culturii Sabatinovka de la Taraclia-Gaidabul (Chişinău 2019). Arhiva MNIM, nr. 616.

Sava et al. 2020: E. Sava, E. Kaiser; M. Sîrbu, E. Mistreanu, L. Sîrbu, V. Bubulici, Rezultatele preliminare ale cercetărilor arheologice în aşezarea de la Taraclia-Gaidabul. In: Cercetări Arheologice în Republica Moldova. Campania 2019. Sesiunea Naţională de Rapoarte, 18 aprilie 2020 (Chişinău 2020), 44-46.

Sava, Kaiser 2004: E. Sava, E. Kaiser, Cercetări arheologice în aşezarea culturii Noua de la Odaia/Miciurin în anul 2003 (Raport arheologic ştiinţific) (Chişinău 2004). Arhiva MNIM, nr. 427.

Sîrbu 2013: M. Sîrbu, Depozitul din perioada tardivă a epocii bronzului, descoperit în împrejurimile comunei Antoneşti, raionul Cantemir, Republica Moldova. Tyragetia s.n. VII/1, 2013, 205-218.

Sîrbu 2014: M. Sîrbu, Piese de bronz, descoperite în aşezările de tip Noua-Sabatinovka din spaţiul pruto-nistrean. Tyragetia s.n. VIII/1, 2014, 185-203.

Sîrbu 2015: M. Sîrbu, Viaţa spirituală a comunităţilor Noua-Sabatinovka-Coslogeni prin prisma elementelor non-funerare, descoperite în aşezări. Tyragetia s.n. IX/1, 2015, 91-122.

Sîrbu, Popovici, Vornic 2019: M. Sîrbu, S. Popovici, V. Vornic, The hoard of bronze artifacts discovered near village Haragîş (Cantemir district). Tyragetia s.n. XIII/1, 2019, 229-241.

Sîrbu, Sava 2014: M. Sîrbu, E. Sava, Obiecte din bronz. In: E. Sava, Aşezări din perioada târzie a epocii bronzului în spaţiul pruto-nistrean (Noua-Sabatinovka) (Chişinău 2014), 481-500.

Topal, Sîrbu 2016: D. Topal, M. Sîrbu, New hoards and solitary finds of the Bronze Age – Early Iron Age from the territory of Republic of Moldova. In: Mensch, Kultur und gesellschaft von der Kupferzeit bis Frühen Eisenzeit im Nördlichen Eurasien. Beiträge zu ehren zum 60. Gerburtstag von Eugen Sava (Chişinău 2016), 251-267.

Uşurelu 2010: E. Uşurelu, Cronologia complexelor ce ţin de prelucrarea metalelor în perioada târzie a epocii bronzului din spaţiul carpato-dunăreano-nord pontic, I. Revista Arheologică s.n. vol. VI/1, 2010, 24-71.

Балагурі 1968: Е.А. Балагурі, Поселення культуры Ноа біля с. Острівець, Івано-Франківської області. Археологія 21, 1968, 135-146.

Балагурі 1971: Е.А. Балагурі, Культура Ноа. В: (Ред. С.С. Березанская, Ю.М. Захарук, О.М. Лесков, Д.Я. Телегин, І.Г. Шовкопляс) Археологія Української РСР, т. 1 (Київ 1971).

Березанская 1982: С.С. Березанская, Северная Украина в эпоху бронзы (Киев 1982).

Березанская и др. 1971: С.С. Березанская, Ю.М. Захарук, О.М. Лесков, Д.Я. Телегин, І.Г. Шовкопляс (ред.), Археологія Української РСР, т. 1 (Київ 1971).

Березанская и др. 1985: С.С. Березанская, В.А. Круц, Д.Я. Телегин (ред.), Археология Украинской ССР. Первобытная археология, т. 1 (Киев 1985).

Березанская и др. 1986: С.С. Березанская, В.В. Отрощенко, Н.Н. Чередниченко, И.Н. Шарафутдинова, Культуры эпохи бронзы на территории Украины (Киев 1986).

Демченко, Левицкий 1992: Т.И. Демченко, О.Г. Левицкий, Исследование зольников культуры Ноуа у ст. Кобылня. В сб.: (Отв. ред. Н.А. Кетрару) Археологические исследования в Молдове в 1986 году (Кишинев 1992), 120-134.

Дергачев 1969: В.А. Дергачев, Поселение эпохи бронзы у села Слободка-Ширеуцы. В сб.: (Отв. ред. Л.Л. Полевой) Далекое прошлое Молдавии (Кишинев 1969), 110-122.

Дергачев 1973: В.А. Дергачев, Памятники эпохи бронзы. АКМ 3 (Кишинев 1973).

Дергачев 1975: В.А. Дергачев, Бронзовые предметы XIII-VIII вв. до н.э. из Днестровско-Прутского междуречья (Кишинев 1975).

Дергачев 1986: В.А. Дергачев, Молдавия и соседние территории в эпоху бронзы (Кишинев 1986).

Дергачев 2010: В.А. Дергачев, Топоры-кельты поздней бронзы Карпато-Подунавья, 1 (Кишинев 2010).

Дергачев 2011: В.А. Дергачев, Топоры-кельты поздней бронзы Карпато-Подунавья, 2 (Кишинев 2011).

Дергачев 2012: В. Дергачев, Новые комплексы и единичные находки металлических предметов поздней бронзы-раннего гальштата на территории Республики Молдова. Revista Arheologică s.n. VIII/1-2, 2012, 161-181.

Кетрару, Рафалович 1964: Н.А. Кетрару, И.А. Рафалович, Два кинжала эпохи бронзы из Молдавии. В сб.: (Ред. В.С. Зеленчук) Материалы и исследования по археологии и этнографии Молдавской ССР (Кишинев 1964), 219-220.

Клочко 1994: В.И. Клочко, Металлургическое производство в энеолите-бронзовом веке. В сб.: (Ред. С.С. Березанская, Е.В. Цвек, В.И. Клочко, С.Н. Ляшко) Ремесло эпохи энеолита-бронзы на Украине (Киев 1994), 96-130.

Крушельницька 2006: Л.І. Крушельницька, Культура Ноа на землях України (Львів 2006).

Лесков 1971: О.М. Лесков, Зрубна культура. В: (Ред. С.С. Березанская, Ю.М. Захарук, О.М. Лесков, Д.Я. Телегин, І.Г. Шовкопляс) Археологія Української РСР, т. І (Київ 1971), 404-434.

Лисенко и др. 2004: С.Д. Лисенко, С.С.Лисенко, С.В. Диденко, Шпильки з круглою шляпкою та вушком із зібрання Національного музею історії України. В сб.: Національний музей історії України: поступ у третє тисячоліття (Київ 2004), 191-196.

Лысенко и др. 2005: С.Д. Лысенко, С.С. Лысенко, С.В. Диденко, Е.А. Якубенко, Бронзовые украшения эпохи поздней бронзы – начала раннего железного века из фондов Национального музея истории Украины. В сб.: Проблеми археології Середнього Подніпров'я: До 15-річчя заснування Фастівського державного краєзнавчого музею (Киев 2005), 152-200.

Лысенко и др. 2012: С.Д. Лысенко, П. Макарович, С.С. Лысенко, Т.Ю. Гошко, Металлические изделия из курганов комаровской культуры могильника Буковна. В: Археологія і давня історія України, 8 (Київ 2012), 38-42.

Мелюкова 1961: А.И. Мелюкова, Работы в Поднестровье в 1958 году. КСИА 84, 1961, 113.

Мелюкова 1961а: А.И. Мелюкова, Культура предскифского периода в Лесостепной Молдавии, В сб.: (Отв. ред. К.Ф. Смирнов) Памятники эпохи бронзы и раннего железа в Северном Причерноморье. МИА 96 (Москва 1961), 5-52.

Новикова 1976: Л.А. Новикова, Западные связи северопричерноморского очага металлоаброботки в эпохи поздней бронзы. СА 3, 1976, 25-75.

Подобед, Усачук, Цимиданов 2009: В.А. Подобед, А.Н. Усачук, В.В. Цимиданов, Ножи эпохи поздней бронзы с кольцевым упором из Центральной Азии и Сибири и их западные аналогии. В: Древности Сибири и Центральной Азии, 1-2 (13-14) (Горно-Алтайск 2009), 3-16.

Савва 1992: Е.Н. Савва, Культура многоваликовой керамики Днестровско-Прутского междуречья (по материалам погребального обряда) (Кишинев 1992).

Сава, Бороффка 2013: Е. Сава, Н. Бороффка, Новые находки бронзовых предметов эпохи поздней бронзы в Пруто-Днестровском междуречье. Revista Arheologică s.n. IX/1, 2013, 166-187.

Сава, Кайзер 2011: Е. Сава, Э. Кайзер, Поселение с «зольниками» у села Одая, Мичурин, Республика Молдова (Археологические и естественнонаучные исследования) (Chişinău 2011).

Смирнова 1957: Г.И. Смирнова, Поселение позднебронзового века и раннего железа возле с. Магала Черновицкой области. КСИА 70, 1957, 99-107.

Смирнова 1969: Г.И. Смирнова, Поселение Магала – памятник древнефракийской культуры в Прикарпатье (вторая половина XIII - середина VII вв. до н.э.). В сб.: (Отв. ред. Т.Д. Златковская, А.И. Мелюкова) Древние фракийцы в Северном Причерноморье (Москва 1969), 7-34.

Черных 1976: Е.Н. Черных, Древняя металлообработка на Юго-Западе СССР (Москва 1976).

Черных, Кузьминых 1989: Е.Н. Черных, С.В. Кузьминых, Древняя металлургия северной Евразии (Москва 1989).

Черняков 1964: И.Т. Черняков, Новые находки предметов поздней бронзы в Северно-Западном Причерноморье. В: КСОГАМ 1962 года (Одесса 1964), 128-134.

Черняков 1985: И.Т. Черняков, Северо-Западное Причерноморье во второй половине II тыс. до н.э. (Киев 1985).

Шарафутдинова 1982: И.Н. Шарафутдинова, Степное Поднепровье в эпоху поздней бронзы (Киев 1982).

Шарафутдинова 1987: И.Н. Шарафутдинова, Бронзовые украшения сабатиновской культуры. В сб.: Межплеменные связи эпохи поздней бронзы на территории Украины (Киев 1987), 69-86.

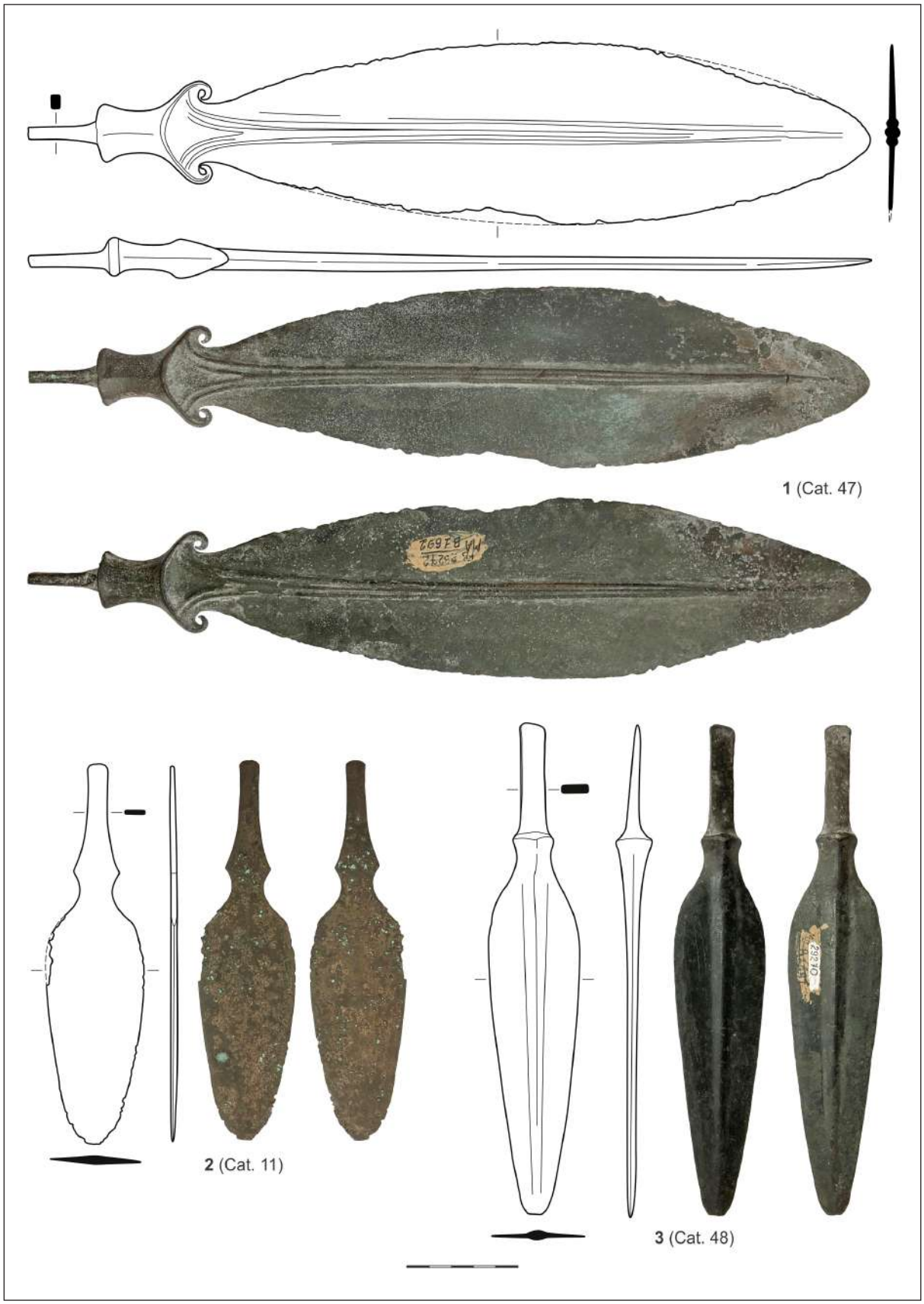


Fig. 2. Piese din bronz: 1 - Ciutuleşti; 2 - Mereni; 3 - Goian.

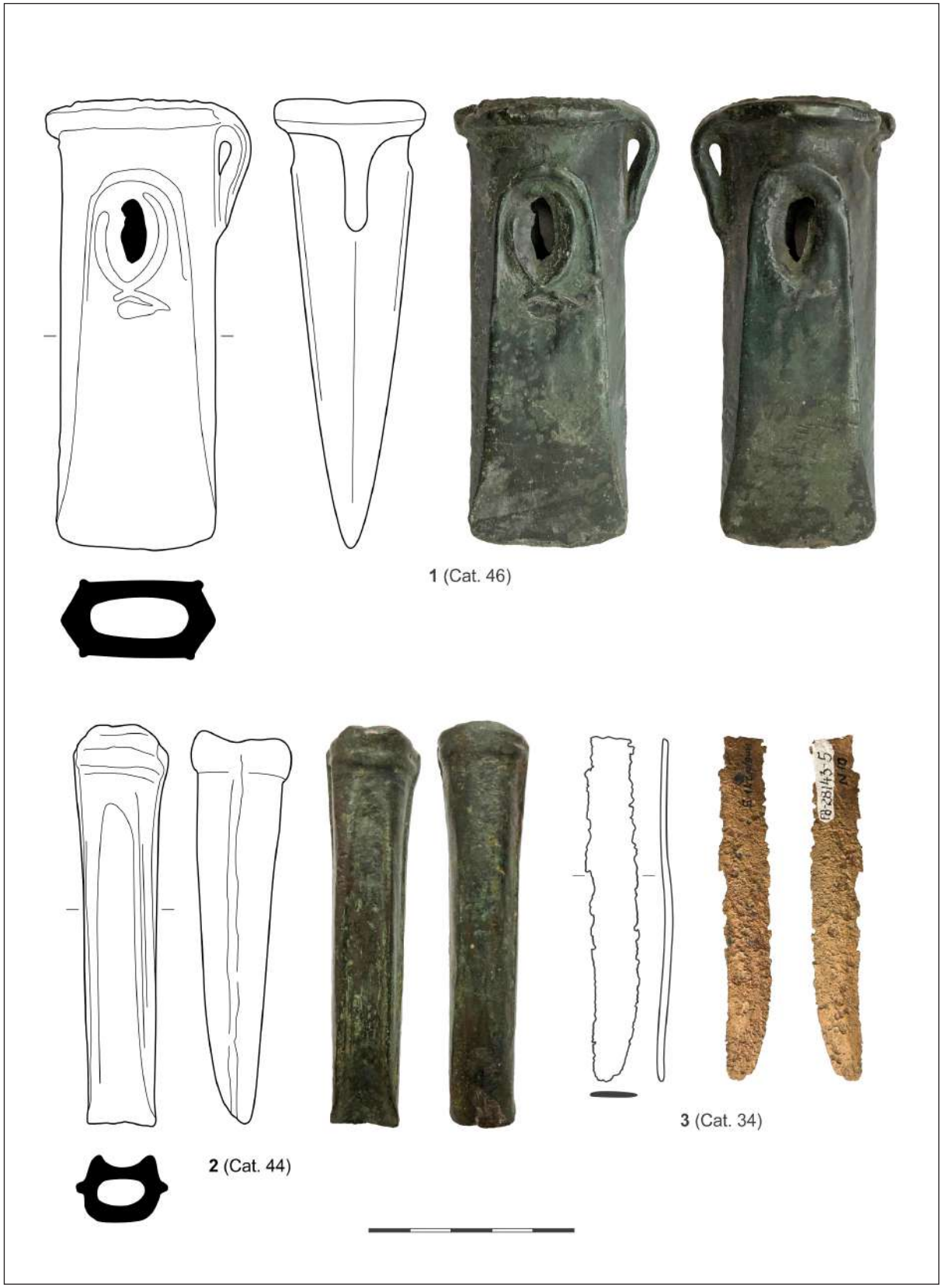


Fig. 3. Piese din bronz: 1 - Isacova; 2 - Socoleni; 3 - Tudora.

Fig. 4. Piese din bronz: 1, 4, 5 - Taraclia-Gaidabul; 2 - Văratic; 3 - Lazo; 6 - Odaia-Miciurin.

Fig. 5. Piese din bronz: 1 - Balinţi; 2 - Petruşeni; 3, 6 - Odaia-Miciurin; 4 - Gura-Galbenei; 5, 7 - Ghindeşti.

Fig. 6. Piese din bronz: 1-3, 12, 13 - Taraclia-Gaidabul; 4, 6-8, 10, 14, 16, 18 - Odaia-Miciurin; 5 - Petruşeni; 9, 17 - Cobâlea; 11, 15 - Ghindeşti.

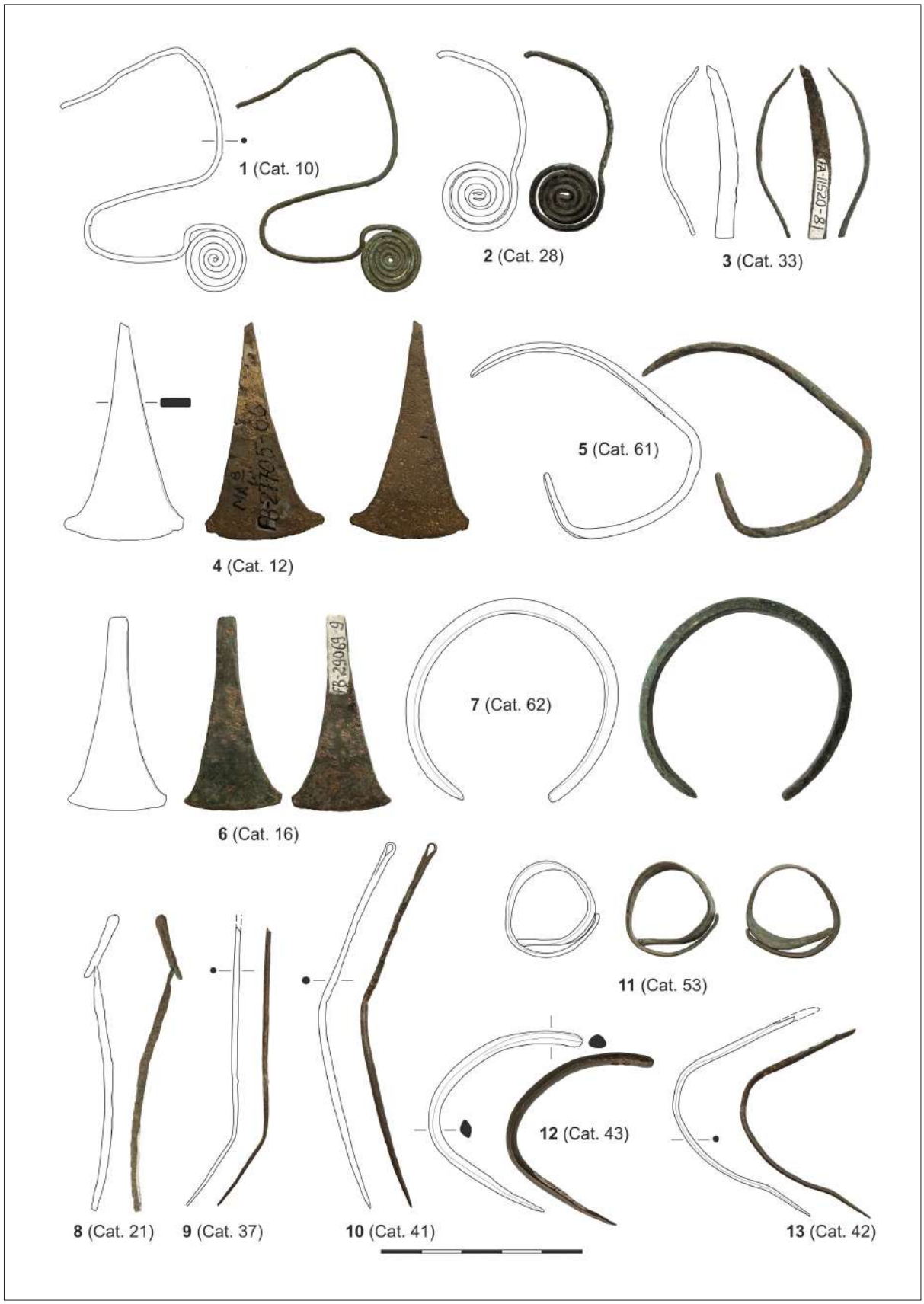


Fig. 7. Piese din bronz: 1 - Slobozia-Şireuţi; 2, 3, 6, 8, 10 - Odaia-Miciurin; 4, 9, 13 - Ghindeşti; 5, 7, 11 - Taraclia-Gaidabul; 12 - Roşeticii Vechi.

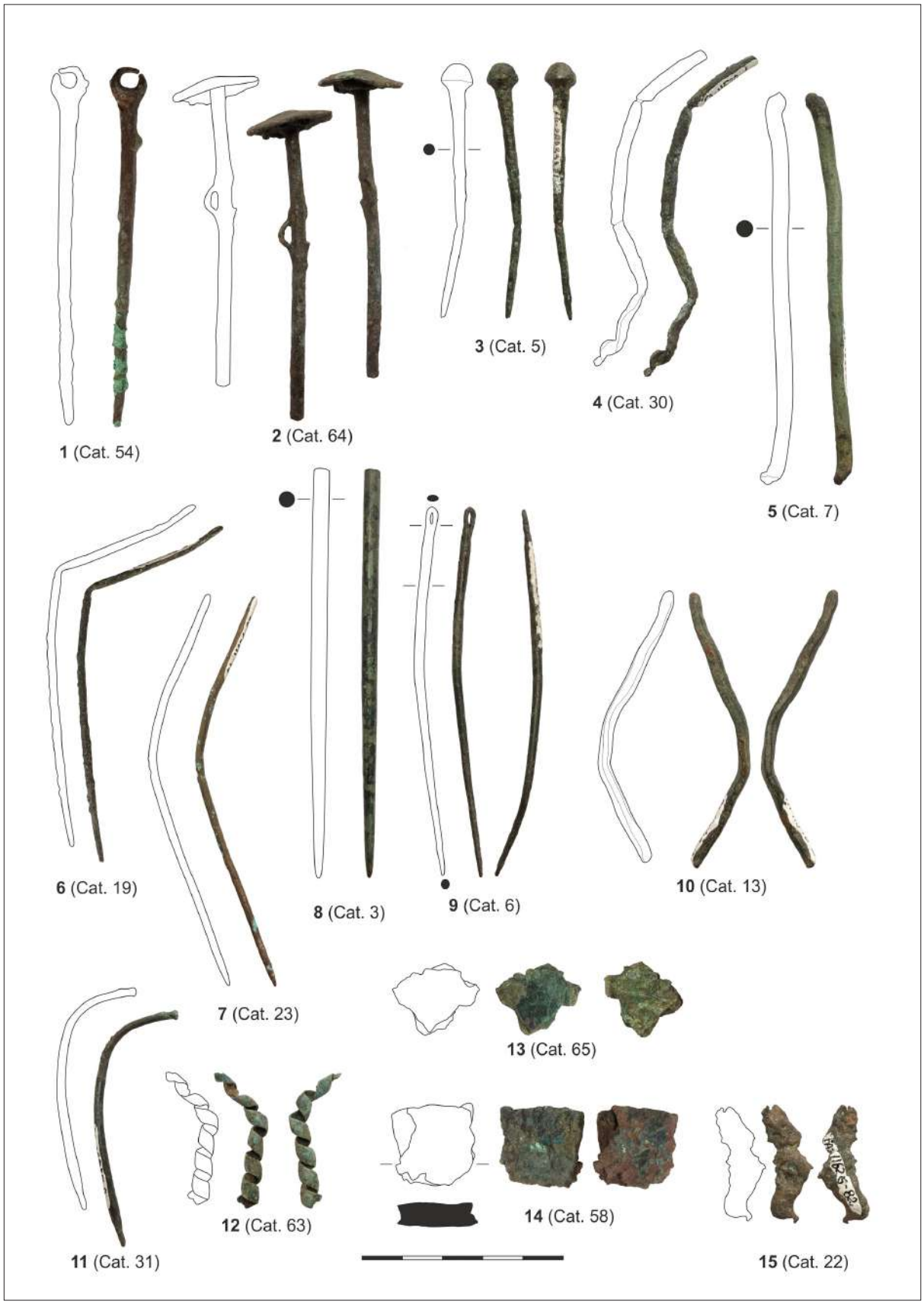


Fig. 8. Piese din bronz: 1, 2, 12-14 - Taraclia-Gaidabul; 3, 9 - Petruşeni; 4, 6, 7, 10, 11, 22 - Odaia-Miciurin; 5, 8 - Cobâlea.

Tabelul 1

Componenţa chimică a pieselor din catalog

	Nr. de inventar, Situl, Anul	Cu	Sn	Pb	Zn	Ag	Sb	As	Fe	Ni	Co	Bi	Mn	Au
1	FB-29075-2, Gura-Galbenei I, 1968	83,1	15,3	0,46	—	—	—	0,57	0,25	0,14	0,05	—	0,02	0,15
2	FB-30520-11, Petruşeni III, 1984	86,5	10,9	1,64	—	—	—	0,31	0,04	0,49	0,03	—	0,07	—
3	FA-11473-4, Petruşeni III, 1984	94,1	3,5	0,18	—	0,32	1,14	0,15	—	0,52	—	—	0,08	—
4	FB-28233-22, Petruşeni III, 1984	92,0	6,7	0,42	—	—	0,18	0,14	0,34	0,12	—	—	0,06	0,02
5	FB-28233-21, Petruşeni III, 1984	83,8	10,8	0,60	—	0,26	0,88	1,22	0,07	2,05	0,28	—	0,09	—
6	FB-28233-5, Petruşeni III, 1984	86,6	11,2	0,44	—	—	0,07	0,34	0,11	1,06	0,06	—	0,08	—
7	FB-28381-10, Cobâlnea-Staţia, 1988	90,6	7,1	0,60	—	—	—	0,52	0,27	0,78	0,07	—	0,01	0,04
8	FB-28381-5, Cobâlnea-Staţia, 1988	85,0	11,4	0,41	—	—	0,73	0,49	1,34	0,54	0,10	—	0,05	—
9	FB-28381-15, Cobâlnea-Staţia, 1988	86,5	11,9	0,39	—	—	0,39	0,40	0,24	0,09	—	—	0,03	0,05
10	FB-26732-11, Slobozia-Şireuţi III, 1966	83,8	13,9	0,55	—	0,09	—	0,33	0,27	0,96	0,05	—	0,06	—
11	FB-29274-1, Mereni II, 1986	91,3	8,2	—	—	0,13	0,02	0,25	—	0,02	0,06	—	—	—
12	FB-27705-66, Ghindeşti VI, 1957	89,9	9,0	0,10	—	—	0,32	0,23	0,03	0,20	0,11	—	0,10	—
13	FA-11648-13, Odaia-Miciurin, 2008	98,9	0,6	0,07	—	0,03	—	0,12	0,02	0,22	—	0,04	0,01	0,05
14	FB-29069-3, Odaia-Miciurin, 2008	94,2	3,5	0,79	—	0,03	0,29	0,30	0,59	0,23	—	—	0,10	0,06
15	FB-29069-2, Odaia-Miciurin, 2008	91,0	6,8	0,14	—	—	0,03	1,51	0,03	0,28	0,08	—	0,08	—
16	FB-29069-9, Odaia-Miciurin, 2008	90,6	6,3	1,70	—	—	0,14	0,22	0,02	0,78	0,08	—	0,14	—
17	FB-29036-2, Odaia-Miciurin, 2007	86,8	11,8	0,55	—	—	0,09	0,47	0,04	0,32	0,02	—	—	0,02
18	FB-29036-3, Odaia-Miciurin, 2007	87,2	11,5	0,18	—	0,02	0,11	0,36	0,01	0,38	0,08	—	0,12	—
19	FB-29036-4, Odaia-Miciurin, 2007	94,1	4,6	0,76	—	—	0,04	0,14	0,22	0,06	0,04	—	0,11	0,01
20	FB-29036-8, Odaia-Miciurin, 2007	89,0	9,2	0,19	—	—	0,56	0,33	0,12	0,41	0,11	—	0,11	—
21	FA-11626-77, Odaia-Miciurin, 2007	95,3	3,3	0,35	0,01	—	0,10	0,33	0,09	0,28	0,05	—	0,06	0,22
22	FA-11626-82, Odaia-Miciurin, 2007	96,5	2,4	0,13	—	—	0,11	0,17	0,22	0,39	—	—	—	0,06
23	FA-11626-83, Odaia-Miciurin, 2007	88,7	7,4	1,83	—	—	0,77	0,36	0,30	0,55	0,05	—	—	0,04

	Nr. de inventar, Situl, Anul	Cu	Sn	Pb	Zn	Ag	Sb	As	Fe	Ni	Co	Bi	Mn	Au
24	FB-28771-17, Odaia-Miciurin, 2005	91,7	6,0	0,63	—	—	0,26	0,39	—	0,87	0,09	—	0,07	—
25	FB-28930-10, Odaia-Miciurin, 2006	95,5	3,2	0,30	—	—	0,16	0,18	0,01	0,45	0,10	—	0,11	—
26	FB-28930-14, Odaia-Miciurin, 2006	85,8	12,4	0,85	—	0,04	—	0,55	0,01	0,21	0,09	—	0,06	—
27	FB-28930-9, Odaia-Miciurin, 2006	85,6	11,9	0,70	—	—	0,01	0,56	0,20	1,04	0,04	—	—	0,02
28	FB-28535-7, Odaia-Miciurin, 2003	74,9	19,3	1,94	—	—	—	0,37	2,95	0,26	0,24	—	0,03	—
29	FB-28535-10, Odaia-Miciurin, 2003	93,8	5,1	0,64	—	—	—	—	0,09	0,21	—	0,07	0,07	—
30	FA-11520-1, Odaia-Miciurin 2003	88,0	8,7	1,93	—	0,55	—	0,19	0,16	0,17	0,03	0,24	0,04	—
31	FB-28535-8, Odaia-Miciurin, 2003	93,2	4,7	0,76	—	—	0,29	0,27	0,02	0,58	0,11	—	0,08	—
32	FB-28535-30, Odaia-Miciurin, 2003	91,1	5,5	2,39	—	—	0,22	0,17	—	0,58	0,10	—	—	—
33	FA-11520-81, Odaia-Miciurin, 2003	91,2	6,9	0,42	—	—	0,10	0,30	0,11	0,70	0,14	—	0,10	—
34	FB-28143-5, Tudora XII, 1958	91,5	7,2	0,16	—	—	0,31	0,18	0,05	0,47	—	—	0,09	0,07
35	FB-28400-6, Ghindeşti VI, 1956	93,0	6,2	0,24	—	—	0,11	0,06	0,03	0,24	0,09	—	0,10	—
36	FB-29081, Văratic, 1961	88,8	5,3	1,82	—	0,40	2,02	0,61	0,18	0,73	0,04	—	0,01	0,08
37	FA-11653-2, Ghindeşti VI, 1957	92,4	6,1	0,42	—	—	0,12	0,20	0,03	0,48	0,08	0,07	0,08	—
38	FB- 29078-2, Ghindeşti VI, 1957	97,7	1,2	0,12	—	0,02	0,12	0,20	0,01	0,50	0,11	—	0,09	—
39	FB- 29078-3, Ghindeşti VI, 1957	89,7	8,6	0,14	—	0,04	0,58	0,44	0,02	0,24	0,12	—	0,11	—
40	FB- 29078-4, Ghindeşti VI, 1957	89,9	8,5	0,44	—	—	0,14	0,23	0,06	0,61	0,01	—	0,11	—
41	FB- 29078-7, Ghindeşti VI, 1957	97,3	2,0	—	—	—	0,08	0,37	—	0,05	0,12	—	0,11	—
42	FA-11653-1, Ghindeşti VI, 1957	97,1	1,2	0,08	—	0,03	—	0,20	0,33	0,72	0,08	0,20	0,10	—
43	FB-28079-23, Roşieticii Vechi V, 1957	97,3	1,2	0,25	—	—	0,17	0,31	0,31	0,36	0,08	—	—	—
44	FB-27817-4, Socoleni	93,9	4,7	0,16	—	—	0,53	0,40	—	0,28	0,01	—	—	—
45	FB-28409-1, Lazo	88,5	10,6	0,03	—	—	—	0,49	0,01	0,24	0,12	—	0,10	—
46	FB-29269-2, Isacova	81,9	15,9	1,55	—	0,06	—	0,09	0,39	0,03	—	0,12	0,01	—
47	FB-29272, Ciutuleşti	80,7	16,2	1,19	—	0,13	0,23	0,47	0,37	0,56	0,06	—	0,01	—
48	FB-29270, Goian	89,5	8,3	0,20	—	—	1,00	0,45	0,14	0,27	—	—	0,09	—

	Nr. de inventar, Situl, Anul	Cu	Sn	Pb	Zn	Ag	Sb	As	Fe	Ni	Co	Bi	Mn	Au
49	FB-30380, Balinţi	96,1	2,9	0,34	—	—	0,02	0,20	0,01	0,30	0,08	—	0,07	—
50	FB-30530-1, Taraclia-Gaidabul, 2017	93,6	4,1	0,24	—	—	1,08	0,35	0,02	0,50	0,04	—	0,05	—
51	FB-30530-4, Taraclia-Gaidabul, 2017	91,3	2,5	2,22	—	0,40	2,03	0,78	0,01	0,58	0,06	—	0,08	0,04
52	FA-11297-5, Taraclia-Gaidabul, 2017	91,5	7,0	0,12	—	—	0,32	0,31	0,03	0,49	0,07	—	0,09	0,07
53	FB-30530-2, Taraclia-Gaidabul, 2017	86,1	9,5	1,71	—	0,03	0,91	0,65	0,04	0,96	0,07	—	0,10	—
54	FB-30530-3, Taraclia-Gaidabul, 2017	81,6	16,7	0,80	—	—	0,12	0,35	0,06	0,38	0,03	—	—	0,01
55	FA-12297-2, Taraclia-Gaidabul, 2018	92,5	5,9	0,22	—	0,01	0,23	0,29	0,03	0,47	0,04	0,28	—	0,07
56	FB-30520-5, Taraclia-Gaidabul, 2018	93,8	3,6	2,11	—	—	—	0,09	0,01	0,21	0,12	—	0,12	—
57	FA-12297-3, Taraclia-Gaidabul, 2018	93,0	5,9	0,05	—	—	—	0,27	0,06	0,51	0,09	—	0,09	—
58	FA-12297-4, Taraclia-Gaidabul, 2018	89,5	9,6	0,05	—	—	—	0,16	0,13	0,01	0,08	0,32	0,08	0,02
59	FB-30520-10, Taraclia-Gaidabul, 2019	79,7	16,2	3,03	—	—	0,20	0,29	0,04	0,52	0,04	—	—	—
60	FB-30520-8, Taraclia-Gaidabul, 2019	79,2	17,2	2,80	—	0,03	—	0,23	0,05	0,57	—	—	—	—
61	FB-30520-7, Taraclia-Gaidabul, 2019	88,6	9,7	0,18	—	—	0,62	0,21	0,19	0,36	0,04	—	0,07	—
62	FB-30520-9, Taraclia-Gaidabul, 2019	87,3	10,8	0,77	—	0,04	0,23	0,22	—	0,47	0,06	—	0,06	—
63	FA-12297-1, Taraclia-Gaidabul, 2019	89,1	8,5	0,58	—	—	0,43	0,56	0,11	0,55	0,07	—	0,07	—
64	FB-30520-6, Taraclia-Gaidabul, 2019	89,8	9,4	—	—	0,03	—	0,13	0,20	0,32	0,05	—	0,05	0,03
65	FA-12297-6, Taraclia-Gaidabul, 2019	76,1	23,5	0,11	—	0,02	—	0,06	0,05	0,01	0,01	0,09	0,04	—

Bronze items discovered on the settlements of the Noua-Sabatinovka cultures from the collection of the National Museum of History of Moldova

Keywords: metal items, Late Bronze Age, Noua-Sabatinovka cultures, Republic of Moldova.

Abstract: Bronze items from the Noua-Sabatinovka cultures mainly come from hoards or are strayfinds, while being very rare found in settlements. They are usually represented by pins, awls, chisels, sometimes ornaments, knives, daggers, or socketed axes. In the collection of the National Museum of History of Moldova, there are more than 70 such items, some of which have been published. The goal of this paper is the presentation of this collection, as well as the analysis of the chemical composition of the metal, which will clarify some issues of the metal objects spread in the settlements of the Noua-Sabatinovka cultures on the territory of the Republic of Moldova.

List of illustrations:

Fig. 1. Map of the Noua-Sabatinovka settlements with the finds of bronze items: 1 - Slobozia-Şireuţi; 2 - Balinţi; 3 - Petruşeni; 4 - Odaia-Miciurin; 5 - Lazo; 6 - Ghindeşti; 7 - Ciutuleşti; 8 - Roşieticii Vechi; 9 - Cobîlea; 10 - Isacova; 11 - Goian; 12 - Mereni; 13 - Socoleni; 14 - Gura Galbenei; 15 - Tudora; 16 - Taraclia-Gaidabul.

Fig. 2. Bronze items: 1 - Ciutuleşti; 2 - Mereni; 3 - Goian.

Fig. 3. Bronze items: 1 - Isacova; 2 - Socoleni; 3 - Tudora.

Fig. 4. Bronze items: 1, 4, 5 - Taraclia-Gaidabul; 2 - Văratic; 3 - Lazo; 6 - Odaia-Miciurin.

Fig. 5. Bronze items: 1 - Balinţi; 2 - Petruşeni; 3, 6 - Odaia-Miciurin; 4 - Gura-Galbenei; 5, 7 - Ghindeşti.

Fig. 6. Bronze items: 1-3, 12, 13 - Taraclia-Gaidabul; 4, 6-8, 10, 14, 16, 18 - Odaia-Miciurin; 5 - Petruşeni; 9, 17 - Cobâlea; 11, 15 - Ghindeşti.

Fig. 7. Bronze items: 1 - Slobozia-Şireuţi; 2, 3, 6, 8, 10 - Odaia-Miciurin; 4, 9, 13 - Ghindeşti; 5, 7, 11 - Taraclia-Gaidabul; 12 - Roşeticii Vechi.

Fig. 8. Bronze items: 1, 2, 12-14 - Taraclia-Gaidabul; 3, 9 - Petruşeni; 4, 6, 7, 10, 11, 22 - Odaia-Miciurin; 5, 8 - Cobâlea.

Tab. 1. The chemical composition of bronze items in the catalog.

Бронзовые изделия с поселений культур Ноуа-Сабатиновка из коллекции Национального музея истории Молдовы

Ключевые слова: металлические изделия, эпоха поздней бронзы, культуры Ноуа-Сабатиновка, Республика Молдова.

Резюме: Бронзовые изделия культурного комплекса Ноуа-Сабатиновка в основном происходят из кладов или являются случайными находками, при этом очень редки на поселениях. Они представлены, как правило, булавками, шильями, долотами, иногда украшениями, ножами, кинжалами или кельтами. В фондах Национального музея истории Молдовы хранятся более 70 подобных предметов, часть из которых опубликована. В задачи данной работы входит презентация этой коллекции, а также анализа химического состава металла, что позволит уточнить некоторые детали распространения металла на поселениях культур Ноуа-Сабатиновка в западной части ареала.

Список иллюстраций:

Рис. 1. Карта поселений культур Ноуа и Сабатиновка с бронзовыми изделиями, проанализированными в статье: 1 - Слобозия-Ширеуць; 2 - Балинци; 3 - Петрушень; 4 - Одая-Мичурин; 5 - Лазо; 6 - Гиндешть; 7 - Чутулешть; 8 - Рошиетичий-Векь; 9 - Кобыля; 10 - Исакова; 11 - Гоян; 12 - Мерень; 13 - Соколень; 14 - Гура-Галбеней; 15 - Тудора; 16 - Тараклия-Гайдабул.

Рис. 2. Бронзовые изделия: 1 - Чутулешть; 2 - Мерень; 3 - Гоян.

Рис. 3. Бронзовые изделия: 1 - Исакова; 2 - Соколень; 3 - Тудора.

Рис. 4. Бронзовые изделия: 1, 4, 5 - Тараклия-Гайдабул; 2 - Вэратик; 3 - Лазо; 6 - Одая-Мичурин.

Рис. 5. Бронзовые изделия: 1 - Балинць; 2 - Петрушень; 3, 6 - Одая-Мичурин; 4 - Гура-Галбеней; 5, 7 - Гиндешть.

Рис. 6. Бронзовые изделия: 1-3, 12, 13 - Тараклия-Гайдабул; 4, 6-8, 10, 14, 16, 18 - Одая-Мичурин; 5 - Петрушень; 9, 17 - Кобыля; 11, 15 - Гиндешть.

Рис. 7. Бронзовые изделия: 1 - Слобозия-Ширеуць; 2, 3, 6, 8, 10 - Одая-Мичурин; 4, 9, 13 - Гиндешть; 5, 7, 11 - Тараклия-Гайдабул; 12 - Рошиетичий-Векь.

Рис. 8. Бронзовые изделия: 1, 2, 12-14 - Тараклия-Гайдабул; 3, 9 - Петрушень; 4, 6, 7, 10, 11, 22 - Одая-Мичурин; 5, 8 - Кобыля.

Табл. 1. Химический состав металлических изделий в каталоге.

20.08.2020

Mariana Sîrbu, Muzeul Naţional de Istorie a Moldovei, str. 31 August, 121-A, MD-2012 Chişinău, Republica Moldova, https://orcid.org/0000-0002-1537-7375, e-mail: sirbumary24@yahoo.com

Dr. Denis Topal, Muzeul Naţional de Istorie a Moldovei, str. 31 August, 121-A, MD-2012 Chişinău, Republica Moldova, https://orcid.org/0000-0002-8586-4427, e-mail: denis.topal@gmail.com

Dr. hab. Eugen Sava, Muzeul Naţional de Istorie a Moldovei, str. 31 August, 121-A, MD-2012 Chişinău, Republica Moldova, https://orcid.org/0000-0002-2811-4208, e-mail: savamd2014@gmail.com

Lazar Dermenji, Institutul de Fizică Aplicată, str. Academiei, 5, MD-2028 Chişinău, Republica Moldova, e-mail: clente@list.ru

ПОСЕЛЕНИЯ ПОЗДНЕЙ БРОНЗЫ БАССЕЙНА ВИСУНИ – НИЖНЕГО ИНГУЛЬЦА

Виктор Гребенников

Ключевые слова: поздняя бронза, поселения, стоянки, Висунь, Добрая, Ингулец, Виривчаная балка.

Данный регион расположен в Северном Причерноморье и соседствует на востоке с Нижним Поднепровьем, а на западе с Поингульем. Он представляет собой довольно плоскую равнину, местами изрезанную долинами небольших степных рек и древних балок. В эпоху поздней бронзы он был густо заселен племенами сабатиновской культуры и пришедшими им на смену белозерцами (рис. 1).

Поиски поселений эпохи поздней бронзы проходят здесь уже около 100 лет, однако масштабных исследований на этих памятниках не проводилось, за исключением, пожалуй, Репринского городища (Оленковський 1993, 13). На многих поселениях проводился лишь сбор подъёмного материала, шурфовка или небольшие разведочные раскопки. В настоящее время на землях этого региона известно около сотни стоянок и поселений бронзового века. Однако говорить о полном его обследовании ещё очень преждевременно. Но такое количество выявленных памятников, на наш взгляд, требует их нанесения на археологическую карту и включения в научный оборот.

Некоторые объекты их первооткрывателями были отнесены к эпохе бронзы без указания периодов или конкретных культур. Не имея возможности изучить керамику этих памятников, мы не рискнули включить их в наш список. Датировка части поселений, включенных в нашу карту, может носить предварительный характер.

В административном плане этот регион включает в себя Березнеговатский, Казанковский и Снигирёвский районы Николаевской области, а также восточную часть Белозёрского района Херсонской области.

Первые поселения эпохи поздней бронзы на территории данного региона были обнаружены А.В. Добровольским в 1925 г. на берегах среднего течения реки Ингулец. В этот период им был обследован участок долины реки от с. Малая Сейдеменуха до с. Александровка (Роксандровка), в ходе которого было открыто 20 поселений эпохи бронзы и черняховской культуры (Добровльський 1925). Часть найденных А.В. Добровольским поселений была обследована Ингулецкой экспедицией ИА АН УССР (руководитель Л.М. Славин) в 1951 г. (Славин 1951). Также в этом году разведочная экспедиция ОАМ провела обследование левого берега р. Ингулец между г. Снигирёвка (тогда село) и с. галагановка, в ходе которого были обнаружены 4 поселения эпохи бронзы. Были проведены небольшие раскопки на поселении у с. Новокондаково (Старокондаково) (Єсипенко 1956, 204).

С 1962 по 1983 годы большую работу по обследованию долины р. Висунь провёл учитель Сергеевской школы А.А. Сикорский. Всего он открыл 164 различных памятника, среди которых 48 поселений и стоянок различных культур бронзового века. Найденные им памятники были в разные годы обследованы членами НГ ОАО и сотрудниками Ингульской экспедиции ИА АН УССР (Сикорский и др. 1997; Борисова, Борисов, Борисов 2017). Также в 1971 г. разведочный отряд НКМ под руководством В.И. Никитина провел фронтальное обследование Казанковского района, в ходе которого открыл несколько поселений на берегах р. Висунь и прилегающих балках (Гребенніков, Гребенніков 2007, 25-26).

В 1974 г. работники Ингульской экспедиции провели обследования берегов рек Ингулец (от её устья до г. Снигирёвка) и Висунь (Шапошникова и др. 1974). Было открыто и обследовано около 30 поселений и стоянок эпохи поздней бронзы. Как показало изучение раз-

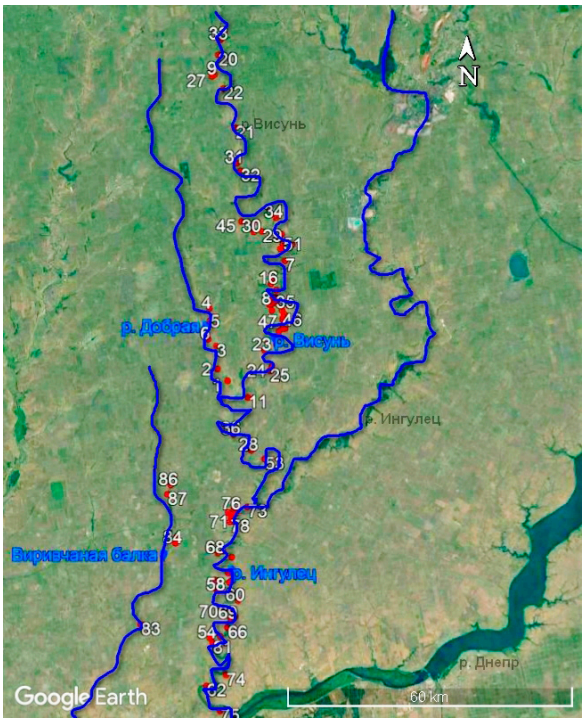


Рис. 1. Карта поселений эпохи поздней бронзы бассейна Висуни - Нижнего Ингульца. Номера поселений на карте соответствуют номерам поселений в тексте.

ных отчётов по разведкам на р. Ингулец, некоторые поселения были открыты неоднократно, но под разными названиями.

В связи с подготовкой в 1986 г. Свода памятников истории и культуры УССР, и в частности тома «Николаевская область», сотрудники НКМ провели фиксацию памятников Березнеговатского района. В ходе неё в балке р. Добрая было открыто несколько поселений эпохи поздней бронзы (Снытко, Гребенников 1986). Аналогичную работу проделали сотрудники Николаевской экспедиции в Казанковском и Снигирёвском районах. Сотрудники ХКМ проводили такое же обследование в Белозерском районе.

В 2003 г. сотрудники Государственной инспекции по охране памятников культуры в Николаевской области провели разведки на территории Березнеговатского (р. Ингулец) и Снигирёвского (Виривчаная балка) районов, в результате которых было открыто несколько поселений и стоянок (Лобко, Снитко 2003).

Речка Добрая

1. Березнеговатое I. Расположено в 2 км на северо-запад от пгт Березнеговатое, на первой надпойменной террасе правого берега р. Добрая, на месте разрушенного с. Новофедоровка. Открыто сотрудником НКМ В.Б. Гребенниковым в 1986 г. Площадь поселения примерно 0,5 га мощность культурного слоя достигает 0,4-0,6 м. Собраны фрагменты лепной керамики, орнаментированные валиками, ногтевыми и пальцевыми вдавлениями, кости животных и два кремневых отщепа. Датируется позднесабатиновским периодом (Снытко, Гребенников 1986).

2. Березнеговатое II. Находится в 5 км на северо-запад от пгт Березнеговатое, на правом пологом берегу р. Добрая. Открыто сотрудником НКМ В.Б. Гребенниковым в 1986 г. Площадь поселения примерно 0,6 га, мощность культурного слоя 0,4-0,8 м. На поверхности камни. Собран подъёмный материал в виде фрагментов лепной керамики и костей животных. Датируется эпохой поздней бронзы (Снытко, Гребенников 1986).

3. Доброе I. Находится в 0,5 км на северо-восток от с. Доброе, на первой надпойменной террасе правого берега реки Добрая. Зафиксировано сотрудником НКМ В.Б. Гребенниковым в 1986 г. Площадь поселения 1,5 га, культурный слой глубиной 0,5-0,7 м. В отдельных местах памятника видны вывороченные из земли большие известняковые плиты. Также прослеживаются остатки каменных кладок. Собраны фрагменты лепной посуды. Датируется эпохой поздней бронзы (Снытко, Гребенников 1986).

4. Малиевка I. Расположено в 1,5 км на юго-восток от с. Малиевка, на северном склоне безымянной балки, выходящей к левому берегу р. Добрая, распахивается. Открыто сотрудником НКМ В.Б. Гребенниковым в 1986 г. Площадь поселения примерно 1 га, культурный слой не превышает 0,5 м. На поверхности лежат небольшие известняковые камни. Собраны фрагменты лепной керамики с валиковым орнаментом и кости животных. Датируется сабатиновской культурой (Снытко, Гребенников 1986).

5. Нововладимировка I. Находится в 2 км на восток от с. Нововладимировка, на пологом

склоне первой надпойменной террасы левого берега р. Добрая. Открыто сотрудником НКМ В.Б. Гребенниковым в 1986 г. Площадь поселения 0,45 га, мощность культурного слоя 0,4-0,6 м. На территории памятника видны россыпи камней. Собраны фрагменты лепной керамики, орнаментированные валиком с пальцевыми вдавлениями и ногтевыми насечками, а также кости животных. Горшки, найденные на памятнике, округлобокие со слегка отогнутым венчиком. Датируется сабатиновской культурой (Снытко, Гребенников 1986).

6. Новосевастополь I. Находится в 1,5 км на юг, юго-восток от с. Новосевастополь, на пологом склоне первой надпойменной террасы правого берега р. Добрая. Открыто сотрудником НКМ В.Б. Гребенниковым в 1986 г. Площадь поселения 0,45 га, культурный слой исследован в промоинах, проходящих через поселение, достигает 0,3-0,8 м. На отдельных участках наблюдаются скопления мелких известняковых камней. Найдены 3 фрагмента лепной керамики, гранитная зернотерка и кости животных. Датируется периодом поздней бронзы (Снытко, Гребенников 1986).

Река Висунь
(среднее и нижнее течение)

7. Александровка II. Расположено на юго-восточной окраине с. Александровка, на первой надпойменной террасе левого берега р. Висунь, распахивается. Открыто А.А. Сикорским в 1965 г. Повторно обследовано в 1971 г. экспедицией НКМ, а также Ингульской экспедицией в 1974 г. Площадь поселения 1,5-2,0 га. Собрано 39 фрагментов лепной керамики, орнаментированной валиком. Датируется эпохой поздней бронзы (Шапошникова и др. 1974).

8. Беловка I. Расположено в 1 км на юг от с. Беловка, на первой надпойменной террасе, плавно переходящей в плато правого берега р. Висунь. Открыто экспедицией НКМ в 1971 г. Площадь поселения 0,3 га, культурный слой распахивается. Видны остатки каменного домостроительства. Собрано 18 стенок и один венчик лепных сосудов, а также кости животных. Датируется белозерской культурой (Гребенніков, Гребенніков 2007, 26).

9. Беловка II. Расположено в 200 м на юго-запад от с. Беловка, на первой надпойменной террасе правого берега р. Висунь. Открыто экспедицией НКМ в 1971 г. Площадь поселения 5 га, культурный слой распахан. Есть следы каменного домостроительства. Собрано 166 фрагментов лепной керамики, два кремневых отщепа, пластинка с ретушью, обломок растиральника, много костей животных. Датируется белозерской культурой (Гребенніков, Гребенніков 2007, 26).

10. Бурячки I. Расположено у хутора Бурячки, на правом берегу р. Висунь, на краю плато. Открыто Ингульской экспедицией в 1974 г. Площадь 2-3 га, культурный слой распахан. На поверхности видны остатки каменных построек. Собраны обломки сосудов с прямым или слегка отогнутым венчиком, украшенные валиком, кости животных и фрагмент кубка. Датируется эпохой поздней бронзы (Шапошникова и др. 1974).

11. Владимировка I. Расположено на юго-западной окраине с. Владимировка, в пойме правого берега р. Висунь. Открыто А.А. Сикорским в 1964 г. Повторно обследовано экспедицией НГ ОАО в 1966 г. Площадь поселения примерно 3-4 га, культурный слой достигает 0,8 м. По территории памятника строителями были прорыты траншеи, в одной из них была обнаружена каменная печь. Грунт возле нее золистый. Также найдены 36 фрагментов лепной керамики, костяной штамп с зубчатой нарезкой. Сосуды баночной формы и остроребёрные. Орнаменты: зубчатый штамп, оттиск веревочки, налепной валик с пальцевыми вдавлениями и прямыми насечками. Венчик у сосудов обычно прямой или слегка отогнут наружу. Датируется белозерской культурой (Сикорский и др. 1997, 99-100; Борисова, Борисов, Борисов 2017).

12. Владимировка II. Расположено южнее с. Владимировка у края плато, на правом берегу р. Висунь в 300-400 м от поселения Владимировка I. Поверхность задернована. Открыто А.А. Сикорским. Повторно обследовано экспедицией НГ ОАО в 1966 г. Площадь поселения 7 га. На поверхности видны кладки, развалы каменных стен. Собрано 32 фрагмента лепных сосудов, три кремневых отщепа, литейная форма кельта, ножа и копья, фрагмент бронзового браслета. Сосуды баночной формы, венчик прямой или слегка отогнут наружу. Датируется сабатиновской культурой (Сикорский и др. 1997, 100; Борисова, Борисов, Борисов 2017).

13. Владимировка III. Расположено в 3 км на юг от с. Владимировка, на краю пологого плато правого берега р. Висунь. Открыто А.А. Сикорским. Обследовано экспедицией НГ ОАО в 1966 г. Также обследовалось экспедицией НКМ в 1971 г. На задернованной поверхности на площади 3 га встречаются скопления строительного известняка и песчаника. Собрано 364 фрагмента лепной керамики. Датируется белозерской культурой (Сикорский и др. 1997, 100; Борисова, Борисов, Борисов 2017).

14. Волна I. Расположено в 0,8 км на юг от с. Волна, на плато правого берега р. Висунь. Открыто А.А. Сикорским. Обследовано Ингульской экспедицией в 1974 г. Площадь примерно 5 га. Прослеживаются тёмные золистые пятна от построек, расположенных без чёткой планировки. Найдена льячка, фрагменты лепной керамики баночных форм, горшки, фрагмент лощеного кубка с прорезными линиями, ручка сосуда, кремнёвые скребки, кости животных и др. Датируется поздней бронзой. Встречается также керамика черняховской культуры (Шапошникова и др. 1974).

15. Волна II. Расположено на северо-западной окраине с. Волна, на плато правого берега р. Висунь. Открыто А.А. Сикорским. Обследовано Ингульской экспедицией в 1974 г. Площадь около 2,5 га, культурный слой 0,4-0,5 м. Собраны фрагменты лепных горшков и банок с валиком, зернотерки, растиральники, болясы, кремневые изделия и сколы. Датируется эпохой поздней бронзы (Шапошникова и др. 1974).

16. Дмитро-Беловка. Расположено в 0,5 км на север от с. Дмитро-Беловка, на пологом склоне левого берега р. Висунь. Открыто экспедицией НКМ в 1971 г. Площадь местонахождения примерно 0,2 га. На поверхности собрано 10 фрагментов лепной керамики. Датируется эпохой бронзы (Гребенников, Яценко 2018, 17).

17. Казанка III. Расположено на южной окраине пгт Казанка, на пологом склоне правого берега р. Висунь, частично распахано. Поселение вытянуто вдоль береговой линии. Открыто экспедицией НКМ в 1971 г. Площадь приблизительно 0,6 га. Собрано 62 фрагмента лепной посуды, два скребка, один желвак, один брусок и обмазка. Датируется сабатиновской культурой (Гребенніков, Гребенніков 2007, 26).

18. Казанка IV. Расположено в 1 км на северо-запад от пгт Казанка, на правом пологом склоне Гончарной балки, выходящей к правому берегу р. Висунь. Открыто экспедицией НКМ в 1971 г. Площадь поселения 7,5 га, культурный слой задернован. Вытянуто вдоль берега. На поверхности собрано 55 фрагментов керамики, два растиральника. Датируется сабатиновской и белозерской культурами (Гребенніков, Гребенніков 2007, 26).

19. Лазаревка I. Расположено в 1 км на северо-запад от с. Лазаревка, на склоне плато, плавно переходящего в пойму правого берега р. Висунь. Открыто экспедицией НКМ в 1971 г. Вытянуто вдоль берега. Площадь 3 га. Часть поселения распахивается. Собрано 122 фрагмента лепной керамики, четыре фрагмента обмазки, одна зернотерка, растиральник, два боласа, кости животных. Датируется поздней бронзой (Гребенніков, Гребенніков 2007, 26).

20. Марьяновка I. Расположено на восток от с. Марьяновка, на пологом склоне левого берега р. Висунь. Открыто А.А. Сикорским. Площадь примерно 2 га. Найдены 245 фрагментов лепной керамики и кельт. Датируется раннесабатиновским периодом (Гребенников, Яценко 2018, 24).

21. Марьяновка III. Расположено на юго-запад от с. Марьяновка в пойме левого берега р. Висунь. Открыто А.А. Сикорским. Площадь примерно 1,5 га. Собрано 130 фрагментов лепной керамики. Датируется раннесабатиновским периодом (Гребенников, Яценко 2018, 25).

22. Николаевка I. Расположено на юго-восточной окраине с. Николаевка, на плато правого берега р. Висунь. Открыто экспедицией НКМ в 1971 г. Собран подъемный материал. Датируется эпохой поздней бронзы (Гребенников, Яценко 2018, 26).

23. Николаевка II. Находится в 1 км на юг от с. Николаевка, на надпойменной террасе левого берега р. Висунь. Открыто экспедицией НКМ в 1971 г. Собрано семь фрагментов лепной посуды и кости животных. Датируется эпохой поздней бронзы (Гребенников, Яценко 2018, 26-27).

24. Новоданиловка I. Находится на северо-западной окраине с. Новоданиловка, на пологом склоне плато левого берега р. Висунь.

Открыто экспедицией НКМ в 1971 г. Площадь 4 га, часть поселения распахивается. На распаханной поверхности видны темные золистые пятна, которые тянутся двумя цепочками вдоль берега. Собрано 117 фрагментов лепной керамики, кремневый отщеп, два боласа, два растиральника, два обломка зернотерки. Также найдена каменная «кукла» длиной 10 см. Датируется эпохой поздней бронзы (Гребенников, Яценко 2018, 28).

25. Петрово-Висунское. Расположено на склоне балки Ставки, которая выходит к левому берегу р. Висунь. Открыто разведками экспедиции НКМ в 1971 г. Собран подъёмный материал, который датируется эпохой поздней бронзы (Гребенников, Яценко 2018, 26).

26. Рогозино I. Находится в 1,2 км на юг от с. Рогозино, на плато правого обрывистого берега р. Висунь. Открыто А.А. Сикорским. Повторно обследовано экспедицией НКМ в 1971 г. Собрано небольшое количество лепной керамики, литейная форма ножа и сплески бронзы. Датируется сабатиновской культурой (Гребенников, Яценко 2018, 26).

27. Скобелево I. Расположено в 1 км на север от с. Скобелево, на пологом склоне правого берега р. Висунь. Открыто экспедицией НКМ в 1971 г. Площадь и культурный слой не определены. Собрано 25 фрагментов лепной керамики и кости животных. Датируется эпохой поздней бронзы (Гребенников, Яценко 2018, 35).

28. Фонтанка I. Расположено напротив с. Фонтанка, на высоком правом берегу р. Висунь, между двух оврагов. Открыто А.А. Сикорским. Повторно обследовано экспедицией НКМ в 1971 г. Собран подъемный материал. Датируется эпохой поздней бронзы (Гребенников, Яценко 2018, 34).

29. Бабина Балка I. Расположено напротив тракторной бригады с. Сергеевка, на северо-запад от села, на правом высоком берегу р. Висунь. Открыто А.А. Сикорским в 1962 г. Обследовано Ингульской экспедицией в 1974 г. Площадь поселения 3 га, мощность культурного слоя 0,5-0,6 м. Видны выходы каменных кладок в срезах берега. В шурфах собрано 265 обломков лепных горшков баночной формы с ногтевыми и пальцевыми вдавлениями, налепными валиками, насечками, гребенчатым сглаживанием. Также найдена лепная крышка, 1055 кремневых орудий и отщепов, бронзовое шило и полукруглые камни (боласы). Поселение многослойное. Датируется неолитом, ранним энеолитом, катакомбной, бабинской и поздним периодом сабатиновской культуры. На поселении найдены остатки трех погребений, два из которых можно отнести к эпохе поздней бронзы (Сикорский и др. 1997, 101-102; Борисова, Борисов, Борисов 2017; Борисова, Борисов 2018).

30. Березнеговатое III. Расположено на восточной окраине пгт Березнеговатое, на первой надпойменной террасе правого берега р. Висунь. Открыто А.А. Сикорским, обследовано А.М. Балушкиным в 1969 г. Площадь поселения примерно 1,6 га, мощность культурного слоя 0,4-0,6 м. Проведена зачистка траншей, которые проходили через поселение. Найдены фрагменты лепной керамики, кости животных и каменные орудия. Датируется сабатиновской культурой (Гребенников, Яценко 2017, 13).

31. Ветрово I. Находится в 1 км на юго-запад от с. Ветрово, на краю плато, постепенно переходящего в пойму левого берега р. Висунь. Открыто А.А. Сикорским. Площадь поселения 0,6 га, культурный слой не определен. На поверхности собраны обломки 14 банковидных сосудов с гладким валиком и косыми насечками, пращевый камень и глиняная обмазка. Датируется белозерской культурой (Сикорский и др. 1997, 106).

32. Ветрово II. Расположено на северо-западной окраине с. Ветрово, на пологом левом берегу р. Висунь. Зафиксировано А.А. Сикорским. Площадь поселения 1,7 га. Собран подъемный материал. Датируется эпохой поздней бронзы (Гребенников, Яценко 2017, 32).

33. Калуга I. Расположено в 2,5 км на северо-запад от с. Калуга, в высокой пойме правого берега р. Висунь. Открыто А.А. Сикорским. Обследовано НГ ОАО в 1964 г. Площадь поселения 6,5 га, мощность культурного слоя 0,4-0,5 м. На всей площади памятника видно несколько зольников и много камня-известняка. Собран 221 фрагмент лепной керамики от сосудов баночной формы, корчаг, черпаков с ручками и глубоких мисок, орнаментированных косыми прочерченными линиями, вертикальными каннелюрами, зубчатым штампом

и насечками на венчике. На поселении найдена обожженная глиняная обмазка. Датируется раннесабатиновским периодом (Сикорский и др. 1997, 106; Борисова, Борисов, Борисов 2017).

34. Калуга II. Находится на территории с. Калуга, на пологом склоне левого берега р. Висунь. Открыто А.А. Сикорским. Собран подъёмный материал в виде 81 фрагмента лепных сосудов и костей животных. Датируется позднесабатиновским периодом (Гребенников, Яценко 2017, 22).

35. Калуга III. Расположено на юг от с. Калуга, на мысообразном выступе правого берега р. Висунь. Открыто Ингульской экспедицией в 1974 г. Площадь поселения 2 га. Собран подъёмный материал эпохи поздней бронзы (Шапошникова и др. 1974).

36. Красный камень (Камышинка). Находится напротив северо-западной окраины с. Сергеевка на левом высоком берегу первой надпойменной террасы р. Висунь, на юг от карьера, между двумя оврагами. Открыто А.А. Сикорским в 1963 г. Повторно обследовано НГ ОАО в 1965 г. Площадь поселения 1,8 га. На задернованной поверхности видны остатки каменных кладок. Три камня поставлены на ребро. Собрано 33 фрагмента лепной керамики, четыре кремневых отщепа, каменная ступка и другие артефакты. Орнаментирована керамика гладким валиком и косыми насечками. На одном фрагменте валик имеет опущенные вниз «усики». Датируется сабатиновской культурой (Сикорский и др. 1997; Борисова, Борисов, Борисов 2017, 103; Борисова, Борисов 2018).

37. Любомировка I. Находится на северо-восточной окраине с. Любомировка, в пойме на небольшом холме правого берега р. Висунь. Открыто А.А. Сикорским. Обследовано Ингульской экспедицией в 1974 г. Площадь поселения 2,5 га, культурный слой 0,4-0,7 м. Был заложен небольшой раскоп общей площадью 100 кв. м, в котором найдены остатки каменного домостроительства, фрагменты лепной керамики с валиковым орнаментом и лощением, кости КРС и др. животных, а также орудия из камня (боласы, зернотёрки, растиральники). Датируется сабатиновской культурой (Шапошникова и др. 1974).

38. Поселение №33. Находится в северной части леска, расположенного на север от села Сергеевка, на левом берегу р. Висунь. Открыто А.А. Сикорским в 1963 г. Собрано 87 обломков кремня и 20 фрагментов лепной посуды (один венчик с валиком и стенка со шнуровым орнаментом). Также найдены фрагмент шлифованного молотка и часть обработанной кости (гарпун?). Датируется периодом поздней бронзы (Борисова, Борисов 2018).

39. Пришиб I. Находится на северной окраине с. Пришиб, на мысообразном выступе надпойменной террасы, переходящем в плато правого берега р. Висунь. Открыто А.А. Сикорским. Обследовано Ингульской экспедицией в 1974 г. Площадь 1 га, мощность культурного слоя 0,5-0,6 м. На поселении заложен небольшой раскоп размером 100 кв.м. Обнаружены остатки каменного домостроительства, хозяйственные ямы, фрагменты лепной керамики, кости животных, орудия из камня. Датируется сабатиновской культурой (Шапошникова и др. 1974).

40. Сергеевка. Расположено на левом берегу р. Висунь, частично в колхозном саду, частично в самом с. Сергеевка. Открыто А.А. Сикорским в 1964 г. Найдено 119 кремней и 67 фрагментов лепной керамики. Лепная керамика орнаментирована шнуровым орнаментом и волнистыми параллельными линиями. Найдены слиток бронзы, 3 фрагмента каменных топоров-молотков, два кремневых наконечника стрел, гранитный растиральник, боласы. Датируется периодом поздней бронзы (Борисова, Борисов 2018).

41. Сергеевка I. Расположено в 2,5 км на север от с. Сергеевка, на пологом склоне плато левого берега р. Висунь. Открыто А.А. Сикорским в 1963 г. Обследовано НГ ОАО в 1964 г. Площадь 1,5 га, культурный слой достигает 0,5 м. На поверхности наблюдается скопление строительного камня. Собрано 494 кремневых скола, среди которых несколько орудий (3 наконечника стрел). В лепной керамике преобладает баночная форма (294 экз.) с гребенчатым сглаживанием, зубчатым орнаментом, валиками, узором в виде елочки. Также найдены обломок седловидного бруска, каменная пробка. Датируется неолитом и белозерской культурой (Сикорский и др. 1997, 101; Борисова, Борисов, Борисов 2017; Борисова, Борисов 2018).

42. Сергеевка II. Находится в северо-восточной части с. Сергеевка, у животноводческой фермы, на высоком обрыве плато левого берега р. Висунь. Открыто А.А. Сикорским в 1964 г. Осмотрено НГ ОАО в 1964 г. Площадь поселения 0,7 га. На поверхности видны фундаменты каменных жилищ. Собран 21 фрагмент лепной керамики баночной формы, глиняная обмазка и 16 отщепов кремня. Датируется сабатиновской культурой (Сикорский и др. 1997, 101; Борисова, Борисов, Борисов 2017; Борисова, Борисов 2018).

43. Сергеевка III. Находится в 1,5-2 км на юго-восток от с. Сергеевка, где плато подступает к левому берегу р. Висунь. Открыто А.А. Сикорским в 1962 г. Обследовалось НГ ОАО в 1964 г. Площадь поселения 2 га. На поверхности зафиксирована каменная кладка. Собрано 87 фрагментов лепной керамики, 17 кремневых отщепов, болас из мрамора, часть гранитного шлифованного топора, фрагмент точильного бруска, кости животных. Сосуды на поселении баночной формы и с выпуклым туловом. Из орнаментов имеется валик с пальцевыми вдавлениями. На поселении найдены остатки погребения. Скелет лежал на правом боку на глубине 1 м, головой на юго-восток в согнутом положении. Ноги подогнуты к животу. Возле скелета лежала челюсть крупного жвачного животного. Датируется сабатиновской культурой (Сикорский и др. 1997, 102; Борисова, Борисов, Борисов 2017; Борисова, Борисов 2018).

44. Сергеевка IV. Расположено в 2,3 км на юг от с. Сергеевка, на пологом склоне левого берега р. Висунь, между двумя балками в изгибе реки. Зафиксировано А.А. Сикорским в 1962 г. Повторно обследовано НГ ОАО в 1965 г. На поверхности собрано 34 фрагмента лепной керамики, четыре кремневых отщепа, обломок гранитного топора, каменная зернотерка и керамический шлак. Сосуды баночного типа и с выпуклым туловом. Орнаментированы валиком с пальцевыми вдавлениями. На территории поселения найдено погребение на глубине 0,5-0,6 м в материке. Погребенный лежал на правом боку головой на восток, с подогнутыми к животу ногами. Руки согнуты в локтях, кисти рук возле лица. Возле затылка найден лепной горшок со шнуровым орнаментом. Датируется сабатиновской культурой (Сикорский и др. 1997, 102-103; Борисова, Борисов, Борисов 2017; Борисова, Борисов 2018).

45. Сергеевка V. Находится в 2,2 км на север от с. Сергеевка, в пойме левого берега р. Висунь. Открыто А.А. Сикорским в 1965 г. Собрано 45 кремней и 54 фрагмента лепной керамики, которая орнаментирована расчлененным валиком, пальцевыми вдавлениями. Также найдены фрагмент гранитной зернотёрки, болас, фрагмент шлифованного топора. Поселение двухслойное: черняховская культура и эпоха поздней бронзы (Борисова, Борисов 2018).

46. Сергеевский гай. Местонахождение расположено севернее с. Сергеевка, на левом берегу р. Висунь. Открыто А.А. Сикорским в 1965 г. Площадь и культурный слой не определены. Найдены 21 кремень и 19 фрагментов лепной посуды, орнаментированной валиками с защипами. Есть заглаживание зубчатым штампом. Датируется эпохой поздней бронзы (Борисова, Борисов 2018).

47. Федоровка I. Расположено в 1 км на северо-восток от с. Федоровка, в пойме левого берега р. Висунь. Открыто А.А. Сикорским. Обследовалось НГ ОАО в 1965 г. и Ингульской экспедицией в 1974 г. Площадь памятника 2 га, культурный слой распахан. Собран 31 фрагмент лепных сосудов баночной формы с валиком, на котором часто встречаются косые насечки и слабые вдавления пальцами. Также найдены кремневые орудия и отщепы, круглые камни, зернотерка. Датируется поздним этапом катакомбной и ранним этапом сабатиновской культур (Сикорский и др. 1997; Борисова, Борисов, Борисов 2017; Шапошникова и др. 1974).

48. Федоровка II. Находится в 1,0-1,5 км на север от с. Федоровка, где плато плавно переходит в пойму левого берега р. Висунь. Открыто А.А. Сикорским. Обследовано НГ ОАО в 1964 г. Площадь поселения 4-5 га, мощность культурного слоя достигает 0,4 м, распахивается. Собрано 174 фрагмента сосудов баночной формы, горшков и мисок, с прямым венчиком или слегка оттянутым наружу. Орнаментированы фрагменты гладким валиком, зубчатым штампом, треугольниками, валиком с «усиками» вниз, оттиском веревочки. Также найден обломок пряслица, пращевой камень, два яйцевидных камня, куски обмазки. Датируется сабатиновской культурой (Сикорский и др. 1997, 103; Борисова, Борисов, Борисов 2017).

49. Федоровка III. Находится в 2,5 км на восток от с. Федоровка, в пойме левого берега р. Висунь. Открыто А.А. Сикорским. Обследовано НГ ОАО в 1965 г. Площадь поселения 1 га, культурный слой распахан. На поверхности собрано 25 фрагментов лепных сосудов, кремневый отщеп, растиральник, брусок для заточки. Сосуды орнаментированы валиком, часто под самым венчиком, с ногтевым вдавлением в виде елочки, вертикально опускающимися широкими каннелюрами. Один фрагмент с прорезной линией под венчиком, а под ней треугольники. Датируется сабатиновской культурой (Сикорский и др. 1997, 104; Борисова, Борисов, Борисов 2017).

50. Федоровка IV. Расположено на юго-восточной окраине с. Федоровка, где глинистое плато подходит к высохшей старице левого берега р. Висунь. Открыто А.А. Сикорским в 1963 г. Обследовано НГ ОАО в 1964 г. Площадь поселения примерно 7-8 га, культурный слой распахан. На поверхности много известняковых камней. Собрано 74 фрагмента банковидных лепных горшков, толстостенных мисок, черпаков и кубков. Орнаментированы валиками с косыми насечками, ногтевыми и пальцевыми вдавлениями. Один валик с «усиками» вниз. Найдены также обломки зернотерок и пращевой камень. Датируется сабатиновской культурой (Сикорский и др. 1997, 104-105; Борисова, Борисов, Борисов 2017).

51. Федоровка V. Расположено в 1 км на юг от с. Федоровка, у речной старицы левого берега р. Висунь. Зафиксировано А.А. Сикорским. Обследовано НГ ОАО в 1965 г. Площадь поселения 0,5 га, культурный слой распахан. На поверхности встречается камень известняк. Собрано 49 фрагментов лепной керамики, кости животных, 6 кремневых отщепов, пращевой камень, четыре фрагмента ручек черпаков. Сосуды на поселении баночной формы с прямым или слегка отогнутым наружу венчиком. Орнаменты характерны налепным валиком с пальцевыми вдавлениями и ногтевыми насечками. Один фрагмент с процарапаными треугольниками и один с сосцовым налепом. Датируется белозерской культурой (Сикорский и др. 1997, 105; Борисова, Борисов, Борисов 2017).

52. Широкая Балка. Расположено в 2,5 км на север от с. Сергеевка, в пойме левого берега р. Висунь, в устье вышеуказанной балки на левом её склоне. Открыто А.А. Сикорским в 1964 г. Обследовано НГ ОАО в 1965 г. Площадь памятника 0,15 га, культурный слой распахан. На пашне встречается строительный камень-известняк. Собран 31 кремень, 155 фрагментов лепной керамики и девять обломков костей животных. Посуда плоскодонная, орнаментирована различными вдавлениями, шнуром, насечками. Также найдены болас, фрагмент гранитной зернотёрки, фрагменты гранитных топора и молота, гранитный пестик. Датируется катакомбной и сабатиновской культурами (Сикорский и др. 1997, 101; Борисова, Борисов, Борисов 2017; Борисова, Борисов 2018).

53. Яковлевка. Расположено в 1,5 км на северо-запад от с. Яковлевка, на надпойменной террасе левого берега р. Висунь, возле впадения в неё древней балки. Открыто и обследовано М.П. Оленковским в 1981 г. Поселение прослежено на 30 м в длину. Культурный слой находится на глубине 0,4-0,9 м от поверхности земли, насыщен камнем – известняком. Собрано два десятка фрагментов керамики, кости животных. Датируется сабатиновской культурой (Оленковський 1993, 64).

Река Ингулец (нижнее течение)

54. Александровка I. Расположено на правом склоне балки, выходящей к правому берегу р. Ингулец, на мысообразном выступе к северовостоку от с. Александровка. Открыто и обследовано Ингульской экспедицией в 1974 г. Площадь 2,5-3,0 га, культурный слой распахан. Собрано 17 фрагментов лепной керамики, которая датирует поселение эпохой поздней бронзы (Шапошникова и др. 1974).

55. Афанасьевка. Находится в 2 км на юг от с. Афанасьевка, на надпойменной террасе правого берега р. Ингулец. Открыто А.В. Добровольским в 1923 г. Повторно обследовано Ингулецкой экспедицией в 1951 г. Площадь 1,5 га, культурный слой 0,5 м. На поселении собран подъемный материал черняховской культуры и поздней бронзы (Добровольский 1925; Славин 1951).

56. Баратовка I. Расположено на юго-восточной окраине с. Баратовка, на правом берегу р. Ингулец, в устье небольшой балки. Открыто и обследовано Ингульской экспедицией в 1974 г. Площадь 3 га, культурный слой 0,4-0,5 м, на-

сыщен камнями. Собраны фрагменты лепной посуды баночной и горшечной формы, зернотерки, растиральники, боласы, кремневые изделия и сколы. Датируется эпохой поздней бронзы (Шапошникова и др. 1974).

57. Баратовка II. Расположено в 800 м на северо-запад от с. Баратовка, на правом склоне балки, выходящей к правому берегу р. Ингулец. Открыто и обследовано Ингульской экспедицией в 1976 г. Площадь 3-4 га, культурный слой 0,4-0,5 м. Собрана посуда баночной и горшечной формы, орнаментированная валиком, а также зернотерки, растиральник, боласы, кремневые изделия и сколы. Датируется эпохой поздней бронзы (Шапошникова и др. 1976).

58. Баратовка III. Расположено в 1 км на юг от с. Баратовка, на мысу между двух балок, выходящих к правому берегу р. Ингулец. Открыто и обследовано Ингульской экспедицией в 1976 г. Площадь около 3 га, культурный слой достигает 0,3-0,6 м. На поверхности видны остатки каменных вымосток и развалы каменных стен. Собраны фрагменты банок и горшков, мисок и жаровень, орнаментированных косыми насечками и углубленными линиями. Также найдены растиральники, отбойники и кости животных. Датируется эпохой поздней бронзы (Шапошникова и др. 1976).

59. Васильевка. Расположено в 300 м на запад от с. Васильевка, в пойме левого берега р. Ингулец. Открыто А.В. Добровольским в 1923 г. Площадь 3 га, культурный слой 0,4-0,7 м. Собран подъемный материал. Датируется эпохой бронзы (Добровольский 1925).

60. Галагановка I. Расположено в 900 м на северо-восток от с. галагановка на левом склоне балки, выходящей к левому берегу р. Ингулец. Открыто Ингульской экспедицией в 1974 г. Площадь поселения 4 га, культурный слой 0,3-0,5 м насыщен камнями. Собраны фрагменты лепных горшков и банок, кубков и мисок, орнаментированных гладким и расчлененным валиком, резными линиями и насечками. Также найдены зернотерка, отбойники и растиральники. Датируется сабатиновской культурой (Шапошникова и др. 1974).

61. Галагановка II. Расположено в 700 м на юго-запад от с. галагановка, на склоне левого берега р. Ингулец. Зафиксировано экспедицией ОАМ в 1950 г. Обследовано Ингульской экспедицией в 1976 г. Площадь 2,5 га, культурный слой 0,5 м. На поверхности видны остатки каменного домостроительства. Собраны фрагменты лепных горшков с вытянутым туловом, орнаментированные налепным валиком, зубчатым штампом и резными линиями. Также найдены зернотерки, боласы, растиральники и кости животных. Поселение двухслойное: черняховская культура и поздняя бронза (Шапошникова и др. 1976).

62. Дарьевский поворот II. Расположено на краю террасы, переходящей в склон плато правого берега р. Ингулец, недалеко от поворота шоссе на с. Дарьевка. Открыто Ингульской экспедицией в 1974 г. Площадь около 5 га, культурный слой до 0,4-0,5 м. На поверхности видны остатки каменных сооружений. Собраны фрагменты лепной керамики в виде горшков, банок, мисок, орнаментированных валиком с вдавлениями и насечками. Также найдены фрагменты жаровень, черпаков и кубков, кремневый вкладыш. Датируется поздней бронзой (Шапошникова и др. 1974).

63. Елизаветовка (Тарасовка) II. Расположено в 150 м на северо-восток от с. Елизаветовка, на высоком левом берегу р. Ингулец. Открыто А.В. Добровольским в 1924 г. , повторно обследовано Ингульской экспедицией в 1976 г. Площадь поселения 2,5 га, культурный слой 0,4-0,6 м. Зафиксированы остатки каменного домостроительства. Собраны фрагменты керамики, орнаментированные валиками, косыми насечками, врезными линиями. Обнаружены растиральники, отбойники, зернотерки. Датируется поздней бронзой. Также присутствует керамика черняховской культуры (Шапошникова и др. 1976).

64. Елизаветовка (Тарасовка) III. Находится в 50 м на северо-восток от с. Елизаветовка, в устье балки, выходящей к левому берегу р. Ингулец. Открыто Ингульской экспедицией в 1976 г. Площадь поселения 2 га, культурный слой 0,5 м. На поверхности зафиксированы остатки каменного домостроительства. Собраны фрагменты горшков и баночных сосудов орнаментированные налепным валиком, насечками и врезными линиями. Найдены также растиральники и зернотерки. Датируется поздней бронзой (Шапошникова и др. 1976).

65. Кирово. Открыто в 1976 г. В.Н. Клюшинцевым. Поздняя бронза (Шапошникова и др. 1976).

66. Лиманцы I. Обнаружено в центре с. Лиманцы, на мысообразном склоне плато левого берега р. Ингулец. Открыто Ингульской экспедицией в 1974 г. Площадь 1 га. Собрано немного лепной керамики эпохи поздней бронзы (Шапошникова и др. 1974).

67. Мечетная балка. Расположено напротив с. Нововасильевка, на мысу созданном двумя сходящимися балками к правому берегу р. Ингулец. Открыто и обследовано Ингулецкой экспедицией в 1951 г. Поселение вытянуто вдоль берега. Площадь 2,5 га, культурный слой 0,4-0,6 м. Было заложено 17 шурфов. Обнаружены остатки каменного домостроительства, каменные вымостки, много костей животных, лепная керамика, каменные и кремневые изделия, среди них два топора-молотка. Датируется ИКК и поздней бронзой. На юго-восток от поселения обнаружен могильник, на котором раскопано несколько безынвентарных погребений, одно в каменном ящике. У погребенных ноги согнуты в коленях (Славин 1951).

68. Михайловка I. Расположено на песчаных возвышенностях правого берега р. Ингулец в пойме реки, в 0,9 км от с. Михайловка. Открыто и прошурфовано Ингульской экспедицией в 1974 г. Площадь около 1 га, культурный слой 0,2-0,4 м. Найдено небольшое количество лепной керамики. Датируется эпохой поздней бронзы (Шапошникова и др. 1974).

69. Нововасильевка. Расположено на север от с. Нововасильевка и в 100 м на восток от паромной переправы, на крутом правом берегу р. Ингулец. Открыто и частично раскопано А.В. Добровольским в 1923-25 гг., обследовано Ингульской экспедицией в 1976 г. Площадь 0,7 га, культурный слой 0,8-1,0 м. Поселение вытянуто вдоль берега. Собраны фрагменты кубков, банок, горшков, кости коня, крупного и мелкого рогатого скота. Датируется эпохой поздней бронзы. Также найдены обломки гончарной посуды (Шапошникова и др. 1976).

70. Новософиевка I. Находится в 800 м на юг от с. Новософиевка, на пологом склоне правого берега р. Ингулец. Открыто Ингульской экспедицией в 1974 г. Площадь поселения 4 га, с двух сторон ограничено неглубокими оврагами, культурный слой 0,4- 0,5 м. На поверхности видны остатки каменных сооружений. Собран большой подъёмный материал. Найдены фрагменты банок и горшков с валиком, кости животных, зернотерка, растиральник, боласы, кремневые изделия, пряслице, астрагал с изображением человека и бронзовый нож. Датируется ИКК и поздней бронзой (Шапошникова и др. 1974).

71. Новософиевка II. Расположено на мысообразном выступе возле с. Новософиевка. Открыто Ингульской экспедицией в 1974 г. Площадь поселения около 1 га. Собрано небольшое количество лепной керамики. Датируется поздней бронзой (Шапошникова и др. 1974).

72. Тимофеевка I. Обнаружено на левом берегу р. Ингулец, ниже по течению от с. Новотимофеевка, на мысообразной возвышенности в пойме. Открыто и прошурфовано Ингульской экспедицией в 1974 г. Площадь поселения около 1,5 га, культурный слой не выявлен. Найдено небольшое количество лепной керамики. Датируется поздней бронзой (Шапошникова и др. 1974).

73. Тимофеевка II. Обнаружено на надпойменной террасе левого берега р. Ингулец. Открыто Ингульской экспедицией в 1974 г. Площадь поселения 1,5 га. Собран подъёмный материал, который датирует поселение эпохой бронзы (Шапошникова и др. 1974).

74. Павловка I. Находится на западной окраине с. Павловка, на надпойменной террасе левого берега р. Ингулец. Открыто А.В. Добровольским в 1923-1925 гг., обследовано Ингулецкой экспедицией в 1951 г. Площадь поселения 2 га, культурный слой 0,5-0,8 м. Собрано 112 фрагментов: лепная керамика и гончарная посуда. Датируется скифской культурой и эпохой поздней бронзы (Славин 1951).

75. Павловка II. Находится в 1,2 км на северо-запад от с. Павловка, в пойме левого берега р. Ингулец. Открыто Ингулецкой экспедицией в 1951 г. Площадь 1 га, культурный слой 0,5 м. Собран подъемный материал. Датируется эпохой бронзы (Славин 1951).

76. Павло-Марьяновка (Марценово). Расположено на юг от села на правом берегу р. Ингулец. Открыто и частично раскопано А.В. Добровольским в 1923-1925 гг. Найдено 23 фрагмента лепной посуды, обломки амфор, камен-

ный терочник, обломок оселка и глиняная обмазка. Датируется эпохой бронзы и раннего железного века (Добровольский 1925).

77. Репринское поселение (городище). Расположено южнее с. Ингулец, на мысе древней балки и левого берега р. Ингулец. Открыто В.М. Ястребовым в 1897 г. Обследовалось В.И. Гошкевичем (1909 г.), Ю. Крысиным (20-е гг. XX в.), В. Бадером (1950 г.), М. Оленковским (1972-2003 гг.), Ингульской экспедицией (1974 г.). На поверхности видны остатки рва и вала. В 1984 г. Я.М. Гершкович и в 2013 г. К.В. Горбенко провели здесь раскопки. Обнаружены полуземлянки и разнообразный археологический материал, который датирует памятник белозерской культурой (Оленковський 1993, 13).

78. Садовое I. Расположено на пологом мысообразном склоне плато правого берега р. Ингулец, возле с. Садовое. Открыто Ингульской экспедицией в 1974 г. Площадь около 6 га, культурный слой до 0,5 м. На поверхности видны остатки каменных сооружений. Собраны фрагменты лепной керамики в виде горшков, банок, мисок орнаментированных валиком с вдавлениями и насечками. Также найдены обломки точильных брусков. Датируется поздней бронзой (Шапошникова и др. 1974).

79. Снигиревка II. Расположено в 0,8 км на северо-восток от г. Снигирёвка, на мысообразном выступе в пойме реки. Открыто Ингулецкой экспедицией в 1951 г. Обследовано Ингульской экспедицией в 1974 г. При зачистке был выявлен культурный слой мощностью 0,4-0,5 м. Найдены фрагменты сосудов баночного типа и горшков. Украшены налепными валиками, расчленёнными пальцевыми вдавлениями. Горшки имеют короткий венчик. Датируется эпохой поздней бронзы (Славин 1951; Шапошникова и др. 1974).

80. Снигиревка III (Сад Снигового). Находится в 200 м на северо-восток от северной окраины г. Снигиревка, на пологом склоне правого берега р. Ингулец, справа от дороги на Павло-Марьяновку. Открыто А.В. Добровольским в 1925 г. Неоднократно обследовалось сотрудниками НКМ и ХКМ. Площадь поселения примерно 14 га, культурный слой до 0,8-1,0 м, распахивается. Собран подъемный материал. Датируется средневековьем, эпохой поздней бронзы (30 фрагментов керамики) и ИКК (Добровольский 1925).

81. Снигиревка IV (Больница и усадьба Шаповалова). Находится в южной части г. Снигиревка, на территории районной больницы, на пологом склоне правого берега р. Ингулец. Открыто А.В. Добровольским в 1923-1925 гг. Обследовано Ингульской экспедицией в 1974 г. Площадь поселения 2 га, культурный слой достигает 0,6 м. Собрано около 100 фрагментов лепной керамики, каменные орудия и пряслице. Датируется позднескифской и белозерской культурами (Добровольский 1925; Шапошникова и др. 1974).

82. Старокондаково. Расположено на юг от с. Новокондаково, на левом берегу р. Ингулец. Открыто экспедицией ОАМ в 1951 г. На поселении проведены небольшие раскопки, в результате которых найдены остатки жилого помещения с печью, фрагменты керамики, украшенные валиком и верёвочным орнаментом. Датируется эпохой поздней бронзы (Єсипенко 1956, 204).

83. Ясная Поляна I. Расположено в 500 м на юг от с. Ясная Поляна, на высоком левом берегу р. Ингулец. Открыто Ингульской экспедицией в 1976 г. Площадь поселения 1,5 га, культурный слой 0,2-0,5 м. На поверхности видны остатки каменных сооружений. Собраны фрагментированные баночные сосуды, горшки с гладким валиком и расчлененным орнаментом, миски, жаровни. Также обнаружены обломки ступки, зернотерки, а также растиральники, боласы и отбойники. Датируется поздней бронзой (Шапошникова и др. 1976).

Виривчаная балка

84. Гуляйгородок I. Расположено на западной окраине с. Гуляйгородок, на террасе левого берега Виривчановой балки, частично занято огородами. Открыто экспедицией ГИОПК в 2003 г. Площадь поселения 0,7 га, культурный слой не определен. На поверхности встречаются известняковые камни. Собраны фрагменты лепной керамики, растиральники, боласы, кремневое орудие. Датируется поздней бронзой (Лобко, Снитко 2003).

85. Любимовка I. Местонахождение находится в 1 км на север от с. Любимовка, на надпой-

менных террасах левого берега Виривчановой балки. Открыто экспедицией ГИОПК в 2003 г. Площадь 0,35 га, культурный слой не определен. Собраны мелкие фрагменты лепной керамики. Датируется поздней бронзой (Лобко, Снитко 2003).

86. Червоная Долина. Находится на южной окраине с. Червоная Долина, на левом склоне Виривчановой балки. Открыто В.И. Никитиным в 1971 г. Площадь и культурный слой не определены. Собрано 33 фрагмента лепной посуды. Датируется эпохой поздней бронзы (Гребенников, Яценко 2012, 42-43).

87. Широкое II. Расположено в 2 км на северо-запад от с. Широкое, на террасе правого берега Виривчановой балки. Открыто экспедицией ГИОПК в 2003 г. Площадь 0,7 га, культурный слой не определен, распахивается. Собраны фрагменты лепной керамики, каменной зернотерки и кости животных. На поверхности встречаются известняковые камни. Поселение двухслойное: черняховская культура и поздняя бронза (Лобко, Снитко 2003).

Практически на всех поселениях встречаются фрагменты амфор от архаического до римского периодов античной культуры.

Библиография

Борисова, Борисов 2018: Т.А. Борисова, А.В. Борисов, Археологічні пам'ятки біля с. Сергіївка на Миколаївщині (за матеріалами А.О. Сікорського). Магістеріум 70, Археологічні студії, 2018, 59-66.

Борисова, Борисов, Борисов 2017: Т.А. Борисова, А.В. Борисов, Д.В. Борисов, Сікорський Анатолій Олексійович – дослідник археологічних пам'яток Повисуння. Магістеріум 67, Археологічні студії, 2017, 111-115.

Гребенников, Яценко 2012: В.Б. Гребенников, С.М. Яценко, Пам'ятки археології Снігурівського району (Миколаїв 2012).

Гребенников, Яценко 2017: В.Б. Гребенников, С.М. Яценко, Пам'ятки археології Березнегуватського району (Миколаїв 2017).

Гребенников, Яценко 2018: В.Б. Гребенников, С.М. Яценко, Пам'ятки археології Казанківського району (Миколаїв 2018).

Гребенніков, Гребенніков 2007: Ю.С. Гребенніков, В.Б. Гребенніков, Археологічна розвідка в Казанковському районі Миколаївської області. Ємінак. Науковий щоквартальник 1 (липень-вересень), 2007, 15-28.

Добровольский 1923: А.В. Добровольский, Древние земледельческие поселения по берегам Ингульца. Вісник Одеської Комісії Краєзнавства 2-3, 1925, 78-79.

Єсипенко 1956: А.Л. Єсипенко, Археологічні розвідки Одеського музею у 1950-51 рр. Археологічні пам'ятки 6, 1956, 203-204.

Лобко, Снитко 2003: О.Г. Лобко, І.О. Снитко, Звіт про археологічну розвідку Березнегуватського, Єланецького, Новобузького та Снігурівського районів у 2003 р. НА ИА НАНУ, 2003/26.

Оленковський 1993: М.П. Оленковський, Пам'ятки середньої та пізньої бронзи. В: Археологічна карта Нижньодніпровського регіону (Херсон 1993).

Сикорский и др. 1997: А.А. Сикорский, В.И. Никитин, В.Ф. Елисеев, В.Н. Клюшенцев, Памятники Повисунья. В сб.: (Отв. ред. В.Н. Клюшенцев) Сабатиновская и срубная культуры: проблемы взаимосвязей востока и запада в эпоху поздней бронзы (Киев-Николаев-Южноукраинск 1997), 98-108.

Славин 1951: Л.М. Славин, Археологические исследования в районе Ингулецко-Бугского междуречья в 1951 г. НА ИА НАНУ, 1951/7.

Снытко, Гребенников 1986: И.А. Снытко, В.Б. Гребенников, Отчет экспедиции НКМ о разведках и охранных раскопках на территории Николаевской области в 1986 г. НА ИА НАНУ, 1986/108.

Шапошникова и др. 1974: О.Г. Шапошникова и др., Отчет о работе Ингульской экспедиции в 1974г. НА ИА НАНУ, 1974/12.

Шапошникова и др. 1976: О.Г. Шапошникова и др., Отчет о работе Ингульской экспедиции в 1976 г. НА ИА НАНУ, 1976/7.

Aşezări din epoca bronzului în bazinul râurilor Visun – Inguleţul Inferior

Cuvinte-cheie: bronz târziu, aşezări, staţiuni, Visun, Dobraya, Inguleţ, Virivchanaya balka.

Rezumat: Prezentul articol încheie seria de publicaţii despre monumentele din epoca bronzului târziu, amplasate între râurile Tiligul şi Inguleţ. Cercetările anterioare au apărut în revista *Tyragetia* în anii 2018 şi 2019. Această lucrare completează esenţial harta arheologică a monumentelor din epoca bronzului târziu din nordul Mării Negre. Aici este prezentată lista tuturor aşezărilor şi staţiunilor cunoscute către anul 2020, precum şi o scurtă istorie a cercetărilor lor.

Ilustraţie:

Fig. 1. Harta siturilor din epoca bronzului târziu din bazinul Visuni - Inguleţul Inferior. Numerele de pe hartă corespund numerelor din text.

Late Bronze Age settlements in the Visun and the Lower Ingulets rivers basin

Keywords: Late Bronze Age, settlements, sites, the Visun, the Dobraya, the Ingulets, the Virivchanaya Creek.

Abstract: This work continues the series of publications on Late Bronze Age sites published in the Tyragetia journal in 2018 and 2019. It significantly complements the archaeological map of the late Bronze Age sites of the Black Sea region. The publication provides a list of all settlements and sites known by 2020, as well as a brief history of their research.

Illustrations:

Fig. 1. Map of the Late Bronze Age settlements of the Visuni and the Lower Ingulets rivers basin. The numbers of the sites on the map correspond to the numbers of the sites in the text.

28.01.2020

Виктор Гребенников, Государственная инспекция по охране памятников культуры в Николаевской области, ул. Декабристов, 34/1, г. Николаев, Украина, https://orcid.org/0000-0002-7689-1175, e-mail: grebennikov.v2013@yandex.ru

ABOUT APPEARANCE OF MEGA-HILLFORTS IN THE UKRAINIAN FOREST-STEPPE IN THE EARLY SCYTHIAN TIME: THE SEARCH FOR AN EXPLANATORY MODEL[1]

Marina Daragan

Keywords: Early iron age, hillforts, fortification, burial construction, Scythian, labor costs.

Ancient mega constructions are always a bright, unusual and somehow even mysterious phenomenon that stands aside from other ordinary manifestations. In Eastern Europe, on the territory of the Ukrainian forest-steppe region, this phenomenon included giant hillforts of the Scythian period with the internal area from 70 to more than 5000 hectares. Undoubtedly, the genesis of the huge constructions was caused by certain historical collisions; however, their clues involve currently much guesswork. But a scholar might offer his own explanatory models with reference to this phenomenon. And this is the essence of archaeological science. It should be noted that the concept "mega" is essentially an abstract term. One should raise a question: "mega" compared to what? "Mega" with regards to the fortifications of the preceding periods erected on this particular territory before the emergence of the phenomenon in study? This same approach should be applied at the comparison to the fortified settlements dated to later periods.

The phenomenon of mega-hillforts has no direct chronological or cultural predecessors. Strictly speaking, the tradition emerged practically from the ground up[2].

Opposite to the contemporaneous and earlier sites, the Dnieper region mega-hillforts of the Early Iron Age are characterized by huge internal space – not always habitable – limited by a complex and elaborated defensive system.

The essential question that the researcher should raise: what was the purpose of building that kind of mega-hillforts, requiring enormous physical and apparently also material resources? A widespread and seemingly obvious explanation is an external threat. However, the answer to this question is not as simple as it seems to be at first glance.

Few words about the proposed options. It should be noted that according to the existing historiographical tradition, the emergence of the mega-hillforts in the forest-steppe region was caused by military threats, as a response (reaction) to the Scythian invasion (Ильинская, Тереножкин 1983, 282). This provision implies two different chronological approaches.

The first, it is believed that the hillforts were built in response to the likely menace of a Scythian invasion, i.e., it was a preventive measure.

The second, they are assumed to be created after the Scythian invasion and after the Scythians conquered the population of the Forest-Steppe under the strict guidance of the Scythians themselves, or rather some Scythians who lived in the forest-steppe region, against others who lived in the steppe (see, for example, Скорый 2002, 72 and about "shades of different concepts" - Дараган 2011, 740-750).

One of the extreme variants of this explanatory model is the concept of V.Yu. Murzin and R. Rolle.

[1] Research is supported by Alexander von Humboldt Stiftung, theme "Assimilation and transformation of the space at the end of the Bronze Age - Early Iron Age in the Northern Black Sea Coast: geo-information analysis of the transformation of settlement and burial structures".

[2] About dynamics of transformation of space in the Forest-Steppe region (on the example of the right bank of the Dnieper). In the Bronze Age separate fortifications exist in the region. The situation changed dramatically at the turn of the Late Bronze - Early Iron Age, when in X-IX centuries BC the compactly arranged typical fort-hills of Chernoleskaja culture appeared here. These fort-hills are small (up to 0,1 hectare). But approximately in the early VIIIth century BC, on the beginning of Zhabotyn phase, the life of settlements of Chernoleskaja culture ends and the new villages located at watersheds and plateau appear. These settlements have area up to 100 hectares; no traces of large-scale earthworks are registered there. New hillforts with huge earth fortifications appear in the region somewhere in the middle of VIIth century BC (Дараган 2011, 50-62).

The authors believe that the hillforts were built under the strict control and guidance of the Scythians, who, after the completion of the Near-Asian campaigns at the end of the VII-VI centuries BC became the dominant force in the entire Northern Black Sea region, conquered a number of forest-steppe territories and were "carriers of the political power that organized and carried out the construction of large settlements of the Forest-steppe by the forces of the subordinate population".

They explain the presence of large sites free of development on the territory of the hillforts by the fact that there were "tents and nomad tents" there.

The built-up areas of such settlements were inhabited by the local population, supplying food and handicrafts to nomads" (Мурзін, Ролле 1996, 181-182).

Ultimately, they proclaim that these hillforts could represent the residence of the Scythian kings (Мурзин, Ролле 1998) on the example of the Belsk settlement.

The most consistent opponent of the concept of the Scythian conquest of the population of the Forest-Steppe is B.A. Shramko.

He believes that everything was exactly the opposite and "the existence of an extensive system of fortifications, which served as protection against sudden invasions of nomads, is itself convincing evidence of the independence of the forest-steppe tribes, the existence of independent of the Scythians political organizations, which had sufficient economic opportunities to develop and maintain in fighting trim this powerful system of fortifications" (Шрамко 1999, 50).

He also stressed, for example, that "in the Belsk hillfort trace of the steppe nomads was not found, and the question against whom the Scythians (who had already conquered the population of the Forest-Steppe) were supposed to defend themselves on this hillfort (as well as on many other forest-steppe hillforts), is passed over in silence.

Finally, the total lack of any particular evidence of the relocation of nomadic pastoralists away from the newly conquered fertile steppe, which is good for nomadic pastoralism, to the much worse for nomads areas, but suitable for farmers in the Forest-Steppe, is striking" (Шрамко 2003, 49-51).

In terms of the status of these fortifications, they are a priori assumed to be centers of tribal alliances-cities city-states as the major political, economic and religious centers of the population within the vast forest-steppe area (Скорый 2002, 68; Болтрик 1993, 40-41 and for more detailed description of historiography and the problem, see Дараган 2010a; Дараган 2011).

Belsky hillfort B.A. Shramko identifies with the city of Gelon with such political structure: "Most likely, oligarchy dominated in local society, the will of which was carried out by the «tsar», limited by some collective body of representatives of the top society, divided into certain classes" (Шрамко 1987, 30). The population of such a city is considered to be about 40-50 thousand people (Шрамко 1984, 225).

Yu. N. Boyko examines the Belsk hillfort within the framework of the Belsk regional system with an area of 2,740 sq. m. km and calculates an approximate figure characterizing the demographic potential of the region – it is about 120 thousand people (Бойко 1994, 30). S.S. Bessonova suggests that the population of the Motroninsky settlement exceeded the conventional "city value", which amounted to 5,000 people (Безсонова 2002, 22-32).

According to another point of view, the mega hillforts were places of refuge for tribal unions in case of danger, and the rest of the time most of their territory was empty (Artamonov 1947; Ильинская, Тереножкин 1983, 260).

Mega-hillforts of the Ukrainian Forest-Steppe. State research. There are 11 ancient hillforts that can be counted nowadays among the giants, the area of which ranges from 70 hectares to almost 5000 hectares. These are Nemirov, Trakhtemirov, Motronin, Chmyrev, Zhurzhyntsy, Komarovo, Morintsy, Tarashcha, Khodosovka, Basov, the Large Belsk (fig. 1)[3].

[3] Some researchers consider four settlements located at a relatively close distance from each other on the right bank of the Dnieper: Pastyrskoye, Budyansk, Buda-Makeevskoye and Sharpovskoye as a one giant hillfort, it is assumed that they could be united by a single shaft system (Болтрик 1993). But there is no evidence to support this idea. Another supposed giant, the Karatulskoe hillfort, is located on the Left Bank of the Dnieper in the Terras Forest-Steppe region. "Hillfort" was marked out by B.A. Shramko in 1966 after carrying out reconnaissance on the "serpent shafts" of ancient Russian time. He suggested that the ramparts in the region form a giant hillfort of the Scythian period with the "system of the location of the shafts typical of the Left Bank"

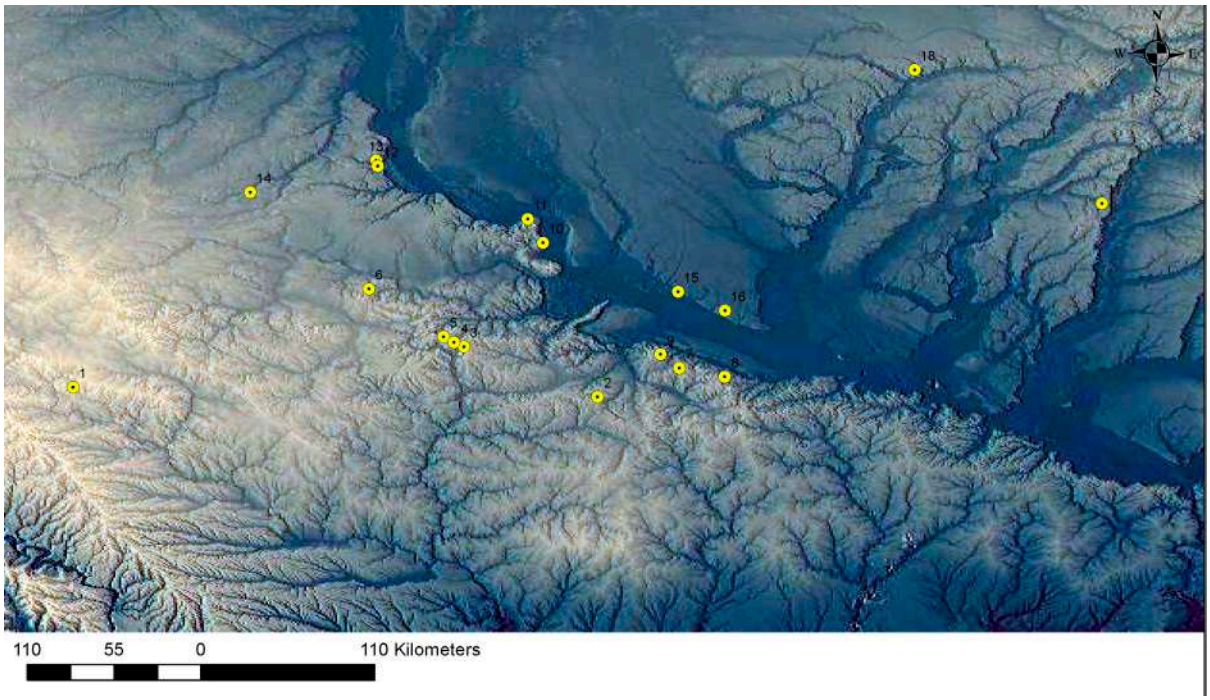


Fig. 1. Mega hillforts and some hillforts with area from 20 ha in the Ukrainian Forest Steppe region: 1 - Nemirov; 2 - Pastyrskoye; 3 - Morintsy; 4 - Komarovo; 5 - Zhurzhyntsy; 6 - Tarashcha; 7 - Motronin; 8 - Chmyrev; 9 - Pliskachevskoye; 10 - Виха; 11 - Trakhtemirov; 12 - Khodosovka; 13 - Khotov; 14 - Mlynok; 15 - Krut'ky; 16 - Vasyutintsi; 17 - Belsk; 18 - Basovskoye.

Comparatively large excavations were carried out at Motronin, Trakhtemirov and Large Belsk hillforts (Western and Eastern fortification). In the Nemirov, Tarashcha, Basov, Hodosov, Mlinok – small excavation. Zhurzintzi, Komarov – no excavation. The fortification was studied at Trakhtemirov, Nemirov, Motronin and the Large Belsk hillforts (more detailed and with all the literature - Дараган 2017a; Дараган 2017b).

The diametrically opposite interpretations of the status of mega hillforts, as well as the reasons for their construction, are associated with relatively weak (in relation to their area) extent of archaeological researches, as well as highly contradictory (or incomplete) data on their location, size and the situation in the nearest neighbourhoods.

At the same time, it is quite obvious that the actual archaeological methods (i.e. excavation) in the foreseeable future will not bring us closer to the answers to these questions since the archaeological study of such areas requires a very long time and significant costs, i.e. it is almost impossible, and perhaps inappropriate.

Meanwhile, it is logical that the primary and unifying aspect of their study should be the disclosure of various problem situations related to the location of monuments, their planning, metric parameters, determining the nature of settlement sites, the type of their fortifications. For this, it is necessary to create multifactor, high-precision models of monuments in the context of the surrounding landscape and cultural situation.

Such models are used as the basis for carrying out a number of research procedures, including allowing to clarify the relationship between the spatial conditions within which certain monuments were constructed and material costs/resources that were directed to their implementation.

and the total perimeter of the hillfort is 83 km 815 m (Шрамко 1966, 41-45). The following parameters can be found in publications: "the total perimeter of the settlement ... is 84 km, it was surrounded by a small (about 16 km long) and a large (more than 44 km long) ramparts (Фиалко 1994, 120); it is a fortification with an area of approximately 17×25 km with a total length of shafts of 74 km (Мурзин, Ролле 1998, 36) or a fortification with an area of more than 6000 hectares (Скорый 2002, 68). I can note as well that no additional research has been carried out in this area. However, as it later turned out, this system of ramparts is irrelevant to the Scythian time and, therefore, it is not a Scythian hillfort. The network of ramparts known in this region is included in the system of Serpent ramparts of Old Russian time, which was confirmed by their excavations (Роздобудько, Тетеря 1997, 140; Вовкодав 2014).

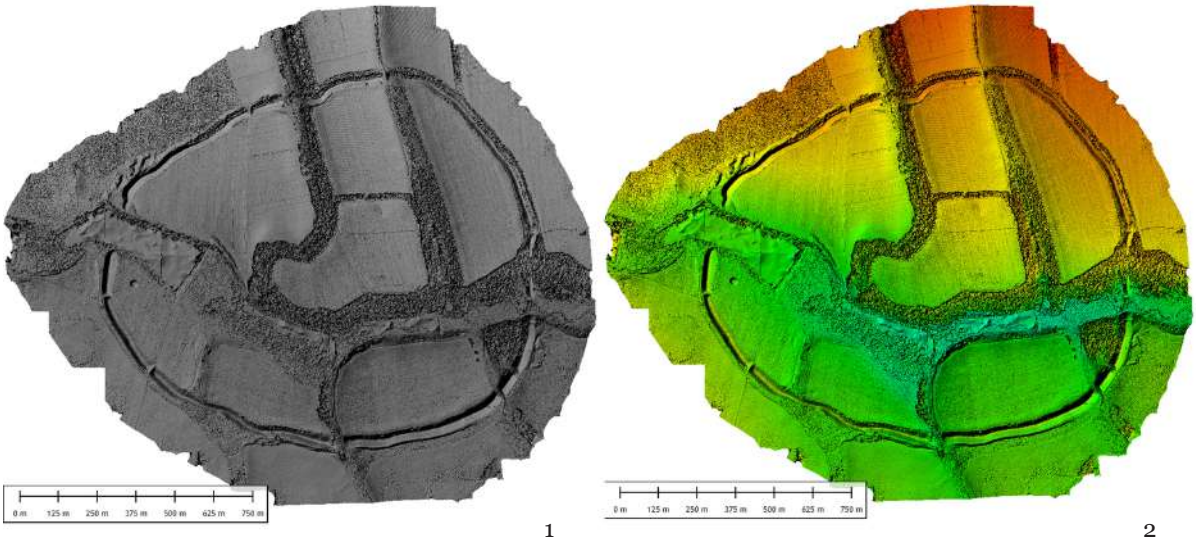


Fig. 2. Nemirov hillfort. 1 - Orthophotograph; 2 - digital terrain model (by M. Daragan, Iu. Svoysky).

The spatial analysis of the choice of residence in combination with the analysis of the settlements fortification reveals the adaptive strategy of society and is a clue to understanding the social structure of society, its military doctrine.

An effective tool for solving the problem is a complex of non-invasive research methods, including geo-information and geophysical technologies. A series of similar works were performed on the hillforts of the Scythian epoch, both giants and those with an area of less than 100 hectares (Дараган, Бондарь 2017).

In order to obtain visual and analytical information on the hillforts, a series of geoinformation studies has been conducted on them, including tacheometric surveys (Nemirov and Motronin hillforts). Photogrammetry has been used on open-spaced areas. Digital models of the terrain of two hillforts, Western Belsk and Nemirov, were created applying the photogrammetric processing of UAV imagery (Дараган, Свойский 2018). By these considerations, I have chosen Nemirov, Motronin and Western Belsk hillforts as model ones for my review. Trachtemirov hillfort was added because of some investigations with the results which are important for the interpretation of constructing time of fortification.

Nemirov hillfort (Middle Bug area). The oval-shaped hillfort with dimensions 1.5×1.2 km, is located on both banks of small Mirka river. Its area is 123 hectares, the perimeter of fortifications is just over 4 km (fig. 2). The rampart surrounding the site has eight breaks, of which six are natural. The modern rampart's height on the outside exceeds 7 m, in some portions – up to 10 m, while on the inner side – mostly 4-5 m, however, some portions have more than 7 m. The width of the rampart is 30-35 m. The depth of the ditch is 3-4 m, width in the upper part – up to 26 m and more. The total difference in height between the rampart and the ditch is about 8-10 m and more. The length of the outer slopes of the ramparts being measured the bottom of the ditch to the top of the rampart makes an average of 25 m, but in some areas, it reaches 28 m. The angle of ascent along both the outer and inner slopes of the southern part of the fortification is 37-45° (fig. 3).

The hillfort contains small internal fortification with an area of 12.5 hectares, located in the center of a large one. The width of the ditch from the northern side of the inner fortification reaches 6.5 m, and the depth is 3 m. The height of the rampart is up to 2 m. The rampart is lower on the eastern and western sides. A steep path up to 70 m long leads to internal fortification from the south, from the side of the river.

Chronology and populating. Two dugouts of the middle of the VII and the beginning of the VI century BC were excavated on the internal fortification. There is no data on how this portion of the

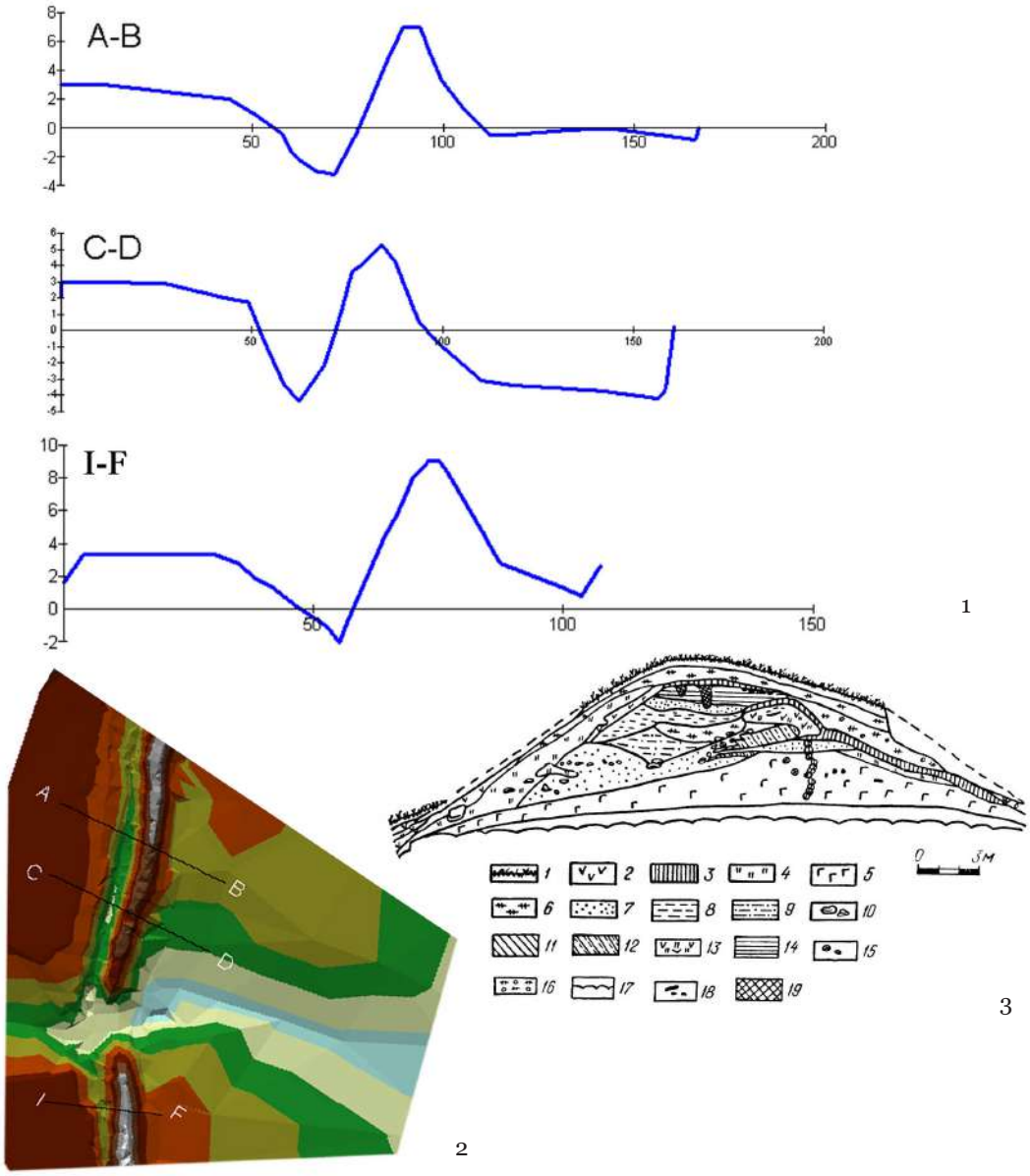


Fig. 3. Nemirov hillfort. Fortification: 1, 2 - 3D-model and profile (by M. Daragan); 3 - section of defensive system. Legend to the section: 1 - sod; 2 - chernozem; 3 - grey soil; 4 - yellow clay; 5 - dark-grey clay; 6 - light-grey clay; 7 - coarse-grained sand; 8 - layers of red and yellow clay with sand; 9 - clay with coarse-grained sand; 10 - rocks; 11 - light-gray soil; 12 - dark-grey soil; 13 - grey soil mixed with red and yellow clay; 14 - layers of clay and coarse-grained sand; 15 - remnants of horizontal pillars; 16 - red clay; 17 - bedrock; 18 - burnt wood; 19 - infill of pits (after Моруженко 1975).

hillfort was occupied. The magnetic survey was performed at an area adjacent to the outer rampart of the large fortification (to the west of the central entrance to the hillfort). A small number of magnetic anomalies, which could be caused by archaeological objects, was determined, which may indicate that the territory behind the rampart was not fully occupied. This is also evidenced by the excavations (Дараган 2017a).

No other settlements, burial grounds or individual kurgans of Scythian time are located in the near vicinity of Nemirov hillfort.

Motronin hillfort (Middle Dnieper area). It is located on the Kholodny Yar plateau surrounded from all sides by deep gullies. The upper portions of two gullies from which a spring and a small river have their sources are included

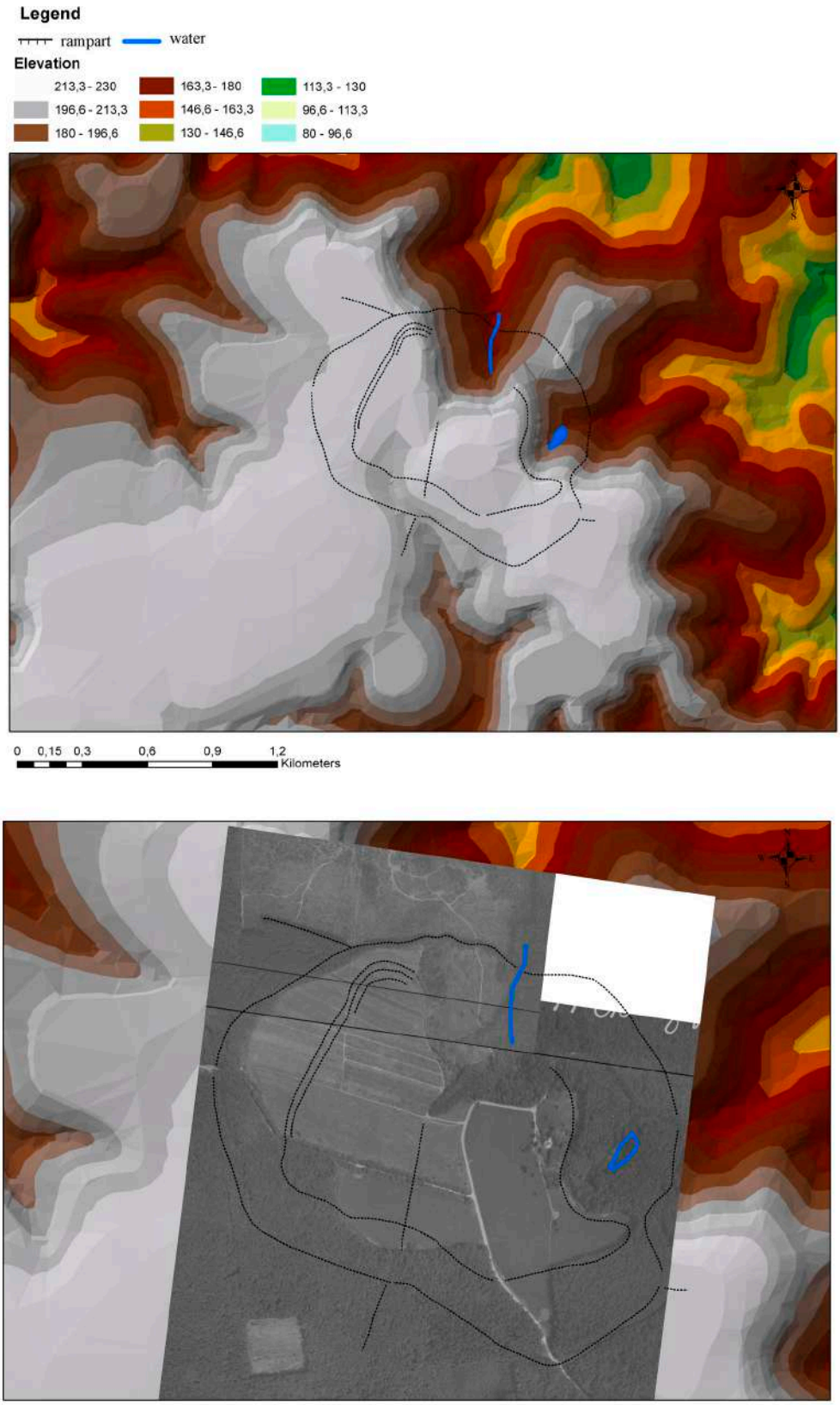


Fig. 4. Motronin hillfort. Plan: 1, 2 - aerial image from 1981; 3 - digital terrain model (TIN) (by M. Daragan).

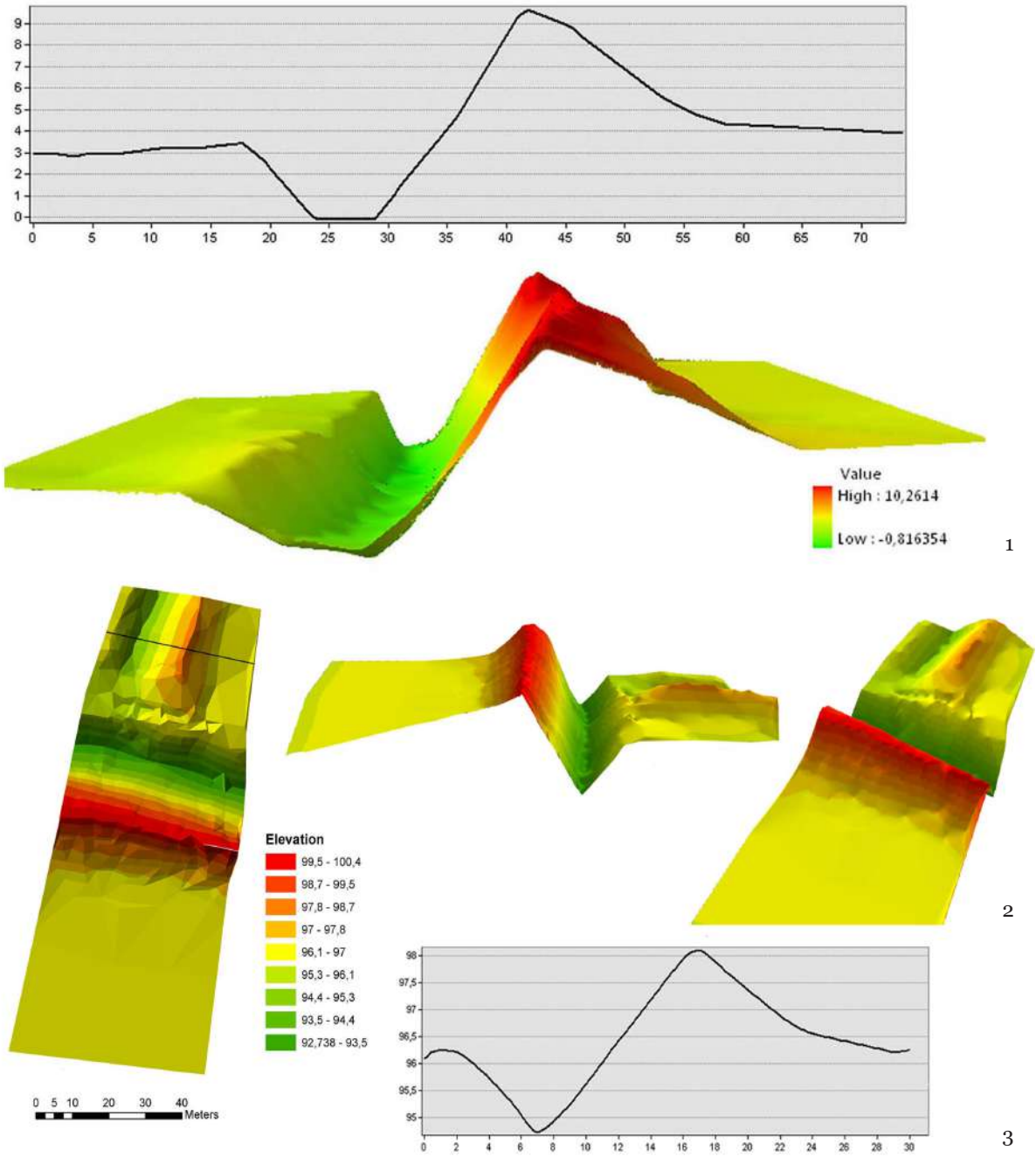


Fig. 5. Motronin hillfort. Western portion of fortification: 1 - 3D-model and profile; 2 - 3D-model of the western portion of fortification with additional line, adjoining from the northern-west; 3 - profile of the north-western portion of the additional fortification line (by M. Daragan).

into the structure of the hillfort. The area of the hillfort is 106 hectares. The hillfort is surrounded by a complex system of ramparts and ditches. An external fortification line formed by the rampart and the ditch surrounds the site along the entire perimeter, about 4 km long (fig. 4). The rampart and the ditch go along flat terrain and descend to the bottom of gullies. There are four breaks in the fortification line. The modern height of the rampart reaches 6.5-7.0 m, with a depth of the ditch 3-4 m. The rampart`s width is up to 8 m at the top and up to 25 m at the base. The descending angle of the rampart is up to 45-47° (fig. 5/1-2).

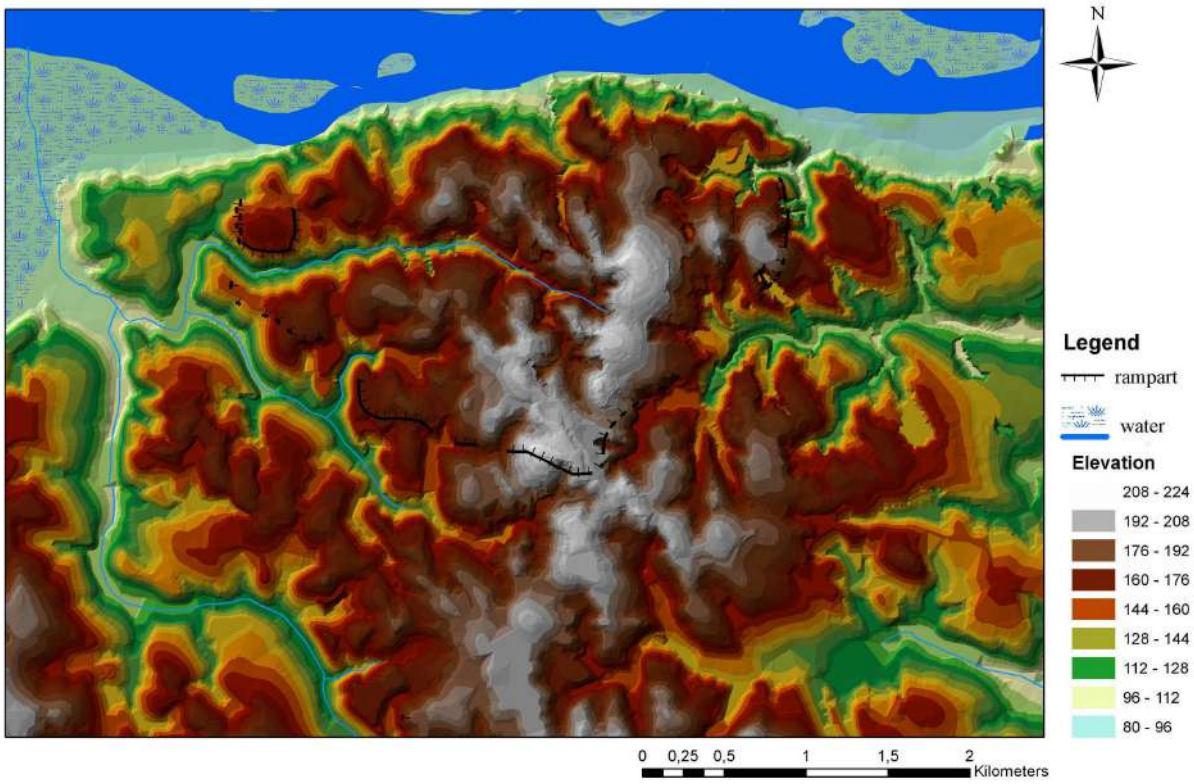


Fig. 6. Trachtemirov hillfort. Plan (TIN) (by M. Daragan).

Three small ramparts of the lengths from 50 to 330 m adjoin the outer rampart from the outer sides – from the northwest, south and east. The dimensions of the northern-western rampart segment are the following: height is about 2 m, width is about 12 m, and the depth of the concomitant ditch is 2 m with a width in the upper part up to 10 m (fig. 5/3).

There is an internal defensive line inside the hillfort, bordering the plateau with an area of about 49 hectares. In turn, the defensive line is divided into two halves by a straight segment of the rampart (or ditch) (the western area is 22.06 ha and the eastern area is 27.2 ha).

Chronology and populating. Excavations revealed complexes of the middle / second half of the VII - the beginning of the V century BC. It is believed that the cluster development predominated with an unsystematic arrangement of habitations at a distance of several tens of meters between them. Moreover, most of the excavated complexes are dated from the end of the VI - beginning of the V century BC. Slightly more than 3500 sqr. m. were investigated by archaeologists on the hillfort, but it is believed that the settlement was completely populated, with empty spaces between clusters of habitations (Бессонова, Скорый 2001, 5).

The burial ground with 60 kurgans, dated mainly to the V century BC is adjoined to the hillfort (Скорий, Безсонова 1995, 68-69; Скорый, Хохоровски 2009, 234). The nearest settlements are known in 4-5 km from the hillfort.

Trachtemirov hillfort (Middle Dnieper area). The hillfort is situated in the right brae of Dneprovsky height, formed by a bend in the form of the peninsula over Dneprovsky flood. The site on which the hillfort is arranged, practically on all area is strongly crossed by very deep ravines with abrupt breakages.

The area of hillfort is about 500 hectares. The general perimeter of a hillfort – not less than 9,8 km. The height of rampart 4-5 m, ditch deep 4 m. In the northwest part of a hillfort there is internal fortification. Its area about 14.5 hectares[4] (fig. 6).

[4] The dimensions of the internal fortification are not completely clear, as long as different works give completely di-

Chronology and populating. Excavations revealed complexes of the middle / second half of the VII - the beginning of the VI century BC. It is known, that small fortification has been occupied completely, however, as the material is not published, the building density is not known. The territory of the big hillfort has been occupied slightly. The occupation layer is revealed on separate sites on high sites of the northern and southern part of the hillfort (Петрашенко, Козюба 1999, 88; Фіалко, Болтрик 2003, 62-66).

In the area of the hillfort, another settlements and hillforts of the Scythian period (dating widely to the VII-IV century BC) are known, i.e., so far none of them is precisely correlated with the running time of the Trakhtemirov hillfort. To the south of the settlement there are the early-Scythian burial mounds.

In the area of the hillfort, another settlements and hillforts of the Scythian period (dating widely to the VII-IV century BC) are known, i.e., so far none of them are precisely correlated with the running time of the Trakhtemirov hillfort. To the south of the settlement are the early-Scythian burial mounds.

The Large Belsk hillfort. This is the largest fortification of the Scythian epoch in Eurasia. The easternmost of the giant hillforts. Its total area is 4877.6 hectares, the length of the rampart is more than 33 km. The distance between the extreme northern and southern points is 11, 600 km, between the eastern and western points – 5.9 km. As an archaeological site, it is a system of fortifications (fig. 7). Western Belsk with an area of ≈87.7 hectares (fig. 8), the length of the ramparts is 3.6 km and the Eastern Belsk with an area of 75.6 hectares, the length of the rampart is 4 km shafts. Both fortifications are united by a system of ramparts and ditches and that is commonly called the Large Belsk hillfort.

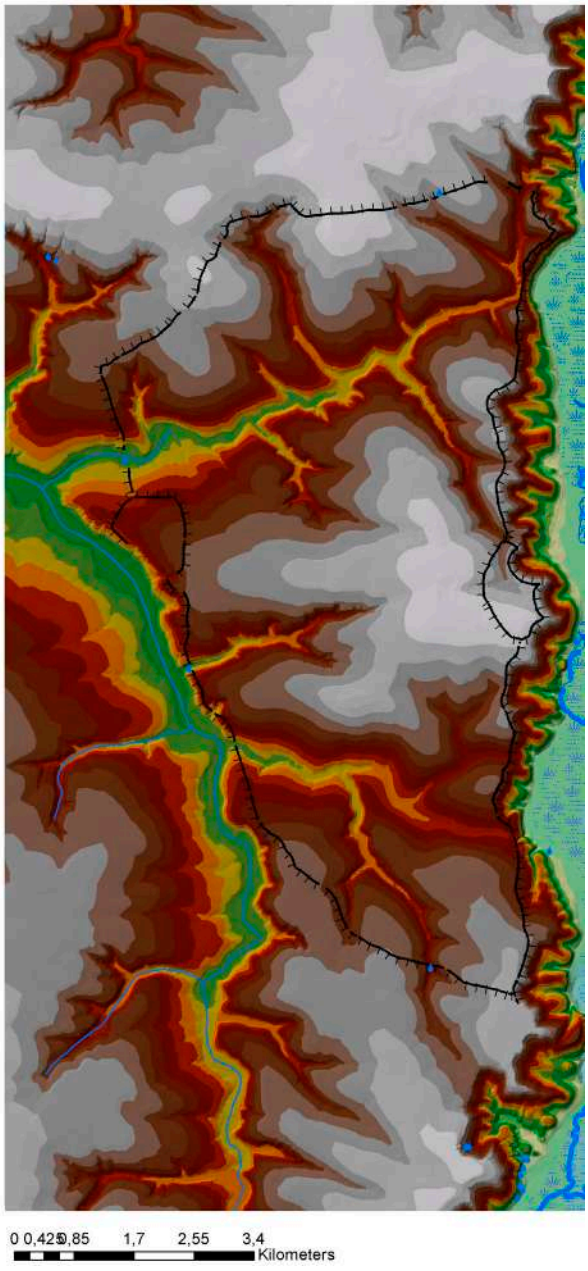


Fig. 7. The Large Belsk hillfort. Plan. Digital terrain model (TIN) (by M. Daragan).

The Large Belsk hillfort occupies a huge portion of the watershed between rivers Vorskla and Suhaja Grun. The Western Belsk hillfort is located on the slope of the plateau, whereas the Eastern Belsk, built 4.2 km from the Western, occupies three capes along the plateau of the high right bank of the river Vorskla.

The height of the ramparts on all the fortifications reaches 5-6 m, the depth of the ditch is up to 6 m, the total difference in height from the bottom of

fferent parameters. So, in one of the works of the author of the excavations G.T. Kovpanenko indicated that the area of the hill is 340×450 m (ie, 1.53 hectares) (Ковпаненко 1971, 117), in the other – 8 560 square meters (Ковпаненко, Бессонова, Скорый 1989, 15), and E.E. Fialko and Yu.V. Boltrick indicate an area of more than 182 ha (!) (Фіалко, Болтрик 2003, 9), which is completely unrealistic. If you focus on town plan compiled by G.T. Kovpanenko (Ковпаненко, Бессонова, Скорый 1989, 3), and the geo-information model of the site, you can see, in this case, that the area of internal fortification is about 14.5 hectares.

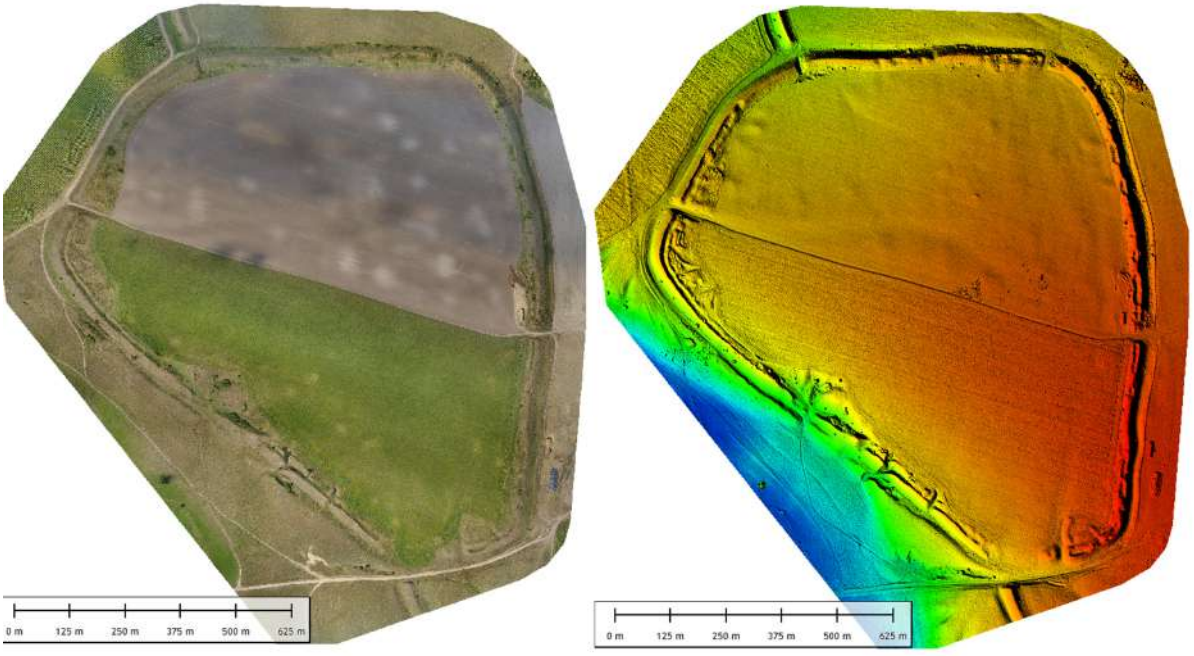


Fig. 8. Western Belsk hillfort. 1 - Orthophotograph; 2 - digital terrain model (by M. Daragan, Iu. Svoysky).

the ditch to the top of the rampart is more than 10 m (fig. 9).

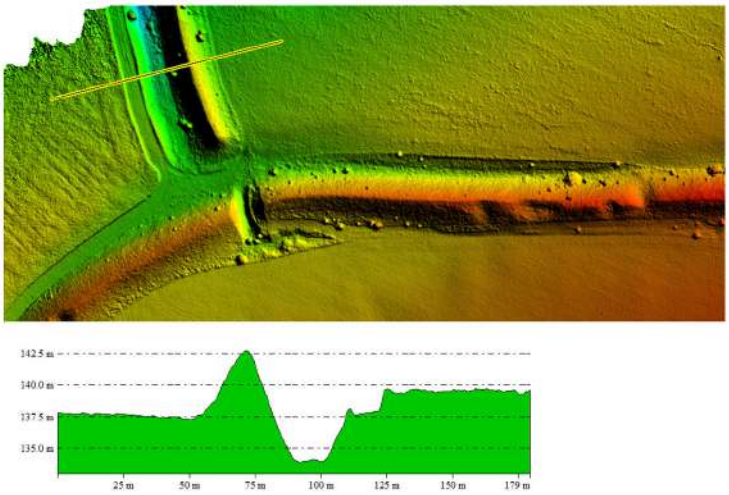
Several settlements and burial grounds were discovered on the territory of the Large Belsk hillfort and in its near outskirts (more detailed about history of investigations on Belsk hillfort – Gavrysh 2016).

Chronology and populating. The settlement in the place of Western Belsk fortification has been existing since the second half of the VIII to the first half of the V century BC. Settlement on the place of the Eastern Belsk fortification appeared not earlier than the second half of the VI century and existed until the end of the IV century BC. The archaeological remains on both sites are different. In the Western Belsk, there are ash heaps, within the limits of which various objects are investigated, whereas on the Eastern Belsk there are separate objects. The settlements were inhabited, but the density of simultaneous occupation is not clear and there are large empty spaces on the hillforts.

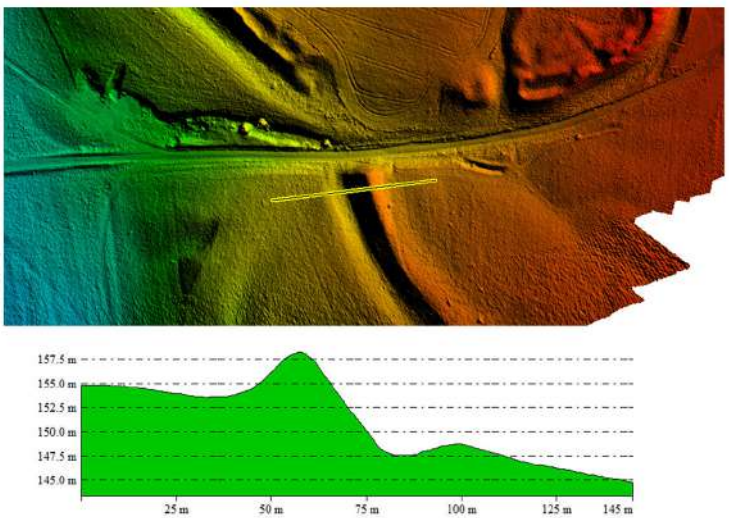
Within the Large Belsk fortification, several settlements existed at various times from the middle of the VIII and to the IV century BC. But at the same time, most of the vast space remained uninhabited.

What were the defensive systems of mega-fortifications? As a rule, the authors of publications identify three, rarely two or four, construction periods associated with the building and reconstruction of the rampart and ditch in the stratigraphic sections of hillforts. In all the episodes it remains unclear whether these were different building horizons that are associated with different construction cycles, or, as it is supposed by the majority of the author, each subsequent cycle was consequent to the preceding destruction by enemies. The researchers suggest, that each construction period reflects a new historical stage in the development of the monument (Дараган 2017).

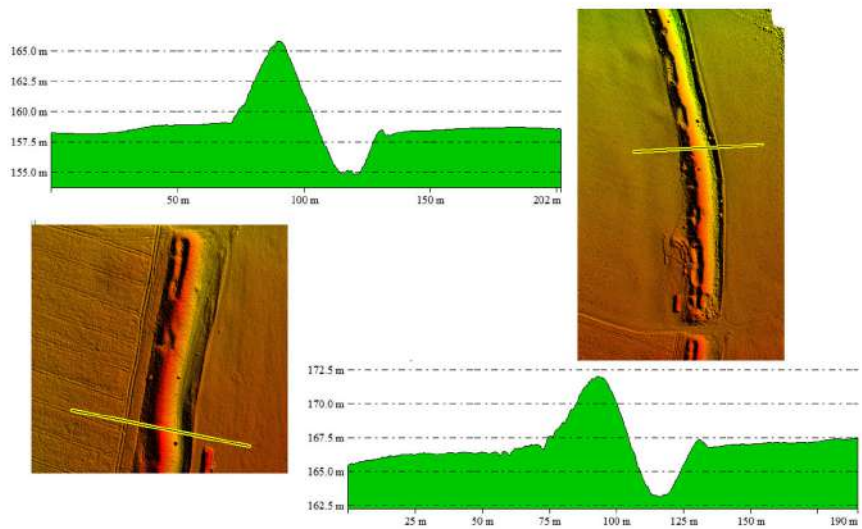
What do we see in the sections of the mega-hillforts? The construction of fortification started with the digging of groove and the subsequent constructing of a line from logs in it, so-called palisade. At Nemirov hillfort, there was not a palisade on the base but horizontal logs stacked on top of each other and some additional system of longitudinally and transversely placed logs (fig. 2, 3). In some sections of Motronin (fig. 10, 11) and the Belsk hillforts (fig. 12), as well as Trakhtemirov, wooden structures adjoining the palisade from longitudinally, transversely and put angularly logs, were identified. Additional



1

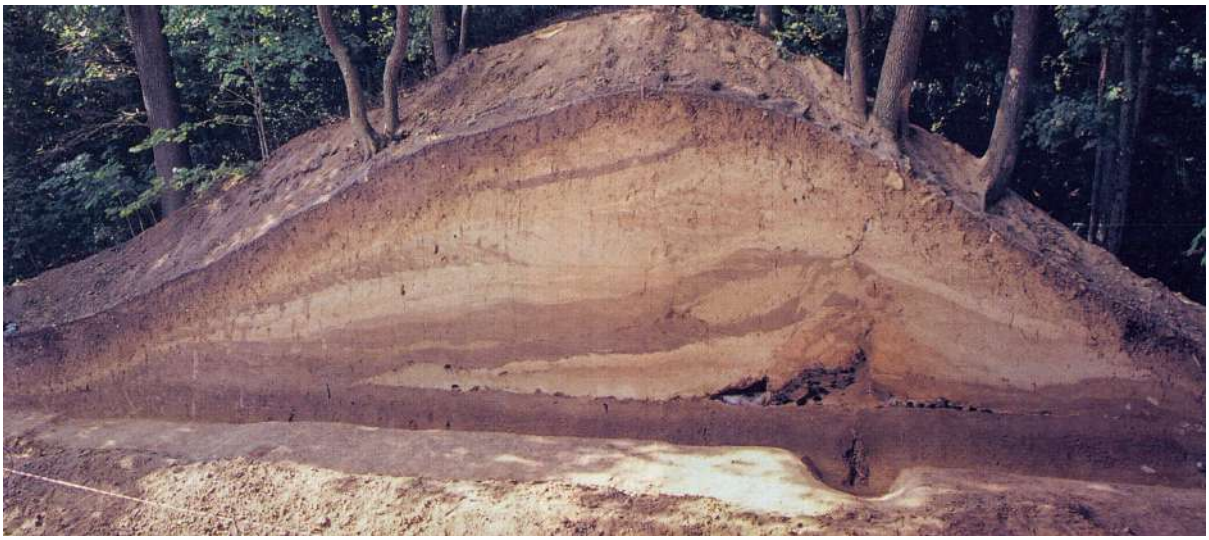


2



3

Fig. 9. The Large Belsk hillfort. 3D-model and profile: 1, 2 - the Large Belsk hillfort; 3 - Western Belsk hillfort (by M. Daragan).



1

2

3

Fig. 10. Fortification of Motronin hillfort. 1 - Section of defensive system «near the road to Zhabotin»; 2, 3 - wooden intra-rampart constructions of the first building horizon (after Chochorowski, Skory 2006, Photo 3-5).

wooden constructions were not built along all the perimeter of the hillfort. For example, at Motronin hillfort they were found at one place, but not at the other, located only 345 m to the north, were just palisade and a small pile of horizontally lying logs were unearthed (fig. 10, 11) (Chochorowski, Skory 2006, Photo 7-9).

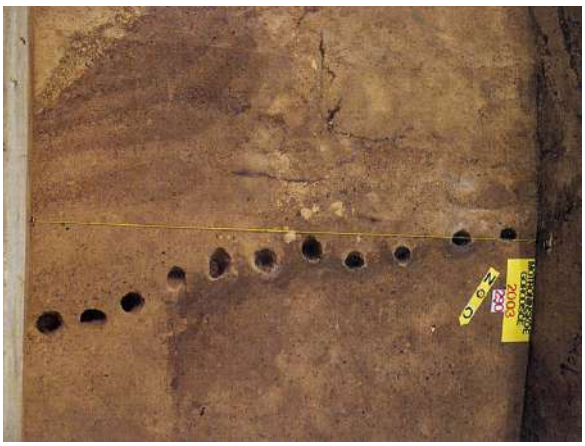
The further building actions are not always clear. In all sections, the primary rampart, adjacent to the palisade is identified (in some cases from the inner, in some – from the outer side of the hillfort) or the primary rampart could cover the palisade. The reconstruction of this building stage, as well as all the further vision of the building horizons and subsequent events, depends on the perception of the function and the relationship of the palisade with the accompanying wooden constructions (if any) and the primary rampart. As a result, different variants of reconstruction are offered.

Variant 1: The palisade (and additional wooden constructions) is an independent defensive structure. After its destruction (burning), at the next (!) stage the population began to build a rampart (fig. 13/1).

Variant 2: The palisade (and additional wooden constructions) is an element of an intra-rampart construction or part of the rampart. I.e., the rampart was either built on both sides of the palisade, and then the palisade was inside (in the center of the rampart) (fig. 13/2), or the rampart was built from one side of the palisade, and then the pali-

1

2



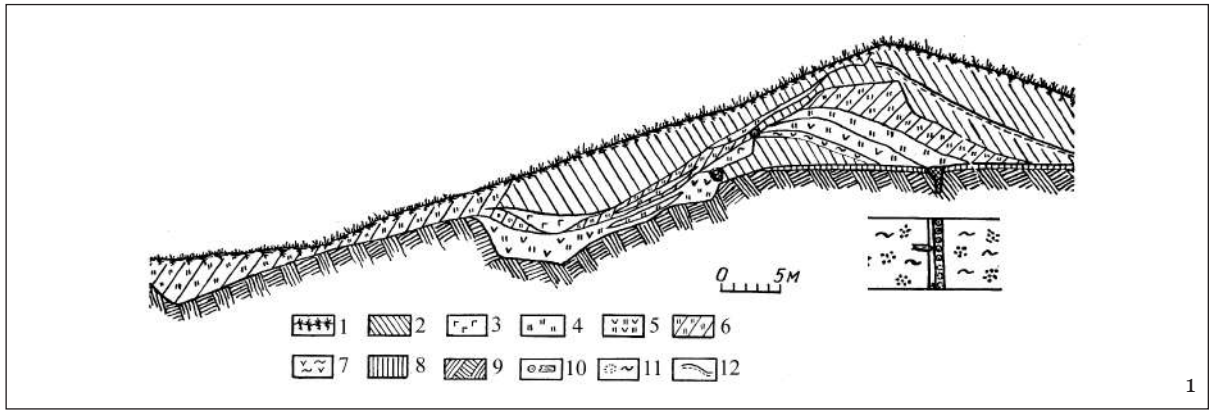
3

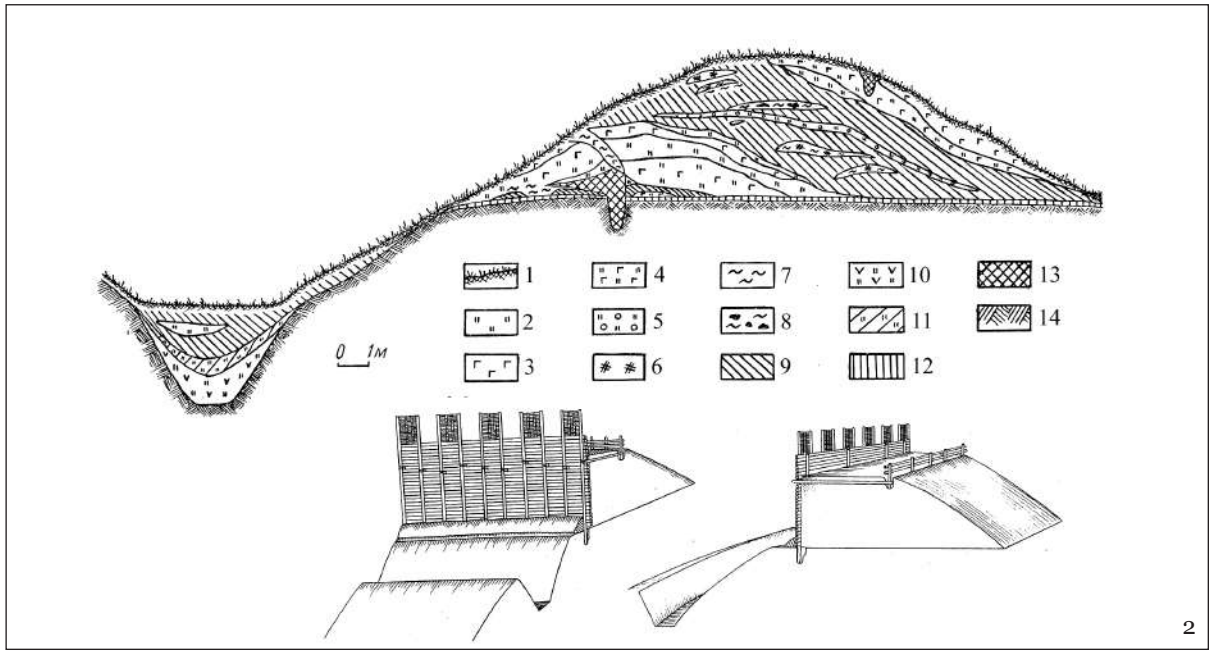
Fig. 11. Fortification of Motronin hillfort. 1 - Section of defensive system «near Hvoiko excavation trench»; 2 - view of wooden construction of the first building horizon; 2 - holles from the wooden palisade of the first building horizon (after Chochorowski, Skory 2006, Photo 7-9).

sade supported it from one side. For example, this is how the situation in the Eastern Belsk fortification is reconstructed.

As for all subsequent building stages, according to the presented stratigraphic sections, we observe mainly additional enhancing the rampart, the deepening of the ditch or its repair. Sometimes a new ditch was dug instead of the old one filled. Wooden constructions that would have to be erected in place of the burnt at the first building stage, also in most sections are not identified. It is incomprehensible how to reconstruct correctly the final version of the defensive system of any hillfort.

However, one paradox follows from the above-considered sequence: the most efforts to build defensive structures, including not only earthworks but also carpentry in the building of wooden constructions, were made exclusively at the initial, first building stage, at least in those episodes, where the researchers assume several building periods of the defensive system. All subsequent building stages involved only (or predominantly) earthworks. In any case, no traces of building wooden defensive constructions during late building stages, similar to those of the first building stage, were found. The similar features of the first building stage at all fortifications definitely indicate that the large fortifications were developed according to the same principle. There was a plan for development and it was implemented. Some manipulations were carried out with the rampart as evidenced by stratigraphy, but it is





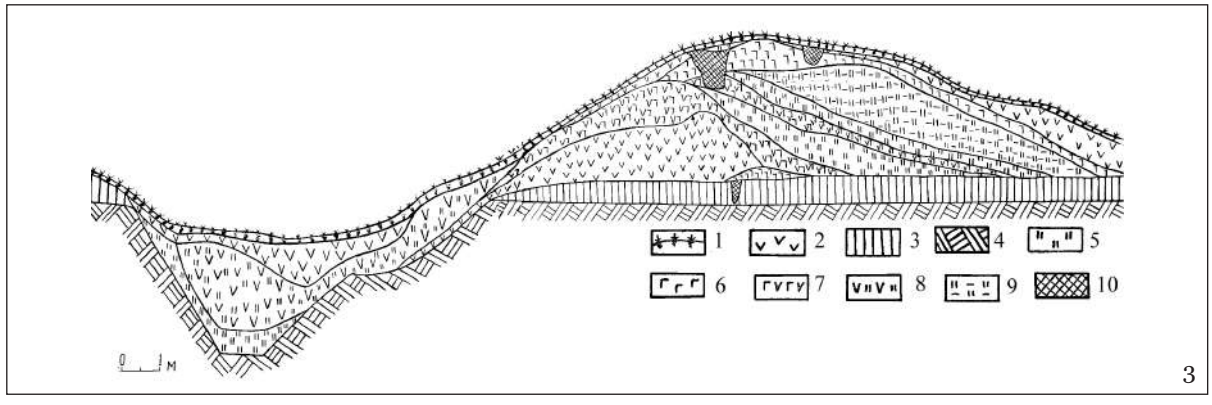
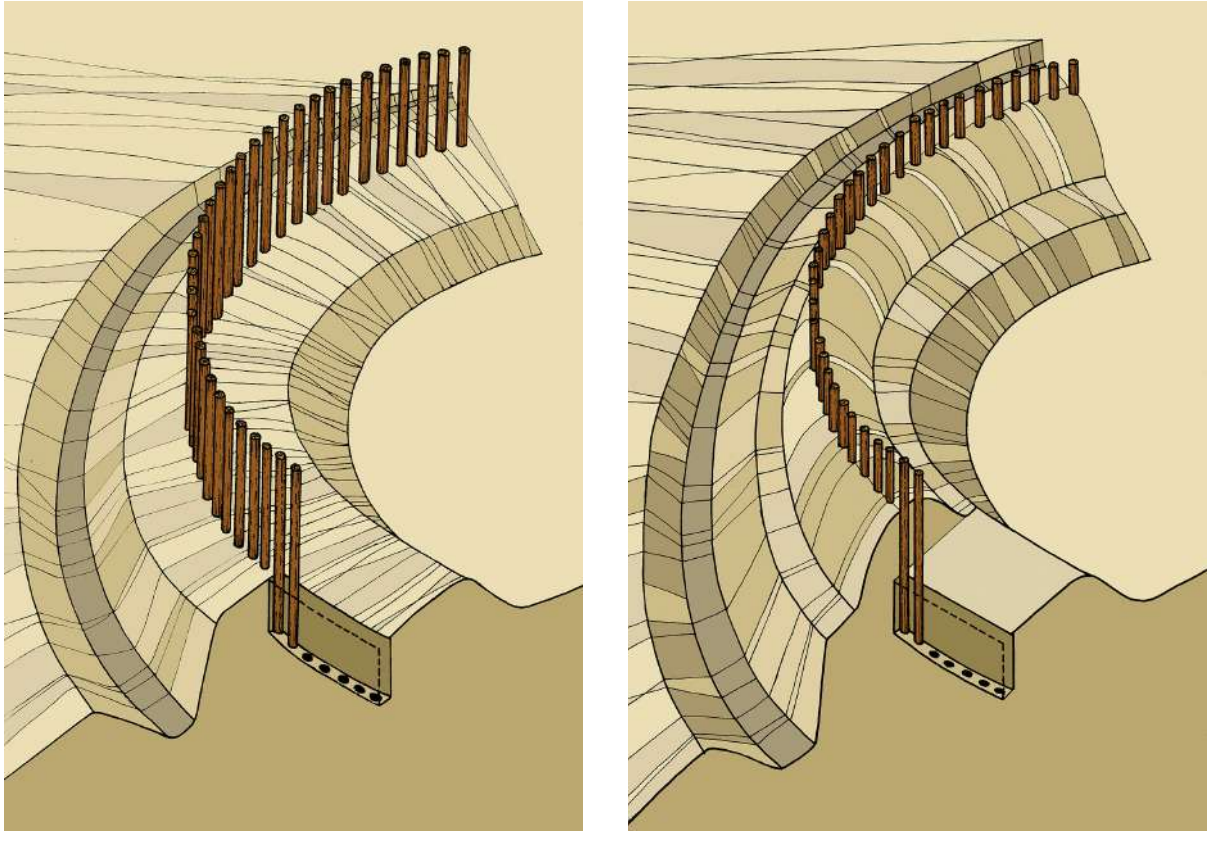


Fig. 12. Sections of rampart and ditch of Belsk hillfort. I - Western Belsk hillfort. Legend to the section: 1 - sod; 2 - chernozem; 3 - brown clay; 4 - yellow clay; 5 - clay with chernozem additive; 6 - chernozem with clay additive; 7 - chernozem with ash; 8 - buried soil; 9 - parent rock; 10 - remnants of logs; 11 - ash and coal on the surface of buried soil; 12 - interlayer of ancient sod (after Шрамко 1987, рис. 7). II - Eastren Belsk hillfort and reconstruction. Rampart cross-section and reconstruction. Legend to the cross-section: 1 - sod; 2 - yellow clay; 3 - brown clay; 4 - mixed clay; 5 - non-cemented brown clay; 6 - burnt clay; 7 - ash; 8 - coal with ash; 9 - chernozem; 10 - clay with soil; 11 - chernozem with clay; 12 - buried soil; 13 - infill of the palisade holes; 14 - parent rock (after Шрамко 1987, рис. 4-5). III - The Large Belsk hillfort. Legend to the cross-section: 1 - sod; 2 - chernozem; 3 - buried soil; 4 - parent rock; 5 - yellow clay; 6 - brown clay; 7 - clay with chernozem; 8 - chernozem with clay additive; 9 - dark-yellow clay; 10 - infill of holes (after Шрамко, Шрамко 1991, рис. 1).



1 2

Fig. 13. Reconstruction of the first building stage of fortification. 1 - Palisade; 2 - palisade with the rampart (reconstruction M. Daragan, visualization T. Menchinskaya).

hard to understand if these were repair traces or traces of improvement. In fact, we do not understand the stratigraphic step between the various stages of building the rampart from the available cross-sections. Thus, we do not know whether there was any chronological gap between the stages or whether the differences in the structure of the ramparts are exclusively constructive.

On the time of development of fortifications at mega-hillforts in general and their individual stages

1. The absolute dating for the erection of the wooden wall on the first building period at Motronin hillfort is known. According to the obtained dendrodates, the wooden construction was erected in 665-630 or in 625-520 BC, but the last date the authors of the excavation considered to be less preferable. It is assumed that the entire defensive construction was completely built by the second half of the VI century BC. This dating is based on the finds of inexpressive fragments of antique pottery in the ditch of the third (last) building period, dated to the second half of the VI - beginning of the V century BC (Chochorowski et al. 2014, 653). And further, it is assumed that at the same time, at the turn of the VI-V century or at the beginning of the V century BC the need to support defensive fortifications has disappeared (Скорый 2003, 83). There is no objective information for dating events that follow the first building period. Findings in the ditch indicate that by the second half of the VI century BC the defensive system already existed and functioned. But when it was built, in the VII century BC or at the beginning of the VI century BC, we do not know. However, quite a few complexes of the VII BC were unearthed on the territory of the hillfort. Most of buildings and habitations and material from the cultural layer excavated by the authors are dated to the last third of the VI - the first quarter of the V BC (Бессонова, Скорый 2001, 125). I.e., the life at the fortified settlement was stabilized and activated after the construction of the defensive system, which, most likely, was not renovated at this stage.

Thus, it is necessary to recognize that, in any case, the defensive wall of the first building period was erected around a plot of more than 100 hectares, practically uninhabited.

Meanwhile, the perimeter of the Motronin hillfort is not less than 3800-3900 m. i.e., 11 142 logs were required for the construction of the palisade at the first building stage only (and this without making additional wooden constructions).

2. We do not have direct data on the time of the development of Nemirov hillfort. We assume that it was built in synchronism with Trakhtemirov hillfort. Materials from both sites have many common features, being dated to the relatively narrow period of the second half of the VII - beginning of the VI century BC. Relative dating of the development of the entire defensive system of Trakhtemirov hillfort to at the end of the VII - beginning of the VI BC is determined by the layer of destruction lying on top of the third (last) building period. The finds of arrowheads, iron akinaks and Greek oinochoe are associated with it (Фіалко, Болтрик 2003, 82).

3. There is an ambiguous situation with the Large Belsk hillfort. To date, the questions, both about the time and duration of the development of individual portions of the Large Belsk hillfort and the entire megacomplex, remains open. By analogy with the dated fortifications of Motronin and Trakhtemirov, it can be assumed that building of the palisade on Western Belsk also was performed around the middle of the VII century BC. However, the second half of the VII century BC is also proposed as an alternative version. The construction of the defensive system of the Eastern Belsk fortification did not occur before the appearance of the settlement here, i.e. not earlier than the second half of the VI century BC. Accordingly, it is assumed that the defensive system of the Large Belsk fortification was erected after the construction of the Eastern and Western ones, i.e., not earlier than the second half of the VI century BC. At the same time, from the middle of the V century BC, and maybe earlier, the fortification of the Western Belsk hillfort did not function – there was no more settlement here. And, most likely, in the IV century BC, the fortification of the Large Belsk lost its importance, as two Scythian burial grounds were found on its territory. Complexes of the second half of the V-IV century BC were found only at the Eastern Belsk hillfort and at individual settlements.

Nevertheless, the available data on the Large Belsk hillfort make it possible to think about the following:

1. The palisade around the Large Belsk hillfort has the perimeter of 33 833 m, it means that not less than 84 582 logs were required for construction. Actually a small forest. If one log is counted as one tree, then it is about 400 hectares of forest.

2. Based on the photogrammetry, the total volume of land used to construct the rampart of the Western Belsk hillfort is estimated ≈ 320 000 cubic meters.

However, we note again that the volumes of land are largely speculative since we can only assume that the whole rampart was built at the same time, not during a long period. The question about the term of construction remains open.

Some results of observations. Approximately in the middle of the VII century BC, not later than the beginning of the VI century BC, the population of the Forest-Steppe has undertaken significant efforts to build defensive structures. At least, Motronin, Trakhtemirov, Nemirov fortifications and, probably, Western Belsk hillfort were created just then. All hillforts represent cases of construction of a conditionally closed fortification around sites with different topography and potentially unoccupied. Repeatedly expressed assumption that residents of neighbouring towns and small settlements with all their belongings and cattle were hiding in case of danger on the territory of large hillforts does not find confirmation in the archaeological material. With the exception of the Large Belsk hillfort, we do not know whether these large fortifications existed by themselves or close to them (and, in theory, under their protection), non-fortified settlements also existed. In general, there is no data on the presence of settlements near hillforts (Дараган 2017a). Of course, this course does not mean that there is no one at all. This may reflect the current state of the source, but for now, it is so. To a large extent, we can assume a large settlement network in the Belsky hillfort (Гавриш 2016, 147-181). Relatively many settlements have been identified in his district, but so far no work has been done on their chronological identification with the separate parts of this megacomplex.

1. There is an identical and well-considered strategy for the construction of defensive structures.

The basis is formed with a palisade, additional wooden constructions and a small clay rampart. A building of a palisade around a large area that was the most economically and labour-costly action. The palisade, of course, bounded some developed space. It had no military-defensive significance, with regard to large bounded area. Later the fortification became monumental, taking the form of a grandiose rampart and ditch. At the same time, for example, Trakhtemirov hillfort definitely demonstrates the "short" chronology of fortification development. Apparently, there was no break at least between the first and second stage of building the rampart at Motronin hillfort. This is evidenced by the published profile.

2. The adjoining segments to the rampart of Motronin hillfort, in general, repeats the situation with the adjoining to the Western and Eastern fortifications of the main fortification of the Large Belsk hillfort. In the case of Motronin hillfort, it could be a trace of possible attempt to complete or enhance the fortification.

3. The emergence of this kind of structures does not follow from the internal logic of the development of the local tradition of fortification. The approach to the use of relief and fortification principles differs from what was here at the previous time. These structures arose not in the course of evolution, but as a response to actual challenges.

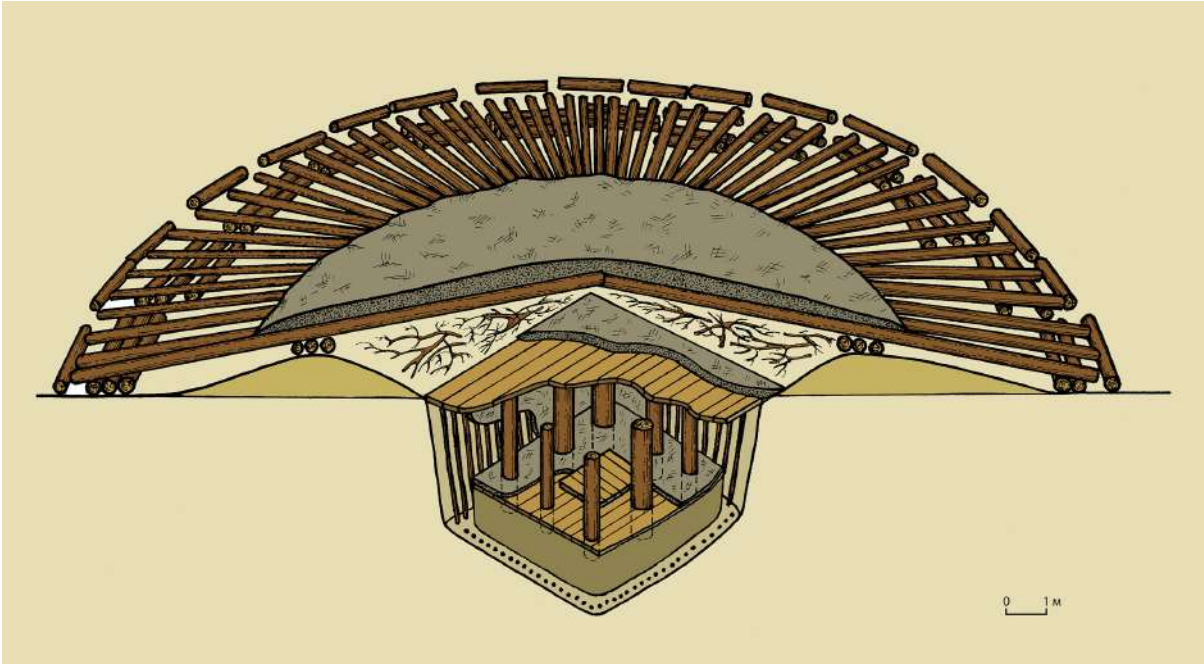
4. The current state of the study of giant hillforts does not provide an insight into their internal development, and the absence of a hierarchy of settlements does not clarify their status in the settlement system.

Social conditions for the appearance of fortifications. In the Forest-Steppe, simultaneously with the erection of giant fortifications, large necropolises were found, having common features. There are kurgans, which in some cases have mounds of considerable height (for example, the Glevakha kurgan, which is about 15 m high) with burials in large and deep tombs (square, rarely rectangular, sometimes with dromo) with grooves along the perimeter of the chamber into which logs are driven. There are central logs supporting the roof. In some cases, funeral constructions include additional ground wooden structure consisting of logs laid along the ring and radially in relation to the tomb. The wooden walls of the chamber were coated with clay from inside and, in a number of episodes, such constructions were ignited during the funeral ceremony (fig. 14; tabl. 1).

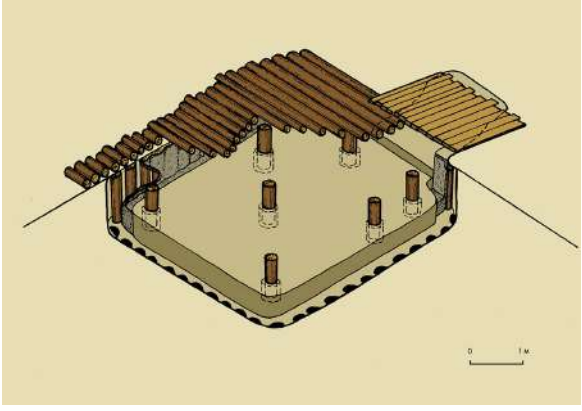
Table 1

Burial structures in the Ukrainian Forest-steppe

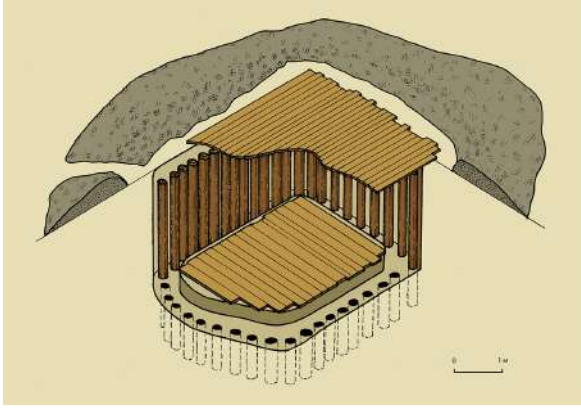
Name of the site	Height/Diameter of kurgan	Depth of the tomb/ height of the chamber	Dimensions of the tomb	Grooves with pillars at the perimeter of the tomb (number)	Supporting pillars (number)	Wooden roof and floor	Clay coating on chamber walls	Additional "hippen" wooden construction over the tomb	Clay construction in the mound	Traces of burning the funeral construction	Published sources
Fliarkovka kurgan	2/42	2	At the top – 5.3×5.3 m, at the bottom – 4.9×4.75 m	+ 77 pillars	8	+	+	(more than 200 logs)	+	+	Ковпаненко 1984
Repiahovataya mohyla, burial 1	2/44	2.25	4.2×4.0 m, +dromo 6.0×1.4 m	+	2	+	+	-	-		Ильинская, Мозолевский, Тереножкин 1980
Repiahovataya mohyla, burial 2	intru-ded	2.2	5.0×4.6×3.3×4.4 m +dromo 3.7×1.3 m	+	6	+	+	-			Ильинская, Мозолевский, Тереножкин 1980
Gladkovshchina, kurgan 4, burial 1		0.5	4.3 m, width 3.7 m +dromo 1.15×1.4 m	+	7	+	+	-	-	+	Григорьев, Скорый 2012
Skorobor, kurgan 1	2,25/50	2.15	4.8×3.6 m	+	-	+		-	-		Шрамко 1994



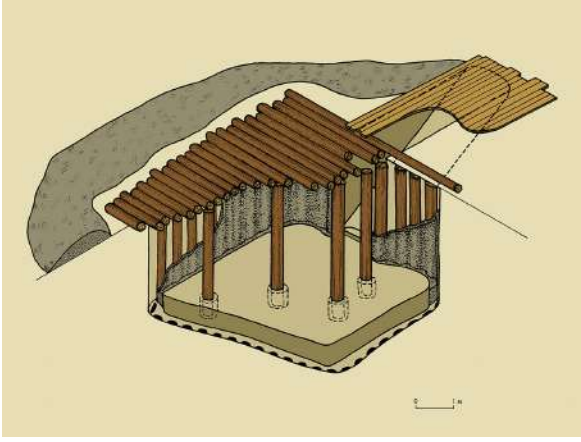
1



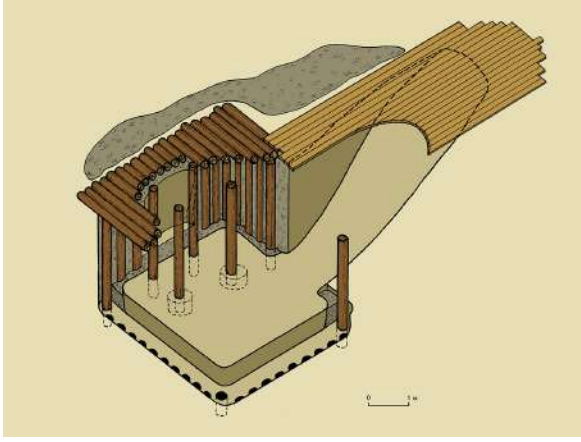
2



3



4



5

Fig. 14. Drawing reconstructions of funeral constructions in the Ukrainian Forest-Steppe. 1 - Fliarkovka kurgan; 2 - Gladkovshchina, kurgan 4, burial 1; 3 - Skorobor kurgan 1; 4, 5 - Repiahovataya mohyla kurgan, burial 1 and 2 (reconstruction M. Daragan, visualization T. Menchinskaya).

In all cases, these techniques were used only in burials, which can be recognized as socially significant. Actually, since the VII century BC we see observe the ranking of society through funeral rite elements. From the second half of the VII century BC the social stratification is clearly expressed by deep chamber tombs, or vice versa, on-ground tombs under kurgans, often large ones (Дараган 2007). A kind of elite was formed by this time.

The following fact is important: the architectural methods used in the construction of elite tombs are the same as those used in local house-building in the construction of frame-and-logged houses, coated with clay and plastered. The same methods are used in the building of defensive constructions. In fact, we see the same designers and craftsmen or craftsmen with close traditions behind common constructive features of fortification structures and chamber tombs. The monumental fortifications and tombs testify to the complexity of society. The "chiefdoms" who erected such grandiose fortifications were themselves potentially threatening the surrounding tribes and were quite capable of pursuing an outwardly aggressive policy towards their neighbours (as opposed to the thesis that they were threatened by neighbours). In other words, behind the fact of the erection of fortification, a high level of social organization of the tribes at the Forest-Steppe of Scythian time is clearly manifested. And these tribes themselves became potentially dangerous for the neighbours.

Conclusions. Mega-projects of Forest-Steppe Ukraine are amazing and, due to lack of knowledge, remain unclear.

Construction of such powerful fortifications demanded not only large numbers of workers but also a special organization of these people. Actually, this needed certain centralization. It is not by chance that several researchers speak of the formation of an anti-state unit in the Ukrainian forest-steppe. Organization of this kind of works and maintenance of the efficient activity of such settlements required a special social layer, which would be responsible for the harmonic interaction of economic and social structures of the society. The maintenance of a complex defensive system needed regular effort. And if the construction is caused by the military threat, then the society needs to form the special military units and develop a complex military organization.

Bibliography

Chochorowski et al. 2014: J. Chochorowski, M. Krąpiec, S. Skoryj, V. Skrypkin, Wiggle-match dating of tree-rings sequences from the early iron age defensive settlement Motroninskoe gorodische in Mielniki (Central Ukraine). Radiocarbon 56/2, 2014, 645-654.

Chochorowski, Skoryj 2006: J. Chochorowski, S. Skoryj, Mielniki, Raj. Čigirin, Obl. Čerkassy (Ukraine). Ein Burgwall und Kurgane der skythischen Zeit. In: (Eds. W. Blajer, J. Poleski) Recherches archéologiques de 1999-2003 (Krakow 2006), 415-449.

Артамонов 1947: М.И. Артамонов, Археологические исследования в Подолии. Вестник Ленинградского государственного университета 12, 1947, 134-135.

Безсонова 2002: С. Безсонова, Мотронинське городище. Пам'ятки України 2, 2002, 22-32.

Бессонова, Скорый 2001: С.С. Бессонова, С.А Скорый, Мотронинское городище скифской эпохи (по материалам раскопок 1988-1996 гг. (Киев-Краков 2001).

Бойко 1994: Ю.Н. Бойко, Социология Восточноевропейского города I тыс. до н.э. (по материалам Бельского городища и Ворсклинской региональной системы скифского времени). В: Древности. Харьковский историко-археологический ежегодник (Харьков 1994), 29-42.

Болтрик 1993: Ю.В. Болтрик, Основні скупчення поселенських структур в Середньому Придніпров'ї . В: Дослідження старожитностей України. Тези доповідей наукової конференції Музею історичних коштовностей України – філії Національного музею історії України (Київ 1993), 40-42.

Вовкодав 2014: С. Вовкодав, До проблеми позиціонування «змійових» валів Переяславщини: історіографія питання. Мандрівець 6, 2014, 16-21.

Гавриш 2016: П. Гавриш, Більське городище (місто Гелон): реалії і міфи (Полтава 2016).

Григорьев, Скорый 2012: В.П. Григорьев, С.А. Скорый, Курганы у села Гладковщина – памятники эпохи скифской архаики в Левобережной Приднепровской терассовой Лесостепи. В: Peregrinationes archaeologicae in Asia et Europa Joanni Chochorowski dedicatae (Krakow 2012), 441-459.

Дараган 2007: М.Н. Дараган, Пространственно-временной анализ погребений начала раннего железного века Днепровской Правобережной Лесостепи. Античный мир и варвары на юге Украины и России (Запорожье 2007), 124-142.

Дараган 2011: М.Н. Дараган, Начало раннего железного века в Днепровской Правобережной Лесостепи (Киев 2011).

Дараган 2017: М.Н. Дараган, Городища-гиганты скифской эпохи в Украинской Лесостепи (особенности расположения и фортификации. В: Археология и геоинформатика, вып. 8, SD-resurs (Москва 2017).

Дараган, Бондарь 2016: М.Н. Дараган, К.М. Бондарь, От измерений к реконструкциям: методология неразрушающих исследований памятников археологии и истории. Археологія і давня історія України 22, 2016, 178-189.

Дараган, Свойский 2018: М.Н. Дараган, Ю.М. Свойский, Картирование и морфометрический анализ внутреннего пространства Западного Бельского городища. В: Virtual Archaeology 2018 (Санкт-Петербург 2018), 38-57.

Ильинская, Тереножкин 1983: В.А. Ильинская, А.И. Тереножкин, Скифия VII-IV в. до н.э. (Киев 1983).

Ильинская, Мозолевский, Тереножкин 1980: В.А. Ильинская, Б.Н. Мозолевский, А.И. Тереножкин, Курганы VI в. до н.э. у с. Матусов. В сб.: Скифия и Кавказ (Киев 1980), 31-63.

Ковпаненко 1971: Г.Т. Ковпаненко, Памятники раннескифского времени Каневщины. В сб.: Проблемы скифской археологии (Москва 1971), 115-120.

Ковпаненко 1984: Г.Т. Ковпаненко, «Червона могила» у с. Флярковка. В сб.: Древности Евразии в скифо-сарматское время (Москва 1984), 107-113.

Ковпаненко, Бессонова, Скорый 1989: Г.Т. Ковпаненко, С.С. Бессонова, С.А. Скорый, Памятники скифской эпохи Днепровского Лесостепного Правобережья (Киев 1989).

Моруженко 1975: А.А. Моруженко, Оборонні споруди Немирівського городища. Археологія 15, 1975, 66-70.

Мурзин, Ролле 1998: В.Ю. Мурзин, Р. Ролле, Большие городища Лесостепной Скифии. В сб.: Історія Русі-України (Історико-археологічний збірник) (Київ 1998), 34-41.

Мурзін, Ролле 1996: В.Ю. Мурзін, Р. Ролле, Скіфські міста у Лісостепу (до постановки питання). В сб.: Більське городище в контексті вивчення пам'яток раннього залізного віку Європи (Полтава 1996), 181-182.

Петрашенко, Козюба 1999: В.О. Петрашенко, В.К. Козюба, Узбережжя Канівського водосховища. Каталог археологічних пам'яток (Київ 1999).

Роздобудько, Тетеря 1997: М.В. Роздобудько, Д.А. Тетеря, Матеріали до датування переяславських «змійових» валів. Археологія 3, 1997, 139-140.

Скорий, Безсонова 1995: С.А. Скорий, С.С. Безсонова, Кургани скіфської доби біля Мотронинського городища (за матеріалами досліджень 1988, 1990 рр.). В сб.: Археологічні дослідження Черкащини (Черкаси 1995), 68-78.

Скорый 2002: С.А Скорый, Племена Восточноевропейской Лесостепи в скифскую эпоху. Великая Скифия (курс лекций) (Киев-Запорожье 2002), 66-76.

Скорый 2003: С.А. Скорый, Скифы в Днепровской Правобережной Лесостепи (Киев 2003).

Скорый, Хохоровски 2009: С.А. Скорый, Я. Хохоровски, Аристократический курган Скифская Могила вблизи Мотронинского городища (Украинская Правобережная Лесостепь). Stratum plus 3, 2009, 234-276.

Фиалко 1994: Е.Е. Фиалко, Памятники скифской эпохи Приднепровской террасовой Лесостепи (Киев 1994).

Фіалко, Болтрик 2003: О.Є. Фіалко, Ю.В. Болтрик, Напад скіфів на Трахтемирівське городище (Киев 2003).

Хохоровски, Скорый 2006: Я. Хохоровски, С. Скорый, Оборонительная система Мотронинского городища. Археологічний літопис Лівобережної України 1, 2006, 74-81.

Шрамко 1966: Б.А. Шрамко, Отчет о раскопках и разведках скифо-славянской экспедиции Харьковского государственного университета им. А.М. Горького в 1966 г. Научный архив Института археологии Национальной академии наук Украины (Киев), 1966/66.

Шрамко 1984: Б.А. Шрамко, Энгельс и проблема возникновения городов в Скифии. В сб.: Ф. Энгельс и проблемы истории древних обществ (Киев 1984), 218-230.

Шрамко 1987: Б.А. Шрамко, Бельское городище скифской эпохи (город Гелон) (Киев 1987).

Шрамко 1994: Б.А. Шрамко, Новые раскопки курганов в могильнике Скоробор. Древности. Харьковский историко-археологический ежегодник (Харьков 1994), 102-126.

Шрамко, Шрамко 1991: И.Б. Шрамко, Б.А. Шрамко, Оборонні споруди Великого Більського городища. В сб.: Пам'ятки археології Полтавщини (Полтава 1991), 44-49.

Despre apariţia cetăţilor-giganţi în silvostepa Ucrainei în perioada scitică timpurie: căutarea unui model explicativ

Cuvinte-cheie: epoca fierului timpuriu, cetăţi, construcţii funerare, sciţi, consum de muncă.

Rezumat: Megaconstrucţiile antichităţii reprezintă întotdeauna un fenomen remarcabil, neobişnuit şi, într-o anumită măsură, misterios, evidenţiindu-se între alte manifestări ordinare. În Europa de Est, pe teritoriul silvostepei ucrainene, în categoria unor asemenea construcţii pot fi incluse, cu siguranţă, cetăţile-giganţi din epoca sciţilor, cu o suprafaţă de la 70 până la peste 5000 ha. Fără îndoială, în spatele acestor construcţii grandioase stau anumite coliziuni istorice, despre esenţa cărora noi putem doar să ne dăm seama.

Fenomenul cetăţile-giganţi nu are predecesori direcţi „sub aspect cronologic şi cultural". La drept vorbind, tradiţia apare aproape pe loc gol. „Giganţii de lângă Nipru" se deosebesc de cetăţile contemporane lor şi predecesoare prin suprafeţele uriaşe ale unui spaţiu nu întotdeauna amenajat, delimitate printr-un sistem complicat şi bine chibzuit de fortificaţii.

O întrebare firească îl preocupă pe cercetătorul cetăţilor: Care este scopul ridicării unor asemenea giganţi, ce implică cheltuieli fizice şi, evident, „materiale" importante, de fapt, colosale? Un răspuns de tipul „pericolul extern" – răspândit şi, s-ar părea, implicit – nu este concludent. Concomitent cu ridicarea unor fortificaţii gigantice, se întemeiază şi necropole mari cu trăsături comune. Procedeele arhitecturale, aplicate în construcţia mormintelor de elită, sunt aceleaşi care se utilizează în construcţia de locuinţe: case din carcasă şi piloni, lipite cu argilă şi tencuite. Tot aceste procedee sunt aplicate şi la construirea fortificaţiilor. Construcţiile defensive monumentale ale cetăţilor şi cavourile complicate camerale probează caracterul complex al societăţii şi aceste două indicii se îmbină sistemic unul cu altul. „Conducerea", care construia asemenea fortificaţii grandioase, reprezenta ea însăşi o ameninţare potenţială pentru triburile învecinate şi putea să promoveze o politică externă agresivă în raport cu vecinii (un contraargument la teza că erau ameninţaţi ei).

Lista ilustraţiilor:

Fig. 1. Cetăţile-giganţi şi unele cetăţui cu suprafaţa de la 20 ha în silvostepa ucraineană: 1 - Nemirov; 2 - Pastyr; 3 - Morintsy; 4 - Komarov; 5 - Žuržinetsy; 6 - Tarašča; 7 - Motronin; 8 - Čmyrevka; 9 - Pliskačev; 10 - Viha; 11 - Trahtemir; 12 - Hodosov; 13 - Hotov; 14 - Mlynok; 15 - Krutki; 16 - Vasyutintsy; 17 - Belsky; 18 - Basov.

Fig. 2. Cetatea Nemirov. 1 - Ortofotoplanul; 2 - MNT (M. Daragan, I. Savoyskii).

Fig. 3. Cetatea Nemirov. 1 - Modelul 3D şi profilul (M. Daragan); 2 - secţiunea valului în partea de sud-est. *Legendă*: 1 - nivelul actual de călcare; 2 - cernoziom; 3 – sol cenuşiu; 4 - argilă galbenă; 5 - argilă închisă; 6 - argilă deschisă; 7 - nisip cu granulaţie grosieră; 8 - straturi de argilă roşie şi galbenă cu nisip; 9 - argilă cu nisip cu granulaţie grosieră; 10 - piatră; 11 - sol cenuşiu deschis; 12 - sol cenuşiu închis; 13 - sol cenuşiu amestecat cu argilă galbenă şi roşie; 14 - straturi de argilă şi nisip granulat zgrunţuros; 15 - relicve de piloni orizontali; 16 - argilă roşie; 17 - stâncă; 18 - lemn ars; 19 - umplerea gropilor (după Моруженко 1975, рис. 3).

Fig. 4. Cetatea Motronin. Planul: 1, 2 - aerofotografie din a. 1981; 3 - MNT (TIN) (M. Daragan).

Fig. 5. Cetatea Motronin. Partea de vest a fortificaţiei: 1 - modelarea 3D şi profilul; 2 - modelarea 3D a sectorului vestic al sistemului defensiv cu o linie de fortificaţie suplimentară adiacentă din partea de nord-vest; 3 - profilul segmentului de nord-vest al liniei suplimentare de fortificaţie (M. Daragan).

Fig. 6. Cetatea Trahmetirov. Planul. MNT (TIN) (M. Daragan).

Fig. 7. Cetatea mare Bel'sk. Planul. MNT (TIN) (M. Daragan).

Fig. 8. Cetatea vestică Bel'sk. 1 - Ortofotoplan; 2 - MNT (M. Daragan, I. Svoyskii).

Fig. 9. Cetatea mare Bel'sk. Modelul 3D şi profilul: 1, 2 - cetatea mare Bel'sk; 3 - cetatea estică Bel'sk (M. Daragan).

Fig. 10. Fortificaţia cetăţii Motronin. 1 - Secţiunea sistemului defensiv „lângă drumul spre Žabotin"; 2, 3 - construcţii din lemn din interiorul valului la primul orizont de construcţie (după Chochorowski, Skory 2006, photo 3-5).

Fig. 11. Fortificaţia cetăţii Motronin. 1 - Secţiunea sistemului defensiv „lângă săpătura lui Hvoyka"; 2 - privire spre construcţia de lemn a primului orizont de construcţie; 3 - gropiţe de la palisada construcţiei de lemn a primului orizont de construcţie (după Chochorowski, Skory 2006, photo 7-9).

Fig. 12. Secţiunile valului şi şanţului cetăţii Bel'sk. I - Cetatea Bel'sk de Vest. *Legendă:* 1 - nivelul actual de călcare; 2 - cernoziom; 3 - argilă brună-cenuşie; 4 - argilă galbenă; 5 - argilă cu amestec de cernoziom; 6 - cernoziom cu amestec de argilă; 7 - cernoziom cu cenuşă; 8 - nivelul antic de călcare; 9 - strat steril; 10 - rămăşiţe de bârne; 11 - cenuşă şi cărbuni la suprafaţa nivelului antic de călcare; 12 - strat de brazdă veche (după Шрамко 1987, fig. 7). II - Cetatea Bel'sk de Est. Secţiune şi reconstrucţie. *Legendă:* 1 - nivelul actual de călcare; 2 - argilă galbenă; 3 - argilă brună-cenuşie; 4 - amestec de argilă; 5 - argilă brună-cenuşie afânată; 6 - argilă arsă; 7 - cenuşă; 8 - cărbune cu cenuşă; 9 - cernoziom; 10 - argilă cu pământ; 11 - cernoziom cu argilă; 12 - nivelul antic de călcare; 13 - umplutură a gropilor de piloni; 14 - strat steril (după Шрамко 1987, fig. 4-5). III - Cetatea Mare Bel'sk. *Legendă:* 1 - nivelul actual de călcare; 2 - cernoziom; 3 - nivelul antic de călcare; 4 - strat steril; 5 - argilă galbenă; 6 - argilă brună-cenuşie; 7 - argilă cu cernoziom; 8 - cernoziom cu amestec de argilă; 9 - argilă galbenă închisă; 10 - umplutura gropilor (după Шрамко, Шрамко 1991, fig. 1).

Fig. 13. Reconstituirea primei etape de construcţie a fortificaţiei: 1 - palisada; 2 - palisada şi valul (reconstituire – M. Daragan, vizualizare – T. Menčinskaya).

Fig. 14. Reconstituirea construcţiilor funerare în silvostepa ucraineană. 1 - Tumulul Flearkovka; 2 - Gladkovščina, tumulul 4, mormântul 1; 3 - Skorobor, tumulul 1; 4, 5 - tumulul „Repiahovataya mogila", mormintele 1 şi 2 (reconstituire – M. Daragan, vizualizare – T. Menčinskaya).

О появлении городищ-гигантов в Украинской Лесостепи в раннескифское время: поиск объяснительной модели

Ключевые слова: Ранний железный век, городища, погребальные конструкции, скифы, трудозатраты.

Резюме: Мега сооружения древности это всегда яркий, необычный и в некоторой степени загадочный феномен, выбивающийся из других ординарных проявлений. В Восточной Европе, на территории Украинской Лесостепи к числу таких сооружений вполне можно отнести городища – гиганты скифской эпохи, площадью от 70 до более 5000 га. Несомненно, за созданием грандиозных сооружений стоят вполне определенные исторические коллизии, о сути которых мы можем лишь догадываться.

Явление городищ-гигантов не имеет прямых в «хронологическом и культурном отношении» предшественников. Строго говоря, традиция возникает почти на пустом месте. «Приднепровских гигантов» отличает от городищ-современников и предшественников, огромные площади не всегда обжитого пространства, ограниченные сложной и вполне продуманной системой фортификационных сооружений.

Естественный вопрос, возникающий у исследователя городищ – какова цель возведения подобных гигантов? Требующая не малых, а по существу колоссальных физических и, видимо, «материальных» затрат. Распространенный и казалось бы напрашивающийся ответ – внешняя угроза, не очевиден. Одновременно с возведением гигантских фортификационных сооружений происходит закладка больших некрополей, имеющих общие черты. Архитектурные приемы, использовавшиеся при строительстве элитных гробниц те же, что используются и в местном домостроительстве каркасно-столбовые дома, обмазанные глиной и поштукатуренные. И эти же приемы используются и при сооружении оборонительных сооружений. Монументальные оборонительные сооружения городищ и сложные камерные гробницы свидетельствуют об усложнении общества и эти два признака друг с другом сочетаются системно. «Вождества», возводившие подобные грандиозные фортификационные сооружения, сами несли потенциальную угрозу, окружающим их племенам и вполне могли проводить внешне агрессивную политику в отношении соседей (в противовес тезису о том, что угрожали им).

Список иллюстраций:

Рис. 1. Городища-гиганты и некоторые городища площадью от 20 га в Украинской Лесостепи. 1 - Немировское; 2 - Пастырское; 3 - Моринцы; 4 - Комаровское; 5 - Журжинецкое; 6 - Тараща; 7 - Мотронинское; 8 - Чмыревка; 9 - Плискачевское; 10 - Виха; 11 - Трахтемировское; 12 - Ходосовское; 13 - Хотовское; 14 - Млынок; 15 - Крутьки; 16 - Васютинцы; 17 - Бельское; 18 - Басовское.

Рис. 2. Немировское городище. 1 - Отртофотоплан; 2 - ЦМР (М. Дараган, Ю. Свойский).

Рис. 3. Немировское городище. 1 - 3D-модель и профиль (М. Дараган); 2 - разрез вала в юго-восточной части. Подписи к разрезу: 1 - дерн; 2 - чернозем; 3 - серый грунт; 4 - желтая глина; 5 - темная глина; 6 - светлая глина; 7 - грубозернистый песок; 8 - слои красной и желтой глины с песком; 9 - глина с грубозернистым песком; 10 - камень; 11 - светло-серый грунт; 12 - темно-серый грунт; 13 - серый грунт перемешанный с желтой и красной глиной; 14 - слои глины и грубозернистого песка; 15 - остатки горизонтальный столбов; 16 - красная глина; 17 - скала; 18 - горелое дерево; 19 - заполнение ям (по Моруженко 1975, рис. 3).

Рис. 4. Мотронинское городище. План: 1-2 - аэрофотоснимок 1981 г.; 3 - ЦМР (TIN) (М. Дараган).

Рис. 5. Мотронинское городище. Западная часть фортификации: 1 - 3D-моделирование и профиль; 2 - 3D-моделирование западного участка оборонительной системы с примыкающей к ней дополнительной линией фортификации с северо-западной стороны; 3 - профиль северо-западного отрезка дополнительной линии фортификации (М. Дараган).

Рис. 6. Трахметировское городище. План, ЦМР (TIN) (М. Дараган).

Рис. 7. Большое Бельское городище. План. ЦМР (TIN) (М. Дараган).

Рис. 8. Западное Бельское городище. 1 - Ортофотоплан; 2 - ЦМР (М. Дараган, Ю. Свойский).

Рис. 9. Большое Бельское городище. 3D-модель и профиль: 1, 2 - Большое Бельское городище; 3 - Восточное Бельское городище (М. Дараган).

Рис. 10. Фортификация Мотронинского городища. 1 - Разрез оборонительной системы «у дороги на Жаботин»; 2, 3 - деревянные внутривальные конструкции первого строительного горизонта (по Chochorowski, Skory 2006, photo 3-5).

Рис. 11. Фортификация Мотронинского городища. 1 - Разрез оборонительной системы «у раскопа Хвойки»; 2 - вид на деревянную конструкцию первого строительного горизонта; 3 - ямки от частокола деревянной конструкции первого строительного горизонта (по Chochorowski, Skory 2006, photo 7-9).

Рис. 12. Разрезы вала и рва Бельского городища. I - Западное Бельское городище. Подписи к разрезу: 1 - дерн; 2 - чернозем; 3 - бурая глина; 4 - желтая глина; 5 - глина с примесью чернозема; 6 - чернозем с примесью глины; 7 - чернозем с золой; 8 - погребенная почва; 9 - материк; 10 - остатки бревен; 11 - зола и угли на поверхности погребенной почвы; 12 - прослойка древнего дерна (по Шрамко 1987, рис. 7). II - Восточное Бельское городище. Разрез и реконструкция. Подписи к разрезу: 1 - дерн; 2 - желтая глина; 3 - бурая глина; 4 - смешанная глина; 5 - рыхлая бурая глина; 6 - обожженная глина; 7 - зола; 8 - уголь с золой; 9 - чернозем; 10 - глина с землей; 11 - чернозем с глиной; 12 - погребенная почва; 13 - заполнение столбовых ям; 14 - материк (по Шрамко 1987, рис. 4-5). III - Большое Бельское городище. Подписи к разрезу: 1 - дерн; 2 - чернозем; 3 - погребенная почва; 4 - материк; 5 - желтая глина; 6 - бурая глина; 7 - глина с черноземом; 8 - чернозем с примесью глины; 9 - темно-желтая глина; 10 - заполнение ям (по Шрамко, Шрамко 1991, рис. 1).

Рис. 13. Реконструкция первого строительного этапа фортификации. 1 - Палисад; 2 - палисад и вал (реконструкция М. Дараган, визуализация Т. Менчинская).

Рис. 14. Реконструкция погребальных конструкций в Украинской Лесостепи. 1 - Курган Флярковка; 2 - Гладковщина, курган 4, погребение 1; 3 - Скоробор, курган 1; 4, 5 - Репяховатая могила, погребение 1 и 2 (реконструкция М. Дараган, визуализация Т. Менчинская).

10.02.2020

Dr. Marina Daragan, Institute of Archaeology of the National Academy of Science of Ukraine, 12 Prospekt Heroyiv Stalinhradu, Kiev, Ukraine, https://orcid.org/0000-0003-1019-9407, e-mail: darmar@ukr.net

БРОНЗОВЫЕ КОТЛЫ СКИФСКОГО ПЕРИОДА ИЗ КОЛЛЕКЦИИ НАЦИОНАЛЬНОГО МУЗЕЯ ИСТОРИИ МОЛДОВЫ*

Денис Топал

Ключевые слова: скифская культура, бронзовые котлы, Северо-Западное Причерноморье, Нижний Дунай, среднескифский период, классическая скифская культура.

Бронзовые литые котлы скифского времени – довольно редкая находка в Северном Причерноморье, особенно на его западных рубежах. Согласно последним данным, известно не менее 117 находок бронзовых котлов VII-IV вв. до н.э. на территории, охватывающей степи Северного Причерноморья, Прикубанье, Днепровскую лесостепь, Нижний и Средний Дон. Еще в 88 случаях зафиксированы следы котлов, пропавших в результате ограбления курганов (Ромашко 2015, 2). Поэтому немногие экземпляры, обнаруженные на территории Республики Молдова, занимают достойное место в коллекции Национального музея истории Молдовы (НМИМ).

В данный момент в основной археологической экспозиции выставлены два бронзовых котла, обнаруженные в результате работ Слободзейской новостроечной экспедиции у с. Никольское в 1988 г. в курганах 14 и 15 (Агульников, Левинский 1989, 81-83, рис. 42/2; 44/3). Эти изделия стали широко известными благодаря монографическому исследованию, обобщившему результаты раскопок на левобережье Днестра (Агульников, Сава 2004, 127-128, 131, рис. 63/2; 65/4). Курган 14 был насыпан над основным скифским погребением 2, с которым связан мощный материковый выход. При этом в заполнении захоронения не было обнаружено следов погребенного, лишь отдельные камни, кости крупного рогатого скота и фрагменты лепной и гончарной керамики. Во впускном погребении, кроме человеческого скелета, было найдено бронзовое зеркало с рукоятью, 114 наконечников стрел и шесть золотых бляшек в форме рыбы для украшения одежды (Агульников, Сава 2004, 124). Сам котел был обнаружен в яме округлой формы в северо-восточном секторе кургана и был заполнен костями мелкого рогатого скота, покрытыми бронзовыми окислами (Агульников, Сава 2004, 128). Общая высота котла из кургана 14[1] – 40 см, высота тулова правильной полусферической формы – 27 см, масса 28,5 кг (рис. 1/3; 2/1-4). Поддон конической формы, высота поддона – 13 см, максимальный диаметр в нижней части – 14 см, диаметр в середине – 8 см, на поддоне заметны два обхватывающих утолщения (от формовочных швов): в месте крепления поддона к тулову и в 4-5 см от нижнего края (прил. 1/3). Венчик уплощен к краю, размеры венца – 43×45 см, толщина – 1,5 см. Полукруглые горизонтальные ручки зафиксированы на тулове ниже венца на 5 см под углом около 70°, внешний край ручек рельефный и состоит из двух наплывов по краям и каннелюра в центре, размеры округлых в сечении ручек – 4×9 см, толщина – 1,5 см (рис. 2/2; прил. 1/2). Видны следы ремонта: в верхней части – в виде двух подовальных заклепок (1,5×4,0 и 1,7×2,6 см), горизонтально скрепляющих вертикальную трещину, идущую от венчика (прил. 1/1), и на дне котла – заклепка округлой формы 1,0×1,3 см (рис. 2/3).

Второй котел из Никольского был обнаружен в кургане 15, насыпанном над мощным прожогом и снабженном каменной крепидой. В кургане выявлено два полностью ограбленных погребения и яма круглой формы с бронзовым котлом. Этот котел[2] гораздо меньших размеров, общая высота – 30 см, высота полусферического тулова с выпуклыми боками –

* Статья разработана в рамках проекта 20.80009.0807.43 «Музейное наследие и историческая память: исследование, интерпретация, презентация».

[1] MNIM, FB-30190.
[2] MNIM, FB-30189.

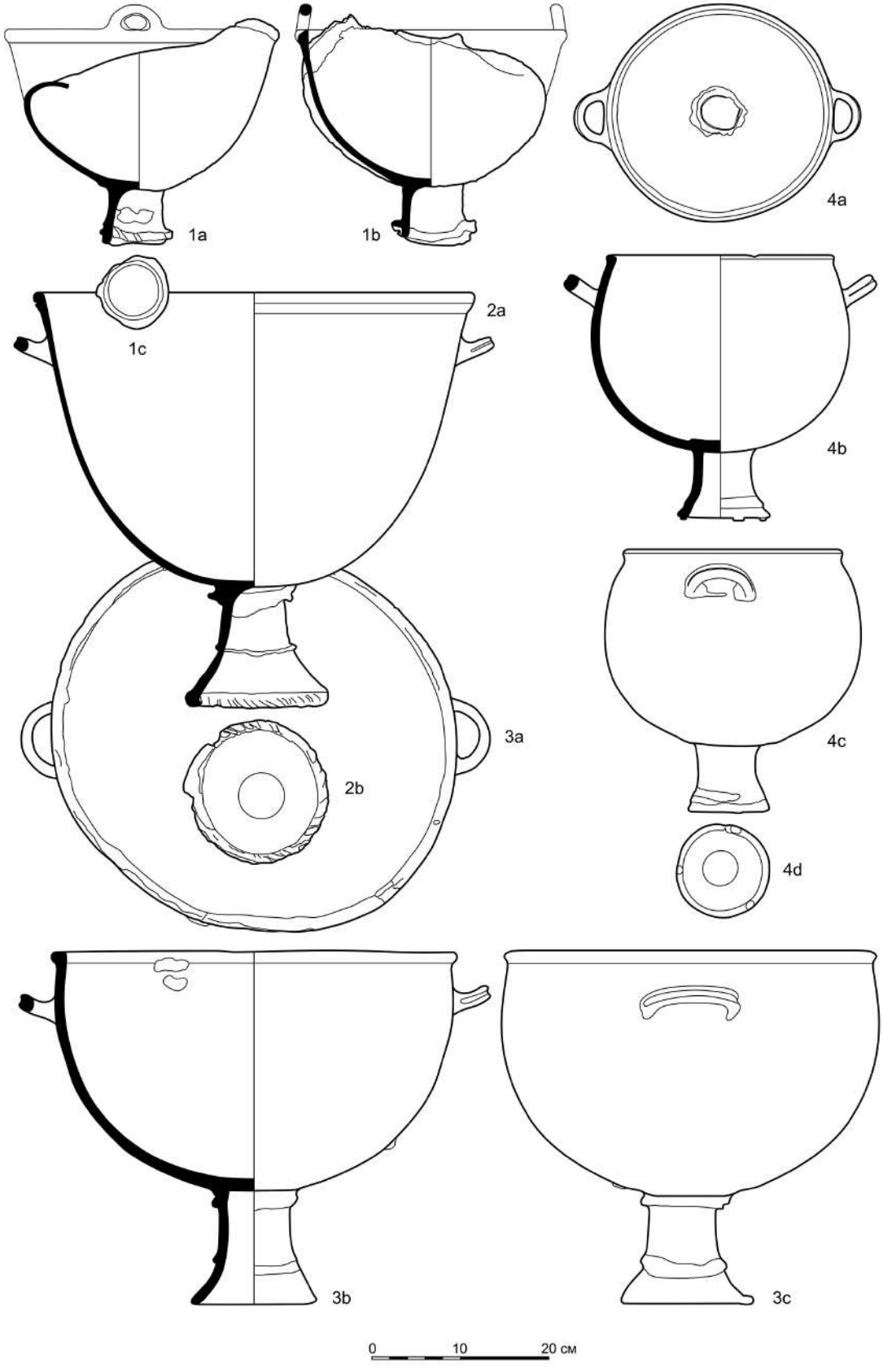


Рис. 1. Котлы из собрания Национального музея истории Молдовы: 1 - Новые Раскайцы, курган 1; 2 - Дубоссары, курган 45; 3 - Никольское, курган 14; 4 - Никольское, курган 15.

Рис 2. Котлы из курганов 14 (1-4) и 15 (5-7) у Никольского (фотография автора).

22 см, его максимальный диаметр – 29 см, масса 20,5 кг (рис. 1/4; 2/5-7). Поддон конической формы, по нижнему краю которого заметны расположенные на одинаковом расстоянии три шишковидных выступа овальной формы (остатки литников (?)) размером 0,8×1,2 см (прил. 1/6). Высота поддона (без учета «шишечек») – 7,5 см, максимальный диаметр в нижней части – 10 см, диаметр в середине – 6,5 см, на поддоне заметно обхватывающее утолщение (формовочный шов?) в 1 см от нижнего края. Поддон дополнительно

укреплен в придонной части аморфным наплывом металла размером 6,5×5,5 см (прил. 1/4). Верхний край венчика округлый и словно сформирован из двух полукруглых в сечении стержней, размеры венца – 24×25 см, толщина – 1,5 см. Полукруглые ручки зафиксированы на тулове горизонтально, ниже венца на 4 см, под углом около 65° к поверхности котла, внешний край ручек рельефный и состоит из двух наплывов (подобно краю венца), размеры округлых в сечении ручек – 4×6 см, толщина – 1,1 см (прил. 1/5).

Кроме того, уже в 2020 г. в фондах НМИМ были обнаружены два литых бронзовых котла без каких-либо шифров или сопровождающих документов, однако визуально опознанных как происходящие из раскопок разных лет в районе нижнего течения Днестра[3]. Один из них был найден в 1987 г. Дубоссарской новостроечной экспедицией под руководством Н.А. Кетрару в кургане 45 группы «Дубоссарские курганы» к западу от с. Новые Гояны (Кетрару 1988, 7-8, рис. 11). Впервые курган был опубликован спустя десять лет после раскопок (Chetraru, Mateevici 1997), затем входил в различные монографические исследования (Кетрару, Четвериков 2005, 148-152; Кетрару и др. 2014, 125-128). Однако, несмотря на внушительную серию публикаций, тиражировалось единственное изображение котла, а его основой, судя по всему, послужила фотография, сделанная Н.А. Кетрару для полевого отчета (Кетрару 1988, 7-8, рис. 3). Правда, ракурс, избранный автором раскопок, нельзя назвать удачным для подобного типа изделий, к тому же в графическом представлении отсутствуют разрезы, необходимые для понимания некоторых технологических особенностей. Насыпь кургана 45 была воздвигнута в один прием над единственным скифским погребением, укреплена каменным панцирем и окружена рвом (Кетрару и др. 2014, 125). Погребение было совершено в деревянной конструкции с радиальным перекрытием из бревен и жердей, под ним впоследствии были обнаружены скопления костей животных, развалы амфор и бронзовый котел, пострадавший от воздействия высоких температур (Кетрару и др. 2014, 126-127, рис. 4). Данные об ограблении кургана противоречивы: в отчете и первых публикациях об этом не упоминается, в то время как в монографии 2005 г. указывается, что грабительские ямы разрушили центральную часть прожога (Кетрару, Четвериков 2005, 148).

Котел сильно пострадал от огня в результате сожжения гробницы и, возможно, был деформирован под тяжестью земли или разрушившейся конструкции: в данный момент он состоит из 29 фрагментов разных размеров, часть из которых оплавлена (прил. 1/7). Высота котла – 47 см, высота чашеобразного тулова – 33 см, реконструируемый диаметр – около 50 см, масса 18,5 кг (рис. 1/2; 5/1-3). Поддон конической формы, высота поддона – 13 см, максимальный диаметр в нижней части – 14 см, диаметр в середине – 8 см; на поддоне заметны два обхватывающих утолщения: крупное – в виде своеобразной «юбки» в месте крепления поддона к тулову, и менее выпуклый наплыв (формовочный шов) в 6 см от нижнего края (прил. 1/10, 11). Нижний край поддона украшен веревочным валиком (рис. 5/5; прил. 1/12). У венчика в верхней части – округлый край, в боковой плоскости (подобно ручкам) сформирован из двух округлых в сечении стержней, толщина – 1,3 см (прил. 1/8). Полукруглые горизонтальные ручки зафиксированы на тулове ниже венца на 5,5 см под углом около 55°, внешний край ручек рельефный и состоит из двух наплывов по краям (прил. 1/9), размеры округлых в сечении ручек – 3×8 см, толщина – 1,5 см.

Другой котел оказался малоизвестной находкой, обнаруженной в 1979 г. в насыпи кургана 1 у с. Новые Раскайцы Суворовского района (сейчас с. Рэскэеций-Ной (*рум.* Răscăieţii Noi) района Штефан-Водэ). Этот курган, помимо своих выдающихся размеров (реконструируемая высота около 10 м, к началу раскопок – 4 м, диаметр – 40 м), известен тем, что на его поверхности в 1953 г. было обнаружено литое бронзовое навершие (рис. 6/6) в скифском зверином стиле (Нудельман, Рикман 1956, 129, рис. 2; Сергеев 1963, 68-69, рис. 1). Кроме этого, среди раскопанных погребений, впущенных в этот курган эпохи бронзы, известно и два скифских (9 и 10) с довольно скромным инвентарем (лепной сосуд, железный нож с костяной ручкой, 62 стеклянных бусины). Погребения были раскопаны в юго-западном

[3] Автор статьи безгранично признателен С.М. Агульникову за помощь в идентификации этих фактически депаспортизованных артефактов.

Рис 3. Котел из кургана 45 у Дубоссар (фотография Н.А. Кетрару).

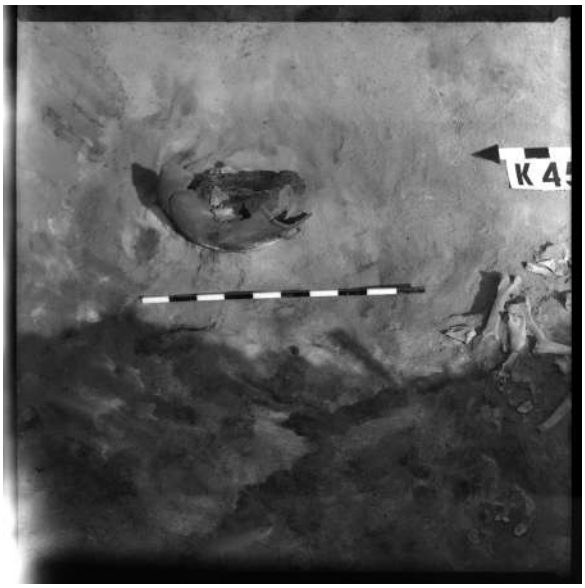


Рис 4. Котел из кургана 45 у Дубоссар *in situ* и скопление костей животных (фотография Н.А. Кетрару).

секторе кургана (Яровой 1990, 16-19). Упоминания о бронзовом котле из Раскайцов есть в научной публикации результатов раскопок курганов у Нижнего Поднестровья (Яровой 1990) и других работах начальника экспедиции (Яровой 1992; Яровой 2010; Яровой 2013; Яровой 2015). Исследования кургана 1 были начаты в 1979 г., однако в насыпи были обнаружены боевые снаряды времен войны и «завершить его раскопки в 1979 г. после произведенного разминирования не удалось» (Яровой 1980, 21). В частности, уже в своих многочисленных художественных[4] произведениях автор раскопок упоминает, что после начала раскопок, к следующему году «в поле остались три широкие параллельные бровки[5], проложенные с севера на юг», но за два дня до начала экспедиции они были снесены. «На недавно спланированной черноземной поверхности, где стоял курган, мы нашли множество окрашенных охрой человеческих костей и редкие фрагменты керамики – все, что осталось от многочисленных древних захоронений, находившихся в насыпи. Но больше всего нас возмутило то, что здесь лежал фрагмент смятого бульдозером цельнолитого скифского котла на изящной ножке. Он был изготовлен из бронзы и, к сожалению, представлял собой уже жалкие остатки когда-то очень редкого и дорогого изделия» (Яровой 1992, 218; Яровой 2010, 152; Яровой 2013, 402).

В монографии говорится, что «к началу раскопок часть насыпи была повреждена хозяйственной деятельностью, и возле нее найден литой бронзовый котел скифской культуры. Скорее всего, он находился в уничтоженном скифском захоронении, совершенном в насыпи кургана» (Яровой 1990, 9). Тем не менее в отчете экспедиции за 1980 г. (Яровой 1981) этот артефакт почему-то не нашел отражения, а утверждение автора, что «данная находка будет опубликована отдельно» (Яровой 1990, 9), вероятнее всего, и тогда носило ритуальный характер, а спустя тридцать лет и вовсе способно лишить надежды на испол-

[4] К сожалению, в этих изданиях передаются искаженные сведения о раскопках, некорректно подобран иллюстративный материал: рассказы об одних памятниках сопровождаются фотографиями и рисунками из других, часто иных периодов, без указаний на это. Например, в книге 2010 года, уже ставший традиционным для Е.В. Ярового рассказ о скифском котле из разрушенного погребения у Раскайцов сопровождается фотографией котла из кургана 45 у Дубоссар и подписью: «Остатки бронзового котла – все, что осталось от богатого скифского погребения» (Яровой 2010, 153).

[5] При этом, в разделе монографии, посвященной методике, автор раскопок утверждает, что курганы у Новых Раскаец исследовались при помощи профилей, а не бровок, которые «малоустойчивы и крайне трудоемки при ручной разборке» (Яровой 1990, 7-9).

Рис 5. Котел из кургана 45 у Дубоссар (фотография и реконструкция автора).

Рис 6. Котел (1-5) и навершие (6) из кургана 1 у Новых Раскайцов (фотография и реконструкция автора).

нение обещанного. История об уникальном скифском комплексе, «уничтоженном из-за двух мешков кукурузы», сопровождается рассказом бульдозериста Серафима, оставленного спланировать отвалы. По его словам, он во время работы увидел в осыпавшемся грунте несколько «массивных золотых блях в виде свернувшегося хищника» (Яровой 1992, 220), «массивных золотых блях и прямоугольных нашивок, изображающих людей и каких-то животных» (Яровой 2010, 153; Яровой 2013, 403). К сожалению, многочисленные неточности, «мистические» преувеличения и «таинственные» искажения фактов, характерные для «научно-популярных» произведений Е.В. Ярового, позволяют отнести это сообщение разве что к экспедиционному фольклору.

Котел серьезно пострадал от механического воздействия, в результате чего был деформирован венец и стенки вместе с сохранившейся вертикальной ручкой оказались загнуты внутрь. Утеряны фрагменты в верхней части тулова и одна ручка. Общая реконструируемая высота котла 24 см (без учета ручек), реконструируемый диаметр полусферического тулова – 30 см, масса 6,5 кг (рис. 1/1; 6/3-5). Поверхность котла неровная, отчетливо видны вертикальные наплывы металла по всей поверхности тулова (прил. 1/17, 18). Ручки размером 3,0×6,5 см и толщиной 1 см отлиты вертикально, в сечении они круглой формы (прил. 1/15, 16). Высота поддона цилиндрической формы – 6,5 см, максимальный диаметр с учетом утолщения в нижней части – 9,5 см, диаметр ближе к месту крепления к тулову – 6,5 см. Поддон отлит некачественно, ниже края не удалены выступы металла. Кроме того, на самом цилиндре поддона образовалось отверстие округлой формы, вероятно, также в результате проблемного литья – недолива металла (рис. 6/5; прил. 1/13). В 2020 г. были получены данные по химическому составу[6] сплава бронзовых котлов (табл. 1). В результате выяснилось, что котлы, представленные в данной работе, были отлиты из медно-свинцовистого сплава с низким содержанием олова. К примеру, содержание олова в материале котлов из кургана 45 у Дубоссар и курганов 14 и 15 у Никольского ниже границы его искусственного ввода (0,5%), при этом концентрация свинца устойчива в пределах 2%. Довольно высоко и содержание мышьяка (для подобных изделий) – 0,5-1,1%. Котлы из коллекции НМИМ заметно отличаются по содержанию сурьмы: от полного отсутствия в материале котла из Дубоссар, до сотых-десятых доли процента в остальных образцах. Т.Б. Барцева[7] выделяет несколько химических групп для состава сплава – «восточную» (с низкими концентрациями всех элементов, кроме висмута (сотые, десятые доли процента) и мышьяка (десятые-целые)), «западную» (с высоким содержанием никеля и кобальта (сотые-десятые)) и «северокавказскую» (с тысячными долями процента висмута, кобальта, частично никеля, сотыми-десятыми – мышьяка, сотыми – серебра, сурьмы, частично никеля) (Барцева 1981, 21-23). Почти полное отсутствие висмута исключает возможность сопоставления проанализированных изделий с «восточной» и «северокавказской» группами. Наиболее приближены по высокому содержанию кобальта и никеля к «западной» химической группе образцы из Новых Раскайцов и Никольского (курган 15), два других изделия (из Дубоссар и Никольского, курган 14) также можно отнести к этой группе, правда, с меньшей уверенностью.

Скифские бронзовые котлы на западе концентрируются в трех основных регионах: Буковине-Подолье (Якобень, Иване-Пусте, Швайковцы), на Нижнем Днестре (Новые Раскайцы, Никольское, Дубоссары, Чобручи) и Нижнем Дунае (Ограда, Кастелу, Скорцару-Векь, Мреснота Могила, Островное). От них удалена далеко на запад случайная находка бронзового котла, обнаруженного на венгерско-словацкой границе у г. Сёнь (Patay 1990, 81, Taf. 68/148). С территории Буковины и Подолья происходят как минимум три брон-

[6] Пользуясь случаем, хочу принести искреннюю благодарность Лазарю Дерменжи – научному сотруднику Лаборатории материалов для фотогальваники и фотоники Института прикладной физики АН РМ. Исследования проводились при помощи спектрометра с рентгеновской флуоресценцией с рассеянием энергии *Xenemetrix X-Calibur*. Отдельная благодарность – научному сотруднику НМИМ Валерию Бубуличу за помощь в получении проб.

[7] Данные Т.Б. Барцевой были существенно дополнены С.Я. Ольговским (Ольговский 2003, табл. 1).

Таблица 1

Химический состав котлов по данным рентгенфлуоресцентной спектрометрии[8], %

	Дубоссары, курган 45		Новые Раскайцы, курган 1		Никольское, курган 14		Никольское, курган 15	
	венец	*поддон*	*венец*	*поддон*	*венец*	*поддон*	*венец*	*поддон*
Cu	97,35	98,54	94,5	90,71	97,75	98,83	96,90	94,22
Pb	1,08	0,98	2,02	2,69	1,38	0,83	1,95	4,93
Sn	0,16	0,12	2,23	4,50	0,05	0	0,46	0,53
Fe	0,74	0,04	0,79	0,71	0,13	0,03	0	0,08
As	0,51	0,31	0,19	1,12	0,46	0,02	0,1	0,08
Co	0,08	0	0,04	0	0,03	0,02	0,13	0,03
Bi	0	0	0	0	0	0,07	0	0
Au	0,04	0	0,07	0	0,04	0,01	0	0
Mn	0,03	0,01	0,04	0,07	0,03	0,08	0,11	0,08
Ni	0	0	0,02	0,02	0	0	0,07	0,02
Sb	0,01	0	0,04	0,17	0,11	0,11	0,28	0,04
Ag	0	0	0	0	0	0	0	0
Zn	0	0	0	0	0	0	0	0

зовых литых котла[9]. В 1948 г. в 17 км к югу, на западной окраине с. Якобень жудеца Ботошань местными жителями был обнаружен еще один котел с четырьмя вертикальными (в виде фигурок козлов) и двумя горизонтальными ручками (Raţă 1966, fig. 1). Этот экземпляр, бóльших размеров (высота без учета ручек – 48,5 см) и с необычайно высоким поддоном (19,5 см), был обнаружен вне археологического контекста, хотя в 200 м от него располагался курган диаметром около 100 м (Raţă 1966, 351). Две находки литых бронзовых котлов связаны с бассейном Среднего Днестра[10]. Один из котлов хранился в Археологическом музее Кракова; он был случайно обнаружен в конце XIX в. у с. Иване-Пусте Борщёвского района Тернопольской области (Demetrykiewicz 1898, 124-125; Гребеняк 1914, 16, табл. I/5; Sulimirski 1936, 101, tabl. IX/7). Другой котел был обнаружен в 2007 г. в результате доследования разрушающегося кургана раннескифского времени у с. Швайковцы[11] Чортковского района Тернопольской области (Бандрівський 2009, 202). Курган был насыпан над гробницей, сложенной из дерева и камня и перекрытой слоем желтой глины. Под каменным сводом была обнаружена деревянная урна с кремацией, а сам инвентарь располагался по краям каменной выкладки, включая котел, бронзовое ситечко, глиняные миски, черпак и сосу-

[8] Эти данные немного отличаются от опубликованных недавно (Topal 2020, tab. 1), особенно по значениям свинца и мышьяка. Это связано с практически полным совпадением энергий линий свинца Lα и мышьяка Kα. Для этой работы был специально проделан пересчет, где концентрации свинца рассчитывались по L-линии, а мышьяка – по K-линии. Благодарю доктора Питера Хоммеля из Ливерпульского университета за дружескую помощь в устранении этой досадной оплошности.

[9] Котел, найденный между селами Аврэмень и Сэвень жудеца Ботошань (Niţu 1953, 9-10, fig. 4; Bârcă 2020a, fig. 1-8), по всей видимости, следует отнести к более позднему периоду – позднескифскому или раннесарматскому (Bârcă 2020, 82; Bârcă 2020a, 95). Его отличают вертикальные ручки, увенчанные кнопкой, овальная форма устья, колоколовидное тулово и относительно небольшие размеры.

[10] Кроме этих находок, относительно недавно стало известно о находке еще двух орнаментированных литых котлов с горизонтальными ручками, сложенных в большой клепанный котел. Этот (пока неопубликованный) клад был найден у с. Пановцы Борщевского района Тернопольской области (Бандрівський 2014, 415).

[11] Для котла из Шайковцов известны результаты спектрометрии (Бандрівський 2014, 310, рис. 156-6). Для его сплава характерны пропорционально сходные включения олова (0,3-0,6%), свинца (0,4-0,6%) и мышьяка (0,2-0,6%).

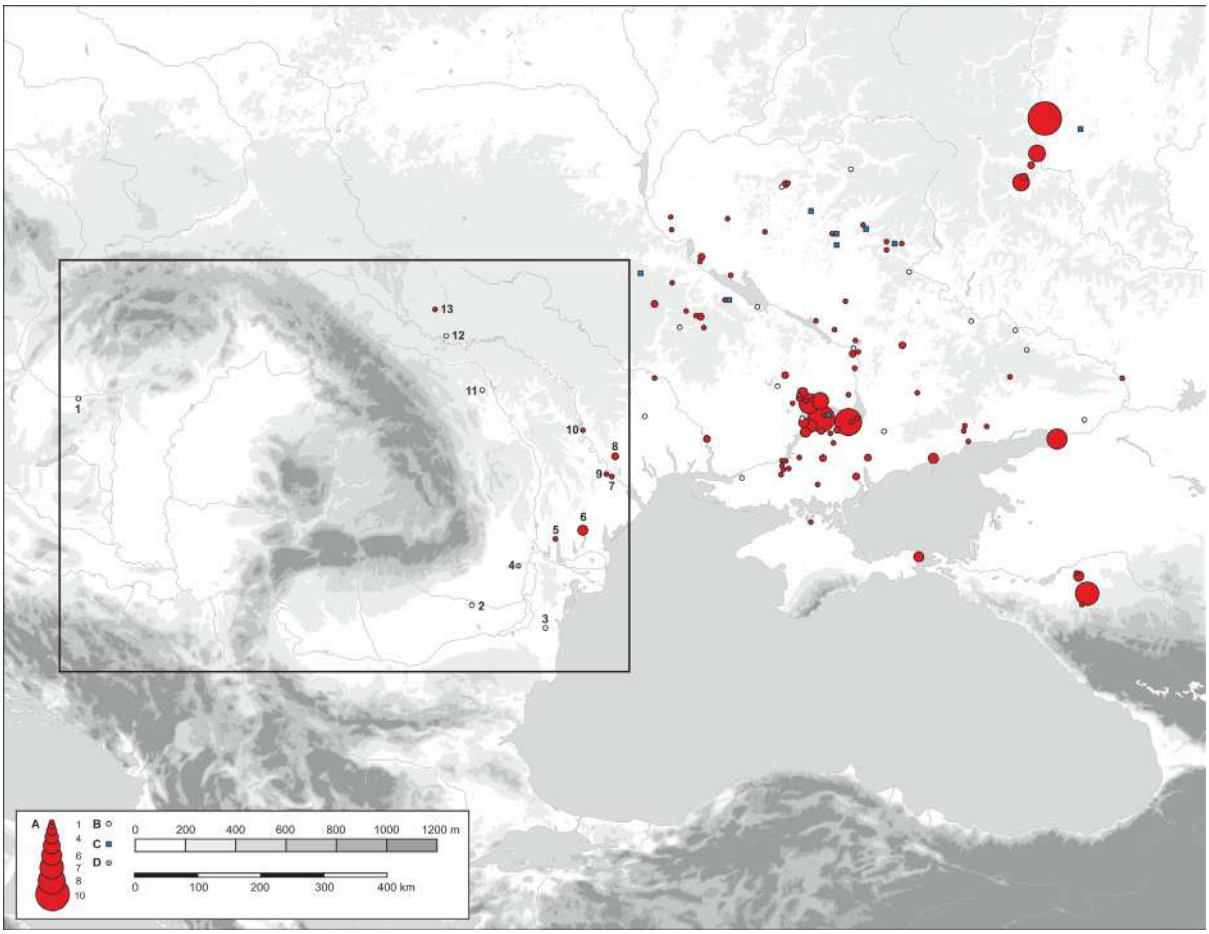


Рис 7. Распространение бронзовых котлов скифского времени в Северном Причерноморье (A – погребальные памятники, B – случайные или плохо задокументированные находки, C – находки на поселениях, D – разрушенный курган). Западный ареал: 1 – Сёнь, 2 - Ограда, 3 - Кастелу, 4 - Скорцару-Векь, 5 - Мреснота Могила, 6 - Островное, 7 - Новые Раскайцы, 8 - Никольское, 9 - Чобручи, 10 - Дубоссары, 11 - Якобень, 12 - Иване-Пусте, 13 - Швайковцы.

ды баночной формы (Бандривский 2013, 342, рис. 2-3). Автор раскопок, основываясь на аналогиях бронзовому ситечку для отцеживания вина и ажурному навершию (футляру копья), считает, что комплекс относится к финалу HaC_2 или третьей четверти VII в. до н.э. (Бандривский 2013, 354)

В курганах Подунавья у с. Островное Арцизского района Одесской области было найдено три котла: два в кургане 1 (Алексеева 1973) и один – в кургане 3 (Алексеева, Дворянинов, Чернов 1977). В кургане 1, раскопанном в 1972 г., оба котла (один из которых – «огромных размеров», на коническом поддоне, с вертикальными и горизонтальными ручками ниже края) были заполнены костями зубра, свиньи, коровы и овцы. Ограбленное погребение, к которому относились котлы, вероятно, по остаткам железного панциря и трехгранному бронзовому наконечнику стрелы было датировано автором раскопок VI в. до н.э. (Алексеева 1973, 253); однако, по мнению В.Ю. Мурзина, оно относится к V в. до н.э. (Мурзин 1984, 45), возможно, ко второй половине столетия. Другой котел из кургана 3, аналогичный находке 1972 г. (и потому, вероятно, меньшего размера[12]), был обнаружен к северу от «ложной» центральной могильной ямы и наполовину заполнен костями животных. В заполнении ограбленного погребения кургана были найдены кости мужского скелета, 18 бронзовых трехгранных наконечников стрел, обломки однолезвийного железного меча, бронзовые

[12] Рисунки именно этих двух котлов приводятся в обобщающей работе «Древние культуры Северо-Западного Причерноморья (Островерхов, Редина 2013, рис. 98/4, 5).

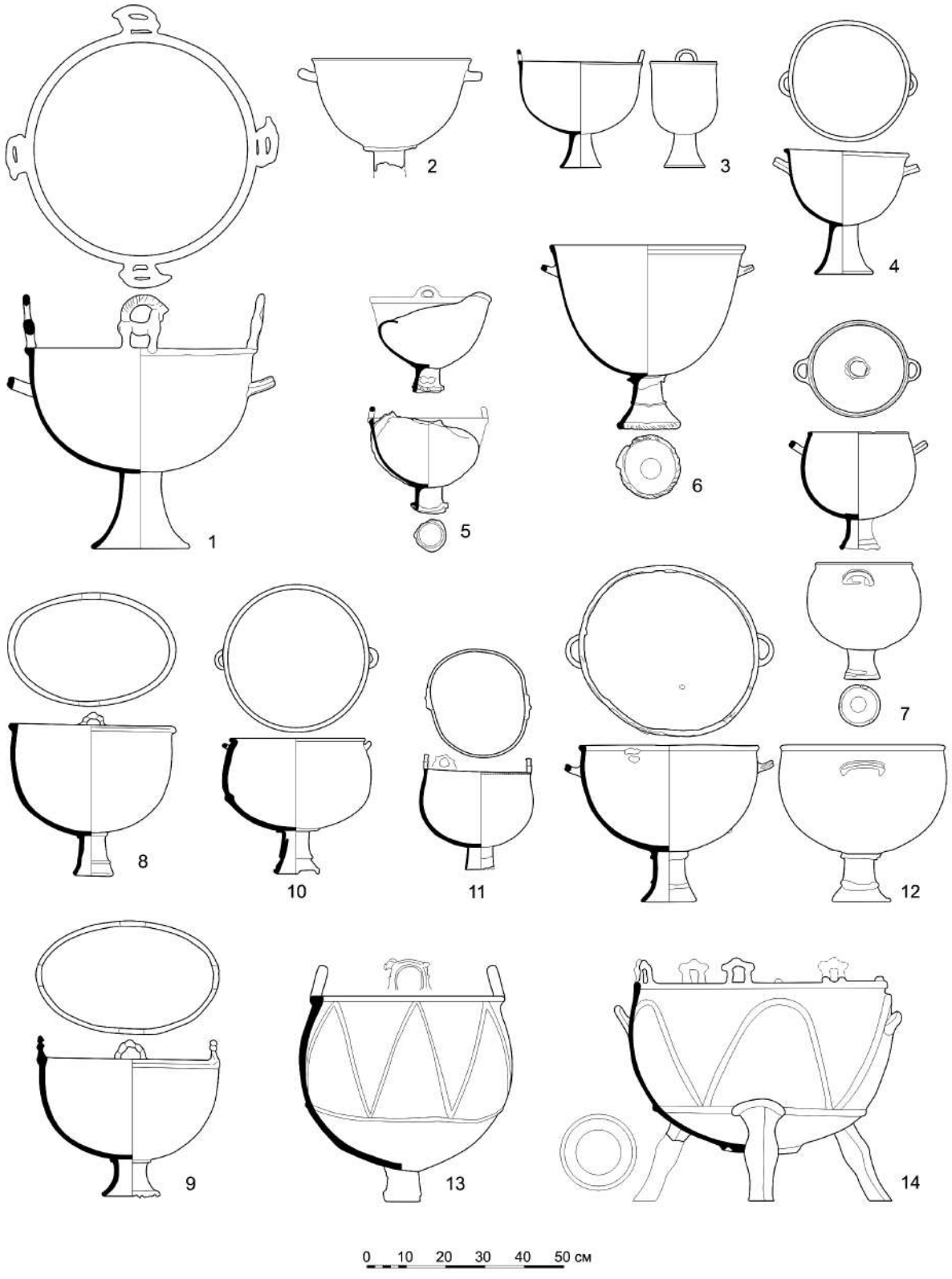


Рис 8. Скифские бронзовые котлы западного ареала: 1 - Якобень, случ.; 2 - Иване-Пусте, случ.; 3 - Сёнь, случ.; 4 - Швайковцы, кург.; 5 - Новые Раскайцы, кург. 1; 6 - Дубоссары, кург. 45; 7 - Никольское, кург. 15; 8, 9 - Островное, кург. 3; 10 - Мреснота Могила, кург. 3; 11 - Ограда, случ.; 12 - Никольское, кург. 14; 13 - Кастелу, случ.; 14 - Скорцару-Векь, разр. кург.

украшения одежды, обломки защитного вооружения, золотая и серебряная фольга. Кроме того, в северной части ямы (подбое) были обнаружены три гераклейские амфоры[13] с трехстрочными энглифическими клеймами, на основе которых, по всей видимости, погребение первоначально было продатировано «концом V - первой половиной IV в. до н.э.» (Алексеева, Дворянинов, Чернов 1973, 259). Впоследствии дата погребения (до сих пор неопубликованного, как и другие комплексы из Островного) была уточнена С.Ю. Монаховым в пределах первого десятилетия IV в. до н.э. Согласно его определениям, в комплексе были обнаружены две гераклейские амфоры I типа с магистратским клеймом ΑΡΙΣΤΟΚ|ΛΗΣ ΑΡΤΟΝ|ΔΑ и реконструируемым клеймом раннего фабриканта Сатириона ΣΑΤΥ- (Монахов 1999, 205-206), что позволило исследователю синхронизировать погребение с ольвийским складом 1947 г., верхняя граница которого – конец 90-х гг. IV в. до н.э., а сам склад собирался на протяжении десятилетия (Монахов 1999, 197).

Еще один котел на левобережье Нижнего Дуная был обнаружен в кургане 3 группы «Мреснота Могила» между селами Виноградовка и Владычень Болградского района Одесской области. В погребении 1, к которому относился впущенный в насыпь кургана и перекрытый каменными плитами котел, несмотря на ограбление, были найдены железные наборные панцирная рубаха и щит, три амфоры, киаф, золотая аппликация на деревянную чашу, чернолаковый скифос (Гудкова и др. 1984, 73-76, рис. 42-44; Редина 1992, 84; Редина 2013, 381, рис. 94/8; 96/7; 98/6). А.С. Островерхов и Е.Ф. Редина отнесли этот комплекс, вместе с курганом у с. Чобручи, ко второй – третьей четверти V в. до н.э. (Островерхов, Редина 2013, 382). Действительно, аттические чернолаковые скифосы, подобные экземпляру из кургана 3 Мресноты Могилы, появляются во второй четверти V в. до н.э. (Sparkes, Talcott 1970, 84). С.Ю. Монахов, изучивший *de visu* две амфоры из трех, считает их уникальными изделиями, напоминающими амфоры Фасоса второй половины V в. до н.э., хотя и отличающимися от фасосских амфор формой венца, ручек и цветом. Согласно его заключению, такие морфологические признаки, как высокое горло и коническое тулово, позволяют отнести этот комплекс к третьей четверти V в. до н.э. (Монахов 1999, 140).

У других скифских котлов Нижнего Дуная практически отсутствует достоверный археологический контекст. Тем не менее в сочетании с такими же «случайными» находками скифских изваяний находки скифских котлов маркируют непосредственное скифское присутствие[14], вероятнее всего, не ранее конца VI в. или даже рубежа VI-V вв. до н.э. Действительно, между находками котлов и антропоморфными изваяниями скифского времени, появление которых сложно объяснить просто импортами, влияниями или межкультурными контактами, наблюдается устойчивая корреляция (Topal 2019, 96). Основные скопления как котлов, так и стел, как правило, совпадают, например, на Днестре и Западном Подолье – Буковине. И напротив, в центре румынской Молдовы и Бессарабии, где мы наблюдаем множество скифских комплексов и вещей (в том числе, оружия), пока не обнаруживается ни скифских изваяний, ни скифских котлов (Topal 2019, fig. 1). В качестве дополнительного аргумента можно привести сведения о динамике важнейшего опорного пункта востока Нижнего Подунавья – городища Картал у с. Орловка Ренийского района Одесской области, которое с энеолита до средневековья периодически использовалось то в роли «плацдарма», то в роли «замка́» (Бруяко 2019, 246). Со второй половины VII до конца V вв. до н.э. полноценное поселение в Картале отсутствует (Бруяко 2019, 250) и это, скорее всего, свидетельствует о том, что в период наиболее активной фазы продвижения скифов на запад речной рубеж на востоке Нижнего Дуная был для них абсолютно проницаемым. На территории Добруджи, у Кастелу, неподалеку от Меджидии жудеца

[13] С.И. Андрух упоминает среди находок из погребения у Островного и фасосские клейма (Андрух 1995, 48).

[14] С тем, что бронзовые котлы являются индикатором скифского присутствия, согласен и В. Сырбу (Sîrbu 2019, 373). Однако, к большому сожалению, в его недавней работе допущен ряд неточностей и фактических ошибок – котел из Швайковцов локализован то у Чорткова, то у Большовцов, его фотографии подписаны как «котел из Дубоссар», а Мреснота Могила помещена у г. Рени (Sîrbu 2019, 373, 383, fig. 7, 8, 11). Кроме того, у Арциза упоминается котел, о котором ничего не известно, но при этом игнорируется хорошо известная находка у Иване-Пусте.

Констанца, был обнаружен литой бронзовый котел (Aricescu 1965, 565-570, fig. 1; Sîrbu 2015, 55, fig. 4), который, к сожалению, не удалось связать с определенным археологическим контекстом. Кроме того, бронзовые котлы известны и западнее, в Валахии. О скифском выходе в Бараганскую степь, возможно, свидетельствуют находки котлов из Ограды и Скорцару-Векь (Sîrbu 2015, fig. 2, 3; Pârvan 1926, fig. 1). Случайная находка бронзового котла у с. Ограда жудеца Яломица хранится в Музее Нижнего Дуная в Кэлэрашь и недавно была введена в научный оборот В. Сырбу (Sîrbu 2015, 54). Другой котел был обнаружен у с. Скорцару-Векь жудеца Брэила и опубликован В. Пырваном (Pârvan 1926, 9). В. Сырбу позже привел дополнительные подробности – котел был найден в 1899 г. на вершине насыпи разрушенного кургана Дингилиу, на глубине около трех метров и был заполнен костями (Sîrbu 2015, 55).

Другая концентрация находок котлов скифского времени связана с Нижним Днестром. К сожалению, из-за утраты сведений о контексте обнаружения котла у Новых Раскайцов не представляется возможным связать его находку с тем или иным скифским впускным погребением кургана. К тому же инвентарь других скифских погребений кургана 1 не позволяет датировать их у́же чем в пределах IV в. до н.э. Однако котел с вертикальными ручками из Раскайцов, скорее всего, относится к более раннему времени. На это может указывать бронзовое навершие, найденное на этом кургане в 1953 г. Стилистически оно связано с навершием из кургана Защита (Бокій 1970, 187, рис. 1/1, 2) начала V в. до н.э. и навершием из Ульского кургана 2 1909 г. середины V в. до н.э. (Лесков 2015, 96). Похоже, что на экземпляре из Новых Раскайцов прослеживается дальнейшая стилизация образа, достигающая своей высшей стадии, когда клюв уже только угадывается в завитках верхней части навершия, но выраженная восковица и рельефный глаз пока еще подчеркивает сходство с головой хищной птицы или грифона. Изображение на этом навершии гораздо ближе к золотым обивкам деревянных чаш в форме голов хищных птиц из кургана 1 Завадской Могилы, кургана 15 Перещепинского могильника, кургана 411 у Пекарей, курганов 1 и 2 у Яблоновки, кургана 4 у Берестняг, кургана у Арциза и, что немаловажно, кургана 3 Мреснотой Могилы, рассмотренного выше. Известно, что в степи эти накладки появляются не ранее середины V в. до н.э., к тому же исполненными в гораздо более стилизованной манере, чем в лесостепных регионах (Махортых 2019, 479). Кроме того, к середине V в. до н.э. относится впускное погребение 7 из ближайшего раскопанного кургана 2 у Новых Раскайцов, в котором была найдена бляха с изображением свернувшегося хищника (Яровой 1990, 36-37, рис. 13). Таким образом, высока вероятность того, что котел из кургана 1 у Новых Раскайцов связан с финалом среднескифского периода или серединой – третьей четвертью V в. до н.э.

В кургане 45 группы «Дубоссарские курганы», кроме бронзового котла, были обнаружены три амфоры, две из которых были реставрированы. Две розовоглиняные амфоры (включая фрагментированную) определяются как хиосские с колпачковидной ножкой варианта V-B по С.Ю. Монахову, которые появляются не ранее рубежа V-IV вв. до н.э. и производятся еще около столетия (Монахов 2003, 21-22). Другая желтоглиняная амфора относится к мендейским амфорам варианта II-B (Портичелло) по С.Ю. Монахову – первых двух десятилетий IV в. до н.э. (Монахов 2003, 91-92). Поэтому можно согласиться с датировкой комплекса в рамках первой четверти IV в. до н.э. (Кетрару и др. 2014, 217; Полин 2014, 423).

К сожалению, ввиду полного ограбления основных погребений курганов 14 и 15 у Никольского сложно судить об их хронологической позиции. Впускное погребение кургана 14 было совершено ненамного позже основного и, судя по всему, относится ко времени не позднее конца V в. до н.э. Вероятно, к этому времени относится и основное погребение, с которым связана яма с котлом, а также курган 15. Возможно, котел сопровождал основное погребение 1 в кургане 1 у с. Чобручи Суворовского района МССР, сейчас района Штефан-Водэ Республики Молдова (Агульников, Субботин 1997, 182-186), и был унесен во время ограбления. На это, по мнению авторов раскопок, указывает наличие костей животных в заполнении, часть из которых интенсивно окрашена в зеленый цвет (Агульников, Антипенко 1990, 3; Agulnicov 2003,

40). Несмотря на датировку амфоры второй четвертью V в. до н.э. по Н.А. Лейпунской, автор раскопок повышает дату погребения по наконечникам стрел (sic!) до «конца V в. до н.э.» (Agulnicov 2003, 43). При этом хиосские пухлогорлые амфоры варианта III-B по С.Ю. Монахову появляются в 480-470-е гг. до н.э. и пользуются особой популярностью на протяжении второй четверти V в. до н.э., сменяясь затем, в середине столетия, позднепухлогорлым вариантом с перехватом на горле (Монахов 2003, 18, табл. 7/1-3), к которому и относится экземпляр из Чобручей. Поэтому оптимальной датой для погребения из Чобручей следует считать третью четверть V в. до н.э., что позволяет синхронизировать этот комплекс с курганом 3 группы «Мреснота Могила». В связи с первыми исследованиями скифских курганов Бессарабии иногда упоминается клад с бронзовым котлом[15], обнаруженный у с. Броаска, «принадлежность к скифскому времени которого не вызывает сомнений» (Тельнов, Синика 2014, 31). Однако при ближайшем рассмотрении, а также после обращения к первоисточнику (протоколу заседания 387 Одесского общества истории и древностей (Заседание 1910, 7-8), оказалось, что речь в сообщении Е.А. Шуманского шла о знаменитом Бубуечском кладе III-II вв. до н.э. (Тельнов, Четвериков, Синика 2016, 8). Также к позднескифскому периоду (освещение которого не входит в задачи данной работы), вероятнее всего, относится и клад из Великоплоского с котлом (Дзис-Райко, Суничук 1984, 148, рис. 2/13).

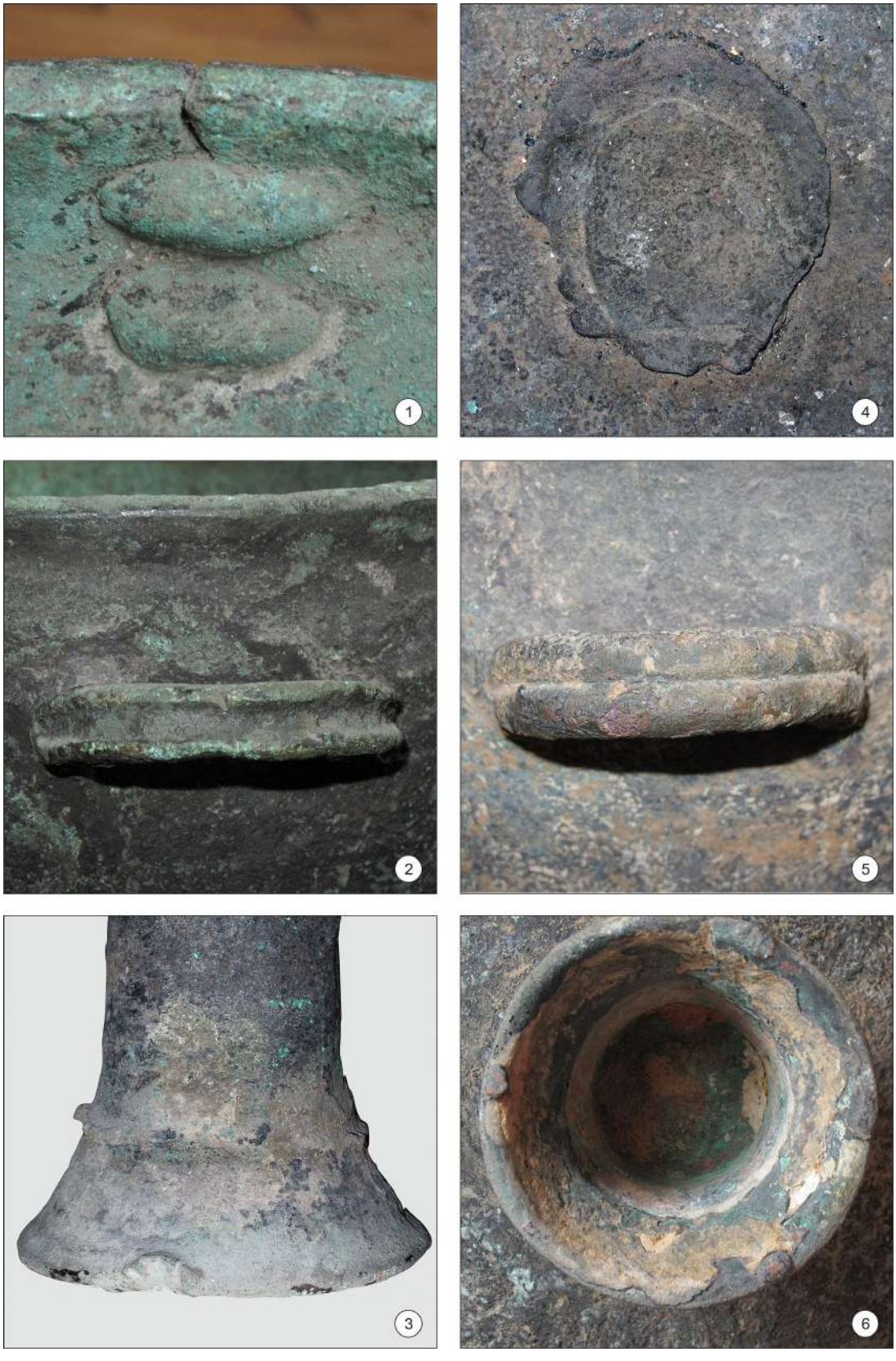
Прежде всего обращает на себя внимание тот факт, что подавляющее большинство находок котлов (12 из 17) в Карпато-Поднестровье, так или иначе, связано с курганными могильниками, насыпями или погребениями. Похоже, что наиболее ранние находки котлов обнаруживаются на севере региона – к ним точно можно отнести котел из Швайковцов, из курганного погребения третьей четверти VII в. до н.э. и экземпляр из Якобень. Возможно, раннескифским временем (или началом среднескифского) датируется и находка из Иване-Пусте. Комплексы с котлами из Нижнего Поднестровья и Нижнего Подунавья относятся ко времени не ранее середины V в. до н.э., при этом основная масса котлов датируется третьей четвертью столетия, а затем они исчезают в начале IV в. до н.э. Несколько сложнее со случайными находками, хотя котел из Ограды, вероятнее всего, относится к третьей четверти – второй половине V в. до н.э. по аналогии с экземпляром из Новых Раскайцов. Котел из Скорцару-Векь настолько необычен по своему исполнению, что даже А.И. Мелюкова идентифицировала его как гуннский (Мелюкова 1979, 8). Конечно, велик соблазн связать этот котел с сакскими трехногими котлами, известными с V в. до н.э. главным образом на территории Семиречья (Демиденко 2008, 39-40; Джумамбекова, Базарбаева 2013, 35; Спасская 2017, 20). Тем не менее, несмотря на некоторую общность технологических деталей (форма дна, расположение ножек), есть и принципиальные различия с семиреченскими котлами. Например, на всех без исключения трехногих котлах семиреченского типа отсутствуют вертикальные ручки на венце, ножки гораздо выше и, как правило, оформлены в зверином стиле, веревочный орнамент на тулове не находит аналогий.

Таким образом, налицо существенная разница во времени между условно северной (лесостепной, буковинской-подольской) группой котлов и южной (степной, нижнедунайской-нижнеднестровской). При этом безусловный хронологический приоритет остается за первой, в рамках которой котлы известны с середины VII в. до н.э. Бронзовые литые котлы (вместе со своими носителями) проникают в степь на 150-200 лет позже, как, собственно, и «воинские» погребальные комплексы, которые появляются в степных регионах на западе не ранее середины V в. до н.э. Ко второй половине V в. до н.э. относится и бóльшая часть комплексов (и, по всей видимости, случайных находок) бронзовых котлов. Затем, в начале IV в. до н.э. их становится значительно меньше, чтобы к концу второй четверти столетия окончательно исчезнуть из культурных практик населения степей Северо-Западного Причерноморья.

[15] По мнению С.В. Демиденко, котел из клада у Броаски-Бубуечь «уникален и обладает рядом архаичных черт и типологически близок скифо-савроматским» (Мордвинцева 2001, 110).

Приложение 1

Технологические детали котлов из собрания Национального музея истории Молдовы



1-3 - Никольское, курган 14; 5-6 - Никольское, курган 15.

7-12 - Дубоссары, курган 45.

13-18 - Новые Раскайцы, курган 1.

Библиография

Агульников, Антипенко 1990: С.М. Агульников, Е.О. Антипенко, Отчет о полевых исследованиях Суворовской новостроечной экспедиции в 1989 г. Архив НМИМ, №297 (Кишинев 1990).

Агульников, Левинский 1989: С.М. Агульников, А.Н. Левинский, Отчет о полевых исследованиях Слободзейской новостроечной экспедиции в 1988 г. Архив НМИМ, №281 (Кишинев 1989).

Агульников, Сава 2004: С. Агульников, Е. Сава, Исследования курганов на левобережье Днестра (Кишинэу 2004).

Агульников, Субботин 1997: С.М. Агульников, А.В. Субботин, Скифский курган V в. до н.э. в Днестровском Правобережье. В сб.: (Отв. ред. С.Б. Охотников) Никоний и античный мир Северного Причерноморья (Одесса 1997), 182-186.

Алексеева 1973: И.Л. Алексеева, Раскопки курганов в междуречье Дуная-Днестра. В сб.: АО 1972 года (Москва 1973), 252-253.

Алексеева, Дворянинов, Чернов 1977: И.Л. Алексеева, С.А. Дворянинов, С.И. Чернов, Раскопки курганов в Арцизском районе Одесской области. В сб.: АО 1976 года (Москва 1977), 259.

Андрух 1995: С.И. Андрух, Нижнедунайская Скифия в VI – начале I в. до н.э. (этно-политический аспект) (Запорожье 1995).

Бандрівський 2009: М. Бандрівський, Новий ритуальний об'єкт часів скіфської архаїки зі Швайківець біля Чорткова на Тернопольщині (попереднє повідомлення). В зб.: (Відп. ред. В.В. Отрощенко) Взаємозв'язки культур епох бронзи і раннього заліза на території центральної та Східної Європи (Київ, Львів 2009), 202-220.

Бандривский 2013: М.С. Бандривский, Курганы в Швайковцах и Коцюбинчиках — новый источник для датировки Западно-подольской группы раннескифской культуры (по материалам раскопок 2007–2009 гг.). РАЕ 3, 2013, 341-361.

Бандрівський 2014: М.С. Бандрівский, Культурно-історичні процеси на Прикарпатті і Західному Поділлі в пізній період епохи бронзи – на початку доби раннього заліза (Львів 2014).

Барцева 1981: Т.Б. Барцева, Цветная металлообработка скифского времени. Лесостепное днепровское левобережье (Москва 1981).

Барцева 1981: Т.Б. Барцева, Цветная металлообработка скифского времени. Лесостепное днепровское левобережье (Москва 1981).

Бокій 1970: Н.М. Бокій, Нові пам'ятки скіфського звіриного стилю з Кіровоградщини. Археологія 23, 1970, 182-188.

Бруяко 2019: И.В. Бруяко, Феномен Картала: динамика смысла. МАСП 14, 2019, 245-259.

Гребеняк 1914: В. Гребеняк, Сліди скитської культури в Галичині. Записки Наукового товариства імені Шевченка 117-118, 1914, 9-16.

Гудкова и др. 1984: А.В. Гудкова, Г.Н. Тощев, М.М. Фокеев, С.И. Андрух, Отчет о работе Измаильской новостроечной экспедиции в 1984 г. Архив ИА НАНУ 1984/158 (Киев 1984).

Демиденко 2008: С.В. Демиденко, Бронзовые котлы древних племен Нижнего Поволжья и Южного Приуралья (V в. до н.э. - III в. н.э.) (Москва 2008).

Джумамбекова, Базарбаева 2013: Г.С. Джумамбекова, Г.А. Базарбаева, Художественные бронзы Жетысу (Алматы 2013).

Дзис-Райко, Суничук 1984: Г.А. Дзис-Райко, Е.Ф. Суничук, Комплекс предметов скифского времени из с. Великоплоское. В сб.: (Отв. ред. И.Т. Черняков) Ранний железный век в Северо-Западном Причерноморье (Киев 1984), 148-161.

Заседание 1910: 387 заседание Императорского Одесского общества истории и древностей. 14 сентября 1908 года. ЗООИД 28, 1910, 7-8.

Кетрару 1988: Н.А. Кетрару, Отчет о полевых исследованиях Дубоссарской новостроечной экспедиции в 1987 г. Архив НМИМ, №276 (Кишинев 1988).

Кетрару и др. 2014: Н.А. Кетрару, В.С. Синика, С.Н. Разумов, Н.П. Тельнов, Дубоссарские курганы (Тирасполь 2014).

Кетрару, Четвериков 2005: Н.А. Кетрару, И.А. Четвериков, Курганы скифского времени у города Дубоссары (публикация материалов раскопок 1980-1987 гг.). Stratum plus 3 (2003-2004), 2005, 77-197.

Лесков 2015: А.М. Лесков, Вопросы относительной и абсолютной хронологии. В: (Ред. А.И. Иванчик, А.М. Лесков) Ульские курганы. Культово-погребальный комплекс скифского времени на Северном Кавказе. Степные народы Евразии 6 (Москва, Берлин, Бордо 2015), 87-100.

Махортых 2019: С.В. Махортых, Золотые накладки на деревянные сосуды из Перещепинского могильника близ Бельска. АДІУ 2 (31), 2019, 470-482.

Мелюкова 1979: А.И. Мелюкова, Скифия и фракийский мир (Москва 1979).

Монахов 1999: С.Ю. Монахов, Греческие амфоры в Причерноморье. Комплексы керамической тары VII-II веков до н. э. (Саратов 1999).

Монахов 2003: С.Ю. Монахов, Греческие амфоры в Причерноморье. Типология амфор ведущих центров-экспортеров товаров в керамической таре. Каталог-определитель (Москва, Саратов 2003).

Мордвинцева 2001: В.И. Мордвинцева, Декоративные пластины из Бубуеча. РА 2, 2001, 108-114.

Мурзин 1984: В.Ю. Мурзин, Скифская архаика Северного Причерноморья (Киев 1984).

Нудельман, Рикман 1956: А.А. Нудельман, Э.А. Рикман, Навершие и клад серебряных украшений скифского времени из Молдавии. Известия Молдавского филиала АН СССР 4 (31), 1956, 129-133.

Ольговский 2003: С.Я. Ольговский, Метал скіфських казанів, Vita antiqua 5-6, 2003, 113-120.

Островерхов, Редина 2013: А.С. Островерхов, Е.Ф. Редина, Скифские древности. В: (Отв. ред. И.В. Бруяко, Т.Л. Самойлова) Древние культуры Северо-Западного Причерноморья (Одесса 2013), 374-18.

Полин 2014: С.В. Полин, Скифский Золотобалковский курганный могильник V-V вв. до н.э. на Херсонщине. Курганы Украины 3 (Киев 2014)

Редина 1992: Е.Ф. Редина, Скифский могильник Мреснота Могила. В сб.: (Отв. ред. Б.Д. Михайлов и др.) Киммерийцы и скифы (Мелитополь 1992), 83-84.

Ромашко 2015: О.В. Ромашко, Металеві казани скіфської культури (VII-II ст. до н.е.). Автореф. дис. ... канд. іст. наук (Київ 2015).

Сергеев 1963: Г.П. Сергеев, Бронзовое навершие из села Раскайцы Молдавской ССР. В сб.: Краткие сообщения о полевых археологических исследованиях Одесского государственного археологического музея за 1961 год (Одесса 1963), 68-71.

Спасская 2017: Е.Ю. Спасская, Медные котлы ранних кочевников Казахстана и Киргизии. В: (Отв. ред. Г.С. Джумамбекова, Г.А. Базарбаева) Металлические котлы ранних кочевников Жетысу (Алматы 2017), 19-32.

Тельнов, Синика 2014: Н.П. Тельнов, В.С. Синика, Скифские памятники в степном Поднестровье: история изучения и современное состояние источниковой базы. Русин 2 (36), 2014, 29-54.

Тельнов, Четвериков, Синика 2016: Н.П. Тельнов, И.А. Четвериков, В.С. Синика, Скифский могильник III-II вв. до н.э. у с. Глиное (Тирасполь 2016).

Яровой 1980: Е.В. Яровой, Отчет о полевых исследованиях Суворовской новостроечной археологической экспедиции в 1979 г. Архив НМИМ, №146 (Кишинев 1980).

Яровой 1981: Е.В. Яровой, Отчет о полевых исследованиях Суворовской новостроечной археологической экспедиции в 1980 г. Архив НМИМ, №154а (Кишинев 1981).

Яровой 1990: Е.В. Яровой, Курганы энеолита – эпохи бронзы Нижнего Поднестровья (Кишинев 1990).

Яровой 1992: Е.В. Яровой, Раскрывая тайны курганов (Кишинев 1992).

Яровой 2010: Е.В. Яровой, По следам древних кладов. Мистика и реальность (Москва 2010).

Яровой 2013: Е.В. Яровой, Мистика древних курганов (Москва 2013).

Яровой 2015: Е.В. Яровой, Тайны скифских курганов (Москва 2015).

Agulnicov 2003: S. Agulnicov, Un tumul scitic de lângă satul Cioburciu. Tyragetia 12, 2003, 40-44.

Aricescu 1965: C. Aricescu, Cazanul scitic de la Castelu. SCIV 16/3, 1965, 565-570.

Bârcă 2020: V. Bârcă, The bronze cauldron of Piatra Şoimului (Calu) (Neamţ County, Romania). Notes on the distribution, dating and use of such type cauldrons in the Sarmatian environment. Journal of Ancient History and Archeology 7 (1), 2020, 79-105.

Bârcă 2020a: V. Bârcă, The bronze cauldron of Avrămeni (Botoşani County). Aspects of collective and individual mobility during the Late Iron age in the territories between the Carpathians and the Volga. Journal of Ancient History and Archeology 7 (3), 2020, 92-123.

Chetraru, Mateevici 1997: N. Chetraru, N. Mateevici, Cercetările tumulului nr. 45 din raionul Dubăsari. Tyragetia 4-5, 1997, 109-115.

Demetrykiewicz 1898: W. Demetrykiewicz, Vorgeschichte. Die österreichisch-ungarische Monarchie in Wort und Bild 12. Galizien (Wien 1898), 111-136.

Niţu 1953: A. Niţu, Despre unele urme scitice în Moldova. MCA 1, 1953, 3-11.

Pârvan 1926: V. Pârvan, Getica. O protoistorie a Daciei (Bucureşti 1926).

Patay 1990: P. Patay, Die Bronzegefäße in Ungarn. PBF 2, 10 (München 1990).

Raţă 1966: S. Raţă, Cazanul scitic din bronz din secolele VI-V a. Chr. de la Iacobeni-Dângeni (r. Săveni, reg. Suceava), ArhMold 4, 1966, 351-353.

Sîrbu 2015: V. Sîrbu, Deux découvertes datant des Ve - IVe s. av. J.-C. à l'est de la Valachie: la tombe de Râmnicelu (dép. de Brăila) et la chaudière d'Ograda (dép. d'Ialomiţa). Thraco-Dacica 6-7 (29-30) (2014-2015), 2015, 51-60.

Sîrbu 2019: V. Sîrbu, Scythian cauldrons and the meaning of their presence. In: (Ed. V. Sîrbu, A. Comşa, D. Hortopan) Digging in the past of Old Europe. Studies in Honor of Cristian Schuster at his 60th Anniversary (Brăila 2019), 367-387.

Sparkes, Talcott 1970: B.A. Sparkes, L. Talcott, Black and plain pottery of the 6th, 5th and 4th centuries B.C. The Athenian Agora 5, 12 (Princeton, New Jersey 1970).

Sulimirski 1936: T. Sulimirski, Scytowie na Zachodniem Podolu (Lwów 1936).

Topal 2019: D. Topal, The specificity of the Scythian panoply of the Lower Danube. Plural 2, 2019, 92-110.

Topal 2020: D. Topal, Going to pot: Bronze cauldrons on the western fringe of Scythian culture, Peuce XVIII, 2020, 111-136.

Cazane scitice din bronz din colecţia Muzeului Naţional de Istorie a Moldovei

Cuvinte-cheie: cultură scitică, cazane din bronz, spaţiul nord-vest-pontic, Dunărea de Jos, perioada scitică mijlocie, perioada scitică clasică.

Rezumat: Cazanele turnate din bronz din perioada scitică sunt o descoperire destul de rară în stepa şi silvostepa din nordul Mării Negre, în special la limitele sale de vest. Prin urmare, exemplarele găsite pe teritoriul Republicii Moldova ocupă un loc special în colecţia Muzeului Naţional de Istorie a Moldovei (MNIM). La momentul de faţă, în expoziţia arheologică principală sunt expuse două cazane de bronz, descoperite în anul 1988 lângă s. Nikolskoe (tumulii nr. 14 şi 15). De asemenea, în 2020, în fondurile MNIM au mai fost găsite două cazane din bronz, despre locul provenienţei cărora nu se cunoştea. În urma unor investigaţii, s-a stabilit că o piesă provine din tumulul 45 de lângă Dubăsari, iar al doilea exemplar face parte din antichităţile descoperite în grupul tumular, studiat în 1979-1980 lângă s. Răscăieţii Noi. Cazanele de bronz scitice din nord-vestul Mării Negre sunt concentrate în trei regiuni principale: Bucovina şi Podolia (Iacobeni, Ivane-Puste, Şvaikivţi), Nistrul de Jos (Răscăieţii Noi, Nikolskoe, Dubăsari, Cioburciu) şi Dunărea de Jos (Ograda, Castelu, Scorţaru Vechi, Mresnota Moghila, Ostrovnoe). Unele cazane scitice au fost găsite în afara unui context arheologic şi sunt, de fapt, descoperiri fortuite. Cu toate acestea, în combinaţie cu alte descoperiri „fortuite" (de ex. statui antropomorfe scitice), cazanele scitice marchează prezenţa sciţilor, cel mai probabil, nu mai devreme de finele sec. al VI-lea a. Chr. Există o diferenţă cronologică semnificativă între grupul de nord (silvostepă, Bucovina - Podolia) şi cel de sud (stepă, Dunărea de Jos - Nistrul de Jos). Astfel, în primul grup, cazanele sunt cunoscute de la mijlocul sec. al VII-lea a. Chr., pe când în zona de stepă cazanele din bronz turnate (împreună cu purtătorii lor) pătrund cu cca 150-200 de ani mai târziu, ca şi complexele funerare „militare", care apar în regiunile de vest ale stepei nu mai devreme de mijlocul secolului al V-lea a. Chr. Marea majoritate a complexelor funerare cu cazane (şi a descoperirilor fortuite) se încadrează în a doua jumătate a sec. V a. Chr. La începutul secolului al IV-lea a. Chr., ele vor deveni mult mai puţine, iar în al doilea sfert al sec. IV a. Chr. vor dispărea complet din practicile culturale ale populaţiei din stepele spaţiului nord-vest-pontic.

Lista ilustraţiilor:

Fig. 1. Cazane din colecţia Muzeului Naţional de Istorie a Moldovei: 1 - Răscăieţii Noi, tum. 1; 2 - Dubăsari, tum. 45; 3 - Nikolskoe, tum. 14; 4 - Nikolskoe, tum. 15.

Fig. 2. Cazane din tumulii nr. 14 (1-4) şi 15 (5-7) de la Nikolskoe (fotografii şi desene ale autorului).

Fig. 3. Cazanul din tumulul nr. 45 de la Dubăsari (foto N. Chetraru).

Fig. 4. Cazanul din tumulul nr. 45 de la Dubăsari *in situ* şi o aglomeraţie de oase de animale (foto N. Chetraru).

Fig. 5. Cazanul din tumulul nr. 45 de la Dubăsari (fotografii şi reconstituirea autorului).

Fig. 6. Cazanul (1-5) şi piesa în stil animalier (6) din tumulul nr. 1 de la Răscăieţii Noi (fotografii şi reconstituirea autorului).

Fig. 7. Distribuţia cazanelor de bronz din perioada scitică în regiunea nord-pontică (A - complexe funerare; B - descoperiri fortuite; C - descoperiri din aşezări; D - tumul distrus). Zona de vest: 1 - Szőny; 2 - Ograda; 3 - Castelu; 4 - Scorţaru Vechi; 5 - Mresnota Moghila; 6 - Ostrovnoe; 7 - Răscăieţii Noi; 8 - Nikolskoe; 9 - Cioburciu; 10 - Dubăsari; 11 - Iacobeni; 12 - Ivane-Puste; 13 - Şvaikivţi.

Fig 8. Cazane din bronz scitice din spaţiul carpato-nistrean: 1 - Iacobeni, desc. fort.; 2 - Ivane-Puste, desc. fort.; 3 - Szőny, desc. fort.; 4 - Şvaikivţi, tum.; 5 - Răscăieţii Noi, tum. 1; 6 - Dubăsari, tum. 45; 7 - Nikolskoe, tum. 15; 8, 9 - Ostrovnoe, tum. 3; 10 - Mresnota Moghila, tum. 3; 11 - Ograda, desc. fort.; 12 - Nikolskoe, tum. 14; 13 - Castelu, desc. fort.; 14 - Scorţaru Vechi, tum. distrus.

Anexa 1. Detalii tehnologice ale cazanelor din colecţia Muzeului Naţional de Istorie a Moldovei: 1-3 - Nikolskoe, tum. 14; 5, 6 - Nikolskoe, tum. 15; 7-12 - Dubăsari, tum. 45; 13-18 - Răscăieţii Noi, tum. 1.

Scythian bronze cauldrons from the National Museum of History of Moldova

Keywords: Scythian culture, bronze cauldrons, Northwest Black Sea region, Lower Danube, Middle Scythian period, Classical Scythian culture.

Abstract: Bronze cauldrons of the Scythian time are a rather rare find in the Northern Black Sea region, especially on its western borders. Therefore, those few items found on the territory of the Republic of Moldova occupy a worthy place in the collection of the National Museum of History of Moldova (NMHM). In particular, at the moment in the main archaeological exhibition two bronze cauldrons are displayed, which were discovered near the village of Nikolskoe in 1988 in burial mounds no. 14 and no. 15. In addition, already in 2020, two bronze cauldrons without any accompanying documents were found in the collection of NMHM; however, they were visually identified as coming from various excavations in the Low Dniester region: from the burial mound no. 45 near Dubossary and burial mound no. 1 near the Răscăieţii Noi village. Scythian bronze cauldrons in the west area are concentrated in three main regions: Bukovina Podolia (Iacobeni, Ivane-Puste, Shvaikivtsy), the Lower Dniester (Răscăieţii Noi, Nikolskoe, Dubossary, Coiburciu), and the Lower Danube (Ograda, Castelu, Scorţaru Vechi, Mresnota Mogyla, Ostrovnoe). Some Scythian cauldrons have no reliable archaeological context. Nevertheless, in combination with the same "stray" finds like the Scythian statues, the finds of Scythian cauldrons mark the Scythian presence, most likely, not earlier than the late 6th century or even the turn of the 6th-5th centuries BC. There is a significant chronological difference between the northern (forest-steppe, Bukovina-Podolia) group of cauldrons and the southern (steppe, Lower Danube-Lower Dniester). At the same time, a chronological priority is characteristic of the first, where the cauldrons are known since the middle of the 7th century BC. Bronze cauldrons (with their carriers) penetrate the steppe region 150-200 years later, as well as the "military" burials that appear in the western steppe regions no earlier than the middle of the 5th century BC. Most of the burials with cauldrons (and, apparently, the stray finds) are dated back to the second half of the 5th century BC. Then, at the early 4th century BC their quantity is reduced and after the first quarter of the 4th century BC they will completely disappear from the cultural practice of the population of the steppes of the North-Western Black Sea region.

List of illustrations:

Fig. 1. Cauldrons from the National Museum of History of Moldova: 1 - Răscăieţii Noi, barrow 1; 2 - Dubossary, barrow 45; 3 - Nikolskoe, barrow 14; 4 - Nikolskoe, barrow 15.

Fig 2. Cauldrons from barrow 14 (1-4) and barrow 15 (5-7) near Nikolskoe (photos by the author).

Fig. 3. Cauldron from barrow 45 near Dubossary (photo by N. Chetraru).

Fig. 4. Cauldron from barrow 45 near Dubossary in situ and the concentration of the animal bones (photo by N. Chetraru).

Fig. 5. Cauldron from barrow 45 near Dubossary (photos and reconstruction by the author).

Fig. 6. Cauldron (1-5) and pommel (6) from barrow 1 at Răscăieţii Noi (photos and reconstruction by the author).

Fig. 7. Distribution of the Scythian bronze cauldrons in the Northern Black Sea region (A - burials; B - strayfinds; C - settlements; D - destroyed barrows). Western area: 1 - Szőny; 2 - Ograda; 3 - Castelu; 4 - Scorţaru Vechi; 5 - Mresnota Mogyla; 6 - Ostrovnoe; 7 - Răscăieţii Noi; 8 - Nikolskoe; 9 - Cioburciu; 10 - Dubossary; 11 - Iacobeni; 12 - Ivane-Puste; 14 - Shvaykivtsi.

Fig 8. Scythian bronze cauldrons of the western area: 1 - Iacobeni, strayfind; 2 - Ivane-Puste, strayfind; 3 - Szőny, strayfind; 4 - Şvaikivţi, barrow; 5 - Răscăieţii Noi, barrow 1; 6 - Dubossary, barrow 45; 7 - Nikolskoe, barrow 15; 8, 9 - Ostrovnoe, barrow 3; 10 - Mresnota Mogyla, barrow 3; 11 - Ograda, strayfind; 12 - Nikolskoe, barrow 14; 13 - Castelu, strayfind; 14 - Scorţaru Vechi, destroyed barrow.

Appendix 1. Technological details of the cauldrons from the collection of the National Museum of History of Moldova: 1-3 - Nikolskoe, barrow 14; 5, 6 - Nikolskoe, barrow 15; 7-12 - Dubossary, barrow 45; 13-18 - Răscăieţii Noi, barrow 1.

25.06.2020

Др. Денис Топал, Национальный музей истории Молдовы, ул. 31 августа 1989 г., 121А, Кишинэу, Республика Молдова, http://orcid.org/0000-0002-8586-4427, e-mail: denis.topal@gmail.com

НОВЫЕ МАТЕРИАЛЫ ЖЕЛЕЗНОГО ВЕКА С ЛЕВОБЕРЕЖЬЯ СРЕДНЕГО ДНЕСТРА

Сергей Фидельский

Ключевые слова: Среднее Поднестровье, железный век, гетская культура, V-III вв. до н.э., поселение, могильник, лепная керамика.

Начало широкомасштабных археологических исследований в Среднем Поднестровье относится к середине XX века. В это время Г.Д. Смирновым, А.И. Мелюковой, О.Н. Мельниковской и Р.Л. Розенфельдом были начаты раскопки поселенческих и погребальных памятников железного века (Фидельский 2017, 48-49). В основном исследования проводились на правом берегу Днестра в окрестностях сёл Сахарна, Стохная, Цахнауцы, Солончены, Царевка, Матеуцы, Алчедар и Пояна, где и было обнаружено большинство поселений и могильников рассматриваемого периода. Все известные на тот момент памятники были связаны с культурой фракийского гальштата типа Сахарна-Солончены (ныне Козия-Сахарна), а также с гетской культурой.

Полевые археологические работы проводились и на левом берегу Среднего Днестра. За исследуемый период (1940-1950-е гг.) в указанном регионе усилиями Г.Д. Смирнова и Н.А. Кетрару были выявлены городища у сёл Рашков, Катериновка и Выхватинцы, которые содержали материал гетской культурно-исторической общности (Фидельский 2017, 50-57). К указанному периоду относятся еще два городища, Строенцы и Грушка, открытые И.Г. Хынку в 1983 и 1984 годах соответственно (Хынку 1987, 34-36, 58-59; Niculiţă, Zanoci 2004, 112). Признаки оборонительных сооружений были выявлены при исследовании одного из участков мыса у с. Большой Молокиш (Фидельский 2017, 57, рис. 5). Говорить о существовании в указанном месте укрепленного поселения железного века пока преждевременно, но наличие открытого в 1956 году в окрестностях села раннегальштатского могильника (Лапушнян, Никулицэ, Романовская 1974, 18) не исключает такой возможности. Из упомянутых выше памятников только на одном (городище Выхватинцы) были проведены археологические раскопки (Мелюкова 1955, 64; Фидельский 2017, 57-62). Таким образом, в лесостепной зоне левобережного Поднестровья памятники, относящиеся к северофракийским племенам, отмечены у пяти населенных пунктов. Они представлены в основном укрепленными поселениями (рис. 1).

Принимая во внимание сравнительно небольшое количество древностей железного века на левобережье Среднего Днестра, открытие новых археологических памятников представляет огромный интерес. В этом отношении особого внимания заслуживает Рашковский микрорайон, а именно бассейн реки Бугорнянка (левый приток Днестра). Здесь, кроме упомянутого выше городища, известны неукрепленное поселение и остатки погребения гетской культуры, открытые Н.А. Кетрару в 1958 и 1962 годах (рис. 2). Все они располагались на северной окраине села (урочище «Млыны») в непосредственной близости друг от друга (Коваленко и др. 2006, 71, 78). Вероятнее всего, данный район был заселен фракийскими племенами еще в эпоху гальштата на рубеже бронзового и раннего железного века. Об этом наглядно свидетельствуют материалы, обнаруженные в ходе разведок и раскопок в урочище «Млыны». Они отнесены к культурам орнаментированного гальштата (Кашуба, Фидельский 2007; Левинский, Романчук 2006, 328-333). На наш взгляд, наиболее интенсивно данный регион осваивался гетскими племенами. Это подтверждается новыми материалами, которые были найдены при раскопках верхнепалеолитической стоянки Рашков VIII, хорошо известной по археологической литературе (Коваленко и др. 2006, 76-77).

Первые находки железного века были выявлены в полевом сезоне 2006 года (Коваленко 2007, 1). Для увеличения площади

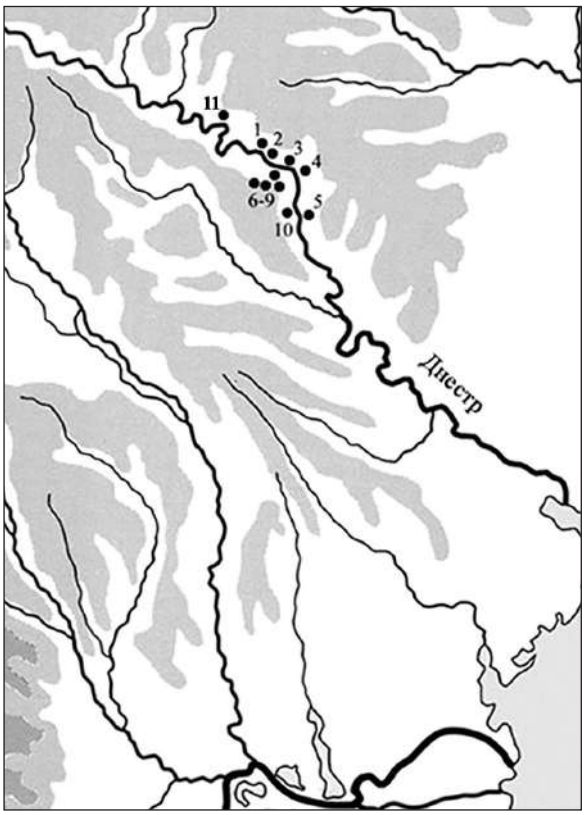


Рис. 1. Карта древностей гетской культуры в Среднем Поднестровье (1 - Рашков; 2 - Катериновка; 3 - Строенцы; 4 - Большой Молокиш; 5 - Выхватинцы; 6-9 - Алчедар, Глинжены, Куратура, Матеуцы и др.; 10 - археологический комплекс Сахарна (Сахарна Маре, Сахарна Микэ, Сахарна «Ла Шанц», Сахарна «Ла Ревекин», Сахарна «Хулбоака», Стохная III, Бучушка); 11 - Грушка.

исследования палеолитической стоянки был заложен небольшой раскоп (рис. 3). Его размеры составили 10×5 м. В ходе раскопок данного участка зафиксированы материалы трех культурно-хронологических горизонтов (раннего железного века, энеолитический слой и слой верхнего палеолита). Предметы материальной культуры интересующего нас периода залегали в буром суглинке на глубине 30-50 см от современной дневной поверхности. Они представлены фрагментами гетской лепной керамики, локализованной в северной части раскопа. Среди найденного материала особый интерес представляет развал сосуда-урны (рис. 4/1) и найденные поблизости мелкие кусочки кальцинированных человеческих костей. После реставрации сосуда были установлены его первоначальная форма и размеры (рис. 4/2-3). Лепной сосуд-урна со слегка раздутым туловом, на плитчатом поддоне, изготовлен из глины с примесями песка и шамота. Обжиг неравномерный. Поверхность сосуда ангобирована, хорошо заглажена, светло-коричневого цвета. Центральная часть урны была украшена четырьмя симметрично расположенными ручками-упорами трапециевидных форм, а верхняя часть — двумя сосковидными налепами. Высота сосуда равна 25,5 см. Максимальный диаметр приходится на верхнюю часть сосуда и составляет 27 см. Диаметр устья – 22,5×25 см, диаметр дна – 12,5 см.

Подобные сосуды, учитывая их формы, размеры и орнаментацию, широко использовались в гетском погребальном обряде. При изучении «рашковского» сосуда была отмечена одна интересная деталь – отсутствие горловины. Как показывают исследования, большинство гетских сосудов, связанных с захоронениями IV-III вв. до н.э., имело закрытые формы (Никулицэ 1972, рис. 6/а-б; Тельнов, Синика 2013, рис. 1/3, 3/1). У них хорошо прослеживается переход от тулова к венчику через выделенную шейку. Кроме погребальных памятников, данная керамика в большом ассортименте встречается и на поселениях (Тельнов, Синика 2013, рис. 2/2, 3/2, 3; Zanoci, Mateevici 2017, 186-189, fig. 5).

Урна из Рашкова представляет собой сосуд открытых форм без выделенного горла, где тулово прямо переходит в венчик. Аналогичная (колоколовидная) форма сосудов получает широкое распространение на памятниках VI-V вв. до н.э., расположенных западнее реки Прут и на Нижнем Дунае, где они продолжают бытовать и в более позднее время (Никулицэ 1987, 45-46, 122, рис. 2/29-34, карта 4). В Пруто-Днестровском регионе близкая по конфигурации керамика встречается значительно реже, но при этом она также характерна как для ранних, так и для поздних памятников гетской культуры (Arnăut 2003, fig. 41/4, 43/7, 46/1-3). Практически идентичный по форме и орнаменту сосуд был обнаружен у села Спея на левобережье Нижнего Днестра. Найденные в его заполнении кальцинированные кости человека позволили исследователям локализовать в этом месте могильник и отнести его к гетской культуре IV-III вв. до н.э. (Хахеу 1992, 124-125, рис. 1/5). Еще один очень похожий сосуд происходит

Рис. 2. Расположение гетских памятников в окрестностях с. Рашков (1 - селище; 2 - городище; 3 - погребение в урне; 4 - селище и погребение в урне (раскопки 2006 и 2008 гг.)

из погребения Тудорово/Паланка в Нижнем Поднестровье (Сергеев 1960, 264-265, рис. 7). Единственным отличием является наличие в верхней части не сосковидных налепов, а ручек-упоров. Принимая во внимание датировку железного кинжала, исследователи склонны считать, что захоронение у с. Тудорово было совершено в первой половине V в. до н.э. (Топал 2014, 12).

Таким образом, находка археологически целого сосуда-урны в 2006 году на верхнепалеолитической стоянке Рашков VIII не исключает версии о нахождении в этом месте погребения с трупосожжением. Бесспорным является тот факт, что предполагаемое погребение соотносится с гетской культурно-исторической общностью. Один из вопросов, который остается открытым, заключается в установлении точного времени его совершения и в определении связи с ранее известными в этой зоне памятниками.

В 2008 году археологические исследования верхнепалеолитической стоянки Рашков VIII были продолжены. В указанном полевом сезоне на расстоянии 40-50 м к востоку от раскопа 2006 года, у дороги, на современной дневной поверхности были обнаружены фрагменты лепной керамики железного века (Коваленко, Романчук 2009, 20). В месте скопления керамических фрагментов было принято решение заложить небольшой раскоп (шурф). Раскоп I имел прямоугольную форму, размеры 6×1 м и был ориентирован по линии восток-запад. С его северной стороны была сделана прирезка, и общая площадь раскопа составила 16 м². Культурный слой, мощностью до 30 см, достаточно однородный как по материалу, так и по цвету, состоял из серого чернозема с примесью суглинка. Примерно с глубины 30-35 см от современной дневной поверхности начинается зольный слой, под которым на глубине 60-65 см был зафиксирован пласт обожжённой глины толщиной до 20 см. Такое сочетание напластований указывает на то, что в пределах раскопа обнаружены остатки строительного комплекса. Его предполагаемые границы зафиксированы только с южной и западной стороны, тогда как на севере и востоке сооружение уходило в борта раскопа. Учитывая вышесказанное, следует отметить, что заполнение обнаруженной постройки состояло в основном из золы, среди которой были выявлены керамика и обожженные камни. Ос-

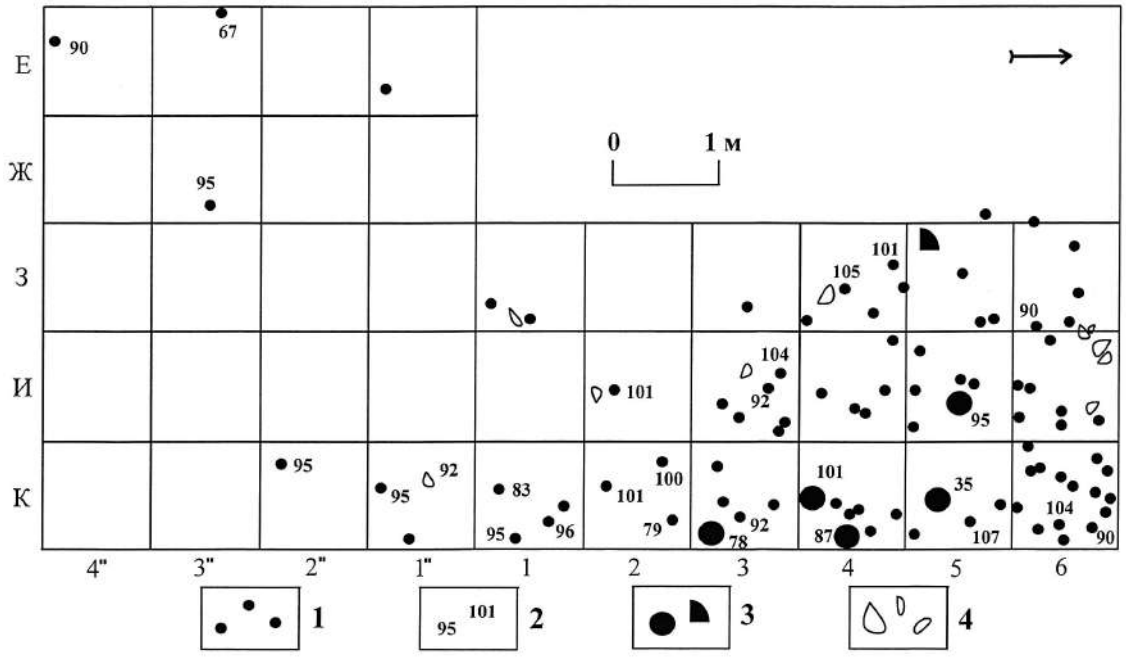


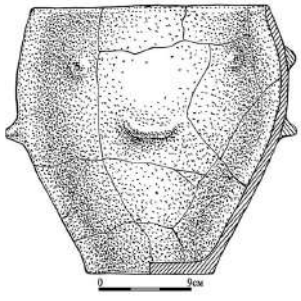
Рис. 3. Общий план раскопа 2006 г.

нованием постройки, вероятнее всего, служил глиняный пол, сохранившийся в виде обожженных кусков обмазки с заглаженной поверхностью (рис. 5). К сожалению, говорить о функциональной направленности данного комплекса пока не представляется возможным. С одной стороны, это могло быть жилище, а с другой стороны, что вероятнее всего, хозяйственное сооружение. Об этом, в первую очередь, свидетельствует отсутствие каких-либо признаков отопительных сооружений – как стационарных очагов, так и переносных жаровен. Чрезвычайная концентрация фрагментов керамики в заполнении комплекса, а также характер грунта свидетельствуют, что на заключительном этапе своего функционирования он использовался как место для сбора бытового, очажного и строительного мусора. Высокое содержание золы в грунте наряду с наличием культовых предметов не исключают возможности использования данного сооружения в качестве «зольника». Эта категория археологических источников хорошо известна в культурах позднего бронзового века, таких как белогрудовская и Ноуа (Гершкович 2004). Широкое распространение они получают в раннем железном веке среди древностей предскифского и скифского времени лесостепной Украины, а также на античных памятниках Северного Причерноморья I тыс. до н.э. (Русанова 2002, 106-118). Вместе с тем, зольники характерны как для памятников фракийского гальштата (поселение Солончены), так и гетской культуры (городище Алчедар-Ла Кордон), обнаруженных в Среднем Поднестровье (Мелюкова 1958, 76-77; Кашуба, Хахеу, Левицкий 2001-2002, 158-159, 167).

Для уточнения представления о памятнике на расстоянии 10 м от раскопа I была заложена траншея размерами 14×1 м, обозначенная как раскоп II. Толщина культурного слоя в этой части составляет 20-30 см, он подстилается суглинком. При горизонтальной зачистке материковой поверхности раскопа были зафиксированы несколько темных пятен округлых форм. Все они уходили в борта раскопа. Для выявления полного контура одной из ям была сделана прирезка. В результате было установлено, что яма представляла собой сложную конструкцию (рис. 6). Верхняя ее часть имела цилиндрическую форму в виде колодца диаметром 50 см и глубиной 40 см. Далее ко дну стенки ямы расширялись, придав ей усеченно-коническую (колоколовидную) форму диаметром 100 см и глубиной 70 см. Таким обра-

1

3



2

Рис. 4. Находка урны *in situ* (1) из раскопок 2006 г. (2 - рисунок Г.Н. Васютинской; 3 - фото С.О. Симоненко).

зом, общая глубина ямы составила 110 см. На уровне дна колодца яма была перекрыта большой каменной плитой овальной формы и двумя камнями поменьше. Заполнение верхней части ямы практически не отличалось от материкового суглинка и было слабо насыщено находками. Состав заполнения нижней части ямы от уровня залегания каменной плиты и до дна характеризуется обилием золы, угольков, а также различных находок (керамика, кости и камни).

Обнаруженная в процессе археологических исследований коллекция находок раннего железного века представлена в основном лепной керамикой. По своим технологическим характеристикам она делится на кухонную с грубой поверхностью и столовую с хорошим лощением. Цвет керамики в основном светло- или темно-серый. Встречаются также фрагменты с серовато-желтой и светло-коричневой поверхностью. К сожалению, целые формы и размеры сосудов не восстанавливаются, за исключением графической реконструкции некоторых экземпляров. Тем не менее по некоторым профильным частям керамики, главным образом по венчикам, можно составить определенное представление о формах сосудов.

Итак, на основании изученного материала «рашковский» комплекс лепной керамики представлен такими формами сосудов, как горшки, кружки, миски и кубки.

Среди горшков выделяются два типа: сосуды бочковидных и тюльпановидных форм. У большинства керамических сосудов поддон плитчатый, хорошо выделен (рис. 10/7). Керамика бочковидных форм имела сильно раздутое тулово, переходящее в прямой (рис. 9/4; 10/5-6) или слабо выделенный венчик (рис. 9/1). Как правило, верхний его край округлый, иногда с ровной поверхностью. Орнамент обычно располагался в верхней части сосуда (под венчиком) и состоял из налепного валика, расчлененного пальцевыми вдавлениями (рис. 9/4), а также отдельно расположенных пальцевых вдавлений (рис. 10/6). В некоторых случаях орнамент отсутствовал (рис. 9/1; 10/5). К сожалению, о размерах сосудов говорить не приходится. Однако в некоторых случаях удалось восстановить по верхнему краю диаметр горшков, который варьировал от 10 до 18 см.

Горшки тюльпановидных форм отличались слабо раздутым туловом и выделенным венчиком. Среди данной категории отмечены со-

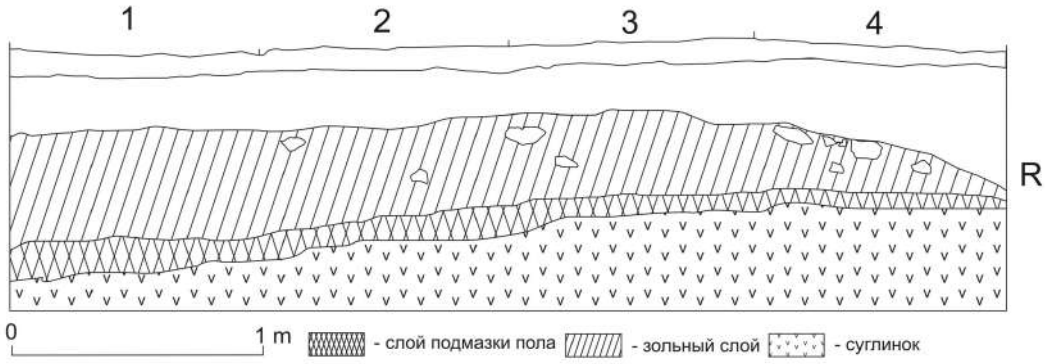


Рис. 5. Южный профиль раскопа I 2008 г.

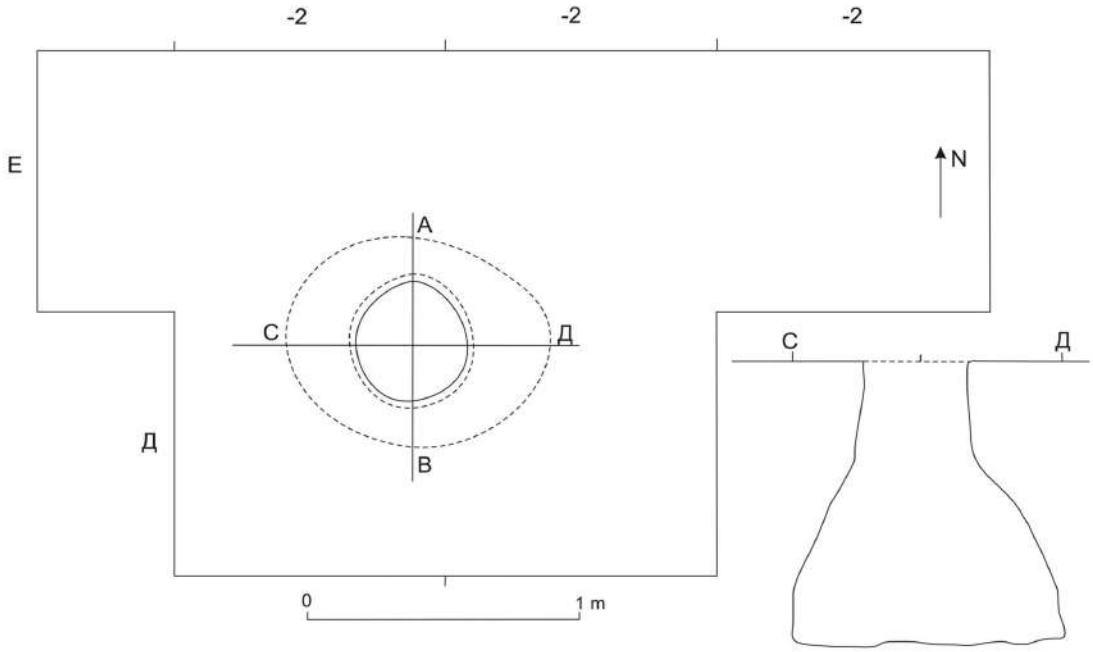


Рис. 6. Общий план и профиль хозяйственной ямы (раскоп II).

суды с обозначенной горловиной (рис. 10/1) и едва заметной шейкой (рис. 9/3; 10/3). Орнамент расположен на плечике сосуда и представлен пальцевыми вдавлениями (рис. 9/3). Иногда они сочетались с ручками-упорами (рис. 10/3). Установить полные размеры данного типа горшков также не представлялось возможным, за исключением диаметра устья, который равнялся 16-17 см.

Не исключено, что к данной категории относится фрагмент керамики с хорошо выделенным ребром, которое, как правило, располагалось в верхней части сосуда и составляло наибольший его диаметр. В данном случае он равен 24 см (рис. 8/4). Возможно, рассмотренный фрагмент мог принадлежать корчаге биконической формы.

Найденные фрагменты кружек или черпаков с S-образным профилем указывают на их крупные размеры (рис. 9/2). Венчик выделен, слегка отогнут наружу, верхний его край округлой формы, с диаметром устья 16,5 см. Диаметр горловины равен 15 см, толщина 0,9 см. Ручка лентовидная в сечении, слегка возвышается над верхним краем сосуда толщиной 1,5 см. Кроме того, в ходе раскопок были обнаружены фрагменты ручек лентовидных и круглых в сечении форм.

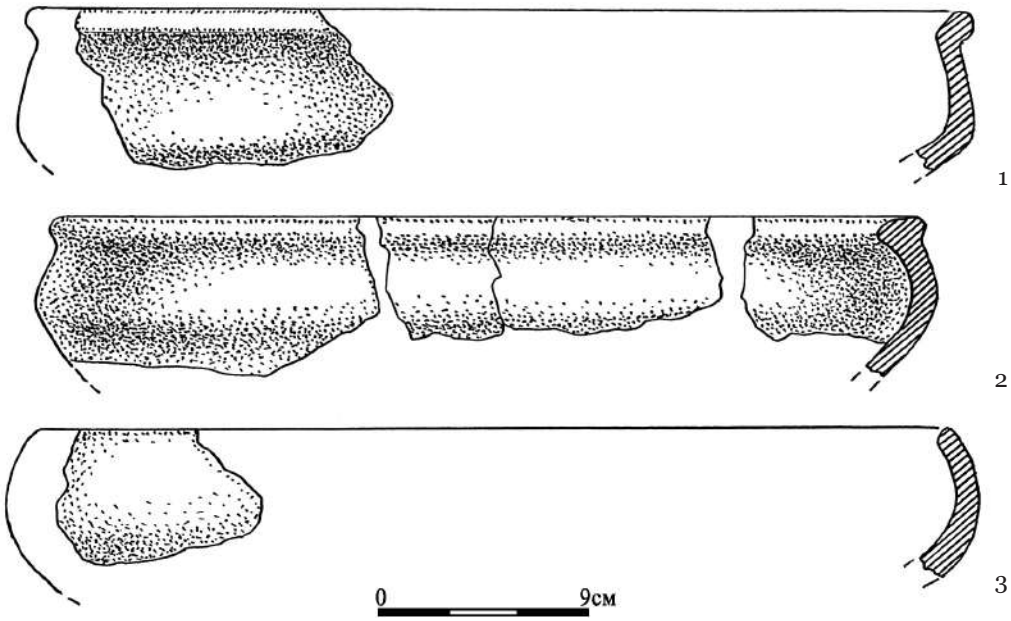


Рис. 7. Лепная керамика (миски).

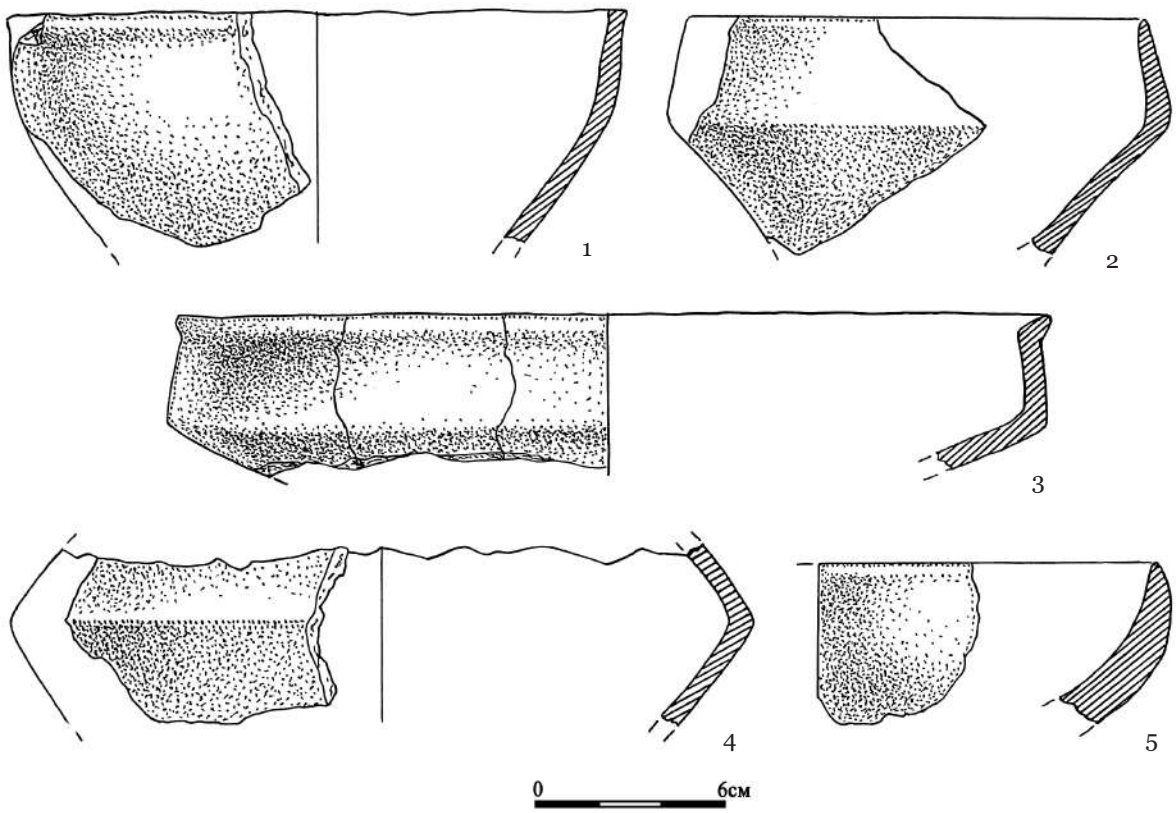


Рис. 8. Лепная керамика (миски).

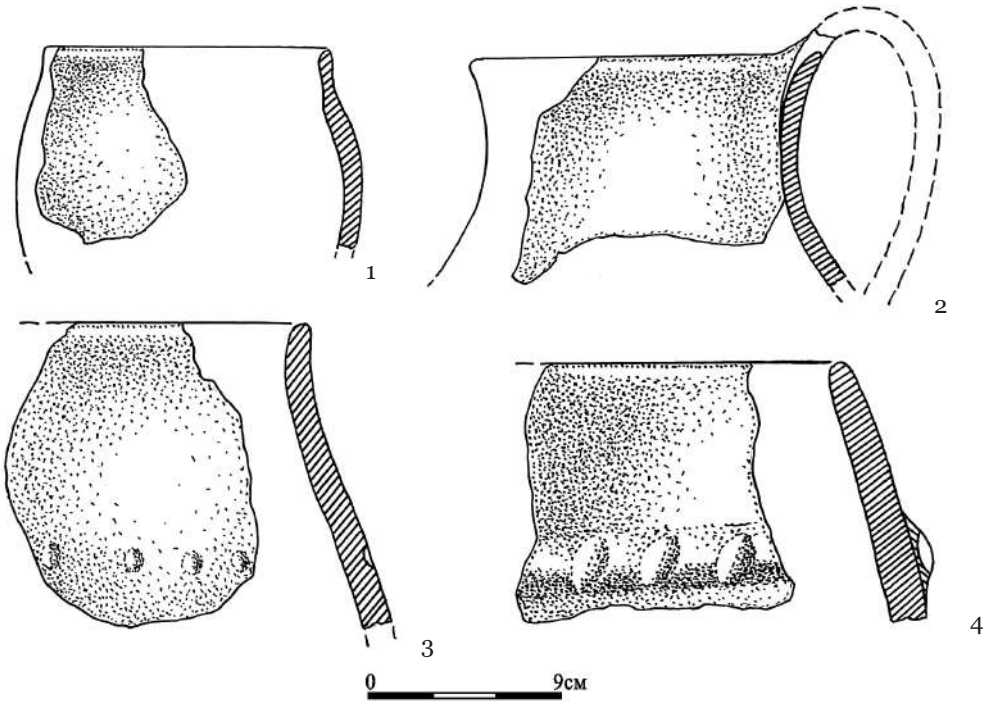


Рис. 9. Лепная керамика (горшки и кружки).

Несколько фрагментов керамики по своим морфологическим свойствам можно соотнести с кубками или кубковидными сосудами. Один из хорошо сохранившихся фрагментов представляет собой часть сосуда приземистых форм с округлым туловом, переходящим в сильно отогнутый наружу венчик, без выделенной шейки (рис. 10/4). Верхний край венчика округлой формы. Диаметр тулова составляет 16 см, устья – 14 см. Вероятнее всего, высота кубка не превышала 10 см. Еще один обнаруженный фрагмент относится к небольшим по размерам кубкам (рис. 10/2). Тулово округлой формы с хорошо выделенной шейкой и отогнутым наружу венчиком. По его верхнему краю располагался орнамент в виде параллельно расположенных насечек. Диаметр тулова – 12 см, шейки – 9 см и устья – 10 см.

Среди обнаруженных фрагментов лепной керамики особую категорию столовых сосудов составляют миски разных форм и размеров с заглаженной, иногда лощеной поверхностью. С учетом морфологических свойств, выделяются несколько разновидностей мисок. К одной из них относятся миски с хорошо выделенной шейкой и отогнутым наружу венчиком. В одном случае венчик подтреугольной в сечении формы диаметром 28 см (рис. 8/3), в другом – округлой формы диаметром 40,5 см (рис. 7/2). Второй разновидностью мисок являются сосуды без выделенной шейки, где стенки тулова плавно переходят в загнутый внутрь венчик. Различались они по форме верхнего края; зафиксированы три его варианта: округлой формы (рис. 7/3), округлой формы с отогнутым наружу и внутрь верхним краем (рис. 7/2) и заостренной формы (рис. 8/5). Диаметр устьев варьировал от 26 до 37,5 см. С третьей разновидностью мисок связаны фрагменты сосудов небольших пропорций, тяготеющих к биконической форме (рис. 8/2). Венчик не выделен, верхний его край заострен, диаметр 14,5 см. Наибольший диаметр сосуда приходится на его верхнюю часть и составляет 16 см. Высота таких мисок, скорее всего, не превышала 10 см.

Еще одна категория лепной керамики включает фрагменты миниатюрных сосудов. Такие сосуды, как правило, имеют усеченно-коническую форму с приостренным (рис. 11/1) или округлым (рис. 11/2) верхним краем венчика. Диаметр устьев сосудов не превышает 6,5 см.

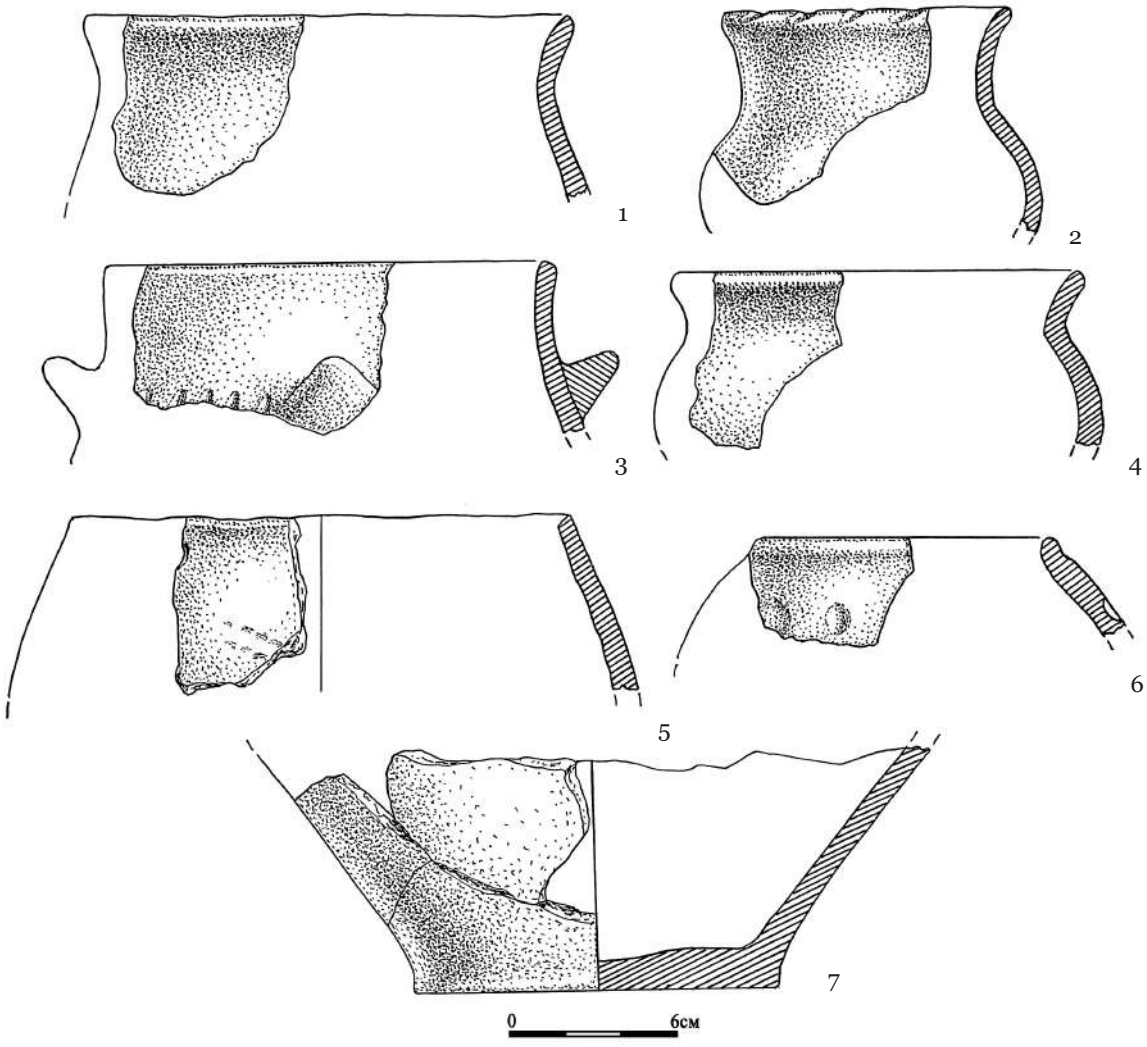


Рис. 10. Лепная керамика (горшки и кубки).

Если принять во внимание, что миниатюрные сосуды использовались в ритуальных целях, то их связь с зольником и его существование на предполагаемом поселении не вызывает сомнений. В качестве доказательства можно привести материалы городища Алчедар-Ла Кордон, где миниатюрные сосуды в количестве 34 экземпляров были обнаружены на месте зольника (Кашуба, Хахеу, Левицкий 2001-2002, 167).

Заканчивая анализ керамики Рашковского комплекса, следует обратить внимание на полное отсутствие античного импорта, в первую очередь амфорного материала, и других гончарных сосудов. При этом надо отметить, что практически на всех исследованных памятниках гетской культуры Среднего Поднестровья в той или иной степени была обнаружена древнегреческая керамика (Кашуба, Хахеу, Левицкий 2001-2002).

Наряду с массовым керамическим материалом были обнаружены индивидуальные находки, связанные с производственно-бытовой деятельностью, а также культового назначения.

К орудиям труда относится железный нож с фрагментами роговой рукояти в виде двух пластин, прикрепленных четырьмя железными заклепками (рис. 13). Лезвие ножа вогнуто, подтреугольной в сечении формы. Длина его составила 8,5 см, толщина 0,1-0,3 см. Общая длина сохранившегося ножа равнялась 13 см, толщина рукояти 1 см.

В целом железные ножи хорошо известны среди древностей раннего железного века Северного Причерноморья. Они происходят как с

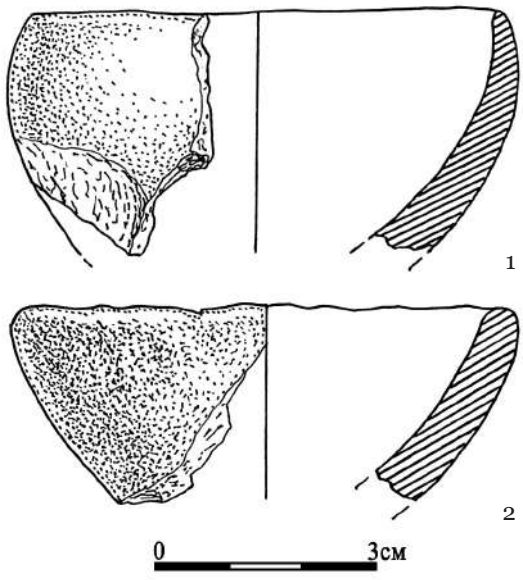


Рис. 11. Лепная керамика (миниатюрные сосуды).

поселенческих, так из погребальных памятников гетской и скифской культур, известных от Дуная до Днепра. Для указанных эпох одним из распространенных типов ножей являются изделия с прямым пластинчатым черенком, горбатой спинкой, прямым или вогнутым лезвием (Кашуба, Хахеу, Левицкий 2001-2002, 174, 195, рис. XXXV/7-9). Как правило, для указанного типа характерна деревянная рукоять. Другой тип представлен цельножелезными ножами с прямым лезвием и роговой рукоятью, состоящей из двух прямоугольных пластин, скрепленных металлическими заклепками (Никулицэ 1987, 114, рис. 36/2, 3, 5; Шрамко 1987, 37-76, рис. 11/11; 12/25; 17/1-3, 5; 20/5-6, 16; 21/4; 23/8; Ковпаненко, Бессонова, Скорый 1989, 114, рис. 38/17-22). Нож из Рашкова, вероятнее всего, относится к цельножелезным ножам с роговой рукоятью, но отличается от большинства экземпляров вогнутым лезвием. Именно эта деталь сближает его с единственным аналогом, происходящим из раскопок гетского городища Стольничены в лесостепной части Пруто-Днестровского междуречья (Arnăut, Ursu Naniu 2011, 287, fig. 4/9).

К индивидуальным находкам производственного назначения относятся глиняные пряслица, которые представлены двумя экземплярами. Пряслица округлые в плане, различаются по форме сечения. Одно пряслице имеет усеченно-коническую форму с вогнутым основанием (рис. 12/2). Диаметр в основании равен 3 см, в средней части 3,7 см и в верхней части 1,1 см. Высота пряслица составила 1,8 см, диаметр сквозного отверстия – 0,7 см. Другое пряслице уплощенно-шаровидной формы диаметром 3 см, высотой 2 см и диаметром сквозного отверстия 0,8 см (рис. 12/3).

Среди культовых предметов следует выделить хорошо сохранившуюся антропоморфную статуэтку, изготовленную из глины с примесями песка и шамота (рис. 12/1). Обжиг изделия неравномерный. Зафиксированное изображение на фигурке достаточно реалистично. Отчетливо выделена голова, где хорошо просматриваются глаза, нос, возможно, борода, а также рука и фрагменты ног. Статуэтка содержит сквозное продольное отверстие диаметром 0,5 см. Общая высота фигурки составила 4,5 см. Ширина в верхней части 2 см, в нижней 2,5 см. Толщина варьирует от 1,2 до 1,5 см. Таким образом, следует предположить, что глиняная скульптура из Рашкова представляет собой изображение мужской фигуры.

Антропоморфные статуэтки хорошо известны во фракийском мире (гальштатское время и гетский период) Карпато-Днестровского региона (Никулицэ 1987, 171-172, рис. 56; Sîrbu 1987, 91-119, fig. 8-21). Кроме того, глиняная пластика получила широкое распространение среди земледельческого населения Лесостепной Скифии, особенно левобережного Поднепровья. Об этом свидетельствуют раскопки Бельского городища и других поселений Днепро-Донского междуречья (Шрамко 1987, 128-138, рис. 62; Белая 2017, 107-108). По своему стилю и некоторым техническим приемам (наличие сквозного отверстия) рашковский экземпляр находит ближайшие аналогии среди антропоморфной пластики гетского горизонта поселения Матеуць-Ла Башне (Кашуба, Хахеу, Левицкий 2001-2002, 180, рис. XXXIX/16-17, 19). Анализируя группу антропоморфной пластики из Бельского городища, Б.А. Шрамко среди мужских фигур выделяет пять типов, к одному из которых он относит небольшие статуэтки бородатых мужчин. Автор, ссылаясь на исследования М.М. Кобылиной, связывает данный тип статуэток с культом Сабазия – божества плодородия фракийского происхождения (Шрамко 1987, 131; Кобылина 1978, 19).

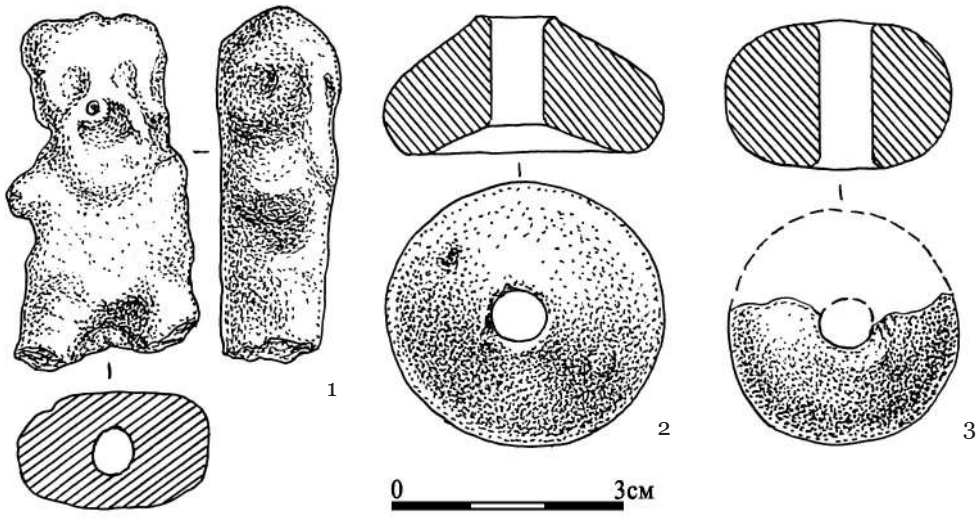


Рис. 12. Индивидуальные находки (антропоморфная статуэтка и пряслица).

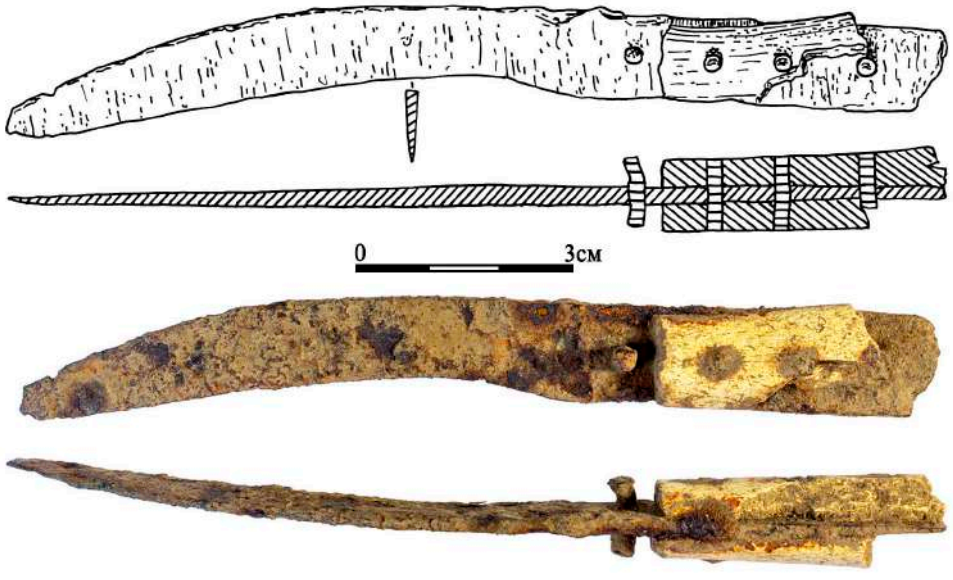


Рис. 13. Железный нож с роговой рукоятью.

Таким образом, в результате археологических раскопок у с. Рашков в 2006 и 2008 годах были обнаружены новые памятники раннего железного века. Проведенный анализ вещевого комплекса, прежде всего лепной керамики, показал, что весь материал находит ближайшие аналогии среди гетских памятников Карпато-Днестровского региона. Следовательно, к уже известным в этой микрозоне поселениям и некрополю (?) гетской культуры IV-III вв. до н.э. добавились еще одно селище и, вероятнее всего, могильник. Однако находка целого сосуда-урны, а также анализ отдельных фрагментов керамики дают основания предполагать, что появление гетов в указанной области происходит уже в начале – первой половине V в. до н.э. Кроме датировки урны (рис. 4/2, 3), доказательством служат несколько фрагментов керамики, относящихся к кухонным горшкам (рис. 10/3), мискам (рис. 8/2), кубкам (рис. 10/2), черпакам или кружкам (рис. 9/2). Их формы, размеры и орнаментация близки позд-

негальштатским образцам, найденным при раскопках городища Выхватинцы на левобережье Среднего Днестра (Кашуба, Хахеу, Левицкий 2001-2002, рис. XVII/1). Кроме того, похожая керамика встречается на археологических памятниках Нижнего Днестра и в Нижнем Подунавье (Бруяко 2013, 420-421, рис. 105/4-5,12).

Итак, полученные результаты археологических исследований у села Рашков, наряду с другими хорошо известными памятниками левобережья Днестра, наглядно демонстрируют гетское присутствие в указанном регионе. Рост числа древностей гетской культуры (их количество может только увеличиваться) на рассматриваемой территории показывает, что расселение гетов к востоку от Днестра носило перманентный характер и не являлось разовым событием. Их появление на левом берегу Днестра связано с внутренними или внешними предпосылками. С одной стороны – увеличение численности правобережного населения, которое приводит к переселению и поиску новых территорий для жизнедеятельности. Не исключено, что к внутренним причинам относятся, возможно, имевшие место противоречия в гетском обществе. В свою очередь, это приводит к конфликту, вынуждая определенную часть населения переселиться за Днестр и для своей собственной защиты начать строительство укрепленных поселений. С другой стороны, плотно обосновавшись на левом берегу Днестра, геты, наряду с правобережным населением, представляли собой достаточно сильное объединение племен с густой сетью городищ.

Библиография

Белая 2017: Н.Н. Белая, История изучения глиняной пластики раннего железного века Евразии. Известия ВГПУ 4 (277), 2017, 107-109.

Бруяко 2013: И.В. Бруяко, Фракийские памятники эпохи позднего гальштата (раннегетская культура). В сб.: Древние культуры Северо-Западного Причерноморья (Одесса 2013), 419-428.

Гершкович 2004: Я.П. Гершкович, Феномен зольников белогрудовского типа. РА 4, 2004, 104-113.

Кашуба, Фидельский 2007: М. Кашуба, С. Фидельский, Находки финальной бронзы и раннего железного века из многослойных поселений Рашков XI и Рашков XII (левобережье Среднего Днестра). Revista arheologică s.n. III/1-2, 2007, 266-281.

Кашуба, Хахеу, Левицкий 2001-2002: М.Т. Кашуба, В.П. Хахеу, О.Г. Левицкий, Фрако-гетские древности в южной лесостепи Среднего Днестра (культурно-хронологическая систематизация материалов из раскопок второй половины XX века). Stratum plus 3, 2001-2002, 118-223.

Кобылина 1978: М.М. Кобылина, Изображения восточных божеств в Северном Причерноморье в первые века н.э. (Москва 1978).

Коваленко 2007: С.И. Коваленко, Отчет рашковского отряда Днестровской экспедиции о раскопках стоянки верхнего палеолита Рашков 8 в 2006 г. (Тирасполь 2007). Архив НИЛ «Археология» ПГУ им. Т.Г. Шевченко, инв. ном. 2.

Коваленко, Романчук 2009: С.И. Коваленко, А.А. Романчук, Отчет о полевых исследованиях рашковского отряда Днестровской экспедиции на многослойном поселении Рашков 8 в 2008 г. (Тирасполь 2009). Архив НИЛ «Археология» ПГУ им. Т.Г. Шевченко, инв. № 9.

Коваленко и др. 2006: С.И. Коваленко, В.С. Синика, Е.Ф. Тащи, Н.П. Тельнов, С.А. Фидельский, И.А. Четвериков, Т.А. Щербакова, Свод археологических памятников Каменского района Приднестровской Молдавской Республики (Тирасполь 2006).

Ковпаненко, Бессонова, Скорый 1989: Г.Т. Ковпаненко, С.С. Бессонова, С.А. Скорый, Памятники скифской эпохи Днепровского лесостепного Правобережья (Киево-Черкасский регион) (Киев 1989).

Лапушнян, Никулицэ, Романовская 1974: В.Л. Лапушнян, И.Т. Никулицэ, М.А. Романовская, Памятники раннего железного века. АК МССР 4 (Кишинев 1974).

Левинский, Романчук 2006: Памятник культуры Сахарна-Солончень на левобережье Днестра (Рашков-Млыны). Revista Arheologică s.n. II/1-2, 2006, 328-333.

Мелюкова 1955: А.И. Мелюкова, Итоги изучения памятников скифского времени в Молдавии в 1952-1953 гг. ИМФАН 5(25), 1955, 51-70.

Мелюкова 1958: А.И. Мелюкова, Памятники скифского времени лесостепного Среднего Поднестровья. МИА 64, 1958, 5-102.

Никулицэ 1972: И.Т. Никулицэ, Исследование гетского могильника Ханска-Лутэрия. В сб.: АИМ в 1968-1969 гг. (Кишинев 1972), 105-121.

Никулицэ 1987: И.Т. Никулицэ, Северные фракийцы в VI-I вв. до н.э. (Кишинев 1987).

Русанова 2002: И.П. Русанова, Истоки славянского язычества. Культовые сооружения Центральной и Восточной Европы в I тыс. до н.э. - I тыс. н.э. (Черновцы 2002).

Сергеев 1960: Г.П. Сергеев, Скифский кинжал из Олонештского района, Молдавской ССР. ЗОАО I (34), 1960, 262-265.

Тельнов, Синика 2013: Н.П. Тельнов, В.С. Синика, Гетское погребение на левобережье Днестра и некоторые проблемы фракийского погребального обряда. Tyragetia s.n. VII/1, 2014, 297-309.

Топал 2014: Д. Топал, Акинаки на западных рубежах Скифии. Находки скифских мечей и кинжалов на территории Республики Молдова. Tyragetia s.n. VIII/1, 2014, 7-43.

Фидельский 2017: С. Фидельский, Городища железного века на левобережье Среднего Днестра. In: (Eds. A. Zanoci, V. Sîrbu, M. Băţ) Iron Age fortifications on the Tisa-Dniestr spase. Proceedings of Saharna Summer Colloquium (July 14th-17th, 2016) (Chisinău-Brăila 2017), 47-64.

Хахеу 1992: В.П. Хахеу, О гетских памятниках левобережья Молдовы. In: Anuarul Muzeului Naţional de Istorie a Moldovei, nr. I (Chişinău 1992), 122-128.

Хынку 1987: И.Г. Хынку, Древнейшие памятники родного края (городища северной Молдавии) (Кишинев 1987).

Шрамко 1987: Б.А. Шрамко, Бельское городище скифской эпохи (город Гелон) (Киев 1987).

Arnăut 2003: T. Arnăut, Vestigii ale sec. VII-III a. Chr. în spaţiul de la răsărit de Carpaţi (Chişinău 2003).

Arnăut, Ursu Naniu 2011: T. Arnăut, R. Ursu Naniu, Vestigile funerare getice de la Stolniceni (raionul Hânceşti, Rep. Moldova). Stadiul actual al cercetării. In: Archaeology: making of and practice: studies in honor of Mircea Babeş at his 70th anniversary (Piteşti 2011), 281-289.

Niculiţă, Zanoci 2004: I. Niculiţă, A. Zanoci, Sistemul defensiv la traco-geţii din regiunea Nistrului Mijlociu. In: (Eds. I. Niculiţă, A. Zanoci, M. Băţ) Thracians and Circumpontic World. Proceedings of the 9th International Congress of Thracology (sept. 2004, Chişinău-Vadul lui Vodă), II, Chişinău, 104-129.

Sîrbu 1987: V. Sîrbu, Figurinele antropomorfe şi zoomorfe traco-geto-dacice din prima şi a doua epocă a fierului. Istros V, 1987, 91-158.

Zanoci, Mateevici 2017: A. Zanoci, N. Mateevici, Colecţia de ceramică de la Butuceni din fondurile Muzeului Naţional de Istorie a Moldovei. Tyragetia s.n. XI/1, 2017, 183-199.

Noi materiale din epoca fierului de pe malul stâng al Nistrului Mijlociu

Cuvinte-cheie: zona Nistrului Mijlociu, epoca fierului, cultura getică, secolele V-III a. Chr., aşezare, necropolă, ceramică modelată cu mâna.

Rezumat: În articol sunt publicate, pentru prima dată, materiale ale epocii fierului, descoperite în urma cercetărilor arheologice de lângă s. Raşcov, pe malul stâng al Nistrului Mijlociu. Pe parcursul lucrărilor de teren, a fost cercetat un mic sector cu o suprafaţă totală de 66 m². În procesul săpăturilor, au fost descoperite construcţii, piese de inventar, precum şi fragmente de ceramică modelată cu mâna. Printre obiectele găsite, trebuie evidenţiate rămăşiţele a două structuri arheologice. Una dintre ele, cel mai probabil, aparţinea unui edificiu locativ, celălalt – unei gropi menajere. Piesele de inventar sunt reprezentate de un fragment de statuetă antropomorfă, două fusaiole, precum şi un cuţit de fier bine conservat, cu mâner de corn. Materialul în masă constă dintr-un complex de ceramică lucrată cu mâna, în componenţa căruia intră fragmente de oale, de străchini, de cupe şi de ceşti. Din categoria ceramicii, trebuie relevată cea mai semnificativă descoperire – un vas-urnă, găsit *in situ*, împreună cu oase umane. În felul acesta, analiza materialului colectat în timpul săpăturilor a arătat că în împrejurimile s. Raşcov a fost descoperită o nouă aşezare şi o necropolă conexă cu ea (?) din epoca fierului. Complexul ceramic al sitului denotă apartenenţa lui la cultura getică şi, împreună cu urna funerară descoperită, datează cu sec. V-III a. Chr.

Lista ilustraţiilor:

Fig. 1. Harta antichităţilor culturii getice în zona Nistrului Mijlociu (1 - Raşcov; 2 - Caterinovca; 3 - Stroieşti; 4 - Molochişul Mare; 5 - Ofatinţi; 6-9 - Alcedar, Glinjeni, Curatura, Mateuţi ş.a.; 10 - complexul arheologic Saharna (Saharna Mare, Saharna Mică, Saharna „La Şanţ", Saharna „La Revechin", Saharna „Hulboaca", Stohnaia III, Buciuşca); 11 - Hruşca.

Fig. 2. Amplasarea monumentelor getice în împrejurimile s. Raşcov (1 - aşezarea; 2 - fortificaţia; 3 - înmormântarea în urnă; 4 - aşezarea şi mormântul în urnă (săpături din aa. 2006 şi 2008).

Fig. 3. Planul general al săpăturii din a. 2006.

Fig. 4. Descoperirea urnei *in situ* (1) din săpăturile a. 2006 (2 - desen al G.N. Vasiutinskaia; 3 - foto S.O. Simonenko).

Fig. 5. Profilul sudic al secţiunii I din a. 2008.

Fig. 6. Planul general şi profilul gropii menajere (secţiunea II).
Fig. 7. Ceramică modelată cu mâna (străchini).
Fig. 8. Ceramică modelată cu mâna (străchini).
Fig. 9. Ceramică modelată cu mâna (oale şi căni).
Fig. 10. Ceramică modelată cu mâna (oale şi cupe).
Fig. 11. Ceramică modelată cu mâna (vase miniaturale).
Fig. 12. Piese de inventar (statueta antropomorfă şi fusaiola).
Fig. 13. Cuţit de fier cu mâner de corn.

New materials of the Iron Age in the Middle Dniester left-bank region

Keywords: the Middle Dniester region, Iron Age, Getae culture, 5th-3rd centuries BC, settlement, burial ground, hand-shaped pottery.

Abstract: The paper for the first time publishes the Iron Age materials discovered as a result of archaeological research near the Raşcov village in the Middle Dniester left-bank region. A small site with a total area of 66 m² was investigated during the fieldwork. Constructions and artifacts, including fragments of hand-shaped pottery were found during the excavations. Among the discovered objects there are the remains of two archaeological structures. One of them, most likely was a dwelling structure, and the other was a household pit. The finds represent a fragment of an anthropomorphic figurine, two spindle whorls, and a well-preserved iron knife with a deer antler handle. Other finds are an assemblage of hand-shaped pottery, which includes fragments of pots, bowls, and cups. An urn found *in situ* together with human bones should be singled out among the hand-made pottery as the most significant find. Thus, the analysis of the material collected during the excavations showed that a new settlement of the Iron Age and a burial ground adjacent to it (?) were discovered in the surroundings of the village of Raşcov. The pottery assemblage from the site indicates its belonging to the Getae culture and, together with the discovered funerary urn, dates back to the 5th-3rd centuries BC.

List of illustrations:

Fig. 1. Map of of the Getae culture antiquities in the Middle Dniester region (1 - Raşcov; 2 - Caterinovca; 3 - Stroieşti; 4 - Molochişul Mare; 5 - Ofatinţi; 6-9 - Alcedar, Glinjeni, Curatura, Mateuţi, etc.; 10 - the archaeological complex of Saharna (Saharna Mare, Saharna Mică, Saharna "La Şanţ", Saharna "La Revechin", Saharna "Hulboaca", Stohnaia III, Buciuşca); 11 - Hruşca.
Fig. 2. The location of the Getae sites in the vicinity of the Raşcov village (1 - settlement; 2 - fortified settlement; 3 - urn burial; 4 - the settlement and the urn burial (excavations in 2006 and 2008).
Fig. 3. General plan of the excavation in 2006.
Fig. 4. Finding the urn *in situ* (1) in the 2006 excavations (2 - drawing by G.N. Vasyutinskaya; 3 - photo by S.O. Simonenko).
Fig. 5. South profile of excavation site I of the 2008.
Fig. 6. General plan and profile of the household pit (excavation site II).
Fig. 7. Hand-shaped pottery (bowls).
Fig. 8. Hand-shaped pottery (bowls).
Fig. 9. Hand-shaped pottery (pots and cups).
Fig. 10. Hand-shaped pottery (pots and cups).
Fig. 11. Hand-shaped pottery (miniature vessels).
Fig. 12. Finds (anthropomorphic figurine and spindle whorl).
Fig. 13. Iron knife with a deer antler handle.

10.07.2020

Др. Сергей Фидельский, Приднестровский государственный университет им. Т.Г. Шевченко, ул. 25 Октября 128, 3300 Тирасполь, https://orcid.org/0000-0001-7112-4236, e-mail: fidel1975@mail.ru

ŞTAMPILE DE AMFORE GRECEŞTI DIN SĂPĂTURILE ARHEOLOGICE DE PE STRADA OITUZ NR. 15, MANGALIA, JUD. CONSTANŢA*

Natalia Mateevici, Mihai Ionescu

Cuvinte-cheie: Callatis, cercetări arheologice, amfore, ştampile, comerţ.

Cercetarea arheologică de pe str. Oituz, nr. 15 a fost dictată de un proiect urban, cu o suprafaţa de 750 m, de la intersecţia străzilor Oituz şi George Murnu, municipiul Mangalia. Aflat în aria urbană din epoca elenistică, perimetrul cercetat se află la 125 m nord-vest de traseul zidului de incintă (fig. 1).

Această cercetare s-a desfăşurat la sfârşitul anului 2019. Începută prin S1 cu dimensiunile de 26×3 m, orientată NV-SE, a continuat succesiv cu încă nouă secţiuni de aceleaşi mărimi, cu excepţia S10, care a avut parametrii 26×2,5 m (fig. 2).

Ca urmare a investigaţiilor arheologice, au fost evidenţiate trei orizonturi de cultură, după cum urmează:

1. Orizontul modern şi contemporan, cu o estimare relativă, din sec. al XVIII-lea - al XX-lea, căruia îi aparţin o serie de gropi de fundaţie şi gropi de beciuri şi haznale, ce au afectat grav depunerea antică pe laturile de NV şi NE ale perimetrului cercetat. Epocii moderne îi aparţin şi o serie de fragmente ceramice smălţuite şi o pipă fragmentară care poate fi datată în sec. al XVIII-lea.

2. Orizontul roman, marcat de o nivelare masivă cu lut galben, în care au fost descoperite o serie de fragmente ceramice, databile în epoca romană, şi monede, care se încadrează, din punct de vedere cronologic, între domniile împăraţilor Domiţian şi Decius. În afară de fragmentele numeroase de plumb, au mai fost descoperite alte obiecte fragmentare din bronz, printre care şi o hermă.

Aceluiaşi orizont opinăm că îi aparţin şi structurile arhitectonice descoperite în carourile A1-2 şi B1-3, precum şi în B4-5 şi C4-5, care făceau parte dintr-o insulă aflată nu departe de zidul de apărare al cetăţii din acea epocă.

Ele au făcut parte din ansambluri arhitectonice, probabil locuinţe, orientate de-a lungul unei străzi E-V, care era paralelă cu latura de vest a incintei callatiene, datată în epoca romană.

În carourile A1-2 şi B1-3 au fost cercetate zidurile unei locuinţe, din care s-au mai păstrat două încăperi. Zidurile au grosimi ce variază între 0,70 şi 0,80 m şi au fost realizate din blocuri de calcar, caracteristic sud-estului Dobrogei, semifasonate şi fasonate, legate cu pământ. Zidul de vest şi restul compartimentărilor au fost distruse de intervenţiile moderne, care au antrenat şi două baze de coloane din calcar, şi de asemenea, doua coloane fragmentare.

Există posibilitatea ca structurile arhitectonice descoperite în carourile B5 si C4,5 să fi aparţinut aceluiaşi edificiu, având in vedere orientarea spaţială a zidurilor, dar puteau să fi fost ridicate ulterior, având în vedere maniera oarecum neglijentă de realizare a zidurilor din blocuri de calcar semifasonate şi nefasonate, legate cu pământ.

Cel puţin bizară apare compartimentarea cu lăţimea de 1,10 m de pe latura de nord a edificiului, care poate fi o anexă, dar poate foarte bine să fi fost o stradelă, blocată ulterior şi transformată în anexa locuinţei în discuţie.

Există posibilitatea că acestei străzi să-i fi aparţinut pavimentul din dale mari de calcar din caroul B5, o altă ipoteză fiind aceea că i-ar fi aparţinut unui altar (dalele sunt aşezate pe un pat de aşteptare din nisip de mare cu grosimea de cca 1 m).

3. În orizontul elenistic, datat, în linii mari, în sec. al IV-lea - al III-lea a. Chr., se includ descoperirile ceramice, ştampilele amforice, descoperirile numismatice, realizate în sondajele pe care intervenţiile moderne le-au permis.

* Acest articol a fost elaborat în cadrul proiectului 20.80009.0807.43 „Patrimoniul muzeal şi memoria istorică: cercetare, interpretare, prezentare.

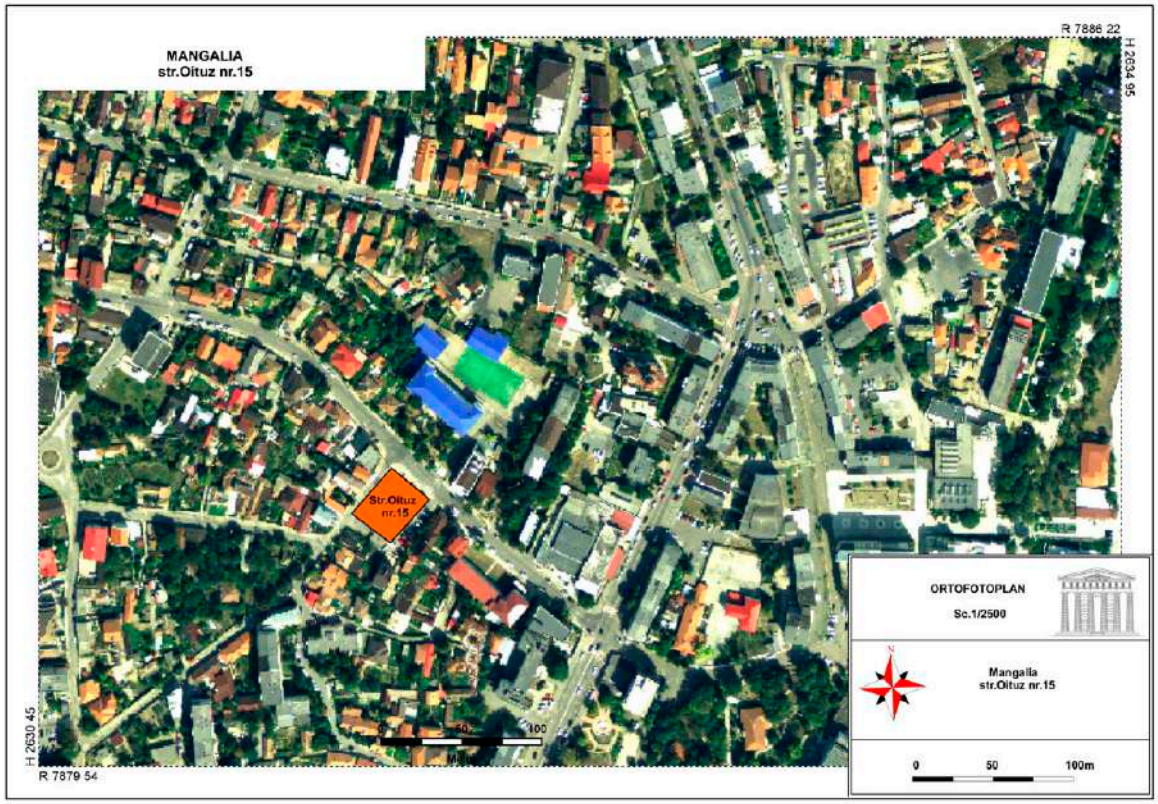


Fig. 1. Locul amplasării şantierului arheologic de pe str. Oituz, nr. 15.

Considerăm că structurile urbane, dacă acestea au existat, au fost distruse, pe de o parte, de nivelarea romană, amintită mai sus, pe de altă parte, de intervenţiile moderne deja menţionate.

Materialul ceramic databil în epoca elenistică a fost descoperit, în mare parte, în sondajele de pe laturile perimetrului cercetat şi, acolo unde orizontul elenistic s-a păstrat, sub nivelul cu rare fragmente ceramice şi monede databile în epoca romană.

El este deosebit de bogat, fiind compus din bucăţi de amfore, kantharoi, urcioare, opaiţe, kratere, boluri, farfurii, între care se evidenţiază porţiuni de vase de lux, ornamentate cu palmete şi firnis negru, de producţie atică. Au mai fost descoperite numeroase fragmente de plumb. Printre bucăţile amforistice au fost evidenţiate mai multe fragmente de toarte de amfore greceşti cu ştampile, care, din totalitatea pieselor descoperite în orizontul elenistic, oferă cele mai exacte datări ale acestuia.

Lotul de ştampile de pe strada Oituz, nr. 15, conţine 40 de ştampile, care, după centrele de producţie, sunt împărţite în felul următor: Sinope – 14; Thasos – 9, Akanthos – 6; Chersones – 1; Paros – 2; Rhodos – 1; necunoscute – 7.

Din cea mai numeroasă categorie de ştampile, cele sinopene, majoritatea covârşitoare o reprezintă ştampilele de magistraţi, dintre care putem evidenţia numele următorilor astynomi: Ἀισχίνης 4 (nr. 1), Ἀισχίνης 5 (nr. 2), un exemplar revine astynomului Αἰσχρίων (Ἀρτεμιδώρου), două exemplare aparţin atât lui Ἀρίστιων (nr. 4, 5), cât şi lui Ἄτταλος (nr. 6, 7), câte un exemplar revine magistraţilor Δημήτριος 1 (nr. 8), Ποσειδώνιος 5 (nr. 9), Πυθοκλῆς (nr. 10) şi Μιλτιάδης (Τεισάνδρου) (nr. 12), Ἀντίμαχος 2 (Θευπείθους (nr. 13). Un exemplar nu a putut fi atribuit unui astynom concret, dar păstrarea numelui producătorului Νευμήιος (nr. 11) ne permite să oferim o datare şi acestei ştampile. La fel şi micul fragment al altei ştampile din pastă sinopeană, care a păstrat doar un colţ al cadranului rectangular. (nr. 29). Datarea ştampilelor de Sinope revine grupelor IV-A - VI-C, adică din a doua jumătate a anilor ‘90 (ştampila lui Ποσειδώνιος 5) - mijlocul anilor ’90 ai sec. II a. Chr. (astynomul Αἰσχρίων (Ἀρτεμιδώρου).

Ştampilele amforice de Thasos sunt reprezentate prin nouă exemplare, majoritatea fiind atribuite grupului ştampilelor recente, datarea pieselor încadrându-se intre anii 344-330 a. Chr., pe

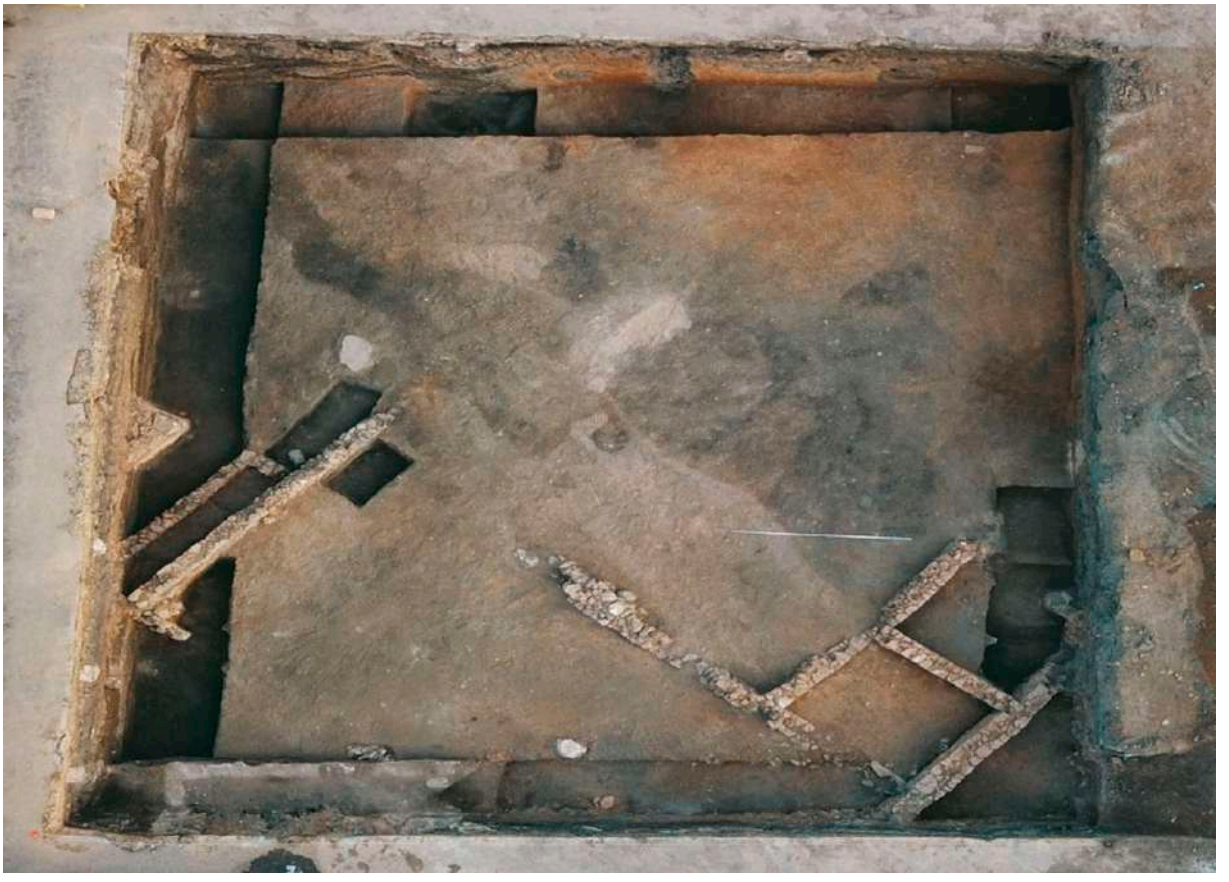


Fig. 2. Şantierul arheologic. Vedere de ansamblu.

baza ştampilei magistratului, numele căruia este redat prin emblema „pilos" (nr. 19) şi a doua jumătate a anilor '60 ai sec. III a. Chr. (magistratul Ἀπλλόδωρος) (nr. 14, 15).

Şase ştampile de Akanthos (un alt centru egeean), datează cu ultimul sfert al sec. IV a. Chr. Printre ştampilele akanthiene cinci sunt circulare, în formă de roată. Una (nr. 26) este mai puţin obişnuită pentru ştampilele acestui centru: doua litere – EM, incluse într-unul cadran rectangular. Yvon Garlan atribuie această ştampilă, la fel, producţiei de Akanthos (Garlan 2006, 287, fig. 2/b). Callatisul este cunoscut ca unul din oraşele greceşti, în care amforele de Akanthos erau la mare căutare (Buzoianu 2016, 260), iar acest mic lot confirmă încă o dată supoziţia în cauză: din 40 ştampile, şase sunt de provenienţă akanthiană.

Ştampila de Chersones, datată cu aa. 325-324 a. Chr. nu a putut oferi o reconstituire completă. Or, lipsa ultimelor litere (nr. 31) nu ne permite s-o atribuim unui astynom concret, variantele fiind Ἀπολλώνιος – Gr. 1-Б sau Ἀπολλωνίδας – Gr. 1-A. Oricum, în ambele cazuri, datarea piesei se încadrează între aa. 325-324 şi 312-311 a. Chr. (Кац 1994, 76).

Cele două ştampile de Paros sunt datate cu sec. al III-lea a. Chr. şi, ca de obicei, conţin doar etniconul Παρίων (nr. 28-29), întrucât ştampilarea la Paros nu era obligatorie şi era extrem de simplă. Iar prezenţa vinurilor din acest poleis grecesc este rară pe piaţa pontică de nord şi nord-vest. Este posibil că exportul de vin nu era o direcţie prioritară în comerţul acestui centru grecesc, fiind cunoscut faptul că Parosul era cel mai mare exportator de marmură în lumea antică (Canarache 1957, 215).

Exemplarul de Rhodos (nr. 30) este datat, posibil, cu sec. al III-lea a. Chr. Reconstituirea acestei ştampile este dificilă din cauza păstrării insuficiente, din ea păstrându-se doar emblema – roza.

Cele şapte exemplare de ştampile cu o provenienţă necunoscută (nr. 32-38), pot fi grupate doar din punct de vedere al apartenenţei lor (luând în considerare structura pastei) – două aparţinând amforelor din regiunea mediteraneeană, iar celelalte cinci –centrelor pontice.

Predominarea ştampilelor de Sinope, în acest mic lot, nu este ceva neobişnuit, o situaţie similară fiind remarcată şi în alte loturi de ştampile amforice în siturile elenistice din Dobrogea: la Histria – circa 270 exemplare (Canarache 1957, nr. 212-437), 669 exemplare (Conovici 1998); la Callatis – circa 390 exemplare (Gramatopol, Poenaru-Bordea 1969, nr. 301-695), la Albeşti – 299 exemplare (Buzoianu, Bărbulescu 2008, nr. 181-480). Într-un alt poleis din regiunea nord-vestică a Pontului Euxin – Tyras, prezenţa materialului epigrafic amforic al Sinopei este asemănătoare – 171 de ştampile, situându-se după cel de Rhodos (386 exemplare), iar reieşind din faptul că amforele de Rhodos erau ştampilate pe ambele toarte, spre deosebire de cele sinopene, unde ştampila era aplicată doar pe o singură toartă, putem afirma cu siguranţă că importul amforic de Sinope şi la Tyras era unul impunător şi important (Матеевич, Самойлова 2017, 51). Din punct de vedere cronologic, majoritatea ştampilelor sinopene se încadrează în aceieaşi grupă – a IV-a şi a V-a – şi datează cu primul sfert al sec. al III-lea a. Chr. - mijlocul aceluiaşi secol. Lotul prezentat se încadrează, în linii generale, între anii ‘40-‘30 ai sec. al IV-lea (în baza ştampilei thasiene a magistratului reprezentată prin emblema „pilos”) şi anii ‘50 ai sec III a. Chr. (în baza a două ştampile de Sinope, aparţinând magistratului Ἀρίστιων). Întrucât setul de ştampile, descoperit pe strada Oituz, nr. 15, din Mangalia, provine din teritoriul callatian, el este, după părerea autorilor, o completare importantă la numărul cunoscut deja de ştampile ale oraşului antic Callatis (Conovici, Avram, Poenaru-Bordea 1989, 111-123; Doruţiu-Boilă 1989, 243-249; Buzoianu 2016, 247 -270).

Catalog

Sinope

1. Αισχίνου
ἀστυνομοῦντος.
Τεύθρα măciucă →
Ştampilă de magistrat - Ἀισχίνης 4 (la Conovici este menţionat ca al 3-lea). Gr. V-A. Datarea: sf. aa. ’80 ai sec. III a. Chr. Emblema măciucă spre dreapta – este întâlnită mai rar pe ştampilele acestui magistrat. La Garlan 2004 (cu alţi producători), 155, nr. 207-208; la Mateevici 2017 (cu producătorul Θυος), 51, nr. 4-7.

2. [ἀστ]υνόμου
[Ἀισ]χίνου. Strugure ↑
[Ἡφ]αίστιος
Ştampilă de magistrat - Ἀισχίνης 5. Gr. V-A. Datarea: sf. aa. ’80 ai sec. al III-lea a. Chr. Asemănător, la: Придик 1917, 62, №10; Gramatopol, Poenaru-Bordea 1969 (cu acelaşi producător), 188, nr. 354.

3. [ἀστυνόμου]
Α[ἰσχ]ρίωνος τοῦ
Ἀρ[τ]εμιδώρου.
[.....]
Ştampilă de magistrat - Αἰσχρίων (Ἀρτεμιδώρου). Gr. VI-D. Datarea: înc. aa. ’90 ai sec. al II-lea a. Chr.

4. ἀστυνόμου
Ἀριστίων(ος). Satir cu burduf spre st.
Ἀγάτων
Stampilă de magistrat - Ἀρίστιων. Grupa V-C cronologică (după Garlan). Datarea: înc. aa. ’50 ai sec. al III-lea a. Chr. Aceeaşi matrice, la Avram 1996, nr. 285.

5. [Δας].
[ἀστυνό]μ[ου] satir cu burduf ←
[Ἀριστίωνος] [strugure·↑]
Stampilă de magistrat - Ἀρίστιων, Grupa V-C cronologică (după Garlan). Datarea: înc. aa. ’50 ai sec. al III-lea a. Chr. Asemănător, la Garlan 2004, nr. 269.

6. [ἀστυ]νόμου
[Ἀττ]άλου. Cap fără barbă ←
[Νουμ]ηνίου
Ştampilă de magistrat - Ἄτταλος. Gr. V-A. Datarea: sf. aa. ’80 ai sec. al III-lea a. Chr. Acelaşi magistrat cu alţi producători, la Garlan 2004, 156-158, nr. 212-218.

7. Ἀτάλλου ἀστυ
νομοῦντος. [cap barbătesc→]
Ε[....]
Ştampilă de magistrat - Ἄτταλος. Gr.V-A. Datarea sf. aa. ’80 ai sec. al III-lea a. Chr. De obicei, pe majoritatea ştampilelor acestui magistrat numele lui figurează pe al doilea rând.
Cazurile când numele astynomului Ἄτταλος apare la începutul legendei, iar titulatura magistraturii ca participiu, sunt mai rare. Asemănător, la: Gramatopol, Boenaru-Bordea 1969, 196, 421, 423-424; Conovici 1998, 71, nr. 86; Garlan 2004, 158, nr. 218.

8. [ἀστυνόμου]
Δημητ[ρίου.] floare →,
[Γ]έ[ρβ]ης cap de bărbat ←.
Ştampilă de magistrat - Δημήτριος 1. Gr. V-A. Datarea: înc. aa. ’70 ai sec. al III-lea a. Chr. Numele producătorului Γέρβης II este întâlnit extrem de rar în amforologia sinopeană. El îşi începe activitatea la sfârşitul grupei a IV-a. La începutul grupei a V-a, numele lui este întâlnit doar cu trei magistraţi ai acestei perioade, printre care şi Δημήτριος 1 (Garlan 2004, 67-68, fig. 46). Se prea poate că perioada de activitate a acestui producător nu a fost de lungă durată. Acelaşi producător, cu alţi magistraţi, la: Придик 1917, 67, № 120-121; Кругликова, Виноградов 1973, 53, № 53; cu acelaşi magistrat, la Conovici 1999, 60, nr. 2, 66, pl. 1.

9. [Ποσειδω]νίου
[ἀστυνομ]οῦντος. strugure, floare (coroană)
[Στεφά]νου
Ştampilă de magistrat - Ποσειδώνιος 5. Gr. a IV-A. Datarea: a doua jum. aa. ’90 ai sec. al III-lea a. Chr. Asemănător, la Придик 1917, 96, № 720.

10. ἀστυνόμου
Πυθοκλέους. Cap de satir ←
Κ[αλλισθέ](νου) ?
Ştampilă de magistrat - Πυθοκλῆς. Gr. IV-C. Datarea: a doua jum. aa. ’80 ai sec. al III-lea a. Chr. Asemănătoare la Придик 1917, 79, № 340-350.

11. [..... ο..]
[ἀσ]τυνόμ[ου]. ?
[Νε]υμήιο[ς]
Ştampilă de magistrat, numele căruia e greu de reconstituit, din cauza deteriorării primului rând al legendei, care a fost gravată doar în trei rânduri, în cel de-al treilea rând aflându-se numele producătorului, în acest caz, cel al lui Νευμήνιος, nume de producător întâlnit în toate cele şase grupe cronologice.

12. Σύμμαχος.
ἀστυνόμου
Μιλτιάδου
Fulger
Ştampilă de magistrat - Μιλτιάδης (Τεισάνδρου). Grupa a V-a A. Datarea: mij. aa. ’70 ai sec. al III-lea a. Chr. Producătorul Σύμμαχος 1. O altă ştampilă a acestui astynom, cu alt producător, a fost descoperită la Moşneni (Mateeevici, Ionescu 2020, cat. nr. 6).

13. ἀστυνόμου
Ἀντιμάχου [cornul abundenţei ↑]
[....ο..α...]
Ştampilă de magistrat - Ἀντίμαχος 2 (Θευπείθους). Gr. a V-a B. Datarea: inc. aa. ’60 ai sec. al III-lea a. Chr.

Thasos

14. Θασίων
Proră →
Ἀπολλοδώρου
Stampilă de magistrat - Ἀπολλόδωρος. Gr. a VII-a, după Avram, sau a X-a, după Garlan. Datarea: a doua jum. aa. ’60 ai sec. al III-lea a. Chr. Sigma lunar.

15. [Θ]ασίων
Suport pentru lampă (?) ←
Ἀπολλόδωρος
Ştampilă de magistrat - Ἀπλλόδωρος. Datarea: a doua jum. aa. ’60 ai sec. III a. Chr. Acelaşi simbol, dar în altă manieră gravat la Bon 1957, 111, nr. 235. Sigma lunar.

16. [Θασίων]
Căprioara →
[Καλλικρ]άτ[η]ς
Stampilă de magistrat - Καλλικράτης[1], un magistrat rar întâlnit, ştampila ar putea fi datată cu aa. 326-325 a. Chr. Întocmai, la Bon 1957, 421, nr. 1744. Este posibil ca acest magistrat să nu fi reuşit să-şi îndeplinească funcţia pe parcursul întregii perioade prevăzute (Кац 2007, 415, приложение II).

17. Θασί[ων]
Baghetă răsfrântă (?)
[Κηφισο]φῶν
Ştampilă de magistrat. Sunt două variante de nume pentru reconstituirea legendei: Κηφισοφῶν sau Ἀριστοφῶν 2-3, ambii au activat în anii ’80 ai sec. al III-lea a. Chr. Sigma unghiulară. Asemănător, la: Gramatopol, Poenaru-Bordea 1969, 162 (fără foto), nr. 92; Irimia 1973, 52 cu emblema delfin (Κηφισοφῶν).

18. Θασίων
Fruct de rodie ←
Πρηξίπ[ολις]
Ştampilă de magistrat. Πρηξίπολις, sigma lunar. Datarea: aa. 272-270 a. Chr.

[1] Aducem mulţumiri, şi pe această cale, colegului Michel Debidour, pentru citirea corectă a ştampilei.

19. Θ]ασίων Πύθι/ π[ος]
Cap cu barbă ←
[Pilos]
Ştampilă de magistrat, numele căruia este reprezentat prin una din embleme – „pilos”, datarea revine gr. G2 (cca 344-330 a. Chr.). Întocmai, la: Irimia 1973, pl. XII/10, 34; pl. XXV/2, 61; Avram 1997, nr. 175; Garlan 1999, nr. 859.

20. Θασίων
Roată cu 6 spiţe
Χαιρ[έ]ας
Ştampilă de magistrat - Χαιρέας, sigma lunar în etnicon şi în numele magistratului. Datarea: sf. aa. ’70 - înc. aa. ’60 ai sec. al III-lea a. Chr

21. Θασίων
Mască ?
[.....]
Ştampilă de magistrat. S-a păstrat doar o parte din emblemă şi etniconul cu sigma unghiulară, ce ne permite să datăm piesa până în anii ’80-’70 ai sec. al III-lea a. Chr. Asemănător la Bon 1957, nr. 1969.

Akanthos

22. Φ| Π| Χ
Cadran circular împărţit în trei sectoare. Datarea: ultimul sfert al sec. al IV-lea a. Chr. Întocmai, la: Garlan 2006, 286, fig. 1/g; Матеевич, Самойлова 2017, 112, nr. 5.

23. N/ K/ I/{ΠΧ}
Cadran circular împărţit în patru sectoare. Datarea: ultimul sfert al sec. al IV-lea a. Chr. Asemănătoare, la Придик 1917, 107, № 121-122; întocmai, la Garlan 2006, 290, fig. 7/b.

24. N/ K/ I/{ΠΧ}
Cadran circular împărţit în patru sectoare. Datarea: ultimul sfert al sec. al IV-lea a. Chr. Asemănătoare, la Придик 1917, 107, № 121-122; întocmai, la Garlan 2006, 290, fig. 7/b.

25. Z/ΩP/HΓ/H/ΠX
Cadran circular împărţit în patru sectoare. Datarea: ultimul sfert al sec. al IV-lea a. Chr. Garlan 2006, 290, fig. 7/p.
26. EM
Ştampilă cu nume abreviat, într-un cadran quasi-ovoidal. Întocmai, la Garlan 2006, 287, fig. 2/b.

27. A/P/E/M
Cadran circular, împărţit în patru sectoare APME. Datarea: ultimul sfert al sec. al IV-lea a. Chr. Asemănător, la: Придик 1917, 107, № 104; Gramatopol, Poenaru-Bordea 1969, nr. 961; Bon 1957, nr. 2155; Штаерман 1951, 47, рис. 7/247; Garlan 2006, 287, fig. 3/a-d.

Paros

28. Παρίων
Ştampila este foarte îngustă, cca 3 mm în lăţime. Legenda este tipică pentru acest centru mediteranean, care îşi marca, doar sporadic, amfora comercială. Ştampila conţine doar etniconul. Datarea: sec. al III-lea a. Chr.

29. Παρίω[ν]
Ştampilă, care conţine doar etniconul, scris retrograd. Datarea: sec. al III-lea a. Chr.

Rhodos

30. ...ι..ω...ο
Ştampilă circulară cu roza în centru. Deteriorarea semnificativă a ştampilei nu ne oferă mari posibilităţi pentru reconstituirea ei şi prezentarea unei datări mai exacte. Poate fi sec. al III-lea a. Chr.

Chersones

31. [Ἀπολ]λωνί(δα)/ου
[ἀστυ]νόμου
Ştampilă de magistrat. Ar putea fi două variante de citire, întrucât numele magistratului nu s-a păstrat în întregime, iar terminaţia poate fi, cu acelaşi succes, atât în -ου: Ἀπολλωνίου, cât şi în -δα: Ἀπολλωνίδα 1. Cu siguranţă sunt ştampile timpurii, din ultimele decenii ale sec. al IV-lea a. Chr. Magistratul Ἀπολλώνιος – Gr. 1-Б (cca 312-311 a. Chr.). Astynomul Ἀπολλωνίδας - Gr. 1-A. Datarea: cca 325-324 a. Chr. (Кац 1994, таб. VIII, IX, X, XI).

Necunoscute

32. AT (AΨ)
Ştampilă cu nume în monogramă. Pasta asemănătoare Mendei. Un exemplar similar găsim la Bon 1957, nr. 2187. Asemănătoare, la Canarache 1957, 309 (in cadran circular), nr. 821.

33. Ω....
Ştampilă într-un cadran quasi-rectangular, în care se observă litera omega. Este posibil să fie o monogramă, în care cea de-a doua literă s-a şters. Structura pastei indică un centru pontic.
34. Într-un cadran rectangular a fost o legendă, se prea poate, în două rânduri. Pare a fi un centru pontic.

1

2

5

3

4

6

7

8

9

10

11

12

13

Fig. 3. Ştampile amforice.

Fig. 4. Ştampile amforice.

35. Ştampilă ştearsă. După pastă, fragmentul în cauză ar aparţine producţiei ceramice a unui centru pontic.

36. Ştampilă anepigrafică. Pasta asemănătoare cu cea de Sinope.

37. Litera K
Pseudo-ştampilă pe toartă ? Litera K redată englific, fără vreun cadran. Posibil, un centru pontic.

38. caduceu←
Ştampilă anepigrafică. Pasta unui centru mediteraneean. Posibil Mende?

39. Fragment de ştampilă, din care s-a păstrat o parte mică a cadranului. Pastă asemănătoare amforelor de Thasos.

40. Fragmentul unei ştampile de Sinope, din care s-a păstrat o parte mică a cadranului.

Bibliografie

Avram 1996: A. Avram, Les timbres amphoriques 1. Thasos. Histria, VIII (Bucarest 1996).

Bon 1957: A.-M. Bon, A. Bon, Les timbres amphoriques de Thasos (Paris 1957).

Buzoianu, Bărbulescu 2008: L. Buzoianu, M. Bărbulescu, Albeşti. Monografie arheologică (Constanţa 2008).

Buzoianu 2016: L. Buzoianu Les relations économiques de Callatis a l'époque hellénistique basées sur les découvertes des timbres amphoriques. In: Mobility in Researche on the Black Sea Region, Pontica et Mditeranea, vol. VI (Cluj-Napoca 2016), 347- 270.

Canarache 1957: V. Canarache, Importul amforelor ştampilate la Istria (Bucureşti 1957).

Conovici 1999: N. Conovici, Un astynom sinopéen mal connu Démètrios. In: Production et commerce des amphores anciennes en Mer Noire (Aix-en-Provence 1999), 49-70.

Conovici, Avram, Poenaru-Bordea 1989: N. Conoovici, A. Avram, Gh. Poenaru-Bordea, Nouveaux timbres amphoriques sinopéens de Callatis. Dacia N.S. XXXIII, 1989, 111-123.

Doruţiu-Boilă 1989: E. Doruţiu-Boilă, Relaţiile externe ale cetăţii Callatis în epoca elenistică (Les relations exterieures de la cité de Callatis a l'époque hellénistique. SCIVA 39/3, 1989, 243-249.

Garlan 1999: Y. Garlan, Les timbres amphoriques de Thasos I. Timbres protothasiens et thasiens anciens. Études thasiennes, 18 (Athènes-Paris 1999).

Garlan 2004: Y. Garlaln, Les timbres céramiques sinopéens sur amphores et sur tuiles trouvés à Sinope. Présentation et catalogue. Varia Anatolica XVI (Paris 2004).

Garlan 2006: Y. Garlan, Interprétation des timbres amphoriques «à la roue» d'Akanthos. BCH 130.1, 2006, 263-291.

Gramatopol, Poenaru Bordea 1969: M. Gramatopol, Gh. Boenaru-Bordea, Amphora stamps from Callatis and South Dobrudja. Dacia N.S. XIII, 1969, 127-282.

Irimia 1973: M. Irimia, Descoperiri noi privind populaţia autohtonă a Dobrogei şi legăturile ei cu coloniile greceşti (sec. V-I î.e.n.). Pontica 6, 1973, 7-71.

Mateeevici, Ionescu 2020: N. Mateeevici, M. Ionescu, Ştampile noi de amfore greceşti, descoperite în perimetrul aşezărilor Moşneni şi Dulceşti (jud. Constanţa). Pontica, 2020 (în tipar).

Кац 1994: В.И. Кац, Керамические клейма Херсонеса Таврического. Каталог определитель (Саратов 1994).

Кац 2007: В.И. Кац, Греческие керамические клейма эпохи классики и эллинизма (опыт комплексного изучения). Боспорские исследования, вып. XVIII (Симферополь-Керчь 2007).

Кругликова, Виноградов 1973: И.Т Кругликова, Ю.Г. Виноградов, Клейма Синопы на амфорах из поселения Андреевка Южная. КСИА 133, 1973, 44-53.

Матеевич, Самойлова 2017: Н Матеевич, Т.Л. Самойлова, Амфорные клейма из Тиры (раскопки 1998-2009 гг.) (Киев 2017).

Придик 1917: Е.М. Придик, Инвентарный каталог клейм на амфорных ручках и на черепицах Эрмитажного собрания (Петроград 1917).

Штаерман 1951: Е.М. Штаерман, Керамические клейма из Тиры. КСИИМК XXXVI, 1951, 31-50.

Stamps on the Greek amphorae from the excavations on the Oituz Street, no. 15, Mangalia, Constanţa County, Romania

Keywords: Callatis, archaeological excavations, amphorae, stamps, trade.

Abstract: The authors present a small collection of Greek amphora stamps found during rescue excavations in ancient Callatis, on the territory of present Mangalia. The collection consists of 26 stamps, most of which are the stamps of Sinope – 8 specimens, 6 belong to the Thasian amphora production, 4 stamps belong to Akanthos, and Chersonesus, Rhodes and Paros are represented by one amphora stamp each. Five stamps were included in the group of uncertain. The chronological frames of this collection are from 330-340 BC to 250 BC. The fact that most of the stamps belong to the Sinope amphorae is proof of the influence of this Black Sea Greek center on trade with the Greek colonies of the North-Western Black Sea region and even with the local barbarian population. This is also confirmed by similar finds of stamps in such sites as Histria, Callatis, Albeşti, and Tyras.

The collection, despite its small size, can be a good addition to earlier publications on the Callatis stamps, since these excavations took place on the territory of this ancient city.

List of Illustrations:

Fig. 1. The archaeological site on the Oituz Street, no. 15.

Fig. 2. Archaeological excavations. General view.

Fig. 3. Amphora stamps.
Fig. 4. Amphora stamps.

Амфорные клейма на греческих амфорах из раскопок на ул. Ойтуз, 15, Мангалия, уезд Констанца, Румыния

Ключевые слова: Каллатис, археологические раскопки, амфоры, клейма, торговля.

Резюме: Авторы представляют небольшую коллекцию греческих амфорных клейм, найденных при спасательных работах в античном Каллатисе, на территории современной Мангалии. Коллекцию составляют 26 клейм, большая часть из которых представлена клеймами Синопы – 8 экземпляров, 6 – относятся к фасосскому амфорному производству, 4 клейма принадлежат Аканфу, и по одному клейму относятся к амфорам Херсонеса, Родоса и Пароса. Пять клейм вошли в группу неопределенных. Хронологический интервал данной коллекции – 40-30 гг. IV века до Р.Х. – 50 гг. III века до Р.Х. То, что большая часть клейм принадлежит синопским амфорам, является доказательством влияния это причерноморского греческого центра на торговлю с греческими колониями Северо-Западного Причерноморья и даже с местным варварским населением. Это подтверждается также аналогичными находками клейм на таких памятниках, как Истрия, Каллатис, Албешть и Тира.

Данная коллекция, несмотря на небольшой объем, может стать хорошим дополнением к более ранним публикациям по клеймам Каллатиса, поскольку данные раскопки проходили на территории этого античного города.

Список иллюстраций:

Рис. 1. Место археологических раскопок на ул. Ойтуз, 15.

Рис. 2. Археологические раскопки. Общий вид.

Рис. 3. Амфорные клейма.

Рис. 4. Амфорные клейма.

26.05.2020

Dr. Natalia Mateevici, Muzeul Naţional de Istorie a Moldovei, str. 31 August, 121-A, MD-2012 Chişinău, Republica Moldova, https://orcid.org/0000-0002-4660-9781, e-mail: amforaelada@yahoo.com

Dr. Mihai Ionescu, Muzeul de Arheologie „Callatis”, şos. Constanţei, nr. 23, Mangalia, România, https://orcid.org/0000-0002-9053-289X, e-mail: ionescumihai2000@yahoo.it

АМФОРЫ СЕВЕРО-ЗАПАДНОЙ АКВАТОРИИ ЧЕРНОГО МОРЯ

Игорь Сапожников, Александр Синельников

Всему на свете истинную цену
Отменно знает время – лишь оно
Сметает шелуху, сдувает пену
И сцеживает в амфоры вино.
И. Губерман

Ключевые слова: акватория северо-западной части Черного моря, остров Змеиный, места подводных находок амфор, типология и датировки транспортных амфор, греческий, римский и византийский импорт.

Введение

Природные особенности северо-западной части Черного моря – господствующие северные и северо-восточные ветры, прибрежные течения, направленные по кругу против часовой стрелки, мели у Дунайских устьев, существовавшие еще в античные времена, и другие причины обусловили исключительное значение острова Змеиного для древнего мореплавания в этом регионе (Охотников, Островерхов 2002, 122). Именно поэтому находки античных материалов вокруг острова и в акватории, прилегающей к морскому побережью от Дуная до Днепра, на котором сосредоточены античные города и поселения, важны для исследований ряда периодов истории Северного Причерноморья.

Работа посвящена публикации новых и ранее неизвестных артефактов, которые происходят из района между о. Змеиный и песчаными пересыпями Тузловских лиманов, а также с акватории напротив устья Аджалыкского лимана, на северо-восток от г. Одесса (между с. Черноморское и г. Южный). Они хранятся в двух районных краеведческих музеях – Татарбунарском и Овидиопольском (Сапожников, Синельников 2018), а также в этнографическом музейном комплексе «Бессарабское село Фрумушика-Нова». Перед тем как перейти к интерпретации исследованных нами транспортных амфор, коротко коснемся истории гидроархеологических работ в регионе и охарактеризуем опубликованные ранее материалы.

Историография и источниковая база

Состояние источниковой базы на самое начало 1960-х годов зафиксировано в первой научно-популярной книге по теме, в которой на «Схематической карте подводных находок в северной части Черного и Азовском морях» в исследуемом нами регионе было отмечено всего два пункта выявления «посуды» близ островов Березань и Змеиного (Блаватский, Кошеленко 1963, 75).

Первые научные археологические исследования о. Змеиный провел в 1964 г. отряд Государственного исторического музея (г. Москва) во главе с Н.В. Пядышевой. Тогда, кроме наземных раскопок, имели место и подводные работы, направленные на поиски затопленных карстовых пещер, в которых, как считалось, «при приближении морских пиратов жрецы прятали статуи богов и драгоценности». Однако геологическое строение острова исключает наличие на нем образований такого рода, что, собственно, эти работы и показали (Охотников, Островерхов 2002, 123-124). В 1968 г. там же работала экспедиция ОАМ АН УССР (нач. С.А. Булатович). Ее итоги также были неутешительными: по мнению участников, каменистое дно вблизи острова не оставляло надежд на находки на нем неповрежденных объектов (Охотников, Островерхов 2002, 124; Охотников 2008, 30).

В 1970-х гг. интерес к древностям Змеиного вырос, но касалось это прежде всего переиздания старых материалов и подытоживания сведений античных авторов. Комплексные археологические исследования (включая гидроархеологические) возобновил здесь в 1988 году ОАМ АН УССР (нач. С.Б. Охотников). В них принимали участие исследовательские клубы «Понт Эвксинский», «Archeoclub d'Italia»,

«Наварекс» и «Филоксия». Основные находки под водой дала тогда Северная бухта на глубинах от 9 до 12 м (Охотников, Островерхов 2002, 124).

Фрагменты керамических изделий (амфор и черепицы) найдены там в виде отдельных обломков и скоплений керамики разных размеров и типов, обнаружены и целые амфоры, на «амфорном поле». Оно находилось в центре бухты на площади до 200 м² (Островерхов, Охотников 2008, 32). Наличие целых сосудов свидетельствовало о том, что артефакты попали на дно не с берега острова, а с кораблей. Одной из причин этому назывались возможные жертвы богу Ахиллу в виде сброшенных в воду амфор и других артефактов. Там же найдено немало деталей античных якорей, что свидетельствует о длительном наличии в Северной бухте якорной стоянки (Охотников, Островерхов 2002, 124). Дополнительную информацию об этом объекте привел А.И. Терещенко. Он отметил, что зона «амфорного поля» (или «поляны») находилась всего в 100 м к северу от берега, на границе каменной гряды и песчаного дна, а во время разведывательного зондажа этого района с помощью помпы материалы в грунте не были обнаружены (Терещенко 2008, 96-98, 109-110, рис. 3/1).

Особого внимания заслуживают разработки С.Б. Охотникова и А.С. Островерхова, посвященные различным аспектам истории и археологии о. Змеиного. В 1993 г. ученые опубликовали значительную часть артефактов (Охотников, Островерхов 1993). Их главные тезисы относительно амфор сведены к следующему. Датировка и типология тарной посуды в целом соответствует картине, известной по раскопкам античных городов Северного Причерноморья. Они датируются от конца VII - нач. VI в. до н.э. и отражают тысячелетнюю историю святилища Ахилла. Значительная часть керамики происходит с морского дна. Позже С.Б. Охотников отметил некоторые амфоры: горловину хиосской начала V в. до н. э., верхнюю часть косской, целую фасосскую. Названы и центры их производства: Клазомены, Аттика, Синопа, Гераклея, Лесбос, Самос, Пепарет, Херсонес, Кос, Родос и др., и датировки – IV-II вв. до н.э. Об амфорах I-IV вв. н.э. сказано, что те «представлены известными типами». Однако автор нигде не указал прямо, откуда происходит эта керамика – с острова или морского дна (Охотников 2008, 48 и др.).

Отдельно скажем об уникальной в своем роде статье 1984 г., посвященной публикации 10 амфор со дна Черного моря. В течение длительного времени она была единственной, в которой описывались находки из разных районов обозначенной акватории (в последующих, вплоть до 2010-х годов, речь шла о находках у о. Змеиный). Благодаря экипажам рыболовных судов, зафиксированы координаты, места находок локализованы. На карте-схеме видно три района их скопления: 1 – у о. Змеиный; 2 – на юго-восток от Днестровского лимана; 3 – у лиманов Хаджибейского и Тилигульского (рис. 1/1-10)[1]. Эти амфоры находятся в фондах ОАМ НАНУ, где в начале 1980-х гг. хранилось более 20 подобных предметов (Охотников, Пасхина 1984). Приведем характеристику транспортной тары из этой статьи.

С акватории о. Змеиного происходит целая красноглиняная амфора с горлом в виде конуса, расширяющегося к низу, с высоким выступом-воротничком под плоским подпрямоугольным венцом, широким туловищем и узкой длинной конической ножкой с небольшой ямкой (Охотников, Пасхина 1984, 97-98, рис. 2/1). Авторы отнесли ее к типу со стакановидным дном (Зеест 1960, 139, табл. III/9). Этот сосуд попал в классификацию как архаичная амфора лесбосского производства (типа I, варианта I-A третьей четверти VI в. до н.э.; Монахов 2003, 48, 260, табл. 30/3). Находит аналогии в материалах Березани и Ольвии (Буйских 2014, 89-90, рис. 1/6-8).

Неподалеку от левого берега устья Тилигульского лимана в 1963 г. была поднята амфора без нижней части дна (Охотников, Пасхина 1984, 100, рис. 3/3). Сосуд имеет массивный, плоско срезанный сверху венчик. Прямое, довольно высокое горло расширяется к низу и плавно переходит в округлые плечи; корпус конусовидный. Авторы относят амфору к фасосскому производству конца V - нач. IV в. до н.э. С долей вероятности (из-за отсутствия ножки), ее можно связать с фанагорийским вариантом коническо-биконического типа II амфор Фасоса, средней (II-A-2) или протобиконической (II-A-3) серий, которые датируют-

[1] По координатам из указанной работы авторы нанесли места находок на современную топооснову (рис. 1).

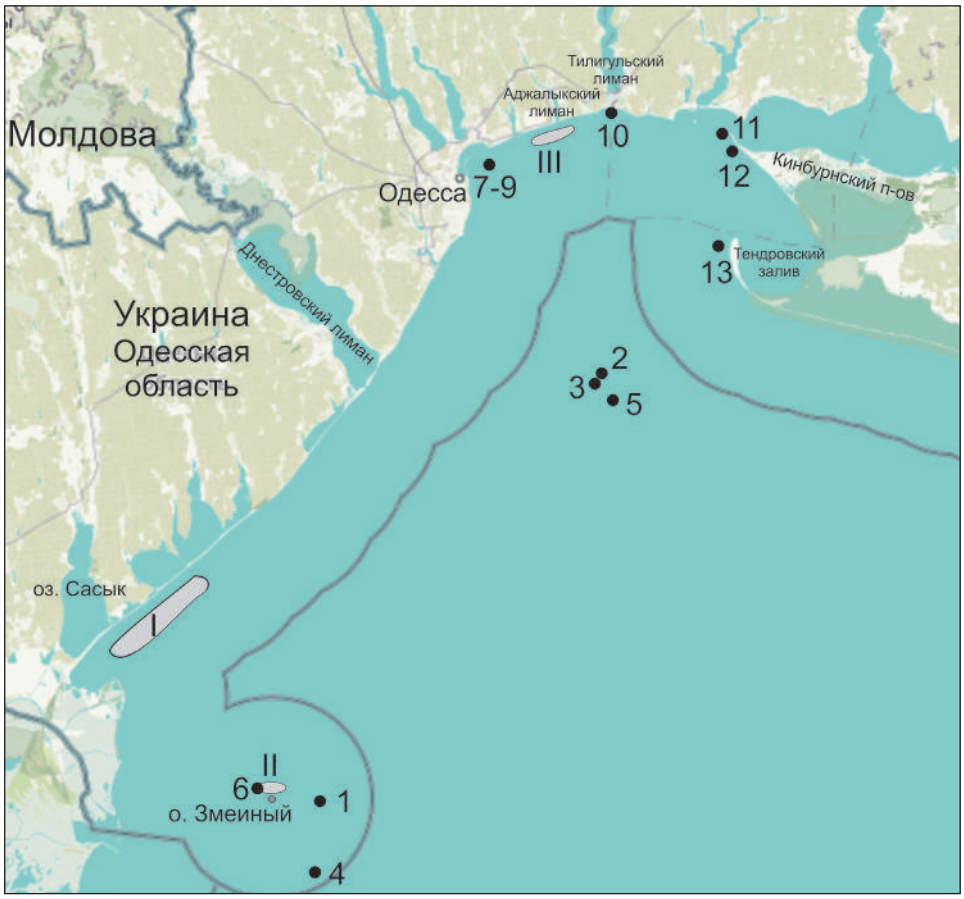


Рис. 1. Карта-схема находок амфор в акватории Одесского залива: 1-10 - по координатам С.Б. Охотникова и Е.П. Пасхиной (1984); 11 - остатки античного судна у Кинбурнской косы; 12 - пункт находок у Кинбурнской крепости; 13 - местонахождение у о. Тендра; I - местонахождение вдоль Тузловских лиманов; II - акватория острова Змеиный; III - напротив устья Аджалыкского лимана.

ся концом 2-й четверти - концом V в. до н.э. (Монахов 2003, 65-66, 269-270, табл. 39, 40).

Еще у одной фасосской амфоры с биконическиим корпусом, несколько вытянутым горлом и уплощенным венцом отбиты ножка и ручка (Охотников, Пасхина 1984, 98, рис. 2/2). Она относится к коническо-биконическому типу II биконического варианта, вероятно, поздней серии (II-B-3) первой пол. 30-х - конца 20-х гг. IV в. до н.э. (Монахов 2003, 70, 276, табл. 46).

Там же найдена археологически целая амфора позднеантичного времени, с овальным, продолговатым, сужающимся к низу корпусом и слабо выделенной ножкой. На поверхности следы профилирования; ручка на внутренней стороне имеет углубление по всей длине (Охотников, Пасхина 1984, 98, 100, рис. 2/3). Она отнесена к амфорам с клювовидными венцами и ручками типа мирмекийских II-III вв. по И.Б. Зеест (1960, 166, табл. XXX/73). Мы считаем, что описанная выше амфора может быть отнесена к типу 3 северопонтийского класса с желобчатыми ручками 320-х - 360-х гг. Центрами его производства считаются Пантикапей и Мирмекий, но во второй пол. III в. такие сосуды могли производить Херсонес и другие города Таврики (Диденко 2018, 86-96, 389-390, табл. 86-96).

Следующая амфора найдена в 60 милях к юго-востоку от о. Змеиный на глубине 62 м. Она имеет закругленный конусовидный корпус высотой 70 см и диаметром 28 см. Венчик диаметром 5 см отделен от горла валиком. Горло расширяется к низу и профилировано по всей высоте. Ручки в разрезе овальные, по внешней стороне имеют два параллельных ребра. Ножка выполнена в виде полого цилиндра диаметром 7 см. Датирована III в. (Охотников, Пасхина 1984, 99, рис. 2/4). Исходя из современ-

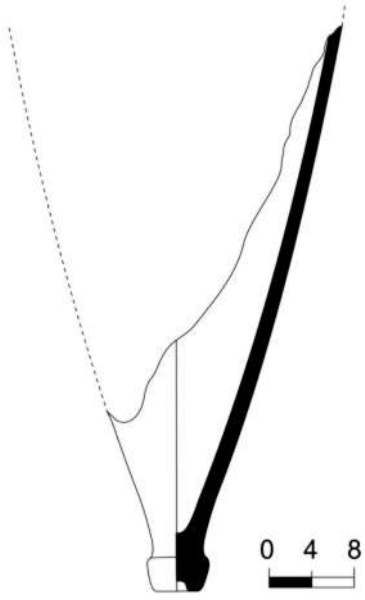


Рис. 2. Хиосская амфора с протоколпачковой ножкой.

ных разработок по типологии амфорной тары, мы имеем возможность скорректировать интерпретацию сосуда, хотя подобная попытка может быть ошибочной из-за отсутствия прорисованного профиля амфоры. Сосуд, вероятно, относится к амфорам типа Форлимпополи, которые имеют североиталийское происхождение. Находки подобных амфор известны в Танаисе, дунайских провинциях Римской империи, на части территории распространения черняховской культуры. В рамках этого типа также выделены вариации, хронология которых не прослежена. Подобные сосуды изготавливались с последней четверти I до первых десятилетий IV в. включительно. Описанная амфора, вероятней, относится к более поздним вариантам этого типа (Диденко 2016, 116; Диденко 2018, 113-119, 412-414, рис. 118-120).

Кроме названных, из скопления 2 и окрестностей о. Змеиный происходят две византийские амфоры XII-XIII вв. (Охотников, Пасхина 1984, 99-100, рис. 3/1, 2), атрибуция которых не вызывает сомнений.

Небезынтересным в историографическом плане является первый раздел коллективной монографии по истории и археологии Днестро-Бугского междуречья, написанный А.С. Островерховым. В нем автор часто оперирует таким понятием как «*гидроархеология*», а иногда и «*гидроистория*», но характеризуются в основном прибрежные и подтопленные поселенческие структуры[2] региона. Что касается находок под водой, то из них были упомянуты лишь ранее опубликованные пункты (Островерхов 2011).

В 2008 г. в рамках проекта ОНУ «Остров Змеиный» осуществлено издание 5 томов, один из которых посвящен археологии и истории. Нас интересует его раздел 3, где подведены итоги подводных работ клуба «Наварекс» (Терещенко 2008). Не вдаваясь в детали этой работы, ограничимся описанием объектов, которые дали значительное количество амфор, опубликованных в том или ином виде.

«Амфорный склон» расположен в 0,8-1,0 км к юго-западу от острова, где глубины достигают 29,0-33,5 м. В ходе поисков 2001-2003 гг. там исследовано до 180 обломков амфор. Авторы работ предположили, что «амфорный склон» сформировался в результате гибели нескольких кораблей (Терещенко 2008, 112-123, рис. 3/4). Главным недостатком «публикации» материалов является отсутствие описаний и рисунков керамики с профилями. Несмотря на это, мы проанализировали фотоснимки находок из таблицы «Перечень археологического материала ...», 11 страниц которой (по 16 фотографий на каждой) даже не пронумерованы (Терещенко 2008, табл., фото 8). Находки в таблице обозначены буквенным индексом ZA и соответствующим номером. В итоге удалось с долей вероятности идентифицировать часть находок, представленных преимущественно фрагментами верхних и нижних частей амфор. Среди них выделены греческие и римские типы, а также одна византийская. Греческие амфоры представлены продукцией Лесбоса, Хиоса, Фасоса, Пепарета, Книда и Менде[3].

Среди лесбосских амфор[4] есть красноглиняные архаического типа I, вариантов I-B и, вероятно, I-C. Они датируются 1-й пол. - нач. 3-й четверти VI в. до н.э. и 2-й пол. - последней

[2] Это категория памятников была выделена ранее (Сапожников, Островерхов 1987, 18-19).

[3] Описание материалов дано ниже с указанием шифров, указанных в «Таблице».

[4] №№ZA00/02 07/05, 11/11, 16/09.

Рис. 3. а-б - Амфора типа Зеест 76.

Рис. 4. а-б - Амфора типа Зеест 84.

Рис. 5. а-б - Транспортная амфора римского времени.

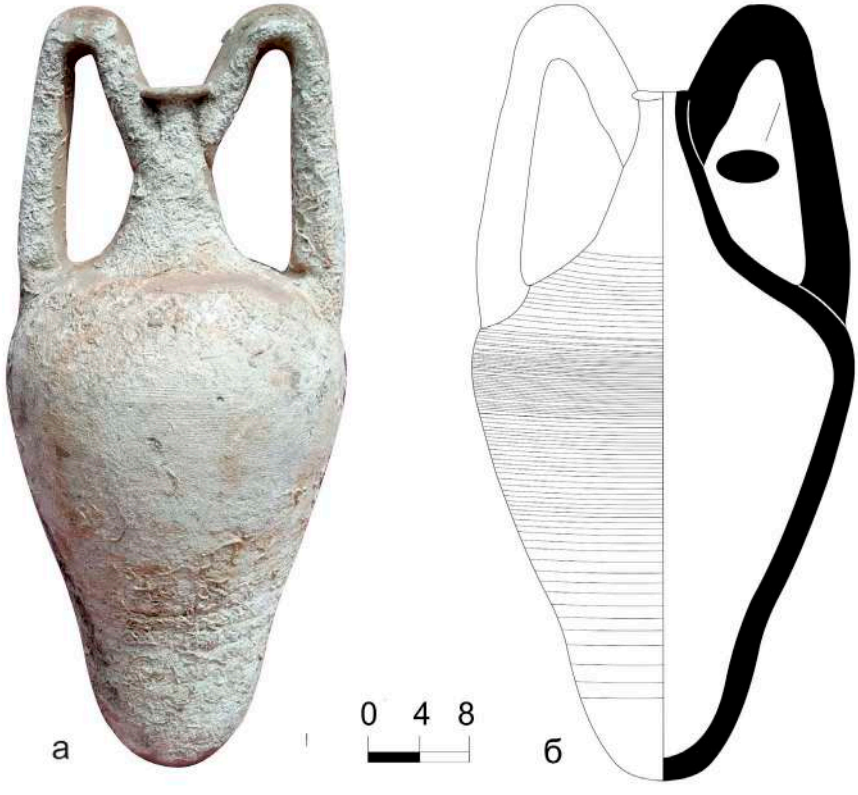


Рис. 6. а-б - Византийская амфора типа Günsenin III.

четвертью VI в. до н.э. соответственно (Монахов 2003, 47-48, 261, табл. 31).

Один из фрагментов[5] отнесен к «протофасосским» амфорам на сложнопрофилированной ножке, происхождение которых не установлено. Эта находка является амфорой второй или третьей серии 3-й четверти VI - рубежа VI-V вв. до н.э. (Монахов 2003, 38-39, 253-254, табл. 23-24).

Амфоры Хиоса представлены шире. Наиболее ранними являются сосуды[6] II типа (с воронковидным горлом) 3-й четверти VI - нач. V в. до н.э. (Монахов 2003, 15-16, 233, табл. 3), а также пухлогорлая амфора[7] варианта III-A (Монахов 2003, 16-17, 233-234, табл. 3-4). Более поздними являются несколько амфор[8] «пухлогорлого» варианта III-B, который является следующим этапом эволюции этого типа тары 80-70-х гг. - конца 2-й четверти V в. до н.э. (Монахов 2003, 17-18, 235-236, табл. 5-6). Ряд сосудов[9], вероятно, относится к позднепухлогорлому варианту III-C середины 30-20-х гг. V в. до н.э. (Монахов 2003, 18-19, 237, табл. 7).

Часть хиосской керамики составляют амфоры с коническим туловом, среди которых сосуды с колпачковой ножкой[10] варианта V-B рубежа V-IV - конца IV в. до н.э. (Монахов 2003, 21-22, 241-242, табл. 11-12) Два сосуда[11] отнесены к тому же типу, но варианту V-C (с острым дном без выделенной ножки), конца IV - III вв. до н.э. (Монахов 2003, 23, 243, табл. 13).

Рассмотрим фасосскую тару, наиболее ранней среди которой является амфора[12] пифоидного типа варианта I-A серии джонсон (I-A-1) или знаменского типа (I-A-3) конца VI - нач. V в. до н.э. (Монахов 2003, 60-61, 264, 266, табл. 34, 36). Две амфоры[13] отнесены к «кругу Фасоса», вероятно, к типу «с раздутым горлом» одного из полисов Геллеспонта или Эгейской Фракии 2-й четверти - конца V в. до н.э. (Монахов 2003, 77-79, 282-284, табл. 52-54). Шире представлены фасосские амфоры коническо-биконического типа. Ранней является амфора[14] фанагорийского варианта средней серии (II-A-2) 50-30-х гг. V в. до н.э. (Монахов 2003, 65, 270, табл. 40). Присутствуют также находки амфор биконического варианта ранней серии II-B-1[15] 420-х гг. - 1 пол. 70-х гг. IV в. до н.э. (Монахов 2003, 66-67, 271, табл. 41). Среди амфор этого типа большинство[16] относится к биконическому варианту (серии II-B-2) 2 пол. 70-х - 2 пол. 30-х гг. IV в. до н.э. (Монахов 2003, 67-70, 274, табл. 44). Присутствует также фрагмент сосуда[17] позднебиконического варианта II-B-3, сер. 30-х - конца 20-х гг. IV в. до н.э. (Монахов 2003, 70-71, 276, табл. 46).

Часть находок является импортом о. Пепарет. Наиболее ранним является сосуд[18] варианта Солоха I-A первой пол. 70-х гг. IV в. до н.э. (Монахов 2003, 97-98, 297, табл. 67). Другие амфоры[19] отнесены ко второй группе середины - 3 четверти IV в. до н.э. (Монахов 1999, 411-412, табл. 184; Монахов, Кузнецова 2009, 155, табл. 6).

Семь амфор происходят из г. Книда. Они относятся к типу с высоким цилиндрическим горлом и грибовидным венцом и разделены на вариации. Для четырех находок[20] установить вариации не удалось. Ранней является находка[21] елизаветовского варианта (I-A) 1-2 четверти IV в. до н.э. (Монахов 2003, 102, 301, табл. 71). К варианту I-B (Геленджикский) отнесена одна амфора[22] середины - 3 четверти IV в. до н.э. (Монахов 2003, 102-103, 301, табл. 71). Наиболее поздним вариантом амфор этого типа является херсонесский[23] 3 четверти IV в. до н.э. (Монахов 2003, 103, 302, табл. 72).

Пять амфор Менде[24] отнесены ко II типу (на рюмкообразной ножке), а последняя, вероятно, представляет мелитопольский вариант, все они датируются последней четвертью V - IV вв. до н.э. (Монахов 2003, 90-94, 295, табл. 65).

---

[5] №ZA16/10.
[6] №№ ZA05/02, 10/12.
[7] №ZA11/07.
[8] №№ZA09/10, 12/03, 16/08, возможно, 07/08.
[9] №№ZA03/03, 10/19, 11/12, 15/01, 15/02, 16/03, 16/11.
[10] №№ZA00/04 03/01, 05/05, 05/08, 06/04, 07/02-04, 10/08, 10/11, 10/16, 10/26, 12/01, 13/03, 13/17, 16/02, ZAL/02, ZF01/01.
[11] №№ZA01/03 17/05.
[12] №ZA17/04.
[13] № ZA15/12 и 17/07.
[14] № ZA05/01.
[15] №№ZA04/04 15/09 -?
[16] №№ZA09/04 10/01, 10/10, 10/24, 10/27, 13/06-07, 13/16, 14/09, 15/03, 15/10.
[17] №ZA07/10.
[18] №ZA16/06.
[19] №№ZA04 / 01 04/05, 14/02, 14/11.
[20] №№ZA10/20 11/01, 12/06, 16/01.
[21] №ZA01/01.
[22] №ZA16/05.
[23] №ZA10/15.
[24] №№ZA10/01, 10/17, 10/29, 12/05, 12/07.

Значительный массив материалов является римским, но определена лишь его часть. Несколько фрагментов[25] отнесены к амфорам северопонтийского класса с желобчатыми ручками (Диденко 2018, 86-97, 98-101, рис. 392-395) или типа 72 (мирмекийского) конца II - сер. III в. по И.Б. Зеест (1960, 111-112, 166, табл. XXX/72). Два обломка[26] относятся к типу C-II светлоглиняных «псевдородосских» амфор гераклейского или синопского производства конца I в. до н.э. - нач. II в. н.э. (Внуков 2003, 96-102, рис. 34).

Еще два обломка[27] являются светлоглиняными амфорами с воронковидным горлом типа 90 (Зеест 1960, 173, табл. XXXVII), или MRA 18 Benghazi (Диденко 2018, 409, рис. 115), или типа CV Внукова, который исключает существование позднегераклейской тары этого типа ранее III в. (Внуков 2003, 128-129, рис. 50), а другие относят ее ко 2-й пол. III в. (Диденко 2018, 108-110). Горловину следующей амфоры[28] следует отнести к типу 83 – II-III вв. по И.Б. Зеест (1960, 170, табл. XXXIV).

Одна амфора византийская[29], вероятней всего, типа Günsenin III или варианта Günsenin II-III. Тип III датируется XIII в., с вероятностью существования в конце XII в. Переходный тип II-III бытовал от рубежа X-XI вв. до конца XI в. (Günsenin 1990, fig. 3; Günsenin 2018, 99-102, fig. 8-9).

Остатки античного судна «Змеиный-Патрокл» (название условное) обнаружила экспедиция «Наварекс» ОНУ (нач. А.И. Терещенко) в 2011 г. Корабль размерами 22,0×6,0 м находится в 650 м к северо-западу от о. Змеиный на глубине 34 м. На месте крушения найдено большое количество материалов: столовая и кухонная посуда экипажа, импортная чернолаковая керамика и основной груз – амфоры с о. Пепарет. Полностандартные амфоры (около 3 тыс.) загружены по «четырехугольной схеме» в четыре слоя. Между амфорами верхнего слоя были догружены фракционные амфоры в количестве 77 и 42 единицы типа Пепарет I и Пепарет II и была упакована чернолаковая посуда. Общая датировка судна укладывается в середину – третью четверть IV в. до н.э. В верхнем слое нашли римскую светлоглиняную амфору II-III вв. типа D по Д.Б. Шелову (Терещенко 2013а, рис. 1/65; Терещенко 2013б, 81-82, рис. 10).

Исследование северной части акватории региона. В 2012 г., после того как подводная археологическая экспедиция «Берег богов» неподалеку от берега в районе бывшей Кинбурнской крепости (рис. 1/12) обнаружила две фасосские амфоры V в. до н.э., монополия о. Змеиного на такие находки в регионе была отменена. За два года исследований здесь с площади около 120×30 м подняли целые амфоры и их обломки (свыше 10 фасосских и одну гераклейскую), которые до сих пор не опубликованы[30].

Ситуация изменилась еще больше с созданием в ИА НАНУ Черноморской подводной экспедиции (нач. В.Е. Герасимов). В 2017 г. в акватории северо-западной части Тендровской косы было найдено место кораблекрушения I-II вв. (рис. 1/13), где сосредоточены материалы (преимущественно обломки амфор), датированные первыми веками н.э. (Герасимов, Рейда 2019). Уже в следующем году экспедиции удалось обнаружить неподалеку от стрелки Кинбурнской косы остатки античного судна конца IV - нач. III в. до н. э. (рис. 1/11). Они представлены частью корпуса длиной в 9,45 м со свинцовой обшивкой, а также балластными камнями и грузом в виде тарных амфор Синопы, Колхиды и Коса (Герасимов, Рейда, Смирнов 2018, 110).

Завершая обзор подводных исследований акватории северо-западной части Черного моря, отметим, что он не является исчерпывающим, поскольку мы сосредоточились на работах, в которых опубликованы тарные амфоры.

Новые коллекции транспортных амфор

Теперь опишем две коллекции амфор, а также материалы, найденные неподалеку от г. Одесса. Первая хранится в Овидиопольском историко-краеведческом музее и состоит из 6 сосудов, пять из которых археологически целые. Большинство из них передал туда Л.Г. Кичинский, сообщивший, что они выловлены в 1980-х гг. на севере – северо-востоке от

[25] №№ZA01/02 05/06, 07/01, 07/06, 05/10, 09/07-09, 14/13 -?
[26] №ZA01/05? 15/06.
[27] №№ZA14/05 ZNN1/01.
[28] №ZA10/07.
[29] №ZA09/05.

[30] Информация от А.И. Смирнова и из открытых источников.

о. Змеиного на глубинах до 30 м судами рыбхоза «Россия». Бывший рыбак не поддержал версию о том, что «амфорное поле» является результатом очистки тралов сейнеров. По его словам, скрываясь от штормов на стоянке в Северной бухте о. Змеиный, экипажи судов ничем подобным не занимались.

Наиболее ранней находкой является часть хиосской амфоры высотой 58 см (рис. 2). Стенки плавно сужаются к низу и довольно резко переходят в ножку-колпачок с ямкой на дне. Диаметр в узкой части составляет 4,8 см; диаметр колпачка 5,7 см, его высота 3,5 см; глубина ямки 0,9 см. Отнесена к типу V (с протоколпачковой ножкой), а именно к варианту V-A конца V - рубежа V-IV вв. до н.э. (Монахов 2003, 20-21, 240-241, табл. 10-11).

Остальные амфоры римские. Среди них есть археологически целая красноглиняная высотой 81,8 см (рис. 3а, 3б). Венчик выделен довольно широким уплощенным сверху валиком, резко переходит в горло, которое расширяется к низу и переходит в покатые плечи. Ручки овальные, профилированные, закреплены несколько ниже краев и на плечиках. Стенки туловища плавно закругляются вниз и переходят в коническую плотную ножку. Диаметр венца 15,7 см. Диаметр верхней части горла 14,5 см, нижней – 24,3 см. Ширина ручек в сечении 4,8 см. Диаметр амфоры в самой широкой части 45 см. Диаметр ножки 2,6 см. Сейчас можно предположить ее принадлежность к амфорам II-III вв. типа 76 по И.Б. Зеест (1960, 113, 168, табл. XXXII/76), причем описание типа здесь дано не полностью. Отмечены особенности лишь верней части подобных сосудов, которые почти полностью совпадают с описанной нами амфорой.

Еще одна римская амфора сохранилась целой (рис. 4а, 4б). Глина светло-розовая, розово-желтая. Высота 96 см, венчик диаметром 12,2 см имеет вид сплюснутого валика, покатый, немного нависает над горловиной. Горло широкое, расширяется к низу и переходит в покатые плечи. Диаметр в верхней части 12 см, в нижней 28 см. Тулово яйцевидное. Ручки в сечении овальные, закреплены несколько ниже венчика и в месте перехода от горла к плечикам. Их размеры в сечении 4,3×2,0 см. Диаметр амфоры в наиболее широкой части 51,2 см. На горловине присутствуют три прочерченные линии. Морфология сосуда совпадает с описанием амфор европейского Боспора, типа 84, II-III вв. по И.Б. Зеест (1960, 116, 171, табл. XXXV/84).

Следующая амфора имеет светлый цвет (рис. 5а, 5б). Венчик диаметром 13 см в виде сплюснутого покатого валика нависает над горлом. Горло широкое, расширяется к низу и переходит в покатые плечи. Диаметр верхней части горла 12 см, нижней 32 см. Туловище коническое, сужается к низу и переходит в невысокую коническую ножку. Овальные, довольно массивные с небольшим выступом снаружи ручки закреплены несколько ниже краев и на плечах сосуда. Их размеры в сечении 4,5×3,5 см. Диаметр ножки в нижней части 3,2 см. Амфора имеет рифление по поверхности тулова. Интерпретация этого сосуда не является однозначной. Профиль ее венца и цвет глины совпадают с типами 76, 82, 84 и 85 II-III вв. (Зеест 1960, 171, табл. XXXV), однако профили ручек и форма нижней части морфологии данных типов не соответствуют.

Еще две амфоры средневековые. Первая с высоко поднятыми (на 6,8 см) над венцом ручками имеет высоту 62 см (рис. 6а, 6б), венчик в виде невысокого и неширокого валика, выступает над узким коническим горлом, которое расширяется к низу. Диаметр венца 5,2 см; горла в верхней части 4 см, в нижней 12,8 см. Горло переходит в покатые плечи диаметром 32 см. Ручки, овальные, закрепленные на венчике и на плечах, их размеры в сечении 5,6×2,4 см. Тулово коническое с перегибом в месте перехода к придонной части. Дно закругленное, без ножки. Амфора имеет рифленую поверхность ниже горла и в придонной части. Находка отнесена по классификации Найгиса Гюнзенина к византийскому производству типа Günsenin III, датируется XIII в., с возможностью бытования и в конце XII в. (Günsenin 1990, fig. 3, Günsenin 2018, 99-102, fig. 9).

Вторая амфора этого периода светло-красного цвета, высотой 50,2 см, имеет ручки, которые выступают на 4 см над венцом (рис. 7а, 7б). Венчик не выделен, край немного расширяется относительно узкого невысокого горла. Диаметр горла в нижней части равен 8 см. Горло также несколько расширяется к низу и переходит в широкое биконическое тулово. Наибольший диаметр 46 см. Тулово закругляется

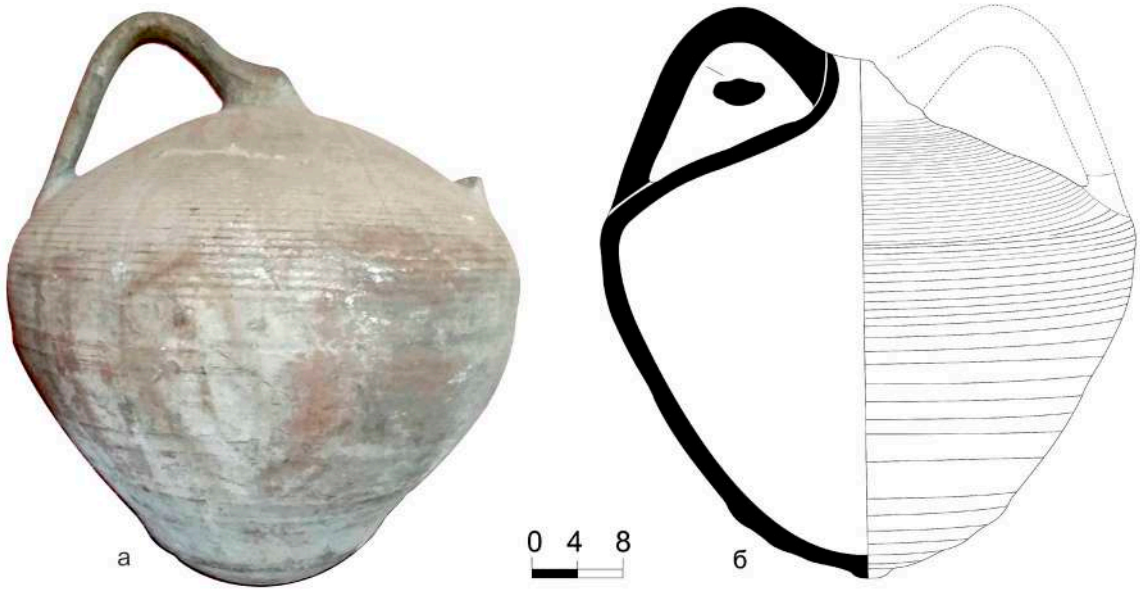


Рис. 7. а-б - Византийская амфора типа Günsenin IV.

к низу и имеет рифленую поверхность по всей высоте. Придонная часть закругленная. Ручки амфоры закреплены на горле и плечах сосуда, в наиболее широкой части, и профилированные. В сечении имеют размеры 4,4×2,4 см. Сосуд отнесен к византийским амфорам варианта Günsenin IVd, хотя по параметрам он совпадает и с вариантом Günsenin IVe. Тип IV с вариациями, известный с XII в., существовал до XV в. (Günsenin 1990, fig. 3, Günsenin 2018, 103-106, fig. 13-14). Этот тип амфорной тары довольно широко представлен в материалах раскопок в Северном Причерноморье (Херсонес, Балаклава, Эски-Кермен и др.), Болгарии, Румынии и других регионах (Günsenin 2018, 106).

Вторую коллекцию (170 окатанных фрагментов) передал в Татарбунарский музей в 2018-2019 гг. житель с. Приморское. Он собирал ее в течение 4-5 лет в прибрежной зоне, прилегающей к лиманам Сасык – Шаганы, на глубинах от 4 до 10-12 м, на поверхности каменистой гряды (рис. 1/I). Среди них немало обломков профильных частей сосудов. Несмотря на окатанность, часть из них удалось определить.

Наибольшее количество фрагментов отнесено к продукции о. Хиос. Среди них самой ранней является нижняя часть амфоры высотой 37 см (рис. 8а, 8б). На высоте 28 см диаметр 27 см. Тулово коническое, сужается к низу и переходит в несколько расширенную относительно места перегиба ножку. Невысокая ножка в виде кольцевого поддона без выраженного ребра, имеет плавные закругленные формы. Ее диаметр в месте перехода 5 см, диаметр ножки 6 см, высота 2,8 см, глубина ямки 1,2 см. Отнесена к пухлогорлым амфорам, а именно к раннему варианту III-A 3-й четверти VI - нач. V в. до н.э. (Монахов 2003, 16-17, 234, табл. 4). Аналогичным описанному выше является еще один фрагмент нижней части хиосской амфоры. Отличается он от предыдущего лишь более приземистой и широкой ножкой, что не повлияло на его типологическую принадлежность и датировку.

Фрагмент верхней части следующей амфоры (рис. 9/1; 10/1) имеет венчик в виде округлого валика и расширенные стенки горла. Он также отнесен к хиосским пухлогорлым амфорам раннего (III-A) или развитого (III-B) вариантов (Монахов 2003, 234-235, табл. 4-5). Аналогичный фрагмент, но с отбитыми овальными ручками и венчиком по профилировке горла отнесен к хиосским пухлогорлым амфорам развитого варианта (III-B).

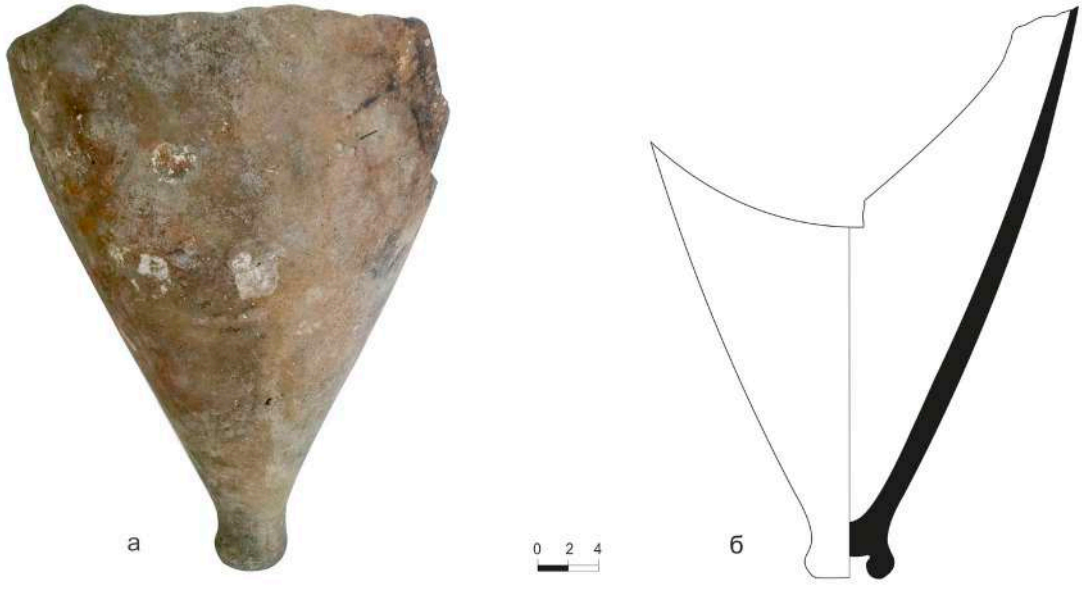


Рис. 8. а-б - Хиосская пухлогорлая амфора (варианта III-А по С.Ю. Монахову).

Еще одна хиосская амфора представлена окатанным обломком с отбитой ручкой высотой 20 см (рис. 9/2). Цилиндрическое горло диаметром 8 см расширяется к низу и плавно соединяется с покатыми плечами. Ручка овальная, закреплена на плечах амфоры. С большой долей вероятности мы отнесли ее к типу V с коническим туловом и колпачковой ножкой конца V - III в. до н.э. (Монахов 2003, 240-243, табл. 10-13).

Интересен фрагмент верхней части красноглиняной амфоры с двуствольными ручками высотой 20,4 см. (рис. 9/3; 10/2). Венчик в виде уплощенного острого валика выступает над горлом. Горло цилиндрическое с незначительной припухлостью. Ручка с равномерными округлыми стволами и довольно резким перегибом, угол которого составляет менее 90°. Закреплена она ниже венца и на плечах сосуда. Диаметр средней части горла 12,4 см; диаметр одного ствола ручки 2 см. По морфологии горла и сечению ручки она соотносится с позднегераклейскими и синопскими амфорами типов С 1 и Син III (Внуков 2003, 51, рис. 12/144; 52, рис. 13-14, рис. 58), хотя не совпадают цвет глины и форма венца. Исследователи отмечают, что красноглиняные позднегераклейские (псевдокосские) амфоры с двуствольными ручками повторяют морфологию светлоглиняных, но их типология не разработана (Голофаст 2010, 87). Датируются такие амфоры I в. до н.э. - 1-й пол. I в. н.э. Ближайшей аналогией обломку является амфора типа 33 (Усть-Лабинская) IV-III вв. до н.э., схожая с косскими сосудами (Зеест 1960, 92-94, 152, табл. XVI/33а). Здесь различия с нашей амфорой проявились в морфологии горла и ручек. Поэтому вопрос определения данной амфоры остается открытым.

Часть материалов достоверно является римскими. Среди них нижняя часть амфоры высотой 20 см (рис. 9/4; 10/3): широким конусом сужена к низу, с прямыми стенками; вместо ножки имеет резкое закругление дна. На высоте 20 см диаметр 29,6 см. Отнесена к коричневоглиняным (колхидским) амфорам варианта КхIС 2-й пол. I в. Установлено, что фрагмент относится к подварианту Кхн 1Аг нижних частей амфор этого типа. Этот вариант является одним из последних этапов развития морфологии ножек данных сосудов, направленного на упрощение формы и трансформации в простой конус (Внуков 2003, 172-173, 186-189, рис. 74).

Еще один фрагмент верхней части широкогорлой красноглиняной амфоры сильно ока-

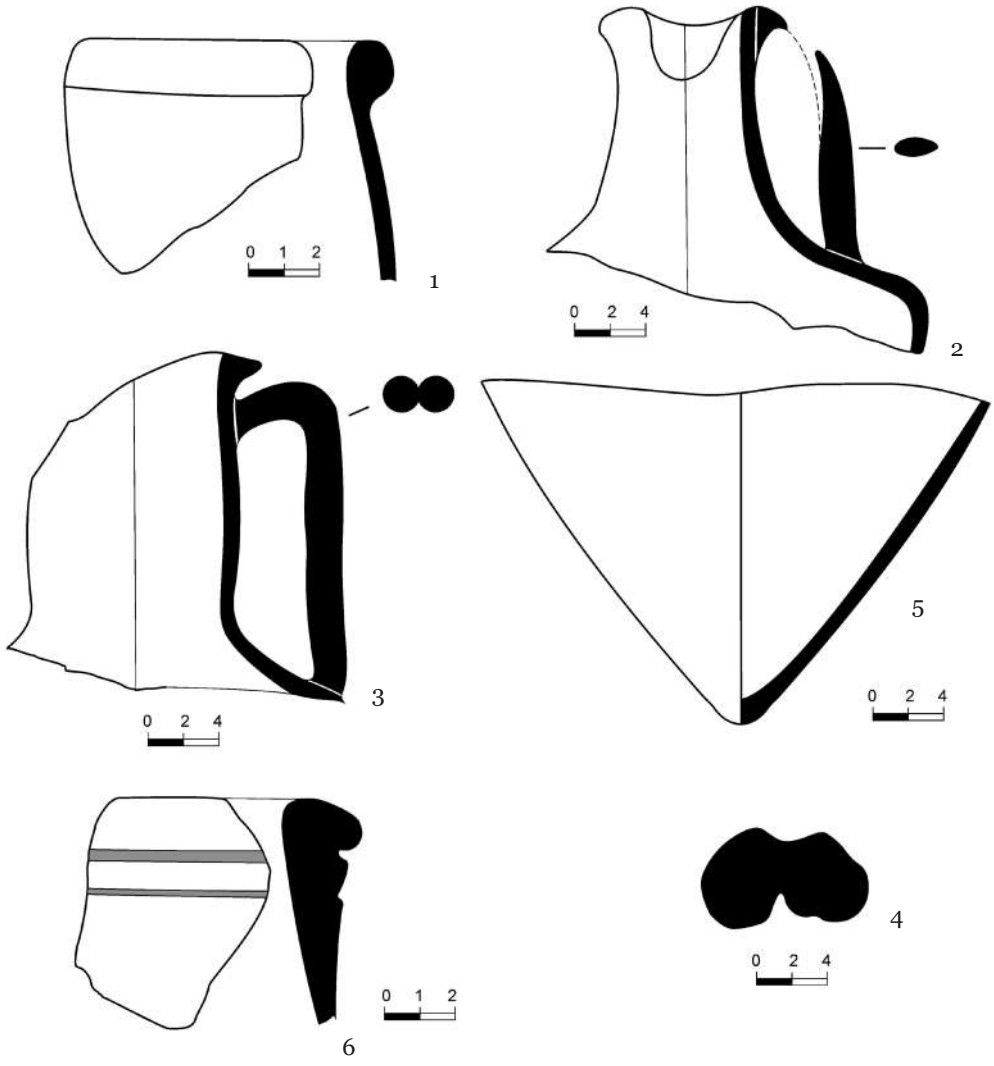


Рис. 9. Фрагменты греческих и римских амфор: 1 - хиосской пухлогорлой амфоры раннего варианта (III-A по С.Ю. Монахову); 2 - хиосской, с коническим туловищем и колпачковой ножкой (тип V по С.Ю. Монахову); 3 - амфоры с двуствольными ручками; 4 - колхидской (варианта Кх IC по С.Ю. Внукову); 5 - амфоры типа Зеест 80; 6 - типа Зеест 75.

тан, хотя основные морфологические признаки сохранились (рис. 9/5; 10/4). Венчик подтреугольной формы выступает над горлом. Под ним присутствуют два вдавленных горизонтальных желобка. Фрагмент отнесен к типу 80 (с желобчатыми венцами) (Зеест 1960, 114-115, 169, табл. XXXIII/80).

Фрагмент ручки амфоры с темным (красно-коричневым) покрытием длиной 10 см (рис. 9/6; 10/5). Имеет профиль с двумя выступами и ямкой между ними по верхней части и одну глубокую несимметричную выемку по нижней. Отнесен к красноглиняным амфорам со сложнопрофилированными ручками типа 75 (Зеест 1960, 113, 167, табл. XXXI/75), который датируется концом II - 1 пол. III в. (Диденко 2018, 96-97).

Еще одна немногочисленная, но выразительная подборка фрагментов амфор хранится в этнографическо-музейном комплексе «Бессарабское село Фрумушика-Нова». Она собрана близ акватории Одесского залива, напротив устья Аджалыкского (Григорьевского) лимана, на расстоянии до 5 км от берега, между с. Черноморское и г. Южный, на глубинах до 14 м в впадине морского дна (рис. 1/III). По словам ныряльщиков-любителей, в данном районе на дне моря находится довольно большое ко-

Рис. 10. Фрагменты греческих и римских амфор: 1 - хиосской пухлогорлой амфоры раннего варианта (III-А по С.Ю. Монахову); 2 - амфоры с двуствольными ручками; 3 - колхидской (варианта Кх IC по С.Ю. Внукову); 4 - амфоры типа Зеест 80; 5 - типа Зеест 75.

Рис. 11. Хиосская амфора типа II (с воронковидным горлом).

личество обломков амфор. Коллекция состоит из 5 амфор, одна из которых целая, остальные представлены фрагментами верхних частей.

Среди них фрагмент амфоры производства о. Хиос (рис. 11). Венчик выделен плавно закругленным валиком. Воронковидное горло с легкой «припухлостью» переходит в покатые низкие плечи; место перехода имеет четкую границу. Высота фрагмента равна 25 см, диаметр в наиболее широкой части (на уровне плеч) 27 см. Диаметр венчика 13,5 см. Ручки овальные в сечении, размерами 2,6×3,5 см, закреплены под венчиком и на плечах сосуда. Амфора отнесена к типу II (с воронковидным горлом) по классификации С. Ю. Монахова, к

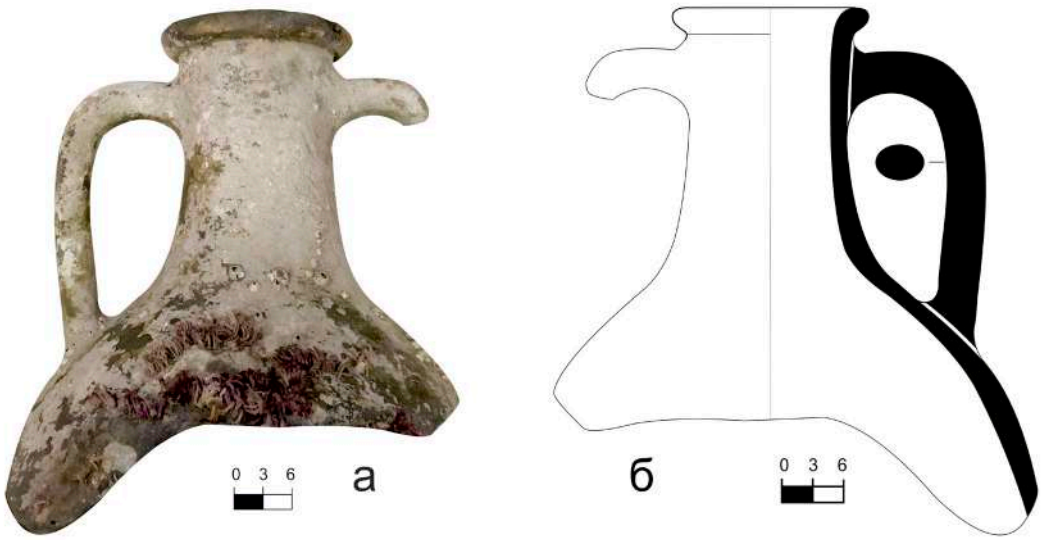


Рис. 12. Хиосская амфора типа I-B (с белым ангобом).

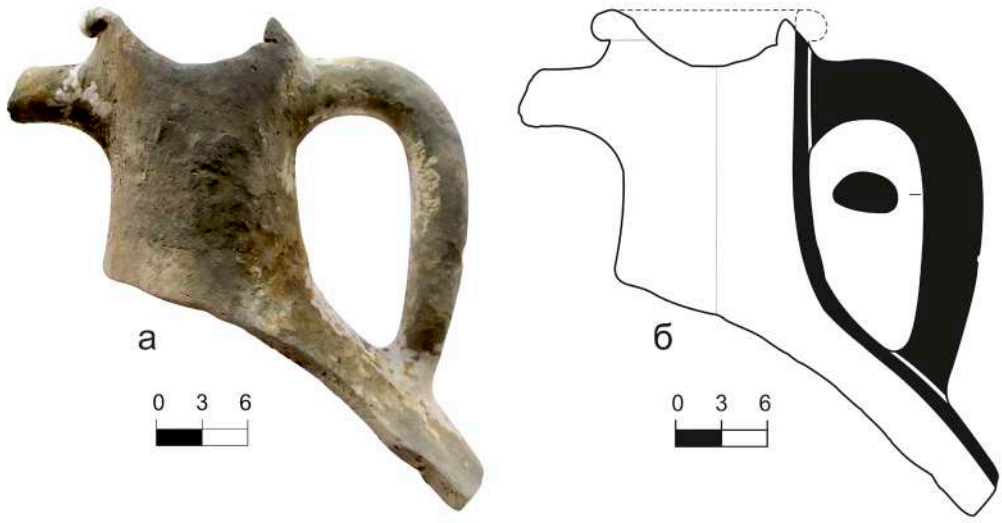


Рис. 13. Амфора римского времени.

варианту II-B, конца VI - начала V в. до н.э., который, вероятней всего, был синхронен раннепухлогорлой хиосской таре (Монахов 2003, 15-16, 233, табл. 3/3).

Венчик следующей амфоры, диаметром 18 см, выделен довольно массивным валиком (рис. 12). Горло прямое, слегка расширяется к низу и плавно переходит в покатые плечи, причем его диаметр увеличивается от 15 см до 20 см. Овальные ручки, размерами 4,0×3,3 см в сечении, закреплены ниже венчика и на плечах сосуда. Высота фрагмента 49,2 см. С долей вероятности, по классификации С.Ю. Монахова, амфора отнесена к ранней продукции Хиоса, с белым ангобом, созопольского варианта (I-B), первой половины VI в. до н.э. (Монахов 2003, 13-15, 232, табл. 2).

Еще один фрагмент верхней части амфоры (рис. 13) отнесен с большой долей вероятности к римскому времени. Большая часть венчика

и одна ручка не сохранились. Венчик выделен валиком, горло слегка расширяется к низу (диаметр от 12,6 до 13,2 см). Высота фрагмента 34,2 см. Ручка в разрезе представлена в виде неравномерного овала, размерами 4,3×3,7 см.

Целая амфора с высоко поднятыми (на 7 см) над венцом ручками имеет высоту 63 см. Венчик в виде невысокого и неширокого валика выступает над узким коническим горлом, которое расширяется к низу. Диаметр венца 5,5 см; горла в верхней части 4,2 см, в нижней 13 см. Горло переходит в покатые плечи диаметром 32 см. Ручки овальные, закрепленные на венчике и на плечах, их размеры в сечении 5,6×2,4 см. Тулово вытянутое, закругленное, с перегибом в месте перехода к придонной части. Дно закругленное, без ножки. Амфора имеет рифленую поверхность ниже горла и в придонной части. Находка отнесена к византийскому производству типа Günsenin III, датируется XIII в., с возможностью бытования и в конце XII в. (Günsenin 1990, fig. 3, Günsenin 2018, 99-102, fig. 9).

Заключение

Одной из целей данной статьи был анализ степени изученности северо-западной части Черного моря с точки зрения охвата гидроархеологическими работами и интерпретации выявленных материалов. Его основным выводом является констатация наличия очень малого количества публикаций наиболее массовых находок – транспортных амфор, найденных главным образом в акватории острова Змеиный и в других районах региона. Очевидно, что большая часть рассмотренного региона остается неисследованной (рис. 1).

В существующих работах имеются неполные или попутные описания транспортных амфор, но сегодня, в свете современных разработок, появилась возможность уточнения интерпретаций уже опубликованных материалов. Нам удалось определить значительную часть таких амфор, что расширило знания о составе импорта в Северо-Западное Причерноморье в различные периоды истории, а также дало возможность для полноценного использования этих данных и их привлечения в качестве аналогий. Почти во всех описанных коллекциях есть амфоры позднеархаического, классического и эллинистического периодов, римской и позднеантичной эпохи и средневековья. Обнаруженные распространенные типы посуды и довольно редкие экземпляры относятся в основном к поздним периодам. Подобный вывод касается и уже опубликованных материалов, среди которых представлена продукция Лесбоса, Хиоса, Фасоса, Пепарета, Книда, Менде.

Однако этот список не полностью совпадает с номенклатурой амфор из городищ и поселений региона. В первую очередь обращает на себя внимание почти полное отсутствие гераклейских амфор, особенно греческого периода. Пока лишь один такой сосуд якобы найден у Кинбурнской крепости (не опубликован). Эти факты можно объяснить тем, что маршрут поступления судов из Гераклеи к устьям Днепра, Буга и Днестра шел не мимо о. Змеиный, а напрямую в Херсонес и далее вдоль западных крымских берегов, Тендры и Кинбурна. Такие наблюдения относятся и к амфорам других центров. Итак, хотя перечень подобных находок из моря не является исчерпывающим, его состав и даже отсутствие определенных типов амфор среди подводных находок может отражать пути поставок в Северное Причерноморье. Однако эта тема выходит за рамки статьи и требует специального исследования.

Диапазон датировки обнаруженных под водой греческих сосудов охватывает первую пол. VI - конец IV в. до н.э. Среди исследованных амфор римского и позднеантичного периодов I в. до н.э. - IV в. н.э. известны сосуды северопонтийского класса с желобчатыми ручками (типа 72 по И.Б. Зеест), псевдородосские (позднегераклейские) светлоглиняные амфоры типа C II и колхидская коричневоглиняная типа Кх I C по С.Ю. Внукову; типов 75, 76, 80 и 90 по И.Б. Зеест; узкогорлые светлоглиняные типа D по Д.Б. Шелову (в количестве всего одного экземпляра). Распространены и византийские амфоры XI-XIII вв. Отдельно упомянем редкую амфору типа Форлимпополи североиталийского происхождения конца I - нач. IV в. н.э. Датировка и интерпретация нескольких транспортных (в основном римских) амфор остаются дискуссионными.

Картографирование известных на сегодня мест находок транспортных амфор в акватории северо-западной части Черного моря демонстрирует такую картину. Самым богатым является регион вокруг о. Змеиный, где

известны два местонахождения и остатки грузового судна (рис. 1/II). Остатки еще одного корабля исследуются ИА НАНУ у стрелки Кинбурнской косы (рис. 1/11). Немало находок сделано в прибрежном районе у лиманов Буджака, но они происходят с большой акватории с неустановленными границами (рис. 1/I). Меньшие скопления зафиксированы в районе Одессы (рис. 1/7-9), напротив устья Аджалыкского лимана (рис. 1/III), к юго-востоку от устья Днестровского лимана (рис. 1/2-3, 5), неподалеку от места Кинбурнской крепости (рис. 1/12) и у о. Тендра (рис. 1/13). Единичные амфоры были подняты у устья Тилигульского лимана (рис. 1/10) и к юго-востоку от о. Змеиный на значительной глубине вдали от берега (рис. 1/4).

Степень сохранности находок в таких местах напрямую зависит от глубины их залегания и локализации. Установленным фактом является существование эвстатических изменений уровня поверхности Черного моря, которые наиболее существенно коснулись античного периода. Этот фактор, вместе со штормами, мог способствовать гибели кораблей вследствие посадки на мели, особенно в районе лиманов Сасык и Шаганы, Кинбурнской косы и о. Тендра. Сказанное подтверждает фрагментарность материалов, найденных в первом из названных районов. Обломки керамики подверглись здесь сильному воздействию прибойных волн, в отличие от районов, где глубины превышают 10-15 м.

Если при наличии явных признаков остатков судов («Змеиный Патрокл» и Кинбурнская коса) проблемы с определением не возникают, а единичные находки не подлежат однозначной интерпретации, то другие места находок можно рассматривать как свидетельства ряда разновременных корабельных крушений («амфорный склон» о. Змеиный, напротив устья Аджалыкского лимана и вдоль лиманов Буджака) или гибели одного судна (на траверсе Днестровского лимана, у Кинбурнской крепости и у о. Тендра).

Выше был поставлен под сомнение один тезис о причине возникновения «амфорного поля» в Северной бухте о. Змеиного (об очистке тралов сейнеров современными рыбаками). На наш взгляд, более вероятной причиной формирования подобных скоплений амфор являются якорные стоянки. Кроме того, еще никто не опроверг гипотезу о том, что различные артефакты, а именно амфоры с определенным содержанием и другие ценные вещи, могли попадать в море вокруг острова в качестве посвящения богу Ахиллу.

Таким образом, решение этих и других проблем, связанных с изучением амфорной тары со дна Черного моря, возможно лишь при углубленных обследованиях акватории и полноценной публикации находок с использованием современных типологических разработок и методов анализа керамической тары.

***Благодарности*:** За консультации при исследовании амфор авторы благодарят А.В. Буйских, а также В.Е. Герасимова и А.И. Смирнова за неопубликованную информацию. Искреннюю признательность мы выражаем сотрудникам Овидиопольского и Татарбунарского историко-краеведческих музеев, а также руководству этнографическо-музейного комплекса «Бессарабское село Фрумушика-Нова».

Библиография

Блаватский, Кошеленко 1963: В.Д. Блаватский, Г.А. Кошеленко, Открытие затонувшего мира (Москва 1963).

Буйских 2014: А.В. Буйских, Амфоры конца VII - первой половины V в. до н.э. из Борисфена. Археологія і давня історія України, 1 (12), (Киев 2014), 88-100.

Внуков 2003: С.Ю. Внуков, Причерноморские амфоры I в. до н.э. - II в. н.э. (морфология) (Москва 2003).

Герасимов, Рейда 2019: В. Герасімов, Р. Рейда, Дослідження Чорноморської міжнародної підводної археологічної експедиції. В: Археологічні дослідження в Україні 2017 р. (Київ 2019), 280.

Герасимов, Рейда, Смирнов 2018: В. Герасімов, Р. Рейда, О. Смирнов, Розвідки Чорноморської міжнародної підводної археологічної експедиції ІА НАНУ в акваторії Кінбурнської коси та о. Тендрівська коса у 2018 р. В: І-й Всеукраїнський археологічний з'їзд. Програма роботи та анотації доповідей (Київ 2018), 109-110.

Голофаст 2010: Л.А. Голофаст, Амфорная тара из раскопок зольника римского времени у подножия горы Митридат в Керчи. В: Материалы по археологии, истории и этнографии Таврии, XVI (Симферополь 2010), 82-139.

Діденко 2018: С.В. Діденко, Античний керамічний імпорт у черняхівській культурі на території України. Дисертація к.і.н. Інститут археології НАН України (Київ 2018). Режим доступа: http://chtyvo.org.ua/authors/Didenko_Serhii/Antychnyi_keramichnyi_import_u_cherniakhivskii_kulturi_na_terytorii_Ukrainy/

Зеест 1960: И.Б. Зеест, Керамическая тара Боспора. Материалы и исследования по археологии СССР, 83 (Москва 1960).

Монахов 1999: С.Ю. Монахов, Греческие амфоры в Причерноморье. Комплексы керамической тары VII - II веков до н.э. (Саратов 1999).

Монахов 2003: С.Ю. Монахов, Греческие амфоры в Причерноморье. Типология амфор ведущих центров-экспортеров товаров в керамической таре. (Каталог-определитель). (Москва 2003).

Монахов, Кузнецова 2009: С.Ю. Монахов, Е.В. Кузнецова, Об одной серии амфор неустановленного дорийского центра IVвека до н.э. (бывшие «боспорские» или «раннехерсонесские»). В: Международные отношения в бассейне Черного моря в скифо-античное и хазарское время (Ростов-на-Дону 2009), 148-161.

Островерхов 2011: А.С. Островерхов, Гидроархеология, историческая. гидрогеография и гидронимия Северо-Западного Причерноморья (от низовий Днепра до устья Днестра): достижения, проблемы, перспективы. В: Очерки истории и археологии Буго-Днестровского междуречья (Киев 2011), 7-108.

Островерхов, Охотников 2008: А.С. Островерхов, С.Б. Охотников, Острів Ахілла у Гостинному морі. Надчорномор'я, 1 (Київ 2008), 26-59.

Охотников 2008: С.Б. Охотников, Острів Зміїний: віхи античної і середньовічної історії та культури. В: Острів Зміїний. Науковий проект. Т. 2: Історія та археологія, р. 2 (Одеса 2008), 26-93.

Охотников, Островерхов 1993: С.Б. Охотников, А.С. Островерхов, Святилище Ахилла на острове Левке (Змеином) (Киев 1993).

Охотников, Островерхов 2002: С.Б. Охотников, А.С. Островерхов, Якірна стоянка святилища Ахілла на острові Левке (Зміїному). Археологія 2, 2002, 123-131.

Охотников, Пасхина 1984: С.Б. Охотников, Е.П. Пасхина, Находки амфор в Черном море. В: Новые археологические исследования на Одесчине (Киев 1984), 97-101.

Сапожников, Островерхов 1987: И.В. Сапожников, А.С. Островерхов, Колебания уровня моря и проблемы изучения памятников каменного – бронзового веков Северного Причерноморья. В: Проблемы охраны и исследования подводных историко-археологических памятников. Тезисы докладов семинара (Запорожье 1987), 18-19.

Сапожников, Сінельніков 2018: І. Сапожников, О. Сінельніков, Знахідки амфор в Чорному морі біля дунайських гирл. В: І-й Всеукраїнський археологічний з'їзд. Програма роботи та анотації доповідей (Київ 2018), 125.

Терещенко 2008: О.І. Терещенко, Підводні археологічні дослідження акваторії острова Зміїного. В: Острів Зміїний. Науковий проект. Т. 2: Історія та археологія (Одеса 2008), 94-123.

Терещенко 2013а: О.І. Терещенко, Підводно-археологічне дослідження античного торговельного судна поблизу о. Зміїний у Чорному морі (польовий сезон 2011 р.). Археологія 2, 2013, 64-77

Терещенко 2013б: О.І. Терещенко, Античне торгівельне судно «Зміїний-Патрокл» (склад продукції). Археологія 3, 2013, 69-85.

Günsenin 1990: N. Günsenin, Lesamphoresbyzantines (X-e–XIII-e siècles): typologie, production, circulation, d'aprèslescollectionsTurques. Doctoralthesis. Universite Paris I (Pantheon-Sorbonne) (Paris 1990).

Günsenin 1995: N. Günsenin, Ganos: Resultats des campagnes de 1992 et 1993. Anatolia Antiqua. EskiAnadolu III, 1995, 165-178.

Günsenin 2018: N. Günsenin, La typologie des amphores Günsenin. Unemise au point nouvelle. Anatolia Antiqua. Eski Anadolu XXVI, 2018, 89-125.

Amfore din acvatoriul de nord-vest al Mării Negre

Cuvinte-cheie: acvatoriul părţii de nord-vest a Mării Negre, insula Şerpilor, locurile de descoperiri subacvatice ale amforelor, tipologia şi datarea amforelor de transportare, importul grec, roman şi bizantin.

Rezumat: Articolul reprezintă publicarea materialelor, cercetate în anul 2018 în două muzee raionale de etnografie din regiunea Odesa – din Ovidiopol şi Tatarbunar (Сапожников, Синельников 2018) şi completate cu desco-

peririle din 2019. Principalele colecţii includ amfore integre din punct de vedere arheologic şi părţi mari ale lor, descoperite în partea de nord-vest a Mării Negre de către pescari şi scafandri amatori. În ambele grupaje se relevă tipuri destul de rare de recipiente romane şi antice târzii, totodată, se găsesc şi vase din epoca antică şi perioada bizantină, deşi fiecare din ele are particularităţile sale morfologice şi cronologice. În afară de introducerea în circuitul ştiinţific a acestor noi materiale, în lucrare se conţine şi o sinteză a istoriei arheologiei subacvatice din regiune şi sunt analizate publicaţiile deja existente ale amforelor provenite din adâncimile acvatoriului din aceeaşi regiune.

Analiza materialelor referitoare la amplasamentele noi şi vechi ale amforelor a demonstrat că acestea (cu excepţia unor descoperiri aparte) sunt vestigii ale mărfurilor de pe vase scufundate („Patroclu al şerpilor" şi limba de pământ Kinburn) din zonele câtorva naufragii din perioade diferite („coasta amforelor", insula Şerpilor, lângă limanurile Adžalyk şi Tuzlov) sau ale scufundării unei nave (în apropierea limanului Nistrului, a cetăţii Kinburn şi insula Tendra). Încă un tip de amplasament îl reprezintă locurile de ancorare (ancorajele) („câmpia amforelor" de pe insula Şerpilor, posibil – în golful Odesa şi lângă insula Berezan).

Trebuie menţionat că anume pe lângă insula Şerpilor, prin acvatoriul adiacent şi mai departe, spre nord, trecea una din principalele artere de livrare a produselor de import în recipiente-amfore spre Olvia şi alte colonii – atât din oraşele sud-pontice, cât şi din Mediterană. De aceea sperăm că prezentul articol va contribui cu noi fapte la studierea comerţului marin antic, a punctelor lui de plecare şi a structurii, dar şi va demonstra tipurile de amfore atât rare, cât şi confecţionate în masă, utilizate în bazinul nord-vestic al Mării Negre.

Lista ilustraţiilor:

Fig. 1. Harta-schemă a descoperirilor de amfore în acvatoriul golfului Odesa: 1-10 - conform coordonatelor stabilite de S.B. Ohotnikov şi E.P. Pashina (1984); 11 - vestigii ale unui vas antic lângă limba de nisip Kinburn; 12 - localizarea descoperirilor de lângă cetatea Kinburn; 13 - locul descoperirilor de pe peninsula Tendra; I - localizarea descoperirilor de-a lungul limanelor Tuzlov; II - acvatoriul insulei Şerpilor; III - în faţa gurii limanului Adžalyk.

Fig. 2. Amforă de Chios cu picioruş protomanşon.

Fig. 3. a-b - Amforă de tipul Zeest 76.

Fig. 4. a-b - Amforă de tipul Zeest 84.

Fig. 5. a-b - Amforă de transportare din perioada romană.

Fig. 6. a-b - Amforă bizantină te tipul Günsenin III.

Fig. 7. a-b - Amforă bizantină de tipul Günsenin IV.

Fig. 8. a-b - Amforă de Chios cu gâtul umflat (variant III-A, după S. I. Monachov).

Fig. 9. Fragmente de amfore greceşti şi romane: 1 - de Chios cu gâtul umflat, variantă timpurie (III-A, după S.I. Monachov); 2 - de Chios, cu corpul conic şi picioruş tronconic (tipul V, după S.I. Monachov); 3 - amfore cu două braţe; 4 - amforă de Kolhida (varianta Kh IC, după S.I. Vnukov); 5 - amfore de tipul Zeest 80; 6 - de tipul Zeest 75.

Fig. 10. Fragmente de amfore greceşti şi romane: 1 - de amforă de Chios cu gâtul umflat, varianta timpurie (III-A, după S.I. Monachov); 2 - de amforă cu două braţe; 3 - de amforă de Kolhida (varianta Kh IC, după S.I. Vnukov); 4 - de amforă de tipul Zeest 80; 5 - de amforă de tipul Zeest 75.

Fig. 11. Amforă de Chios de tipul II (cu gâtul tronconic).

Fig. 12. Amforă de Chios de tipul I-B (cu angobă albă).

Fig. 13. Amforă din perioada romană.

The amphorae from the Northwest Black Sea water area

Keywords: Northwest Black Sea water area, Zmiinyi Island, amphorae sites, typology and dating of transport amphorae, Greek, Roman and Byzantine imports.

Abstract: The article publishes materials researched in 2018 in two regional museums of Odessa region – in Ovidiopol and Tatarbunar. Also, the publication is supplemented by finds collected in 2019. Collections consist of the findings of archaeologically intact amphorae and large portions of them found in the northwestern Black Sea by amateur fishermen and submariners. The descriptions of the collections are presented separately because of their heterogeneity in terms of morphological features and chronological affiliation, although both collections contain vessels of ancient times and the Byzantine period. It should be noted that among the studied transport amphorae there are quite rare types of Roman containers. In addition to introducing new materials to the scientific circulation, the paper reviews the history of the underwater archeology of the region and analyzes existing publications of amphorae originating from the bottom of the area of the same region.

An analysis of the materials of new and old sites of amphorae finds revealed that, apart from single finds, they are the remains of ships («Zmiinyi Patroclus» and "Kinburn Spit"), areas of several shipwrecks (the «amphorae slope»

of Zmiinyi Island, Adzhalyk and Tuzla estuaries) or of a single shipwreck (near the Dniester Estuary, Kinburn Fortress and Tendra Island). Another type is anchorages (the «amphora field» of Zmiinyi Island and possibly near Berezan Island and in the Odessa Gulf). It should be noted that just past Zmiiniy, adjacent to the water area and further north, one of the main routes of supply of imported products in amphorae packaging came from both the Southern Pontic cities and the Mediterranean. That is why we hope that the article presented will add new facts to the study of ancient maritime import trade, its starting points and structure, as well as demonstrate the massive and rare types of amphorae used in the Northwest Black Sea.

List of illustrations:

Fig. 1. Map-scheme of finds of amphorae in the waters of the Odessa Gulf. 1-10 - according to the coordinates of S. Okhotnikov and E. Paskhina (1984); 11 - the remains of an ancient vessel at the Kinburn Spit; 12 - finds at the Kinburn fortress; 13 - location at about Tendra Island; I - location along the Tuzla estuaries (liman); II - the water area of Zmiinyi Island; III - opposite the mouth of the Adzhalyk estuary (liman).

Fig. 2. Chios amphora with a proto-cap-like foot.

Fig. 3. a-b - Amphora type Zeest 76.

Fig. 4. a-b - Amphora type Zeest 84.

Fig. 5. a-b - Transport amphora of Roman time.

Fig. 6. a-b - Byzantine amphora type Günsenin III.

Fig. 7. a-b - Byzantine amphora type Günsenin IV.

Fig. 8. a-b - Chios swollen-necked amphora (variant III-A according to S. Monakhov).

Fig. 9. Fragments of Greek and Roman amphorae: 1 - Chios swollen-necked amphora of the early variant (III-A according to S. Monakhov); 2 - Chios, with a conical body and a cap-like foot (type V according to S. Monakhov); 3 - amphorae with double-barrel handles; 4 - Colchisian (variant Kx IC according to S. Vnukov); 5 - amphora type Zeest 80; 6 - type Zeest 75.

Fig. 10. Fragments of Greek and Roman amphorae: 1 - Chios swollen-necked amphora of the early variant (III-A according to S. Monakhov); 2 - amphorae with double-barrel handles; 3 - Colchisian (Kx IC variant according to S. Vnukov); 4 - amphora type Zeest 80; 5 - type Zeest 75.

Fig. 11. Chios amphora type II (funnel-shaped neck).

Fig. 12. Chios amphora type I-B (with white engobe).

Fig. 13. Roman amphora.

15.02.2020

Др. хаб. Игорь Сапожников, Отдел Крыма и Северо-Западного Причерноморья Института археологии НАН Украины, пр. Героев Сталинграда, 12, Киев 04210, Украина, https://orcid.org/0000-0003-3889-6714, e-mail: igors@gcn.ua.

Александр Синельников, младший научный сотрудник, Отдел Крыма и Северо-Западного Причерноморья Института археологии НАН Украины, пр. Героев Сталинграда, 12, Киев 04210, Украина, https://orcid.org/0000-0002-5352-7207, e-mail: sinelnikoff.senia@gmail.com.

DIN NOU CU PRIVIRE LA DATA DE ÎNCEPUT A CULTURII POIENEȘTI-LUCAȘEUCA*

Vasile Iarmulschi

Cuvinte-cheie: spaţiul carpato-nistrean, epoca Latène, cultura Poieneşti-Lucaşeuca, cronologie.

Aşa cum o dovedesc descoperirile arheologice realizate până în prezent, în a doua jumătate a sec. III a. Chr. în spaţiul est-carpatic s-au petrecut un şir de transformări de ordin economic, social, politic şi etno-cultural (Teodor 1987; Babeş 1993; Babeş 2001; Munteanu 2004; Iarmulschi 2018). Conform izvoarelor scrise, această perioadă se caracterizează prin avansarea în regiune a unor populaţii cunoscute ca bastarni, cu cele trei ramuri ale sale – peucini, sidoni şi atmoni (Pseudo-Skymnos, v. 797; Strabon, II, 5, 30, VII, 3, 15; Titus Livius, XL, 57, 2; Polibiu, XXVI, 9, 1 etc.), sciri şi galaţi (Titus Livius, XL, 57, 2; Decretul olbian în cinstea lui Protogenes). Ca urmare a acestor procese, în silvostepa carpato-nistreană s-a constituit, din punct de vedere arheologic, un fenomen nou, cunoscut în literatura de specialitate cu numele de *cultura arheologică Poieneşti-Lucaşeuca*. Precizăm că fenomene oarecum asemănătoare celor petrecute în regiunea est-carpatică au avut loc aproape concomitent şi în teritoriile învecinate. În rezultat, pe un spaţiu destul de întins, ce cuprinde Europa Central-Nordică şi de Sud-Est, începând cu sfârşitul secolului al III-lea a. Chr., s-au constituit, de rând cu cultura Poieneşti-Lucaşeuca, aşa-zisele „culturi latènizate": Jastorf (faza Ripdorf), Oksywie, Przeworsk şi Zarubinec (fig. 1), asemănătoare între ele printr-un şir de elemente ale culturii materiale, dar, îndeosebi, prin ritul şi ritualul funerar, materializat în aşa-zisele câmpuri cu urne (Щукин 1994, 18-21; Пачкова 2006, 3). Respectivele manifestări culturale nu puteau să nu atragă atenţia cercetătorilor, astfel încât din momentul primelor descoperiri s-a declanşat un proces intens de investigare a fenomenelor nou-înregistrate.

Cercetările arheologice realizate în ultimele cincişase decenii în mai multe situri atribuite culturii Poieneşti-Lucaşeuca, cum ar fi Boroseşti (Babeş 1993), Brăneşti-*Marginea de Vest* (Meyer et al. 2016), Ghelăieşti (Babeş 1969; Babeş 1993), Lozna-*Hlibicioc* (Teodor 1992), Lucaşeuca (Федоров 1960), Poieneşti (Vulpe 1953; Babeş 1993), Ulmu (Romanovskaja 1987) etc. (fig. 2), au permis acumularea unui bogat material arheologic, care a stat la baza abordării mai multor aspecte ce vizează trecutul Moldovei centrale şi de nord din ultimele secole ale mileniului I a. Chr. Totodată, un şir de probleme importante privind cultura Poieneşti-Lucaşeuca, cum ar fi, spre exemplu, geneza culturii, încadrarea cronologică a fenomenelor ce o caracterizează etc., încă nu au fost pe deplin soluţionate, din care cauză în literatura de specialitate se mai poartă discuţii în contradictoriu (Babeş 1993; Щукин 1994, 18-21; Iarmulschi 2016a).

În rândurile ce urmează, dorim să revenim la problema datei de început a culturii Poieneşti-Lucaşeuca. Motivul pentru care am hotărât să abordez din nou acest aspect îl reprezintă articolul publicat recent de Daniel Spânu în revista Peuce (Spânu 2019), în care autorul analizează cronologia şi periodizarea epocii Latène târzii pe teritoriul actual al României. Abordând, sumar, încadrarea cronologică şi periodizarea culturii Poieneşti-Lucaşeuca, D. Spânu pune la îndoială sincronizarea datei de început a culturii cu LT C1b, respectiv, nu admite că această cultură s-a constituit la sfârşitul sec. III a. Chr. (Spânu 2019, 186-187, nota 91). Autorul, luând în consideraţie doar datarea fibulelor de tip II.2 în tipologia lui Babeş (Babeş 1993), descoperite în necropolele de tip Poieneşti-Lucaşeuca, a plasat limita cronologică inferioară a culturii la începutul LT C2[1] (Spânu 2019, 186-187, nota

* Acest articol a fost elaborat în cadrul proiectului 20.80009.0807.43 „Patrimoniul muzeal şi memoria istorică: cercetare, interpretare, prezentare".

[1] Trebuie să menţionăm că D. Spânu a acceptat (Spânu 2019, 187, fig. 7), în mare parte, încadrarea şi periodizarea culturii Poieneşti-Lucaşeuca propusă de către M. Babeş (Babeş 1993, 130-153), uitând însă să precizeze că, în ultimele sale lucrări, reputatul arheolog M. Babeş plasează începuturile culturii respective în jurul anului 200 a. Chr. (Babeş 2001, 522; Babeş 2003, 235-236), ceea ce corespunde, de fapt, LT C1b. Pentru cronologia absolută a epocii Latène, vezi: Waldhauser 1987; Rieckhoff 1995; Brandt 2001.

91), ceea ce în cronologia absolută corespunde sfârşitului primului sfert al sec. II a. Chr.

În continuare vom examina – din nou – cele mai timpurii categorii de piese, descoperite în siturile de tip Poieneşti-Lucaşeuca. Aşa cum s-a mai menţionat în literatura de specialitate (Babeş 1993, 131-134; Babeş 2010, 545; Iarmulschi 2016b, 14), unul din cele mai timpurii situri atribuite acestei culturi îl reprezintă necropola eponimă de la Poieneşti[2]. Cele mai vechi morminte descoperite în acest cimitir le constituie mormintele 3, 105, 340, 390, 392, 434, 535, 556 şi 572, drept piese cu relevanţă cronologică aici fiind găsite: fibule de tip II.2 şi II.5, precum şi paftale de tip III.3 în clasificarea lui Babeş (Babeş 1993).

Fibulele cu sfere de bronz pe arc (fig. 3/2) (Babeş tip II.5) constituie unul din cele mai timpurii elemente de datare a culturii Poieneşti-Lucaşeuca. Asemenea agrafe se întâlnesc destul de frecvent în Peninsula Jutlanda şi sunt datate în faza IIA a epocii preromane a fierului, în cronologia lui Martens (Martens 1996, 234, Abb. 12). Astfel de accesorii vestimentare sunt cunoscute şi pe insulele Bornholm, Fühnen şi Gotland (Bieger 2003, 37-46; Keiling 2007, 120, Abb. 3/2), unde ele marchează începutul epocii preromane recente a fierului, ceea ce în date absolute corespunde ultimelor decenii ale sec. III a. Chr. (Brandt 2001, 85-87; Bieger 2003, 86-87).

Prezenţa unor asemenea agrafe în spaţiul est-carpatic în ultimul sfert al sec. III a. Chr. este dovedită şi prin descoperirile recente din necropola tumulară scitică de la Hlinoe (Тельнов, Четвериков, Синика 2016, 889, 956, рис. 442/16). Autorii săpăturilor datează însă fibulele cu sfere pe arc, descoperite în acest sit, între cel de-al doilea sfert al sec. III şi începuturile sec. II a. Chr. (Тельнов, Четвериков, Синика 2016, 957), ceea ce, în opinia noastră, nu este tocmai corect. Aşa cum s-a specificat în literatura de specialitate (Bieger 2003, 86-87), astfel de fibule sunt datate cu precădere în ultimele decenii ale sec. III a. Chr. De altfel, această încadrare cronologică este confirmată şi prin descoperirile din M. 31/1 de la Hlinoe, în cuprinsul căruia, pe lângă o astfel de piesă (fig. 3/5) (Тельнов, Четвериков, Синика 2016, 216), s-a mai găsit o amforă sinopeană, care purta pe toartă numele magistratului Διονύσιος τοῦ Κλεισταγόρου (Тельнов, Четвериков, Синика 2016, 215, рис. 105/4-5). Activitatea acestui eponim a fost plasată între mijlocul anilor '10 ai sec. III şi anii '90 ai sec. II a. Chr. (Кац 2007, 436; Тельнов, Четвериков, Синика 2016, 957).

Relevante pentru datarea fazei timpurii a cimitirului de la Poieneşti şi, implicit, a începutului culturii Poieneşti-Lucşaueca, sunt fibulele de tip II.2 şi paftalele de tip III.3 (după Babeş) (fig. 3/1, 4). Trebuie precizat că în necropola getică de la Zimnicea o fibulă apropiată tipului II.2 a fost găsită în mormântul C10M108 (Alexandrescu 1980, 30). Acest complex a fost plasat în orizontul IV al sitului (cca 230/225-100 a. Chr.), mai exact într-o fază iniţială a acestei etape (Mândescu 2010, 179, fig. 24). În cimitirul celtic de la Male Kosihy, asemenea fibule au fost datate larg, mai exact în sec. III-II a. Chr. (Bujna 1995, pl. 3316). În necropola de la Pişcolt, astfel de agrafe au fost încadrate la sfârşitul LT C1 - începutul LT C2 (Németi 1989, 128, fig. 19,16; Zirra 1997, 117, fig. 24/21), respectiv între ultimul sfert al sec. III şi primele două decenii ale sec. II a. Chr.

Către sfârşitul sec. III a. Chr. ne conduce şi încadrarea cronologică a paftalelor de tip III.3. Precizăm că în siturile de pe cursul mijlociu al Elbei, asemenea piese sunt datate, de regulă, în LT C1/C2 (Müller 1985, 84, Abb. 13), iar în Pomerania – în faza II.a după Reinecke (Reinecke 1988, Taf. 4).

Astfel, având în vedere datarea celor mai timpurii piese descoperite în necropola eponimă de la Poieneşti, considerăm că acest sit a fost „fondat" la sfârşitul secolului III a. Chr.

Să vedem însă ce informaţii cu privire la acest subiect ne furnizează aşezările culturii Poieneşti-Lucaşeuca.

Cât priveşte siturile de habitat, precizăm că, de obicei, acestea conţin foarte puţine materiale databile. De cele mai multe ori, vestigiile cu relevanţă cronologică din cadrul aşezărilor sunt reprezentate prin amfore elenistice. În mediul culturii în cauză asemenea descoperiri s-au semnalat în 37 de situri de habitat (Babeş 1993, 72; Iarmulschi 2012, 195). Având în vedere datarea amforelor greceşti, M. Babeş a delimitat două grupuri de aşezări diferite din punct de vedere cronologic: 1. Situri în care s-a descoperit ceramică de producţie rhodiană (datate între 210 şi 146 a. Chr); 2. Aşezări lipsite de asemenea ma-

[2] Cu regret, descoperirile realizate în acest sit n-au fost publicate integral. Din cele 275 de morminte de tip Poieneşti-Lucaşeuca atestate (Babeş, Mirițoiu 2011, 105), doar 115 au fost publicate (Babeş 1993, 208, 213, Taf. 32-38).

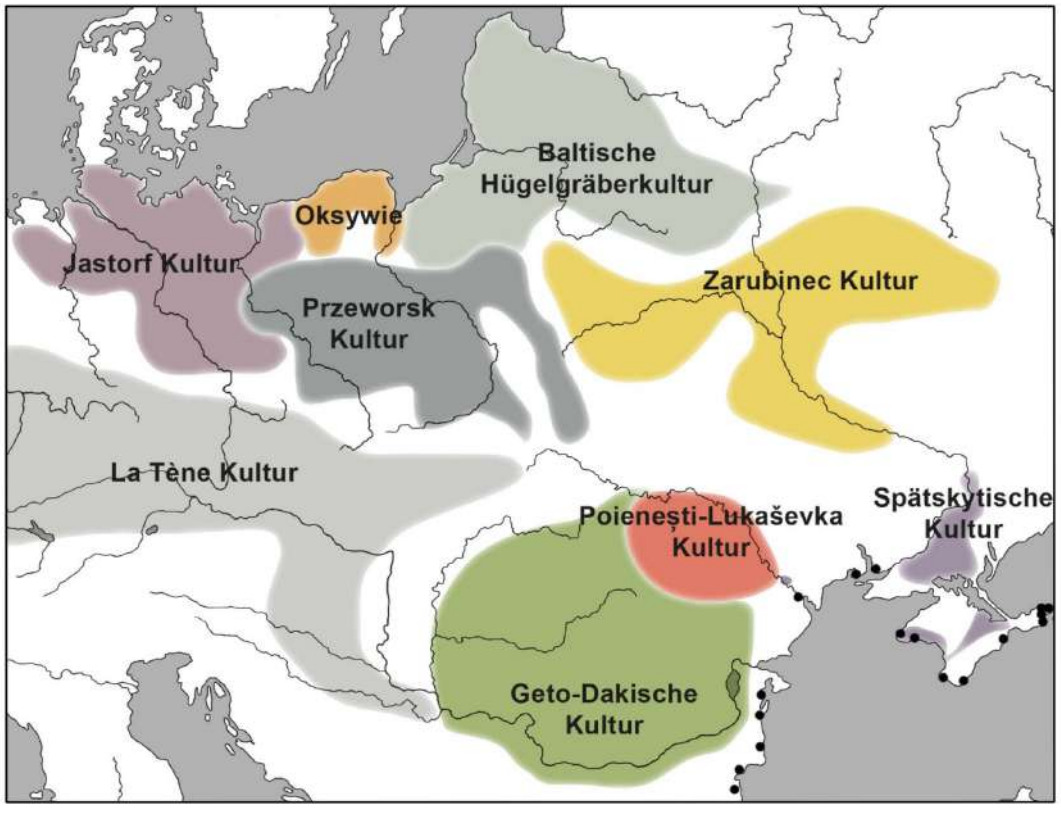


Fig. 1. Culturi arheologice din epoca preromană recentă a fierului din Europa Central-Nordică şi de Sud-Est. Punct negru: polisurile greceşti (după Hellström 2018).

teriale (Babeș 1985, 203; Babeș 1993, 146). Astfel, el menționa că în siturile de habitat ce conțin amfore rhodiene s-au găsit materiale arheologice care par să se încadreze în aceleași limite cronologice pe care le indică ceramica elenistică, în timp ce în așezările celui de-al doilea grup s-au descoperit piese de proveniență mai târzie, precum și unele forme de ceramică mai evoluată (Babeș 1985, 203). Având în vedere aceste date, M. Babeș opina că începutul locuirii în așezările de tip Poienești-Lucașeuca trebuie plasat la începutul sec. II ori în jurul anului 200 a. Chr. (Babeș 1993, 153; Babeș 2001, 522).

Autorul acestor rânduri, având în vedere asocierea tipurilor de vase descoperite în structurile arheologice din așezări, a delimitat trei faze de evoluție a siturilor de habitat (Iarmulschi 2018, 30). Prima fază de funcționare a siturilor de habitat a fost sincronizată cu LT C1b-LT C2 (Iarmulschi 2018, 33) după Waldhauser (1987) și Rieckhoff (1995), ceea ce în cronologia absolută corespunde sfârșitului sec. III - primei jumătăți a sec. II a. Chr. Drept piese cu relevanță cronologică ce fortifică ideea „fondării" unor așezări de tip Poienești-Lucașeuca la sfârșitul sec. III a. Chr. au fost aduse unele fragmente de amfore grecești și accesorii vestimentare, semnalate în unele situri de habitat (Iarmulschi 2018, 33).

Astfel, una din cele mai timpurii așezări atribuite aspectului Poienești-Lucașeuca pare a fi cea de la Lunca Ciurei (Teodor 1987; Babeș 1993, 204-206). Drept materiale ce îndreptățesc această opinie amintim, în primul rând, două torți de amfore rhodiene, ce purtau numele magistratului Xenophantos I (Mateevici 2009, 269 cat. nr. 5-6) (fig. 3/7). Activitatea acestui eponim a fost încadrată în perioada IIb (219-210 a. Chr.) după Finkielsztejn (Finkielsztejn 2001, tab. 19).

Este probabil că situl de la Dănești-*La Meri* (Zaharia, Buraga 1979, 245) a fost înființat la sfârșitul sec. III a. Chr. Spre această idee ne conduce descoperirea, în acest sit, a unei fibule confecționate dintr-o singură bucată de sârmă de bronz având resortul bilateral format din patru spire, coardă exterioară, corpul alungit și piciorul prins de arc, imediat la începutul acestuia, printr-un

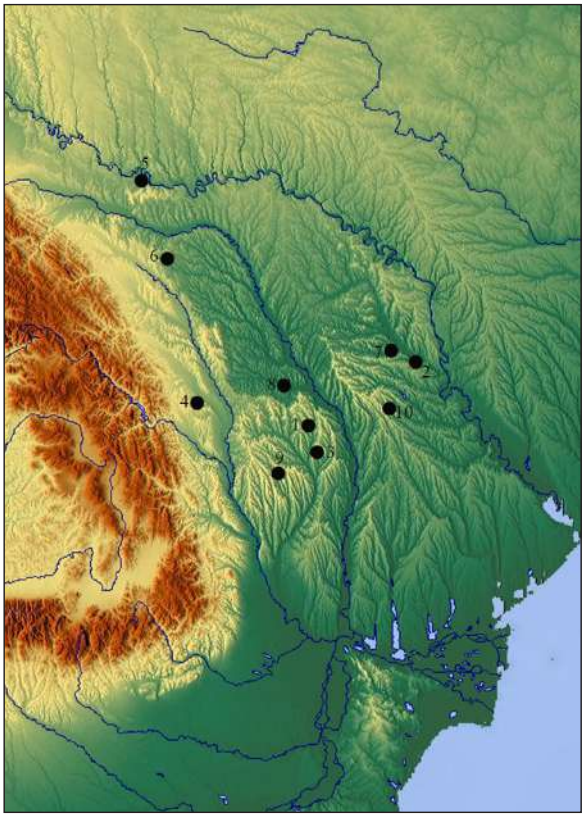


Fig. 2. Situri de tip Poieneşti-Lucaşeuca menţionate în text: 1 - Boroseşti; 2 - Brăneşti-*Marginea de Vest*; 3 - Dăneşti-*La Meri*; 4 - Ghelăieşti; 5 - Gorošovo; 6 - Lozna-*Hlibicioc*; 7 - Lucaşeuca; 8 - Lunca Ciurei; 9 - Poieneşti; 10 - Ulmu.

manşon (fig. 3/3) (Zaharia, Buraga 1979, 245, fig. 2/6; Teodor 1988, 43, fig. 5/4; Babeş 1993, 90, Taf. 44/21.), caracteristică LT C1 (Čižmar 1975, 429, Abb. 8; Brandt 2001, 57-58).

În situl de la Gorošovo (Пачкова 1983) avem de a face cu o locuire ce a început, foarte probabil, de asemenea în ultimele două decenii ale sec. III a. Chr. Precizăm că în L. 1 și L. 8 din această așezare au fost descoperite fragmente ale unor brăţări de sapropelit (Пачкова 1983, 17, 29, 30, fig. 12/7-9; Iarmulschi 2013, 44) (fig. 3/6). Asemenea podoabe în lumea celtică central-europeană sunt caracteristice LT B2 - LT C1 (Bujna 1982, 331; Iarmulschi 2013, 45; Iarmulschi 2018, 33). Judecând după aceste date, considerăm că situl în cauză a fost înfiinţat într-o perioadă când astfel de piese încă nu ieşiseră din modă, respectiv în LT C1b, ceea ce în date absolute corespunde ultimului sfert al sec. III - primului sfert al sec. II a. Chr. (Щукин 1994, 116; Iarmulschi 2013, 45; Iarmulschi 2018, 35).

Astfel, luând în considerare descoperirile din necropola eponimă de la Poieneşti, precum şi din unele situri de habitat, credem că limita cronologică inferioară a culturii Poieneşti-Lucaşeuca trebuie fixată în ultimele două decenii ale sec. III a. Chr. În sprijinul opiniei noastre pot fi aduse şi unele izvoare literare (Pseudo-Skymnos, v. 797), care îi menţionează pe bastarni prezenţi la Dunărea de Jos în ultimul sfert al sec. III a. Chr. (Conovici 1992, 11-12; Munteanu, Iarmulschi 2005, 19; Iarmulschi 2013, 47; Iarmulschi 2016, 491). Foarte probabil, în legătură cu aceeaşi dată poate fi pus şi *Decretul olbian în cinstea lui Protogenes*, dacă e să vedem în acei galaţi şi sciri[3] pe bastarnii din sursele scrise. Mai mult ca atât, aşa cum s-a mai precizat în literatura de specialitate (Conovici 1996, 371; Munteanu, Iarmulschi 2005, 18; Iarmulschi 2013, 47), populaţiile barbare de la nord de Dunăre, care au lăsat vestigiile culturii Poieneşti-Lucaşeuca şi au fost chemate de regii Macedoniei Filip al V-lea (Titus Livius, XL, 57, 2) şi Perseu (Plutarh, 12) să contribuie la rezolvarea unor probleme externe ale regatului lor, erau bine instalaţi în acea perioadă în regiunile nord-dunărene şi, probabil, au dat motive să se răspândească zvonuri despre forţa lor.

În acelaşi context, menţionăm că, foarte posibil, odată ajunşi în silvostepa carpato-nistreană, triburile bastarne au avut de luptat cu populaţia autohtonă[4]. Atât urmele arheologice – distrugerea fortificaţiilor getice, a căror funcţionalitate se întrerupe, probabil, în ultimul sfert al sec. III a. Chr, unul din motive fiind pătrunderea în regiunile centrale şi de nord ale Moldovei a triburilor bastarne (Zanoci 1998, 111; Arnăut 2003, 166;

[3] În opinia noastră, este greşită afirmaţia făcută de Ju.A. Vinogradov şi K.K. Marčenko precum că, din punct de vedere arheologic, scirii – atestaţi în Decretul olbian în cinstea lui Protogenes – pot fi identificaţi cu grupul cultural Tiraspol (Виноградов, Марченко 2014, 153). În acest sens, ţinem să precizăm că, încă acum aproape cinci decenii, M. Babeş menţiona că scirii reprezintă, cel mai probabil, un trib care este înrudit cu bastarnii. Aceştia, potrivit cercetătorului de la Bucureşti, de rând cu alte triburi din nordul Europei Centrale, cum ar fi peucinii, sidonii şi atmonii, semnalaţi în izvoarele scrise antice (Strabon VII, 3,17), trebuie identificaţi cu aspectul cultural Poieneşti-Lucaşeuca (Babeş 1969, 214; Babeş 1993, 169; Babeş, Coman 2005, 147). Pentru problema apartenenţei etno-culturale a grupului Tiraspol, vezi: Телнов, Четвериков, Синика 2016.

[4] Ţinem să notăm că în literatura de specialitate există opinia că între cultura getică şi aspectul cultural Poieneşti-Lucaşeuca ar exista o ruptură cronologică de cel puţin un sfert de secol, vezi: Щукин 1994; Ткачук 1999. Asupra problemei continuităţii/discontinuăţii în LT C1 – în a doua jumătate a sec. III a. Chr. – vom reveni într-un alt studiu.

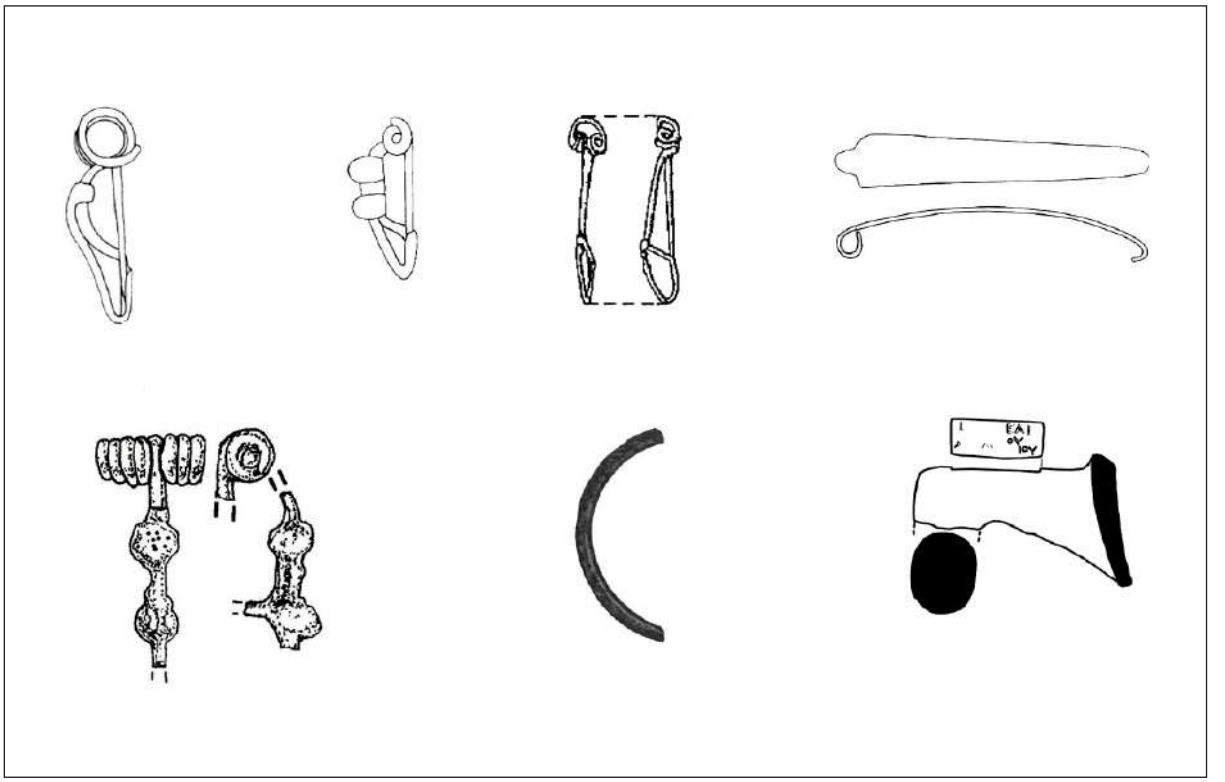


Fig. 3. Piese cu relevanţă cronologică, descoperite în siturile de tip Poieneşti-Lucaşeuca: 1 - fibulă de tip II.2; 2 - fibulă de tip II.5; 3 - fibula de la Dăneşti-*La Meri*; 4 - pafta de tip III.3; 5 - fibula din M 31/1 de la Hlinoe; 6 - brăţară de sapropelit de la Gorošovo; 7 - fragment de toartă de amforă ştampilată de la Lunca Ciurei. 1-2, 4 (după Babeş 1993); 3 (după Teodor 1980); 5 (după Телнов, Четвериков, Синика 2016); 6 (după Пачкова 1983); 7 (după Teodor 1987).

Haheu 2008, 55; Niculiţă, Matveev, Nicic 2019, 71-72) –, cât şi izvoarele scrise – confruntările cu Oroles (Trogus Pompeius XXXII, 3, 16) – ne sugerează acest lucru.

Rezumând cele expuse, considerăm că limita cronologică inferioară a culturii Poieneşti-Lucaşeuca trebuie sincronizată cu LT C1b, ceea ce în cronologia absolută corespunde ultimului sfert al sec. III - primului deceniu al sec. II a. Chr. Drept argument, în acest sens, pot fi aduse atât unele materiale arheologice (fibule de tip II.2, II.5, paftale de tip III.3, brăţările de sapropelit, materialul amforistic etc.), cât şi izvoarele scrise (de ex., Pseudo-Skymnos), care-i menţionează pe bastarni prezenţi la nordul Dunării de Jos, începând cu această perioadă.

Bibliografie

Alexandrescu 1980: A.D. Alexandrescu, La nécropole gète de Zimnicea. Dacia N.S. XXIV, 1980, 19-126.

Andronic 1994: M. Andronic, Aşezarea din sec. II-I î. H. de la Dolheştii Mari-Suceava. Memoria Antiquitatis XIX, 1994, 235-242.

Arnăut 2003: T. Arnăut, Vestigii ale sec. VII–III a. Chr. în spaţiul de la răsărit de Carpaţi (Chişinău 2003).

Babeş 1969: M. Babeş, Noi date privind arheologia şi istoria bastarnilor. O ,,fibulă pomeraniană" descoperită la Ghelăieşti. SCIV 20/2, 1969, 195-218.

Babeş 1985: M. Babeş, Date arheologice şi istorice privind partea de nord-est a Daciei în ultimele secole î.e.n. SCIVA 36/3, 1985, 183-214.

Babeş 1993: M. Babeş, Die Poieneşti-Lukaševka-Kultur. Ein Beitrag zur Kulturgeschichte im Raum östlich der Karpaten in den letzten Jahrhunderten vor Christi Geburt (Bonn 1993).

Babeş 2001: M. Babeş, Spaţiul carpato-dunărean în secolele III-II a. Chr. In: (Ed. M. Petrescu-Dîmboviţa, A. Vulpe) Istoria românilor, I (Bucureşti 2001), 501-531.

Babeş 2003: M. Babeş, Die Poienești-Lukaševka-Kultur. RGA 23 (Berlin-New York 2003), 230-239.

Babeş, Coman 2005: M. Babeş, R. Coman, Practici funerare prelungite în spaţiul carpato-dunărean în secolele V-III a. Chr. ArhMold XXXIV, 2005, 103-149.

Bieger 2003: A. Bieger, Kugelfibeln. Eine typologisch-chronologische Untersuchung zu den Varianten F, N und O von Beltz (Bonn 2003).

Brandt 2001: J. Brandt, Jastorf und Latène. Kultureller Austausch und seine Auswirkungen auf soziopolitische Entwicklungen in der vorrömischen Eisenzeit (Rahden/Westf. 2001).

Bujna 1982: J. Bujna, Speigelung der Sozialstruktur auf latènezeitlichen Gräberfeldern im Karpatenbecken. Památky Archeologiscké 83, 1982, 312-431.

Bujna 1995: J. Bujna, Male Kosihy – Latènezeitliches Gräberfeld. Katalog (Nitra 1995).

Čižmar 1975: M. Čižmar, Relativní chronologie keltských pohřebišt na Moravě. Památky Archeologiscké 66, 1975, 417-437.

Conovici 1992: N. Conovici, Noi date arheologice privind începuturile culturii Poienești-Lukaševka și prezența bastarnilor în Dobrogea. SCIVA 43/1, 1992, 3-14.

Conovici 1996: N. Conovici, Pe marginea unei recenzii. SCIVA 47/4, 1996, 369-273.

Finkielszteijn 2001: G. Finkielszteijn, Chronologie détaillée et révisée des éponymes amphoriques rhodins de 270 à 108 av. J.-C. Premier bilan. BAR 990 (Oxford 2001).

Haheu 2008: V. Haheu, Sisteme de fortificaţii traco-getice de la est de Carpaţi (Chişinău 2008).

Hellström 2018: K. Hellström, Fibeln und Fibeltracht der Sarmatischen Zeit im Nordschwarzmeergebiet (2. Jh. v. Chr. - 3. Jh. n. Chr.). Archäologie in Eurasien 39 (Berlin 2018).

Iarmulschi 2012: V. Iarmulschi, Amfore greceşti descoperite în mediul culturii Poienești-Lucașeuca. Tyragetia s.n.VI/1, 2012, 195-206.

Iarmulschi 2013: V. Iarmulschi, Unele consideraţii privind cronologia culturii Poienești-Lucașeuca. Tyragetia s.n. VII/1, 2013, 29-52.

Iarmulschi 2016a: V. Iarmulschi, A few consideration regarding the chronology of the Poienești-Lucașeuca culture. Prähistorische Zeitschrift 91/2, 2016, 471-494.

Iarmulschi 2016b: V. Iarmulschi, Notes of the start date of the Poienești-Lucașeuca culture. Journal of Ancient History and Archeology 3/3, 2016, 13-19.

Iarmulschi 2018: V. Iarmulschi, Cronologia și periodizarea așezărilor culturii Poienești-Lucașeuca. Tyragetia s.n. XII/1, 2018, 29-39.

Martens 1996: J. Martens, Die vorrömischen Eisenzeit in Südskandinavien. Probleme und Perspektiven. Prähistorische Zeitschrift 71/2, 1996, 217-243.

Mateevici 2009: N. Mateevici, Unele modificări privind datarea ştampilelor amforistice ale Rhodosului, descoperite în mediul barbar al spaţiului nord-vest pontic. Tyragetia s.n. III/1, 2009, 267-276.

Mândescu 2010: D. Mândescu, Cronologia perioadei timpurii a celei de-a doua epoci a fierului (sec. V-III a. Chr.) între Carpaţi, Nistru şi Balcani (Brăila 2010).

Meyer et al. 2016: M. Meyer, O. Munteanu, V. Iarmulschi, B. Rauchfuß, F. Höppner, Aşezarea de tip Poienești-Lucașeuca de la Brănești-Marginea de Vest (r. Orhei, Republica Moldova) (cercetările din anii 2014-2015). In: (Eds. L. Sîrbu, N. Telnov, L. Ciobanu, Gh. Sîrbu, M. Kaşuba) Culturi, procese şi contexte în arheologie. Volum omagial Oleg Levitki la 60 ani (Chişinău 2016), 310-331.

Munteanu, Iarmulschi 2005: O. Munteanu, V. Iarmulschi, Cultura Poienești-Lucașeuca: repere cronologice. ANTIM 6, 2005, 16-20.

Müller 1985: R. Müller, Die Grabfunde der Jastorf- und Latènezeit an unter Saale und Mittelelbe (Berlin 1985).

Németi 1989: I. Németi, Necropola Latène de la Pişcolt, jud. Satu Mare. II. Thraco-Dacica X/1-2, 1989, 75-114.

Niculiţă, Matveev, Nicic 2019: I. Niculiţă, S. Matveev, A. Nicic, Cercetările sitului arheologic Potârca din rezervaţia cultural-naturală „Orheiul Vechi" (Chişinău 2019).

Reinecke 1988: A. Reinecke, Studien zur vorrömischen Eisenzeit im Umland der südlichen Ostsee. Forschungsstand-Chronologie-Kulturhistorische Beziehungen. Unveröff. Dis., Humboldt-Universität Berlin (Berlin 1988).

Spânu 2019: D. Spânu, Core issues of the Late La Tène Periodization in Romania. Peuce XVII, 2019, 167-206.

Teodor 1987: S. Teodor, Cercetările arheologice de la Ciurea. ArhMold XI, 1987, 65-102.

Teodor 1992: S. Teodor, Cercetările arheologice de la Lozna-Hlibicioc, jud. Botoşani. ArhMold XV, 1992, 45-69.

Vulpe 1953: R. Vulpe, Săpaturile de la Poieneşti din 1949. Materiale I, 1953, 213-506.

Zaharia, Buraga 1979: E. Zaharia, C. Buraga, Cercetări de suprafaţă în comunele Dăneşti, Rebricea şi Tăcuta (jud. Vaslui). AMM I, 1979, 241-268.

Zanoci 1998: A. Zanoci, Fortificaţiile geto-dacice din spaţiul extracarpatic în secolele VI-III a. Chr. (Bucureşti 1998).

Zirra 1997: Vl. Zirra, Contribuţii la cronologia relativă a cimitirului de la Pişcolt. Analiză combinatorie şi stratigrafie orizontală. SCIVA 48/2, 1997, 87-137.

Виноградов, Марченко 2014: Ю.А Виноградов, К.К. Марченко, Северное Причерноморье в III в. до н. э. (взгляд из греческих государств). Археологические вести 20, 2014, 143-164.

Кац 2007: В.И. Кац, Греческие керамические клейма эпохи классики и эллинизма (опыт комплексного изучения). Боспорские исследованния XVIII (Симферополь 2007).

Пачкова 1983: С.П Пачкова, Археологические исследования многослойного поселения у с. Горошова Тернопольской области. В сб.: (Ред. А.Т. Смиленко) Археологические памятники Среднего Поднестровья (Киев 1983), 4-55.

Пачкова 2006: С.П. Пачкова, Зарубинецкая культура и латенизированные культуры Европы (Киев 2006).

Тельнов, Четвериков, Синика 2016: Н.П. Тельнов, И.А. Четвериков, В.С. Синика, Скифский могильник III-II вв. до н.э. у с. Глиное (Тирасполь 2016).

Ткачук 1999: М.Е. Ткачук, Гетика которую мы потеряли (из антологии хронологических разрывов) Stratum 3, 1999, 274-304.

Федоров 1960: Г.Б. Федоров, Население Пруто-Дневстровского междуречья в I т. н.э. МИА 89, 1960.

Щукин 1994: М.Б. Щукин, На рубеже эр. Опыт историко-археологической реконструкции политических событий III в. до. н.э. - I. в. н.э. (Санкт-Петербург 1994).

Nochmals zum Beginn der Poieneşti-Lucaşeuca-Kultur

Schlüsselwörter: Ostkarpatischen Gebiet, Latène Zeit, die Poieneşti-Lucaşeuca-Kultur, Chronologie.

Zusammenfassung: In diesem Beitrag wurde das Problem des Beginns der Poieneşti-Lucaşeuca-Kultur diskutiert. Laut Daniel Spânu das Beginn der Kultur sollte in der LT C2, bzw. an Anfang des 2 Jh. v. Chr., festgestellt werden. Der Autor diesen Aufsatz, aufgrund der Datierung einigen Typen der Fibeln, Gürtelhacken und griechischen Amphoren, glauben, dass das Beginn der Poieneşti-Lucaşeuca-Kultur mit der LT C1b, bzw. Ende des 3. Jh. v. Chr., synchronisieren kann.

Abbildungsliste:

Abb. 1. Übersicht der Kulturen der jüngeren vorrömischen Eisenzeit in nördlichen Mittel – und Südosteuropa. Schwarze Punkte: griechische Städte (nach Hellström 2018).

Abb. 2. Fundplätze der Poieneşti-Lucaşeuca-Kultur, die im Text erwähnt wurden: 1 - Boroseşti; 2 - Brăneşti-*Marginea de Vest*; 3 - Dăneşti-*La Meri*; 4 - Ghelăieşti; 5 - Gorošovo; 6 - Lozna-*Hlibicioc*; 7 - Lucaşeuca; 8 - Lunca Ciurei; 9 - Poieneşti; 10 - Ulmu.

Abb. 3. Funde mit chronologischer Relevanz: 1 - Fibel Typ II. 2; 2 - Fibel Typ II.5; 3 - Fibel aus Dăneşti-*La Meri*; 4 - Gürtelhacken Typ III.3; 5 - Fibel aus dem Grab 31/1 aus Hlinoe; 6 - Armring aus Gorošovo; 7 - griechische Amphore aus Lunca Ciurei. 1-2, 4 (nach Babeş 1993); 3 (nach Teodor 1980); 5 (nach Тельнов, Четвериков, Синика 2016); 6 (nach Пачкова 1983); 7 (nach Teodor 1987).

Ещё раз о начальной дате культуры Поянешть-Лукашеука

Ключевые слова: восточно-карпатские земли, эпоха Латѐна, культура Поянешть-Лукашеука, хронология.

Резюме: В статье рассматривается проблема начала культуры Поянешть-Лукашеука. Согласно Даниэлю Спыну, начало этой культуры должно быть синхронизировано с ЛТ С2, то есть с началом II в. до н.э. Автор этой статьи, опираясь на датировку некоторых типов фибул, поясных крючков и греческих амфор, полагает, что начало культуры Поянешть-Лукашеука может быть синхронизировано с ЛТ С1b, то есть с концом III в. до н.э.

Список иллюстраций:

Рис. 1. Культуры раннего предримского времени на севере Центральной и Юго-Восточной Европы. Черные точки: греческие города (по Hellström 2018).

Рис. 2. Упомянутые в тексте памятники культуры Поянешть-Лукашеука: 1 - Боросешть; 2 - Брэнешть-*Марджиня де Вест*; 3 - Данешть-*Ла Мерь*; 4 - Гелэешть; 5 - Горошово; 6 - Лозна-Хлибичок; 7 - Лукашеука; 8 - Лунка Чурей; 9 - Поянешть; 10 - Ульму.

Рис. 3. Хроноиндикаторы: 1 - фибула типа II.2; 2 - фибула типа II.5; 3 – фибула из Данешть-*Ла Мерь*; 4 - поясной крючок типа III.3; 5 - фибула из погр. 31/1 из Глиное; 6 - сапропелитовый браслет из Горошово; 7 - греческая амфора из Лунка Чурей. 1-2, 4 (по Babeş 1993); 3 (по Teodor 1980); 5 (по Тельнов, Четвериков, Синика 2016); 6 (по Пачкова 1983); 7 (по Teodor 1987).

24.08.2020

Dr. Vasile Iarmulschi, Muzeul Național de Istorie a Moldovei/Freie Universität Berlin, Institut für Prähistorische Archäologie, Fabeckstr. 23-25, 14195 Berlin, https://orcid.org/0000-0002-9013-1973, e-mail: vasile.iarmulschi@gmail.com

НИЖНЕДНЕСТРОВСКИЙ (ЗМЕЕВЫЙ) ВАЛ – ЧАСТЬ ЛИМЕСА РИМСКОЙ ИМПЕРИИ: КАРТОГРАФО-АРХЕОЛОГИЧЕСКОЕ ИССЛЕДОВАНИЕ

Игорь Сапожников

Устроив на удобном месте просторный лагерь близ берегов Данастия и вала гревтунгов, он [Атанарих] <…> стал готовиться к бою.

Ammiani Marcellini (XXXI.3.5)

Вблизи сверкал лиман Днестра,
Вдали синела бирюза
Угрюмого, седого Понта,
И два я видел горизонта:
Червонный степи, синий моря…

А.С. Гейнцельман (1879-1953)

Ключевые слова: Республика Молдова, Одесская область Украины, Буджак, земляные оборонительные валы, Нижнеднестровский вал, Верхний Траянов (гревтунгов) вал, картография, история изучения, параметры и конструкция, датировка, лимес Римской империи.

За последнее десятилетие из-под пера автора вышло несколько работ о древних валах Буджака (Сапожников 2011; Сапожников 2013; Сапожников 2017; и др.). Как выяснилось, наиболее «загадочные» из них – Прутский и Нижнеднестровский (Змеевый) валы. По ним отсутствуют специальные публикации, хотя второй раскапывался в 1977, 1989, 1990 гг. при изучении более ранних поселений Молога II и Веселое III (Гудкова 1978; Малюкевич 1990; Малюкевич 1991; Малюкевич 1999, 43; и др.). В этой связи важно проследить историю описания и картографирования Нижнеднестровского вала, чему и посвящена настоящая статья. Отмечу, что некоторые ученые, не зная или не учитывая его маршрута и протяженности, более века рассматривают северо-западное окончание вала как часть другого вала Буджака – Верхнего Траянова. Последний же упоминается в одном из классических трудов латинских авторов около 375-376 г. н.э. под именем «вала гревтунгов» (Amm. Marc. XXXI.3.5).

Первенство описания сооружения принадлежит офицеру российской армии Лейону Пирсу (Петеру) Бальтазару фон Кампенгаузену (Сапожников, Яровой 2017). Он обратил внимание на его остатки в 1789 г.: «Между Паланкой и Аккерманом есть искусственная возвышенность, которая по форме напоминает длинную дамбу. Высота её достигает без малого 5,5 футов [1,68 м]. Молдаване называют её *Camina Trajani* [дорога Траяна]. Принято считать, что её возвели во времена правления императора Траяна, но мне лично с трудом верится, что это сооружение – чем бы оно ни служило – могло быть построено по приказу этого императора, ведь он никогда не бывал в этих краях. Я не отрицаю факта, что в период правления Траяна римские колонии охватывали и эту территорию. При этом Адриан совершенно не уделил ей внимания. Войска Марка Аврелия находились в районе Паланки во время похода против сарматов. Единственным римским императором, кто провёл здесь хоть сколько-нибудь времени, был Максимин (Maximinus)[1]; поэтому если это сооружение и могло быть римской дорогой, то построена она была римлянами во времена именно его правления. Однако я склонен считать, что это возвышение – обычная дамба, выстроенная генуэзцами для защиты от разливов Днестра. <…> Моя теория подтверждается и тем, что дамбу видно только на самых низких частях берегов Днестра и озера [лимана], которое имеет выход в море. Дамба между реками Серет и Прут, а также между Прутом и озером Ялпуг [Нижний Траянов вал] также называется *Camina Trajani*» (Campenhausen 1808, 61; Сапожников 2011, 221).

[1] Гай Юлий Вер Максимин Фракиец (Gaius Iulius Verus Maximinus Thrax, 173-238 гг.) – первый «солдатский император».

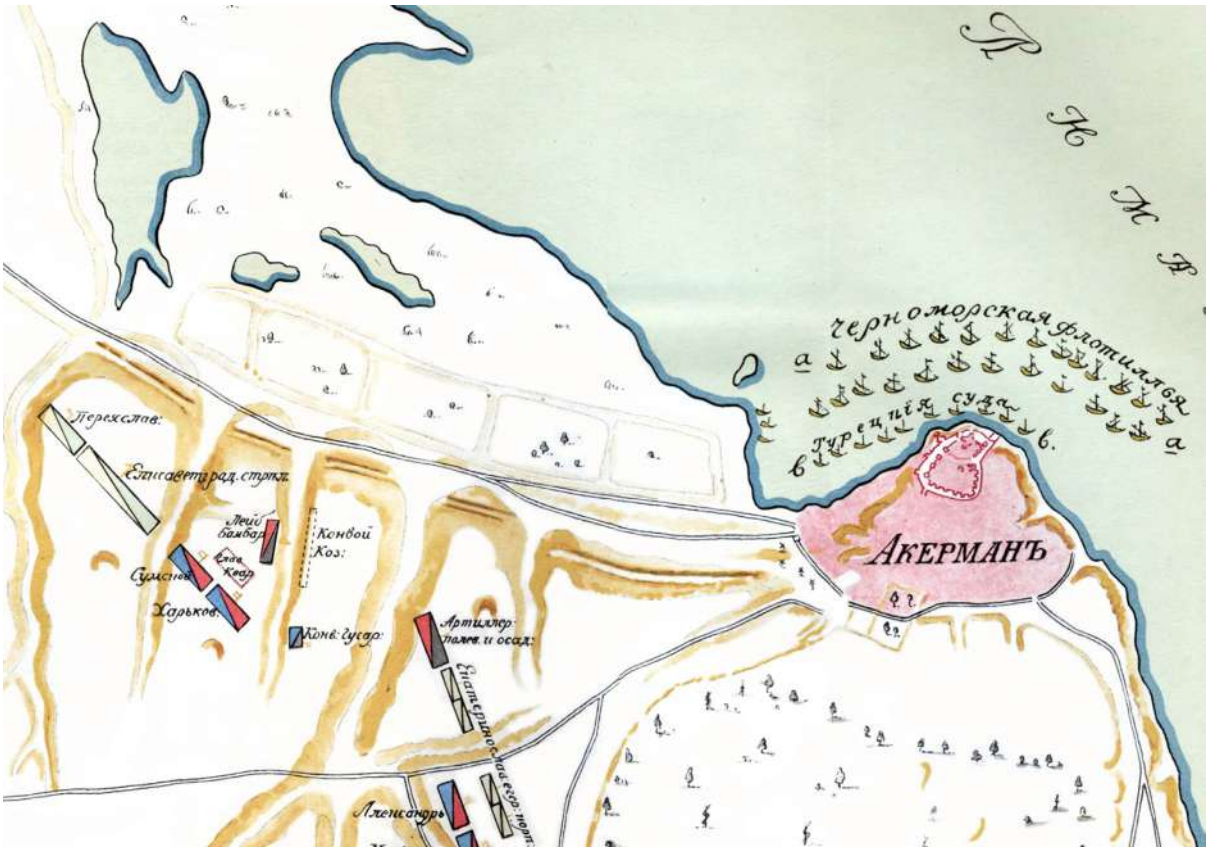


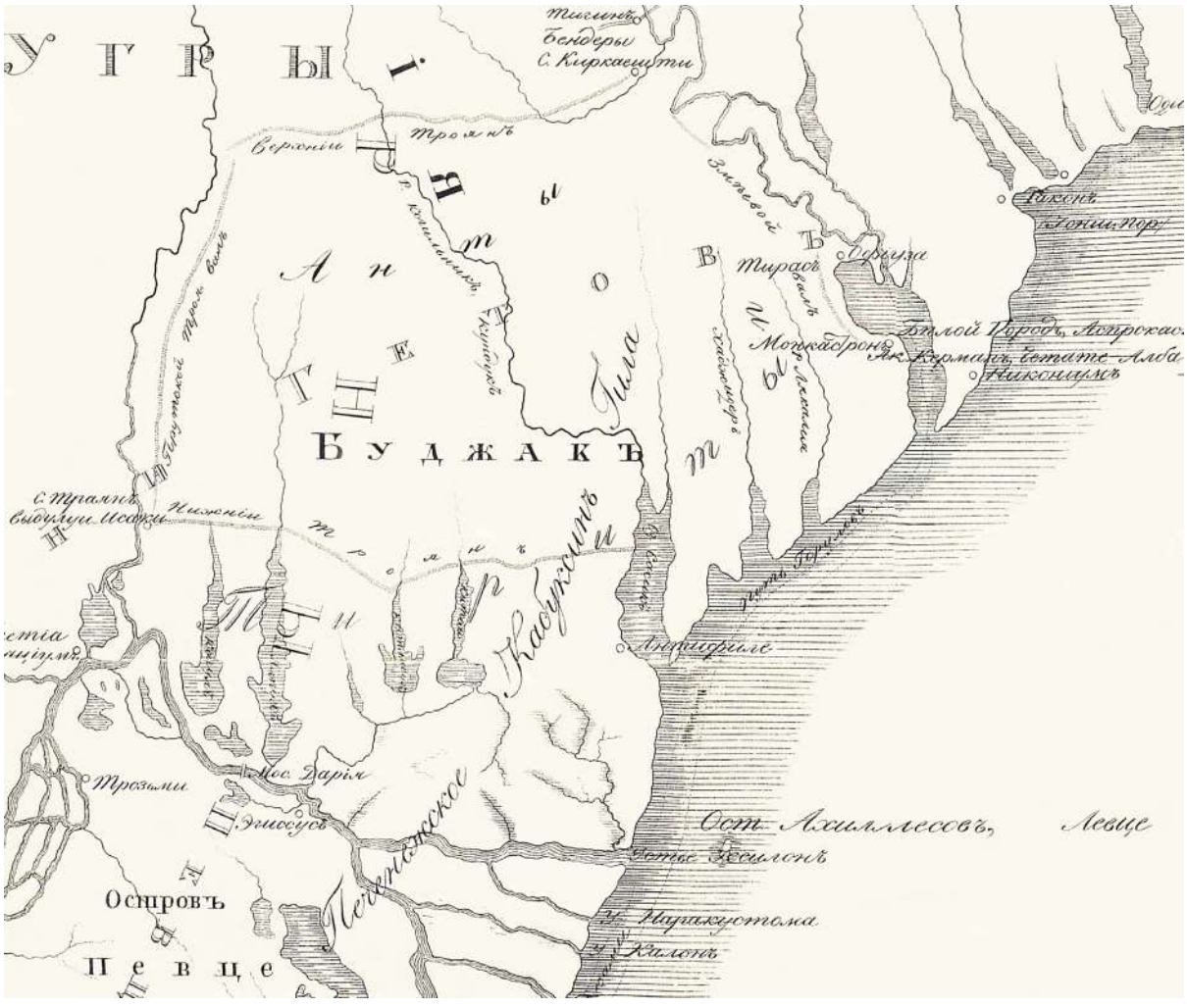
Рис. 1. Отрезки Нижнеднестровского вала на плане 1789 г.: участок I.4 (Кутузов 1950, ф-т).

Впервые два отрезка этого вала были изображены на «Топографическом плане крепости и села Паланка на Днестре, взятых российской армией 24 сентября 1789 г.» инженер-майора Ф.П. де Волана с подписью «Ruines d'une vieille diague reconnue pour la voia Trajanne» – «Руины старого вала, известные как дорога Траяна» (Сапожников 2011, 222, фото 9). Недавно часть вала, показанная пятью отрезками между Аккерманом и селом Молога (рис. 1), была идентифицирована на «Плане города Аккермана и окружившим оный лагерям российских войск…» 1789 г. (Сапожников 1999, рис. 9).

Следующий этап исследований этого памятника относится к 1810-1840 гг. Он связан с работами Военно-топографической комиссии Бессарабии и деятельностью ряда членов Одесского общества истории и древностей. Одной из его особенностей является то, что тогда, когда остатки вала были еще хорошо видны, были созданы ценные письменные и картографические источники (Сапожников 2011; Сапожников 2013). Парадокс заключается в том, что до настоящего времени одна часть этих источников остается малоизвестной, а вторая – неопубликованной. Охарактеризую письменные источники.

Самое раннее упоминание Нижнеднестровского вала для этого периода содержится в работе П.П. Свиньина 1816 г.: «По реке Ботне *и реке Днестру до Черного моря* виден вал, который, как приметно, начинается выше Бендер и идет через все пространство степей до реки Прута, а другой конец его – по Измаильской дороге, оканчивается у Дуная. Вал сей называется Трояновым, но причина сооружения его поныне не известна в точности» (Свиньин 1867, 296). Однако приведенные данные расплывчаты, их источник неизвестен, а опубликованы они лишь через полвека после написания.

Первая информация члена Военно-топографической комиссии А.Ф. Вельтмана (позже писателя и историка) содержит более конкретные сведения. Он допускал, что вал на Днестре может быть продолжением Нижнего Траяна: «Далее скажу вам, что видны очень малые остатки


Бендеры
Тирасъ
Буджакъ
Трояновъ
Нижній
Акерманъ
Трояновъ
Трояновъ
Тирасъ
Трояновъ
Трояновъ
Троянов

построения большого вала. <…> Вышина валов была значительна, ибо после XVII веков в некоторых местах она будет до 4 аршин [2,9 м]. С первого взгляда валы сии, заключающие в себе весь нынешний Буджак, составляют как бы один необычной величины редут, носящий имя *Траяна*; целый народ обитает и защищает его; довольный травными степями и оградив себя со всех сторон стеною, кажется, желал бы он, чтобы за нею были пределы жилища людей! Но это не редут, ибо верхний и нижний валы склоняются в одну сторону, следовательно, они были первой и второй оградой против оружия Траянова. Прутский вал составлял боковую защиту, а ***Днестровский***, заметный только частями, кажется, не относился к прочим» (Вельтман 1828а, 17-22; см. также Вельтман 1828б, 568-575).

К книге приложена «Карта древней истории Бессарабии», на которой «Змеевый вал» показан от Аккермана до с. Паланка и примерно между селами Чобручи и Леонтьево. Упомянутый А.Ф. Вельтманом участок в районе с. Акембет (Беленькое) на данную карту не попал (рис. 2).

Еще одно описание валов Буджака, к которому А.Ф. Вельтман мог иметь прямое отношение, было создано около 1827-1828 гг. и опубликовано в 1899 г.: «Проходят через Бессарабию два земляных вала, известных под названием *Трояновых валов*, воздвигнутые римлянами, вероятно для защиты от набегов неподвластных им народов и удержания во власти своей берегов Черного моря. <…> Есть еще *третий земляной вал называемый Змиевым*, в некоторых местах с шанцами простирающийся по берегу рек Днестра и Прута. Ров Троянова вала имеет глубины от 2 до 2,5 сажен, а ширины до 8 сажен» (Статистическое 1899, 29)[2].

Таким образом, А.Ф. Вельтман впервые описал три отрезка земляного вала, маркирующих его от р. Ботна до Черного моря. Он же выделил его из группы остальных валов Буджака по хронологическому принципу (что допустил и Л.П.Б. Кампенгаузен – см. выше), а также назвал *Днестровским*, считая имя «Змеевый вал» народным и неудачным с точки зрения географии и исторической логики. В более поздней статье он заметил: «Днестровский вал назван на картах *Змеевым*, но [тут] что-нибудь, да не так – там некому было дать ему русское прозвание» (Вельтман 1837, 233)[3].

Еще одним первопроходцем изучения валов Буджака был А.А. Олофсон, который в начале 1840-х гг. обратил особое внимание на район *Копанской горы*. Часть здешних именных курганов он связал с валами, а весь комплекс памятников – с местом переправы через Днестр «у селений Копанки и Слободзеи». Автор считал, что некий древний народ «с севера *провел* новую сухопутную границу или так называемый *Верхний Траянов вал* от Леово к Днестру и потом вдоль этой реки *до Аккермана*» (Олофсон 1848, 552-554).

Рассмотрим дальнейшие исследования Нижнеднестровского вала. Этапными стали итоги автомобильной разведки профессора К. Улига и генерала С. Панаитеску в сентябре 1923 г. (Uhlig 1928). Они осмотрели вал и измерили его высоту (1,5 м от дна рва) только у села Сеймены. В бывшей колонии Шабо К. Улиг записал, что «20 лет назад следы «Траянова вала» все еще были видны на усадьбе, принадлежащей фрау Штоллер-Бюксель». Тогда «он действительно простирался более чем на 60 км по всему западному берегу Днестровского лимана», а «о его продолжении вдоль берега реки на север ничего не известно». Для реконструкции части вала длиной 14,7 км от Каменного Моста до Сеймен К. Улиг использовал в основном российские карты-трехверстовки. В итоге он заключил, что «Змеиный вал» никак не может быть валом гревтунгов, так как «его расположение совпадает с берегом Днестра». При этом валы Кицканского полуострова он рассматривал как часть Верхнего Траяна (Uhlig 1928, 202-203, 222, 247-248).

В 1938 г. Н.Н. Морошан обследовал и нанес на карту отрезок вала от с. Копанка до р. Ботна, а также целый ряд курганов Кицканского полуострова, часть из которых ранее описал А.А. Олофсон (рис. 22, № 1, 2, 6). Кроме того, он провел охранные раскопки четырех погре-

[2] Эти данные использовал Дараган: «По нагорному берегу Днестра от Аккермана до устья Ботны видны местами едва заметные следы вала, называемого жителями Змиевым, которого построение должно отнести ко временам еще древнейшим» (Дараган 1849, 21).

[3] Замечу также, что как минимум на одной карте XIX в. вал назывался «Нижним Троянским» (рис. 12, 14-16; сравн. с рис. 17-19), а имя «Троянский вал» бытовало у местного населения (в с. Пивденное) до начала 1960-х гг. (Сальников 1966, 178).

бений: позднекочевнического, с остатками лошади в небольшом кургане неподалеку от основного вала (рис. 22, № 4), и еще трех примерно в 2,0 км к СВ от вала, в урочище Одая Монастырская, расположенном на правом берегу долины Днестра (рис. 22, G). Одно из них с двумя кувшинами ученый отнес к концу III - началу IV вв. от РХ (Moroşan 1939b, 247-270; Moroşan 1939a, карта). Новая датировка этого комплекса – «середина III в. н.э.» (Chetraru et al. 2003, 103).

Позже изучение Нижнеднестровского вала как единого объекта не велось, а ряд исследователей игнорировал его существование, особенно с начала 1950-х гг. после выхода статей Р. Вульпе (1960; и др.). По сути его возобновил автор статьи, но на 2011 г. существование отдельных участков вала не подтверждалось картами и планами. Тогда же был сделан вывод, что «логично было бы сооружение *вала* или *иных укреплений* к юго-востоку от Тиры (Белгорода) до берега Черного моря» (Сапожников 2011, 224). И действительно, часть карт вскоре нашлась, но белые пятна оставались (Сапожников 2013, 345-348). После получения копий карт – Бессарабии или Буджака (Карта 1828), Днестровского лимана (Карта 1844) и иных материалов – появилась возможность уточнить топографию вала еще раз.

Для удобства восприятия материалы поданы по двум его отделам: ***прилиманскому*** (I. – от моря до с. Паланка) и ***приречному*** (II. – от названого села до правого берега р. Ботна) и их восьми участкам.

I. Прилиманский (южный) отдел

Этот отрезок вала связан с правым берегом Днестровского лимана, входящего в состав западной подобласти Причерноморской (Понтической) низменности. Поверхностные отложения состоят тут в основном из чистых и гумусированных лессов, а к югу от Белгорода-Днестровского на протяжении 10-12 км представлены так называемыми *кучугурами* (холмами наподобие дюн, сложенных песками и супесями). Прибрежная полоса имеет уклон в сторону моря с абсолютными отметками от +90 м у с. Семеновка до +10-12 м на северо-западном берегу Будакского лимана. Впрочем, в этом отделе, как и на всем протяжении, вал обращен рвом к долине и является защитой от угрозы прорыва вражеских войск в Дунай-

Рис. 3. Приморский отрезок вала: I.1 (Карта 1828, ф-т).

Днестровское междуречье путем форсирования гирл Днестра и (или) лимана, что легче всего было сделать в сезон ледостава. С точки зрения геоморфологии и степени сохранности прилиманский отдел можно разделить на четыре участка:

I.1. Приморский участок

Лучше всего показан на карте 1828 г. (рис. 3) от небольшого залива Будакского лимана у южной окраины левобережной части села Беленькое (46°02’18.9»N 30°23’49.2»E)[4] на протяжении около 8,75 км до места на берегу Днестровского лимана, которое расположено строго на восток от фермы на южной окраине с. Шабо (46°06’15.3»N 30°24’51.8»E). Вал прерывался здесь овальным в плане земляным укреплением длиной 380-400 м со рвом по периметру, находившимся на линии и в полосе отчуждения железной дороги и шоссе Одесса – Белгород-Днестровский, в 400 м на В от восточной окраины села Прибрежное (46°04’53.3»N 30°25’13.2»E). На карте 1844 г. «Нижний Траянский вал» «укорочен» с ЮЗ, начинаясь к ЮВ от Могилы Кишлы (Поповой Могилы) высотой до 7,0 м[5] (46°03’47.5»N

[4] Координаты даны по программе «Гугл-карты», а стороны света сокращены до начальных букв.

[5] В 1997 г. раскопан И.Т. Черняковым и введен в специальную литературу под неаутентичным именем Аккембетский курган (Черняков 2004, 11-13). Грунт из его отвалов до сих пор складирован за пределами виноградника (Сапожников 2013, 346).

30°24’45.1»E), от которой проходил в 150-170 м к В. Названное укрепление изображено там же, но подпрямоугольной формы и длиной более 600 м (рис. 12).

Как видим, на двух основных картах для Прилиманского отдела вала нет согласованности о его начале от Черного моря. Известно, что в 1827-1828 гг. на участке Е «жены подполковника Арсеньева при заливе Черного моря в урочище Шаболат» «Змеевым валом» было занято 3 десятины 800 кв. сажен (Статистическое 1899, 282). Бывший здесь в 1851 г. П.В. Беккер отметил: «остатки нижнего Траянова вала» видны «на южном берегу Кимбецкого лимана [правом берегу Шаболатского залива Будакского лимана], <...> вблизи развалин татарской деревни». Далее он простирался «вдоль прибрежной возвышенности от северной оконечности [мыса левого берега того же залива] Кимбецкого лимана до входа в Днестровский лиман», а на первом от залива мысу местные жители выявили руины фундамента каменной башни диаметром 4-5 сажен, которую ученый интерпретировал как Неоптолемову (Беккер 1853, 161, 172-173; рис. 3). Поэтому вал мог брать начало в 3,7-4,0 км далее к ЮЗ (у точки 46°00’51.5»N 30°21’44.0»E), на коренном берегу Будакского лимана в районе села Сергеевка (рис. 3; Сапожников 2013, 347-348, рис. 1, 3).

В целом об участке I.1 О. Струве в 1866 году написал: «От шабского своего хозяина [в колонии Шабо] я слышал, что около Кимбет [с. Акимбет] на *Траяновом вале* нередко находили разные древние монеты, и старик еврей Мошка, в русском посаде [с. Шабо], показал мне найденную на поле медную монету царя Птолемея. Он требовал за нее 10 р.» (Струве 1867, 608-609).

Позже данный участок вала (как и ряд самых северных – см. ниже) не наносился на такие информативные и распространенные карты, как трех- и двухверстовки. Удалось найти лист карты 1959 г. (L36-61-Г «Бугаз», М 1 : 50 000)[6], на котором к С от железной дороги отмечены два участка вала – длиной около 50 и 750 м (рис. 23).

Разведки автора статьи 2020 года показали, что едва различимые следы вала (высотой 0,4-0,6) видны на краю обрывистого берега Будакского лимана к ЮЗ и СВ от второго от Шаболатского залива мыса (в 750 м к В от Ю окраины с. Беленькое)[7] до территории военных складов, где он, по-видимому, срыт. Далее, на пустыре, примыкающем к виноградникам компании «Шабо» участок вала высотой до 1,1-1,4 м хорошо сохранился на протяжении 750 м, а еще севернее, уже на винограднике, он угадывается по цвету грунта. Понятно, что от него не осталось ничего в районе автомобильной и железной дорог, а еще севернее, на протяжении 1,4 км вал вместе с отрезками, отмеченными на карте 1959 г., уничтожили при строительстве чеков рыбразвода (сегодня заброшены). К северу от них и до конца участка I.1. (координаты см. выше) вал виден как в рельефе, так и на аэрофотоснимках на расстоянии до 1,0 км.

I.2. Участок на кучугурах

Простирается на 12 км от названной точки до Аккерманской крепости, и здесь из-за особенностей геоморфологии, геологии и застроенности с. Шабо и г. Белгорода-Днестровского[8] интересующий объект отражен на известных картах хуже всего. Тем не менее, на «Плане оборонительного состояния крепости Аккерана 1789 году»[9] полковник Ф. Тизенгаузен отметил на берегу лимана, в 590-600 м к ЮВ от соответствующего угла крепости, часть вала длиной около 300 м. Он виден в границах плана на территории мусульманского кладбища, к Ю от более позднего турецкого вала со рвом (окопом), возведенным после первой российско-турецкой войны вокруг форштадта Аккермана (ныне это район начала ул. Михайловской).

[6] С более подробными картами ознакомиться не удалось.

[7] В этой крайней сохранившейся точке (46°02›19.2»N 30°23›55.3»E) вал имеет овальное в плане расширение до 8-10 м, высотой до 1,0 м, изрытое окопами. В 50 м северу от него, на верхней точке мыса есть возвышение около 40×20 м, высотой до 0,5 м, на котором встречаются фрагменты красноглиняных амфор, костей животных и другой керамики, в частности обломок плоской профилированной ручки краснолакового сосуда.

[8] А также песчаными и каменными карьерами, в ходе строительства порта и железнодорожных линий, очистных сооружений и пр.

[9] Входит в рукописный «Атлас, содержащий карты и планы последней турецкой войны, верно снятые полковником, комендантом и кавалером бароном фон Тизенгаузеном, и изданный оным в 1793 году». (л. XXXIV; РГВИА, ф. 846, оп.16, д. 2427; РО РНБ, ф.885, д. 287). Кроме вала, внутри форштадта, к Ю от караван-сарая отмечен довольно крупный курган.

На карте 1840 г. за пределами Аккермана, между кучугурами и обрывистым берегом лимана, в 1,7 км к ЮВ от крепости на протяжении около 750 м вал также обозначен (рис. 14). В настоящее время это место можно соотнести с началом ул. Карьерной и до проходной порта. Итак, мне впервые удалось выявить факты присутствия на картах участков вала протяженностью около 1,8–2,0 км в северной части района кучугур и в непосредственной близости от остатков римской Тиры.

По данным 1827 года на участке S «колонии швейцарских поселенцев Шаба» и посада Шабо площадью 9730 дес. «*Змеевый вал*» занимал 24 десятин 1400 кв. сажен «неудобной земли» (Статистическое 1899, 220-221). Это говорит о наличии одного или более отрезков вала длиной 10-12 км, привязать которые невозможно (рис. 3). Конкретные указания на «Траянов вал, следы которого великолепно сохранились», есть в «Исторической записке об основании швейцарской колонии Шабо в Бессарабии» Луи Гандера 1908 г.[10]

Сегодня на участке I.2 остатки вала можно связать с лесополосой вдоль берега лимана, где высота насыпи достигает 0,6-0,9 м. Рядом с ней проходила дорога, ведущая из Аккермана к урочищу Бугаз и Константинопольскому гирлу (рис. 3). Речь идет об отрезке от усадеб прибрежной части села Шабо (последних домов ул. Горького) на протяжении 600–800 м к Ю (примерно до точки 46°06’46.6”N 30°24’45.2”E).

I.3. Участок от Белгорода-Днестровского до балки Молога (Бойкань)

Имеет длину около 12,8 км. Его чертами является прохождение вала в основном по нижним террасам коренного берега Днестровского лимана (на абсолютных уровнях от +6-8 до +12-14 м), а также то, что на всем протяжении он занят усадебной застройкой г. Белгород-Днестровский и сел Выпасное и Молога. На карте 1828 года объект начинается в 1,0 км к З от Аккерманской крепости и доходит до балки Молога. При этом чаще он показан к северу от дороги в Каушаны (ул. Кишиневская), но иногда сливается с ней (рис. 4; 5), что подтверждает мысль о том, что многие дороги Буджака

Рис. 4. Участок вала от Аккермана до б. Молога: I.3 (Карта 1828, ф-т).

Рис. 5. Участок вала от б. Молога до с. Паланка: I.4 (Карта 1828, ф-т).

были проложены непосредственно по валам (Сапожников 2011, 211 и др.).

На карте 1844 года в пределах г. Аккерман и посада Папушой вал отсутствует, но на территории посада Турлаки и его части Кривды (Свиной Кривды) он снова появляется, проходя по этим населенным пунктам по южной (нагорной) стороне от Каушанской дороги (рис. 15), что соответствует данным плана 1789 года (рис. 1). Далее, до конца участка I.3. вал в 1844 году шел по первой надпойменной террасе Днестровского лимана.

[10] http://samlib.ru/d/deshabo_a_n/his.shtml

Как видим, карты 1828 и 1844 годов по данному участку дают согласованные данные. Однако на первой из них у долины балки Мологи вал переходит на мыс, образованный ею и правым берегом лимана, а потом снова возвращается на правый берег, образуя таким образом нечто наподобие земляного укрепления (рис. 5), а на второй карте такого зигзага нет (рис. 14). По-видимому, второй вариант вернее, так как приведен на листе трехверстовки XXXI-8 в редакциях 1850-х (рис. 17) и 1870-х (рис. 18) годов.

При разведке автор осмотрел крайнюю СЗ часть этого участка. В отличие от левого берега балки Молога, на ее правом берегу, занятом сельскими усадьбами, явных следов вала в рельефе не видно, впрочем, как и на аэрофотоснимках программы «Гугл-карты». Возможно, здесь положительные результаты даст поиск с применением геофизических методов исследований.

I.4. Участок от села Садового до села Паланка

Имеет длину 23 км и почти на всем этом расстоянии перед фронтом вала присутствуют участки крутых береговых обрывов высотой до 50 м, а местами (у сс. Пивденное и Семеновка) – даже 70-80 м. Спуски к лиману и пойме Днестра связаны с балками и оврагами: Сария (на ней стоит с. Пивденное), *Сеймень* (Семеновская), *Антонова* (к ЮВ от с. Веселое), *Роша* (Валя Роша) и впадающая в нее почти у устья *Терепкана* (Торопкана), где находится село Красная Коса, *Чишма* (между селами Удобное и Паланка). Кроме того, вал и ров в нескольких местах перерезаны короткими молодыми оврагами, в частности к северо-западу от села Садовое (на поселении Молога II и далее к северо-западу), к северу от села Семеновка, на территории села Веселое и к северо-западу от него и др.

Одной из особенностей этого участка является наличие на всем протяжении с тыльной стороны от вала цепи курганов разной высоты, причем некоторые прилегают к нему вплотную. Здесь же отмечено 3-4 случая налегания вала на поселения, древнейшие из которых относятся к позднему бронзовому веку – Пивденное, Красная Коса и др. (Черняков 1966). Поэтому данный участок вала хорошо известен археологам, а в 1990-х гг. стал объектом почвенно-хронологических исследований (Лисецкий и др. 2013, 547-549, рис. 1, 7-9). С другой стороны, известны случаи, когда на вале лежат более поздние поселения, так называемые татарско-турецкие «селища» – Молога, Сария, отчасти Сеймены (рис. 5).

В отличие от описанных отрезков, картография участка I.4 не вызывает проблем в том смысле, что вал, кроме названных, присутствует на ряде карт конца XIX-XX веков (рис. 19). На большинстве из них здесь изображен один вал, кроме трехверстовки 1870-х годов, на которой на берегу между селами Садовое и Пивденное есть еще одна насыпь длиной 3,5-4,0 км. Она вытянута дугой ближе к берегу и, по-видимому, сохранилась не полностью (рис. 18, сравн. с рис. 17). Поиски этого вала в поле не дали результатов, так как местность занята лесом и повреждена береговой эрозией. Ситуацию проще всего было бы объяснить ошибкой топографов, но в ходе раскопок позднеантичного поселения Пивденное, в 90-100 м к северо-востоку от «*Троянова вала*» был выявлен вал меньших размеров и без рва (Сальников 1966, 177-178, рис. 1).

Еще одной особенностью участка I.4 является наличие конструктивных элементов. Первый представляет собой вал со рвом, возведенный вокруг части балки Сария и примыкающий к основному валу с юго-западной стороны. На карте 1828 года он имеет в плане вид полуовала (рис. 5), а на трехверстовках – пятиугольника длиной до 1,0 км (до шоссе на Каушаны), шириной посередине 720 м, у основания 500 м (рис. 17-18). В рельефе следы конструкции угадываются только на левом берегу балки. Тот же участок виден светлой линией на аэрофотоснимке программы «Гугл-карты». В целом можно заключить, что контуры объекта не были симметричны и не имели острых углов, а его ЮВ граница примерно совпадала с ул. Шевченко с. Пивденного. Отметим также, что в этом районе трасса основного вала пролегает на расстоянии 580-600 м от берега лимана.

Вторая «пристройка» расположена в месте впадения балки Роша в балку Торопкану и отсекает часть мыса с западной стороны. На карте 1828 года она показана в виде квадрата со сторонами 900×950 м (рис. 5), на трехверстовке как пятиугольник, похожий на предыдущую конструкцию (рис. 17), а на поздних кар-

Рис. 6. Участок вала от с. Паланка до с. Оланешты: II.1 (Карта 1828, ф-т).

Рис. 7. Участки вала от с. Чобручи до с. Копанка: II.3 (Карта 1828, ф-т).

тах представлена незамкнутым полукругом радиусом 750-800 м (рис. 19). Сегодня в рельефе виден только западный угол сооружения в виде двух линий валов (по ул. Чапаева и вдоль сельского кладбища), расходящихся от въезда в село к двум названным балкам под прямым углом друг к другу.

Еще одна «пристройка» к валу расположена на северо-западном конце участка I.4 на территории села Паланка. Ее видно только на карте 1844 года в виде правильного вытянутого прямоугольника размерами около 250×200 м, расположенного вдоль края высокого берега долины р. Днестр (рис. 16).

На основании полевых наблюдений скажу, что вал на участке I.4 лучше сохранился между балками Семеновская и Сария, на землях бывшей немецкой колонии Сеймены (с конца XIX века до 1940 года). Здесь на протяжении 2,2 км он находится в лесополосе, достигая высоты 1,5-2,0 м, местами видны остатки рва. В северо-западной части отрезка фронт вала направлен не вниз по склону, а вверх, из-за чего оборонявшие не могли с вала видеть лиман, а видели только край обрыва. В этом месте стоит охранный знак с табличкой «Курганы» (46°17’24.9”N 30°08’01.7”E)[11]. Дальнейшие исследования конструкции вала наиболее перспективны на этом участке. Однако на расстоянии около 3,5 км он занят лесом заповедника «Лиманский», частично застроен усадьбами сел Садовое, Пивденное, Веселое, Красная Коса и Паланка, а также уничтожен в ходе строительства дороги Одесса - Рени, канала, ведущего из Днестра до насосной станции Семеновской оросительной системы, и других объектов.

[11] В 30-40 м к ЮВ от него, с двух сторон от вала видны остатки разрушенного подземного хода, который под углом в 45О вел на берег лимана к имению князя Г. Волконского (рис. 17).

II. Приречный (северный) отдел

На большей части он связан с левым склоном водораздела, образованного правым коренным берегом долины р. Днестр и верховьями рек бассейна Черного моря – Алкалии, Хаджидера (с притоком Каплань), Сараты (с балками Джалаир и Бабей). Гребень водораздела повышается от +100 м у села Староказачье до +170 м к югу от села Чобручи (по нему идет дорога в Каушаны). Далее трасса вала проходит по левому склону и стрелке более низкого водораздела, сформированного тем же берегом Днестра и левым берегом речки Юштубей (Штубей). К северу от села Леонтьево вал переходит на правый склон Кицканского мыса, образованного долиной Днестра и правым берегом реки Ботна. Его наиболее высокие точки на Копанской горе достигают отметок более +153 м, а потом он следует по левому берегу того же мыса до северо-восточной окраины села Плоп-Штубей. В этом отделе вал

начинается на высоте +22 м у села Паланка и достигает своего максимального возвышения +149 м в 0,4 км к северу от Ханского кургана почти в конце своего пути (рис. 21; 22).

II.1. Участок от села Паланка до села Оланешты

Здесь уместно заметить, что на одном из планов 1789 года между северным и южным отделами вала отмечен перерыв (Сапожников 2011, 222, рис. 7), что подтвердили и карты 1828 и 1844 годов (рис. 7; 16). Длина участка II.1 от центра села Паланка до северо-западной окраины села Оланешты (46°30'47.3"N 29°53'53.6"E) составляет около 20,6 км, и практически на всем протяжении вал показан на картах 1828 года и 1840 года. На них же видно овальное в плане укрепление, располагавшееся прямо между селами Коркмазы и Оланешты, на берегу озера Албазия. Его размеры можно примерно оценить как 500×400 м (рис. 6; 9-10).

И хотя на поздних картах эти объекты не отмечены, более раннее их присутствие подтверждают статистические данные. Так, в 1827-1828 годах на земельных дачах числилось: Тудорова – «под земляным валом» 8 десятин 800 кв. сажен; Коркмазы – «под земляным валом и шанцами по лугу Днестра» 13 десятин 1800 кв. сажен; Олонешты – «под Змеевым валом» 4 десятины 1400 кв. сажен (Статистическое 1899, 180, 169, 159).

II.2. Участок от села Оланешты до долины балки Юштубей

Имеет длину около 22,5 км, заканчиваясь в 1,8 км к западу от села Чобручи (46°35'35.8"N 29°39'42.5"E), где долина балки Юштубей впадала в лиман. Отличается тем, что здесь вал на картах не обозначен, а в характеристиках земельных дач сел Пуркары и Раскайцы в статистическом описании Буджака 1828 года не упоминается. Тем не менее, на делянке села Чобручи «под земляным валом» числилось 10 десятин 2000 кв. сажен (Статистическое 1899, 185) и это позволяет утверждать, что вал мог располагаться как на левом берегу балки Юштубей, так и на ее правом берегу (вдоль одноименного лимана), а далее – шел параллельно Днестру до границы с дачей села Раскайцы (рис. 7).

Нашлись и другие факты. Так, еще в июне 1888 г. А.А. Кочубинский записал, что земляной вал ему показали у села Пуркары на винограднике Н.Я. Германсона площадью 48 десятин, устроенном на старом турецком кладбище[12]. Другие местные виноделы утверждали, что и в их садах видны следы того же «Троянова вала». Сам ученый полагал, что речь шла об одном из двух участков Змеевого вала «с щанцами», который прослеживается в разных местах Нижнего Днестра и проходит в том числе «по нагорному берегу» у села Пуркары (Кочубинский 1901, 103-104, 109).

Ранее одну из причин отсутствия вала на картах этого района автор статьи усматривал в его облесённости (Сапожников 2011, 222-223). Сегодня же к ней можно добавить еще одну – крутые склоны высоких возвышенностей (гор) и их расчлененность глубокими оврагами.

II.3. Участок от села Чобручи до села Копанка

Имеет длину около 21,5 км и отличается наличием крутых извилин вдоль излучин русла Старого Днестра и его проток. До последнего времени данный участок оставался почти таким же «загадочным», как и предыдущий, так как вал на нем отражен всего на нескольких картах, отсутствуя на карте 1840 года и соответствующем листе трехверстовки.

На карте 1828 года Нижнеднестровский вал представлен двумя отрезками: от устья лимана Юштубей до озера Широкого (3,6 км) и от села Леонтьево до центра села Копанка (район церкви – 46°42'51.3"N 29°37'33.7"E) и стыка с участком II.4 (7,6 км) (рис. 7). Наличие первого участка подтверждает описание на землях села Талмазы неудобной земли «под земляным валом» площадью 2 десятины 2200 кв. сажен (Статистическое 1899, 178). Остатки второго отрезка хорошо видны на двухверстовке (лист XLV-28 «Слободзея», снятой в 1916 г.) и ряде карт Генштаба РККА (рис. 20). Они же зафиксированы в 1828 году на «участке В» как «полу-Траянов вал» площадью 2 десятины 600 кв. сажен (Статистическое 1899, 310).

[12] В 1886 г. неподалеку, на участке Машка «при копке земли, были найдены на глубине одной сажени большие широкие горшки с пеплом. Вместо ручек горшки имели ушки с небольшими дырочками в середине. Горшки были с крышками, из них два целых, а несколько других в кусках. Тут же были найдены кости и орудие в виде долота из красной меди» (Кочубинский 1901, 103).

II.4. Участок от села Копанка до реки Ботна

Имеет длину 11,0-11,3 км и известен основным валом, доходящим до северо-восточной окраины села Плоп-Штубей, двумя ответвлениями от него и в связи с локализацией лагеря Атанариха 376 года. В 1828 году на земле села Копанка под «частью полу-Траянова вала, составляющей границу, и под валом внутри дачи» было 20 десятин 400 кв. сажен (Статистическое 1899, 318). На карте 1828 года базовый вал вытянут дугой вперед к фронту, и от него в том же направлении под углом друг к другу идут два ответвления – восточное, длиной 850-900 м, до озера Загорное, и западное, длиной 3,8-3,9 км, справа от дороги в село Кицканы (рис. 8). На ней же виден и стык с участком II.3 в селе Копанка (рис. 7).

Рис. 8. Участки вала на Кицканском полуострове: II.4 (Карта 1828, ф-т).

Особо интересен фрагмент вала длиной 3,7-3,8 км, изображенный на нижней террасе реки Ботна от точки в 1,5 км к югу от резкого поворота основного вала, у дамбы-моста близ села Киркаешты (рис. 8). Важно, что на карте К. Улига показано его начало длиной 700 м (рис. 21), на которое обратил внимание Р. Вульпе (1960, 263). Теперь этот участок длиной 5,2-5,3 км следует рассматривать как окончание Нижнеднестровского вала, хотя ранее для этого не было оснований (Сапожников 2011, 222-223, фото 13).

Расположение северных отвершков вала повторено на карте 1840 года, но с добавлением «Укрепления Трояна» (рис. 11), то есть Кургана Лат (Широкого) (Олофсон 1848, 552-554), посаженного на карту Н.Н. Морошаном (Moroşan 1939a, 260; рис. 22, 2). Автор статьи приводил план и разрез этого кургана-форта, нарисованные его первооткрывателем, как и другие карты района (Сапожников, Аргатюк 2018, 99-191, рис. 2-4). В свете сказанного следует признать план 1928 года в части восточного ответвления у села Копанка неверным (рис. 21). К. Улиг сообщил, что его источниками были листы двухверстовки 1872 года (XXXXV-28) и трехверстовки 1856 года (XXX-8) (Ulig 1928, 193, 247-248). Однако на обеих картах на участке между селом Копанка и рекой Ботна нет ни одного вала[13].

О состоянии валов Кицканского полуострова судить сложно, хотя их участки видны на аэрофотоснимках, особенно западное ответвление и окончание всего вала. По словам Н.Н. Морошана, вал начинался у окраины с. Копанка, где имел высоту 0,75-1,2 м, ширину 3-5 м и распахивался. Далее (к СЗ - З) он становился внушительнее, был засажен деревьями, иногда служил полевой дорогой. На правом склоне долины реки Ботна в балке Валя Леонель (Valea Leoanel) вал достигал до 4,0 м высоты[14] и 12-15 м ширины. Тут он образовывал двускатный гребень с ребрами, северное из которых было почти вдвое больше, чем южное (Moroşan 1939b, 267, pl. III, fig. 1).

Протяженность Нижнеднестровского вала от северо-западного берега Будакского лимана и западной окраины села Сергеевка до правого берега реки Ботна к северо-востоку от села Плоп-Штубей составляет 123-125 км[15] (рис. 25): I отдел – около 48-49 км с Тирой + II отдел – 75-76 км. На нем отмечены: *четыре укрепления* – близ урочища Бугаз (380-400×300 м), в селе Красная Коса (общая длина – около 2,5 км), в селе Паланка (250×200 м)[16], между селами Коркмазы и Оланешты (500×400 м)[17]; *дополнительные*

[13] Первая имеется у автора статьи в копии издания 1923-1924 гг. (ее фрагмент см. на рис. 20).

[14] Имеется в виду не высота насыпи вала, а перепад высот от дна рва до его вершины.

[15] Из них около 79 км находится на территории Республики Молдовы, а 46,4 км – в Украине.

[16] Это укрепление Н.В. Гольцева рассматривала как «укрепленный лагерь или крепость» (Гольцева 1975, 161), но неверно привязала к «с. Козачье» (Казацкому).

[17] И, возможно, лагерь близ вала к В от южной окраины с. Беленькое (см. выше).

Рис. 9. Участки вала у сс. Паланка и Тудорово: I.4 и II.1 (Карта 1840, лист 8; ф-т).

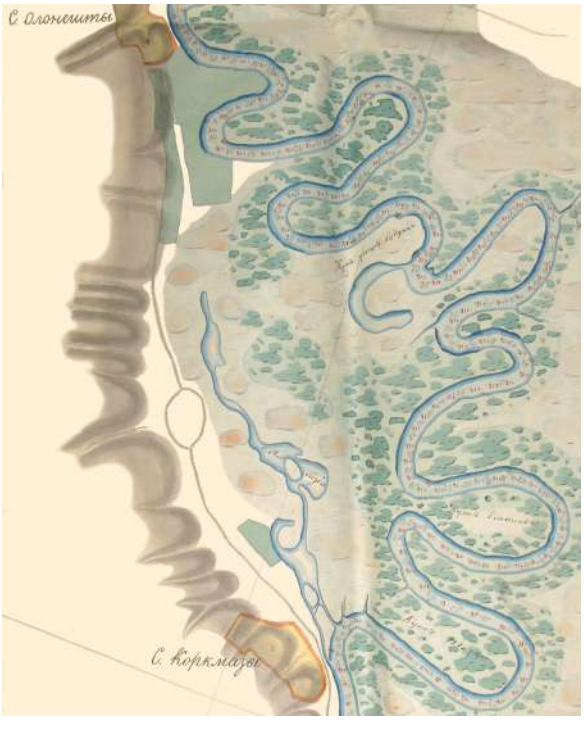


Рис. 10. Участки вала между сс. Коркмазы и Оланешты: II.1 (Карта 1840, лист 8; ф-т).

защитные линии – у села Семеновка (длина обвода оврага – 2,4-2,5 км) и *два противообходных ответвления* к западу – северо-западу от села Копанка (восточный – 850-880 м и западный – 3,7-3,8 км). Это добавляет еще 10,5-11,0 км валов со рвами.

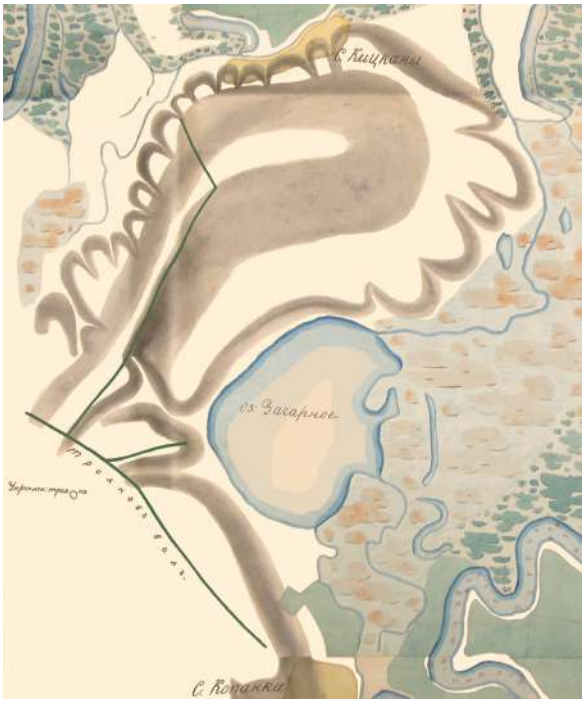


Рис. 11. Участок вала на Кицканском полуострове: II.4 (Карта 1840, лист 8; ф-т).

В итоге это составляет **133,7-136,2 км** земляных сооружений от Черного моря до реки Ботна. Если добавить к этому фортификацию Тиры, курган-форт Могила Лат, водную гладь Днестровского лимана, плавни и озера широкой долины и участки обрывистых берегов, то перед нами предстает мощная и продуманная линия обороны. Для сравнения скажу, что протяженность Нижнего Траянова вала составляет 125,4 км (Сапожников 2020), а Верхнего Траяна (без валов Кицканского полуострова) – 105,4 км (Ulig 1928, 190; Крынджалов 1943, 19), и на них подобные сооружения неизвестны.

Очевидно, что вдоль Нижнеднестровского вала проходила дорога, были устроены переезды и мостовые переходы в долинах балок, деревянные палисады (частоколы) по вершине валов и рогатки в оврагах. Такой колоссальный объем строительства потребовал не только огромного количество рабочей силы, но и продолжительного времени, что следует учитывать при датировке укрепления. Не исключено также, что там, где вал не был зафиксирован топографами, особенно на залесённых крутых склонах северо-западной части маршрута, он мог и не насыпаться.

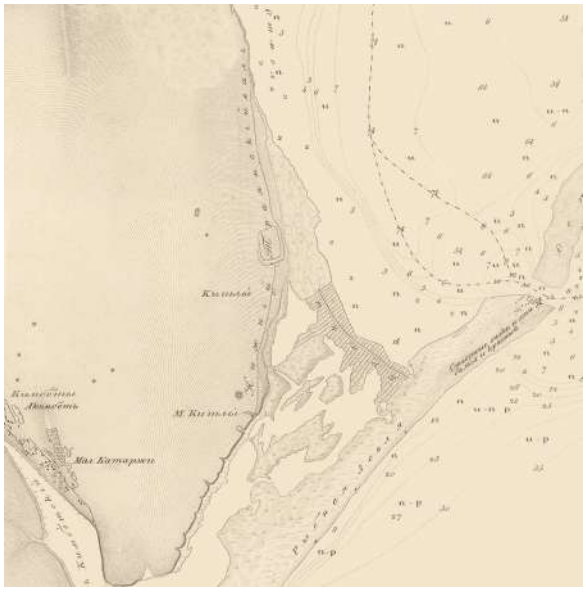


Рис. 12. Приморский участок вала: I.1 (Карта 1844, ф-т)

Рис. 14. Участок вала на берегу Днестровского лимана: I.3 и I.4 (Карта 1844, ф-т).

Рис. 13. Участок вала на кучугурах: I.2 (Карта 1844, ф-т).

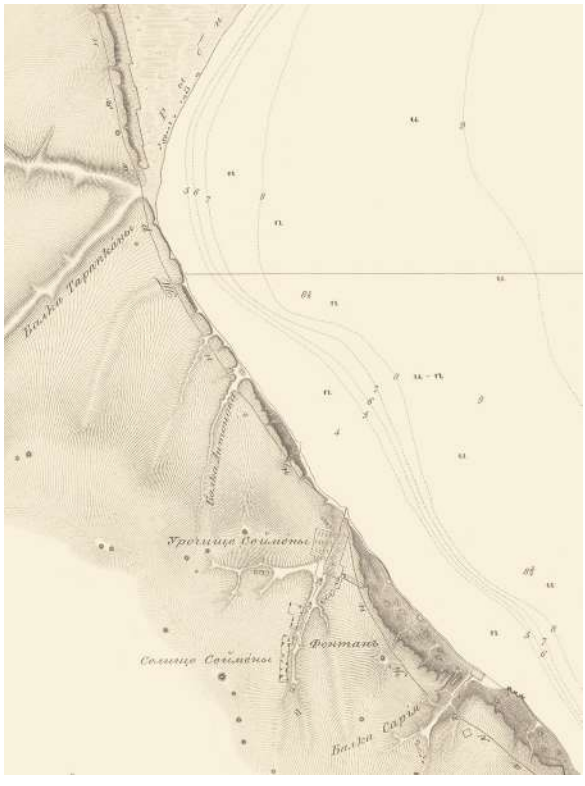


Рис. 15. Участок вала на берегу Днестровского лимана: I.4 (Карта 1844, ф-т).

В настоящее время от памятника сохранились земляные валы и рвы разной степени сохранности (вплоть до светлых линий на поверхности). На них визуально не видно следов бермы, возвышений от башен и прочего. Вал раскапывался в 1977, 1989, 1990 годах на поселениях Молога II и Веселое III (Гудкова 1978; Малюкевич 1990; Малюкевич 1991; Малюкевич 1999, 43; и др.)[18]. В 1998 году Мологская экспедиция ОАМ НАНУ сделала разрез вала в 1,4 км на северо-запад от границы первого поселения, напротив кургана (рис. 14). Расплывшийся вал имел ширину до 8,5 м при высоте 0,8 м. Под центром насыпи находилось кострище

[18] Материалы не опубликованы. В 1998 г. разрез сделан вне границ поселения (Малюкевич 1999).

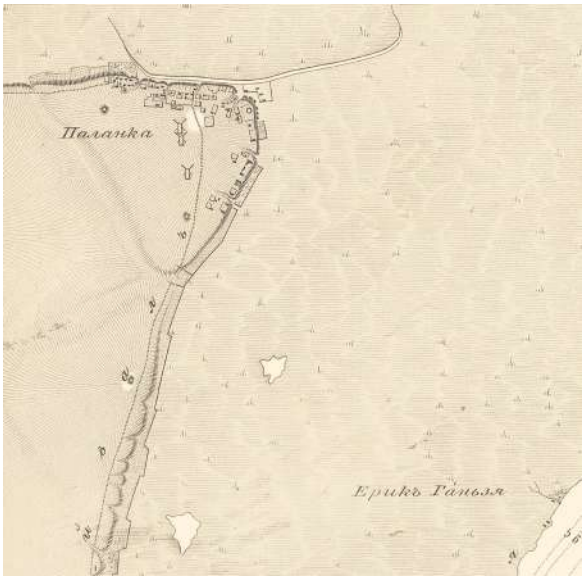


Рис. 16. Стык двух отделов вала у с. Паланка: I.4 и II.1 (Карта 1844, ф-т).

диаметром более 1,0 м, в котором сохранился слой золы, рядом лежали два квадратных блока известняка размерами 55×50×30 см. С северо-восточной стороны прослеживалась берма шириной 2,0-2,5 м, а за ней – полукруглый в сечении ров шириной 7,0-8,0 м и глубиной 2,7-2,8 м. В насыпи обнаружены два фрагмента светлоглиняной амфоры III века н.э. (Малюкевич 1999, 43).

В июне 2020 года автор организовал там же изыскания организации «Спадщина України» с применением георадара Akula 9000C. Первая линия была пробита в 480 м к северо-западу от раскопа IV. Полученная картина подтвердила изложенные данные, но без камней. Второй разрез длиной 16,5 м был выполнен в 640 м к северо-зааду от той же точки. На этот раз прибор показал наличие рва глубиной 2,8-2,9 м и две линии продольных аномалий, расстояние между которыми 5,5-5,9 м. Последние можно интерпретировать как каменные облицовки эскарпа и контрэскарпа, что является еще одним аргументом в пользу мощности этого укрепления, но нуждается в проверке.

Интерпретации такого памятника должно предшествовать датирование, и группа Ф.Н. Лисецкого провела на вале почвенно-хронологические исследования еще в 1992 году. Серия разрезов, заложенная в трех местах (два – на поселении Малога II и одно – поблизости от него), показала следующее. Насыпь толщиной

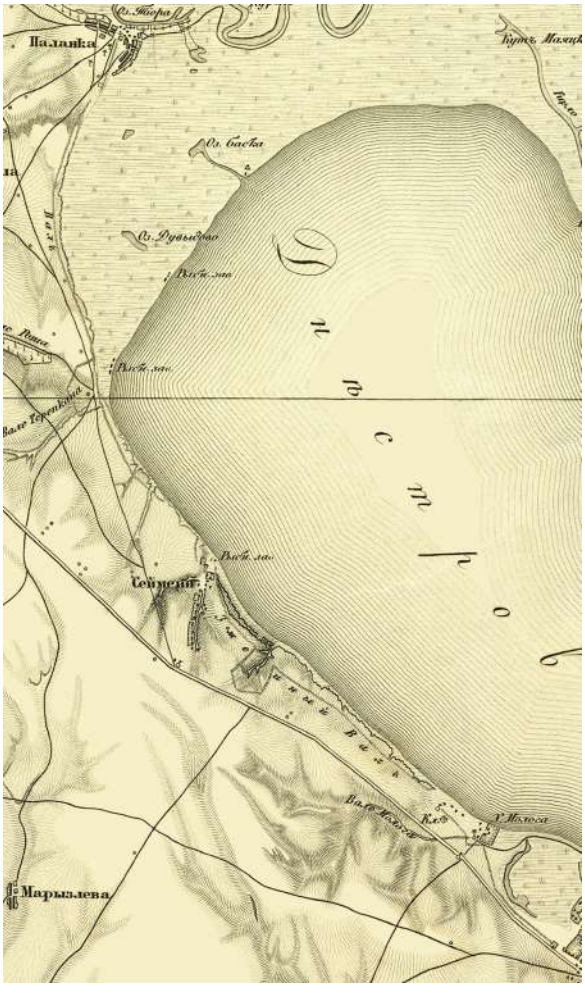


Рис. 17. Вал на берегу Днестровского лимана: I.4 (Карта трехверстовка 1856 г., лист XXXI-8, ф-т).

1,25 м была выполнена из гумусированных горизонтов почвы (содержание гумуса – 1,2%, карбонатов – 4,1%). Оценка возраста показала, что вал по мощности гумусового горизонта 368±48 (количество замеров n=14) мог быть *сооружен не позже первой половины IV века н.э.* (Лисецкий и др. 2013, 548-549, рис. 1, 7-9)

На поселениях Молога II и Веселое III под валом были вскрыты участки культурного слоя, остатки жилищ и хозяйственные ямы (Гудкова 1978; Малюкевич 1990; Малюкевич 1991). Первое из них в целом датируется от второй половины I века н.э. до середины III века н.э., а второе II-III веками н.э.[19] (Малюкевич, Гудкова 2013, 646 и др.). Итак, почвенно-хронологиче-

[19] Эту дату следует опустить до начала середины III в. н.э., поскольку так археологически датируется приход готов в Северо-Западное Причерноморье (Дзиговский, Сапожников 2019, 122-124).

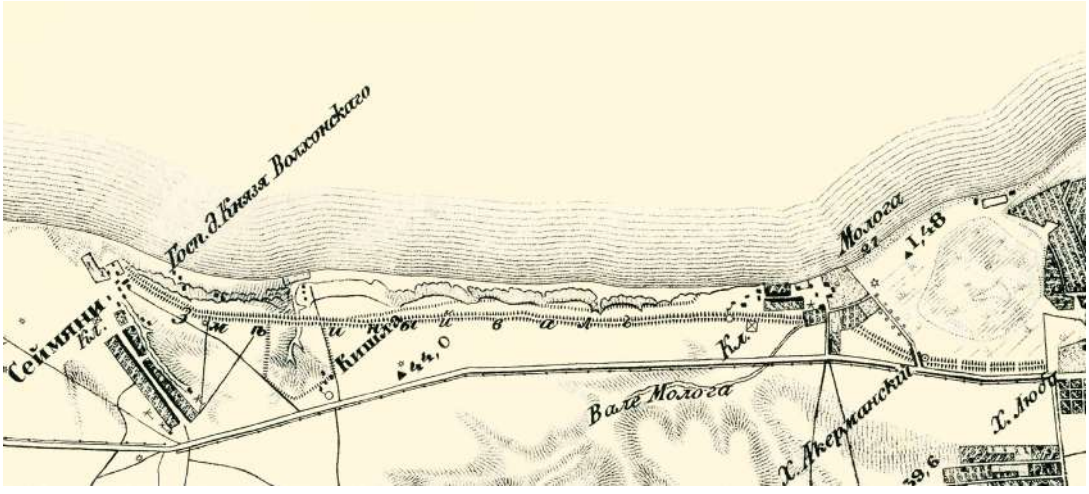


Рис. 18. Вал на берегу Днестровского лимана: I.4 (Карта трехверстовка 1870-х гг., лист XXXI-8, ф-т).

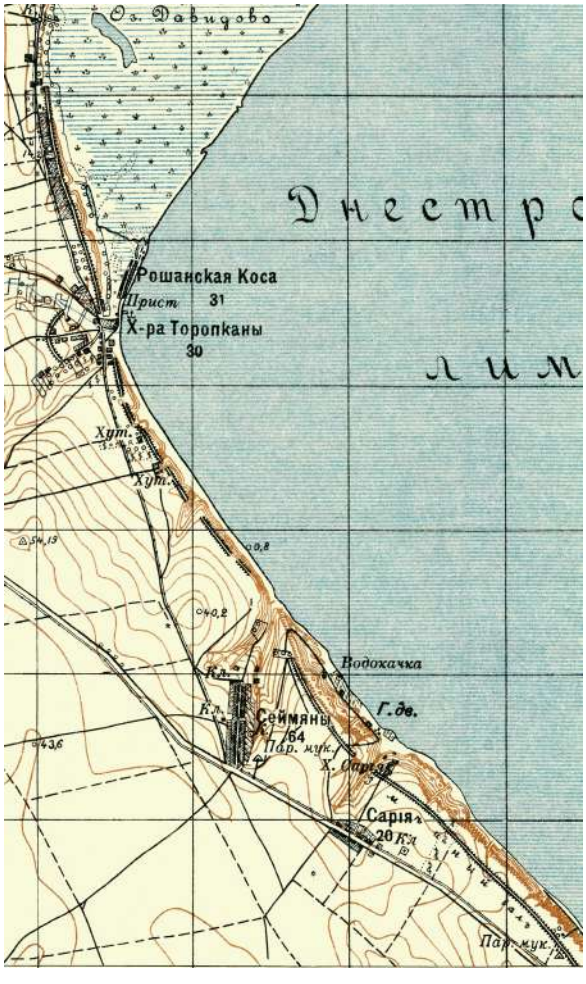


Рис. 19. Вал на берегу Днестровского лимана: I.4 (Карта двухверстовка 1917 г., лист XXXXVI-29, ф-т).

ская датировка Нижнеднестровского вала на участке II.1 корректна, но недостаточно узка.

Тем не менее она, вместе с новыми данными о топографии и устройстве вала, позволяет обратиться к его интерпретациям. В сумме они показывают, что данный вал в описанном виде и объеме мог быть построен только римлянами или местным населением под их руководством (надзором). Исходя из ситуации в Тире и вокруг нее в III-IV веках н.э. следует заключить, что такую возможность империя имела до прихода готов и до захвата ими Тиры и всего Буджака (в середине первой половины III в.)[20], и позже – в период относительной стабилизации ситуации в самом конце III - 30-х годах IV в. (Карышковский, Клейман 1985, 131-133, 137-138).

На первый взгляд, первому сценарию противоречит верхняя датировка поселения Молога II, но ведь вал можно было построить и тогда, когда незанятая им часть последнего продолжала функционировать. Правда, проверить это можно только после публикации выявленных под валом материалов и уточнения их хронологии. Еще одним маркером первой даты может быть хронология поселений хоры римской Тиры на левом берегу Днестра. Самыми яркими являются две тирские надписи 201 и 182 годов н.э., выявленные в 1846 и 1881 годах в селах Коротное и Чобручи (Брун 1879;

[20] В письменных источниках впервые готы вместе с карпами упоминаются у римских границ и низовьев Дуная около 238 г. н.э. П. Патрикием (Павленко, Сон 1991, 10).

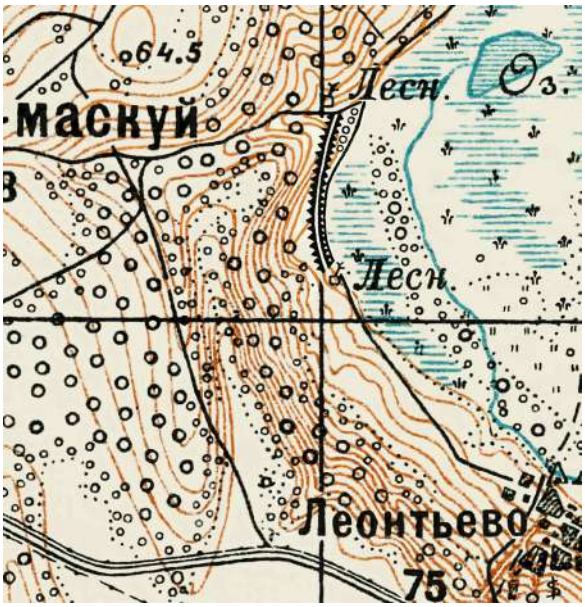


Рис. 20. Вал между сс. Леонтьево и Копанка: II.3 (Карта двухверстовка 1916 г., лист XXXXV-28, ф-т).

Юргевич 1883), а также мраморный столб с двумя ольвийскими надписями II и III веков н.э., найденный в селе Троицкое в 1912 году (Кашуба, Сапожников 2020). В хору Тиры без сомнения входило городище Никоний (примерно с 100 г. до конца первой половины III в. н.э.), на котором существовала каменная оборонительная стена с башнями (Бруяко и др. 2008, 7, 9, 180-184; и др.). Кстати, на поселении Овидиополь ряд римских находок из погребений относятся даже к более раннему времени (Сапожников и др. 2018, 7-9).

Что касается второго сценария, то он уже был озвучен: «Наиболее вероятной датировкой сооружения вала <...> является первая половина IV века. После вторичного подчинения императором Константином Великим земель севернее Дуная необходимо было принять меры наиболее эффективной гарантии результатов римской победы как дипломатическим путем, так и посредством оборонительных работ» (Вульпе 1960, 274). Однако дело в том, что Р. Вульпе написал это о Верхнем Траяновом вале, а на большую часть Нижнеднестровского вала он внимания не обращал и в своих построениях не учитывал (Вульпе 1960; и др.). На Нижнеднестровский вал не обращали внимания и другие исследователи (см. Федоров 1960, 76-80), хотя в последнее время ситуация меняется (см.: Popa, Ştefan 2017).

Более того, Р. Вульпе, вслед за К. Улигом, не увидев остатков вала между Копанкой и Паланкой, просто присоединил к Верхнему Траянову валу северо-западное окончание рассматриваемого нами укрепления. Надо признать, что сам он прекрасно понимал, что направление основной части Верхнего Траяна (от Леова до Киркаешт) на север не соответствует главной стратегической идее валов у Копанки (и тем более – далее вниз и вдоль Днестра). Более того, он сам не раз подчеркивал, что его маршрут не продуман и стратегически ущербен, исполнение грубо и небрежно, а потому он был построен варварами – вероятнее всего, гревтунгами против тервингов «по соглашению с римлянами» (Вульпе 1960, 263-265; Сапожников 2011, 220 и др.).

Добавлю, что в районе сближения Нижнеднестровского вала с Верхним Траяном у долины реки Ботна их маршруты стыкуются плохо (Кырнджалов 1943, 18-19), даже если не брать во внимание окончание первого вдоль правого берега реки Ботна (рис. 8; 22; и др.), Чтобы показать обратное, К. Улиг препарировал изображение этого участка (рис. 21), не представив копию использованных им карт (см. выше), как и Р. Вульпе (1960, рис. 2). Они же проигнорировали и ботнинский отрезок Нижнеднестровского вала, наличие которого в сумме с вышесказанным говорит, что это были две разные линии обороны, причем Верхний Траян более поздний.

Однако этим парадоксы не закончились, так как К. Улиг и Р. Вульпе называли Верхний Траян валом гревтунгов, а второй из них разместил «просторный лагерь» Атанариха 376 года у Нижнеднестровского вала. На его схеме лагерь в виде квадрата отмечен на Кицканском мысу к северу от вала (рис. 24). Очевидно, что такая привязка абсурдна, так как лагерь лишился бы защиты вала и стал более уязвим для гуннов, нападавших с левого берега Днестра. Гораздо лучше для этой роли подходит упомянутый курган-форт Могила Лат (рис. 11; 22/2), но это предположение требует проверки.

М.Б. Щукин увидел в этой схеме реальную карту и отметил, что «около с. Копанка заметны и сегодня некие ответвления Верхнего вала, образующие четырехугольник, хотя и не очень отчетливые. По размерам и очертаниям они вполне могли бы оказаться и лагерем, но разного рода шанцевые сооружения могли строиться

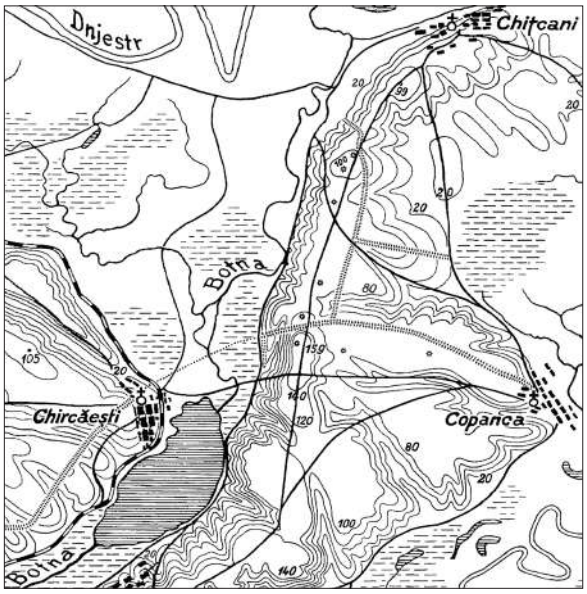


Рис. 21. Карта района окончания Нижнеднестровского вала и начала Верхнего Траяна: I.4 (Uhlig 1928, умен.).

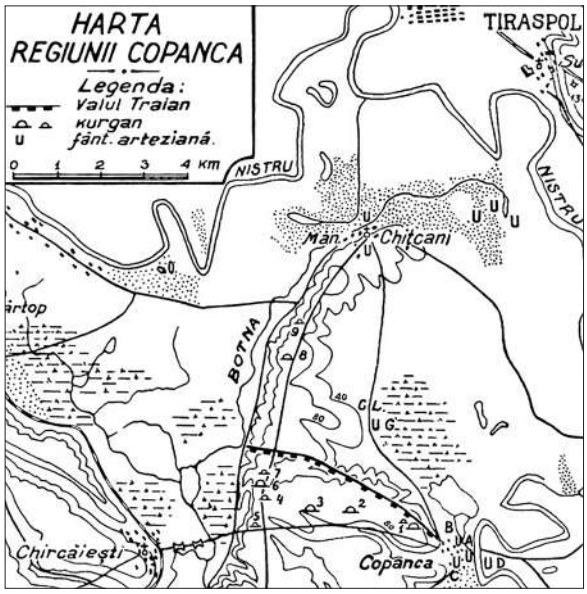


Рис. 22. Карта-схема курганов и валов Кицканского полуострова: I.4 (Moroşan 1939a, умен.).

Рис. 23. Участок вала на берегу Днестровского лимана: I.1 (Карта L36-61-Г 1959 г., ф-т).

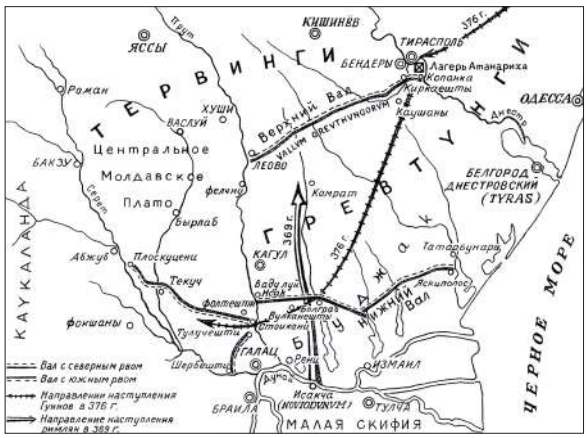


Рис. 24. Схема-реконструкция основных валов Северо-Западного Причерноморья в 369-376 гг. (Вульпе 1960, ф-т).

в этом стратегически важном пункте в самое разное время, а никаких находок эпохи Атанариха [черняховской культуры] в Копанке пока не сделано. Я сам <…> ходил разведкой в этом регионе <…> и четырехугольник валов, обозначенный на карте Р. Вульпе, теперь на распашке практически не заметен» (Щукин 2005, 234).

В этой связи добавлю, что в рассматриваемом районе памятники указанного времени имеются – достаточно вспомнить погребение у Одаи Монастырской, находку горшков с кремацией в селе Пуркары и черняховские поселения Копанка, Раскайцы и многие другие от вала до Черного моря (Гудкова 1999, рис. 44, п. 87, 89 и 91-115, 118-125)[21]. Другое дело, что в

[21] Надо признать, что в первой половине III в. н.э. оседлое местное население (поздние скифы и памятники типа Этулия) было малочисленнее (Гудкова, рис. 1, 1-2; рис. 10, пункты 2-3, 186).

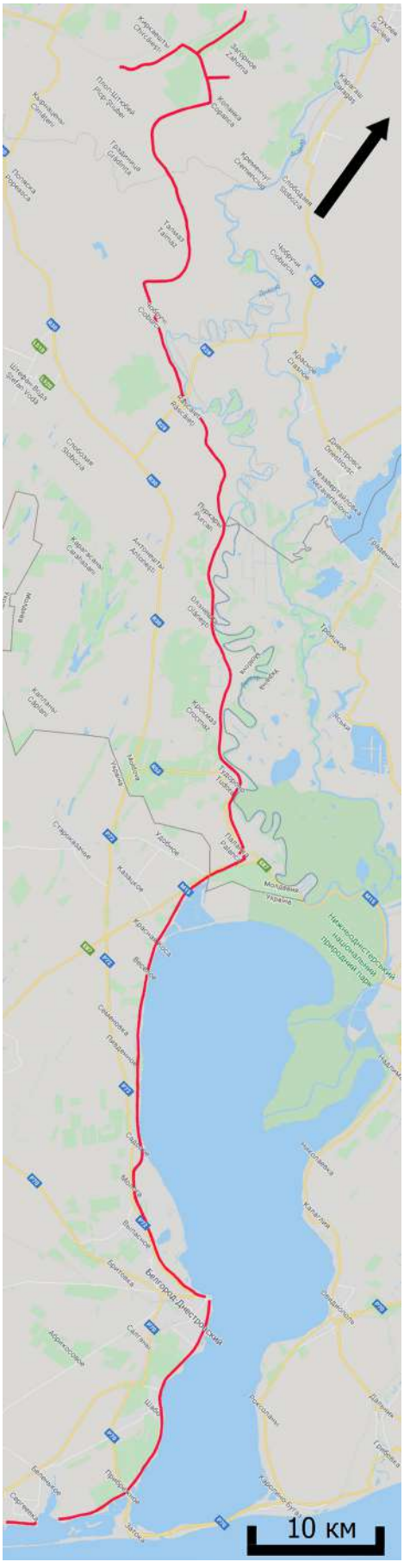


Рис. 25. Генеральная схема-реконструкция Нижнеднестровского вала (автор И. Сапожников).

более раннее время, предшествующее готскому периоду, местное население здесь действительно было малочисленнее (Гудкова 1999, рис. 1, п. 1-2; рис. 10, п. 2-4, 186), что является косвенным свидетельством в пользу интерпретации Нижнеднестровского вала как римского.

Возникает вопрос, какой из двух валов имел в виду Аммиан Марцеллин, говоря о «лагере *близ берегов Данастия* и *вала гревтунгов*»? Ответ на него дает топография, так как расстояние от Могилы Лат (46°43'40.8"N 29°35'10.4"E) до начала Верхнего Траяна на левом берегу реки Ботна составляет 3,6 км, а от того же места до Старого Днестра у села Копанка – те же 3,6 км. Итак, под валом гревтунгов римский автор, вероятнее всего, подразумевал Верхний вал, время строительства которого неизвестно[22].

Не имея данных для более узкой датировки рассматриваемого нами фортификационного объекта, но опираясь на то, что Нижнеднестровский и Верхний Траянов валы являются разными объектами, автор полагает, что сначала первый из них был построен под римлянами против готов[23], а второй возвели гревтунги, создав в итоге мощную оборонительную линию и с севера, и с северо-востока. Еще позже северо-западную часть первого вала усилили тервинги Атанариха накануне нашествия гуннов в 376 году. Третий крупный земляной вал Буджака (Нижний Траян) к тому времени почти наверняка был заброшен[24].

[22] Памятник до сих пор не датирован, хотя в 1991 г. на его берме выявили «два фрагмента поздней римской керамики» (Рошка 1991, 45). Параметры вала в этой публикации не указаны, но два разреза того же вала 2019 г. показали, что его ров по ширине и глубине уступал приведенным размерам Нижнеднестровского вала (Matveev, Vornic 2020, 72-74, fig. 3-4).

[23] Вспомним, что Л.П.Б. Кампенгаузен связывал появление вала с пребыванием в этих краях римского императора Максиминуса, который правил в 235-238 гг. от РХ (Campenhausen 1808, 61). А может быть, он окажется прав?

[24] Интересно, что А. Конан Дойль называл его «разрушившимся дакийским валом Траяна» и был уверен, что в 376 г. вдоль Днестра, в частности в Тире еще функционировали «римские крепостцы» (Конан Дойль 1991, 390, 392).

Благодарности
Автор с благодарностью вспоминает Ю.С. Москаленко (17.11.1947 - 29.05.2020), копировавшего для него в Российской национальной библиотеке в Санкт-Петербурге картографические и другие материалы, но безвременно ушедшего от нас во время написания этой статьи.

Библиография

Беккер 1853: П.В. Беккер, Берег Понта Эвксинского от Истра до Борисфена, в отношении к его древним колониям. ЗООИД III, 1853, 151-209.

Брун 1879: Ф. Брун, Остров Тирагетов и греко-латинская надпись, найденная в селе Коротном. В сб.: Черноморье. Сборник исследований по исторической географии Южной России Ф. Бруна (1852-1877), ч. I (Одесса 1879), 3-13.

Бруяко и др. 2008: И.В. Бруяко, А.Н. Дзиговский, Н.М. Секерская, Никоний римской эпохи (Измаил 2008).

Вельтман 1821: [А.Ф. Вельтман], Критика [на первую часть статьи П.П. Свиньина «Воспоминания в степях бессарабских»]. Отечественные записки, ч. 6, №12, 1821, 239-251.

Вельтман 1828а: А.Ф. Вельтман, Начертание древней истории Бессарабии с присовокуплением исторических выписок и карты (Москва 1828).

Вельтман 1828б: А. Вельтман, О древних укреплениях, под названием Траянова вала, существующих в Бессарабии. Московский телеграф, ч. 19, №4 (февр.), 1828, 568-575.

Вельтман 1837: [А.Ф. Вельтман], Воспоминание о Бессарабии. Современник VII, 1837, 226-249.

Вульпе 1960: Р. Вульпе, Верхний вал Бессарабии и проблема гревтунгов к западу от Днестра. В сб.: Материалы и исследования по археологии Юго-Запада СССР и Румынской народной республики (Кишинев 1960), 259-279.

Гольцева 1975: Н.В. Гольцева, Опыт картографирования Траяновых и Змиевых валов на юге Днестровско-Прутского междуречья. В: 150 лет ОАМ АН УССР. Тезисы докладов юбил. конференции (Киев 1975), 160-161.

Гудкова 1978: А.В. Гудкова, Отчет о раскопках поселения и могильника римского времени Молога II в 1977 г. (Одесса 1978). Архив ОАМ АН УССР, № 89241.

Гудкова 1999: А.В. Гудкова, I - IV вв. в Северо-Западном Причерноморье (культура оседлого населения). Stratum plus 4, 1999, 235-404.

Дараган 1849: [М.И.] Дараган, Военно-статистическое обозрение Российской империи. Бессарабская область (Санкт-Петербург 1849).

Дзиговский, Сапожников 2019: О.М. Дзиговский, І.В. Сапожников, Дві групи пам'яток пізньоримського часу у верхів'ях долини р. Тилігул. Археологія і давня історія України, вип. 4 (33), 2019, 109-128.

Кашуба, Сапожников 2020: М.Т. Кашуба, И.В.Сапожников, Курганы и находки у села Троицкое на Нижнем Днестре как памятники древности и объекты кладоискателей XIX - начала XX вв. Археологические вести, вып. 26, 2020 (в печати).

Карышковский, Клейман 1985: П.О. Карышковский, И.Б. Клейман, Древний город Тира: историко-археологический очерк (Киев 1985).

Конан Дойль 1991: А. Конан Дойль, Нашествие гуннов. В: Собр. соч. в 8 т., т. 5 (Москва 1991), 383-392.

Кочубинский 1901: А. Кочубинский, Тира (Тирас) – Белгород – Аккерман и его новая лапидарная надпись от 1454 года. ЗООИД XXIII, 1901, 79-198.

Крынджалов 1943: Д. Крынджалов, Валоветѣ въ Добруджа и Бесарабия и прабългарската теория (София 1943).

Кутузов 1950: М.И. Кутузов. Документы. / Л.Г. Бескровный (ред.), т. 1 (Москва 1950).

Лисецкий и др. 2013: Ф.Н. Лисецкий, П.В. Голеусов, О.А. Чепелев, Развитие черноземов Днестровско-Прутского междуречья в голоцене. Почвоведение 5, 2013, 540-555.

Малюкевич 1989: А.Е. Малюкевич, Отчет о раскопках поселений Молога II и Затока I в 1989 г. (Одесса 1990). Архив ОАМ НАНУ, № 90644.

Малюкевич 1991: А.Е. Малюкевич, Отчет о раскопках поселения Веселое III в 1990 г. (Одесса 1991). Архив ОАМ НАНУ, № 91035.

Малюкевич 1999: А.Е. Малюкевич, Охранные исследования Моложской экспедиции. В сб.: Охрана и исследования памятников археологии в Одесской области, вып. I (Одесса 1999), 38-43.

Малюкевич, Гудкова 2013: А.Е. Малюкевич, А.В. Гудкова, Позднескифская культура. В: Древние культуры Северо-Западного Причерноморья (Одесса 2013), 644-657.

Олофсон 1848: [А.А.] Олофсон, Примечательные курганы Бессарабской области в Бендерском уезде. ЗООИД II, 1848, 550-554.

Сальников 1966: А.Г. Сальников, Итоги полевых исследований у с. Пивденное (1960-1962 гг.). МАСП 5, 1966, 176-234.

Павленко, Сон 1991: Ю.В. Павленко, Н.О. Сон, Пізньоантична Тіра та ранньодержавне об'єднання візіготів. Археологія 2, 1991, 10-16.

Рошка 1991: А.И. Рошка, К вопросу об изучении Траяновых валов на территории Молдавии. В: История и археология Нижнего Подунавья. Материалы научно-практической конференции (Рени 1991), 44-45.

Сапожников 1999: І.В. Сапожников, Хаджибей та Північне Причорномор'я 1780-х років (Іллічівськ 1999).

Сапожников 2011: И.В. Сапожников, Древние валы Бессарабии или Буджака: из истории картографирования в XVIII-XIX вв. МАСП 12, 2011, 206-236.

Сапожников 2013: И. Сапожников, Новые картографические материалы о древних валах Бессарабии. Tyragetia s.n. VII/1, 2013, 345-354.

Сапожников 2017: И. Сапожников, Древние валы и дороги района переправы через Дунай у озера Картал: опыт картографической стратиграфии. Tyragetia s.n. XI/1, 2017, 213-225.

Сапожников и др. 2018: И. Сапожников, В. Левчук, А. Синельников, Комплекс античных находок из Аджидерской крепости: к датировке поселения Овидиополь и «Могилы Овидия». Емінак I/4 (22), 2018, 5-14.

Сапожников, Яровой 2017: И. Сапожников, Е. Яровой, Описание Восточной Европы конца XVIII – начала XIX вв.: к 270-летию со дня рождения Л.-П.-Б. Кампенгаузена. Південний захід. Одесика 22, 2017, 9-42.

Свиньин 1867: П. Свиньин, Описание Бессарабской области. ЗООИД VI, 1867, 175-320.

Статистическое 1899: Статистическое описание Бессарабии собственно так называемой или Буджака с приложением генерального плана его края, составленное при гражданской съемке Бессарабии, производившей по Высочайшему повелению размежевание земель оной на участки с 1822 по 1828 год (Аккерман 1899).

Струве 1867: О. Струве, Археологические заметки по поводу посещения Аккермана и его окрестностей в летнее время 1866 года. ЗООИД VI, 1867, 605-611.

Федоров 1960: Г.Б. Федоров, Население Пруто-Днестровского междуречья в I тысячелетии н.э. МИА, № 89, 1960.

Черняков 1966: И.Т. Черняков, Памятники эпохи поздней бронзы на берегах Днестровского лимана. МАСП 5, 1966, 226-234.

Щукин 2005: М.Б. Щукин, Готский путь. Готы, Рим и черняховская культура (Санкт-Петербург 2005).

Юргевич 1883: В. Юргевич, Открытая в 1881 г. в сел. Чобручи греческая надпись древнего города Тиры. ЗООИД XIII, 1883, 7-16.

Chetraru et al. 2003: N. Chetraru, A. Moraru, N. Răileanu, Nicolae Moroşan – drama unui savant (Chişinău 2003).

Matveev, Vornic 2020: S. Matveev, V. Vornic, Cercetări arheologice preventive la Valul lui Traian de Sus (Gradişte-Costangalia, r-nul Cimişlia) în anul 2019. In: Cercetări arheologice în Republica Moldova. Campania 2019 (Chişinău 2020), 72-74.

Moroşan 1939a: N.N. Moroşan, Geologia regiunii Copanca. Buletinul de cercetări sociale a României. Regionala Chişinău, vol. 2, 1938 (Chişinău 1939), 41-82.

Moroşan 1939b: N.N. Moroşan, Preistoria regiunii Copanca. Buletinul de cercetări sociale a României. Regionala Chişinău, vol. 2, 1938 (Chişinău 1939), 247-270.

Popa, Ştefan 2017: D. Popa A., Ştefan, Anything new about the Trajan's Valla in Southern Bessarabia? An argument for beginning an interdisciplinary investigation. In: Tracing Linear Archaeological Sites (Piteşti 2017), 37-40.

Campenhausen 1808: P.B. Campenhausen, Travels through several provinces of the Russian Empire; with an historical account of the Zaporog Cossacks, and of Bessarabia, Moldavia, Wallachia, and the Crimea (London 1808).

Uhlig 1928: C. Uhlig, Die Wälle in Bessarabien, besonders die sogenannten Traianswälle. Praehistorische Zeitschrift 19/3-4, 1928, 185-250.

Основные использованные карты

1. Карта 1828: «Карта Бессарабии, собственно так называемой, или Буджака, представляющая 1-е: земли, отмежеванные под выгон к городам и к соляным озерам, а также отведенные для казенных селений, немецких и задунайских колоний; 2-е: участки населенных земель, принадлежащих казне; 3-е: пустопорожние земли, Всемилостивейше пожалованные частным лицам; 4-е: владения, принадлежащие духовенству; 5-е: земли спорные с казною. Составлена с 1822 по 1828 г.» Рукоп. в цвете, М : 5 верст в дюйме, 92 × 176 см (РО РНБ, ф. 342, д. 447).

2. Карта 1840: «Гидрографическая карта реки Днестра от реки Збруча, отделяющей Галицию от Подольской губернии, до впадения его в Днестровский лиман. Составлена комиссиею, учрежденною для рассмотрения проекта об устройстве судоходства по реке Днестр в 1840-м году; членами ея Бессарабским областным землемером коллежским асессором Эйтнером, чиновником по особым поручениям Новорос. и Бессар. генерал-губернатора титулярным советником Чеповским и прикомандированным к сей комиссии Сорокским уездным землемером Владиславом Сковронским». Рукоп. в цвете. М : 250 саж. в

дюйме (1 : 10 500). На 9 листах размерами 160x100 см. Хранилась в ООИД (Бертье-Делагард 1888. – С. 28-29; ныне в НБУВ, № 16822).

3. **Карта 1844:** Карта «Днестровский лиман». Снимал штабс-капитан С. Радионов. – Николаев: Гидрографическая часть морского порта, 1844 г. М : 1 морск. миля в дюйме (Печат., М 1 : 58464). // American Geographical Society Library Digital Map Collection: https://collections.lib.uwm.edu/digital/collection/agdm/id/24856/rec/27

Valul de pe Nistrul Inferior (al Şerpilor) – parte a limesului Imperiului Roman: cercetare cartografico-arheologică

Cuvinte-cheie: Republica Moldova, regiunea Odesa, Bugeac, fortificaţie cu valuri de pământ, valul de pe Nistrul Inferior, Valul lui Traian de Sus (al greutungilor), cartografie, istoria studierii, parametri şi construcţie, datare, limesul Imperiului Roman.

Rezumat: Articolul este consacrat uneia dintre cele mai puţin cunoscute fortificaţii de pământ din partea de sud a interfluviului Nistreano-Dunărean, sau Bugeac – valului de pe Nistrul Inferior (al Şerpilor). Pentru prima dată l-a descris L.P.B. Campenhausen în 1789, l-a cercetat A.F. Veltman în anii 1820, ulterior istoricii l-au dat uitării, iar arheologii l-au cercetat în cadrul săpăturilor altor situri. Autorul a prezentat istoria studierii obiectului şi a restabilit traseul lui în baza hărţilor din anii 1820-1840. Astăzi se poate afirma că valul a fost ridicat pe malul drept al văii Nistrului, de la s. Sergheevka, lângă Marea Neagră, până la malul drept al r. Botna, lângă s. Plop-Ştiubei, pe o întindere de 123-125 km, iar lungimea totală a construcţiilor lui (cu fortificaţiile suplimentare şi apărarea taberelor) ajungea la 134-136 km. Întrucât valul este ridicat pe aşezările sciţilor târzii Mologa II şi Vesioloe III, limita lui cronologică inferioară poate fi stabilită la începutul sec. III e.n., iar limita cronologică superioară, conform cercetărilor pedologico-cronologice ale lui F.N. Liseţkii, este mărginită de începutul celei de-a doua jumătăţi a sec. IV e.n. Plecând de la situaţia istorică din Tyra şi împrejurimile ei din această perioadă, autorul a conchis că o fortificaţie atât de semnificativă au construit-o romanii pe la mijlocul primei jumătăţi a sec. III e.n.

Lista ilustraţiilor:

Fig. 1. Fragmente ale valului de pe Nistrul Inferior pe planul din 1789: sectorul I.4 (Кутузов 1950, fragment).
Fig. 2. „Harta istoriei antice a Basarabiei” a. 1827 (Вельтман 1826, fragment).
Fig. 3. Fragmentul de val din zona litoralului: I.1 (Hartă din a. 1828, fragment).
Fig. 4. Fragment al valului de la Akerman până la m. Mologa: I.3 (Hartă din a. 1828, fragment).
Fig. 5. Fragment al valului de la m. Mologa până la s. Palanca: I.4 (Hartă din a. 1828, fragment).
Fig. 6. Fragment al valului de la s. Palanca până la s. Olăneşti: II.1 (Hartă din a. 1828, fragment).
Fig. 7. Fragmente ale valului de la s. Ciobruciu până la s. Copanca: II.3 (Hartă din a. 1828, fragment).
Fig. 8. Fragmente ale valului pe peninsula Chiţcani: II.4 (Hartă din a. 1828, fragment).
Fig. 9. Fragmente ale valului lângă satele Palanca şi Tudora: I.4 şi II.1 (Hartă din a. 1840, fila 8, fragment).
Fig. 10. Fragmente ale valului între satele Corcmaz şi Olăneşti: II.1 (Hartă din a. 1840, fila 8, fragment).
Fig. 11. Fragment al valului de pe peninsula Chiţcani: II.4 (Hartă din a. 1840, fila 8, fragment).
Fig. 12. Fragmentul de val din zona litoralului: I.1 (Hartă din a. 1844, fragment).
Fig. 13. Fragment al valului pe cuciuguri: I.2 (Hartă din a. 1844, fragment).
Fig. 14. Fragment al valului pe malul Limanului Nistrului: I.3 şi I.4 (Hartă din a.1844, foto).
Fig. 15. Fragment al valului pe malul Limanului Nistrului: I.4 (Hartă din a. 1844, fragment).
Fig.16. Junctura a două secţiuni ale valului lângă s. Palanca: I.4 şi II.1 (Hartă din a. 1844, fragment).
Fig. 17. Valul pe malul Limanului Nistrului: I.4 (Hartă la scara de trei verste pe ţol din a. 1856, fila XXXI-8, fragment).
Fig. 18. Valul pe malul Limanului Nistrului: I.4 (Hartă la scara de trei verste pe ţol din aa. 1870, fila XXXI-8, fragment).
Fig. 19. Valul pe malul Limanului Nistrului: I.4 (Hartă la scara de două verste pe ţol din a. 1917, fila XXXXVI-29, fragment).
Fig. 20. Valul între satele Leonievo şi Copanca: II.3 (Hartă la scara de două verste pe ţol din a. 1916, fila XXXXV-28, fragment).
Fig. 21. Harta zonei de sfârşit al valului de pe Nistrul Inferior şi de început al Valului Traian de Sus: I.4 (Uhlig 1928, micş.).
Fig. 22. Harta-schemă a tumulilor şi valurilor de pe peninsula Chiţcani: I.4 (Moroşan 1939a, micş.).
Fig. 23. Sector de val pe malul Limanului Nistrului: I.1 (Harta L36-61- Г din a. 1959, fragment).
Fig. 24. Schemă-reconstituire a principalelor valuri de pe litoralul nord-apusean al Mării Negre din aa. 369-376 (Вульпе 1960, fragment).
Fig. 25. Schema-reconstituire generală a valului de pe Nistrul Inferior (autor I. Sapozhnykov).

Lower Dniester defensive wall (Serpent's Wall) as part of the limes of the Roman Empire: cartographic and archaeological research

Keywords: Republic of Moldova, Odessa region in Ukraine, Budzhak, earthworks, Lower Dniester (Serpent's) Wall, Upper Trajan's (Greuthungi's) Wall, cartography, history of research, dating, parameters and design, limes of the Roman Empire.

Abstract: The article is dedicated to one of the least known earthen fortifications in the southern part of the Dniester-Danube interfluve or Budzhak – the Lower Dniester (Serpent's) Wall. It was first described by L.P.B. Campenhausen in 1789 and then researched by A.F. Veltman in the 1820s, but later historians forgot about it, and archaeologists researched it during excavations at other sites. The author presented the history of studying the object and also reconstructed its route on the basis of maps of the 1820-1840s. Today we can say that the wall lies on the right bank of the Dniester, from the village of Sergeevka, near the Black Sea, to the right bank of the Botna River, near the village of Plop-Ştiubei, on an area of 123-125 km, and the total length of its structures (with additional fortifications and the defense of the camps) reached 134-136 km. Since the wall lies on the settlements of Mologa II and Veseloe III, which belonged to the late Scythians, its lower chronological limit can be defined as the beginning of the 3rd century AD, and the upper chronological limit, according to the pedological-chronological researches by F.N. Lisetsky, is the beginning of the second half of the 4th century AD. Based on the historical situation in Tyra and its environs during this period, the author concluded that such a significant fortification was built by the Romans around the middle of the first half of the 3rd century AD.

List of illustrations:

Fig. 1. Parts of the Lower Dniester Wall on the map of 1789: section I.4 (Кутузов 1950, a fragment).
Fig. 2. «Map of the Ancient History of Bessarabia», 1827 (Вельтман 1826, a fragment).
Fig. 3. Part of the wall near the Black Sea: section I.1 (the 1828 map, a fragment).
Fig. 4. Part of the wall from the city of Akkerman to the Mologa gully: section I.3 (the 1828 map, a fragment).
Fig. 5. Part of the wall from the Mologa gully to the Palanca village: section I.4 (the 1828 map, a fragment).
Fig. 6. Part of the wall between the villages of Palanca and Olăneşti: section II.1 (the 1828 map, a fragment).
Fig. 7. Parts of the wall between the villages of Ciobruciu and Copanca: section II.3 (the 1828 map, a fragment).
Fig. 8. Parts of the wall on the Chiţcani Peninsula: section II.4 (the 1828 map, a fragment).
Fig. 9. Parts of the wall near the villages of Palanca and Tudora: sections I.4 and II.1 (the 1840 map, sheet 8, a fragment).
Fig. 10. Parts of the wall between the villages of Korkmazy and Olaneshty: section II.1 (the 1840 map, sheet 8, a fragment).
Fig. 11. Part of the shaft on the Chitscan Peninsula: section II.4 (the 1840 map, sheet 8, a fragment).
Fig. 12. Part of the wall near the Black Sea: section I.1 (the 1844 map, a fragment)
Fig. 13. Part of the wall on the *kuchugurs* (sand hills): section I.2 (the 1844 map, a fragment).
Fig. 14. Part of the wall on the bank of the Dniester estuary: sections I.3 and I.4 (the 1844 map, a fragment).
Fig. 15. Part of the wall on the bank of the Dniester estuary: section I.4 (the 1844 map, a fragment).
Fig. 16. The joint of two sections of the wall near the Palanca village: sections I.4 and II.1 (the 1844 map, a fragment).
Fig. 17. Part of the wall on the bank of the Dniester estuary: section I.4 (the 1856 "trekhverstovka" map, sheet XXXI-8, a fragment).
Fig. 18. Part of the wall on the bank of the Dniester estuary: section I.4 (the 1870 "trekhverstovka" map, sheet XXXI-8, a fragment).
Fig. 19. Part of the wall on the bank of the Dniester estuary: section I.4 (the 1917 "dvukhverstovka" map, sheet XXXXVI-29, a fragment).
Fig. 20. Wall between the villages of Leontyevo and Copanca: II.3 (the 1916 "dvukhverstovka" map, sheet XXXXV-28, a fragment).
Fig. 21. Map of the area of the end of the Lower Dniester Wall and the beginning of the Upper Trajan's Wall: section I.4 (Uhlig 1928, reduced).
Fig. 22. Schematic map of mounds and walls of the Chiţcani Peninsula: section I.4 (Moroşan 1939a, reduced).
Fig. 23. Part of the wall on the bank of the Dniester estuary: section I.1 (the 1959 map, sheet L36-61-Г, a fragment).
Fig. 24. Scheme-reconstruction of the main walls in the North-Western Black Sea region in 369-376 (Вульпе 1960, a fragment).
Fig. 25. General scheme-reconstruction of the Lower Dniester Wall (by I. Sapozhnykov).

28.07.2020

Др. хаб. Игорь Сапожников, Отдел Крыма и Северо-Западного Причерноморья Института археологии, Национальная Академия наук Украины, пр. Героев Сталинграда 12, 04210 Киев, Украина, https://orcid.org/0000-0003-3889-6714; e-mail: ssappog5@gmail.com

CAMPANIA ÎMPĂRATULUI JULIANUS ÎN PERSIA (5 MARTIE – 26 IUNIE 363). CONSIDERAȚII PRIVIND CONTRIBUȚIA FLOTEI ROMANO-BIZANTINE

Vasile Mărculeț

Cuvinte-cheie: Julianus, flota romano-bizantină, Anatha, Maiozamalcha, Persia, Ctesiphon, Euphrates, Tigris.

Primăvara-vara anului 363 consemna o nouă etapă în desfășurarea îndelungatului conflict care opunea Imperiul Romano-Bizantin Persiei Sassanide, în cadrul căruia inițiativa militară a aparținut exclusiv Constantinopolului. Ofensiva romano-bizantină s-a materializat într-o amplă și viguroasă campanie combinată, pe uscat și pe apă, organizată de împăratul Julianus Apostatul (361-363) și desfășurată între 5 martie și 26 iunie 363. Dincolo de negările și defăimările detractorilor lui Julianus, ofensiva romano-bizantină a adus statul persan în pragul prăbușirii. Numai moartea neașteptată a împăratului romano-bizantin, în urma unei răni primite în ciocnirea de la Maranga (26 iunie), a schimbat complet rezultatul campaniei, asigurând succesul Persiei Sassanide.

Pregătirea campaniei: forțele terestre și flota

Pregătirile în vederea declanșării campaniei au debutat la mijlocul verii anului 362, când Julianus a părăsit Constantinopolul, stabilindu-și reședința la Antiochia (18 iulie). Ele au durat până la sfârșitul iernii și începutul primăverii anului următor (5 martie 363).

Campania romano-bizantină împotriva statului sassanid, una combinată, pe uscat și pe apă, își află reflectarea – mai detaliată sau mai sumară – în mai multe izvoare contemporane sau tardive. Nu insistăm asupra prezentării informațiilor transmise de ele, întrucât acest lucru a fost realizat deja de o serie de istorici (Dodgeon, Lieu 2005, VII-XII). În ceea ce ne privește, precizăm doar faptul că majoritatea dintre ele pun accentul pe relatarea desfășurării campaniei terestre, operațiunile întreprinse de flota romano-bizantină aflându-se foarte puțin sau deloc în atenția lor.

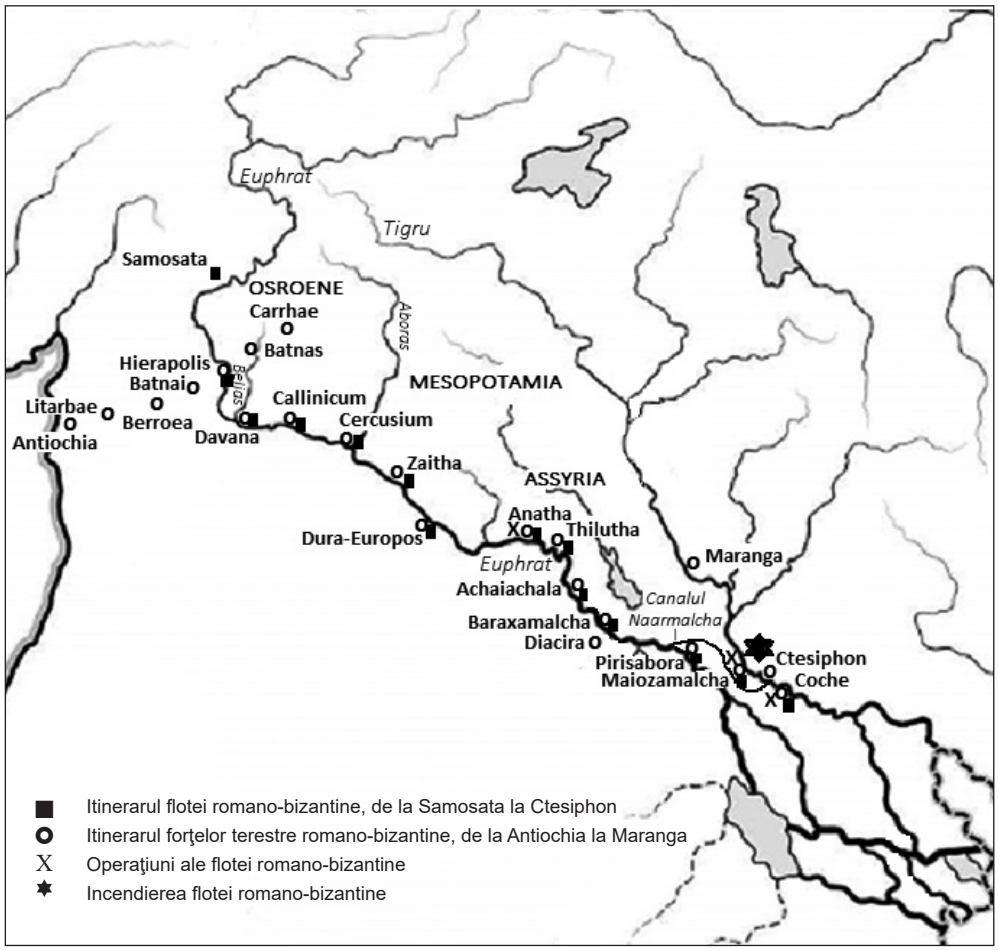
Un număr redus din aceste izvoare istorice ne oferă o serie de informații cu privire la flota romano-bizantină implicată la campanie. Unele dintre ele ne prezintă știri cu privire la numărul și la tipurile de vase participante în campanie, la rolul flotei, la operațiunile militare desfășurate de aceasta sau chiar la efectivele marinarilor. Altele se limitează doar la a semnala prezența flotei romano-bizantine în campania împotriva Persiei. În ansamblul lor, informațiile referitoare la participarea și contribuția flotei imperiale la campania din Persia au însă o consistență scăzută.

Efectivele mobilizate nu sunt cunoscute cu exactitate. Informațiile transmise de izvoarele pe care le deținem sunt incomplete și parțiale, ele referindu-se doar la anumite componente ale armatei romano-bizantine.

Spre exemplu, istoricul bisericesc Philostorgius consemnează succint că Julianus a părăsit Constantinopolul și s-a îndreptat spre Syria „cu toată armata" lui (Philostorgius 2007, 7.4c; Filostorgiu 2012, VII.4c). Care au fost efectivele avute de „toată armata" lui Julianus, autorul nu precizează.

Unii istorici moderni i-au atribuit sofistului Libanius estimarea armatei imperiale, angajată în campania împotriva Persiei Sassanide, la 100.000 de militari (Müller 1900, 54). O asemenea atribuire este însă lipsită de orice temei. În lucrările sale referitoare la campania din Orient a lui Julianus, Libanius nu realizează nicio estimare a forțelor imperiale.

În a doua jumătate a secolului al XII-lea, Mihail Syrianul, patriarhul iacobit al Antiochiei, consemna, în cronica lui, că Julianus a intrat în Persia „cu 395.000 de combatanți" (Michel le Syrien 1899 [1963], 281). Mai mult chiar, din relatarea lui reiese clar faptul că efectivele totale ale forțelor imperiale au fost mult mai numeroase, deoarece, conchide el, cei 395.000 de combatanți erau „fără a-i socoti pe cei care transportau încărcătu-



Campania romano-bizantină împotriva Persiei Sassanide din anul 363

rile, făurarii, artizanii şi restul" (Michel le Syrien 1899 [1963], 281). Cifra transmisă de Mihail Syrianul este una absolut neverosimilă, astfel că ea nici nu poate fi luată în discuţie.

Dintre toate sursele de care dispunem, cronica lui Zosimus, redactată însă în secolul al V-lea, ne oferă informaţiile cele mai veridice cu privire la efectivele armatei angajate de Julianus împotriva Persiei Sassanide. Autorul romano-bizantin înregistrează faptul că forţele terestre participante la campanie, respectiv „legiunile de pedestraşi şi trupele de călăreţi, aveau şaizeci şi cinci de mii de oameni, în total" (Zosimus 1837, 3.13; Zosimus 1982, 3.13.1). Constatăm însă că nici Zosimus nu face vreo referire la efectivele marinarilor flotei imperiale.

Forţelor imperiale li se adăugau contingentele militare ale aliaţilor imperiului. Se miza, mai ales, pe colaborarea cu oştile regelui Arsaces al Armeniei (350-364 sau 339-369) (Julian 1923, nr. 57; Ammiano 2013, XXIII.3.2; Ammianus 1986, 23.2; Ammianus 1982, XXIII.2.2). Efectivele trupelor armene erau apreciate, cu rezerve, de Ilkka Syvanne la circa 50.000-70.000 de oameni (Syvanne 2018, 77). Împăratul putea conta, de asemenea, şi pe sprijinul unor triburi arabe. Ammianus Marcellinus relatează că, în timp ce împăratul se afla la Callinicum, s-au prezentat în faţa lui „regişorii saracenilor (Saracenarum reguli gentium)", care, în semn de supunere, i-au oferit „o coroană de aur", iar el i-a primit cu încântare, văzând în ei „nişte ajutoare viitoare în război" (Ammiano 2013, XXIII.3.8; Ammianus 1986, 23.3; Ammianus 1982, XXIII.3.8; Cf. Shahîd 2006, 114).

În condiţiile absenţei altor informaţii referitoare la acest aspect, şi opiniile istoricilor moderni diferă. Unii dintre ei s-au pronunţat în favoarea cifrei de 100.000 de oameni, atribuită, fără temei, lui Libanius, alţii o acceptă pe cea transmisă de Zosimus şi susţin că, pentru componenta terestră a campaniei împotriva sassanizilor, împăratul Julianus a mobilizat un număr de 65.000 de militari,

alţii, în urma unor calcule proprii, întemeiate pe informaţii provenite din celelalte surse, susţin că efectivele angajate în campanie s-au ridicat până la 95.000 de oameni sau chiar până la 130.000 de soldaţi (Cf. Müller 1900, 54; Cf. Piganiol 1972, 141; Cf. Hunt 2008, 74; Cf. Tantillo 2010, 82; Cf. Gnoli 2015, 109).

În ceea ce ne priveşte, considerăm că informaţiile contradictorii, transmise de izvoare, nu ne permit o estimare exactă a efectivelor de militari romano-bizantini, mobilizaţi de Julianus pentru campania din Persia. Calculele făcute pe baza acestor informaţii ne conduc spre rezultate diferite unele de altele, care, în loc să simplifice, complică şi mai mult soluţionarea problemei.

Un astfel de exemplu îl reprezintă acceptarea ca veridică a numărului de 65.000 de militari transmis de Zosimus pentru forţele terestre, de pedestraşi şi călăreţi, împreună. Cunoaştem însă, din relatarea lui Ammianus Marcellinus, că totalul oamenilor care serveau pe vase a fost de „aproape 20.000 de ostaşi" (Ammiano 2013, XXIV.7.4; Ammianus 1986, 24.7; Ammianus 1982, XXIV.7.4). În temeiul acestor informaţii, am putea admite că efectivele totale ale forţelor imperiale angajate în campanie, terestre şi navale împreună, s-ar fi ridicat la circa 85.000 de militari.

Luarea în discuţie a altor informaţii, referitoare la efectivele forţelor imperiale în diferite momente ale campaniei, la fel, conduce la concluzii contradictorii, care nu fac decât să creeze confuzii în rezolvarea problemei.

Din relatările lui Ammianus Marcellinus, Magnus Carrhenus, Libanius şi Zosimus, ştim că la Carrhae, Julianus a desprins de armată un corp de oaste pe care l-a pus sub comanda generalilor Procopius, *notarius*, şi Sebastianus, *comes*, cărora le-a încredinţat misiunea să opereze de-a lungul malului stâng al fluviului Tigru. Informaţiile cuprinse în izvoarele narative sau documentare de care dispunem, cu privire la efectivele corpului de oaste comandat de Procopius şi Sebastianus, sunt contradictorii. Ammianus Marcellinus susţine că acesta număra 30.000 de soldaţi (Ammiano 2013, XXIII.3.5; Ammianus 1986, 23.3; Ammianus 1982, XXIII.3.5). Magnus Carrhenus, tribun în armata romano-bizantină în timpul campaniei, preluat de cronicarul Ioannes Malalas (secolul VI), estimează corpul de oaste la 16.000 de soldaţi (Magnus Carrhenus 1851, 4; Malalas 1831, 329; Malalas 1986, 13.21; Dodgeon, Lieu 2005, 226). Un alt contemporan, rhetorul Libanius, afirmă că efectivele respectivului corp de oaste au fost de 20.000 de militari (Libanius 1888, 190). Istoricul Zosimus se pronunţă pentru cifra de 18.000 de pedestraşi, puşi sub comanda celor doi generali (Zosimus 1837, 3,12; Zosimus 1982, 3.12.5).

În lucrarea sa, Ammianus Marcellinus mai relatează că, în iunie 363, pentru a traversa Tigrul, spre a declanşa lupta cu forţele persane sub zidurile Ctesiphonului, Julianus a îmbarcat câte 80 de militari pe vasele mari de transport (Ammiano 2013, XXIV.6.4; Ammianus 1986, 24.6; Ammianus 1982, XXIV.6.4). Numărul acestor vase era de 600, susţine Zosimus (Zosimus 1837, 3,13; Zosimus 1982, 3.13.2). Aceasta înseamnă că pe vase au fost îmbarcaţi 48.000 de militari. Dacă adăugăm acestora numărul celor din corpul de oaste, comandat de Procopius şi Sebastianus, precum şi pe cei 20.000 de marinari, ajungem la următoarele efective: 98.000 de oameni (78.000 forţe terestre şi 20.000 de marinari), după cifrele lui Ammianus Marcellinus; 88.000 de soldaţi (68.000 forţe terestre şi 20.000 de marinari), după cele ale lui Libanius; 86.000 de luptători (66.000 forţe terestre şi 20.000 de marinari), după cele ale lui Zosimus; 84.000 de militari (64.000 forţe terestre şi 20.000 de marinari), după cele ale lui Magnus Carrhenus. Constatăm că, în ultimele trei cazuri, efectivele forţelor terestre sunt foarte apropiate de cele consemnate de Zosimus, ceea ce ne determină să admitem că cifra de 65.000 de soldaţi, pedestraşi şi călăreţi împreună, ar putea avea un grad ridicat de veridicitate.

Aşa cum am arătat deja, alături de forţele terestre, Julianus a echipat pentru războiul împotriva Persiei şi o impresionantă flotă. Magnus Carrhenus, preluat de cronicarul Ioannes Malalas, lasă să se înţeleagă că, în perspectiva declanşării campaniei împotriva sassanizilor, cea mai mare parte a flotei romano-bizantine s-a concentrat la Samosata (Samsat), pe Euphrat (Magnus Carrhenus 1851, 4; Malalas 1831, 329; Malalas 1986, 13.21; Dodgeon, Lieu 2005, 226). Acesta ne spune că majoritatea vaselor (πλοῖα), echipate în vederea participării la expediţie, au fost construite în această cetate-port de pe Euphrat şi că erau „unele din lemn, iar altele din piei" (Magnus Carrhenus 1851, 4; Malalas 1831, 329; Malalas 1986, 13.21; Dodgeon, Lieu 2005, 226). Numărul lor, susţine autorul, era de 1.250 (Magnus Carrhenus 1851, 5; Malalas 1831, 329; Malalas 1986, 13.21; Dodgeon, Lieu 2005, 226).

Potrivit relatării lui Ammianus Marcellinus, flota romano-bizantină era compusă din „o mie de vase de transport (onerariae naves) de diferite tipuri, încărcate din abundență cu alimente, arme de atac și mașini de asediu", cărora li se adăugau „cincizeci de nave de război (bellatrices naves) și tot atâtea vase cu pontoane necesare construirii podurilor" (Ammiano 2013, XXIII.3.9; Ammianus 1986, 23.3; Ammianus 1982, XXIII.3.9). Numărul vaselor din flota romano-bizantină se ridica, după informațiile transmise de Ammianus Marcellinus, la 1.100 de vase. Impresionat de mărimea flotei, Ammianus Marcellinus avea să o compare cu „flota puternicului rege Xerxes", cu care suveranul ahemenid a invadat Grecia în anul 480 a.Chr., afirmând entuziasmat că „sub ea nu se mai vedeau apele Euphratului" (Ammiano 2013, XXIII.3.9; Ammianus 1986, 23.3; Ammianus 1982, XXIII.3.9).

Informații interesante referitoare la tipul și numărul navelor din flota romano-bizantină ne transmite Zosimus. Conform consemnării acestuia, în componența flotei erau „șase sute de vase (πλοῖα) din lemn și cinci sute din piele", precum și „cincizeci de vase de război" și „tot atâtea cu pontoane", necesare construirii podurilor plutitoare pentru traversarea cursurilor de apă de către forțele terestre (Zosimus 1837, 3,13; Zosimus 1982, 3.13.2). Din informațiile transmise de Zosimus reiese că în componența flotei imperiale intrau 1.200 de vase. Multe vase, relatează autorul, „aduceau hrană pentru armată, lemn necesar echipamentului de asediu și mașini de asediu gata construite" (Zosimus 1837, 3,13; Zosimus 1982, 3.13.2).

În sfârșit, tot referitor la numărul și tipurile de vase din componența flotei romano-bizantine, mai reținem opinia cronicarului Ioannes Zonaras (secolul XI-XII). Acesta, preluând izvoare mai vechi, susține că flota imperială era formată din „700 de trireme (τριήρεις) și 400 de vase ușoare", adică 1.100 de nave în total (Zonaras 1897, XIII, 13.9; Zonaras 2009, XIII.13).

Câteva informații succinte referitoare la flota imperială se regăsesc și într-o scrisoare a împăratului Julianus însuși, redactată la 10 martie 363 la Hierapolis și adresată unuia dintre apropiații săi, sofistul Libanius, care, la momentul respectiv, îndeplinea funcția de *quaestor*, precum și în Oratio XVIII al acestuia din urmă. Fără a oferi vreun detaliu asupra numărului și tipului de vase din componența flotei, împăratul se limita să relateze că „navele (ναῦς) care vor fi folosite pe fluviu sunt încărcate cu cereale, sau, mai degrabă, cu pâine coaptă și vin acru" (Julian 1923, nr. 58). La rândul său, Libanius afirma, în discursul său, că, în perspectiva declanșării campaniei, Salutius, *praefectus praetorio Orientis*, a primit dispoziții „să acopere Euphratul cu vase și să le încarce cu provizii" (Libanius 1888, 189). În același sens se exprima și Festus, care preciza că împăratul „a adus pe Euphrat o flotă destinată aprovizionării" (Festus 2003, 28.1).

Compararea efectivelor avansate de autorii menționați conduce la constatarea unor diferențe de 100 de vase – între cifra susținută de Ammianus Marcellinus și cea de Zosimus – și, respectiv, de 150 de vase – între cifra celui dintâi și cea a lui Magnus Carrhenus. O explicație este dificil de formulat. Cu titlu de ipoteză, am putea admite că diferențele constau în numărul de pontoane pe care le înregistrează Zosimus și Magnus Carrhenus, spre deosebire de Ammianus Marcellinus, care înregistrează numărul de vase transportatoare. Într-un asemenea caz, înseamnă că pe fiecare din cele 50 de nave au fost încărcate câte două pontoane, dacă numărul total al acestora a fost de 100, respectiv câte trei pontoane, dacă numărul total al lor a fost de 150.

În ceea ce privește tipurile de vase, inconsistența informațiilor face ca nici acestea să nu poată fi cunoscute. Pe baza știrilor deținute, Henric Sudhaus identifica trei tipuri de vase: de transport, de luptă și pentru poduri (Sudhaus 1870, 15).

O asemenea identificare este însă una extrem de generală. Potrivit concluziei lui Michael Pitassi, „de la sfârșitul secolului al III-lea tipurile de nave de război au început să se schimbe", situație care a condus la „dispariția unora dintre tipurile mai vechi" (Pitassi 2012, 60-61). La începutul secolului al IV-lea, susține același autor, asistăm la introducerea „a noi tipuri de nave" în serviciul flotelor imperiale (Pitassi 2012, 61).

Cunoaștem, de asemenea, din anumite studii, că în flotele imperiale au fost în serviciu tipuri deosebit de variate de vase de război sau de transport. La frontierele fluviale, precum cele ale Rhinului și Dunării, s-au dezvoltat tipuri de vase și bărci specializate în operațiuni fluviale (Pitassi 2012, 59). Spre exemplu, în perioada analizată de noi, flotele fluviale ale imperiului foloseau vase deschise, monorame și cu un pescaj redus, care

erau de două tipuri: de război şi de transport (Pitassi 2012, 61).

Ştim din informaţiile transmise de Ammianus Marcellinus şi Zosimus că doar 50 de vase din componenţa flotei au fost vase de război. Din ce clase şi tipuri de nave făceau ele parte, niciunul din cei doi autori nu precizează.

Absenţa informaţiilor nu a permis nici cercetătorilor moderni să se pronunţe asupra tipului de nave de luptă din compunerea flotei romano-bizantine participante la campania din 363. Spre exemplu, Ilkka Syvanne consideră ca vasele de război vor fi fost similare cu cele din anii '30-'50 ai secolului al IV-lea, poate chiar puţin mai mari, având echipaje de aproximativ 200 de oameni fiecare (Syvanne 2018, 83).

În ceea ce ne priveşte, vom încerca să oferim răspunsuri posibile şi pertinente la aceste probleme. Ele se întemeiază, mai ales, pe informaţiile deţinute, referitoare la vasele din componenţa altor două flote fluviale importante ale imperiului, cea de pe Rhin şi cea de pe Dunăre.

O serie de ştiri de care dispunem evidenţiază faptul că, de la sfârşitul secolului al III-lea, în flotele fluviale de pe Rhin şi de pe Dunăre s-a aflat în serviciu, ca vas de război, o navă cunoscută sub numele de *lusoria* (Starr 1941, 151-152). *Navis lusoria* a rămas în serviciu pe Rhin până la prăbuşirea frontierei de pe fluviu, iar pe Dunăre – până pe la mijlocul secolului al VI-lea. Vasul avea câte 20 de vâsle pe fiecare parte şi o platformă de navigaţie uşoară, era lung şi zvelt, ceea ce-i asigura şi dezvoltarea unei viteze superioare (Pitassi 2012, 61). Potrivit unor estimări, lungimea lui era de 21 m, iar lăţimea de 2,7 m (D'Amato 2017, 26). Deducem, de asemenea, din aceste informaţii, că numărul vâslaşilor unei nave de acest tip era de 40 de oameni. Au existat şi *navis lusoria* de dimensiuni mai mici, având câte 15 vâsle pe fiecare parte a bordului, ceea ce impune concluzia că numărul vâslaşilor de pe ele era de 30 de oameni (D'Amato 2017, 30). Şi într-un caz, şi în celălalt, vâslaşilor li se adăugau căpitanul vasului, secundul său şi, probabil, unul sau doi ofiţeri.

În ceea ce priveşte numărul de luptători, îmbarcaţi pe *navis lusoria*, Ammianus Marcellinus ne informează că în timpul campaniilor de pe Rhin, în perioada în care era *caesar* al Galliei, Julianus a ordonat, în timpul unui atac împotriva alamannilor, îmbarcarea unui număr de 300 de luptători uşor înarmaţi pe „patruzeci de *lusoria* (lusoriae naves quadraginta)" (Ammiano 2013, XVIII.2.11-12; Ammianus 1986, 18.2; Ammianus 1982, XXIII.2.11-12). Deducem din aceste informaţii că numărul soldaţilor îmbarcaţi pe o navă s-a ridicat la aproximativ opt oameni. Considerăm, de asemenea, că este dificil să credem că Julianus, care avusese ocazia să descopere şi să probeze calităţile deţinute de *naves lusoriae* în timpul operaţiilor militare de pe Rhin, nu va fi recurs la folosirea lor şi în campania din Persia.

Restul vaselor din flota echipată de Julianus au fost nave de transport de dimensiuni diferite, construite din lemn şi din piei, la care fac referire Magnus Carrahenus, în baza celor preluate de Ioannes Malalas, şi Zosimus. Interesant rămâne faptul că Ammianus Marcellinus, şi el contemporan evenimentelor şi participant la campanie în calitate de ofiţer al armatei imperiale, nu face nicio referire specială, aşa cum fac ceilalţi doi autori, la prezenţa acestui tip de ambarcaţiuni în cadrul flotei imperiale. Nu este însă exclus ca ele să fie încadrate de autor între „corăbiile de transport de diferite construcţii", pe care le menţionează ca predominând în compunerea flotei (Ammiano 2013, XXIII.3.9; Ammianus 1986, 23.3; Ammianus 1982, XXIII.3.9).

Procedând la identificarea vaselor de transport, Louis Dillemann conchidea că, în epoca expediţiei lui Julianus în Persia, pe Euphrat erau utilizate două tipuri de vase: primul tip, care naviga, în egală măsură, şi pe Tigru, se numea *kellek*, iar cel de-al doilea tip purta numele de *šahtūr* (chakhtour) (Dillemann 1961, 152).

Vasele de tip *kellek* erau construite dintr-un sistem de grinzi de lemn încrucişate, fixate pe burdufuri de piei gonflabile, care le sporeau flotabilitatea. Era echipat cu vâsle grele, care erau folosite în apele adânci şi repezi numai pentru a direcţiona ambarcaţiunea, dar, atunci când curentul fluviului era slab, acestea erau utilizate şi pentru propulsarea ambarcaţiunii, iar pentru sporirea vitezei se proceda la suplimentarea numărului vâslaşilor (Dillemann 1961, 152). Unii specialişti sunt de părere că vasele de tip *kellek* au fost folosite „numai pe Tigru şi pe afluenţii lui", în timp ce, din cauza „navigaţiei mai dificile de pe Euphrat, nu au fost folosite acolo niciodată" (Dabrowa 2007, 238, n. 22).

Vasul de tip *šahtūr* (chakhtour), susţinea Louis Dillemann, era considerat ca fiind superior celui

de tip *kellek*. Spre deosebire de *kellek*, vasul de tip *šahtūr* (chakhtour) era construit complet din scânduri de lemn, prinse în cuie, în poziţie oblică, şi avea bordul călăfătuit cu bitum. Asemeni *kellek*-ului, era folosit la coborârea pe fluviu, putând fi remorcat la urcare. Aşa cum a fost demonstrat practic, acest tip de ambarcaţiune se realiza şi foarte repede, şi uşor. Se puteau construi, astfel, 7-8 ambarcaţiuni în două zile (Dillemann 1961, 152).

În general, atât vasele de tip *šahtūr* (chakhtour), cât şi cele de tip *kellek*, erau demontate la sosirea la destinaţie. Materialele folosite la construcţia lor, în special cel lemnos, erau vândute (Dillemann 1961, 152; Matthews 1989, 147; Dabrowa 2007, 238; Syvanne 2018, 83).

Într-o lucrare de dată relativ recentă, istoricul polonez Edward Dabrowa conchidea că informaţiile transmise de Ammianus Marcellinus ar conduce la ideea că navele din lemn erau construite din scânduri prinse între ele, fiind, mai degrabă, vase cu fundul plat decât cu carenă, ceea ce le încadra în categoria celor de tip *šahtūr* (Dabrowa 2007, 238; Syvanne 2018, 83). În opoziţie cu opiniile larg acceptate de alţi cercetători, Edward Dabrova este de părere că vasele de piele nu făceau parte din categoria celor de tip *kellek*, ci erau, mai degrabă, „o variantă a tipului *šahtūr*, destinată, probabil, transportului produselor alimentare" (Dabrowa 2007, 238). Folosirea pielii în construcţia lor avea, mai ales, rolul să protejeze încărcătura de umiditate. Deşi erau foarte simple din punctul de vedere al construcţiei şi erau folosite doar pentru coborârea pe fluviu, vasele de tip *šahtūr* erau însă „suficient de solide pentru a asigura siguranţa echipajelor şi încărcăturilor" (Dabrowa 2007, 238). În funcţie de mărimea lor, vasele de tip *šahtūr* puteau transporta încărcături cuprinse între 10 şi 20 de tone (Dabrowa 2007, 238; Syvanne 2018, 83).

Fără a respinge posibilitatea reală, de altfel, ca cele mai multe vase de transport din compunerea flotei romano-bizantine să fi fost ambarcaţiuni de provenienţă locală, *kellek* şi *šahtūr* (chakhtour), credem totuşi că este aproape imposibil de admis că, în totalitatea sa, această categorie de nave să se fi redus, exclusiv, la cele două tipuri, în realitate nişte plute, chiar dacă unele dintre ele erau de capacitate mai mare. Cu atât mai dificil de acceptat devine această teorie. cu cât, în epoca respectivă, flotele imperiale – atât cele maritime, cât şi cele fluviale – aveau în compunere tipuri diferite de nave.

O serie de informaţii sumare, transmise de izvoarele avute la dispoziţie, ne permit ca, cel puţin ipotetic, să admitem posibilitatea că tipurile de vase de transport utilizate în campania din anul 363, ar fi fost, la rândul lor, mai variate. Spre exemplu, la un moment dat, Zosimus consemnează, în istoria lui, că, în timpul marşului spre Ctesiphon, de-a lungul Euphratului, împăratul a „îmbarcat călăreţii pe corăbii (πλοίοις) şi pedestraşii pe alte vase (ναυσίν)" (Zosimus 1837, 3,17; Zosimus 1982, 3.17.2-3).

Constatăm, din parcurgerea textului autorului romano-bizantin, că acesta face o distincţie clară între navele pe care au fost îmbarcate trupele de cavalerie şi cele destinate trupelor de infanterie. Constatarea făcută ne determină să credem că în rândul vaselor de transport din compunerea flotei imperiale se puteau afla şi unele specializate în transportul cailor. Cu titlu de ipoteză, considerăm că acestea puteau fi de tipul *hippagus*, vas folosit din antichitate. Cunoaştem că în secolul al IV-lea acest tip de navă avea un echipaj format din 60 de vâslaşi şi putea transporta 30 de cai (Casson 1971, 93; Drews 2017, 204; D'Amato 2017, 28). Ştim, de asemenea, că pentru transportul trupelor se foloseau, în epocă, vase de tip *camara* şi *oraria* (D'Amato 2017, 28).

Foarte probabil, în rândul vaselor de transport trebuie identificate şi ambarcaţiunile mici. Le avem aici în vedere pe acele „plute şi bărci (lintribus et cymbis)", menţionate, la un moment dat, de Ammianus Marcellinus în lucrarea lui (Ammiano 2013, XXIV.4.9; Ammianus 1986, 24.4; Ammianus 1982, XXIV.4.9).

Mai cunoaştem că pentru transportul fluvial era folosită o navă mai scurtă, numită *caudicaria*, respectiv *iudicaria*, pe Dunăre (Pitassi 2012, 61). *Navis iudicaria* avea o lungime de 17 m şi o lăţime de 3,5 m (D'Amato 2017, 28). Tot pe Dunăre, îndeosebi în delta fluviului, era folosit, de la sfârşitul secolului al III-lea, un tip de vas, numit *platypegia* (platypegion), care avea un pescaj redus, fundul plat, o provă ridicată şi pupă, precum şi o cabină pe pupă şi dispunea de un sistem de navigaţie simplu (Pitassi 2012, 61). Ambarcaţiunea era, probabil, asemănătoare unei barje (Casson 1971, 334). Pentru transportul pe acelaşi fluviu, la începutul secolului al IV-lea, intrase în serviciu şi *navis agrariensis* (D'Amato 2017, 28).

Nu susţinem categoric că vase de transport de tipurile *caudicaria* sau *iudicaria*, *platypegia*,

agrariensis, *hippagus*, *camara* sau *oraria* s-au aflat şi în serviciul flotei imperiale, echipate de Julianus pentru campania din Persia. Considerăm însă, cu titlu de ipoteză de lucru, că, date fiind condiţiile de navigaţie fluvială de pe Euphrat şi Tigru, oarecum similare cu cele de pe Rhin şi Dunăre, o asemenea posibilitate nu poate fi exclusă. De altfel, teza noastră, anume că tipurile de vase de transport nu s-au redus la *kellek* şi *šahtūr* (chakhtour), pare a fi susţinută, indirect, şi de informaţiile transmise de Ammianus Marcellinus şi Libanius, în descrierea incendierii flotei de către Julianus. În relatările lor, cei doi autori prezintă motivele deciziei împăratului, între acestea neregăsindu-se imposibilitatea vaselor, folosite până în acel moment, de a naviga contra curentului, pe Tigru şi Euphrat, aşa cum era cazul cu tipurile *kellek* şi *šahtūr* (chakhtour) (Ammiano 2013, XXIV.7.4-6; Ammianus 1986, 24.7; Ammianus 1982, XXIV.7.4-6; Libanius 1888, 204). De altfel, tocmai contra curentului fluviului Tigru a navigat flota imperială din momentul trecerii de pe Euphrat pe acest fluviu şi până la acela al incendierii ei.

În ceea ce priveşte numărul marinarilor de pe vase, însuşi Ammianus Marcellinus ne oferă o cifră totală a acestora. Conform ştirilor transmise de autor, flota romano-bizantină a fost deservită de „aproape 20.000 de ostaşi" (Ammiano 2013, XXIV.7.4; Ammianus 1986, 24.7; Ammianus 1982, XXIV.7.4). Deducem din această informaţie că marinarii din cadrul flotei erau în acelaşi timp şi soldaţi.

Distribuirea lor pe vase ne rămâne necunoscută. Ilkka Syvanne lasă să se înţeleagă că pe vasele de război, cărora le atribuie câte 200 de oameni pentru fiecare echipaj, au fost îmbarcaţi 10.000 de militari (Syvanne 2018, 83). Aceasta ar însemna că pe vasele de transport au fost îmbarcaţi ceilalţi 10.000 de militari, ceea ce ar conduce la o medie de aproximativ 9-10 oameni de fiecare echipaj, dacă numărul de vase a fost cel înregistrat de Ammianus Marcellinus, 8-9 oameni, potrivit numărului de vase transmis de Zosimus, şi, respectiv, circa 8 oameni, raportat la numărul de vase înregistrat de Magnus Carrhenus.

Fără îndoială, o asemenea concluzie, deşi incitantă, nu poate fi susţinută prin informaţiile avute la dispoziţie. Cu certitudine, efectivele echipajelor de pe fiecare tip de vase au fost diferite. Numărul oamenilor din echipaje a fost mai mare pe vasele de război şi pe cele mari de transport şi foarte redus, probabil, la câţiva oameni, pe ambarcaţiunile mici.

Comanda flotei a fost încredinţată tribunului Constantinianus şi comitelui Lucillianus (Ammiano 2013, XXIII.3.9; Ammianus 1986, 23.3; Ammianus 1982, XXIII.3.9; Cf. Woods 1998, 243-248). Calitatea de amirali, respectiv de „navarhi (ναύαρχοι)", a celor doi comandanţi este confirmată de Zosimus, care îi numeşte însă Constantius şi Lucianus (Zosimus 1837, 3,13; Zosimus 1982, 3.13.3).

Informaţiile autorilor romano-bizantini referitoare la componenţa flotei imperiale ne relevă rolul secundar rezervat acesteia în campania împotriva Persiei. Numărul extrem de mare al vaselor de transport, în detrimentul navelor de luptă, evidenţiază clar faptul că principala misiune încredinţată flotei a fost aceea de a asigura transportul alimentelor şi logisticii necesare forţelor terestre, şi abia în plan secundar – angajarea ei în unele operaţiuni militare propriu-zise.

Desfăşurarea campaniei: rolul flotei

Campania împotriva Persiei Sassanide a debutat „a treia zi înainte de nonele lui martie", respectiv la 5 martie 363, când Julianus, în fruntea trupelor sale, a părăsit Antiochia Syriei, îndreptându-se spre Răsărit (Ammiano 2013, XXIII.2.6; Ammianus 1986, 23.2; Ammianus 1982, XXIII.2.6). Momentul anului este prezentat de autori ca fiind „înainte de sfârşitul iernii", „cu puţin înainte de primăvară" sau „la începutul primăverii" (Libanius 1888, 189; Socrates 1853, III.21; Ammiano 2013, XXIII.2.2; Ammianus 1986, 23.2; Ammianus 1982, XXIII.2.2; Cf. Julian 1923, nr. 58; Cf. Zosimus 1837, 3.12; Cf. Zosimus 1982, 3.12.1; Cf. Ridley 1973, 318).

Întrucât desfăşurarea terestră a campaniei s-a aflat, în repetate rânduri, în atenţia specialiştilor, nu vom insista asupra ei. Demersul nostru va fi axat, cu precădere, pe componenta pe apă a acesteia, respectiv pe acţiunile şi operaţiunile militare întreprinse de flota imperială.

Primele etape ale itinerarului urmat de forţele romano-bizantine, îşi află prezentarea, înainte de toate, în scrisoarea împăratului către sofistul Libanius. Acesteia i se adaugă informaţiile cuprinse în lucrările lui Ammianus Marcellinus şi Zosimus.

Din relatarea făcută de Julianus însuşi, în scrisoarea către Libanius din 10 martie 363, aflăm că de

la Antiochia s-a deplasat la Litarbae (El-Térib), unde a ajuns în după amiaza aceleiaşi zile (5 martie) (Julian 1923, nr. 58; Cf. Cumont 1917, 6). A doua zi, a sosit la Berroea (Alep) (Julian 1923, nr. 58; Cf. Cumont 1917, 11).

În scrisoarea lui către Libanius, Julianus îşi informa colaboratorul că de la Berroea s-a deplasat până la Batnae (Βάτναι), unde trupele au staţionat (Julian 1923, nr. 58; Cf. Cumont 1917, 19). Concluzia care se desprinde din ştirile transmise de Julianus este aceea că cetatea Batnae se situa la vest de Euphrat, respectiv pe malul drept al fluviului, între Berroea şi Hierapolis (Membij, pe Euphrat) (Cf. Cumont 1917, 16-23).

Informaţia transmisă de împărat vine în totală contradicţie cu cele din operele lui Ammianus Marcellinus şi Zosimus. Ambii autori localizează cetatea, pe care o numesc *Batnas* (Βάτνας), pe malul stâng al Euphratului, la est-nord-est de Hierapolis (Ammiano 2013, XXIII.2.6; Ammianus 1986, 23.2; Ammianus 1982, XXIII.2.6; Zosimmus 1837, 3,12; Zosimus 1982, 3.12.2).

Contradicţia identificată între informaţiile transmise de cei trei autori este dificil a fi explicată. Din punctul nostru de vedere, cel căruia ar trebui să i se acorde credibilitate totală este Julianus, care a prezentat succesiunea etapelor de marş, din această fază a campaniei, chiar în timpul derulării lor. În ceea ce-i priveşte pe Ammianus Marcellinus şi Zosimus, cel dintâi îşi redactează opera la vreo trei decenii de la desfăşurarea evenimentelor prezentate, situaţie în care este foarte posibil ca acurateţea faptelor păstrate în memoria autorului să se fi estompat sau deformat în timp, iar cel de-al doilea scrie abia în secolul al V-lea, inspirându-se, cu siguranţă, şi din opera predecesorului (Scavone 1969, 52-62).

Considerăm că cea mai veridică explicaţie a fost oferită de Henric Sudhaus, care identifică două localităţi cu numele foarte apropiat. Una este Batnae (Βάτναι), situată în dreapta Euphratului, între Berroea şi Hierapolis, la care face referire Julianus în scrisoarea către Libanius, iar cealaltă este Batnas / Batnis (Batnas-Βάτνας), situată în stânga Euphratului, între Hierapolis şi Carrhae, menţionată de Ammianus Marcellinus şi Zonaras în lucrările lor (Sudhaus 1870, 7, n. 4). Rămâne însă aproape inexplicabil faptul că majoritatea covârşitoare a autorilor moderni, care au studiat campania din Persia din 363, au făcut o totală abstracţie de informaţia transmisă de Julianus însuşi, cea mai autorizată şi mai veridică sursă, din punctul nostru de vedere.

Într-o nouă etapă de marş, împăratul, în fruntea forţelor terestre, s-a deplasat la Hierapolis, unde a ajuns la 10 martie, fapt confirmat şi de celelalte izvoare (Julian 1923, nr. 58; Ammiano 2013, XXIII.2.6; Ammianus 1986, 23.2; Ammianus 1982, XXIII.2.6). Trupele romano-bizantine au staţionat aici timp de trei zile (Zosimus 1837, 3.12; Zosimus 1982, 3.12.2).

Din informaţiile cuprinse în scrisoarea lui Julianus către Libanius reiese faptul că, la Hierapolis, s-a realizat joncţiunea forţelor terestre cu flota, sau, cel puţin, cu cea mai mare parte a ei. Numai aşa se explică, în opinia noastră, consemnările din scrisoare ale împăratului, care afirma că „mi-am strâns toate forţele împreună" şi că „vasele care vor fi folosite pe fluviu sunt încărcate cu cereale, sau, mai degrabă, cu pâine coaptă şi vin acru" (Julian 1923, nr. 58).

Teza joncţiunii forţelor terestre cu cele navale la Hierapolis este susţinută şi de Zosimus, care relatează că împăratul a rămas în oraş mai multe zile. Acesta consemna în cronica lui că în „a cincea zi" de la sosirea împăratului în oraş, adică în 14 martie, „toate navele, atât cele de război, cât şi cele de transport, din Samosata şi din celelalte locuri de pe Euphrat, unde fuseseră asamblate", au primit ordinul să intre în acţiune (Zosimus 1837, 3.12; Zosimus 1982, 3.12.1).

La 13 martie 369, în fruntea trupelor sale, întărite cu contingente de „sciţi", respectiv cu vizigoţi de la Dunărea de Jos, împăratul a părăsit oraşul Hierapolis (Ammiano 2013, XXIII.2.7; Ammianus 1986, 23.2; Ammianus 1982, XXIII.2.7; Cf. Bidez 2004, 285; Cf. Gnoli 2015, 116). Forţele romano-bizantine au traversat Euphratul pe un pod de vase şi au avansat până la Batnas sau Batnis (14 martie). De aici şi-au continuat înaintarea până la Carrhae (Harran), în provincia Osroena (17 martie), unde aveau să staţioneze câteva zile (Ammiano 2013, XXIII.3.1-5; Ammianus 1986, 23.3; Ammianus 1982, XXIII.3.1-5; Julian 1923, nr. 58; Cf. Gnoli 2015, 116).

Potrivit relatării lui Ammianus Marcellinus, în timpul staţionării la Carrhae, Julianus l-a desemnat, în secret, drept succesor pe generalul Procopius, ruda sa, în cazul morţii lui în timpul campaniei (Ammiano 2013, XXIII.3.2; Ammianus 1986, 23.3; Ammianus 1982, XXIII.3.2). Informaţia

vine însă în totală contradicţie cu propria lui afirmaţie, făcută în legătură cu relatarea morţii împăratului, când susţine că, pe patul de moarte, acesta le-ar fi spus celor din anturaj, care-l vegheau, că „din prudenţă, nu recomand nimic în legătură cu alegerea noului împărat, ca nu cumva să greşesc şi să nu indic pe cel mai vrednic. Sau dacă recomand pe cel pe care-l consider mai bun, fiind ales un altul, să nu-i fac vreun rău. Ca un fiu cinstit al patriei, vă urez să găsiţi după mine un bun conducător" (Ammiano 2013, XXV.3.20; Ammianus 1986, 25.3; Ammianus 1982, XXV.3.20).

Pe când se afla încă la Carrhae, Julianus a desprins de grosul armatei, aşa cum am arătat deja, corpul de oaste, pus sub comanda generalilor Procopius şi Sebastianus. Cei doi generali aveau misiunea să opereze cu forţele lor, întărite cu cele ale regelui armean, Arsaces, de-a lungul malului stâng fluviului Tigru (Ammiano 2013, XXIII.3.5; Ammianus 1986, 23.3; Ammianus 1982, XXIII.3.5, Cf. Ridley 1973, 319; Cf. Athanasiadis 1998, 234). Corpul de oaste comandat de Procopius şi Sebastianus urma să întreprindă, astfel, atât o acţiune de diversiune, cât şi să asigure flancul stâng al coloanei principale, care opera pe malul estic al Euphratului (Ridley 1973, 318-319). Totodată, aceştia urmau să execute o mişcare de învăluire dinspre Munţii Kurdistanului, trecând prin provinciile Corduena şi Moxoena, să devasteze ţinutul Chiliocomum, o bogată regiune a Mediei Occidentale, şi să revină apoi în Assyria, pentru a susţine forţele comandate de împărat în confruntarea decisivă cu sassanizii (Ammiano 2013, XXIII.3.5; Ammianus 1986, 23.3; Ammianus 1982, XXIII.3.5; Cf. Athanasiadis 1998, 234). Joncţiunea corpului de oaste, comandat de Procopius şi de Sebastianus, cu forţele conduse de Julianus nu avea să se mai realizeze niciodată (Kelso 1998, 26, 33). Se apreciază de către unii istorici că, prin punerea în aplicare a acestei componente a campaniei, se spera în atragerea unui număr însemnat de efective militare persane pentru apărarea Mediei, ceea ce ar fi facilitat considerabil operaţiunile desfăşurate de forţele romano-bizantine, comandate de Juianus, pe Euphrat (Matthews 1989, 138; Kelso 1998, 25; Syvanne 2018, 77).

În condiţiile acestor controversate informaţii, nici istoricii moderni nu au exprimat o opinie unitară cu privire la forţele puse sub comanda generalilor Procopius şi Sebastianus. Unii dintre ei au acceptat cifra avansată de Ammianus Marcellinus, alţii – pe cele transmise de Magnus Carrhenus sau Zosimus, fie optează pentru alte efective (Cf. Geffcken 1914, 119; Cf. Bidez 2004, 286; Cf. Piganiol 1972, 141; Cf. Hunt 2008, 74; Cf. Gnoli 2015, 116; Cf. Syvanne 2018, 77). Spre exemplu, într-o lucrare de dată recentă, Ilkka Syvanne consideră chiar că dintre cei 30.000 de militari, puşi sub comanda lui Procopius şi Sebastianus, 18.000-20.000 erau pedestraşi, iar 10.000-12.000 erau cavalerişti (Syvanne 2018, 77).

În ceea ce ne priveşte, admiţând ca veridică cifra cea mai mare, aceea transmisă de Ammianus Marcellinus, respectiv de 30.000 de soldaţi, puşi sub comanda generalilor Procopius şi Sebastianus, considerăm că sub comanda directă a împăratului, care opera pe direcţia principală a ofensivei romano-bizantine, a continuat să rămână un corp de oaste redutabil din punctul de vedere al capacităţii de luptă, format din 35.000 de militari din forţele terestre şi 20.000 din cele navale, în total 55.000 de oameni.

De la Carrhae Julianus s-a îndreptat spre Davana (Ain Arous), fortificaţie situată la izvoarele râului Belias (Balikh), unde a ajuns la 25 martie, rămânând aici timp de o zi (Ammiano 2013, XXIII.3.7; Ammianus 1986, 23.3; Ammianus 1982, XXIII.3.7). La 27 martie împăratul era la Callinicum (Raqqa), de unde a doua zi s-a îndreptat spre Cercusium sau Circesium / Circesion (Buseire), cetate situată la vărsarea râului Aboras (Khabur) în Euphrat, unde a ajuns la începutul lunii aprilie (Ammiano 2013, XXIII.3.7-8, 5.1; Ammianus 1986, 23.3, 5; Ammianus 1982, XXIII.3.7-8, 5.1).

În timpul acestei etape de marş, undeva între Callinicum şi Cercusium, – susţin atât Ammianus Marcellinus, cât şi Zosimus – flota imperială, în totalitatea ei, comandată de navarhii Constantinianus şi Lucillianus, a făcut joncţiunea cu forţele terestre, care înaintau de-a lungul malului stâng al Euphratului (Ammiano 2013, XXIII.3.9; Ammianus 1986, 23.3; Ammianus 1982, XXIII.3.9; Zosimus 1837, 3.13; Zosimus 1982, 3.13.1-3). Navele transportau hrana necesară armatei, arme de atac, materialele inerente echipamentelor de asediu, precum şi maşini de asediu gata asamblate.

Următoarea destinaţie a forţelor imperiale, comandate de Julianus, a fost cetatea Zaitha, după Ammianus Marcellinus, Zeutha – după Zosimus. Pentru a ajunge la destinaţie, armata romano-bizantină a traversat râul Aboras, la Cercusium, pe un pod de vase (Ammiano 2013, XXIII.5.4; Ammianus 1986, 23.5; Ammianus 1982, XXIII.5.4).

Acum intra pentru prima oară în acțiune și flota imperială, aducând forțelor terestre hrana necesară. Cunoaștem din relatarea lui Ammianus Marcellinus că, în timp ce se desfășurau operațiunile de traversare a râului Aboras, spre satisfacția soldaților, au sosit și „corăbiile încărcate din plin cu alimentele" contractate recent de la un furnizor, care, pentru că întârziase cu o zi expedierea lor, a fost condamnat la moarte și executat din ordinul generalului Salutius, *praefectus praetorio Orientis* (Ammiano 2013, XXIII.5.6; Ammianus 1986, 23.5; Ammianus 1982, XXIII.5.6).

La capătul unei noi etape de marș, forțele romano-bizantine, după ce au trecut prin Dura Europos, au sosit la fortăreața Anatha (Anah). În timpul marșului spre Anatha, flota imperială s-a deplasat în același ritm cu trupele terestre. Pe parcursul deplasării, „flota, plutind pe fluviu, se ferea să înainteze prea repede, dar și să rămână în urmă, din cauza coturilor acestuia", consemnează Ammianus Marcellinus (Ammiano 2013, XXIV.1.4; Ammianus 1986, 24.1; Ammianus 1982, XXIV.1.4).

Situată pe o insulă a Euphratului, cetatea, numită de Zosimus Phathousa, era apărată nu numai de poziția naturală pe care o deținea, ci și de o însemnată garnizoană și de solide fortificații (Ammiano 2013, XXIV.1.6; Ammianus 1986, 24.1; Ammianus 1982, XXIV.1.6; Cf. Zosimus 1837, 3.14; Cf. Zosimus 1982, 3.14.2). Misiunea cuceririi puternicei fortificații a revenit comitelui Lucillianus, unul din comandanții flotei. Acesta, consemnează Ammianus Marcellinus, „în seara celei de-a patra zile de marș, la ordinul principelui, comitele Lucilianus a îmbarcat pe nave o mie de ostași ușor înarmați și a plecat să cucerească fortăreața Anatha" (Ammiano 2013, XXIV.1.6; Ammianus 1986, 24.1; Ammianus 1982, XXIV.1.6). Informația, transmisă de Ammianus Marcellinus, este confirmată atât de Magnus Carrhenus, cât și de Zosimus, primul afirmând că sub comanda comitelui Lucillianus au fost puși „1.500 de luptători viteji din numărul de lanciarii și mattinarii" (Magnus Carrhenus 1851, 5; Malalas 1831, 330; Malalas 1986, 13.21; Dodgeon, Lieu, 2005, 226; Cf. Zosimus 1837, 3.14; Cf. Zosimus 1982, 3.14.3).

Profitând de întunericul nopții, vasele romano-bizantine au înconjurat, nedepistate, insula, iar soldații transportați de ele au ocupat pozițiile pentru asalt. Surpriza pe care contau atacatorii nu s-a produs, deoarece dimineața, un localnic, coborând la fluviu, a descoperit trupele și vasele imperiale și i-a alarmat pe apărători (Ammiano 2013, XXIV.1.6-7; Ammianus 1986, 24.1; Ammianus 1982, XXIV.1.6-7; Cf. Zosimus 1837, 3.14; Cf. Zosimus 1982, 3.14.2-3). Împăratul, care urmărea derularea operațiunilor militare de pe mal, s-a deplasat cu două vase de luptă, urmat de altele care transportau mașini de asediu până la insulă (Ammiano 2013, XXIV.1.6; Ammianus 1986, 24.1; Ammianus 1982, XXIV.1.6; Cf. Zosimus 1837, 3.14; Cf. Zosimus 1982, 3.14.3). Nu s-a mai ajuns însă la confruntare militară, deoarece, împăratul acceptându-le condițiile capitulării, apărătorii i-au predat cetatea (în jurul datei de 12 aprilie) (Ammiano 2013, XXIV.1.8-9; Ammianus 1986, 24.1; Ammianus 1982, XXIV.1.8-9; Cf. Zosimus 1837, 3.14; Cf. Zosimus 1982, 3.14.4; Cf. Vannesse 2012, 640).

În timpul staționării la Anatha, flota romano-bizantină a înregistrat primele pierderi. Ele nu s-au datorat confruntărilor cu inamicul, ci stihiilor dezlănțuite ale naturii. A doua zi după capitularea cetății, s-a produs o furtună violentă, care a fost urmată de revărsarea apelor fluviului. Acestea au rupt digurile și au provocat „răsturnarea câtorva vase încărcate cu provizii" (Ammiano 2013, XXIV.1.11; Ammianus 1986, 24.1; Ammianus 1982, XXIV.1.11).

După supunerea cetății Anatha, forțele imperiale au reluat marșul. Flota imperială, lasă să se înțeleagă Ammianus Marcellinus, a revenit la misiunea ei de bază, aceea de a transporta proviziile și logistica necesare armatei. Urmând forțele terestre, care mărșăluiau de-a lungul fluviului, vasele romano-bizantine au trecut pe lângă cetățile insulare Thilutha, Achaiachala (Al Haditha), Baraxamalcha, Diacira, evacuată de perși (20 aprilie), Ozogardana și Macepracta, care s-au supus sau au fost ocupate, înaintând până la Pirisabora (Al-Ambar), care, susține autorul, supusă unui asediu violent, s-a predat numai după o rezistență îndârjită (29 aprilie) (Ammiano 2013, XXIV.2.1-18; Ammianus 1986, 24.2; Ammianus 1982, XXIV.2.1-18; Cf. Naudé 1958, 98, 105; Cf. Vannesse 2012, 641).

Știm, de asemenea, din știrile transmise de Magnus Carrhenus că unei părți a flotei, pusă sub comanda generalilor Victor și Dagalaiphus, i-a revenit misiunea de a asigura spatele forțelor imperiale, care operau împotriva cetăților de pe insulele Euphratului. Împăratul Julianus, afirmă Magnus

Carrhenus, „i-a instruit pe Victor şi Dafalaiphus să rămână în spate cu restul vaselor şi să asigure protecţia corpului principal" (Magnus Carrhenus 1851, 5; Malalas 1831, 330; Malalas 1986, 13.21; Dodgeon, Lieu 2005, 227).

O informaţie asemănătoare ne oferă Gregorius Nazianzenus în Cuvântarea a V-a, îndreptată împotriva lui Julianus. În discursul lui, acesta afirmă că, înaintând de-a lungul fluviului, „împreună cu armata sa şi cu vasele (ναυσί), care asigurau transportul proviziilor şi bagajelor", împăratul a pătruns adânc în Persia (Grégoire de Nazianze 1983, 5.9; Grigorie de Nazianz 2020, V.9).

Complet diferită este versiunea lui Zosimus cu privire la rolul rezervat flotei în timpul acestui marş. Conform relatării lui, împăratul a „îmbarcat călăreţii pe corăbii (πλοίοις) şi pedestraşii pe alte vase (ναυσίν)", continuându-şi drumul de-a lungul fluviului până „a ajuns într-un oraş numit Bersabora (Βηρσαβώρα)" (Zosimus 1837, 3,17; Zosimus 1982, 3.17.2-3). Fără îndoială, nu discutăm aici de întreaga armată, ci doar de o parte a ei, destul de redusă numeric, în opinia noastră, care a fost transportată pe fluviu cu ajutorul flotei.

După cucerirea cetăţii Pirisabora, forţele romano-bizantine s-au îndreptat spre cetatea Maiozamalcha, din sistemul defensiv al Ctesiphonului, bine fortificată şi apărată de o garnizoană puternică, precum şi de o mlaştină întinsă. În timpul asediului, care s-a dovedit a fi unul extrem de dificil, soldaţii imperiali au desfăşurat operaţiuni militare, inclusiv în mlaştină (Ammiano 2013, XXIV.4.1-8; Ammianus 1986, 24.4; Ammianus 1982, XXIV.4.1-8). Un rol important în cadrul acestor operaţiuni militare le-a revenit ambarcaţiunilor mici din compunerea flotei imperiale, de tipul luntrilor şi bărcilor. O spune Ammianus Marcellinus, care relatează că, în timpul asediului, o parte însemnată dintre locuitorii cetăţii au căutat să se refugieze la Ctesiphon prin mlaştina din apropiere. Pe aceştia îi vânau soldaţii romano-bizantini, care, îmbarcaţi „pe plute şi bărci (luntribus et cymbis), cutreierau apele" mlaştinii, făcându-i prizonieri sau ucigându-i pe cei care opuneau rezistenţă (Ammiano 2013, XXIV.4.9; Ammianus 1986, 24.4; Ammianus 1982, XXIV.4.9).

La capătul unei noi etape de marş, forţele imperiale au ajuns la canalul Naarmalcha, numit şi „canalul regilor", care, potrivit consemnării lui Ammianus Marcellinus, fusese construit de împăratul Marcus Ulpius Traianus în timpul campaniei sale în Persia şi refăcut de Septimius Severus (Ammiano 2013, XXIV.6.1; Ammianus 1986, 24.6; Ammianus 1982, XXIV.6.1). Cu o lungime de „30 de stadii" (5,640 km), canalul asigura legătura între Euphrat şi Tigru în apropierea cetăţii Coche (Seleucia) (Ammiano 2013, XXIV.6.2; Ammianus 1986, 24.6; Ammianus 1982, XXIV.6.2). Folosindu-se de el, scrie Ammianus Marcellinus, flota romano-bizantină „a parcurs în siguranţă distanţa de treizeci de stadii şi a ajuns în Tigru" (Ammiano 2013, XXIV.6.1-2; Ammianus 1986, 24.6; Ammianus 1982, XXIV.6.1-2). Pentru utilizarea lui, relatează autorul, militarii romano-bizantini au trebuit să îl desfunde, deoarece, pentru a-l face inutilizabil, perşii „îl astupaseră cu bolovani mari de piatră" (Ammiano 2013, XXIV.6.2; Ammianus 1986, 24.6; Ammianus 1982, XXIV.6.2).

O versiune proprie a trecerii flotei romano-bizantine de pe Euphrat pe Tigru ne transmite şi Gregorius Nazianzenus. Acesta susţine că împăratul „deviază o parte deloc neglijabilă a apelor Euphratului, care să fie suficientă spre a face navigabil pentru flota lui un vechi canal" şi că, folosind acest canal, Julianus „salvează flota sa, transferând-o în deplină siguranţă de pe un fluviu pe altul" (Grégoire de Nazianze 1983, 5.10; Grigorie de Nazianz 2020, V.10.). La rândul lor, forţele terestre au traversat canalul Naarmalcha pe un pod de vase (Ammiano 2013, XXIV.6.2; Ammianus 1986, 24.6; Ammianus 1982, XXIV.6.2).

Trecerea flotei romano-bizantine de pe Euphrat pe Tigru, realizată în apropierea cetăţii Coche sau Seleucia, situată pe malul drept al fluviului, este semnalată şi de alţi autori. Îi avem aici în vedere pe Magnus Carrhenus, Zosimus sau Sozomenos. Aceştia nu oferă însă detalii cu privire la desfăşurarea acestei operaţiuni navale (Magnus Carrhenus 1851, 5; Malalas 1831, 330; Malalas 1986, 13.21; Zosimus 1837, 3.24; Zosimus 1982, 3.24.2; Sozomen 1846, VI.I; Sozomen 1855, VI.I).

Curând după trecerea forţelor romano-bizantine pe Tigru s-a consumat şi prima confruntare de mari proporţii cu oştile persane, care controlau malul stâng al fluviului. Bătălia s-a desfăşurat pe câmpia de pe malul stâng al Tigrului, în faţa cetăţii Ctesiphon. În faza de debut a confruntării, flotei imperiale avea să-i revină un rol determinant.

Păstrând în continuare iniţiativa militară, forţele romano-bizantine au fost cele care au deschis ostilităţile. În vederea angajării confruntării cu trupele persane, oastea romano-bizantină era

însă obligată să traverseze Tigrul. Operațiunile de traversare a fluviului aveau să se realizeze cu concursul flotei.

Din Oratio XVIII al lui Libanius reiese că locul debarcării a fost ales între Coche (Seleucia) și Ctesiphon (Libanius 1888, 199). Dificultățile care trebuiau depășite pentru punerea în aplicare a unui astfel de plan sunt evidențiate de Libanius, care susține că „dacă soldații urmau să treacă fluviul cu ajutorul flotei, ar fi fost imposibil să se apropie de orașe, în timp ce, dacă voiau să atace orașele, vasele le-ar fi fost inutile, iar dacă doreau să navigheze pe Tigru, efortul ar fi excesiv și ar fi trebuit să treacă, la mijloc, între orașe" (Libanius 1888, 199).

Desfășurarea ostilităților își află cea mai extinsă prezentare în opera lui Ammianus Marcellinus. Descriind faza de debut a bătăliei, acesta consemnează că „vasele mai mari, care transportau provizii și mașini de luptă, au fost descărcate și pe fiecare dintre ele au fost îmbarcați câte optzeci de soldați" (Ammiano 2013, XXIV.6.4; Ammianus 1986, 24.6; Ammianus 1982, XXIV.6.4).

O informație asemănătoare ne transmite și Libanius, prezentând chiar o stratagemă la care ar fi recurs împăratul pentru a-i determina pe ofițerii reticenți să-i accepte planul și pe soldați să se îmbarce pe vase. Acesta relatează că, în timp ce soldații erau lăsați să se relaxeze cu întreceri de curse de cai, vasele „erau descărcate", sub pretextul verificării uzurii armelor de vânătoare, dar că, în realitate, împăratul dorea „să îmbarce pe ele soldații, fără a-i înștiința în prealabil", în timp ce ofițerii chemați la o petrecere au fost convinși că traversarea Tigrului era singura soluție, deoarece le punea la dispoziție un teritoriu neafectat de război până atunci (Libanius 1888, 200). O informație asemănătoare regăsim și în *Breviarium*-ul lui Festus, care conchide că „la miezul nopții și-a trecut deodată soldații, îmbarcați în corăbii (navibus), pe malul celălalt" (Festus 2003, 28.2).

Numărul de vase participante la aceste operațiuni nu este precizat de niciunul dintre izvoarele avute la dispoziție. Pe baza informațiilor transmise de Ammianus Marcellinus și luând ca temei de calcul numărul de 600 de vase mari de transport, înregistrat de Zosimus, considerăm, ipotetic, că efectivul ostașilor romano-bizantini îmbarcați pe ele, angajați în confruntarea cu perșii, s-a ridicat la 48.000 de oameni. Cifra reprezintă, fără îndoială, numărul total de combatanți aflați sub comanda directă a împăratului Julianus.

În continuarea relatării sale, Ammianus Marcellinus consemnează că împăratul a reținut alături de el „cea mai puternică parte a flotei, pe care o împărțise în trei părți", iar o altă parte a trimis-o „cu comitele Victor să treacă fluviul pe ascuns la începutul nopții și să ocupe țărmul dușman" (Ammiano 2013, XXIV.6.4; Ammianus 1986, 24.6; Ammianus 1982, XXIV.6.4). O știre asemănătoare se regăsește și în Istoria bisericească a lui Sozomenos, care afirmă că trupele îmbarcate pe vase „au trecut Tugrul pe timpul nopții" (Sozomen 1846, VI.I; Sozomen 1855, VI.I).

Informațiile transmise de Ammianus Marcellinus și Sozomenos conduc la concluzia că misiunea corpului de oaste comandat de generalul Victor a fost acela de a constitui un cap de pod extins, pe malul controlat de perși, prin care să se asigure debarcarea restului forțelor romano-bizantine. Pentru a asigura succesul, operațiunile desfășurate de trupele generalului Victor s-au desfășurat noaptea.

Efectivele corpului de oaste pus sub comanda generalului Victor, precum și numărul de vase, destinate transbordării lui pe malul stâng al Tigrului, nu sunt precizate de Ammianus Marcellinus. Admițând ipotetic că vasele de transport, destinate transbordării forțelor imperiale pe malul stâng al fluviului, au fost împărțite în trei părți egale, rezultă că generalului Victor i-au fost atribuite 200 de nave. Dacă pe fiecare navă au fost îmbarcați câte 80 de luptători, înseamnă că efectivele corpului de oaste comandat de Victor s-au ridicat la maximum 16.000 de soldați. Misiunea acestui corp de oaste era cu atât mai temerară, cu cât, afirmă Ammianus Marcellinus, malul controlat de perși era „înalt și destul de greu de urcat" (Ammiano 2013, XXIV.6.6; Ammianus 1986, 24.6; Ammianus 1982, XXIV.6.6). În ceea ce privește afirmația autorului că Julianus a oprit alături de el partea cea mai puternică a flotei, ar putea avea un temei în faptul că, foarte probabil, sub comanda împăratului au rămas și cele 50 de nave de război.

Potrivit relatării lui Ammianus Marcellinus, membrii comandamentului romano-bizantin și-au exprimat dezacordul cu planul de luptă al împăratului. În pofida opoziției lor, Julianus a ordonat deschiderea ostilităților. În momentul în care a fost dat semnalul, susține autorul, „cinci vase au pornit imediat" spre malul stâng al Tigrului (Ammiano 2013, XXIV.6.5; Ammianus 1986, 24.6; Ammianus 1982, XXIV.6.5).

Pe baza informaţiilor lui Ammianus Marcellinus suntem în măsură să conchidem că detaşamentul de soldaţi îmbarcaţi pe cele cinci vase număra 400 de luptători. Cu certitudine, vasele în discuţie făceau parte din cele atribuite corpului de oaste comandat de generalul Victor. Fără îndoială, şi cei 400 de luptători îmbarcaţi pe ele făceau parte din acelaşi corp de oaste.

Informaţiile autorului menţionat ne permit, de asemenea, să conchidem că misiunea detaşamentului respectiv a fost aceea de a deschide capul de pod de pe malul stâng al Tigrului, controlat de perşi, care urma a fi apoi extins prin debarcarea întregului corp de oaste comandat de generalul Victor. Tentativa detaşamentului romano-bizantin de a debarca pe malul controlat de perşi a eşuat însă, datorită puternicei riposte date de adversar. Când vasele s-au apropiat de mal, relatează Ammianus Marcellinus, ele „au fost atacate cu făclii aprinse şi cu alte materii inflamabile", expunându-se riscului de a fi „mistuite cu ostaşi cu tot" (Ammiano 2013, XXIV.6.5; Ammianus 1986, 24.6; Ammianus 1982, XXIV.6.5).

Situaţia dificilă în care se afla armata romano-bizantină în urma eşecului înregistrat în tentativa de deschidere a capului de pod de detaşamentul din corpul de oaste a generalului Victor a fost salvată de intervenţia promptă a împăratului şi de capacitatea acestuia de a lua decizii rapide. Acesta, schimbând din mers planul de luptă conceput anterior, a dispus un atac pe scară largă şi debarcarea concomitentă, pe malul stâng al Tigrului, a tuturor forţelor romano-bizantine. Atunci, scrie Ammianus Marcellinus, „a intervenit împăratul care strigând cu toată puterea lui că acesta a fost semnalul dat de el pentru debarcare, a încurajat flota să se grăbească. Astfel, navele au ajuns nevătămate la mal" (Ammiano 2013, XXIV.6.5-6; Ammianus 1986, 24.6; Ammianus 1982, XXIV.6.5-6). A urmat apoi asaltul soldaţilor romano-bizantini asupra malului controlat de perşi, pe care, după o confruntare sângeroasă, l-au impus controlului. Ostaşii imperiali, consemnează în continuare autorul, „deşi atacaţi cu pietre şi săgeţi, au reuşit să debarce şi să pună stăpânire pe malul înalt şi destul de greu de urcat" (Ammiano 2013, XXIV.6.6; Ammianus 1986, 24.6; Ammianus 1982, XXIV.6.6).

O prezentare succintă a operaţiunilor de debarcare pe malul stâng al Tigrului se regăseşte şi în Oratio XVIII al lui Libanius. Şi acesta apreciază succesul înregistrat de soldaţii romano-bizantini, în pofida dificultăţilor ridicate de malul abrupt al fluviului şi de rezistenţa puternică a forţelor persane (Libanius 1888, 200).

În opoziţie cu opiniile celorlalţi autori, Sozomenos înregistrează o victorie facilă a forţelor romano-bizantine. Potrivit relatării lui, trupele debarcate pe mal au găsit aici „doar câţiva persani adormiţi", care au fost uşor anihilaţi (Sozomen 1846, VI.I; Sozomen 1855, VI.I).

Sfârşitul flotei romano-bizantine

Finalizarea cu succes a operaţiunilor de debarcare şi ocuparea malului stâng al Tigrului de forţele imperiale au marcat încheierea primei faze a confruntării romano-bizantino-sassanide de sub zidurile Ctesiphonului. Odată cu finalizarea acestei etape, se încheia şi misiunea flotei imperiale. A doua etapă, asupra căreia nu insistăm, a constituit-o bătălia terestră, deosebit de violentă, încheiată cu victoria armatei romano-bizantine.

În această etapă a campaniei, Julianus a ezitat să atace Ctesiphonul (Ridley 1973, 325). Deşi ar fi dorit acest lucru, el a preferat, în cele din urmă, să ţină cont de opinia majorităţii membrilor comandamentului său, care i-au cerut să renunţe la asediul capitalei sassanizilor, şi a decis continuarea înaintării în interiorul statului persan. Odată cu punerea în aplicare a acestei hotărâri, campania în Persia intra într-o nouă etapă, care avea să aducă cu sine sfârşitul flotei imperiale.

Ferm determinat să înainteze în interiorul statului persan, ceea ce însemna să lase fluviul Tigru în urmă, „pe stânga", împăratul „a poruncit să se dea foc întregii flote", relatează Ammianus Marcellinus (Ammiano 2013, XXIV.7.3-4; Ammianus 1986, 24.7; Ammianus 1982, XXIV.7.3-4). Au fost exceptate de la distrugere, scrie acelaşi autor „douăsprezece vase mici, necesare pentru construirea podurilor", respectiv douăsprezece pontoane „care urmau a fi transportate cu carele" (Ammiano 2013, XXIV.7.4; Ammianus 1986, 24.7; Ammianus 1982, XXIV.7.4).

Spre deosebire de Ammianus Marcellinus, Zosimus susţine că Julianus a păstrat pentru situaţia în care ar fi avut nevoie să construiască poduri de vase peste cursurile de apă un număr de 22 de pontoane. Toată flota romano-bizantină a fost incendiată, afirmă el, „cu excepţia a optsprezece vase romane şi patru persane, care urmau a fi transportate pe care, pentru a fi folosite în mo-

mentul în care ar fi fost nevoie" (Zosimus 1837, 3.26; Zosimus 1982, 3.26.3).

Libanius, care confirmă, la rândul lui, incendierea flotei, afirmă că au fost păstrate „ca la cincisprezece vase necesare construirii podurilor" (Libanius 1888, 204). Spre deosebire de ceilalți autori, el susține însă faptul că, în final, s-a renunțat și la acestea, deoarece „s-a decis că nu este convenabil nici măcar să se păstreze cele care au fost salvate (ca la cincisprezece, necesare construirii podurilor)", deoarece curentul fluviului „este prea violent pentru priceperea bărbaților" ajunși să vâslească, astfel că, prin nepriceperea lor, aceștia riscă „să ducă vasul, cu cei îmbarcați, în mâinile dușmanului" (Libanius 1888, 204).

Asupra incendierii flotei se oprește, succint, și Sozomenos. Din punctul lui de vedere, incendierea vaselor i-ar fi fost impusă împăratului de faptul că era nevoie „de prea mulți soldați pentru paza lor" (Sozomen 1846, VI.I; Sozomen 1855, VI.I).

Informații succinte referitoare la incendierea flotei sunt consemnate și de alți autori. Avem aici în vedere pe cele din operele lui Gregorius Nazianzenus, Ephraem Syrus, Festus, Theodoretus sau din cea tardivă a lui Ioannes Zonaras (Grégoire de Nazianze 1983, 5.12; Grigorie de Nazianz 2020, V.12; Ephraem the Syrian 1989, III.15; Festus 2003, 28.3; Teodoret 1995, III.25.1; Zonaras 1897, XIII, 13.9; Zonaras 2009, XIII.13).

În lucrarea lui, Ammianus Marcellinus ne oferă trei motive care au stat la baza deciziei lui Julianus de a renunța la flotă, odată cu înaintarea spre interiorul statului sassanid. Primul a fost ca vasele lăsate singure pe Tigru „să nu rămână la dispoziția inamicului" și ca „aproape douăzeci de mii de soldați să nu mai fie ocupați cu transportul și conducerea acelor vase, așa cum fuseseră încă de la începutul expediției" (Ammiano 2013, XXIV.7.4; Ammianus 1986, 24.7; Ammianus 1982, XXIV.7.4). Al doilea motiv l-a reprezentat conștientizarea faptului că „în eventualitatea retragerii, armata nu va putea reveni la fluviu prin munții înalți și pustii" (Ammiano 2013, XXIV.7.5; Ammianus 1986, 24.7; Ammianus 1982, XXIV.7.5). De altfel, afirmă Ammianus Marcellinus, la începutul expediției, Julianus se decisese să nu mai urmeze aceeași rută la sfârșitul acesteia, ci să revină în imperiu „pe un drum mai scurt, pentru a ierna la Tarsus, în Cilicia" (Ammiano 2013, XXIII.2.5; Ammianus 1986, 23.2; Ammianus 1982, XXIII.2.5). În sfârșit, cel de-al treilea motiv a fost rezultatul dezinformării făcute de o serie de dezertori și transfugi, care l-au convins pe Julianus de inutilitatea flotei în etapele ulterioare ale campaniei, care, supuși torturii, „au mărturisit pe față că au făcut declarații mincinoase" (Ammiano 2013, XXIV.7.5; Ammianus 1986, 24.7; Ammianus 1982, XXIV.7.5).

Împăratul, susține în continuare Ammianus Marcellinus, aflând de înșelăciunea a cărei victimă a fost și înțelegând gravitatea distrugerii flotei, „a poruncit să se stingă cât mai repede focul", pentru a salva vasele (Ammiano 2013, XXIV.7.5; Ammianus 1986, 24.7; Ammianus 1982, XXIV.7.5). Măsura venea însă prea târziu, deoarece „toate vasele arseseră, cu excepția a celor douăsprezece, care au putut fi salvate, fiindcă fuseseră trase mai departe", astfel, conchide autorul, „deși nu trebuia, flota a fost distrusă" (Ammiano 2013, XXIV.7.5-6; Ammianus 1986, 24.7; Ammianus 1982, XXIV.7.5-6).

Asupra factorilor, care l-au determinat pe Julianus să ordone incendierea flotei, s-a oprit și Libanius. Motivele înregistrate de el, sunt cam aceleași cu cele invocate de Ammianus Marcellinus. În primul rând, susține Libanius, „conform planului inițial, flota a fost mai bine dată pradă flăcărilor decât să rămână inamicului" (Libanius 1888, 204). În al doilea rând, planul campaniei nu prevedea ca la sfârșitul acesteia revenirea forțelor romano-bizantine în imperiu să se facă pe același traseu (Libanius 1888, 204). În al treilea rând, pentru că navigația pe Tigru, contra curentului, care era „iute și puternic, opunându-se provei navelor", făcea necesar „un număr mare de mâini" pentru vâslit, astfel că numărul celor de care ar fi fost nevoie pentru aceste operații ar fi reprezentat „mai mult de jumătate din armată", ceea ce vulnerabiliza restul forțelor terestre, expuse loviturilor inamicului (Libanius 1888, 204). În sfârșit, afirmă Libanius, „arderea flotei a înlăturat orice încurajare la lene", astfel că cei „care doreau să nu facă nimic, simulând că sunt bolnavi, pentru a obține posibilitatea transportului pe o navă", să fie lipsiți de această posibilitate, deoarece „când nu existau vase, fiecare om era sub arme" (Libanius 1888, 204).

Fazele următoare ale campaniei din Persia, care au fost eminamente terestre, nu prezintă importanță pentru subiectul nostru. De altfel, expediția avea să se încheie la sfârșitul lunii iunie a anului

363, odată cu moartea lui Julianus, în urma unei răni grave, primite, în timpul unei ciocniri cu un detaşament de oaste persan, la Maranga, pe Tigru (26 iunie).

Consideraţii finale

Pentru campania împotriva Persiei Sassanide (5 martie - 26 iunie 363), împăratul Julianus a mobilizat, pe lângă trupele terestre, şi o însemnată flotă. Efectivele sale au fost estimate de istoricii contemporani sau tardivi între 1.100 şi 1.250 de nave. Ammianus Marcellinus, participant la campanie ca ofiţer al armatei romano-bizantine, apreciază numărul lor la 1.100 vase, din care 1.000 de nave de transport de diverse tipuri, 50 de nave de război şi tot atâtea pentru transportul pontoanelor necesare construirii podurilor. Un alt contemporan al evenimentelor, Magnus Carrhenus, participant la campanie în calitate de tribun, afirmă că flota număra 1.250 de vase, din care majoritatea erau din lemn, iar altele din piele. Istoricul romano-bizantin Zosimus (secolul V) consemnează că flota imperială număra 1.200 de vase, din care 600 erau din lemn, 500 din piele, 50 erau vase de război şi tot atâtea pentru transportul pontoanelor. În sfârşit, Ioannes Zonaras (secolele XI-XII) era de părere că flota echipată de Julianus, pentru campania împotriva perşilor, era formată din 1.100 de nave, din care 700 erau vase mari, iar 400 vase uşoare.

Efectivele echipajelor care au servit pe vase nu sunt precizate decât de Ammianus Marcellinus. Acesta apreciază că numărul soldaţilor care s-au ocupat cu transportul şi conducerea vaselor s-a ridicat la aproape 20.000 de oameni.

Rolul flotei romano-bizantine în cadrul campaniei împotriva perşilor a fost unul secundar. El s-a limitat aproape permanent la transportul proviziilor şi a logisticii necesare trupelor. În unele cazuri, cu ajutorul flotei au fost transportate şi unităţi de cavalerie şi de pedestraşi ale armatei terestre.

În timpul campaniei, grupări de nave din flota romano-bizantină au participat activ la o serie de operaţiuni militare. Asemenea participări sunt înregistrate de izvoare la asediul cetăţilor Anatha şi Maiozamalcha. Vasele mari de transport din serviciul flotei romano-bizantine au avut un rol determinant în succesul debarcării forţelor terestre imperiale în apropierea Ctesiphonului, pe malul stâng al Tigrului, controlat de trupele sassanide, pentru a se angaja în confruntarea cu acestea.

Debarcarea trupelor terestre pe malul stâng al Tigrului, în apropierea cetăţii Ctesiphon, a reprezentat ultima operaţiune întreprinsă de flota romano-bizantină în campania din Persia. Decis să înainteze în interiorul statului persan, ceea ce-l îndepărta de fluviu, împăratul Julianus a ordonat incendierea flotei imperiale.

Bibliografie

Ammiano 2013: Ammiano Marcellino, Le storie. A cura di A. Salem (Novara 2013).

Ammianus 1982: Ammianus Marcellinus, Istorie romană. Studiu introductiv, traducere, note şi indice D. Popescu (Bucureşti 1982).

Ammianus 1986: Ammianus Marcellinus, The Later Roman Empire (A.D. 354-378). Selected and translated by W. Hamilton, with Introduction and Notes by A. Vallace-Hadrill (Bungay 1986).

Athanasiadis 1998: T. Athanasiadis, Fiul Soarelului. Viaţa împăratului Iulian Apostatul, traducere de Elena Lazăr (Bucureşti 1998).

Bidez 2004: J. Bidez, Vita de Giuliani Imperatore (Rimini 2004).

Casson 1971: L. Casson, Ships and Seamanship in the Ancient World (Princeton - New Jersey 1971).

Cumont 1917: Fr. Cumont, La marche de l'empereur Julien d'Antioche à l'Euphrate. In: Fr. Cumont, Études Syriennes (Paris 1917), 1-33.

D'Amato 2017: R. D'Amato, Imperial Roman Wardships 193-565 AD (Oxford 2017).

Dabrowa 2007: E. Dabrowa, Naval Operations During Persian Expedition of Emperor Julian (363 AD). Vol. „The late Roman Army in the Near East from Diocletian to rhe Arab Conquest. Proceedings of a colloquium held Potenza, Acerenza and Matera, Italy (May 2005)". Edited by A.S. Lewin, Pietrina Pellegrini with the aid of Z.T. Fiema and S. Janniard (Potenza 2007), 237-242.

Dillemann 1961: L. Dillemann, Ammien Marcellin et les Pays de l'Euphrate et du Tigre. Syria 38/1-2, 1961, 87-158.

Dodgeon, Lieu 2005: M.H. Dodgeon, S.N.C. Lieu, The Roman Eastern Frontier and the Persian Wars (AD 226±363). A Documentary History (London - New York 2005).

Drews 2017: R. Drews, Militarism and the Indo-Europeanizing of Europe (London - New York 2017).

Ephraem the Syrian 1989: Ephraem the Syrian, Hymns against Julian, the King, who aposteisised and against the flase teachers and against the Jews (Hymni contra Julianum). Translated by Judith M. Lieu, with introductin and notes by S.N. C. Lieu. Vol. „The Emperor Julian. Panegyric and Polemic. Claudius Mamertinus, John Chrysostom, Ephraem the Syrian". Edited by S.N. C. Lieu (Liverpool 1989), 87-128.

Festus 2003: Festus, Breviarium Gestarum Populi Romani, editio bilinguis. Scurtă istorie a poporului roman. Traducere de M. și Roxana Curcă. Ediție îngrijită, studiu introductiv, note și comentarii, indice de N. Zugravu (Iași 2003).

Filostorgiu 2012: Filostorgiu, Istoria bisericească. Ediție bilingvă. Traducere de D. Garofeanu. Studiu introductiv, tabel cronologic și note explicative de D. Mîrșanu. Ediție îngrijită de A. Muraru (Iași 2012).

Geffcken 1914: J. Geffcken, Kaiser Julianus (Leipzig 1914).

Gnoli 2015: T. Gnoli, La guerre di Giuliano imperatore (Bologna 2015).

Grégoire de Nazianze 1983: Grégoire de Nazianze, Discours 4-5 contre Julien. Introduction, texte critique, traduction et notes par J. Bernardi (Paris 1983).

Grigorie de Nazianz 2020: Grigorie de Nazianz, Cuvântarea a V-a. Împotriva împăratului Iulian. Cel de-al doilea discurs-invectivă. Grigorie de Nazianz, Chiril al Alexandriei, „Cuvântarea a IV-a, Cuvântarea a V-a. Împotriva lui Iulian (I, II)". Traducere și note de Anamaria-Irina Stoica. Ediție îngrijită de A. Muraru (Iași 2020), 244-311.

Hunt 2008: D. Hunt, Julian, în „The Cambridge Ancient History", vol. XIII. „The Late Empire, A.D. 337-425". Edited by A. Cameron and P. Garsney (Cambridge 2008), 44-77.

Julian 1923: Julian, The Works of the Emperor Julian, vol. III. With an English Translation by W.C. Wright (London - New York 1923).

Kelso 1998: I.A.O. Kelso, Ammianus Marcellinus and Procopius of Caesarea: The Eastern Campaigns of Julian and Justinian, 4th and 6th Centuries AD (Nova Scotia, 1998).

Libanius 1888: Libanius, Funeral Oration upon the Emperor Julian, în vol. „Julian the Emperor. Containing Gregory Nazianzen's Two Invectives and Libanius' Monody. With Julian's Extant Theosophical Works". Translated by C.W. King (London 1888).

Magnus Carrhenus 1851: Magnus Carrhenus, Eutychias Capadox, De Juliani bello Persico, în „Fragmenta historicorum Graecorum", vol. IV, collegit, disposuit, notis et prolegomenis illustravit Carolus Mullerus (Parisiis MDCCCLI).

Malalas 1831: Ioannis Malalae, Chronographia, ex recensione Ludovici Dindorfii (Bonnae MDCCCXXXI).

Malalas 1986: J. Malalas, The Chronicle of John Malalas. A Translated by Elizabeth Jeffreys, M. Jeffreys and R. Scott, with B. Croke, Jenny Ferber, S. Franklin, A. James, D. Kelly Ann Moffatt, Ann Nixon (Melbourne 1986).

Matthews 1989: J. Matthews, The Roman Empire of Ammianus (London 1989).

Michel le Syrien 1899 [1963]: Michel le Syrien, Chronique de Michel le Syrien Patriarche jacobite d'Antioche. Éditée pour la première fois et traduite en français par J.-B. Chabot, t. I (Paris 1899) (reeditată, în ediție anastatică, la Bruxelles, 1963).

Müller 1900: E. Müller, Kaiser Flavius Claudius Julianus. Biographie nebst Auswahl seiner Schriften (Hannover 1900).

Naudé 1958: C.P.T. Naudé, Battles and sieges in Ammianus Marcellinus. Acta Classica, I, 1958, 92-105.

Philostorgius 2007: Philostorgius, Church History. Translated with an Introduction and Notes by Ph. R. Amidon (Atlanta 2007).

Piganiol 1972: A. Piganiol, L'Empire chrétien, 325-395 (Paris 1972).

Pitassi 2012: M. Pitassi, The Roman Navy. Ships, Man and Warfare 350 BC - Ad 475, ediție digitală eBook (Barnsley 2012).

Ridley 1973: R.T. Ridley, Notes on Julian's Persian Expedition (363). Historia. Zeitschrft fur Alte Geschichte, XXII/2, 2 Quartal, 1973, 317-330.

Scavone 1969: D.C. Scavone, Zosimus, Greek Historian of the Fall of the Roman Empire: An Appraisal of His Validity and Merits (Chicago 1969).

Shahîd 2006: I. Shahîd, Byzantium and the Arabs in the Fourth Century (Washington, D.C. 2006).

Socrates 1853: Socrates, The Ecclesiastical History of Socrates, surnamed Scholasticus, or the Advocate. Comprising a History of the Church, in Seven Books, from the Accesssion of Constantine, A.D. 305, to the 38th Year of Theodosius II., including a Period of 140 Years (London MDCCCLIII).

Sozomen 1846: Sozomen, A History of the Church in Nine Books, from A.D. 324 to A.D. 440 (London MDCCCXLVI).

Sozomen 1855: Sozomen, The Ecclesiastical History, Comprising a History of the Church, from A.D. 324 to A.D. 440. Vol. „The Ecclesiastical History of Sozomen, Comprising a History of the Church, from A.D. 324 to A.D. 440 also The Ecclesiastical History of Philostorgius, as Epitomised by Photius, Patriarch of Constantinople". Translated by E. Walford (London MDCCCLV), 1-424.

Starr 1941: C.G. Starr, The Roman Imperial Navy 31 B.C. – A.D. 324 (New York 1941).

Sudhaus 1870: H. Sudhaus, De ratione quae intercedat inter Zosimi et Ammiani de bello a Iuliano imperatore cum Persis gesto relationes. Dissertatio Historica (Bonnae MDCCCLXX).

Syvanne 2018: I. Syvanne, The Military History of Late Rome AD 361-295 (Barnsley 2018).

Tantillo 2010: I. Tantillo, L'imperatore Giuliano, ediţie digitală eBook (Roma-Bari 2010).

Teodoret 1995: Teodoret al Cirului, Istoria bisericească. Traducere de V. Sibiescu (Bucureşti 1995).

Vannesse 2012: M. Vannesse, Ammianus Marcellinus on Julian's Persian Expedition (A.D.): a Notea on the Supply Chain. Vol. „Studies in Latin Literature and Roman History", t. XVI. Edited by C. Deroux (Brussels 2012), 639-645.

Woods 1998: D. Woods, The Role of the Comes Lucillianus during Julian's Persian Expedition. L'Antiquité Classique 67, 1998, 243-248.

Zonaras 1897: Ioannis Zonarae, Epitomae historiarum libri XIII-XVIII, edidit Theodorus Buttner-Wobst (Bonnae MDCCCXCVII).

Zonaras 2009: J. Zonaras, The History of Zonaras. From Alexander Severus to the death of Theodosius the Great. Translated by Th. M. Banchich and E.N. Lane. Introduction and commentary by Th. M. Banchich (London - New York 2009).

Zosimus 1837: Zosimi comitis et exadvocati fisci, Historiae, ex recognitione Immanuelis Bekkeri (Bonnae MDCCCXXXVII).

Zosimus 1982: Zosimus, New History. A Translated with Commentary by R.T. Ridley (Camberra 1982).

Emperor Julianus's Persian Campaign (March 5 – June 26, 363). On the role of the Roman-Byzantine fleet

Keywords: Julian II, the Roman-Byzantine fleet, Anatha, Maiozamalcha, Persia, Ctesiphon, Euphrates, Tigris.

Abstract: For the campaign against Sasanian Persia (March 5 - June 26, 363), Emperor Julian mobilized, in addition to ground forces, a large fleet. The number of vessels in its composition was from 1,100 to 1,250 units. The fleet was estimated by Ammianus Marcellinus at almost 20,000 people. The role of the fleet was limited almost exclusively to the supply of troops with food and logistical support. Sometimes, with the help of the fleet, cavalry and infantry units of the army were transported. Groups of ships took part in the siege of Anatha and Maiozamalcha. Large transport ships supported the landing of ground forces on the left bank of the Tigris, near the Ctesiphon.

Персидский поход императора Юлиана (5 марта – 26 июня 363 г.). О роли римско-византийского флота

Ключевые слова: Юлиан II, римско-византийский флот, Анафа, Майозамальха, Персия, Ктесифон, Евфрат, Тигр.

Резюме: Для похода против сасанидской Персии (5 марта – 26 июня 363 г.) император Юлиан мобилизовал, помимо наземных войск, большой флот. Количество судов в его составе составляло от 1100 до 1250 единиц. Численность флота оценивалась Аммианом Марцеллином почти в 20 000 человек. Роль флота ограничивалась почти исключительно снабжением войск провиантом и материально-техническим обеспечением. Иногда с помощью флота перевозились кавалерийские и пехотные подразделения сухопутной армии. Группы кораблей приняли участие в осаде Анафы и Майозамальхи. Большие транспортные корабли осуществляли высадку сухопутных войск на левом берегу Тигра, недалеко от Ктесифона.

19.06.2020

Dr. Vasile Mărculeţ, Colegiul Tehnic „Mediensis", str. Sticlei, nr. 9, RO-551130 Mediaş, jud. Sibiu, România, https://orcid.org/0000-0002-3409-2818, e-mail: vasilemarculet@gmail.com; web: vasilemarculet.vze.com

EARLY MEDIEVAL HOARD OF FORGING AND JEWELRY TOOLS FOUND AT VOLOAVE, SOROCA DISTRICT*

Ion Tentiuc, Valeriu Bubulici

Keywords: Carpathian-Dniester area, 9th-10th centuries, hoard, tools.

In the autumn of 2018, in the vicinity of Voloave village, Soroca District, a hoard of handicraft tools was discovered, consisting of 19 iron and bronze objects. The conditions of discovery of the hoard are not entirely clear. According to the finder, the hoard was found north of the village, on the right side of the Soroca-Voloave road, about 200 m from the forest edge. Surveys at the indicated place did not bring additional information or traces of an archaeological site nearby.

Based on the purpose of the artifacts, the hoard included forging and jewelry craft tools (16 objects), carpentry tools (2 objects), and a fragment of an agricultural tool.

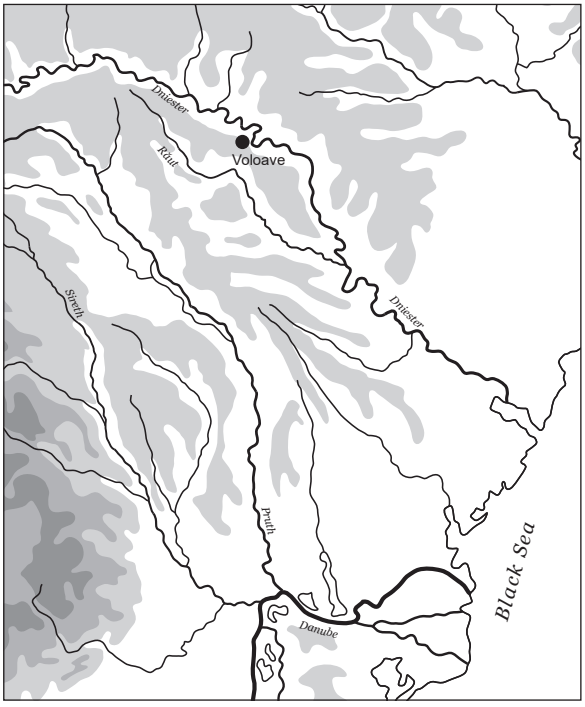


Fig. 1. Map showing the location of the Voloave hoard.

I. The hoard structure

Forging and jewelry craft tools

Forging and jewelry tools are represented by several categories of objects. These are three hammers with both working ends and an oval-elongated hole for the handle. The length of the hammers varies from 9.7 to 11.5 cm. The three truncated pyramidal anvils, the length of which varies from 12.4 to 12.9 cm, have a working upper part of a rectangular, flat or slightly convex shape with sizes from 5.9×6.9 to 7.8×8.4 cm. To this category of handicrafts also belong: tongs 23.1 cm long; graver with tubular handle 11.1 cm long; three mandrels/punches round or rectangular in section, the length of which varies from 12.3 to 15.1 cm, and two iron files (of steel (?) 13.5 and 15.1 cm long, respectively.

The treasure contains two objects that are rarely found. The first is a mold for casting ingots made of iron sheet. Its body forms a tank with internal dimensions: 8.5 cm long, 1.1 cm wide and 0.9 cm deep. The mold is provided with a rod for the handle, 7.5 cm long, with a sharp end. Traces of wood of the handle have been preserved on the surface of the rod. The total length of the item is 18.8 cm. Inside the tank, a fragment of a reddish-yellow non-ferrous metal with dimensions of 2.1×0.5×0.1 cm was preserved.

The hoard also includes a two-pan scale. The scale is made in the shape of a bronze bar 20.8 cm long, circular in section with a diameter of 0.3-0.5 cm. Both ends of the rod forming the body of the balance scale are rounded and flattened on both sides. The flattened ends of the rod have holes in which small rings have been inserted. The rings are made of bronze with a thickness of 0.2 cm. Two pans of the scale were attached to them using threads of silk, linen or hemp. One of

* The article was prepared within the project 20.80009.0807.43 "Museum heritage and historical memory: research, interpretation, presentation".

the shoulders of the scale has 10 short incisions on the surface located perpendicular to the length of the item. The distance between the incised lines is 0.8 cm. In the center of the balance scale there is a bronze plate 2.0 cm long and 0.6 cm wide integrated during casting, which was used to fasten the vertical arm. The plate has two holes located vertically at a distance of 1.2 cm from each other. Two elements of the balance scale – horizontal and vertical arms – were riveted trough the lower hole. The vertical arm of the scale (handle) is made of a round rod 7.3 cm long and of an average thickness of 0.3 cm. The lower part of the handle is flattened and bifurcated to a length of 2.4 cm. The forked surface has two holes: the lower was used to attach the vertical arm to the horizontal one with a rivet, and the top hole was used for calibrating the scale. The vertical arm, starting from the bifurcation level, is decorated with continuous horizontal incisions. The upper end of the vertical arm is rounded and flattened. In the flattened end there is a hole for a ring made of 0.2 cm thick wire, with the ends put together.

Two pans from the balance scale set were minted of thin bronze sheets. They have the shape of a circle segment. Both objects have a diameter of 6.7 cm and a height/depth of 1.3 cm. The pans have a smooth inner and outer surface, without traces of ornament. The edges of the pans are simple, without cuffs, punched by three holes located at equal distances. A ring is passed through each hole. They are identical in shape and size to the rings on the arms of the scales with which they are to be linked.

Carpentry tools

The category of carpentry tools[1] include two knives for a woodworking lathe made of iron strips curved along the edge line. At one end they are sharpened, and the other end is provided for the handle. The length of the items is 18.8 and 21.3 cm, respectively.

Agricultural tools

Of agricultural tools, mention should be made of a scythe fragment, representing a short rod for fixing the shaft. The scythe socket ends with a small stalk/hook, bent at a 90 degree angle. The length of the preserved part of the item is 12.8 cm.

[1] It is possible that the items we attributed to this category could have other uses.

II. Typological analysis

Due to the prolonged use of types of tools from the Voloave hoard and the lack of an archaeological context, the chronological and cultural attribution of the objects is based on analogies from neighboring regions found in well-dated contexts. Most of the items in the hoard from Voloave, a village located near the Dniester River[2], find their analogies in the hoards of tools and weapons, as well as in some archaeological sites discovered to the south and east of the Carpathians and dating back to the 9th-11th centuries. Thus, *hammers* similar in shape and size to those from Voloave were found in hoards from Bârlogu (Argeş County) (Nania 1969, 123) and Dragosloveni (Vrancea County) (Comşa, Constantinescu 1969, 428; Canache, Curta 1994, 201), in a settlement from Bucov (Comşa 1978, 48, fig. 34/10), as well as in fortified settlements from Alcedar (Şoldăneşti District) (Федоров 1961, рис. 11/14) and Echimăuţi (Rezina District) (Федоров 1953, рис. 51/5). *Anvils* similar in shape to ones from Voloave were discovered in hoards from Dragosloveni (Vrancea County) (Comşa, Constantinescu 1969, 426, fig. 1/12), Radovanu (Călăraşi County) (Comşa, Gheanopoulos 1969, 617-621, fig. 1), Bârlogu (Argeş County) (Nania 1969, 122), in the settlements of Bucov-Tioca (Prahova County) (Comşa 1978, 48, fig. 34/7) and Câmpineanca (Vrancea County) (Mitrea, Nămoloşanu 1973, 61-69, fig. 7/4; Mitrea 2012, 246, fig. 20/5). Small jeweler's anvils were found at Păcuiul lui Soare (Diaconu, Vîlceanu 1972, 167, fig. 66/6) and in the fortified sites from Alcedar (Şoldăneşti District) (Федоров 1961, рис. 11/12), Echimăuţi (Rezina District) (Федоров 1953, 119, рис. 51/5) and Glinjeni (Şoldăneşti District) (Гольцева, Кашуба 1995, 59, табл. 127/10).

Small *tongs* with handles up to 30 cm long used by jewelers and tongs with handles up to 70 cm long used in blacksmithing (Tănase 2010, 109-110) are known in several early medieval sites of the 6th-8th centuries to the south and east of the Carpathians. Thus, tongs similar to those from Voloave were found in the hoards from Bârlogu (Nania 1969, 122), Dragosloveni (Comşa, Constantinescu 1969, 426, fig. 1/8-10), in the fortified settlement from Echimăuţi (Федоров 1953, 119, рис. 51/5), in the settlements from Hansca (Ialoveni) (Постикэ 1985, 167, рис. 1/10), Jariştea

[2] Voloave is located at a distance of about 5 km in a straight line from the Dniester River and about 7 km from the ford of Soroca.

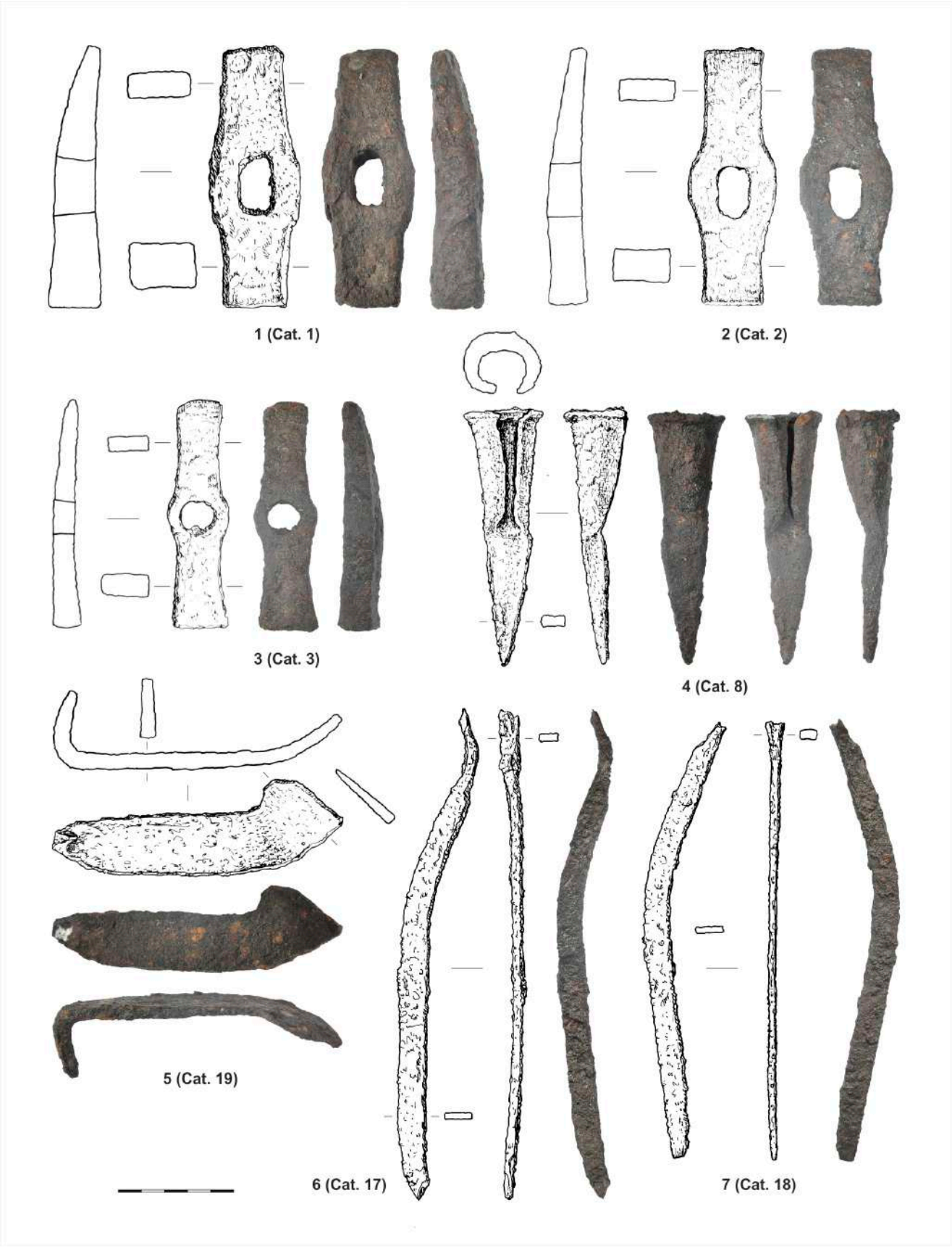


Fig. 2. Hammers (1-3), graver with tubular handle (4), snath of a scythe (5), woodworking lathe cutters (6-7) (photo and drawing).

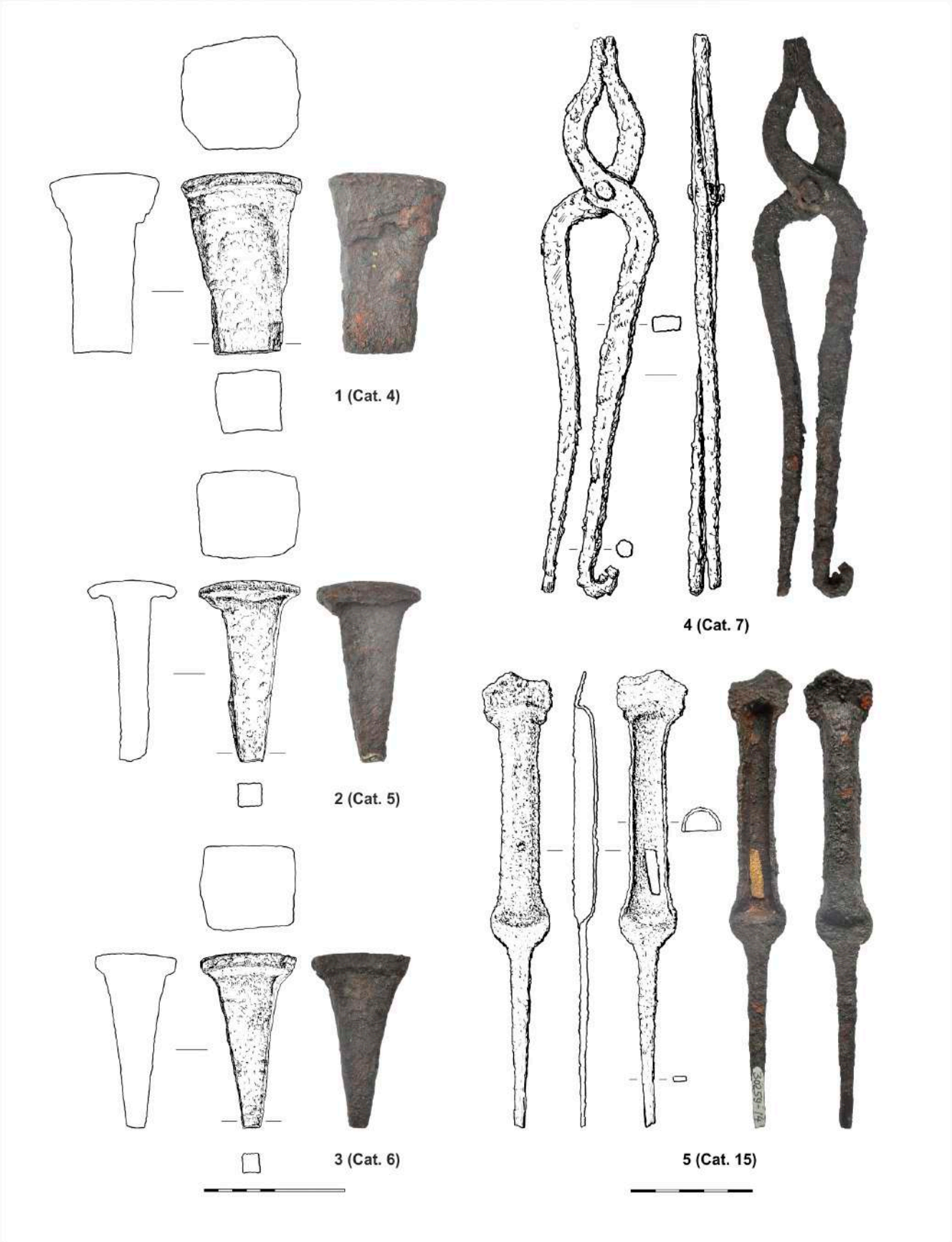


Fig. 3. Anvils (1-3) and jeweler's tongs (4), iron mold for casting ingots (5) (photo and drawing).

(Vrancea County) (Paragină 1978, 82-83, fig. 1) and Şuletea (Vaslui County) (Coman 1980, 143, fig. 154/6; Canache, Curta 1994, 205). Jeweler's tongs with dimensions close to the one from Voloave were also discovered in grave no. 10 from Bandu de Câmpie (Mureş County) (with a length of 22.5 cm) (Teodor 2006, 203, fig. 11; Tănase 2010, 110) attributed to the 6th-7th centuries, but also at Moreşti (Cluj County) (length 30.5 cm) (Horedt 1979, 150, pl. 43/1). Regarding the 9th-11th centuries, tongs with short handles were found at Curcani (Călăraşi County) (Comşa, Deculescu 1972, 469, fig. 2/3), at Păcuiul lui Soare (Diaconu, Vîlceanu 1972, I, 165, fig. 66/2) and in the fortified settlement of Alcedar (Федоров 1961, 95, рис. 11/1, 13). Noteworthy are the tongs with handles only 16.6 cm long, found during excavations at Alcedar. The object was found inside one of the workshops for the production of jewelry and weapons, researched inside the fortified settlement. It was found together with hammers comparable in size to those from Voloave, small anvils, stamps, mandrels, punches, and pieces of jewelry (temporal rings) of silver with filigree and granulation made by local jewelers (Федоров 1953, 106, рис. 48/2); the silver fineness of these products (960 ‰) coincides with the fineness of Islamic dirhams (Рябцева, Тельнов 2010, 297 and note 8; Болдуряну, Рябцева 2015, 32) found at Alcedar and Echimăuţi.

Iron *mandrels*, *stamps* and *gravers* such as those from the Voloave hoard are found in the Gârbovăţ hoard (Galaţi County) (Teodor 2004, 395), in the settlements from Davideni (Neamţ County) (Mitrea 2001, 320, fig. 60/2-3, 321, fig. 61/10; Teodor 2006, 197, fig. 5) and Ştefan cel Mare (Bacău County) (Mitrea, Eminovici, Momanu 1987, 224-225, 250, fig. 17/1; Tănase 2010, 75-76), but also in the fortified settlement of Alcedar (Şoldăneşti District) (Федоров 1961, 102-105, рис. 11/4-8). *The graver* with tubular handle has close analogies in the hoards from Curcani (Ilfov County) (Comşa, Deculescu 1972, 469, fig. 2/5) and Bârlogu (Argeş County) (Nania 1969, 122, fig. 1/3a -b), being assigned to the category of chisels for wood processing. Iron *files* (of steel (?)) are known in the Gârbovăţ hoard (Teodor 2004, 397, fig. 2/6), in the sites of Bucov (Comşa 1978, 48, fig. 34/1) and Păcuiul lui Soare (Diaconu, Vîlceanu 1972, I, 167, pl. XXX/5), but also in the fortified settlement of Echimăuţi (Федоров 1953, 119, рис. 51/5).

Two objects made of iron strips curved on the edge line were classified as carpentry tools. *Woodworking lathe knives* are items rarely found in sites of this period. They were discovered in the settlement of Bucov (Comşa 1978, 52-53, fig. 35/2, 5-7). A similar object was identified in the fortified settlement of Echimăuţi (Федоров 1953, 123, рис. 52).

Unlike lathe knives, *scythes* are often found in early medieval sites. The most representative are the objects from the hoards from Dragosloveni (Vrancea County) (Comşa, Constantinescu 1969, 429, fig. 2/4) and Curcani (Călăraşi County) (Comşa, Deculescu 1972, 469-477), from the settlements of Hansca (Ialoveni District) (Хынку 1974, 33, рис. 2/1), Tupilaţi (Vaslui County) (Coman 1980, fig. 162/13; Bilavschi 2016, 168-176, pl. XLVII/1-4), Bucov-Tioca (Prahova County) (Comşa 1978, 44, fig. 30/5), but also from the fortified settlement at Echimăuţi (Rezina District) (Федоров 1953, рис. 52/1).

For some objects from the Voloave hoard, so far, no analogues have been found in the area south and east of the Carpathians or in the surrounding regions. These are *the iron mold for casting ingots* and *bronze balance scale with pans*.

Molds for casting ingots are not known to us in early medieval archaeological complexes in south-eastern Europe. Most objects of this kind have been found in northern Europe. Clay or stone molds for the production of ingots have been identified in most of the trade and craft sites of the 9th-10th centuries investigated in northern Germany and Scandinavia. A significant number of casting molds have been found in the well-known centers of Haithabu and Oldenburd (Germany), Ribe and Fyrkat (Denmark), Kaupang (Norway), Birka, Trelleborg, Sigtuna, on the island of Gotland (Sweden) (Sindbœk 2001, 66) or in Wolin (Poland) (Stanislawski 2013, fig. 10). Thus, for example, in the Ribe site 9 molds for casting ingots were found and in Birka 11 molds were found (Resi 1979, 175-179).

Several casting molds made of clay or stone were found during the archeological excavations at Staraya Ladoga and Rurikovo Gorodishche (Novgorod) in northwestern Russia (Янссон 1999, 32; Кирпичников 2003, 88, рис. 2) and in

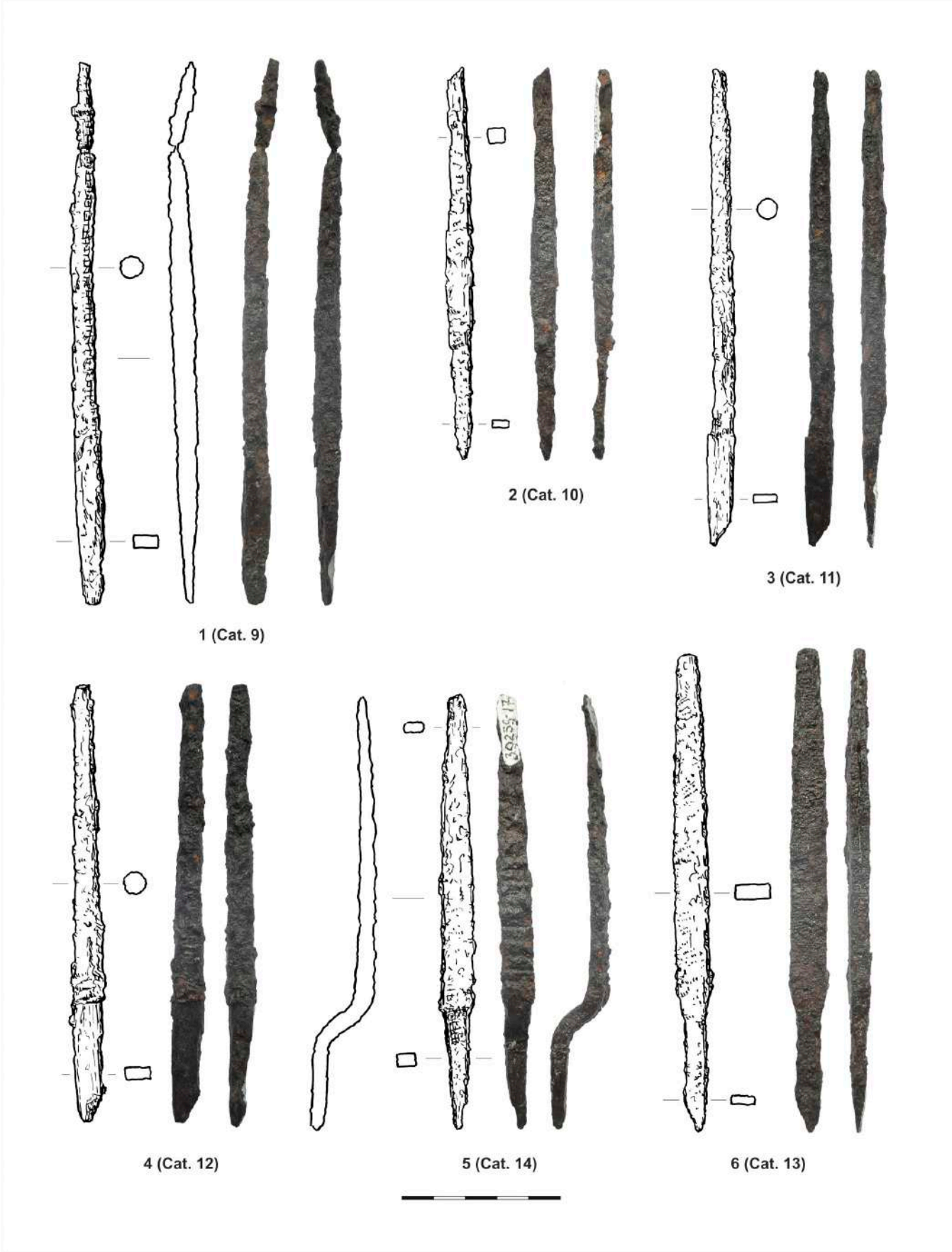


Fig. 4. Jeweler's tools: burins/gravers (1-4), iron files (steel -?) (5-6) (photo and drawing).

the settlement of Kenteskalns in Latvia (Стубавс 1959, 204). Researchers believe that the presence of casting molds in early medieval sites is related to the ancient traditions of northern European metallurgy (Кирпичников, Ениосова 2004, 295).

As for *the metal molds for the production of ingots*, they are very rare finds, but they are not missing in the early medieval sites. Two massive metal casting molds were found in the fortified settlements of Mejotne[3] and Tervete, in Latvia (Дайга 1960, 90, рис. 2/12; Кирпичников 2004, 293), attributed to the 12th-13th centuries.

The closest in shape and size to the Voloave specimen is the rectangular iron mold found at Haithabu (Schleswig, Germany) (Schietzel 2014, 417; Ениосова, Сингх, Степанов 2018, 68, рис. 9). Like the Voloave mold, it has non-ferrous metal residues in the tank. The fortified trade and craft center of Haithabu existed, according to the researchers, from 810 to 1050/1066 (Ulbricht 1992, 252). Here, along with other important artifacts, the largest number of molds for the production of ingots was found: 234 objects, of which 67 were intact. Most of them were made of soapstone (Resi 1979, 61-64).

Although in the region we did not find any analogies to the mold for casting ingots, however, in the Carpathian-Dniester area, ingots/bars of bronze or silver were found, that were close in shape and size to the tank of the mold from Voloave. Thus, a bronze ingot comes from a 9th-century handicraft workshop researched in the settlement of Dodeşti (Vaslui County) (Teodor 1984, 68, fig. 30/4), and another from Selişte (Orhei)[4] (Рафалович, Лапушнян 1974, 127-128, рис. 8/7). Silver ingots[5] were discovered in the process of archaeological investigations inside the fortified settlements of Alcedar[6] (Fedorov 1957, 164) and Echimăuţi[7] (Федоров 1953, 112; Boldureanu, Nicolae 2015, 115, pl. 30/8). In neighboring regions, silver or bronze ingots were also found in the fortified settlement of the 9th-11th centuries from Červone (Vinnytsia Oblast), on the Southern Bug, where they were discovered together with a bronze scale (Андрощук 2008, 14-15, рис. 5). Silver ingots were also found in hoards, such as the one in Alcedar[8] (a village located on the Dniester River) (Болдуряну 2010, 302; Рябцева, Тельнов 2010, 286, рис. 1/19). Four bars were found in the Răducăneni hoard[9] (on the Prut River) (Teodor 1980, 403-423; Nicolae, Moglan 2001, 43-50; Dejan 2015, 206-209, pl. 38). In the regions adjacent to the Carpathian-Dniester area we should mention the silver ingots from the Kopievka and Borščevka hoards, located in the Southern Bug basin (Корзухина 1954, 85-85).

Like the weights of bronze[10] or iron in the shape of a barrel wrapped in copper foil, which were found in Echimăuţi (Федоров 1953, 124) and Alcedar (Болдуряну 2010, 302, 304, рис. 1/6; Boldureanu, Nicolae 2015, 115, pl. 31/6), for a long time the ingots were considered to be of the Asian / Arab East origin (Niederle 1926, 260-265). Some researchers have admitted that their presence can be linked to the penetration into Central and Northern Europe, but also in the Carpathian-Dniester regions, in the 9th-11th centuries, of Islamic dirhams and silver, as well as Arab merchants from Eastern countries (Teodor 1985, 263-268).

The discovery of ingot molds in early medieval sites of Northern Europe has allowed researchers to rightly note that the origin of ingots and ingot molds is the Baltic Sea area and Scandinavia, where they were spread from by merchants and roving craftsmen, through international trade routes, into different regions of Eastern (Кирпичников, Ениосова 2004, 293; Ениосова,

[3] They are kept in the National History Museum of Latvia (Accession no. 11429:766).

[4] The ingot from Selişte, with a preserved length of 13.5 cm, had one of its ends cut. The weight of the object is 30 g. The archaeologists who excavated attributed the ingot to the 6th-7th centuries.

[5] Islamic silver coins were usually used as a raw material for casting silver ingots (see: Янин 1956, 70-140; Бауер 2014, 240-296).

[6] The researcher mentions, without further details, that "the silver ingot cast in the shape of a boat is of the ordinary Russian type" (Федоров 1961, 102).

[7] Researchers A. Boldureanu, E. Nicolae and S. Ryabtseva specify that the ingot from Echimăuţi, which is kept in the National Museum of History of Moldova in Chişinău (Accession no. 27020-35), weighs 9.35 g (Boldureanu, Nicolae 2015, 115; Болдуряну, Рябцева 2015, 26).

[8] The shape and weight of the ingot from the Alcedar hoard are not indicated.

[9] The weight of the four preserved ingots varies from 2.5 g to 40.43 g (Nicolae, Moglan 1998, 43-48, fig. 1/8-10).

[10] Early medieval weights are not common finds in the sites south and east of the Carpathians. Even more incomprehensible is the slightly superficial attitude towards them, when some researchers ignore their description and/or graphic representation.

Сарачева 2006, 89; Кирпичников 2007, 209) and Southeast Europe.

An important documentary evidence in connection with these artifacts is the notes of the Arab traveler ibn Fadlan, who mentioned that the Scandinavians (=rüs), whom he met on the Volga, used both Kufic dirhams and ingots, metal bars of a certain standard, as a means of exchange for purchase and sale[11] (Ковалевский 1956, 142; Кирпичников 2007, 208).

Thus, we can see that the circulation of ingots, as well as the spreading of molds for their casting, is closely related to the trade and craft activities of the Scandinavians who used Islamic coin silver, and who also were very good warriors, craftsmen and merchants, as recorded in written sources by Arabic geographers or travelers (Ковалевский 1956, 141-142; Ducène 2018, 132-143; Tentiuc, Bubulici 2018, 73) of that period.

The fact that silver or bronze ingots found in the Carpathian-Dniester region are close in shape to the tank of the Voloave mold suggests their casting by local craftsmen or probably roving jewelers in molds of more or less standardized parameters, such as the one found in the hoard in question.

The presence of a mold for casting ingots in the hoard from Voloave clearly demonstrates the existence in the region of the practice of processing non-ferrous metals and silver associated with the activities of jewelers. Archaeological investigations have confirmed this fact. Traces of jewelry production were found in several sites of the 9th-11th centuries in the Carpathian-Dniester region. Mention should be made of jewelry workshops from Borniş (Neamţ County) (Teodor, Popovici 1994, 147), Costeşti (Iaşi County) (Teodor 1970, 102), Dodeşti (Vaslui) (Teodor 1984, 65-68), Păhărniceni-Petruha (Orhei) (Хынку 1969, 36-38) and Hansca (Ialoveni) (Хынку 1972, 177; Postică 2007, 161-162). Also noteworthy is the large number of molds for casting jewelry and clothing accessories found in early medieval sites in the extra-Carpathian space (Teodor 2005, 159-174; Ciupercă, Măgureanu 2009, 149-157; Tănase 2010, 64-76, 118-143). In this sense, one can distinguish fortified settlements from Echimăuţi and Alcedar, where several forging and jewelry workshops were found, as well as tools specific to jewelers, raw materials represented by the remains of bronze or silver wire, tools for wire drawing, silver jewelry and copies made of bronze, professionally repaired jewelry, and so on (Федоров 1953, 117, рис. 51; Федоров 1960, 39-40, рис. 19; Федоров 1961, 80-84; Федоров 1974, 118; Рябцева, Тельнов 2010, 285-300).

The jeweler monk Theophilus Presbyter, in his text *De Diversis Artibus* or *Schedula diversarum artium* (probably written around 1100–1120), described very accurately the process of making brass from copper and calamine in melting pots. It is important that in his work the author mentions iron molds (*ferri infusorii)* used to produce gold, silver or copper ingots of various shapes and sizes (Теофил, III, 16-25). According to Theophilus Presbyter[12], before use, the iron molds for the ingots were heated and their walls were waxed (Hawthorne, Smith 1979, 93).

As for *the bronze balance scales with two pans*, finds of early medieval objects similar to those from the Voloave are known in several regions of Western, Northern and Central-Eastern Europe (Werner 1954, 10-39; Steuer 1987, 113-197;

[11] Also, in connection with the processing of non-ferrous or precious metals, there is an ibn Fadlan's mention about Scandinavian/Viking women, whom he saw during his trip to the Volga Bulgars in 922. Beautifully dressed, they wore around their necks one, two or more *tauks* as a sign of social status and wealth of the husband (Кулешов 2018, 42-49). The Arabic word *tauk* has been interpreted by some translators as *monisto* (Ибн-Фадлан 1939, 78-79; Ковалевский 1956, 141-142), with the meaning of a necklace of coins (Postică 2007, 185). The English translations of this passage used for it the words *neck-ring* (Frye 2006, 63) or torques (Lunde, Stone 2012, 46). Other researchers have translated the word as *gryvna (torc)* (Жилина 2010, 182). A.L. Mongait drew attention to the incorrect translation of this word by A.P. Kovalevsky (Монгайт 1961, 111-112). A competent analysis of the meaning of the word was recently made by researcher V.S. Kuleshov (Кулешов 2018, 43-44 and note 2), who demonstrated, through solid arguments, the correctness of the translation of the Arabic word *tauk* as *torques* or *gryvna*. We mention this in connection with the two beautiful massive silver necklaces or *torques* found at Alcedar (is kept in the collections of the National Museum of History of Moldova in Chişinău, accession no. 7261) and in the Răducăneni hoard (is kept in the collections of the Museum of History of Moldova in Iaşi, accession no. 9846), both having the same shape, the same clasps, diameter (190 mm each) and weight (454 g) Slightly different weight of the Răducăneni necklace (385 g) can be explained by the loss/rupture of a small fragment of it (see: Teodor 1980, 413).

[12] Some researchers have attributed the work to the 10th century (Рыбаков 1948, 393; Каждан 1960, 199-200; Theobald 1983), or even to the 9th century (Eibner 1909, 399).

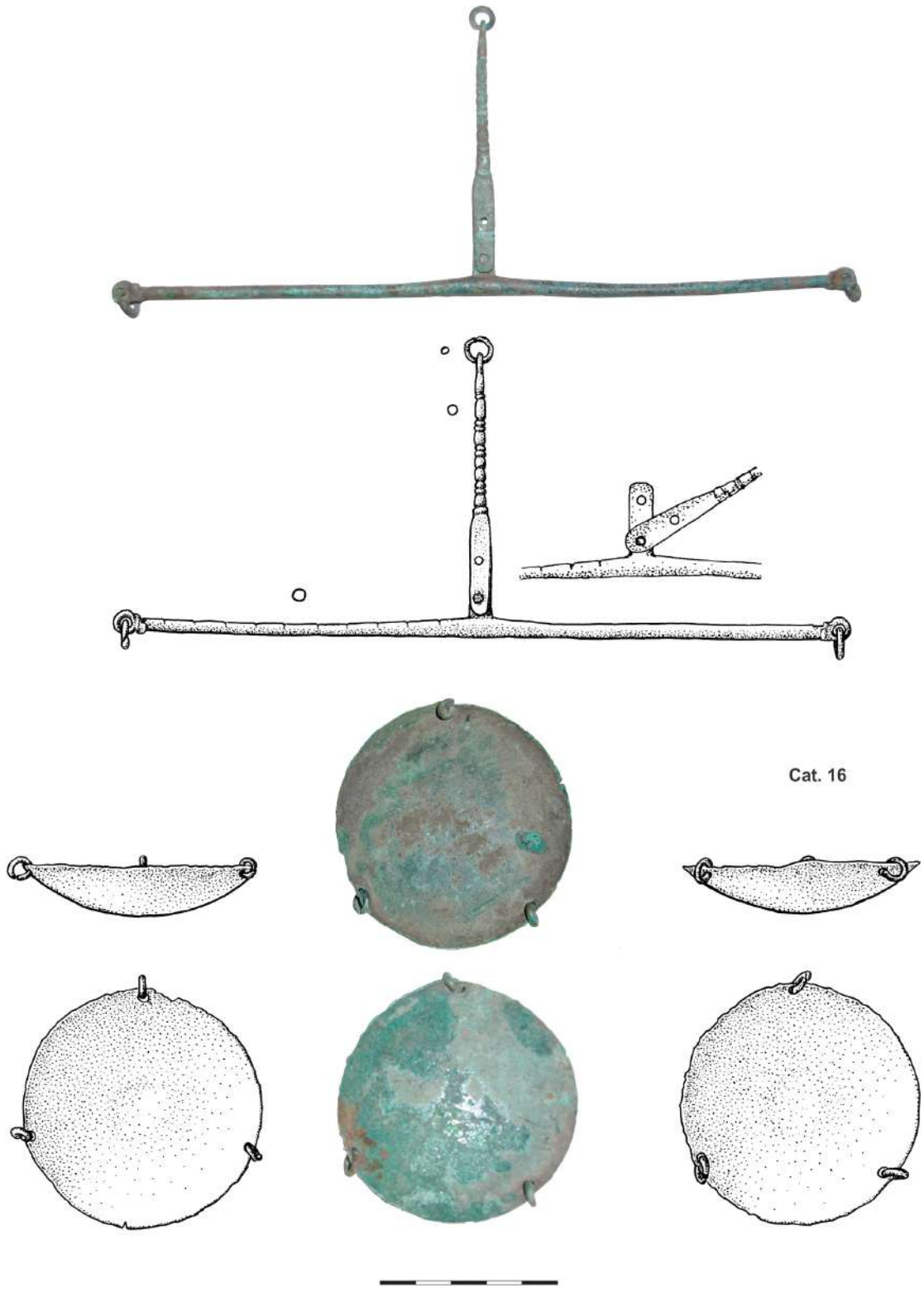


Fig. 5. Bronze scale with pans (photo and drawing).

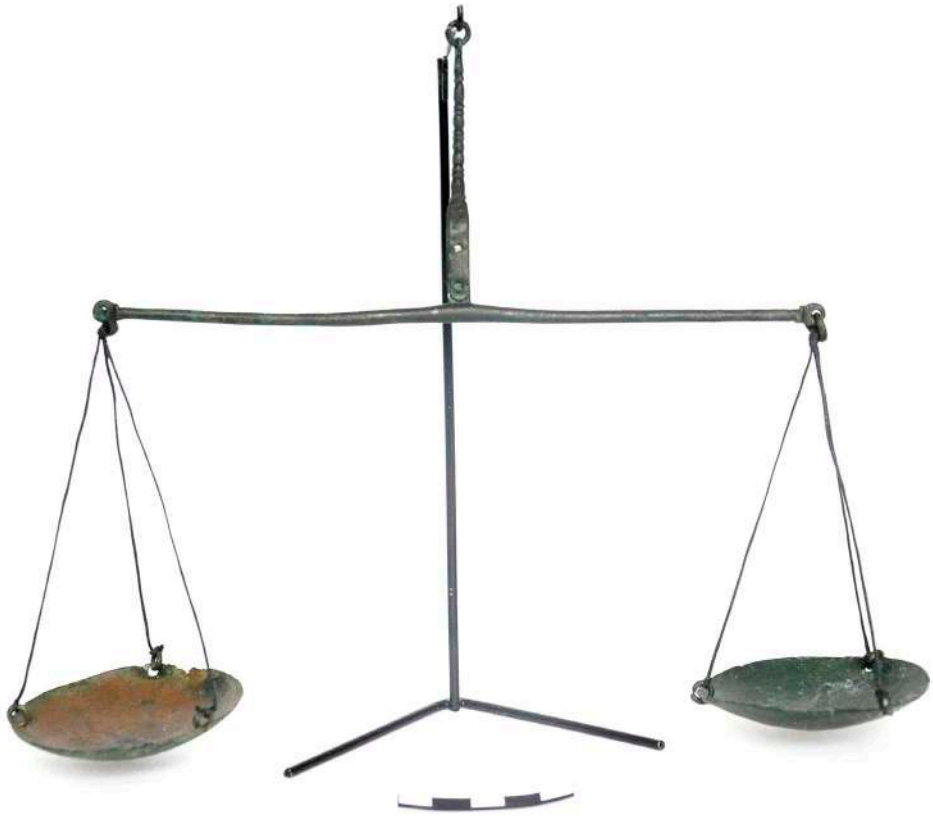


Fig. 6. Bronze balance scale (reconstruction).

Пушкина 1991, 226-243; Жуковский 2017, 153-165).

Few scales come from the circum-Carpathian area. The earliest scale (= *statera*)[13] for small weights, with unequal arms, with a single pan, belong to the Roman period. They were found in Turda (*Poraissa*) (Petculescu 2003, 167, no. 301), *Micia* (Petculescu 2003, 167, no. 302), Ocna Sibiului (Popa 2005, 73-79) and Alba Iulia (Timofan 2010, 57-64). The Roman-Byzantine era is represented by balance-type scale, intact or fragmentary, found at Capidava (Covacef, Potârniche 2010, 267-275; Petculescu 2003, 168, no. 303) and Dinogetia-Garvăn (Ştefan 1950, 152; Petculescu 2003, 168-169, no. 304-306), attributed to the 6th century. Fragments from a scale of this type were found in the settlement of the 8th-10th centuries from Bucov-Rotari. Also here, in Bucov-Tioca, a lead weight was found, of spherical shape[14] (barrel (?)), attributed to the 8th-9th centuries (Comşa 1978, 119, fig. 94/4), similar to the one from Slon (Prahova County) dated the second half of the 10th century.

A fragment of weighing scale, of another type, with folding arms, was found at Lenkivtsi (Chernivtsi Oblast) in cultural layers attributed to the 12th-13th centuries (Тимощук 1982, 77, рис. 16/30). A balance scale similar to that of Lenkivtsi was identified in the site of Baia (Suceava County), in a complex dating from the 15th century (Neamţu et al. 1980, 78-79, fig. 44/1, 2).

[13] *Statera* meant the balance scale with pans.

[14] The weight from Bucov-Tioca is somewhat different from the weight from Alcedar. The latter is in the shape of a barrel, made of iron and covered with copper foil. It retains the weight designation, represented by four carved points. The points are connected by two wavy lines arranged in a gamma-cross shape. The marking is enclosed in a circle. This weight belongs to the early type BI according to Heiko Steuer typology (Steuer 2004, Abb. 10). In contrast, the Bucov-Tioca object has an alphabetic symbol on one side and three vertical lines on the other.

In the late Roman and early medieval period in Western, Central and Eastern Europe, as well as in the Arab East, two types of scales were mainly used: 1) scales with unequal arms (*Schnellwaage*) and 2) bronze scales with equal arms made from a single bar (*Gleicharmige bronzene Feinwaage*). At the end of the 9th century and the beginning of the 10th century, simultaneously with the appearance of iron weights for scales in the form of a barrel wrapped in copper foil (Steuer 2004, 69-73, Abb. 10), balance scales with folding arms also appeared (*Klappwaage*) (Werner 1954, Abb. I) that could be kept and worn in a wooden or metal case (Фехнер, Янина 1978, 184-186; Пушкина 1991, 226-243; Пушкина 2010, 147-153; Авдусина 2014, 10-11; Жуковский 2017, 156-159).

Typologically, the balance scale with equal arms made of a single bar from Voloave is one of the oldest objects of this kind, known since ancient Egypt. Into Western, Central and Northern Europe, this type of early medieval devices may have come from the Roman-Byzantine Empire[15]. The scales are most frequently found in the hoards and / or in the grave goods of some German jewelers of the 6th-8th centuries (Werner 1954, 11-19) or of the 9th-11th centuries (Steuer 2007, 539-586). The best known are the scales from the burial complexes attributed to goldsmiths in Herouvillette (northern France), Pfullingen, Walerstädten (Hessen) or Hailfingen, in central and southern Germany. They have also been found in cultural complexes belonging to the 6th-8th centuries from the site of Evebö (Central Norway) (Werner 1954, 17, Abb. 6/1; Henning 1991, 80-81). Close in shape to the Voloave scale are the scales from Kunszentmárton on the Körös River and from Pókaszepetk (Hungary), identified in sites of the 6th-8th centuries (Tănase 2010, 81)[16].

In the neighboring regions, there is known a balance scale found in the round fortified settlement of the 9th-11th centuries at Chervone[17] (Vinnytsia Oblast), on the Southern Bug (Андрощук 2008, 14-15). An object identical to the Voloave scale was found in the fortified settlement attributed to the 9th-11th centuries at Supruty (Tula Oblast) (Изюмова 1974, 53-54). Like the Voloave scale, it has a horizontal beam length of about 20 cm (Григорьев 2005, 112, рис. 47/1)[18]. A "small" scale with two bronze pans comes from the grave of a jeweler from Peresopnitsa (Volhynia) (Корзухина 1946, 45).

The object from Voloave with equal arms made of a single bar finds its analogies in the grave goods attributed to the 9th century from Skredtveit, Bygland and Vestly in Norway (Müller-Wille 1977, 127-201, fig. 22 and 23). It is worth noting the grave goods of a jeweler from Vestly, which, in addition to the scale, also contained specific craft tools. Among the craft tools here are mentioned the hammer, the anvil, the tongs, the chisel, the punch, the drill, and others (Magnus et al. 1966, nr. 3, 5 (1-5). Balance scales similar to those of Voloave are known in the important trade and craft centers of Northern Europe, such as that of Birca, in Sweden, or in Scotland or Ireland (Стальсберг 2001, 93-115), all belonging to the period of the 9th-11th centuries. In several cases the scales[19] were found in graves of Viking women (Стальсберг 1999, 158-163).

III. The issue of hoards appearance, belonging and the reasons for their hiding

The hoard of blacksmith and jewelry tools from Voloave, as well as the hoard of tools and weapons from Sadova-Călăraşi (Tentiuc, Bubulici 2019, 259-283), is part of a large number (about 100) of complexes of this kind discovered in large areas of Central, Northern and South-Eastern Europe (fig. 6), belonging to the 8th-9th and / or 10th-11th centuries (Атанасов 2000, 183-208; Curta 2011, 251-276).

No less than 15 tool and weapon hoards of this period are known in the eastern and southern

[15] In the Persian and Arab space they could be from the Hellenistic period.

[16] If Joachim Werner in 1954, and J. Henning in 1991, mentioned 7 and, respectively, 29 graves with jeweler's tools, the researcher Daniela Tănase, in 2010, counts 46 finds in 43 Central and Western European localities (Tănase 2010, 77, harta 2), some with balance scales.

[17] Materials from the Červone excavations, partly published, are kept in the Vinnytsia Regional Museum.

[18] A balance scale, representing a simplified variant, was found in the fortified settlement of Volkovysk (Belarus) (Зверуго 1975, 74, рис. 9/21; Бектинеев 1987, 231, рис. 2/13). Two scales of different sizes, "a large and a small", were in the grave of the jeweler from Peresopnitsa, found together with several bronze molds for making granulated pendants, a hammer and an anvil of small dimensions (Корзухина 1954, 73).

[19] The diameter of the pans of these scales varies from 35 to 65 mm (Пушкина 1991, 227). Some researchers believe that the diameter of the scales can serve as a chronological mark (Жуковский 2017, 153), and those with a diameter below 50 mm would be characteristic for the 10th century, a fact not yet confirmed by our research.

regions of the Carpathians. The specialized literature describes the hoards from the Sub-Carpathians, such as those from Budeşti, Dragosloveni, Obrejiţa, Răstoaca (Vrancea County), Gârbovăţ (Galati County) (Canache, Curta 1994, 179-221; Paragină 1978, 41-49), discusses the issues of their belonging, accumulation and hiding (Teodor 2004, 395-406). In the regions from the northeast of the Carpathians there are also mentioned the hoards from Coşna (Suceava County) (Mitrea 1972, 121-122), Revne (Chernivtsi Oblast) (Михайлина 1997, 99, рис. 48/2-6), and Sadova (Călăraşi) (Tentiuc, Bubulici 2019, 259-283), to which we add the hoard from Voloave (Soroca).

The issue of the appearance/accumulation of tool and weapon hoards in the time from the 8th/9th centuries to the 11th century was often associated with various socio-economic and political factors of this period (Olteanu, Rusu, Iliescu 2010, 58-60; Pascu et al. 2010, 174-178), that were undoubtedly interrelated[20]. First of all, there was the iron crisis in the Byzantine Empire. The iron crisis was caused by several factors, including the instability in the Middle East and Asia Minor in the context of the Arab conquests in the 7th and 8th centuries. The imposition of Arab control over the roads or the devastation of important mining regions in Asia Minor, on the borders of the Empire with Armenia, was directly reflected on the Byzantine economy (Каждан 1960, 192-204). The loss of primary sources forced Constantinople to look for alternatives to iron imports. Moravia was among the regions with old mining traditions. Large quantities of iron were imported from this region in the 8th-9th centuries, in the form of bars and ingots or tools and weapons (Curta 1997, 211-268), using the old Roman trade routes that crossed the Balkans and the Carpathian Basin (Наследова 1956, 61-84).

After the conquest of Great Moravia by the Hungarians in 906, Scandinavian craftsmen and merchants became more actively involved in the distribution of iron raw materials and iron products to the southeast of the continent. In order to get from the Baltic Sea to the Black Sea and Constantinople, in the 8th/9th-11th centuries, along with "the trade route from the Varangians to the Greeks" along the Dnieper, the Vikings used the old trade route along the Vistula and the Dniester (Humbert 2015, 190), named by V. Pashuto in 1950 as "the second route from the Varangians to the Greeks" (Пашуто 1950, 166, 167; Tentiuc 2017, 125-130). The Scandinavians created several transit sites along this route in the form of halts for merchants and military camps, gradually equipping them with powerful defensive systems. These include the round fortified settlements of Alcedar, Echimăuţi, Lucaşeuca, Rudi, and others. Inside the walls of the fortified settlements of Alcedar, Echimăuţi, Rudi, and others, real "craftsmen quarters" were found, represented by dozens of iron ore reduction furnaces, hundreds of bellows nozzles, large agglomerations of ore, bloom loops, semi-finished products, blacksmith workshops, sets of craft tools, and silver craftsmen tools related to the 9th-11th centuries (Федоров 1960, 38-42; Федоров 1961, 79-85; Postică 2007, 155-162; Tentiuc 2017, 79-84).

The appearance in the 8th/9th-11th centuries of hoards of tools and weapons, regarded equally as an implements of craft workshops or toolkits of wandering craftsmen, can be directly related to the dynamics of socio-economic transformations that took place throughout Eurasia during that period

It is well known that Roman-Byzantine and Byzantine law forbade the export of arms and iron to barbarians. Emperor Marcian (450-457) decreed: "No one should dare to sell them (barbarians) chain mails, shields, bows, arrows, swords or any other kind of weapon and projectiles [...] and not a piece of iron, processed or not processed. [...] If anyone sells, all his property shall be confiscated, and he shall be subject to death" (Corpus Iuris Civilis. Codex Justinianus, IV, 41, 2). The embargo remained valid for the following centuries and was extended by Emperor Leo VI the Philosopher at the end of the 9th century (between 886 and 893) (Brătianu 1942, 30-36; Canache, Curta 1994, 195), at a time when the provision of the Empire with iron was still insufficient. Likewise, in the west, Charlemagne issued a royal decree in Thionville in 805 prohibiting the sale of arms and armor to the Slavs ("arma et brunias") (Niederle 1926, 238).

The embargo on the export of iron products and weapons to the barbarian communities of Central

[20] For example, there is an opinion that the location of the Bulgarian Khanate on the southern Danube lands (681) led to the interruption of technological imports from Byzantium and to the decline of the material culture of the population south and east of the Carpathians (Harhoiu 1999-2001, 114).

and Eastern Europe imposed by the Byzantines and Carolings led to the phenomenon called the "call of the void" (Brătianu 1988, 242-243, 288-300) when iron products or raw materials (ingots, bloom loops) came to this region from areas with long traditions in this field: from Great Moravia or from Scandinavia (Voss 1971). After the fall of Great Moravia under the blows of the Hungarians, some of the blacksmiths were able to find refuge in better protected areas where their skills were required. We do not exclude the possibility that some of them joined the large suppliers of iron raw materials or iron tools, good warriors, craftsmen and merchants who were Scandinavians, including those who settled among the eastern Romance peoples on the Dniester and the Răut, where they organized several well-fortified trade-craft and military-administrative centers, surrounded by earthen ramparts and palisades, round in plan[21].

The appearance of hoards of tools and weapons can also be associated with socio-economic processes that took place in Europe and Asia under the influence of the "Small Medieval Climate Optimum" in the 8th-13th centuries. This natural phenomenon, which began, according to some researchers, in the middle of the 7th century or in the middle of the 9th century (Lamb 1968, 64; Moor 1998, 45-49; Макаров 2012, 451-454), was moving from the north-west to southeast of Europe, causing an intensified and progressive climate warming throughout the Eurasian continent (Гумилев 2006, 309-312). The "Small Medieval Climate Optimum" made important changes in the field of socio-economic development of Europe, giving rise to enormous social forces. Warming of weather stimulated the development of agriculture. Extensive land plowing and deforestation work has begun in Europe (Шевеленко 1992, 34-62; Макаров 2012, 454). This activity has led to an increase in demand for high quality iron tools. The metallurgical industry began to develop rapidly (Olteanu, Rusu, Iliescu 2010, 58-75; Pascu et al. 2010, 157-225). This happened in different regions of Europe, including the east and south of the Carpathians, where dozens of iron ore reduction furnaces were found (Федоров 1966, 272-277; Olteanu, Şerban 1969; Telnov 1994, 31-40; Teodor 1996, 10-34; Teodor 2000, 132-163; Postică 2007, 156-161). Climate warming and agricultural development have affected not only the demand for tools and the growth of metallurgy and crafts, but also the quantity and quality of food. As a result, there was a real population explosion in Europe. In some regions of Western Europe, the population doubles or even triples. Significant demographic growth also occurred in the eastern Carpathians (Teodor 2003, 491-495). Here, high demand for iron and iron tools led to the exploitation of ferruginous lenses from the flysch loess in the regions of the Middle Dniester (Maghiar, Olteanu 1970, 251; Olteanu, Neagu, Seclăman 1981, 217-225; Хынку 1974, 133-134).

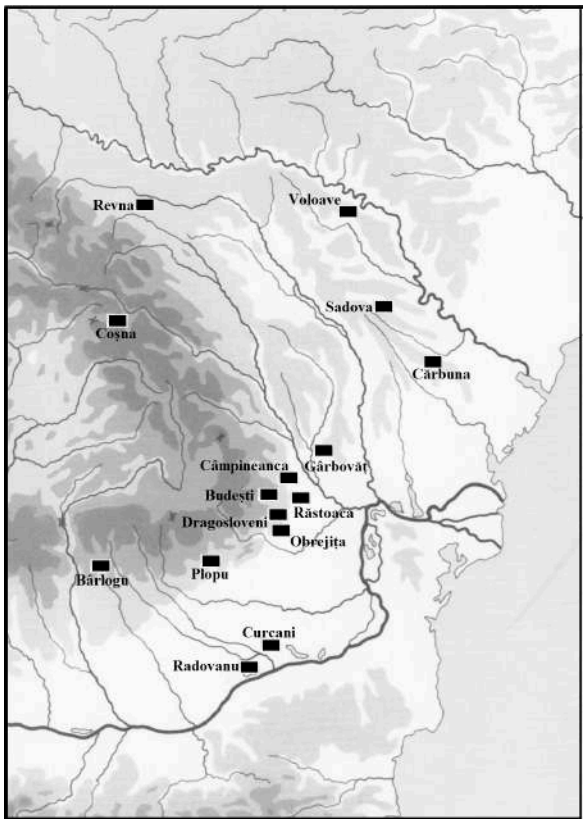


Fig. 7. Distribution of hoards of tools and weapons in South-Eastern Europe.

The socio-economic and political transformations that took place in Eurasia since the middle and second half of the 8th century, the upward growth of agriculture and crafts boosted regional and international trade, having revived the old trade routes of the Roman era and creating many

[21] In the collection of pottery from Echimăuţi and from Alcedar, together with Byzantine or Scandinavian imports, several fragments of vessels were identified considered to be of Moravian origin (Федоров 1953, 110; Федоров 1974, 123-124).

branches of the Great Silk Road. It began to be used more intensively after the Battle of Tallas in 751, where the armies of the powerful states of the East, the Chinese Tang Empire (618-907) and the Abbasid Caliphate (750-1055 / 1258) collided (Большаков 1980, 132-135).

* * *

Based on the composition of the Voloave hoard, it is probably a tool kit of a jeweler, local or wandering, maybe a craftsman and tradesman (Scandinavian (?))[22]. This is evidenced by hammers and small anvils, tongs with short handles, a graver, mandrels, punches and files, an iron mold for casting ingots and bronze balance scales with two pans. The entire assemblage of objects that make up the hoard finds analogies in the pre-urban trade and craft centers of Northern Europe and Scandinavia of the 9th-11th centuries, involved in international trade over long distances.

The iron or bronze tools in the hoard of Voloave find similarities, first of all, among objects found in jewelry workshops in the fortified settlements of Alcedar and Echimăuţi, as well as among the finds from the burial complexes attributed to jewelers discovered in Western, Central and Northern Europe.

Based on the foregoing, we conclude that the hoard of forging and jewelry tools from Voloave can be dated the 9th-11th centuries, and more precisely the second half or the end of the 10th century.

The cause of the concealment and non-recovery of the Voloave hoard of jewelry and blacksmithing tools may be related to the changing political situation in the Northern Black Sea Region, including the eastern Carpathian area, from the end of the first millennium to the beginning of the second millennium. At this time, the space east of the Carpathians becomes the arena of confluence, but also of confrontation of two great migration waves: Turkic communities (Pechenegs, Uzes, Cumans) from the eastern steppes and Vikings from the north, which periodically crossed the Carpathian-Dniester territory along the Siret, the Prut or the Dniester. The temporary presence in the region of these communities is confirmed by written sources and archaeological finds. It should be noted that if Romanian historiography has accumulated an important number of studies on Turanians, the issue of the presence of Scandinavians in the eastern regions of the Eastern Carpathians in the 8th/9th-11th centuries is reflected only episodically in the researchers' works (Spinei 1973, 57-82, 259-283; Spinei 1985, 47-48; Pintescu 2001, 257-272; Agrigoroaei 2006, 25-49; Damian, Vasile 2011, 275-290; Dejan 2015, 196-220); for a long time pushed back by unscientific currents, today this issue is at the stage of reconsideration of archaeological materials.

The latest migratory waves of Turanian nomads have affected the lives of sedentary local communities east of the Eastern Carpathians and north of the Lower Danube differently. In recent years, more and more researchers support the idea of the existence of predominantly peaceful relations between the sedentary local population and the Pechenegs (Spinei 1982, 122-128; Spinei 2009, 349; Curta 2013, 211-212; Козлов 2015, 220). As an argument, an example is given of settlements in the area of the Danube lakes, the sites of the final phase of Dridu culture in the Carpathian-Dniester region, which ceased to exist no earlier than the middle of the 11th century (Teodor 1987, 140-167).

However, the relations between the local Romance communities of the Carpathian-Dniester region and the settled Viking enclaves, which were in the process of assimilation on the lands of the Dniester and the Reut, with the Pecheneg tribes that entered the area under study in the 10th century were not always peaceful (Прохненко 2011, 291-299) The clashes between sedentary and nomadic peoples could result in significant destruction and even the disappearance of fortified settlements in the northeast of the Carpathian-Dniester region, with the departure of part of the population to more protected hilly, wooded and mountainous areas of the central part of the Carpathian-Dniester region and the north of Bukovina.

Based on this, we suggest that the hiding of the Voloave hoard of tools may be related to one of the Pecheneg invasions, which could have occurred in the second half or in the last quarter of the 10th century, when several hoards of tools and weapons, as well as hoards of coins or mixed ones were hidden in the region (Boldureanu, Nicolae 2015, 113-119; Vîlcu, Isvoranu 2015, 102-105).

[22] A beautiful and expressive description of the image of the Scandinavian (= Rüs) craftsman and merchant of this period (early 10th century) can be found in the notes of an Arab traveler ibn Fadlan (Ковалевский 1956, 142; Ducène 2018, 135-139).

Final considerations

The sites on the Dniester, the old river artery that along with the Vistula from ancient times connected the north and south of the continent, served, as already mentioned, as transit points, merchants' halts and military camps for the Scandinavians, who in the 8th/9th-11th centuries moved from the Baltic Sea to the Black Sea to get to Constantinople and Baghdad. Islamic silver coins, barrel-shaped bronze or iron weights, coated with copper foil, silver or bronze ingots, two-pan balance scales, some types of weapons of northern origin (swords, chapes, spears, battle axes, including ones with silver ornament, miniature iron or bronze axes, arrowheads in the shape of a lancet), Scandinavian gilded silver pendant with animal ornament made in the *Borre* style with the *Elling* style elements, amber adornments, iron fibulae in the shape of a horseshoe, and other objects, discovered during archaeological research or by chance on several sites of the Carpathian-Dniester region, as well as the "long houses" of obvious North German tradition, find most analogies in Northern Europe and Scandinavia, as well as in the sites of Gnezdovo, Timerevo, Staraya Ladoga and Novgorod in north-west Russia, confirming the above.

The presence in the Eastern Carpathians of hoards of tools and weapons, as well as mixed hoards with adornments of silver, gilded silver or gold and Islamic coins, which belonged to the blacksmiths and / or jewelers, local or wandering ones, Byzantine or Scandinavian, indicates the involvement of local Romanian communities in social economic, cultural and political processes that took place in Central, Northern and Southeast Europe during this period. The presence of blacksmith workshops, jewelry workshops and jewelers, the growing demand for high-quality iron tools testifies to the degree of socio-economic and cultural development, aggravation of the processes of social differentiation in local communities in the 8th/9th-10th centuries. The demand for luxury and prestige objects, for ornaments of silver, gilded silver or gold, which were found in some silverware hoards (Alcedar, Răducăneni, etc.), also testifies to a certain increase in the quality of life in this period.

Georges Duby, a recognized expert in the field of everyday life at the time of about year 1000, noted that "in the 10th century, some progress in the field of agricultural implements began to spread. Peasants began to have more efficient tools, better plows, iron ploughshares the area of cultivated field expanded, arable land increased, soil fertility increased ... Whenever fires were seen on the horizon above the forests, there were deforestations, rather than devastations" (Dubi 1987, 36).

Archaeological investigations have shown that in the Carpathian-Dniester region from the 9th to the 11th centuries there was a significant natural population growth, as well as important population movements and settling of the Scandinavian or Turanian peoples, an unusual revival of the economy and the upward development of agriculture, crafts and trade. Technology innovations were inextricably linked with these circumstances, especially those related to iron ore processing and blacksmithing, and the manufacture of silver jewelry from Islamic coins. Population movements stimulated, as already mentioned, exchanges of material and cultural values, intensified the circulation of ideas, characteristic at the time for the whole of Eurasia, including the Romanian space south and east of the Carpathians, consolidating political and state entities at the regional level during this period.

Catalog of objects

1. *The hammer of a blacksmith or jeweler* (fig. 2/1), both ends are working, one of them has a square cross-section, and the other is obliquely cut on both sides. The item has a narrow body and an oval-elongated hole for the handle. The dimensions of one of the working ends are 2.9×2.4 cm, and the dimensions of the other 2.9×0.8 cm. The dimensions of the hole for the handle are 2.3×1.3 cm. The length of the object is 11.5 cm. Accession no. 30259-5.

2. *The hammer of a blacksmith or jeweler* (fig. 2/2), made of an iron bar rectangular in cross-section. Its both ends are working. One of the ends has a square cross-section, and the other is obliquely cut on both sides. The item has a narrow body and an oval-elongated hole for the handle. One of the active working ends measures 2.7×1.8 cm, and the other 2.6×0.8 cm. The dimensions of the hole for the handle are 2.3×1.3 cm. The length of the object is 11.0 cm. Accession no. 30259-4.

3. *The hammer of a blacksmith or jeweler* (fig. 2/3), made of an iron bar. Its both ends are work-

ing; one of them has a rectangular cross-section, and the other is obliquely cut on both sides. The item has a narrow body and a round hole for the handle. The dimensions of the active working end are 2.4×1.3 cm, and of the other 1.9×0.5 cm. The dimensions of the hole for the handle are 1.3×1.1 cm. The length of the object is 9.9 cm. Accession no. 30259-6.

4. *Anvil* (fig. 3/1) in the form of a truncated pyramid with an extended top and a rather wide base, square in cross-section. Dimensions: the length of the anvil is 12.5 cm. The base is 4.8×4.3 cm. The upper, working part is flat; its dimensions are 8.4×7.8 cm or 65.72 cm². Accession no. 30259-1.

5. *Anvil* (fig. 3/2), in the form of a truncated pyramid with a narrow base, square in cross-section. Its upper working part is more wider. Dimensions: the length of the object is 12.9 cm, the base is 2.0×2.0 cm, the upper part situated under the working surface has the dimensions of 4.3×2.6, and the working surface is 7.2×6.3 cm or 45.36 cm². The item has a convex working surface. Accession no. 30259-2.

6. *Anvil* (fig. 3/3), in the form of a truncated pyramid with a narrow base, square in cross-section. Its upper working part is wider, and the working surface is flat. Dimensions: the length is 12.4 cm, the base is 1.5×1.4 cm, and the upper part has the dimensions of 6.9×5.9 cm or 40.71 cm². Accession no. 30259-3.

7. *Blacksmith's or jeweler's tongs* (fig. 3/4) made of two rectangular iron bars with a cross-section of 1.1×0.8 cm. The gripping ends are elegantly made in the form of a swan beak; their length is 6.5 cm from the center of the rivet connecting the two levers of the tongs. The cross-section of the bar at this point is 1.1×0.6 cm. One of the handles of the tongs is straight, slightly curved in the middle of its length, and the other at the end forms a loop for hanging a ring. Handle length 16.8 cm. Tongs length 23.1 cm. Accession no. 30259-8.

8. *A graver with a tubular handle* (fig. 2/4) made of an iron bar, rectangular in section. The upper part of the object, the socket, was made in the shape of a funnel. By hammering the metal bar, two "wings" were formed, which bent to form the tube of the handle. The top of the handle is flattened due to prolonged use and is bent out. The handle length is 5.3 cm, the diameter at the top is 3.5×2.9 cm, and at the bottom it is 2.0×1.9 cm. The lower part of the chisel is rectangular in section and has, at the place of passage from the handle to the blade, the dimensions of 2.0×1.1 cm. The body of the object narrows at an angle to form the blunt end. The length of the object is 11.1 cm. Accession no. 30259-7.

9. *Mandrel/punch (?)* (fig. 4/1), round in section and sharp at one end. The average diameter of the rod is 1.0 cm. The object has a socket for the wooden handle. The handle, rectangular in section, has a length of 4.1 cm and dimensions of 0.9×0.5 cm. The length of the object is 17.2 cm. Accession no. 30259-9.

10. *Mandrel* (fig. 4/2), rectangular in section, with dimensions of 0.7×0.6 cm. The object narrowes from the handle to the working end. The end of the handle is cut obliquely. The handle, 3.7 cm long, kept traces of wood on the surface. The length of the object is 12.3 cm. Accession no. 30259-13.

11. *Mandrel/punch (?)* (fig. 4/3), round in section, with an average diameter of 0.9 cm. It has a socket for the wooden handle. The handle, rectangular in section, has a length of 4.0 cm and dimensions of 1.0×0.8 cm. The length of the object is 13.8 cm. Accession no. 30259-12.

12. *Mandrel/punch (?)* (fig. 4/4), round in section and sharp at one of the ends that served as a handle. The average diameter of the body is 0.7 cm. The handle, rectangular in section, with dimensions of 0.9×0.5 cm, has a length of 3.7 cm. Traces of wood are preserved on the surface of the handle. The length of the object is 15.0 cm. Accession no. 30259-10.

13. *File* (fig. 4/6) made of two iron bars connected by hammering. It has a rectangular section with dimensions of 1.1×0.6 cm. Has a socket for a wooden handle. The socket, rectangular in section, with dimensions of 0.7×0.5 cm, has a length of 4.0 cm. The length of the object is 15.1 cm. Accession no. 30259-11.

14. *File* (fig. 4/5) made of a bar rectangular in cross-section, with average dimensions of 1.0×0.6 cm. The part that forms the handle is beautifully bent, narrowed and sharpened; its dimensions are 0.7×0.5 cm. The handle surface kept traces of wood. The working part of the tool is narrowed to the dimensions of 0.6×0.3 cm. The length of the object is 13.5 cm. Accession no. 30259-17.

15. *Mold for casting ingots* (fig. 3/5) made of 0.3 cm thick iron sheet. The body forms a tank 8.7 cm long, 0.6 cm wide (internal dimensions) and 0.9 cm deep. One of the mold ends flattened and rounded, forming a small "fan" with a surface of 3.0×1.7 cm. A similar flat part, having the dimensions of 2.4×1.4 cm, was made on the place of passage from the tank to the handle. These two flat parts were designed to position the mold on a special stand and make it stable during operation. The handle, 7.5 cm long and sharpened, is rectangular in section, measuring 0.7×0.4 cm. Traces of wood are preserved on the surface of the handle. Inside the tank, on the side of the handle, traces of a yellowish-reddish non-ferrous metal have been preserved. The length of the item is 18.8 cm. Accession no. 30259-14.

16. *Bronze balance scale, with two pans* (fig. 5; 6), made of a bronze bar 20.8 cm long, with a round cross-section of a diameter of 0.3-0.5 cm. The rod that forms the body of the balance scale has both ends rounded and flattened on two sides. Holes are made in the flattened parts, into which small rings are inserted. The rings are made of 0.2 cm thick bronze wire. The diameter of the two rings is 0.8 cm. On them, two scale pans were suspended with the help of silk, linen or woolen threads. One of the arms of the balance has 10 short incisions on the surface, arranged perpendicular to the length of the object. The distance between the incised lines is 0.9 cm. A short plate, only 2.0 cm long, 0.6 cm wide and 0.1 cm thick, with a rounded top was integrated at the center of the lever during casting. It was designed to attach a vertical support to the lever. The plate has two holes arranged vertically at a distance of 1.2 cm from each other. Through the lower hole, the two elements of the balance scale, horizontal and vertical ones, were riveted to each other. The vertical support of the scale (handle) is made of a round rod with a length of 7.3 cm and an average thickness of 0.3 cm. The lower part of the handle is flattened and bifurcated to a length of 2.4 cm. Here the handle has two holes with a diameter of 0.2 cm arranged at a distance of 1.2 cm from each other. The two components of the balance scale were joined through the lower hole. The upper hole, made at the same level as the hole in the plate of the horizontal lever of the scale, serves to specify / "calibrate" the accuracy of measurements during transactions. The surface of the upper arm, starting from the bifurcated segment, is decorated with continuous horizontal incisions. The upper end of the vertical support is rounded and flattened. The flattened part has a hole through which a ring is inserted, made of 0.2 cm thick wire, with the ends put close together. The diameter of the ring is 0.8 cm. Accession no. 30259-19.

Two pans from the balance scale set were minted of thin bronze sheets. They have the shape of a circle segment. Both objects have a diameter of 6.7 cm and a height / depth of 1.3 cm. The pans have a smooth inner and outer surface, without traces of ornament. The edges of the pans are simple, without cuffs, punched by three holes located at equal distances. A ring is passed through each hole. They are identical in shape and size to the rings on the arms of the scales with which they were linked with threads.

17. *Knife for a woodworking lathe* (fig. 2/6), made of an iron strip slightly curved along the edge line, rectangular in section, with dimensions of 1.2×0.4 cm. The object is sharpened at one end. It has a handle, which is narrower than the tool body, measuring 0.8×0.4 cm. The length of the object is 21.3 cm. Accession no. 30259-15.

18. *Knife for a woodworking lathe* (fig. 2/7), made of a bar curved along the edge line, rectangular in section, with average dimensions of 1.1×0.4 cm. The working end is hammered in such a way as to form a working surface 0.7 cm wide, arranged perpendicular to the edge line. The body of the tool narrows towards the handle, which is broken in antiquity. The preserved length of the object is 19.3 cm. Accession no. 30259-16.

19. *Scythe* (fig. 2/5). Fragment. Only the short rod for fixing the shaft has been preserved from the tool. It is made of iron bar 2.7 cm wide and 0.7 cm thick on the inside and 0.9 cm on the outside. The socket ends with a small stalk/hook, made by thinning and bending at a 90 degree angle the lower end of the blade. It has a length of 2.6 cm and a rectangular cross-section of 0.8×0.7 cm. A fragment only 2.0 cm long and 4.1 cm wide was preserved from the blade of the scythe. It is 0.4 cm thick on the outside and 0.2 cm on the inside. The preserved length of the object is 12.6 cm. Accession no. 30259-18.

Spectral analysis of the ingot mold and its contents
Hoard of jewelry tools from Voloave-Soroca
(performed at the Institute of Applied Physics of the ASM* on 05.06.2020)

Concentration of chemical elements (in percent)														
	Element	**Cu**	**Au**	**Mn**	**Co**	**Ni**	**Fe**	**As**	**Sb**	**Ag**	**Br**	**Zn**	**Pb**	**Sn**
1.	Mold	5.65	0.08	0,00	9.84	0.18	83.22	0.15	0.04	0.00	0.00	0.37	0.33	0.13
2.	fragments of non-ferrous metals	99.10	0.01	0.00	0.00	0.00	0.32	0.04	0.12	0.00	0.00	0.00	0.09	0.31

* We are grateful to researchers from the Institute of Applied Physics of the Academy of Sciences of Moldova Acad. Leonid Culiuc and Lazăr Dermenji for technical support and assistance.

Bibliografie

Andronic 2001: M. Andronic, Cultura materială din secolele VIII-X din teritoriul nord-est carpatic. Suceava XXVI-XXVIII (1999-2001), 2001, 219-282.

Bilavschi 2016: G. Bilavschi, Unelte agricole din Moldova medievală (Brăila 2016).

Boldureanu, Nicolae 2015: A. Boldureanu, E. Nicolae, Monedele islamice. In: (Coord. A. Boldureanu, E. Nicolae) Moneda din Republica Moldova (Chişinău 2015), 113-119.

Brătianu 1942: Gh.I. Brătianu, Le commerce bulgare dans l'empire byzantine et le monopole de l'mpereur Léon VI a Thessalonique. In: Известия на Българското историческо дружество, XVI-XVIII, Сборникъ в паметь на проф. Петъръ Никовъ (София 1942), 30-36.

Brătianu 1988: Gh.I. Brătianu, Marea Neagră. De la origini până la cucerirea otomană. vol. I-II. Trad. Michaela Spinei. Ed. îngrijită, studiu introductiv, note şi bibliografie de V. Spinei (Bucureşti 1988).

Canache, Curta 1994: A. Canache, Fl. Curta, Depozite de unelte şi arme medievale timpurii de pe teritoriul României. Musaios IV/I, 1994, 179-221.

Ciupercă, Măgureanu 2009: B. Ciupercă, A. Măgureanu, Unele observaţii asupra problemei tiparelor din secolele V-VII descoperite în spaţiul extra-carpatic. Buletinul Muzeului Judeţean Teleorman. Seria Arheologie 1, 2009, 149-157.

Coman 1980: G. Coman, Statornicie, continuitate. Repertoriul arheologic al judeţului Vaslui (Bucureşti 1980).

Comşa 1978: M. Comşa, Cultura materială veche românească (aşezările din secolele VIII-X de la Bucov-Ploieşti) (Bucureşti 1978).

Comşa 1987: M. Comşa, Un drum care lega ţinutul Vrancei de Dunăre şi existenţa unui cnezat pe valea Putnei în secolele IX-X. Vrancea. Studii şi comunicări V-VII (1982-1984), 1987, 39-44.

Comşa, Constantinescu 1969: M. Comşa, Gh. Constantinescu, Depozitul de unelte şi arme din epoca feudală timpurie descoperit la Dragosloveni (jud. Vrancea). SCIV XX/2, 1969, 425-436.

Comşa, Gheannopoulos 1969: M. Comşa, E. Gheannopoulos, Unelte şi arme din epoca feudală timpurie descoperite la Radovanu (jud. Ilfov). SCIV XX/4, 1969, 617-621.

Comşa, Deculescu 1973: M. Comşa, C. Deculescu, Un depozit de unelte şi arme descoperit la Curcani (jud. Ilfov). SCIV XXIII/3, 1973, 469-475.

Corbu 2006: E. Corbu, Sudul României în evul mediu timpuriu (secolele VIII-XI). Repere arheologice (Brăila 2006).

Corpus 1970: Corpus Iuris Civilis, Codicele lui Iustinian. Fontes Historiae Dacoromanae, II (Bucureşti 1970), 373-387.

Covacef, Potârniche 2010: Z. Covacef, T. Potârniche, Accesorii ale unei balanţe din bronz descoperite în sectorul de est al Capidavei. Pontica 43, 2010, 267-275.

Curta 1997: Fl. Curta, Blacksmiths, warriors, and tournaments of value: datind and interpreting early medieval hoards of iron implements in eastern Europe. Ephemeris Napocensis VII, 1997, 211-268.

Curta 2009: Fl. Curta, Iron and potlach: Early Medieval Hoards of Implements and Weapons in Eastern Europe. Fl. Curta, Text, Context, History, and Archaeology. Studies in Late Antiquity and the Middle Ages, ed. by V. Spinei (Bucureşti-Brăila 2009), 433-475.

Curta 2011: Fl. Curta, New Remarks on Early Medieval Hoards of Iron Implements and Weapons. In: (Hrsg. J. Macháček, Š. Ungermann) Frühgeschichtliche Zentralorte in Mitteleuropa. Internationale Konferenz und Kolleg der Alexander von Humboldtstiftung zum 50. Jahrestag des Beginns archäologischer Ausgrabungen in Pohansko bei Břeclav, 5.-9.10.2009, Břeclav, Tschechische Republik (Bonn 2011), 251-276.

Curta 2013: Fl. Curta, Horsemen in forts or peasants in villages? Remarks on the archaeology of warfare in the 6th to 7th C. Balkans. In: War and Warfare in late Antiquity (Leiden-Boston 2013), 809-850.

Custurea 2002: G. Custurea, Ponduri antice şi medievale descoperite în Dobrogea. Pontica 35, 2002, 439-443.

Damian, Vasile 2011: O. Damian, M. Vasile, Varangians nearby the Danube delta. About an archaeological discovery in the Byzantine fortress at Nufăru, Tulcea county. SCIVA 62/3-4, 2011, 275-290.

Dejan 2015: M. Dejan, Elemente răsăritene în ţinuturile extracarpatice (secolele VI-X) (Suceava 2015).

Diaconu, Vâlceanu 1972: P. Diaconu, D. Vâlceanu, Păcuiul lui Soare. Cetatea bizantină, vol. I (Bucureşti 1972).

Duby 1987: G. Duby, Arta şi societatea. 980-1420, vol. I (Bucureşti 1987).

Duby 1996: G. Duby, Anul 1000 (Iaşi 1996).

Ducène 2018: J.-Ch. Ducène, L'Europe et les géographes arabes du Moyen Âge (Paris 2018).

Eibner 1909: A. Eibner, Malmaterialienkunde als Grundlage der Maltechnik (Berlin 1909).

Fedorov 1957: G.B. Fedorov, Descoperirile arheologice din R.S. Moldovenească privind mileniul I al e.n. In: Studii şi cercetări ştiinţifice. Istorie. Academia RPR, Filiala Iaşi, Anul VII, fasc. 1 (Bucureşti 1957), 159-169.

Fedorov 1959: G.B. Fedorov, Rezultatele şi problemele principale ale cercetărilor arheologice din sud-vestul U.R.S.S., referitoare la primul mileniu al e.n. SCIV 10/2, 1959, 371-408.

Frye 2006: R.N. Frye (ed.), Ibn Fadlan's journey to Russia. A tenth-century traveler from Baghdad to the Volga River. Trans. with comm. By R.N. Frye. Second printing (Priceton / New Jersey 2006).

Harhoiu 1991-2001: R. Harhoiu, Quellenlage und Forschungsstand der Frühgeschichte Siebenbürgens im 6.-7. Jahrhundert. Dacia N.S. 43-45, 1999-2001, 97-158.

Hawthorne, Smith 1979: J.G. Hawthorne, C.S. Smith, Theophilus: On Divers Arts (New York 1979).

Haywood 2019: J. Haywood, Northmen. The Viking Saga. 793-1241 AD. Перевод с английского Н. Мезина. 2-е издание, дополненное и исправленное (Москва 2019).

Henning 1991: J. Henning, Schmiedegräber nördlich der Alpen. Germanisches Handwerk zwischen keltischer Tradition und römischen Einfuß. Saalburg Jahrbuch 46, 1991, 65-82.

Horedt 1979: K. Horedt, Moreşti. Grabungen in einer vor- und frühgeschichtliche Siedlung in Siebenbürgen (Bucureşti 1979).

Humbert 2015: B. Humbert, La circulation des Scandinaves dans la Rus' aux IXe-XIe siècles (Paris 2015).

Ko-chen 1973: Ch. Ko-chen, A Preliminary Study on the Climatic Fluctuations during the Last 5000 years in China. Scientia Sinica 16/2, 1973, 235-261.

Lamb 1968: H.H. Lamb, The Changing Cimate (London 1968).

Le Roy Ladurie 1967: E. Le Roy Ladurie, Histoire du climat depuis l'an mil (Paris 1967).

Lombard 2014: M. Lombard, L'Islam dans sa première grandeur (VIIIe-XIe siècles) (Paris 2014).

Lunde, Stone 2012: P. Lunde, C. Stone (ed.), Ibn Fadlan and the Land of Darkness. Arab Travellers in the Far North. Tansl. with an Introd. By P. Lunde and C. Stone (London 2012).

Maghiar, Olteanu 1970: N. Maghiar, Şt. Olteanu, Din istoria mineritului în România (Bucureşti 1970).

Magnus, Mollerop, Sjovold 1966: B. Magnus, O. Møllerop, T. Sjøvold, Migration Period Graves. Inventaria Archaeologica Norway, 1, set. N 1. N 3, 1966.

Mitrea 1972: I. Mitrea, Contribuţii la cunoaşterea culturii Dridu din regiunea dintre Carpaţi şi Siret a Moldovei. Carpica V, 1972, 115-132.

Mitrea 2001: I. Mitrea, Aşezarea de la Davideni din secolele V-VII (Piatra Neamţ 2001).

Mitrea 2012: I. Mitrea, Din arheologie şi istoria Moldovei în primul mileniu creştin (Bacău 2012).

Mitrea, Nămoloşanu 1973: I. Mitrea, V. Nămoloşanu, Cercetări arheologice în aşezarea de la Cîmpineanca. Studii şi cercetări ştiinţifice (Bacău 1973), 61-71.

Mitrea, Eminovici, Momanu 1987: I. Mitrea, M. Eminovici, V. Momanu, Aşezarea din secolele V-VII de la Ştefan cel Mare, judeţul Bacău. Carpica 18-19 (1986-1987), 1987, 215-250.

Moor 1998: Th. G. Moor, Climate of Fear. Why We Shouldn't Worry about Global Warming (Washington 1998).

Musteaţă 2007: S. Musteaţă, Răspândirea monedei islamice timpurii la nordul Dunării de Jos în secolele VIII-X. Monedă şi comerţ în sud-estul Europei, I (Sibiu 2007), 165-182.

Müller-Wille 1977: M. Müller-Wille, Der frühmittelalterliche Schmied im Spiegel skandinavischer Grabfunde. Frühmittelalterliche Studien 11, 1977, 127-201.

Nania 1969: I. Nania, O importantă descoperire din perioada feudalismului timpuriu la Bîrlogu, comuna Negraşi, judeţul Argeş. Studii şi comunicări 2 (Piteşti 1969), 117-132.

Neamţu, Neamţu, Cheptea 1980: E. Neamţu, V. Neamţu, S. Cheptea, Oraşul medieval Baia în secolele XIV-XVII. Cercetările arheologice din anii 1967-1976 (Iaşi 1980).

Nicolae 2001: E. Nicolae, Un dirhem din secolul al X-lea descoperit la Iacobeni, com. Vlădeni, jud. Iaşi. Simpozion de Numismatică dedicat împlinirii a patru secole de la prima unire a românilor sub Mihai Voievod viteazul, Chişinău, 28-30 mai 2000. Comunicări, studii şi note (Bucureşti 2001), 95-102.

Nicolae, Moglan 2001: E. Nicolae, A. Moglan, Răducăneni. Monnaies et parures du Musee d'histoire de la Moldavie de Iaşi (Iaşi 2001), 43-50.

Niederle 1926: L. Niederle, Manuel de l'antiquite slave. T.II. La civilisation (Paris 1926).

Olteanu, Şerban 1969: Şt. Olteanu, C. Şerban, Meşteşugurile din Ţara Românească şi Moldova în evul mediu (Bucureşti 1969).

Olteanu, Neagu, Şeclăman 1981: Şt. Olteanu, N. Neagu, D. Şeclăman, Tehnologia obţinerii fierului din minereu şi problema continuităţii istorice pe teritoriul României în mileniul I e.n. SCIVA 22/2, 1981, 217-225.

Olteanu, Rusu, Iliescu 2010: Şt. Olteanu, M. Rusu, O. Iliescu, Structuri economice (cultura cerealelor, creşterea animalelor, exploatarea bogăţiilor miniere, practicile meşteşugăreşti, circulaţia mărfurilor şi a banilor). Istoria românilor. Vol. III Geneze româneşti, ed. a II-a, revăzută şi adăugită (Bucureşti 2010), 58-75.

Paragină 1978: A. Paragină, Două piese de metal din feudalismul timpuriu descoperite în comuna Jariştea, judeţul Vrancea. Vrancea. Studii şi comunicări I, 1978, 81-84.

Paragină 1979: A. Paragină, Un nou depozit de arme şi unelte din feudalismul timpuriu descoperit pe teritoriul judeţului Vrancea. Vrancea. Studii şi comunicări II, 1979, 41-49.

Paragină 2002: A. Paragină, Habitatul medieval la curbura exterioară a Carpaţilor în secolele X-XV (Brăila 2002).

Paraschiv-Talmaţchi, Talmaţchi 2013: C. Paraschiv-Talmaţchi, G. Talmaţchi, Comerţul la gurile Dunării în secolele IX-XII. Un stadiu al cercetărilor. Pontica XLVI, 2013, 263-291.

Pascu et al. 2010: Şt. Pascu, Şt. Olteanu, D. Gh. Teodor, O. Iliescu, Dinamica structurilor demo-economice (reţeaua demografică, structurile teritoriale, îndeletnicirile agrare, creşterea animalelor, exploatarea bogăţiilor miniere, „economia de transformare", circulaţia mărfurilor şi a banilor). Istoria românilor. Vol. III. Geneze româneşti, ed. a II-a, revăzută şi adăugită (Bucureşti 2010), 157-225.

Petculescu 2003: L. Petculescu (ed.), Antique Bronzes in Romania. Exhibition Catalogue (Bucureşti 2003).

Popa 2005: D. Popa, O balanţă romană descoperită la Ocna Sibiului. Studia Universitatis Cibiniensis. Series Historica II, 2005, 73-79.

Postică 2007: Gh. Postică, Civilizaţia medievală timpurie din spaţiul pruto-nistrean (secolele V-XIII) (Bucureşti 2007).

Resi 1979: H.G. Resi, Die Specksteinfunde aus Haithabu. Berichte über die Ausgrabungen in Haithabu. Neumunster. Bericht 14, 1979.

Schietzel 2014: K. Schietzel, Spurensuche Haithabu. Archäologische Spurensuche in der frühmittelalterlichen Ansiedlung Haithabu. Documentation und Chronik. 1963-2013 (Neümunster/Hamburg 2014).

Sindbœk 2001: S.V. Sindbœk, Ruter og rutingsering: Strukturationen af vikingetidens fjernudveksling I Scandinavien og Nordvestrusland. In: Magisterkonferensspeciale I forhistorisk arkæologi (FNA 504) (Kobenhavns Universitet 2001).

Spinei 1973: V. Spinei, Informaţii destre vlahi în izvoarele medievale nordice. SCIV 24/1, 57-82; 24/2, 1973, 259-283.

Spinei 1980: V. Spinei, Aspecte economice şi sociale ale evoluţiei comunităţilor locale din spaţiul est-carpatic în secolele X-XIII. Hierasus I, 1980, 217-242.

Spinei 1992: V. Spinei, Moldova în secolele XI-XIV (Bucureşti 1982).

Spinei 1994: V. Spinei, Moldova în secolele XI-XIV (Chişinău 1994).

Spinei 2009: V. Spinei, The Romanians and the Turkic Nomads North of the Danube Delta from the Tenth to the Mid-Thirteenth Century (Leiden: Brill 2009).

Stanislawski 2013: B. Stanislawski, Norse culture in Wolin-Jómsborg. Scandinavian Culture in Medieval Poland (Wroclaw 2013), 193-246.

Steuer 1987: H. Steuer, Der Handel der Wikingerzeit zwischen Nord- und Westeuropa aufgrund archäologischer Zeugnisse. In: (Hrsg. K. Düwel) Untersuchungen zu Handel und Verkehr der vor- und frühgeschichtlichen Zeit in Mittel- und Nordeuropa, T. 4 (Göttingen 1987), 113-197.

Steuer 1997: H. Steuer, Waagen und Gewichte aus dem mittelalterlichen Schleswig. Funde des 11. bis 13. Jahrhunderts aus Europa als Quellen zur Handels- und Wahrungsgeschichte (Köln, Bonn 1997).

Steuer 2004: H. Steuer, Die Ostsee als Kernraum des 10. Jahrhunderts und ihre Peripherien. Siedlungsforschung. Archäologie – Geschichte – Geographie 22, 2004, 59-88.

Steuer 2007: H. Steuer, Waagen und Gewichte. Reallexikon der Germanischen Altertumskunde, Bd. 35 (Berlin - New York 2007), 539-586.

Steuer 2012: H. Steuer, Waagen und Gewichte in Janow. In: S. Brather, M.F. Jagodziński, Der wikingerzeitliche Seehandelsplatz von Janów (*Truso*). Geophysikalische, Archäopedologische und Archäologische Untersuchungen 2004-2008. Zeitschrift für Archäologie des Mittelalters, Beiheft 24 (Bonn 2012), 185-198.

Ştefan 1950: Gh. Ştefan, O balanţă romană din secolul VI e.n. descoperită în Dobrogea. SCIV I/2, 1950, 152-162.

Tănase 2010: D. Tănase, Prelucrarea metalelor în lumea barbară la Dunărea Mijlocie şi Inferioară în secolele VI-VII (Timişoara 2010).

Telnov 1994: N. Telnov, Complexe medievale timpurii de producere a fierului în interfluviul Prut-Nistru. Suceava. Anuarul Muzeului Judeţean 21, 1994, 31-40.

Tentiuc 2017: I. Tentiuc, Populaţia din Moldova Centrală în secolele X-XIII (Chişinău 2017).

Tentiuc 2019: I. Tentiuc, Cu privire la pătrunderea, staţionarea şi raporturile enclavelor vikinge cu populaţia românească din spaţiul carpato-nistrean în secolele IX-XI In: Miscellanea Historica et Archaeologica in honorem Professoris Ionel Cândea septuagenarii (Bucureşti-Brăila 2019), 89-121.

Tentiuc, Bubulici, 2018: I. Tentiuc, V. Bubulici, Despre pătrunderea unor piese de origine varegă în spaţiul est-carpatic în perioada evului mediu timpuriu. In: Viaţa cotidiană în spaţiul est-european din cele mai vechi timpuri până în prezent: abordări interdisciplinare. Conferinţa ştiinţifică internaţională, Chişinău, 30 octombrie 2018, Programul şi rezumatele comunicărilor (Chişinău 2018), 73.

Tentiuc, Bubulici, 2019: I. Tentiuc, V. Bubulici, The hoard of early medieval tools and weapons found at Sadova-Călăraşi, Republica Moldova. Tyragetia s.n. XIII/1, 2019, 259-283.

Teodor 1978: D.Gh. Teodor, Teritoriul est-carpatic în veacurile V-XI e.n. Contribuţii arheologice şi istorice la problema formării poporului român (Iaşi 1978).

Teodor 1980: D.Gh. Teodor, Tezaurul de la Răducăneni. SCIVA 31/3, 1980, 403-423.

Teodor 1981: D.Gh. Teodor, Romanitatea carpato-dunăreană şi Bizanţul în veacurile V-XI e.n. (Iaşi 1981).

Teodor 1984: D.Gh. Teodor, Continuitatea populaţiei autohtone la est de Carpaţi în secolele VI-XI e.n. Aşezările din secolele VI-XI e.n. de la Dodeşti-Vaslui (Iaşi 1984).

Teodor 1985: D.Gh. Teodor, Legături economice între regiunile de la răsărit de Carpaţi şi Orientul Arab în secolele IX-X e.n. In: Anuarul Institutului de Istorie şi Arheologie „A.D. Xenopol", XXII/1 (Iaşi 1985), 263-268.

Teodor 1987: D.Gh. Teodor, Aşezarea feudală timpurie de la Epureni-Vaslui. ArhMold XI, 1987, 140-167.

Teodor 1996: D.Gh. Teodor, Meşteşugurile la nordul Dunării de Jos în secolele IV-XI d. H. (Iaşi 1996).

Teodor 2003: D.Gh. Teodor, Aspecte etno-demografice ale continuităţii la est de Carpaţi în secolele V-XI e.n. (Buzău 2003), 491-495.

Teodor 2004: D. Gh. Teodor, Depozitul de unelte şi arme medievale timpurii de la Gârbovăţ (jud. Galaţi). Memoria Antiquitatis XXIII, 2004, 395-406.

Teodor 2005: D.Gh. Teodor, Tipare din secolele VI-XI d. Hr. în regiunile carpato-nistriene. ArhMold XXVIII, 2005, 159-174.

Teodor 2006: D.Gh. Teodor, Ateliers byzantins des Ve-VIIIe siècles au Nord du Bas Danube. Études byzantines et post-byzantines V, 2006, 172-206.

Teodor 2011: D.Gh. Teodor, Un centru meşteşugăresc din evul mediu timpuriu. Cercetările de la Lozna-Botoşani (Brăila 2011).

Teodor 2000: E.S. Teodor, Aşezări din evul mediu timpuriu la Vadu Anei. Cercetări arheologice X, 2000, 132-163.

Teodorescu 1972: V. Teodorescu, Centre meşteşugăreşti din sec. V/VI-VII în Bucureşti. In: Bucureşti IX, 1972.

Theobald 1983: W. Theobald, Technik des Kunsthandwerks im 10. Jh. Des T. Schedula Diversarum Artium (Berlin 1983).

Timofan 2010: A. Timofan, Un taler de balanţă roman descoperit în colonia Aurelia Apulensis. Patrimonium Apulense IX, 2010, 57-64.

Ulbricht 1992: I. Ulbricht, Messingbarrer. Viking og hvidekrist. Norden og Europa 800-1200 (katalog) (København 1992).

Vîlcu, Isvoranu 2015: A. Vîlcu, Th. Isvoranu, Monedele bizantine. In: (Coord. A. Boldureanu, E. Nicolae) Moneda din Republica Moldova (Chişinău 2015), 102-105.

Voss 1971: O. Voss, Eisenproduktion und Versorgung mit Eisen in Skandinavien vor der Wikingerzeit (Stockholm 1971).

Werner 1954: J. Werner, Waage und Geld in der Merowingerzeit. Sitzungsberichte der Bayerischen Akademie der Wissenschaften. Philosophisch-historische Klasse. Iahrgang 1954, Heft 1 (München 1954).

Yotov 2007: V. Yotov, The Vikings in the Balkans (Tenth to 11th Centuries). Strategic and tactical changes. New Archaeological data on Weaponry. Archaeologia Baltica 8, 2007, 321-327.

Yotov 2018: V. Yotov, Data about northmen's presence in the Lower Danube Area, in Studia romana et medievalia. Miscellanea in honorem annos LXXX peragentis professoris emeriti Dan Gh. Teodor oblata (Bucureşti-Brăila 2018), 467-476.

Авдусина 2014: С.А. Авдусина, Клад торгового инвентаря из Гнездова. Труды IV (XX) Всероссийского археологического сьезда, т. 3 (Казань 2014) 10-11.

Андрощук 2008: Ф. Андрощук, Древлянская земля в межрегиональных контактах IX-X вв. В: Стародавній Іскоростень і слов'янскі гради VIII-X ст. Збірка наукових праць. Т. 1 (Коростень 2008), 6-18.

Атанасов 2000: Г. Атанасов, Клады земледельческих орудий из Южной Добруджи (X - начало XI вв.). Stratum plus 5, 2000, 183-208.

Бауер 2014: Н.П. Бауер, История древнерусских денежных систем IX в. – 1535 г. (Москва 2014).

Бектинеев 1987: Ш.А. Бектинеев, Весы и гирьки-разновесы X-XIV вв. из Белоруссии. СА 1, 1987, 231-237.

Болдуряну 2010: А. Болдуряну, Византийские и исламские монеты из Алчедарского клада. Stratum plus 5, 2010, 301-306.

Болдуряну, Рябцева 2015: А.И. Болдуряну, С.С. Рябцева, Денежно-вещевые клады и отдельные находки монет в памятниках Карпато-Днестровского региона IX - начала XI вв. В: Эпоха викингов в Восточной Европе в памятниках нумизматики VIII-XI вв. II Международная нумизматическая конференция, Санкт-Петербург, Старая Ладога, 3-5 апреля 2015 года. Материалы докладов и сообщений (Санкт-Петербург 2015), 26-33.

Большаков 1980: О.Г. Большаков, К истории Таласской битвы (751 г.). Страны и народы Востока, вып. XXII (Москва 1980), 132-135.

Гольцева, Кашуба 1995: Н.В. Гольцева, М.Т. Кашуба, Глинжень II. Многослойный памятник Среднего Поднестровья (материалы раскопок 1978-1979, 1989-1990 гг.) (Тирасполь 1995).

Григорьев 2005: А.В. Григорьев, Славянское население водораздела Оки и Дона в конце I - начале II тыс. н.э. (Тула 2005).

Гумилев 1990: Л.Н. Гумилев, География этноса в исторический период (Ленинград 1990).

Гумилев 2006: Л. Гумилев, Открытие Хазарии (Москва 2006).

Дайга 1960: Й.В. Дайга, К вопросу о литейных формах и литейном деле на территории Латвии (до XIII в.). СА 3, 1960, 78-92.

Дубов 1989: И.В. Дубов, Великий Волжский путь (Ленинград 1989).

Ениосова, Сарачева 2006: Н.В. Ениосова, Т.Г. Сарачева, Древнерусские ювелирные инструменты из цветных металлов (результаты химико-технологического исследования). КСИА, вып. 220 (Москва 2006), 88-100.

Ениосова, Сингх, Степанов 2018: Н.В. Ениосова, В.К. Сингх, А.М. Степанов, Сырьевые слитки новгородских ювелиров. В: „Нескончаемое лето". Сборник статей в честь Е.А. Рыбина (Москва-Великий Новгород 2018), 62-73.

Жилина 2010: Н.В. Жилина, История древнерусского металлического убора IX-XIII вв. В сб.: Славяно-русское ювелирное дело и его истоки. Материалы международной научной конференции посвященной 100-летию со дня рождения Г.Ф. Корзухиной, Санкт-Петербург 10-16 апреля 2006 г. (Санкт-Петербург 2010), 175-198.

Жуковский 2017: М.О. Жуковский, Раннесредневековые наборы весовых гирек Восточной Европы. В: Древнейшие государства Восточной Европы. 2015 год: Экономическая система Евразии в раннее средневековье (Москва 2017), 144-246.

Зверуго 1975: Я.Г. Зверуго, Древний Волковыск X-XIV вв. (Минск 1975).

Ибн-Фадлан 1939: Путешествие Ибн-Фадлана на Волгу. Под ред. И.Ю. Крачковского. Пер. и комент. А.П. Ковалевского (Москва-Ленинград 1939).

Изюмова 1974: С.А. Изюмова, Раскопки городища у с. Супруты. В сб.: Археологические открытия в 1973 г. (Москва 1974), 53-54.

Каждан 1960: А.П. Каждан, Деревня и город в Византии. IX-X вв. Очерки по истории византийского феодализма (Москва 1960).

Карнап-Борнхайм и др. 2010: К. фон Карнап-Борнхайм, Ф. Хильберг, С. Кальмринг, Й. Шульце, Хедебю, поселение и порт: старые материалы и новейшие исследования. РА 1, 2010, 53-63.

Кирпичников 2003: А.Н. Кирпичников, Ладога на международных торговых путях эпохи раннего средневековья: новые археологические подтверждения. В: Великий Волжский путь: Материалы второго этапа Международной научно-практической конференции. Часть II (Казань 2003), 80-88.

Кирпичников 2007: А.Н. Кирпичников, Новые материалы о международных торговых связях средневековой Ладоги с Балтийским регионом и странами Востока (по данным раскопок 2002 г.). В сб.: Северная Русь и народы Балтики (Санкт-Петербург 2007), 195-220.

Кирпичников, Ениосова 2004: А.Н. Кирпичников, Н.В. Ениосова, Литейные формы для производства слитков из Старой Ладоги. В сб.: Восточная Европа в средние века. К 80-летию В.В. Седова (Москва 2004), 290-296.

Комар 2011: А.В. Комар, Древнерусская денежно-весовая система X в. на перекрестке путей: хазарский тупик. В: Хазарский альманах, том. 9 (Харьков 2010-2011), 131-184.

Ковалевский 1956: А.П. Ковалевский, Книга Ахмеда Ибн-Фадлана о его путешествии на Волгу в 921-922 гг. (Харьков 1956).

Козлов 2015: В.И. Козлов, Население степного междуречья Дуная и Днестра конца VIII - начала XI веков н.э.: балкано-дунайская культура (Казань-Санкт-Петербург-Кишинев 2015).

Корзухина 1946: Г.Ф. Корзухина, О технике тиснения и перегородчатой эмали в Древней Руси X-XII вв. КСИИМК XIII, 1946, 45-52.

Корзухина 1954: Г.Ф. Корзухина, Русские клады (Москва-Ленинград 1954).

Кулешов 2018: В.С. Кулешов, Письменные и нумизматические источники по истории денежного обращения в Восточной Европе в IX-XI вв. Диссертация на соискание ученой степени кандидата исторических наук (Москва 2018).

Курта 2013: Фл. Курта, Образ и археология печенегов. Stratum plus 5, 2013, 203-234.

Леонтьев, Носов 2012: А.Е. Леонтьев, Е.Н. Носов, Восточноевропейские пути сообщения и торговые связи в конце VIII-X в. В сб.: Русь в IX-X веках: археологическая панорама. Древности Севера (Москва 2012), 382-401.

Лесман 2014: Ю.М. Лесман, Скандинавский компонент древнерусской культуры. Stratum plus 5, 2014, 43-87.

Макаров 2012: Н.А. Макаров, Исторические свидетельства и археологические реалии: в поисках соответствий. В сб.: Русь в IX-X веках: археологическая панорама. Древности Севера (Москва 2012), 451-454.

Мельникова 2010: Е.А. Мельникова, Балтийская система коммуникаций в I тысячелетии н.э. В сб.: (Отв. ред. Т.Н. Джаксон) Древнейшие государства Восточной Европы. 2009 год. Трансконтинентальные и локальные пути как социокультурный феномен (Москва 2010), 43-57.

Михайлина 1997: Л.П. Михайлина, Населення Верхнього Попруття VIII - X ст. (Чернівці 1997).

Монгайт 1961: А.Л. Монгайт, Рязанская земля (Москва 1961).

Мугуревич 1965: Э.С. Мугуревич, Восточная Латвия и соседние земли в X-XIII вв. (Рига 1965).

Наследова 1956: Р.А. Наследова, Ремесло и торговля Фессалоники конца IX - начала X в. по данным Иоанна Камениаты. Византийский временник VIII, 1956, 61-84.

Нунан 2004: Т.С. Нунан, Торговля Волжской Булгарии с саманидской Средней Азией в X в. В сб.: Археология, история, этнография Восточной Европы. Сборник в честь И.В. Дубова (Санкт-Петербург 2004), 255-308.

Пашуто 1950: В.Т. Пашуто, Очерки по истории Галицко-Волынской Руси (Москва 1950).

Петрухин 2010: В.Я. Петрухин, Путь „из варяг в греки": летописная конструкция и транконтинентальные магистрали. В сб.: (Отв. ред. Т.Н. Джаксон) Древнейшие государства Восточной Европы. 2009 год. Трансконтинентальные и локальные пути как социокультурный феномен (Москва 2010), 58-65.

Постикэ 1985: Г.И. Постикэ, Археологические исследования на средневековом поселении Ханска. Археологические исследования в Молдавии в 1981 г. (Кишинев 1985), 156-168.

Прохненко 2011: И. Прохненко, К вопросу о гибели Екимэуцкого городища. Tyragetia s.n. V/1, 2011, 291-299.

Пушкина 1991: Т. Пушкина, Торговый инвентарь из курганов Смоленского Поднепровья. В сб.: Смоленск и Гнездово (к истории древнерусского города) (Москва 1991), 226-243.

Пушкина 2009: Т. Пушкина, Новые монетно-вещевые клады из Гнездова. В сб.: Великий Новгород и средневековая Русь. Сборник статей к 80-летию академика В.Л. Янина (Москва 2009), 525-532.

Пушкина 2010: Т. Пушкина, Клад „ювелира" периода викингов с территории Верхнего Поднепровья. Arheologija un etnografija 24 (Riga 2010), 147-153.

Пчелов 2010: Е.В. Пчелов, Путь „из варяг в греки" и принципы землеописания в начальной части „Повести временных лет". В сб.: (Отв. ред. Т.Н. Джаксон) Древнейшие государства Восточной Европы. 2009 год. Трансконтинентальные и локальные пути как социокультурный феномен (Москва 2010), 66-77.

Рабинович 1999: Р.А. Рабинович, Дирхемы на территории Молдовы: культурно-исторический контекст. Stratum plus 6, 1999, 263-275.

Рабинович, Рябцева 1997: Р.А. Рабинович, С.С. Рябцева, Ювелирные украшения с зернью из Карпато-Поднестровья в контексте культурно-исторических процессов X-XI вв. In: Stratum+ Петербургский археологический вестник (Санкт-Петербург, Кишинев 1997), 236-245.

Рафалович 1972: И.А. Рафалович, Славяне VI-IX веков в Молдавии (Кишинев 1972).

Рафалович, Лапушнян 1974: И.А. Рафалович, Л. Лапушнян, Могильники и раннеславянское городище у с. Селиште. В сб.: Археологические исследования в Молдавии в 1973 г. (Кишинев 1974), 104-139.

Рыбаков 1948: Б.А. Рыбаков, Ремесло Древней Руси (Москва 1948).

Рябцева, Тельнов 2010: С.С. Рябцева, Н.П. Тельнов, Алчедарский клад и центры ювелирного производства Восточной Европы конца IX - начала XI вв. Stratum plus 5, 2010, 285-300.

Стальсберг 1999: А. Стальсберг, Торговый инвентарь женских погребений эпохи викингов (субьективная интерпретация). Stratum plus 5, 1999, 158-163.

Стальсберг 2001: А. Стальсберг, Археологические свидетельства об отношениях между Норвегией и Древней Русью в эпоху викингов. В сб.: Древнейшие государства Восточной Европы. 1999 г. (Москва 2001), 93-115.

Стубавс 1959: А.Я. Стубавс, Раскопки городища Кентескалнс в 1954-1956 гг. В сб.: Вопросы этнической истории народов Прибалтики (Москва 1959), 186-291.

Сюзюмов 1949: М.Я. Сюзюмов, Книга Эпарха (Свердловск 1949).

Сюзюмов 1951: М.Я. Сюзюмов, Ремесло и торговля в Константинополе в начале X века. Византийский Временник IV, 1951, 11-41.

Сюзюмов 1958: М.Я. Сюзюмов, Василики как источник для внутренней истории Византии. Византийский временник XIV, 1958, 67-75.

Теофил 1963: Манускрипт Теофила „Записка о разных искусствах". Сообщения Всесоюзной центральной научно-исследовательской лаборатории по консервации и реставрации. Вып. 7 (Москва 1963).

Тимощук 1978: Б.О. Тимощук, Твердиня на Пруті. З історіі виникнення Чернівців (Ужгород 1978).

Тимощук 1982: Б.О. Тимощук, Давньоруська Буковина (X - перша половина XIV ст.) (Київ 1982).

Федоров 1953: Г.Б. Федоров, Городище Екимауцы. КСИИМК 50, 1953, 104-126.

Федоров 1954: Г.Б. Федоров, Итоги трехлетних работ в Молдавии в области славяно-русской археологии (памятники эпохи полей погребений в Молдавии). КСИИМК 56, 1954, 8-23.

Федоров 1960: Г.Б. Федоров, Население Прутско-Днестровского междуречья в I тысячелетии н.э. МИА, вып. 89 (Москва 1960).

Федоров 1961: Г.Б. Федоров, Население Юго-Запада СССР в I - начале II тысячелетия нашей эры. Советская этнография 5, 1961, 80-106.

Федоров 1964: Г.Б. Федоров, Работы Прутско-Днестровской экспедиции в 1960-1961 гг. КСИА 99, 1964, 77-88.

Федоров 1966: Г.Б. Федоров, Посад Екимауцкого поселения. Культура Древней Руси (Москва 1966), 272-277.

Федоров 1974: Г.Б. Федоров, Древнерусская культура Поднестровья (X-XII вв.). Древняя культура Молдавии (Кишинев 1974), 109-126.

Фехнер, Недошивина 1987: М.В. Фехнер, Н.Г. Недошивина, Этнокультурная характеристика Тимеревского могильника по материалам погребального инвентаря. Советская археология 2, 1987, 70-98.

Фехнер, Янина 1978: М.В. Фехнер, С.А. Янина, Весы с арабской надписью из Тимерева. В сб.: Вопросы древней и средневековой археологии Восточной Европы (Москва 1978), 184-192.

Хынку 1967: И.Г. Хынку, Отчет о раскопках на поселении Ханска в 1966 г. Arhiva Muzeului Naţional de Istorie a Moldovei (Кишинев 1967).

Хынку 1969: И.Г. Хынку, Поселения XI-XIV веков в Оргеевских кодрах Молдавии (Кишинев 1969).

Хынку 1972: И.Г. Хынку, Археологические исследования на поселении Лимбарь-Кэпрэрия X-XIV вв. в 1968-1969. В сб.: Археологические исследования в Молдавии в 1968-1969 гг. (Кишинев 1972), 159-183.

Хынку 1974: И.Г. Хынку, Памятники балкано-дунайской культуры (X-XIV вв.). В сб.: Древняя культура Молдавии (Кишинев 1974), 127-150.

Шевеленко 1992: А.Я. Шевеленко, Природные условия, этнодемографические процессы, развитие производительных сил. В: История Европы. Том второй, Средневековая Европа, отв. ред. Е.В. Гутнова и З.В. Удальцова (Москва 1992), 34-62.

Янин 1956: В.Л. Янин, Денежно-весовые системы русского средневековья. Домонгольский период (Москва 1956).

Янссон 1999: И. Янссон, Скандинавские находки IX-X вв. с Рюрикова городища. В сб.: Великий Новгород в истории средневековой Европы (Москва 1999), 18-38.

Depozitul cu unelte de făurărie-giuvaiergerie din perioada medievală timpurie, descoperit la Voloave, raionul Soroca

Cuvinte-cheie: spaţiul carpato-nistrean, sec. IX-X, depozit, unelte.

Rezumat: Depozitul de unelte meşteşugăreşti aparţinând unui făurar-giuvaiergiu, alcătuit din 19 obiecte din fier şi din bronz, a fost descoperit în împrejurimile localităţii Voloave, r-nul Soroca, în toamna anului 2018. Din cadrul depozitului fac parte trei ciocane şi trei nicovale de dimensiuni mici, un cleşte de giuvaiergiu cu braţele scurte, un gravoar, trei dornuri/poansoane, două pile din fier (oţelit - ?), două unelte de tâmplărie (cuţite pentru strungul de lemnărie -?) şi un fragment de coasă. Dintre obiectele componente se disting, prin raritatea descoperirii, un tipar din fier pentru turnat lingouri şi un cântar din bronz de tip balanţă cu două talere.

Obiectele din depozit îşi găsesc analogii apropiate în inventarul unor morminte de meşteri-bijutieri, în depozitele de unelte şi arme, în tezaurele de argintărie din secolele al IX-lea - al XI-lea, descoperite în Europa de Vest, de Nord şi de Est, dar şi în aşezările fortificate de plan circular dintre Nistru şi Răut, cum ar fi cele de la Alcedar şi Echimăuţi. Apariţia/acumularea, ascunderea şi nerecuperarea depozitului este pusă în legătură cu procesele social-economice şi politice din această perioadă, cu pătrunderea în spaţiul carpato-nistrean a unor enclave vikinge, care s-au deplasat dinspre Marea Baltică, utilizând vechea arteră comercială de-a lungul Vistulei şi Nistrului spre Marea Neagră, Balcani, Bizanţ sau Califatul arab, pentru a ajunge la Constantonopol sau Bagdad. De-a lungul acestei artere scandinavii şi-au creat tabere/popasuri intermediare, de tranzit şi aşezări fortificate cu şanţuri şi valuri de pământ şi palisade din lemn, transformate treptat în puternice centre militaro-administrative şi economice, adevărate protooraşe, la a căror edificare au contribuit şi comunităţile locale ale romanicilor de răsărit. Ascunderea depozitului, probabil în secolul al X-lea, este pusă în legătură cu pătrunderea în regiune a nomazilor turanici.

Lista ilustraţiilor:

Fig. 1. Harta cu locul descoperirii depozitului de la Voloave.

Fig. 2. Ciocane (1-3), gavoar cu mâner tubular (4), mâner de coasă (5), cuţite pentru strungul de prelucrat lemn (6-7) (foto și desen).

Fig. 3. Nicovale (1-3) și cleşte de bijutier (4), tipar pentru turnat lingouri (5) (foto și desen).

Fig. 4. Unelte de bijutier: dornuri/poansoane (1-4), pile din fier (oţelit - ?) (5-6) (foto și desen).

Fig. 5. Balanţă din bronz cu talere (foto și desen).

Fig. 6. Balanţă din bronz (reconstituire).

Fig. 7. Distribuirea depozitelor de unelte și arme în Europa de Sud-Est.

Раннесредневековый клад с инструментами кузнеца-„ювелира”, обнаруженный у села Волоаве Сорокского района

Ключевые слова: Карпато-Днестровское пространство, IX-X вв., клад, инструменты.

Резюме: Осенью 2018 года на окраине села Волоаве Сорокского р-на был обнаружен клад кузнеца-„ювелира”, состоящий из 19 предметов из железа и бронзы. В состав клада входили три молоточка и три наковальни маленьких размеров, клещи ювелира с короткими ручками, один чекан-пуансон, три пробойника, две маленькие железные (стальные (?)) пилочки и другие предметы. Особенностью клада является наличие в его составе железной формы для отливки слитков и бронзовых весов для малых взвешиваний с двумя круглыми чашечками.

Предметы из состава клада находят близкие аналогии в погребальном инвентаре захоронений некоторых мастеров-ювелиров и в смешанных кладах серебряного лома IX-XI веков, выявленных в Западной, Северной и Восточной Европе, а также на укрепленных поселениях междуречья Днестра и Реута, таких как Алчедар, Екимэуць и др. Накопление, сокрытие и невостребованность клада связаны с социально-экономическими и политическими событиями этого периода, с проникновением в Карпато-Днестровский ареал викингов из Балтийского региона, продвигавшихся по старому торговому пути вдоль Вислы и Днестра к Черному морю, Византии или Арабскому халифату, чтобы попасть в Константинополь или Багдад. Вдоль этого пути скандинавы возвели транзитные лагеря и укрепленные поселения, со временем превращенные в военно-торговые и экономические центры протогородского характера, в строительстве которых участвовало и местное восточно-романское население. Состав клада позволяет предполагать, что он принадлежал одному из местных или странствующих мастеров. Сокрытие клада произошло, по-видимому, в X веке, в связи с нашествием на регион поздних кочевников.

Список иллюстраций:

Рис. 1. Карта с местом обнаружения клада у с. Волоаве.

Рис. 2. Молоточки (1-3), гравер с трубчатой ручкой (4), ручка косы-горбуши (5), резцы от токарного станка (6-7) (фотография и рисунок).

Рис. 3. Наковальни (1-3) и клещи ювелира (4), форма для отливки слитков (5) (фотография и рисунок).

Рис. 4. Инструменты ювелира: штихеля/граверы (1-4), напильники (5-6) (фотография и рисунок).

Рис. 5. Бронзовые балансовые весы с чашечками (фотография и рисунок).

Рис. 6. Бронзовые балансовые весы (реконструкция).

Рис. 7. Распределение кладов орудий труда и оружия в Юго-Восточной Европе.

04.04.2020

Dr. Ion Tentiuc, National Museum of History of Moldova, 121-A 31 August str., MD-2012 Chişinău, Republic of Moldova, https://orcid.org/0000-0002-3126-6499, e-mail: ion_tentiuc@yahoo.com

Valeriu Bubulici, National Museum of History of Moldova, 121-A 31 August str., MD-2012 Chişinău, Republic of Moldova, https://orcid.org/0000-0002-7431-3558, e-mail: vbubulici@mail.ru

НАХОДКИ «ГИБРИДНЫХ» СОЛИДОВ СУЧАВЫ В БЕЛАРУСИ

Роман Крицук

Ключевые слова: Сучава, Еустратие Дабижа, солид, Беларусь.

Период правления в Молдове господаря Еустратие Дабижа (1661-1665) известен организацией в городе Сучава подпольного монетного двора, который кроме небольшой «молдавской»[1] эмиссии солидов наладил выпуск колоссальной партии фальшивых солидов (имитаций) Речи Посполитой, Пруссии и Шведской Ливонии. Из огромной разнообразной массы фальшивых монет выделяются так называемые «гибридные» подделки – монеты, которые изготовлены штемпельными парами от разных стран и/или правителей, или штемпельные пары типа аверс/аверс и реверс/реверс.

Наличие гибридных монет вызвано особенностями технологического процесса их чеканки. В Сучаве чеканка монеты была налажена на хорошем уровне. Там использовалась не молоточная техника, а специальный монетный станок – вальцверк (нем. Walzenprägewerk, Walzwerk, Druckwerk). Его изобретение приписывается тирольскому монетному двору в Швебиш-Халле в середине XVI века. Станок работал следующим образом: специально заготовленная монетная пластина прокручивалась между двумя валиками, на последние были нанесены зеркальные штемпельные изображения аверса и реверса монеты (Фенглер, Гирроу, Унгер 1993, 41). В результате прокатки они отпечатывались на пластине, после чего пластину надо было разрезать и придать им круглый вид – и монета была готова. В зависимости от типа монеты, на валиках могло быть размещено меньшее (как минимум 4) или большее количество штемпельных изображений. Учитывая, что в Сучаве чеканился крайне мелкий номинал – солид (диаметр ≈ 15 мм), то, по логике, на валиках должно было размещаться количество штемпельных изображений, близкое к максимальному. Но найденные монетные заготовки однополосные, что свидетельствует о небольшом количестве штемпельных изображений. Через некоторое время после массового введения вальцверка технология изготовления монет была доработана. Когда один из штемпелей приходил в негодность, чтобы не заменять весь валик, на его место ставился отдельный накладной штемпель. Каким типом вальцверка изготавливались монеты в Сучаве, ответить сложно, но судя по находкам монетных пластин, это был тип с комбинированными валиками и разными типами монет по правителям и странам. Согласно каталогу монет и банкнот Румынии (Luchian, Buzdugan, Oprescu 1977, 93-102), кроме собственной эмиссии в Сучаве подделывались солиды следующих стран:

Королевство Швеция:
- Густав II Адольф (1611-1632) – монеты Риги и Эльблонга.
- Кристина (1632-1654) – монеты Риги и Ливонии.
- Карл X Густав (1654-1660) – монеты Риги и Ливонии.
- Карл XI (1660-1697) – монеты Риги и Ливонии.

Речь Посполитая:
- Сигизмунд III Ваза (1587-1632) – монеты Риги, ВКЛ и Польши.
- Ян II Казимир (1648-1668) – монеты ВКЛ.

Княжество Бранденбург-Пруссия:
- Георг Вильгельм (1619-1640) – монеты Пруссии.
- Фридрих Вильгельм (1648-1688) – монеты Пруссии.

Кроме того, в каталоге описаны три примера как смещения штемпелей, которые привели к появлению «гибридных» монет (рум. *diverse imitaţii hibride*), так и монетных пластин с разными типами солидов по правителям и

[1] Данные монеты внешне были крайне похожи на восточноевропейские солиды, но с упоминанием в легенде имени господаря и изображением герба страны эмитента.

странам. Монета № 1073a – совмещение солида Пруссии Фридриха Вильгельма и солида Кристины. № 1073b – монетная пластина с двумя отпечатками рижских солидов Карла X Густава и двумя отпечатками ливонских солидов Кристины. Последний пример – № 1073c, схож предыдущим типом – оттиск рижского солида Карла X Густава и часть оттиска ливонского солида Кристины. Однако данный список гибридных монет далеко не полный. Автору статьи известно еще несколько типов таких монет, найденных на территории Беларуси. Они рассмотрены ниже в хронологическом порядке их обнаружения.

1. Гибридный солид из состава клада[2], найденного в 1929 году в д. Старые Дороги Слуцкого р-на Минской обл. БССР. Впервые с гибридными монетами в 30-е гг. XX в. столкнулся белорусский искусствовед и нумизмат Николай Николаевич Щекотихин. Разбирая материалы клада солидов из деревни Старые Дороги Слуцкого р-на, он обратил внимание на следующую монету:

«*Солид. Д -16,5; В – 0,52. R(?) Не описан. A FRID WILH MAR BR S PEL; прусский орёл с буквою F на груди под короной, разделяющей легенду; внешний обвод верёвчатый. R SOLIDVS M D LIT 1·2·2· между двух веревчатых обводков; „Погонь" под короной, разделяющей легенду; в середине монеты рельефная точка; под „Погоней" крест с украшенными концами*» (Щекатихин 1933-1934). Автор отмечал, что до сих пор ему в нумизматической литературе подобные монеты не попадались, и предложил версию, что эта монета была отбита курфюрстом Фридрихом Вильгельмом, но: «*... когда именно и по какому поводу – остаётся пока неизвестным и требует специальных исследований*» (Щекатихин 1936). Не удивительно, что данная монета привлекла внимание классика белорусской нумизматики своей нестандартностью. Вероятно, что она вместе с архивом Н.Н. Щекотихина и его коллекцией экслибрисов была передана в Эрмитаж[3].

2. Гибридный солид из состава клада[4], найденного до 1941 года на территории Пинского повета Полесского воеводства (КП 03722/165).
Av: малый герб Риги, круговая легенда: «SOLIDVSCIV ...».
Rv: малый герб Риги, круговая легенда: «COLIDVSCIVIRIC 16 (6 лежит на боку)» (Крыщук 2018, 98).

3. Гибридный солид из состава клада[5], найденного в 1960-е гг. на территории ныне уничтоженного Кальвинского городища города Дзержинска Минской области (инв. № 9/2079, рис. 1).
Av: вензель королевы Кристины, вокруг в веревчатой обводке круговая легенда: «CH[RIS]...R·S·».
Rv: вензель курфюрста Фридриха Вильгельма, вокруг в веревчатой обводке круговая легенда: «SOL[IDVSPRV]CSSIA16» (Крыщук 2014).

4. Гибридный солид из состава клада[6], найденного в 2014 году в окрестностях деревни Кайшовка Кореличского района Гродненской области (рис. 2/1).
Av: малый герб Риги, круговая легенда: «SOLIDVSCIVIRIC12».
Rv: малый герб Риги, круговая легенда: «SOLIDVSCIVI ... G16».

[2] Согласно Н.Н. Щекотихину, состав клада был следующий: «*Старые Дороги б. Слуцкого у. В 1929 г. был найден клад, из которого небольшая часть досталась Слуцкому Краеведческому о-ву, где и была мне показана. Это были рижские солиды Густава Адольфа, Христины, Карла Густава, Карла XI и прусские солиды Фридриха Вильгельма*».

[3] Согласно консультации заведующего Отделом нумизматики ГЭ Виталия Александровича Калинина, на данный момент нумизматическая коллекция Н.Н. Щекотихина в фондах Эрмитажа не выявлена. Возможно, данные монеты были депаспортизированы во время эвакуации фондов ГЭ в Великую Отечественную войну, а возможно, коллекция изначально не поступала в Эрмитаж.

[4] Клад из 247 монет хранится в фондах УК «Музей Белорусского Полесья», номер КП - 03722/001-247. Большую часть клада составляют солиды г. Сучавы – 128 монет (51,8%). На втором месте – солиды Шведской Прибалтики – 62 монеты (25,1%). 47 монет (19%) не поддаются атрибуции в виду их плохого состояния. Четыре монеты являются кустарными фальшивками. Три монеты относятся к эмиссиям Речи Посполитой и три монеты к эмиссиям Пруссии. Самая ранняя монета клада к датируется 1661 годом.

[5] Клад из девяти монет хранится в фондах учебной лаборатории музейного дела исторического факультета БГУ, инвентарный номер № 1/2071-№ 9/2079. Состав клада следующий: полтораки Сигизмунда III Вазы 1621, 1622, 1623 и 1624 гг., ливонский драйпелькер Кристины 1648 г. и ее ливонский (1647 г.) и рижский (1641 г.) солиды. Фальшивые монеты (кроме описанного гибридного солида) представлены грубой гибридной подделкой солида Густава II Адольфа и виленского солида Сигизмунда III или Стефана Батория.

[6] Клад насчитывал как минимум 500 монет (разграблен). Большую часть составляли оригинальные и фальшивые ливонские и рижские солиды Густава II Адольфа, Кристины, Карла X Густава и Карла XI; прусские Фридриха Вильгельма; виленские Сигизмунда III и Яна Казимира, четыре солида Еустратие Дабижа, торнер Шотландии Карла I и обол Тешина Елизаветы Лукреции.

Кроме того, в кладе был еще один интересный нумизматический артефакт, который, вероятно, является бракованным продуктом сучавского монетного двора (рис. 2/2). Это монетовидный кружок размером с солид и весом 0,61 грамма. На одной из сторон помещен зеркальный оттиск аверса рижского или ливонского солида Кристины. На другой стороне помещен зеркальный оттиск реверса солида Яна II Казимира с изображением «Погони» (образца 1652-1653 гг.) (Крыцук 2017, 40-41).

5. Гибридный солид, 2014 г., из Могилёвской области (без точной локализации). (КП 050610[7], рис. 3).
Av: малый герб Риги, круговая легенда: «[S] OLIDUS ... RIGE • ...».
Rv: герб Пруссии (орел с буквой R на груди), круговая легенда: «... LHMAR ...» (Крицук 2016, 50).

Таким образом, из белорусских монетных находок наиболее преобладает тип «герб Риги / герб Риги». Типы «герб Риги / герб Пруссии», «вензель Фридриха Вильгельма / герб ВКЛ» и «вензель Кристины / вензель Фридриха Вильгельма» встречаются в единственном числе. Из различных Интернет-источников известны и другие типы, такие, например, как «герб Пруссии / монограмма Яна II Казимира» с виленских солидов 1652-1653 гг. и т д. В мировой нумизматике известны примеры чеканки монет со штемпелями разных номиналов (т.н. мул, от англ. mule - «гибрид»), но монеты, пусть даже и поддельные, с штемпелями разных правителей, а тем более разных стран, представлены только сучавскими солидами. При этом, учитывая небольшее количество известных гибридных монет, вероятнее всего, некоторые типы могут быть представлены в единичных экземплярах. Их наличие дает возможность проследить, чьи именно солиды (страны и монархи) подделывались на монетном дворе в Сучаве. Кроме того, они свидетельствуют о том, что там использовался усовершенствованный вариант вальцевального станка, со съемными штемпелями на валиках.

Из-за недостатка письменных источников крайне сложно делать какие либо выводы о том, как подобные гибридные монеты воспринимались населением. Можно предположить, что они не выделялись из общей огромной массы рядовых сучавских и прибалтийских солидов. Но, как показывает пример рукописи Н.Н. Щекотихина, для нумизматов, по определенным причинам не знакомых с данной темой, гибридные монеты представляли целую серию вопросов без ответов.

Рис. 1. Гибридный солид типа «вензель Кристины»/ «вензель Фридриха Вильгельма» из клада, найденного в городе Дзержинск Минской области в 1960-е гг.

1

2

Рис. 2. 1 - Гибридный солид тип «герб Риги» / «герб Риги»; 2 - монетный брак? Найдены в 2014 году в Кареличском районе Гродненской области.

Рис. 3. Гибридный солид типа «герб Риги»/ «герб Пруссии». Могилёвская область, 2014 г.

[7] Собрание Национального исторического музея Республики Беларусь.

Библиография

Крицук 2016: Р.И. Крицук, Находки солидов Еустратие Дабижа в Беларуси. В: Al XVI-lea simpozion de numismatică, 22-23 septembrie 2016 (Chişinău 2016), 48-52.

Крыцук 2014: Р.І. Крыцук, Анамальны солід з Дзяржынскага скарба. В: Другія Навуковыя Чытанні памяці прафесара Валянціна Навумавіча Рабцэвіча (1934-2008), 26-28 лістапада 2014 (Мінск 2014), 36-37.

Крыцук 2017: Р.І. Крыцук, Знаходкі шэлягаў Эустраціе Дабіжа ў Беларусі. В: VIII Міжнародная нумізматычная канферэнцыя „Захоўваючы мінулае – будуем будучыню", 5-6 кастрычніка 2017 (Мінск 2017), 38-43.

Крыцук 2018: Р.І. Крыцук, Скарбы з шэляжнай манетай ў зборах Музея Беларускага Палесся. В: Государства Центральной и Восточной Европы в исторической перспективе: сборник научных статей по материалам III Международной научной конференции, 30 ноября - 1 декабря 2018 (Пинск 2018), 92-101.

Фенглер, Гирроу, Унгер 1993: Х. Фенглер, Г. Гирроу, В. Унгер, Словарь нумизмата (Москва 1993).

Щекатихин 1933-1934: Н.Н. Щекатихин, Топография кладов с литовскими монетами на территории древнего Литовского государства (ксерокопия рукописи).

Щекатихин 1936: Н.Н. Щекатихин, Некоторые варианты литовских монет (ксерокопия рукописи).

Luchian, Buzdugan, Oprescu 1977: O. Luchian, G. Buzdugan, C.C. Oprescu, Monede şi bancnote româneşti (Bucureşti 1977).

Descoperiri de solizi „hibrizi" ai Sucevei în Belarus

Cuvinte-cheie: Suceava, Eustatie Dabija, şalăi, Belarus.

Rezumat: În articol sunt abordate descoperirile de solizi „hibrizi" ai lui Eustatie Dabija (aa. 1661-1665) pe teritoriul Bielorusei. Eustatie Dabija a organizat, la o monetărie clandestină din oraşul Suceava, emiterea unor solizi falşi, care circulau în Marele Ducat al Lituaniei, Coroana Poloniei (inclusiv Riga), domeniile Suediei din Ţările Baltice (Elblong, Riga şi Livonia), Prusia. Solizii hibrizi au apărut în rezultatul deplasării ştanţelor de pe matriţele monetare şi poartă îmbinarea atât a ştanţelor diferitor ţări, cât şi a averselor duble sau a reverselor duble (engl. „mule"). În prezent, se cunoaşte despre aflarea a cinci monede de acest fel pe teritoriul Bielorusiei: tipul „monograma Cristinei" / „monograma lui Friedrich Wilhelm", „stema Prusiei" / „stema MDL", „stema Prusiei" / „stema Rigăi", „stema Rigăi" / „stema Rigăi" (2 exemplare).

Lista ilustraţiilor:

Fig. 1. Solid hibrid de tipul „monograma Cristinei" / „monograma lui Friedrich Wilhelm" din tezaurul descoperit în oraşul Dzeržinsk, regiunea Minsk, în aa. 1960.

Fig. 2. 1 - Solidul hibrid de tipul „stema Rigăi" / „stema Rigăi"; 2 - rebut monetar? Găsite în a. 2014 în raionul Koreličy, regiunea Grodno.

Fig. 3. Solid hibrid de tipul „stema Prusiei" / „stema Rigăi". Regiunea Moghilev, 2014.

The finds of Suceava "hybrid" solidi in Belarus

Keywords: Suceava, Eustratie Dabija, shilling / solidus, Belarus.

Abstract: The article deals with the finds of "hybrid" solidi of Eustratie Dabija (1661-1665) in Belarus. Eustratie Dabija at the mint in Suceava organized the minting of counterfeit shillings of the Grand Duchy of Lithuania, Prussia, and Swedish Livonia. The presence of hybrid shillings / solidi is caused by the features of the technological process of their minting; they bear a combination of coats of arms of different countries / rulers or have double obverse and double reverse (in English – "mule"). In total, 5 such coins are currently known in Belarus: the type "Monogram of Christina / Monogram of Friedrich Wilhelm", "Coat of arms of Prussia / Coat of arms of the Grand Duchy of Lithuania", "Coat of arms of Prussia / Coat of arms of Riga", "Coat of arms of Riga / Coat of arms of Riga" (2 exemplars).

List of illustrations:

Fig. 1. Hybrid shilling of the "Monogram of Christina / Monogram of Friedrich Wilhelm" type from a hoard found in the city of Dzerzhinsk, Minsk Region in 1960s.

Fig. 2. 1 - Hybrid shilling of the "Coat of arms of Riga / Coat of arms of Riga" type; 2 - Defective coin (?) found in the Karelichsky District of the Grodno Region in 2014.

Fig. 3. Hybrid shilling of the "Coat of arms of Riga / Coat of arms of Prussia" type. Mogilev Region, 2014.

28.02.2020

Роман Крицук, Национальный исторический музей Республики Беларусь, ул. Карла Маркса 12, г. Минск, Республика Беларусь, e-mail: Kola.Sonca@gmail.com

MONEDE DE TIP SADAGURA DIN PATRIMONIUL MUZEULUI NAȚIONAL DE ISTORIE A MOLDOVEI*

Elena Arcuș-Jantovan

Cuvinte-cheie: monedă, monetărie, Sadagura, Principatul Moldovei, Principatul Valahiei, Imperiul Rus, război ruso-turc.

În secolul al XVIII-lea, în Principatul Moldovei și cel al Valahiei, nu exista un sistem monetar național și o monedă națională, fapt care a permis pătrunderea pe piață a diverselor tipuri de monede străine. În același timp, regimul de dominație și războaiele ruso-austro-turce au determinat intensitatea circulației și apariția anumitor tipuri de monede. Un exemplu elocvent, în acest sens, a fost și baterea de către Imperiul Rus, în perioada războiului ruso-turc din anii 1768-1774, a unor monede cu totul inedite, destinate circulației în Principatele Moldovei și Valahiei. Este vorba despre monedele de tip Sadagura, cu valori nominale fixate în sistemul monetar otoman și în cel rusesc. Drept pretext pentru emiterea acestora a servit lipsa unei monede divizionare, necesare aprovizionării armatei rusești, dislocate în Principatele Române. Emiterea unei asemenea monede a fost inițiată de P. Rumeanțev, comandantul armatei ruse în Principatele Române. În acest scop, el a dispus utilizarea bronzului, rezultat din topirea tunurilor capturate de la otomani, precum și din tunurile rusești deteriorate[1], hotărând să concesioneze dreptul de batere a respectivelor monede unei persoane particulare. În cele din urmă, a fost acceptată candidatura baronului P. Gartenberg, iar în data de 24 februarie 1771 a fost semnat cu acesta un contract, care conținea următoarele clauze (Винклер 1899):

1. Monetăria să fie stabilită la Iași[2] dar sub protectoratul conducerii Imperiale;
2. Să se emită monede de 5, 1 ½ și ½ copeici;
3. Monedele să fie emise de antreprenor conform schițelor grafice, oferite de comandamentul rus;
4. Piesele să fie predestinate circulației doar în Principatele Moldovei și Valahiei[3];
5. Pentru fiecare pud de metal antreprenorul trebuie să plătească 7 ½ ruble;
6. Pentru dreptul de a bate jumătate de milion de ruble se va plăti 60 000 ruble;
7. Instrumentele sunt achiziționate de antreprenor, respectiv și meșterii sunt plătiți de către acesta;
8. Actele necesare cu privire la livrare, mașini si muncitorii de la monetărie se vor face la ordinul general-feldmareșalului.

Monetăria proiectată nu a fost înființată la Iași, așa cum a fost stipulat în condițiile contractului, deoarece organizarea ei la Iași nu era potrivită, având în vedere așezarea capitalei în apropierea teatrului de război, dar, în același timp, cam departe de Polonia, de unde Gartenberg urma să aducă utilaj și meșteri (Vianu 1956, 234; Boldureanu, Nicolae 2015, 279). Astfel, monetăria a devenit centrul unei localități nu departe de Cernăuți, care a fost numită Sadagura, după numele polonez al baronului Gartenberg. În luna august 1771, a sosit primul lot de metal – 1000 de puduri, reprezentând tunuri capturate de la otomani din cetatea Hotin, iar pe parcursul funcționării monetăriei, au mai fost aduse tunuri și din alte cetăți cucerite (Brăila, Chilia, Tighina, Cetatea Albă), de la Iași, Focșani, București, dar și din Polonia și Rusia.

Primele piese realizate au fost probe de 3 denghi, 1 para/3 denghi și 5 copeici (ulterior au fost bătute și probe de 2 para/3 copeici)[4]. Tuturor acestor

* Acest articol a fost elaborat în cadrul proiectului 20.80009.0807.43 „Patrimoniul muzeal și memoria istorică: cercetare, interpretare, prezentare".

[1] Din considerentul că au fost mai multe tipuri de tunuri, piesele Sadagura au diferite calități de metal.

[2] Faptul că monetăriile rusești erau prea departe a condiționat necesitatea emiterii monedelor în Principatul Moldovei.

[3] Deși era interzis, unele dintre monede au ajuns în Rusia, piesele de 2 parale/3 copeici erau folosite pentru baterea de monede rusești de 2 copeici, iar cele de 1 para/3 denghi – pentru piesele de 1 copeică, dat fiind că între masa acestor piese nu era o mare diferență.

[4] Au fost emise și monede de tip Sadagura din argint, dar ele nu au fost puse în circulație, acestea fiind doar probe: 1772 – para/3 denghi (cu valoarea de 100 de ruble), 2 para/3 copeici (cu valoarea de 100 de ruble); 1773 – para/3 denghi (cu valoarea de 75 de ruble), 2 para/3 copeici (cu valoarea de 50 de ruble).

Fig. 1. Probă: 3 denghi
(Engel, Serrure 1897, 565).

Fig. 2. Probă: 1 para/3 denghi
(Homutescu, Homutescu 2011, 13).

probe le este specifică plasarea pe avers a acvilei bicefale ruseşti, care purta pe piept sau la picioare stemele Moldovei și Țării Românești, iar pe revers, în diferite variante, cifrul Ecaterinei II. Într-un final, au fost selectate pentru baterea oficială și punerea în circulaţie tipul de emisiuni de 1 para/3 denghi și de 2 para/3 copeici.

Aşadar, în perioada 1771-1774, au fost emise următoarele piese (Petrov 1899, 71-72; Kiriţescu 1997, 389; Cuhaj 2010, 1090):

Anul	Monede care au fost în circulaţie	Probe
1771	1 para/3 denghi (AE)	5 copeici (AE) 3 denghi (AE) 1 para/3 denghi (AE)
1772	1 para/3 denghi (AE) 2 para/3 copeici (AE)	1 para/ 3 denghi (AR) 2 para/3 copeici (AR)
1773	2 para/3 copeici (AE)	1 para/3 denghi (AR) 1 para/ 3 denghi (AE) 2 para/3 copeici (AR)
1774	1 para/3 denghi (AE) 2 para/3 copeici (AE)	-

Ca urmare, toate tranzacţiile în Principate se efectuau cu monede de tip Sadagura, iar emisiunile monetare din aur și argint erau retrase de pe piaţă prin intermediul diferitor dări şi impozite, iar încasarea lor de către vistieria armatei ruse a fost strict interzisă de comandamentul de ocupaţie. Aceste monede au fost în circulaţie în perioada 1772-1774, însă, după retragerea armatei ruseşti, n-au fost preschimbate cu monede curente, ceea ce a cauzat pagube considerabile populaţiei, nevoite, în perioada respectivă, să primească drept plată mari cantităţi de „bani de război" (Kiriţescu 1997, 114-115).

Prezenţa acestor tipuri de monede este atestată prin descoperirile monetare atât în cadrul tezaurelor[5], cât şi în cadrul descoperirilor izolate[6], cele mai multe provenind din regiunea Bucovinei[7] (probabil, din considerentul amplasării monetăriei în această regiune, ceea ce a și determinat ca răspândirea lor să fie mai mare în acest teritoriu). Sintetizarea acestui material este foarte importantă, mai ales pentru omogenizarea documentării din întreg spaţiul în care au circulat aceste monede, fiindcă centrele de emitere sunt prea bogate în material, pentru a se deduce chintesenţa (Depeyrot 2002, 3-6). Din acest considerent, este necesar a se determina răspândirea tipurilor respective de monede, iar arealul în care acestea au circulat demonstrează că, deşi aceste emisiuni au avut o perioadă scurtă de existenţă, ele s-au răspândit pe întreg spaţiul Principatelor Române.

În patrimoniul Muzeului Naţional de Istorie a Moldovei se păstrează un lot de monede Sadagura, care reprezintă descoperiri izolate, menite să confirme atât circulaţia celor două tipuri de piese în acest spaţiu, cât şi răspândirea lor aici în can-

[5] Giurgiuleşti: 2 para/3 copeici, 1772-1773, 14+?, AE (Нудельман 1990, 227-263; Arcuş-Jantovan et al. 2019, 194); Neruşai: 1 para/3 denghi, 1772, 1 AE (ОИАК 1901, 176; Нудельман 1990, 243; Arcuş-Jantovan et al. 2019, 94); Orbenii de Jos: ?, 1773-1774, 5 AE (Ştirbu 1980, 156); Satu-Nou: 2 para/3 copeici, 1773, 3 AE (Paragină 1987, 51-59); Spinoasa: 2 para/3 copeici (245), 1 para/3 denghi (6), 1771-1774, 251 AE (Iliescu 1957, 465) etc.

[6] Cahul: 2 para/3 copeici, 1772,1774, 2 AE (Arcuş-Jantovan 2017, 31-33); Chişinău: 2 para/3 copeici, 1772, 5 AE (Нудельман 1990, 239-240; ОИАК 1912, 202); Hădărăuţi: 2 para/3 copeici, 1773, 2 AE (Boldureanu 2017, 297); Hotin: 1 para/3 denghi, 1772, 1 AE (Огуй 2008, 129); Movila Măgurii: 1 para/3 denghi, 1772, 1 AE (Boldureanu 2010, 277); Orăşeni: 1 para/3 denghi, 1773, 1 AE (Огуй 2008, 126); Orhei: 1 para/3 denghi, 1772, 1 AE (Boldureanu 2012, 350); Speia, 1 para/3 denghi, 1772, 1 AE (Boldureanu 2017, 297); Stolniceni: 2 para/3 copeici, 1773, 1 AE (Boldureanu 2013, 402); Zguriţa: 2 para/3 copeici 1773, 1 AE (Boldureanu 2013, 401) etc.

[7] Cernăuţi: 2 para/3 copeici, 1773, 1 AE (Огуй 2008, 132; Arcuş-Jantovan et al. 2019, 194-195) Sadagura: 2 para/3 copeici, 1773, 1 AE (Пивоваров 2002, 211); Corceşti: 2 para/3 copeici, 1773, 1 AE (Огуй 2008, 125); Probotești: 3 denghi/1 para, 1773, 1 AE (Огуй 2008, 124); Şipiniţi, 1 piesă, 2 para/3 copeici (?); 1 piesă, 1 para/3 denghi, 1771; 6 piese din anii 1772, 1773, 1774, 8 AE (Огуй 2008, 137); Tărăsăuţi, 2 para/3 copeici, 1772, 1 AE (Пивоваров 2002, 212-213; Огуй 2008, 128); Toporăuţi, 2 para/3 copeici, 1773, 1 AE (Огуй 2008, 128-129) etc.

titităţi mai mari sau mai mici. Datele survenite din analiza descoperirilor în cauză sunt foarte importante, fiindcă vin să completeze tabloul circulaţiei tipurilor respective de monede şi, totodată, al multitudinii de descoperiri din Principatul Moldovei. Cele 38 de piese Sadagura din patrimoniul MNIM[8] sunt reprezentate de nominaluri atât de 1 para/3 denghi, cât şi de 2 para/3 copeici. Piesele de 1 para/3 denghi constituie emisiuni din anul 1772[9], iar piesele de 2 para/3 copeici au fost bătute în anii 1772, 1773, 1774.

Prezenţa, în cadrul descoperirilor, a pieselor de 1 para/3 copeici, emise în anul 1772 într-un număr semnificativ, ar putea fi determinată de următoarele circumstanţe:

– În anul 1771 au fost bătute foarte puţine monede, iar multe dintre ele au fost probe, ceea ce explică numărul mic de descoperiri de piese de 1 para/3 denghi din anul 1771;
– În anul 1773 nu au fost emise monede de 1 para/3 denghi, care să fie puse în circulaţie, ci doar probe, aşadar, absenţa pieselor din anul 1773 este justificată pe deplin;
– În anul 1774 s-au bătut, preponderent, nominaluri de 2 para/3 copeici.

În linii generale, piesele cu nominalul de 1 para/3 denghi au avut un tiraj mai mic faţă de piesele de 2 para/3 copeici, ceea ce explică şi numărul mai mic de aceste emisiuni din cadrul descoperirilor (în patrimoniul MNIM sunt 10 exemplare de emisiuni de 1 para/3 denghi, una dintre care fiind neprecizată).

Cele mai multe monede de Sadagura din patrimoniul MNIM sunt cele de 2 para/3 copeici, bătute în anul 1773 (17 exemplare). Descoperirile mai numeroase a nominalurilor de 2 para/3 copeici, datate cu acest an, ar putea fi determinate de faptul că:

– În anul 1771, acest nominal nu a fost emis, nici în calitate de probă, nici ca piesă care să fie pusă în circulaţie;
– În anul 1773, au fost bătute cele mai multe monede (11 054 404 piese), comparativ cu ceilalţi ani, îndeosebi faţă de anii 1771 (214 958 piese) şi 1774 (4 074 524 piese) (Homutescu, Homutescu 2011, 29-30), respectiv, tirajul cel mai mare de piese de 2 para/3 copeici este din acest an;
– În anul 1773, au fost emise piese, destinate circulaţiei, doar de 2 para/3 copeici.

Prezentăm, în continuare, catalogul monedelor de tip Sadagura din colecţia MNIM.

Catalogul monedelor

a) Sadagura, 1 para/3 denghi

Avers: În partea centrală sunt două scuturi ovale, înclinate unul spre celălalt, în scutul din stânga este plasat capul de bour al Ţării Moldovei, iar în scutul din dreapta este dispusă acvila Ţării Româneşti, cu cruce în cioc şi o semilună în dreapta acvilei, deasupra scuturilor fiind o coroană domnească; în exergă este indicat anul emiterii – 1772, iar, semicircular, în partea superioară este plasată legenda – МОН. МОЛД : И ВАЛОСК.[10]; câmpul monetar este mărginit de un cerc zimţat. Revers: un pătrat cu laturile torsadate, în interiorul acestuia se află inscripţia, în patru rânduri, – ПАРА / 3 / ДЕНГИ – şi un cerc zimţat exterior. Muchie: ornament cu motiv vegetal.

Sadagura, 1 para/3 denghi, 1772:

1. AE, 10.32 g, 28 mm. FB. 10676-50, N. 9250.

2. AE, 10.79 g, 28 mm. FB. 10676-50, N. 9251.

[8] Primele piese de tip Sadagura din patrimoniul Muzeului Naţional de Istorie a Moldovei au fost menţionate de către I. Goncearov: 2 piese de 1 para/3 denghi şi 2 piese de 2 para/3 copeici (Goncearov 1994-1995, 197-201).

[9] Unor piese, din cauza stării de conservare, nu li se poate stabili anul de emitere.

[10] Legenda МОН . МОЛД : И ВАЛОСК. se descifrează „Moneda Moldovei şi Valahiei" (Monedele de 1 para/3 copeici din anul 1771 au o legenda diferită - МОН. МОЛД : И ВАЛАК.).

3. AE, 5.10 g, 27.2 mm. FB. 10676-50 (a), N. 9252.

4. AE, 10.15 g, 28 mm. FB. 10676-53, N. 9269.

5. AE, 10.09 g, 28 mm. FB. 22105, N. 4706.

6. AE, 9.98 g, 28 mm. FB. 23130, N. 35701.

7. AE, 11.17 g, 28 mm. FB. 27986, N. 53240.

8. AE, 8.18 g, 28.1 mm. FB. 30405-3, N. 56570.

9. AE, 10.19 g, 28 mm. FB. 30405-4, N. 56571.

Neprecizat:

10. AE, 8.38 g, 29.3 mm. FB. 30405-8, N. 56575.

b) Sadagura, 2 para/3 copeici

Avers: În partea centrală sunt două scuturi ovale, înclinate unul spre celalalt, în scutul din stânga este plasat capul de bour al Țării Moldovei, iar în scutul din dreapta se află acvila Țării Românești, cu cruce în cioc și o semilună în dreapta acvilei, deasupra scuturilor fiind o coroană domnească; în exergă este indicat anul emiterii – 1772 (respectiv, 1773 sau 1774), iar, semicircular, în partea superioară este înscrisă legenda – МОН. МОЛД : И ВАЛОСК.; câmpul monetar este mărginit de un cerc zimțat. Revers: un pătrat cu laturile torsadate, în interiorul căruia este plasată inscripția, în patru rânduri – 2 / ПАРА / 3 / КОПѢЕКѢ și un cerc zimțat exterior. Muchie: ornament cu motiv vegetal.

Sadagura, 2 para/3 copeici, 1772:

1. AE, 16.84 g, 34 mm. FB. 4882, N. 2139.

2. AE, 20.14 g, 34.8 mm. FB. 10676-49 (a), N. 9246.

3. AE, 18.48 g, 35 mm. FB. 10676-49 (b), N. 9249.

4. AE, 21.41 g, 35 mm. FB. 10676-49 (v), N. 9248.

5. AE, 19.31 g, 34.8 mm. FB. 10676-49, N. 9247.

6. AE, 18.63 g, 35 mm. FB. 18112-2, N. 28894.

7. AE, 13.87 g, 35 mm. FB. 30405-1, N. 56568.

8. AE, 13.35 g, 35.3 mm. FB. 30405-2, N. 56569.

9. AE, 11.23 g, 34.5 mm. FB. 30405-5, N. 56572.

Sadagura, 2 para/3 copeici, 1773:

10. AE, 14.59 g, 34.8 mm. FB. 10676-51, N. 9254.

11. AE, 13.60 g, 34.9 mm. FB. 10676-51 (1), N. 9255.

12. AE, 18.79 g, 34.5 mm. FB. 10676-51 (2), N. 9256.

13. AE, 17.38 g, 35 mm. FB. 10676-51 (3), N. 9257.

14. AE, 17.05 g, 34 mm. FB. 10676-51 (4), N. 9258.

15. AE, 15.24 g, 34.5 mm. FB. 10676-51 (5), N. 9259.

16. AE, 16.94 g, 34 mm. FB. 10676-51 (6), N. 9260.

17. AE, 18.01 g, 34.9 mm. FB. 10676-51 (7), N. 9261.

18. AE, 15.24 g, 34.5 mm. FB. 10676-51 (8), N. 9262.

19. AE, 15.24 g, 34.5 mm. FB. 10676-51 (10), N. 9253.

20. AE, 18.36 g, 34.9 mm. FB. 10676-51 (d), N.9263.

21. AE, 14.73 g, 34.1 mm. FB. 10676-52 (2), N. 9268.

22. AE, 17.10 g, 34 mm. FB. 10676-52 (3), N. 9266.

23. AE, 15.91 g, 34 mm. FB. 10676-52 (4), N. 9264.

24. AE, 20.01 g, 35 mm. FB. 23131, N. 35702.

25. AE, 15.03 g, 34 mm. FB. 23205, N. 36151.

26. AE, 12.51 g, 34.5 mm. FB. 30162, N. 56234.

Sadagura, 2 para/3 copeici, 1774:

27. AE, 14.92 g, 34 mm. FB. 10676-52, N. 9265.

Sadagura, 2 para/3 copeici, 177?:

28. AE, 14.91 g, 34.9 mm. FB. 10676-52 (1), N. 9267.

Concluzii

În concluzie, putem afirma că monedele de tip Sadagura, emise pentru Principatele Române de către Imperiul Rus, au avut un statut ce nu corespunde unor monede naţionale, care, deşi create pentru Principate, au fost introduse fără consimţământul lor. Aceste piese au avut caracteristicile unor bani de război, care au condus la destabilizarea circulaţiei monetare în regiune şi au provocat nemulţumiri în rândul populaţiei locale. În acelaşi timp, emisiunile respective s-au răspândit pe teritoriul Principatului Moldovei şi al Valahiei, conferind un aspect specific circulaţiei monetare din a doua jumătate a secolului al XVIII-lea. Monedele de Sadagura din colecţia MNIM, prezentate în această lucrare (1 para/3 denghi; 2 para/3 copeici), vin să certifice existenţa monedelor de tip Sadagura în spaţiul dintre Prut şi Nistru, contribuind la completarea tabloului răspândirii emisiunilor în cauză pe teritoriul Principatului Moldovei.

Bibliografie

Arcuş-Jantovan 2017: E. Arcuş-Jantovan, Monede din colecţiile muzeelor raionale din Cahul, Floreşti, Hâncești, Leova şi Sângerei. In: Simpozionul XVII de Numismatică, Chişinău, 5-6 octombrie 2017. Programul şi rezumatele comunicărilor (Chişinău 2017), 31-33.

Arcuş-Jantovan et al. 2019: E. Arcuş-Jantovan, V.M. Butnariu, R. Tabuica, C. Tătaru, Moneta Terrae Moldaviae II (Iaşi 2019).

Boldureanu 2010: A. Boldureanu, Cronica descoperirilor numismatice (IV). Tyragetia, s.n. IV/1, 2010, 273-281.

Boldureanu 2012: A. Boldureanu, Cronica descoperirilor numismatice (VI). Tyragetia, s.n. VI/1, 2012, 347-352.

Boldureanu 2013: A. Boldureanu, Cronica descoperirilor monetare (VII). Tyragetia, s.n. VII/1, 2013, 397-403.

Boldureanu 2017: A. Boldureanu, Cronica descoperirilor monetare (XI). Tyragetia, s.n. XI/1, 2017, 293-300.

Boldureanu, Nicolae 2015: A. Boldureanu, E. Nicolae (eds.), Moneda în Republica Moldova (Chişinău 2015).

Cuhaj 2010: G.S. Cuhaj, Standard Catalog of World coins. 1701-1800, 5th Edition (United States of America 2010).

Depeyrot 2002: G. Depeyrot, La «grande» circulation monétaire, un thème de recherche. Histoire & Mesure XVII - 3/4, 2002, 3-6.

Engel, Serrure 1897: A. Engel, R. Serrure, Traité de numismatique moderne et contemporaine, partea I (Paris 1897).

Goncearov 1994-1995: I. Goncearov, Moneda moldo-valahă de la 1771-1774. Tyragetia IV-V, 1994-1995, 197-200.

Homutescu, Homutescu 2011: V.M. Homutescu, A. Homutescu, O istorie a monedelor Sadagura (Iaşi 2011).

Iliescu 1957: O. Iliescu, Însemnări privitoare la descoperiri monetare. Studii şi cercetări de numismatică 1, 1957, 461-466.

Kiriţescu 1997: C.C. Kiriţescu, Sistemul bănesc al leului şi precursorii lui, vol. I (Bucureşti 1997).

Paragină 1987: A. Paragină, Descoperiri monetare din secolul al XVIII-lea efectuate pe calea Şuşiţei. In: Vrancea - studii şi comunicări, V-VII (Focşani 1987), 51-59.

Petrov 1899: V.I. Petrov, Catalogue des monnaies russes de tous les princes, tsars et empereurs depuis 980 jusqu'a 1899 (Moscou 1899).

Ştirbu 1980: C. Ştirbu, Documente inedite din secolul al XIX-lea privind unele descoperiri monetare. Cercetări Numismatice III, 1980, 149-172.

Vianu 1956: Al. Vianu, Consideraţii asupra caracterului activităţii administraţiei ruse în Ţările Române (1769-1774). In: Studii şi materiale de istorie medie, vol. I (Bucureşti 1956).

Винклер 1899: П. Винклер Из истории монетного дела в России (Молдаво-Валахская монета (1771-1774)) (Санкт-Петербург 1899).

Нудельман 1990: А.А. Нудельман, Монетные клады XVIII начала XIX в. в днестровско-прутском регионе. В: Нумизматические исследования по истории юго-восточной Европы (Кишинев 1990), 227-263.

Огуй 2008: О. Огуй, Монетні знахідки на Буковині (Черневці 2008).

ОИАК 1901: Отчетъ Императорской Археологической Коммиссіи за 1898 годъ (Санктпетербургъ 1901).

ОИАК 1908: Отчетъ Императорской Археологической Коммиссіи за 1908 годъ (Санктпетербургъ 1912).

Пивоваров 2002: С. Пивоваров, Нумизматичні пам'етки Буковини (Черневці 2002).

Sadagura coins from the collections of the National Museum of History of Moldova

Keywords: coin, mint, Sadagura, Principality of Moldavia, Principality of Wallachia, Russian Empire, Russo-Turkish War.

Abstract: In the second half of the 18th century, the principalities of Moldavia and Wallachia did not have their own national monetary systems and national currency, which determined the presence of various types of foreign coins on their territories. At the same time, the dominating regime and the Russo-Austro-Turkish wars determined the intensity of circulation and the emergence of certain types of monetary units. A striking example in this regard is the minting by foreigners of some new coins for the principalities of Moldavia and Wallachia, namely, Sadagura coins having Turkish and Russian face values at the same time. These coins were put into circulation during the Russo-Turkish war of 1768-1774 and were issued from 1771 to 1774 at the initiative of the Russian army, and the reason for their minting was the need for small coins to carry out current transactions in Moldavia and Wallachia. From 1771 to 1774, there were issued coins for circulation: 1 para / 3 dengas and 2 pare / 3 kopecks, but at the same time, pattern coins were also minted in 1771-1773.

The collections of the National Museum of History of Moldova contain both coins with a face value of 1 para / 3 dengas, and coins with a face value of 2 pare / 3 kopecks, which are isolated finds and confirm the circulation of

these monetary units in this territory and the issuance in larger or smaller quantities of one of the two types of currency that were in circulation. The results of the analysis of these finds are very important, since they allow us to get an idea about the circulation of these types of coins in our space, as well as about all such finds in the principalities.

These issues circulated in the territories of the principalities of Moldavia and Wallachia and constitute a special aspect of money circulation in the second half of the 18th century, and isolated coin finds reflected in this work confirm the presence of Sadagura coins in the Prut-Dniester region and contribute to a complete picture of their circulation.

List of Illustrations:

Fig. 1. Pattern coin: 3 dengas.

Fig. 2. Pattern coin: 1 para/3 dengas.

Садагурские монеты из коллекций Национального музея истории Молдовы

Ключевые слова: монета, монетный двор, Садагура, Молдавское княжество, Валашское княжество, Российская империя, русско-турецкая война.

Резюме: Во второй половине XVIII века в Молдавском и Валашском княжествах не было национальной валютной системы и национальной валюты, что обусловило присутствие на их территориях различных типов иностранных монет. В то же время господствующий режим и русско-австро-турецкие войны определяли интенсивность обращения и появление определенных типов денежных единиц. Ярким примером в этом отношении является чеканка иностранцами некоторых совершенно новых денег, а именно садагурских монет одновременно с турецким и российским номиналом для Молдавского и Валашского княжеств. Эти монеты были введены в обращение во время русско-турецкой войны 1768-1774 годов и выпускались с 1771 по 1774 год по инициативе русской армии, а поводом для их чеканки послужила необходимость разменной монеты для осуществления текущих сделок в Молдове и Валахии. С 1771 по 1774 выпускались монеты для обращения: 1 пара / 3 денги и 2 пара / 3 копейки, но в то же время в 1771-1773 годах чеканились также пробные монеты.

В фондах Национального музея истории Молдовы имеются как монеты номиналом 1 пара / 3 денги, так и монеты номиналом 2 пара / 3 копейки, которые являются отдельными находками и служат подтверждением обращения этих денежных единиц на данной территории, а также свидетельствуют об их количественном соотношении. Результаты анализа этих находок очень важны, поскольку они позволяют составить представление об обращении этих типов монет на нашем пространстве, а также обо всех таких находках на территории княжеств.

Эти выпуски были в обращении на территориях Молдавского и Валашского княжеств и составляют особый аспект денежного обращения во второй половине XVIII века, а отдельные монетные находки, представленные в этой работе, подтверждают присутствие садагурских монет в Пруто-Днестровском междуречье и помогают составить полную картину обращения этих денежных единиц.

Список иллюстраций:

Рис. 1. Пробная монета: 3 деньги.

Рис. 2. Пробная монета: 1 пара/3 денги.

26.03.2020

Elena Arcuş-Jantovan, Muzeul Naţional de Istorie a Moldovei, str. 31 August, 121-A, MD-2012 Chişinău, Republica Moldova, https://orcid.org/0000-0002-9741-6963, e-mail: elena.arcus_jantovan@yahoo.com

TEXTILĂ LITURGICĂ ARHEOLOGICĂ – PARAMAN. CERCETARE ȘI CONSERVARE-RESTAURARE

Mariana Gugeanu

Cuvinte-cheie: textile arheologice, conservare-restaurare, cercetare, Mănăstirea Căpriana, Bănulescu-Bodoni.

Date generale

Cercetările arheologice, efectuate în luna august 2016 la Mănăstirea Căpriana, Republica Moldova, s-au desfășurat în contextul procedurii de canonizare a mitropolitului Gavriil Bănulescu-Bodoni.

În anii 1812-1813, Mănăstirea Căpriana devine reşedinţă eparhială, subordonată direct mitropolitului Chişinăului şi Hotinului care, în acea perioadă, era Gavriil Bănulescu-Bodoni. Acesta a fost înmormântat la Mănăstirea Căpriana, în anul 1821. Figură marcantă a Bisericii Ortodoxe, mitropolitul Gavriil Bănulescu-Bodoni a fost canonizat la 3 septembrie 2016, Tomosul de Canonizare fiind citit la Mănăstirea Capriana (Gugeanu 2019, 169).

Cercetare arheologică și descrierea piesei

În luna august 2016, la solicitarea Ministerului Culturii al Republicii Moldova, restauratorii textile ai Centrului de Cercetare și Conservare-Restaurare din cadrul Complexului Muzeal Naţional „Moldova" Iași au participat la cercetarea arheologică a criptei mitropolitului Gavriil Bănulescu-Bodoni, desfășurată la Mănăstirea Căpriana.

Inventarul criptei a fost bogat, cuprinzând o tipologie diversă de artefacte. Printre acestea s-a aflat și piesa textilă liturgică *Paraman*, componentă a piesei *Învelitoare de cap*.

Paramanul (gr. paramandyas, slavonă: paraman), sau schima mică, este realizat dintr-o bucată de pânză de mici dimensiuni (110×100 mm), pe care se află brodate semnele Patimilor Mântuitorului, după cum urmează: Sfânta Cruce, coroana de spini, suliţa și buretele, cuiele și ciocanul, scara Crucii și cocoșul. În timpul vieții, monahii poartă paramanul asupra lor tot timpul. Paramanul închipuie „jugul cel bun" al lui Hristos. Din cele patru colțuri ale pânzei pornesc patru panglici. El se așează pe spate, între omoplați, între cămașă și rasa călugărească, iar cele patru panglici se leagă între ele pe piept, în dreptul inimii. Cele patru panglici din pânză pot fi legate de Sfânta Cruce, ca de o pecete a întregii vieţi. Paramanul este un veșmânt călugăresc pe care cei care leapădă „toată grija cea lumească" și îmbrăţișează viaţa îngerească, într-o mănăstire sau într-un schit, îl poartă toată viaţa (Predescu 2019).

Investigaţii privind natura materialelor componente și tehnica de realizare

Respectul față de integritatea bunurilor de patrimoniu impune investigaţii ştiinţifice *in situ* prin utilizarea unor metode analitice nedistructive și neinvazive.

Analiza elementală a componentelor și accesoriilor metalice ale piesei textile, provenite din mormântul mitropolitului Gavriil Bănulescu-Bodoni, a fost realizată *in situ* prin spectrometrie de fluorescenţă de raze X (XRF). Spectrometria de fluorescenţă de raze X este o metodă de analiză rapidă și nedistructivă, bazată pe capacitatea elementelor chimice de a emite energie sub formă de raze X atunci când sunt expuse unei surse de excitare (fascicul de protoni, fascicul de electroni sau fascicul de raze X). Deoarece fiecare element emite raze X având energii caracteristice, spectrometria de fluorescenţă de raze X dă informaţii în ceea ce privește elementele chimice prezente în obiect (Geba 2016, 146-148).

Determinarea *in situ* a elementelor anorganice din componentele și accesoriile metalice a fost realizată utilizând spectrometrul portabil de fluorescenţă de raze X tip INNOV-X Systems Alpha Series. Aparatul este echipat cu un tub de raze X cu anod de W, lucrând la parametrii maximi 35kV tensiune și 40μA intensitatea curentului; radiaţia de fluorescenţă este detectată și analizată cu un detector Si PIN cu răcire termoelectrică, controlat de un minicomputer. Pentru achiziţia spectre-

lor şi analiza semicantitativă a fost selectat softul Analytical pentru matrici grele, cu o durată de excitare de 30 s, iar pentru matrici uşoare (timp de excitare 60 s) s-a utilizat softul Soil.

În urma analizelor XRF, s-a constatat că pentru această piesă au fost utilizate, la realizarea broderiei, fire metalice – bentiţă metalică din argint şi argint aurit înfăşurată pe fir de mătase naturală, benzi metalice spiralate şi faţetate din argint aurit şi paiete din argint aurit.

Tehnica de realizare a broderiei cu fir metalic

Broderia, ca veche formă de artă decorativă aplicată, a fost utilizată, de-a lungul timpului, în întreaga lume, pentru ornamentarea şi înfrumuseţarea materialelor textile. Din punct de vedere estetic, broderiile modifică aspectul suprafeţei unui material textil, adăugând acestuia textură, culoare, relief (Papaghiuc, Creţu 2007, 9).

Paramanul a fost realizat prin tehnica de brodare, manual, pe suport multiplu (textil), utilizând puncte diferite de lucru şi diverse tipuri de materiale: fire de mătase naturală, fire metalice – bentiţă metalică din argint şi argint aurit înfăşurată pe fir de mătase naturală, benzi metalice spiralate şi faţetate din argint aurit, paiete din argint aurit. Iniţial, a fost realizat desenul motivelor decorative ale broderiei; ulterior, acest desen a fost transferat pe materialul textil (ţesătură de mătase naturală) care constituie unul dintre straturile suport ale broderiei, respectiv, cel care, după brodarea cu materialele utilizate, va reprezenta faţa broderiei. Firul metalic – bentiţă din Ag/Ag aurit înfăşurată pe fir de mătase naturală – este poziţionat în câmpul broderiei, doar pe faţa acesteia, fără să străpungă materialul textil cu rol de suport al broderiei. În cazul punctului de brodare *plin plat fără paşi de ancorare,* firul metalic este fixat pe faţa broderiei, în funcţie de caracteristicile suprafeţei care trebuie acoperită (formă, dimensiuni) cu ajutorul unui fir de mătase naturală care străpunge suportul textil al broderiei, trecând de pe faţa, pe reversul acestuia (fig. 1).

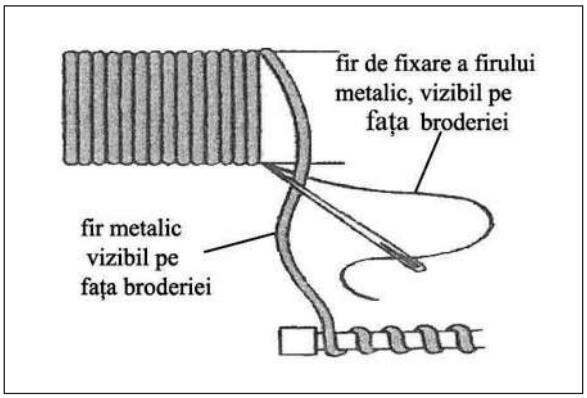


Fig. 1. Modalitate de fixare a firului metalic pe suprafaţa broderiei. Punct broderie *plin plat* fără paşi de ancorare.

Benzile spiralate sau faţetate din Ag aurit sunt poziţionate, de asemenea, doar pe faţa broderiei cu ajutorul unui fir de mătase naturală. Firul de mătase naturală străpunge materialul textil – suport al broderiei, de pe revers pe faţă, este introdus prin banda spiralată/faţetată dimensionată (pe direcţia lungimii) conform zonei pe care trebuie să o acopere şi se reîntoarce pe revers, pe faţa ţesăturii fiind vizibilă doar banda metalică. Această operaţie se repetă până când zona ce urmează a fi brodată este acoperită în totalitate de firul metalic.

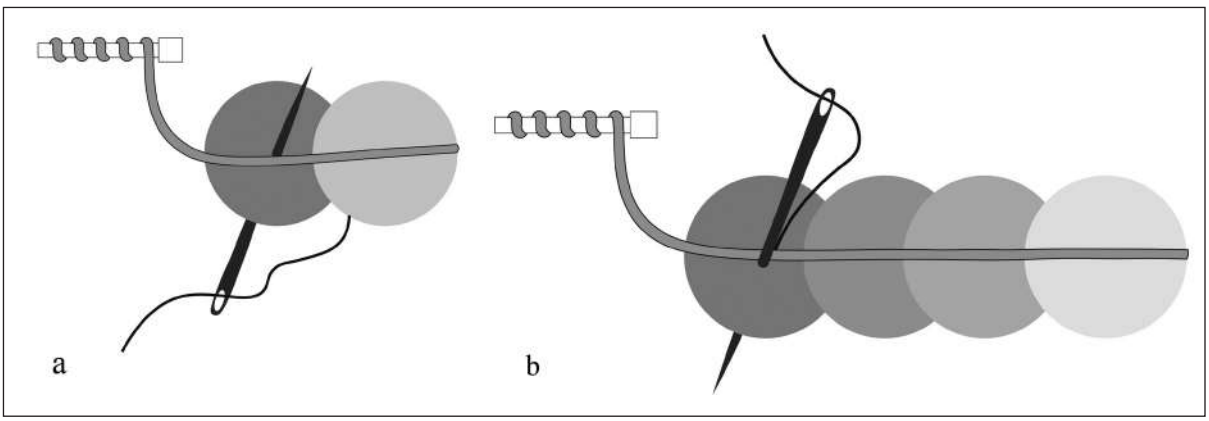


Fig. 2. Modalitate de fixare a paietelor cu fir metalic spiralat.

Foto 1. Ansamblul înainte de conservare-restaurare.

Foto 3. Ansamblul. Etapă intermediară de conservare-restaurare.

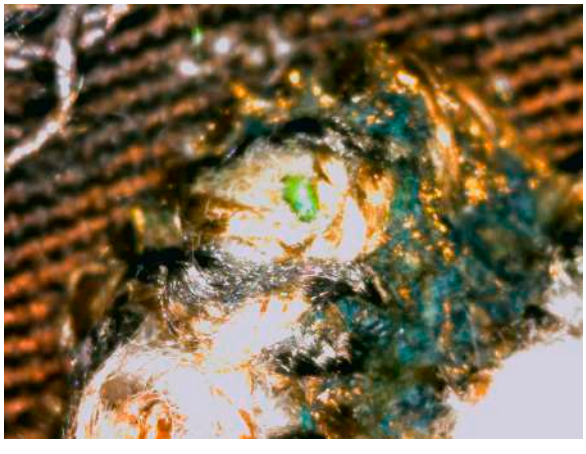


Foto 2. Detaliu la microscop. Produşi de coroziune.

Paietele din Ag aurit sunt fixate pe suprafaţa broderiei cu ajutorul firelor de mătase naturală şi al benzilor metalice faţetate. Modalitatea de fixare a acestora este reprezentată în figura 2a şi 2b. Firul de mătase naturală străpunge ţesătura pe care este realizată broderia, de pe revers pe faţă, trece prin orificiul practicat în partea centrală a paietei, trece peste banda faţetată care este poziţionată peste paietă şi se reîntoarce pe reversul ţesăturii, prin orificiul practicat în partea centrală a paietei. Banda faţetată are atât rol de fixare a paietelor, cât şi rol ornamental. Paietele sunt suprapuse, astfel încât să formeze o linie continuă, conturând motivele decorative ale broderiei.

Conservare-restaurare

În momentul prelevării artefactelor, piesa textilă prezenta o stare de degradare avansată, accentuată în cazul broderiei. Deşi au fost luate măsurile corespunzătoare în privinţa depozitării, ambalării şi transportului la Iaşi, pentru conservare-restaurare, durata mare, necesară îndeplinirii formalităţilor vamale, a avut un impact negativ asupra stării de conservare a pieselor textile liturgice arheologice.

În momentul în care a fost preluat inventarul arheologic de către specialiştii Centrului de Cercetare şi Conservare-Restaurare a Patrimoniului Cultural Iaşi, din punctul de vedere al stării de conservare a piesei textile *Paraman* s-au constatat următoarele: depuneri aderente de săruri şi particule de pământ, produşi de descompunere a materialelor organice din mediul de înhumare, atât pe faţă, cât şi pe reversul materialului textil (foto 1); deshidratarea şi fragilizarea materialelor componente; tăieturi, sfâşieri, rupturi cu/fără lacune de material – deteriorări cauzate, în principal, de factorii de degradare specifici mediului de înhumare (foto 1); deformări şi plieri ale materialului textil, produse în mod aleatoriu; produşi de coroziune a metalelor, atât pe componenta metalică, cât şi pe materialul textil aflat în imediata vecinătate a acesteia (foto 2); şnurul de pe contur prezenta rupturi cu lipsă de material şi era desprins în anumite zone (foto 3); paiete desprinse

Foto 4. Detaliu la microscop. După îndepărtarea produşilor de coroziune.

Foto 5. Ansamblul. Curăţare chimică prin imersie.

Foto 6. Ansamblul după conservare-restaurare.

din cauza procesului de degradare din mediul de înhumare (foto 3).

Etape ale procesului de conservare şi intervenţii de conservare-restaurare

Primele etape ale procesului de conservare-restaurare au constat în curăţare mecanică, în vederea îndepărtării impurităţilor fixate superficial; detaşarea broderiei de partea textilă şi continuarea tratamentelor separat pentru fiecare componentă; curăţirea mecanică s-a realizat la microscop, pentru a controla operaţia de îndepărtare a produşilor de coroziune prezenţi pe broderie (foto 4); curăţarea chimică, prin imersie în soluţie de Complexon III, urmată de clătiri repetate până la neutralizare completă. Tratamentul chimic (foto 5) s-a efectuat în mai multe etape, alternând cu băile de emoliere, curăţări mecanice, precum şi cu perioadele de relaxare a piesei; uscarea piesei textile, în mediu controlat, pe pat absorbant de hârtie de filtru. Piesa textilă a fost menţinută în poziţie plană, sub presiunea unor plăci de sticlă, pe un suport plan, rigid, evitând eventuale deformări dimensionale; consolidarea, prin coasere, a zonelor degradate ale broderiei urmărind reintegrarea cromatică şi structurală a acestora în unitatea piesei; paietele desprinse au fost cusute cu fire de borangic (foto 6); reasamblarea, prin coasere cu fire de mătase/borangic, pe ţesătura de mătase, redându-i piesei textile forma şi aspectul iniţial.

Concluzii

Intervenţiile de conservare-restaurare aplicate pentru piesa arheologică *Paraman* au avut ca efect stabilizarea chimică a materialului suport şi conferirea de rezistenţă mecanică suplimentară piesei. Tratamentele de conservare-restaurare aplicate au fost particularizate în funcţie de natura materialelor componente şi starea de conservare şi au constat în curăţiri, neutralizări, consolidări.

De asemenea, s-a realizat identificarea tehnicii de lucru şi a elementelor iconografice. Piesa textilă ecleziastică *Paraman* este realizată prin tehnica de brodare manuală, elementele figurative compunând scena *Răstignirii lui Iisus*.

Analizele efectuate, prin metode non-invazive (spectrometrie de fluorescenţă de raze X – XRF), au furnizat date obiective esenţiale pentru cunoaşterea veşmintelor ecleziastice şi au răspuns unor probleme diverse: identificarea materialelor

originale, a produşilor de coroziune, a tehnicilor de lucru, punerea în evidenţă a stării de conservare şi a cauzelor degradărilor, identificarea elementelor iconografice ale broderiei.

Finalizarea procesului de conservare-restaurare pentru textilele arheologice descoperite la Mănăstirea Căpriana va contribui la punerea în valoare a tezaurului documentar, deopotrivă istoric, ecleziastic şi artistic.

Mulţumiri

Doamnei dr. Maria Geba, Complexul Muzeal Naţional „Moldova", Iaşi, pentru investigaţiile fizico-chimice realizate, domnului prof. dr. hab. Gheorghe Postică, Universitatea de Stat din Moldova, Chişinău, pentru încrederea acordată în restaurarea textilelor arheologice, şi domnului Loredan Baiardi, TVR Iaşi, pentru documentaţia foto realizată.

Bibliografie

Geba 2006: M. Geba, Investigarea operelor de artă (Iaşi 2006).

Gugeanu 2019: M. Gugeanu, Conservare-restaurare şi investigaţii: *Brâu liturgic* provenit din cripta mitropolitului Gavriil Bănulescu-Bodoni, Mănăstirea Căpriana. Revista Arheologică S.N. XV/2, 2019, 168-175.

Papaghiuc, Creţu 2007: V. Papaghiuc, M. Creţu, Tehnici de înnobilare a suprafeţelor textile prin coasere (Iaşi 2007).

Predescu 2018: Iu. Predescu, Paramanul, schima mica https://www.crestinortodox.ro/liturgica/vesminte/paramanul-schima-mica-145495.html (vizitat în noiembrie 2018).

Archaeological textile item – vestment *paraman*: research and conservation-restoration

Keywords: archaeological textiles, conservation-restoration, research, Căpriana Monastery, Bănulescu-Bodoni.

Abstract: The paper presents the research and the conservation-restoration treatment of the Metropolitan Gavriil Bănulescu-Bodoni's vestment – the *paraman* discovered as a result of archaeological excavations in the area of the Căpriana Monastery in the Republic of Moldova. The metropolitan, who was buried in 1821 in the church of the Assumption of the Blessed Virgin Mary at the Căpriana Monastery, was canonized in 2016. On this occasion, archaeological investigations of his crypt were carried out and various types of artifacts were revealed. Among them there are vestments (*sticharion*, e*pimanikia* – fragments, *girdle*, *epitrachelion, great omophorion, sakkos, epigonation, mitre, head covering,* and *paraman*), textile fragments of the *pillow*, fragments of *galloon* from the coffin, leather fragments from shoes, metal objects (ornamental and functional elements), religious objects – *a hand cross, a pectoral cross with a ribbon*, clothing accessories – *buttons*.

The study of the *paraman* from the point of view of determining the technique and material of manufacture showed that it was made using the technique of manual relief embroidery of the textile base with natural silk threads, silver and gilded threads, spiral or faceted silver gilded braid and silver gilded sequins.

The results of the research and the analysis of the state of conservation of the textile object made it possible to establish the stages of the conservation and restoration process. Interventions carried out during this process included mechanical cleanings, wet cleanings, chemical cleanings, neutralizations and strengthening by sewing on torn parts, restoring losses of textile base, metal sequins and metal threads.

The conservation and restoration of archaeological textiles from the Căpriana Monastery allows us to preserve these most valuable historical, spiritual, artistic and documentary treasures for present and future generations.

List of illustrations:

Fig. 1. The method of attaching a metal thread to embroidery. Satin stitch embroidery without fixing stitches.

Fig. 2. The method of attaching sequins with a spiral metal thread.

Photo 1. View of the object before the conservation and restoration process.

Photo 2. Detail under the microscope. Corrosion products.

Photo 3. View of the object in the conservation and restoration process.

Photo 4. Detail under the microscope. After removal of corrosion products.

Photo 5. Chemical cleaning by immersion.

Photo 6. View of the object after the conservation and restoration process.

Археологический текстиль – предмет церковного облачения *параман*: исследования и консервация-реставрация

Ключевые слова: археологический текстиль, консервация-реставрация, исследования, Каприянский монастырь, Бэнулеску-Бодони.

Резюме: Статья посвящена исследованию и консервации-реставрации принадлежности облачения митрополита Гавриила Бэнулеску-Бодони – *парамана*, обнаруженного в результате археологических раскопок на территории Каприянского монастыря в Республике Молдова. Митрополит, похороненный в 1821 году в храме Успения Пресвятой Богородицы при Каприянском монастыре, был канонизирован в 2016 году. По этому случаю были проведены археологические исследования его склепа и выявлены различные типы артефактов. Среди них – церковные облачения (*стихарь*, фрагменты *поручей*, *пояс*, *епитрахиль*, *большой омофор*, *саккос*, *набедренник*, *митра*, *головное покрывало* и *параман*), фрагменты ткани *подушки*, *галуна* от гроба, кожи от обуви, металлические предметы (декоративные и функциональные элементы), предметы культа – *ручной крест*, *наперсный крест с лентой*, принадлежности одежды – *пуговицы*.

Исследование *парамана* с точки зрения определения техники и материала изготовления показало, что он произведен в технике ручной рельефной вышивки текстильной основы натуральной шелковой нитью, серебряной и позолоченной канителью, спиральной или фасеточной серебряной позолоченной тесьмой и серебряными позолоченными пайетками.

Результаты проведенных исследований и анализ состояния сохранности предмета позволили установить этапы консервационно-реставрационного процесса. Вмешательства, осуществленные в ходе этого процесса, включали в себя механическую чистку, влажную чистку, химическую чистку, нейтрализацию и укрепление путем пришивания оторванных деталей, устранения разрывов и прорех, восстановления утрат текстильной основы, металлических пайеток и канители.

Консервация и реставрация предметов археологического текстиля из Каприянского монастыря позволяют сохранить эти ценнейшие исторические, духовные, художественные и документальные сокровища для нынешнего и будущих поколений.

Список иллюстраций:

Рис. 1. Способ прикрепления канители к вышивке. Плоская гладь без прикрепляющих стежков.

Рис. 2. Способ прикрепления пайеток спиральной канителью.

Фото 1. Вид предмета до реставрации.

Фото 2. Деталь под микроскопом. Продукты коррозии.

Фото 3. Предмет в процессе реставрации.

Фото 4. Деталь под микроскопом. После удаления продуктов коррозии.

Фото 5. Химическая чистка путем погружения.

Фото 6. Вид предмета после реставрации.

17.02.2020

Mariana Gugeanu, Centrul de Cercetare şi Conservare-Restaurare a Patrimoniului Cultural, Complexul Muzeal Naţional „Moldova” Iaşi, bd. Ştefan cel Mare şi Sfânt 1, RO-700028 Iaşi, România, https://orcid.org/0000-0003-1368-853X, e-mail: m_gugeanu@yahoo.com

150 YEARS SINCE THE FOUNDATION OF THE FIRST ARCHAEOLOGICAL MUSEUM SOCIETY IN BUCOVINA: SOCIETY OF THE SIRET MUSEUM

Bogdan Petru Niculică

Keywords: history of archaeology in Bucovina, Society of the Siret Museum, Josef von Gutter, archaeological discoveries.

In the dynamic and natural evolution of any science there is a sacred segment, impossible to replace or avoid, whether it is a bachelor's degree thesis, a doctoral thesis, a monograph or a treatise. It is about that primordial chapter, which opens the way for discussion, bases and argues the research paths to follow, which specialists refer to as the *History of Research*. In this case, we turn our attention to a small segment of the history of Romanian archaeology, specifically one of the great accomplishments of the archaeology science of year 2020: the marking of the 150th anniversary of the establishment of the first archaeological and museum society in Austrian Bucovina – *Serether Museumverein / Society of the Siret Museum*, founded in 1870 by Captain Josef von Gutter of Siret; on this occasion we try to update, synthesize and order all available information relating to both the company and its founder.

Regarding the circumstances of the emergence of this society in the cultural landscape of Bucovina – a province where, towards the end of the 19th century, there were a substantial number of cultural societies – we must state, first of all, that Bucovina was never a distinct Romanian historical province, as they are known: Wallachia, Moldavia, Transylvania, Banatul or Maramures. Bucovina is the name given by the Austrian authorities to the northwestern part of Moldavia, an integral part hereof for hundreds of years, since the establishment of the medieval state of Moldavia, of which it was separated by the Habsburg Empire, following a military conflict between Russia and the Ottoman Empire; between these two warring parties the Habsburg Empire intervened as arbiter, and moreover obtained as a benefit a territory of about 10,000 sq km with a population of about 75,000 inhabitants. Thus, over the course of 144 years, between 1775-1918, the province of Bucovina existed within the Habsburg Empire, that got transformed in the middle of the 19th century into the Austro-Hungarian Empire (Onciul 1992; Ciachir 1993; Iacobescu 1993; Căpreanu 1995). At this point, we must emphasize a historical reality: Bucovina was managed according to imperial policy, and this includes the field of culture as well, therefore it is from this perspective that we must understand the legislative characteristics; naturally, our entire discussion regarding the Society of the Siret Museum is integrated into this context.

Following necessary steps for the better organization of activities related to culture and heritage, on 31 December 1850, Emperor Franz Josef issued the *Imperial Resolution* which confirmed the establishment of the *Central Commission for Research and Conservation of Architectural Monuments / K. K. Central-Commission zur Erforschung und Erhaltung der Baudenkmale*, in Vienna (later: *K. K. Central-Commission zur Erforschung und Erhaltung der Kunst- und Historiskhen Denkmale / Central Commission for the Research and Conservation of Historical and Art Monuments*) (referred herewith below as: *the Central Commission*). As regards the tasks of this commission, they were to statistically assess the monuments for each country within the empire, to classify them from a historical, archaeological and architectural point of view, to ascertain their state of conservation and to determine the cost of possible repairs; an important role was played by the communication of the *Central Commission* with the various organizations of the Empire: associations, local societies of history and archaeology. It also envisaged: the establishment of new such organizations, the raising of awareness of clergy representatives, the limitation of demolitions and repairs that destroyed the original architectural aspect, and the information of the public

on the activities carried out, through publications and reports (Ungureanu 2019, 49-53). The Commission appointed conservators and corresponding members within the territory; as far as Bucovina was concerned, there were three positions of conservators and five of corresponding members, chosen among the "friends of art and archaeology". The *Central Commission* also edited two periodicals, *Jahrbuch* and *Mittheilungen der K. K. Central-Commission* (Niculică 2009, 26-27; Ungureanu 2019, 49-53). Therefore, the founding of the *Society of the Siret Museum* was part of the policy promoted by the Imperial authorities through the *Central Commission*. In 1880, the *Central Commission* in Vienna appointed Josef von Gutter as a conservator member for a five-year term. His work in Bucovina was appreciated, so that the term, which was due to expire on 25 September 1885, was renewed for another five years (Gassauer 1933, 10-11; Niculică, Ungureanu 2019, 149, 177). As a conservator, Josef von Gutter sent reports to Vienna, some of which were summarized and published in the periodical *Mittheilungen* under the heading *Notizen* (Ignat 1969, 94-95; Niculică 2016, 471-483).

Josef von Gutter. Regarding the biography of the founder of the *Society of the Siret Museum*, we mention that as for now, a single documentary source dated to the epoch is known, and based on it we can understand the main moments of his professional trajectory. The information comes from Victor Prelici (Victor Prelicz in German), teacher of history in Siret and was published at Siret in 1886 (the year of Gutter's passing away), as conclusion of the volume *Geschichte der Stadt Sereth und ihre Alterthumer / History of the town of Siret and of its antiquities* (Prelicz 1886, 31-32; Prelicz 2011, 74-77; 128-131; Niculică, Ungureanu 2019, 16-20). This primary source was resumed and summarized half a century later, in 1933, by the Sucevean teacher, historian and numismatist Rudolf Gassauer, who published some of the letters Josef von Gutter sent to his good friend, the historian Franz A. Wickenhasuer. From the mentioned biographical data (Prelicz 1886, 31-32; Gassauer 1933, 1; Prelicz 2011, 74-77; 128-131; Niculică, Ungureanu 2019, 16-20; Niculica, Ungureanu 2019, 159-160) we find out that Josef von Gutter was born on 8 October 1809 in Suceava, and was the son of the mayor of the city; it goes without saying that belonging to a famous family of Bucovina provided him with a solid, serious education. Gutter attended the elementary school in Suceava, then, in private, the first two middle school classes, and from the third grade he attended the Gymnasium in Chernivtsi, later getting enlisted as an artillery cadet in the imperial army; this fact does not surprise us, many young people from important families in Bucovina, in accordance with the "fashion" of the times, wanted a successful military career. After graduating from the Prague artillery course, Gutter advanced to the rank of junior lieutenant, and in early 1843 he became a lieutenant in the 41st Infantry Regiment, becoming a first lieutenant in 1846, then becoming the commanding officer of the hospital in Horodenka (Galicia, today in western Ukraine). This was his rank as of the date of May 1, 1848, a difficult year, with known social convulsions, but when he was appointed captain and sent to fight, with the subordinate soldiers, in the area of Timişoara (western Romania today), where, in Lipova and Bârzava, he was remarked in the battles against the insurgents, showing courageous and firm behavior. On 24 December 1848, in Bocşa, he was wounded, so that by the spring of 1849 he was in recovery. As a reward for the merits of the battlefield, in 1848 Josef von Gutter was awarded the Iron Cross 3rd Class through imperial decree.

From 1849 onwards we find him in Chernivtsi, where he was sent to form the 5th Battalion of the 41st Infantry Regiment, in the summer of the same year he was charged to guard the border between Hungary and Galicia, south of Kolomea / Kolomija (now in western Ukraine). There followed a rather unknown phase in his professional development, and of it we note only that, after 1849, Josef von Gutter returned to Bucovina, where, as a local commander, he was in charge of guarding the town of Siret and the military depot in Chernivtsi. The year 1854 is marked by the visit of Emperor Franz Josef I to Bucovina, on which occasion Captain Gutter commanded the company of honor; the same year, at the age of 45, Captain Josef Gutter applied for retirement, which was approved the following year, settling definitively at Siret. From the text of Victor Prelicz, who knew the captain well, we learn that "*since the peace was not to his liking, his mind being accustomed to continuous activity, he began to collect the antiquities existing here* (i.e. Siret – author's remark) *in large numbers*". We also find out that between 1870 and 1872 Josef von Gutter was

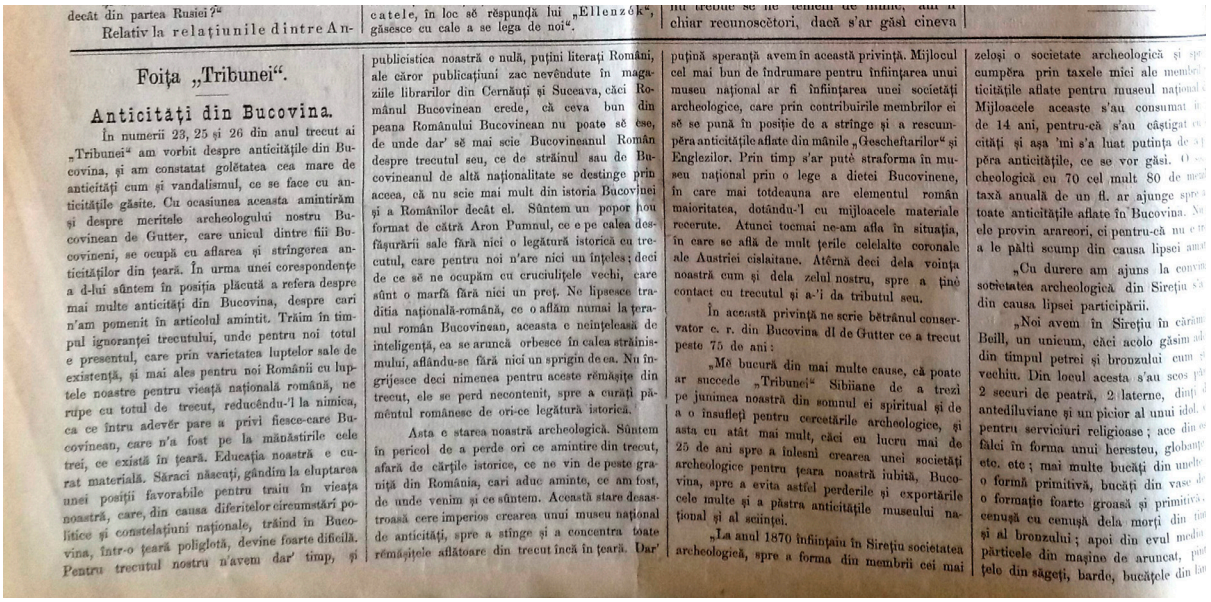
mayor of Siret, giving priority to public education, which was neglected in the town; therefore, he was preoccupied with the girls' school receiving an adequate edifice, and following his insistence, the boys' school moved to a building in line with the new requirements, as previously it operated in an old derelict building. At the same time, Gutter worked to establish a school of sciences in Siret, because not all parents in the Siret area could afford to send their children to good schools in Chernivtsi. After a few years of efforts, in 1876, as a result of Josef von Gutter's work, the school of sciences in Siret opened.

Victor Prelicz also notes that after settling at Siret, Captain Gutter managed to gather numerous "antiquities" and old coins, these finds originating not only from the town surroundings, but also from the rest of Bucovina, emphasizing the important contribution to growing the collections of the National Museum of Chernivtsi; for this, the Permanent Provincial Council of Bucovina rewarded him with several merit diplomas, the Imperial Ministry of Culture and Education considering him to be the most suitable person for the position of conservator of the *Central Commission* in Vienna for the research and preservation of historical and art monuments for section I. Also, in 1884, Emperor Franz Josef awarded Josef Gutter the rank of knight. The last lines of Victor Prelicz's small biography published in 1886 ended with the mention that Josef von Gutter was going to investigate the barrows of Hliboca (nowadays in the south of the Chernivtsi region, Ukraine), but an old heart condition, aggravated by a fall in the frozen courtyard, resulted in the captain's death on 8 May 1886 at 3 o'clock at night (Prelicz 1886, 31-32; Niculică 2009, 30-31; Prelicz 2011, 74-77, 128-131; Niculică, Ungureanu 2019, 16-20).

The founding of the *Society of the Siret Museum*. As pointed out above, the occurrence of the society in the cultural landscape of Bucovina is due, exclusively, to Captain Josef von Gutter's tireless passion for "antiquities" and for coins, but at the same time to a favourable general framework, created by the authorities, and the influence of the *Central Commission* in Vienna. Information on the emergence, evolution and disappearance of society can be found in several publications and in the Bucovinian press at the end of the 19th century, as well as in Josef von Gutter's letters to Franz A. Wickenhauser, dated 1880-1886. These letters increased the overall knowledge of the activity of the society and of the founding president; historian Rudolf Gassauer, a teacher in Suceava, published in German the 11 letters, which were addressed to one of the most important 19th century historians of Bucovina, Franz A. Wickenhauser (Niculică, Ungureanu 2019, 14 and fig. 24). The booklet bears the title *Briefe Gutters an Wickerhauser* (Sonderdruck aus: Bukowiner Heimatblätter, herausgegeben von A. Nibio, Radautz, Jahrgang I, Heft 2-3, 1-15) / *Gutter's letters to Wickerenhauser*), and was published in Rădăuti, in 1933 (Gassauer 1933). The content of the letters, which generally concern the Gutter's conservator activity within the *Central Commission* in Vienna, was discussed at length in a recent monograph, on which occasion several original documents belonging to Josef von Gutter from the Viennese archives were published (Niculică, Ungureanu 2019; Ungureanu 2019a, 57-123).

The *Society of the Siret Museum* was created by Josef von Gutter in 1870 (Gassauer 1933, 1; Niculică 2009, 31; Niculică 2013, 524; Niculică, Ungureanu 2019, 132, 160) and had more than 100 members since its establishment (*Hauptbericht und Statistik über das Herzogthum Bukowina für die Periode vom Jahre 1862-1871*, Herausgegeben von der Bukowinaer Handels- und Gewerbekammer, Lemberg, 1872, 409 – here it is mentioned that the company was founded in 1871[1]; Kaindl 1893, 75; Ignat 1969, 94; Emandi 1985, 19; Niculică 2009, 30; Niculică, Ungureanu 2019, 21). Unfortunately, lists with the statute and members of the society have not been preserved, but some information can be partially reconstructed. Thus, the Siretan society was meant to collect objects for the future *Museum of the Country of Bucovina*, thus trying to protect the "antiquities", which were often lost or taken away from Bucovina; in this context, an excerpt from a letter sent by Josef von Gutter to the Romanian amateur archaeologist Dionisie Olinescu (who founded the *Archaeological Romanian Society* of Chernivtsi in 1886), published by him in the journal *Tribuna* of Sibiu (1885) is explicit: "*... I am pleased by several causes, that perhaps the Sibian Tribuna would succeed in awakening our youth from its spiritual sleep and to enliven it*

[1] Later, some authors indicate year 1871, taking over the information from Hauptbericht, 1871.



decât din partea Rusiei?"
Relativ la relaţiunile dintre An-

catele, în loc să răspundă lui „Ellenzék", găsesc cu cale a se lega de noi".

Foiţa „Tribunei".

Anticităţi din Bucovina.

În numerii 23, 25 şi 26 din anul trecut ai „Tribunei" am vorbit despre anticităţile din Bucovina, şi am constatat golătatea cea mare de anticităţi cum şi vandalismul, ce se face cu anticităţile găsite. Cu ocasiunea aceasta amintirăm şi despre meritele archeologului nostru Bucovinean de Gutter, care unicul dintre fiii Bucovineni, se ocupă cu aflarea şi stringerea anticităţilor din ţeară. În urma unei corespondenţe a d-lui sûntem în posiţia plăcută a refera despre mai multe anticităţi din Bucovina, despre cari n'am pomenit în articolul amintit. Trăim în timpul ignoranţei trecutului, unde pentru noi totul e presentul, care prin varietatea luptelor sale de existenţă, şi mai ales pentru noi Românii cu luptele noastre pentru vieaţă naţională română, ne rupe cu totul de trecut, reducêndu-'l la nimica, ca ce întru adevêr pare a privi fiesce-care Bucovinean, care n'a fost pe la mănăstirile cele trei, ce există în ţeară. Educaţia noastră e curat materială. Săraci născuţi, gândim la cluptarea unei posiţii favorabile pentru traiu în vieaţa noastră, care, din causa diferitelor circumstări politice şi constelaţiuni naţionale, trăind în Bucovina, într-o ţeară poliglotă, devine foarte dificilă. Pentru trecutul nostru n'avem dar' timp, şi publicistica noastră e nulă, puţini literaţi Români, ale căror publicaţiuni zac nevêndute în magaziile librarilor din Cernăuţi şi Suceava, căci Românul Bucovinean crede, că ceva bun din peana Românului Bucovinean nu poate să eşe, de unde dar' să mai scie Bucovineanul Român despre trecutul seu, ce de străinul sau de Bucovineanul de altă naţionalitate se destinge prin aceea, că nu scie mai mult din istoria Bucovinei şi a Românilor decât el. Sûntem un popor hou format de către Aron Pumnul, ce e pe calea desfăşurării sale fără nici o legătură istorică cu trecutul, care pentru noi n'are nici un înţeles; deci de ce să ne ocupăm cu cruciuliţele vechi, care sûnt o marfă fără nici un preţ. Ne lipsesce tradiţia naţională-română, ce o aflăm numai la ţeranul român Bucovinean, aceasta e neînţeleasă de inteligenţă, ea se aruncă orbesce în calea străinismului, aflându-se fără nici un sprigin de ea. Nu îngrijesce deci nimenea pentru aceste rămăşiţe din trecut, ele se perd necontenit, spre a curăţi pământul românesc de ori-ce legătură istorică.

Asta e starea noastră archeologică. Sûntem în pericol de a perde ori ce amintire din trecut, afară de cărţile istorice, ce ne vin de peste graniţă din România, cari aduc aminte, ce am fost, de unde venim şi ce sûntem. Această stare desastroasă cere imperios crearea unui museu naţional de anticităţi, spre a stinge şi a concentra toate rămăşiţele aflătoare din trecut încă în ţeară. Dar' puţină speranţă avem în această privinţă. Mijlocul cel mai bun de îndrumare pentru înfiinţarea unui museu naţional ar fi înfiinţarea unei societăţi archeologice, care prin contribuirile membrilor ei să se pună în posiţie de a stringe şi a rescumpăra anticităţile aflate din mânile „Gescheftarilor" şi Englezilor. Prin timp s'ar putè straforma în museu naţional prin o lege a dietei Bucovinene, în care mai totdeauna are elementul român maioritatea, dotându-'l cu mijloacele materiale recerute. Atunci tocmai ne-am afla în situaţia, în care se afla de mult ţerile celelalte coronale ale Austriei cislaitane. Atêrnă deci dela voinţa noastră cum şi dela zelul nostru, spre a ţinè contact cu trecutul şi a-'i da tributul seu.

În această privinţă ne scrie bătrânul conservator c. r. din Bucovina dl de Gutter ce a trecut peste 75 de ani:

„Mă bucură din mai multe cause, că poate ar succede „Tribunei" Sibiiane de a trezi pe junimea noastră din somnul ei spiritual şi de a o insufleţi pentru cercetările archeologice, şi asta cu atât mai mult, căci eu lucru mai de 25 de ani spre a înlesni crearea unei societăţi archeologice pentru ţeara noastră iubită, Bucovina, spre a evita astfel perderile şi exportările cele multe şi a păstra anticităţile museului naţional şi al sciinţei.

„La anul 1870 înfiinţaiu în Sireţiu societatea archeologică, spre a forma din membrii cei mai zeloşi o societate archeologică şi spe- cumpăra prin taxele mici ale membri- ticităţile aflate pentru museul naţional. Mijloacele aceaste s'au consumat în de 14 ani, pentru-că s'au câştigat cu- cităţi şi aşa 'mi s'a luat putinţa de a- pêra anticităţile, ce se vor găsi. O so- cheologică cu 70 cel mult 80 de mem taxă anuală de un fl. ar ajunge spre toate anticităţile aflate în Bucovina. N ele provin arareori, ci pentru-că nu e te a le plăti scump din causa lipsei am

„Cu durere am ajuns la convin societatea archeologică din Sireţiu s'a din causa lipsei participării.

„Noi avem în Sireţiu în cărămi Beill, un unicum, căci acolo găsim ad din timpul petrei şi bronzului cum s vechiu. Din locul acesta s'au scos pâ 2 securi de peatră, 2 laterne, dinţi a antediluviane şi un picior al unui idol, pentru serviciuri religioase; ace din os fălci în forma unui heresteu, globanţ etc. etc; mai multe bucăţi din unelte o formă primitivă, bucăţi din vase de o formaţie foarte groasă şi primitivă, cenuşă cu cenuşă dela morţi din tim şi al bronzului; apoi din evul mediu părticele din maşine de aruncat, pân ţele din săgeţi, barde, bucăţele din la

Fig. 1. Excerpt from *Tribuna*, II, no. 47, 28 February / 12 March 1885 (Olinescu 1885a, 186).

for archaeological research, all the more so, because I have been working for 25 years to facilitate the creation of an archaeological society for our beloved country, Bucovina, in order to avoid the many losses and exports and preserve the antiquities of the national museum and science. In 1870, I founded the archaeological society in Siret, in order to train the most zealous members hereof and to be able to buy through the low taxes of its members the identified antiquities for the national museum in the country" (Olinescu 1885a, 186-187) (fig. 1).

The activity of the *Society of the Siret Museum*. Josef von Gutter was the soul of society, so it is not possible to separate the activity of the society from that of its founder. The oldest documentary sources are the pieces of information published in the press of the time (in this case Dionisie Olinescu summarized some of Josef von Gutter's notes, making them available in the magazines publishing in Romanian: *Familia* of Oradea, *Tribuna* of Sibiu, *Voinţa Naţională* of Bucharest) and in some studies that were published at the end of the 19th century. Later on, during the between world war period, some of Gutter's letters to historian Wickenhauser were published under the care of R. Gassauer (Gassauer 1933; Niculică, Ungureanu 2019). It was only decades later that the contribution of Josef von Gutter and of the *Society of the Siret Museum* (Ignat 1969, 94-95; Emandi 1985, 19; Ursulescu 1998, 14; Petrescu-Dîmboviţa 2001, 46) began to be mentioned. A revival of the interest in the beginnings of archaeology in the Austrian province of Bucovina has been noted lately, in the attempt to draw a broader, complex and detailed picture, from the timid start reminding of antiques shops, up to the institutional organization; the place and role of the Siret society was positioned and discussed as part of the beginnings and affirmation of Archaeology science in the Austrian province of Bucovina (Niculică 2009; Niculică 2013, 517-533; Niculică 2016, 469-484; Niculică 2017, 111-134; Dejan, Niculică 2018, 309-323; Niculică, Ungureanu 2019).

In this context we should point out that Josef von Gutter, after retiring in the town of Siret (former capital of medieval country of Moldavia during the 14th century), had the opportunity to live in an area particularly rich in historical and archaeological vestiges, and this pertains to both the town perimeter and to its surroundings. This microzonal feature is confirmed not only by the earlier works, such as the monograph written by teacher Victor Prelicz of Siret in 1886 or the research report drafted by Josef von Szombathy in 1894, but also by subsequent archaeological discoveries, listed by archaeologists from the Museum of History and the University of Suceava (Prelicz 1886; Szombathy 1894, 20; Prelicz 2011; Ursulescu, Andronic, Hau 1988, 85-101). We summarize, furthermore, the most important of the archaeological concerns and finds of Josef von Gutter.

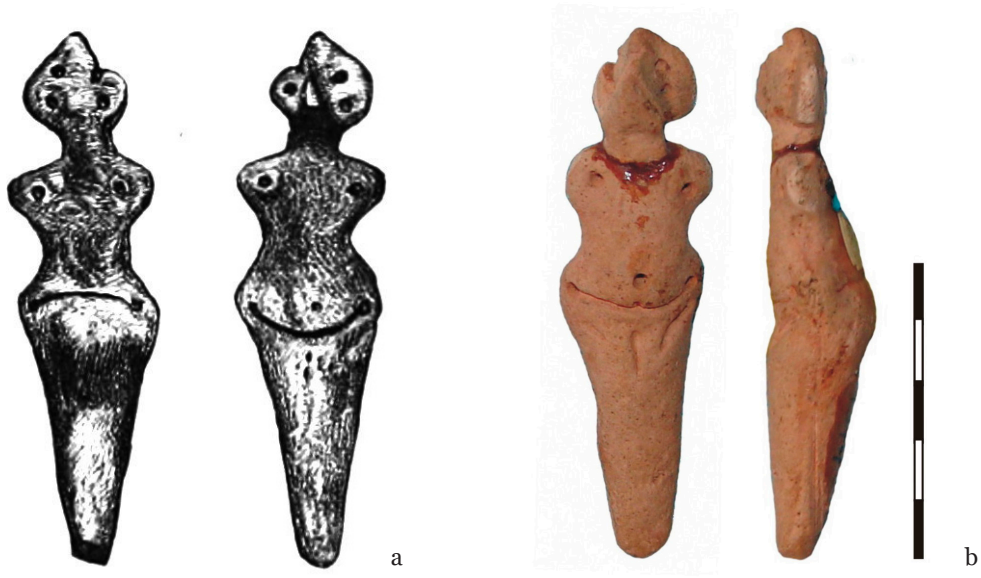


Fig. 2. a-b - Feminine anthropomorphic figurine belonging to the Cucuteni Culture, discovered by Josef von Gutter in „Cărămidăria lui Beill" from Siret (a - apud *Mittheilungen*, X, N.F., 1884, Notize 135, p. CCXXIV, fig. 7); b - photo of the item in the Museum of Siret – Sorin Ignătescu, 2008 (apud Niculică, Ungureanu 2019, 225, fig. 19).

1. In the very center of the town of Siret there is an early medieval fortification, called *Horodiştea / Zamca*, and in this area, in Gutter's epoch, there operated the brickworks of Iulius Beill, a local entrepreneur, of whom we know he was part, along with other intellectuals of Siret, of the society of the *Museum of Bucovina Country* (*Bukowiner Landes-Museums*) of Chernivtsi, an institution founded on 14 May 1893 (Ignat 1969, 97-99; Emandi 1985, 25-28; Niculică 2009, 48-51; Dejan 2014, 523-524). The archaeological site of Siret – *Horodiştea / Zamca / Cărămidăria lui Beill = Beill'schen Ziegelei*, has attracted the attention of contemporaries, through the diversity and number of finds, Dionisie Olinescu appreciating that at Siret there is "*one of the most interesting prehistoric sites of Bucovina even of entire Dacia*" (Olinescu 1886, 2; see also Ursulescu, Andronic, Hau 1988, 88-90, no. XI). The discoveries made in this archaeological site, which today we know to be a multilayered one, and which is considered "*a unicum*", were made available to the public in Bucovina, Transylvania, as well as to the Viennese fora (Olinescu 1885a, 186-187; Olinescu 1886c, 41-42; Szombathy 1894, 20; Romstorfer 1895, 8; Ignat 1969, 94-95; Niculică, Ungureanu 2019, 22-23, 32-39; Ungureanu 2019a, 59-77)[2]. Some finds, and especially the peculiarities noticed at the time of their uncovery, were particularly interesting to Captain Gutter, who carefully observed them, apparently identifying one of the first prehistoric, cultic deposits. They were reported at length by Dionisie Olinescu, who made them available to the general public, showing that at Siret, on Zamca, there were discovered: "*two large pots of red clay and a small one, that were decorated with various geometric signs and filled with ashes from dead people. Several red clay pipkins, 7 cm high and 6 cm wide, surrounded them at a 35-36 cm distance, and they were all entirely broken; there was a sticky black mass therein. These dishes were made by hand, exclusively, without using any wheel, and then sun-dried. Shards of these pipkins have so far been one hundred. Among them there was a small idol made of red clay, also hand-made, with no potter's wheel whatsoever. It is four inches long. Its head is deformed, resembling more that of an owl, and its hair forms a triangle; it is has no arms and also no legs, and the belly reminds the one of a pregnant woman, with a semicircle upwards on it. On the head and on the other side of the body there are holes, of course for the insertion of needles, so to be worn as an amulet*" (Olinescu 1886, 2; Niculică 2015a, 15-18).

2. A unique and valuable piece of information is that Josef von Gutter was working on a histori-

[2] Documents signed by Gutter, dated March 23 and July 1880 respectively, mentioning the importance of the Siret site located in the area of three brickworks, which would have had a long existence.

cal chronicle of the town of Siret (Niculică 2016, 476-477; Niculică, Ungureanu 2019, 25-26), as he himself writes in two of the letters sent to Franz A. Wickenhauser, dated Siret, 4 May and 6 December 1880 respectively (Gassauer 1933, 3-4; Niculică, Ungureanu 2019, 135-136, 163-164).

3. Also, an inspired decision of Gutter's, which would have had interesting results, was to initiate the composition of an archaeological questionnaire, in the desire to have as precise a record of the discoveries of "antiquities" in Bucovina; this questionnaire was to be addressed to the representatives of the Romanian clergy in Bucovina, namely the Metropolitan Consistorium of Chernivtsi, through the intercession of Dionisie Olinescu (Niculică 2009, 73-102; Niculică 2016, 477; Niculică, Ungureanu 2019, 26), Romanian amateur archaeologist, good connoisseur of local historical realities. Unfortunately, no information related to these questionnaires, the drafting algorithm or the answers from the territory has been preserved to these days.

4. Another concern of Josef von Gutter was to describe the churches of Bucovina, and this is what we learn from letters Nos. IV and V, dated Siret, 27 January and 13 February 1884 respectively, sent to the historian Franz A. Wickenhauser; as he himself narrates, the *Central Commission* in Vienna entrusted him with this task, but without paying him, which aroused some discontent to the old captain; there are mentioned, within a more comprehensive list, the 11 churches of Suceava, then those in Crisceatec, Dragomirna, Horecea, Horodnic, Pătrauti, Putna, Rădăuti, St. Elijah, Siret, Solca, Sucevita, Voronet (Gutter 1933, 5-7; Niculică 2016, 477; Niculică, Ungureanu 2019, 26, 139, 142, 167, 170, 212, 214).

5. The "Huns" tombs of Grănicesti, discovered in 1872. As was later shown, the discovery of the stone box graves on the Iancului Hill in Grăniceşti is one of the important archaeological finds in the eastern Carpathian space, being, in reality, according to the description of the discovered inventory, the first attestation of the globular amphorae culture in Romania (Dinu 1959, 213-219; Dinu 1961, 121-126; Dinu 1961a, 43-64; Niculică 2015, 92-96; Niculică 2016, 478-480). The discovery was well reported in the epoch and discussed later, both in the *Central Commission's* publication *Mittheilungen* and also in the press at the time, arousing a particular interest (Olinescu 1885b, 190; Romstorfer 1893, 48; Niculică 2009, 33; Niculică 2015, 94-95; Niculică 2016, 478-480).

6. A remarkable discovery related to Josef von Gutter's name is one of the most important bronze deposits in Bucovina, which dates back to Bronze D-Ha A, during which the Gáva-Holihrady culture was manifested in the north-east Carpathian space. We refer to the bronze deposit of Prelipcea / Prelipca, a site located nowadays on the territory of Ukraine, which was discovered during 1880. The deposit apparently contained five bronze pieces: celt-axe, two axes, a "helmet" and a "horse armor". Josef von Gutter understood how important the discovery was, so he carefully described the conditions, features and inventory of the deposit. In his capacity as a conservator of the *Central Commission*, he forwarded his notes to this forum, in 1882 the *Mittheilungen* editorial office publishing a detailed note about the deposit (Olinescu 1885b, 190; Much 1889, 84, pl. XXXIV/14-15; Kaindl 1890, 258; Ignat 2000, 12, 98, fig. 29; Niculică 2009, 32, 36; Niculică 2016, 480-481; Niculică, Ungureanu 2019, 31). According to Josef von Gutter's accounts, published by Dionisie Olinescu in the journal *Tribuna* of Sibiu, after the discovery, due to the fact that the *Society of the Siret Museum* did not have enough money, three pieces arrived in Vienna, being bought by the well-known researcher and conservator of the *Central Commission* of Vienna, M. Much (author of *Kunsthistorischer Atlas*, 1889) for 60 florins (Olinescu 1885b, 190). According to a report in the Romanian language Chernivtsi press, we should mention that Josef Szombathy, who in 1893 and 1894 carried out archaeological research in Bucovina, donated several photographs of the pieces from the deposit of Prelipca to the *Museum of the Country of Bucovina*[3]. One of these photographs can also be found in the Raimund F. Kaindl archive, Corpus 8 of the University of Graz, Austria (Ільків 2016, 160, note 98 and fig. 14).

7. The second bronze discovery described by Josef von Gutter is the bronze deposit at Prisăcăreni (today in Ukraine), one of the most interesting of its kind, given its peculiar features (Kaindl 1890, 258; Ungureanu 2019a, 84-87)[4]. The deposit of

[3] Gazeta Bucovinei, year III, nr. 65, Cernăuți, Joi 19/31 August 1893, 3.

[4] Report to the Vienna Central Commission, dated 12 June 1885, signed by Gutter, describing the content and context of the discovery, illustrating also a celt-axe.

bronze objects was found during spring 1885, while performing agricultural works, and consisted of a bucket, inside which was a clay urn filled with ash and 12 celt-axes, arranged radially; these detailed elements were captured by Josef von Gutter in letter no. VI, dated Siret, 22 June 1885, addressed to Wickenhauser (Gassauer 1933, 7-8; Niculică, Ungureanu 2019, 31-32, 144, 172, 214-215). Nowadays, in Room V of the permanent exhibition of the National Museum of Bukovina in Suceava there is a reconstruction of this deposit, which was published in detail recently (Niculică 2013a, 211-228, with bibliography), accompanied by a short documentary film, with the aim of explaining to visitors a part of the symbolic, sacred, spiritual universe of past civilizations. Moreover, this discovery is correlated with the Gáva-Holihrady population in the northeastern Carpathian space (Niculică 2013a, 211-228; Niculică 2016, 481-482; Niculică, Ungureanu 2019, 32).

8. Last but not least, Josef von Gutter's numismatic concerns, well known during his time, should also be mentioned. Bucovina was a rather eternal source of monetary discoveries, which were identified as isolated items, and sometimes as part of hoards. Particularly, together with the always present medieval, Moldovan, Hungarian, Lithuanian, Swedish and Polish coins, the Roman ones also had an important place within the statistics of discoveries (Dejan, Niculică 2018, 310-311). In *Mittheillunten,* VI/1880, it is indicated that Josef von Gutter, the highly active president of the *Society of Siret Museum*, donated to the University of Chernivtsi (founded in 1875), a large collection of ancient coins, including "*5 commemorative medals, 23 bronze coins and 34 silver coins*" (Niculică, Ungureanu 2019, 34-35). In the same issue of *Mittheillunten*, attention is drawn to the richness of archaeological discoveries in the heart of the town of Siret (the brickwork area), where many Roman coins came from, including pieces from Traian (Niculică 2009, 32; Niculică, Ungureanu 2019, 37-39). Also, in Gutter's letters to Wickenhauser we encounter references to the monetary discoveries of Siret (letter VIII – Gassauer 1933, 10; Niculică, Ungureanu 2019, 148, 176, 217) and Suceva's Capital Fortress (letter IX – Gassauer 1933, 11; Niculică, Ungureanu 2019, 179, 218). Dionisie Olinescu also makes known the monetary discoveries made by Gutter in Bucovina, presenting them in detail, noting that Gutter had managed at one point to save some monetary finds with the help of the gendarmerie, as the theft of antiquities was generalized (Olinescu 1885, 625; Olinescu 1885b, 190; Olinescu 1886c, 41-42; Olinescu 1886b, 37; Olinescu 1886d, 45-46; Niculică 2009, 88-89).

9. Along with other reports of discoveries made either in the micro-area of Siret or in the entire province of Bucovina, on which we will turn our attention on another occasion, we mention here that Josef von Gutter reported and described the hoard of gold objects discovered in Hatna (now the village of Mărişeia Mică, com. Dărmănesti, Suceava co.), consisting of a torque, links and bracelets; years later, the archaeologist Mircea Ignat of Suceava pointed out that the hoard is linked to the presence of migratory populations from the beginning of the 5th century BC (Olinescu 1885b, 190; Olinescu 1886a, 2; Romstorfer 1893, 70, fig. 23; Ignat 1983, 206-209; Niculică 2009, 33-34; Niculică, Ungureanu 2019, 33).

The disappearance of the *Society of Siret Museum*. It seems that the process of dissolution of the society began before 1885, but ended *de facto* with the passing away, on 8 May 1886, of Captain Josef von Gutter. His letters sent to Franz A. Wickenhasuer testify in this regard. Letter VI, dated Siret, 22 June 1885, is the one in which Gutter emphasizes that "*It is a pity that the Society of the Museum has dissolved. Over the course of 14 years, it provided the funds for the purchase, for the museum, of all the antiquities that came to light. It has been said that other towns should do something about it too – and that, as far as I can see, is not without reason. Now I will have nothing left to do but purchase everything from my own funds, so as not to allow it to be lost for science*" (Gassauer 1933, 8; Niculică, Ungureanu 2019, 141-145, 172-173, 215). Just a few days later, in another letter, No. VII, dated Siret, 26 June 1885, Josef von Gutter mentions with the same sadness that: "*it is a pity that the museum society has quietly dissolved, due to lack of participation, after a very fruitful activity throughout 14 years. I have invested, after the fund has been exhausted, in the hope of continuing its existence, 41 florins 40 Kreuzers of my money, and I should still cover with my own funds the packing and sending of the numerous objects that must reach the museum [...]. People of Siret say – and, quite rightly: for 14 years we have provided the funds for the purchase of antiquities, now the other cities in the country should do something*"

(Gassauer 1933, 9; Niculică, Ungureanu 2019, 146-147, 174-175, 216). In letter XI, dated Siret, 4 May 1886, just days before his disappearance, Gutter wrote to Franz A. Wickenhauser: *"... I have long since planned to travel to Chernivtsi to hand over to the university the small antiquities of the late Museum Society, but I do not get to do so, hindered by my poor health*" (Gassauer 1933, 15; Niculică, Ungureanu 2019, 157, 185, 222). The disappearance of the Society was also due to the members' lack of participation, who no longer wanted to contribute, mainly because of the high prices charged by the sellers of antiquities (Olinescu 1885a, 186; Niculică 2009, 34).

The destiny of the collections of the *Society of the Siret Museum*. As for the rich collections of the Society, as Rudolf Gassauer pointed out, fossils, and various antiquities were gradually transferred to other public or private collections: the *National Museum* of Chernivtsi, the *University* of Chernivtsi, as well as to the patrimony of the *Romanian Archaeological Society* of Chernivtsi, founded by the amateur archaeologist Dionisie Olinescu in 1886. An important role in the transfer to the Romanian society was played by Josef von Gutter's widow, with the help of members of the *Romanian Archaeological Society*; about the value of the patrimony of the *Society of Siret Museum* the press of Chernivtsi also wrote, as being about 1200 florins[5] (Olinescu 1886, 2-3; Kaindl 1893, 75; Kaindl 1894, 1; Kaindl 1894a, 22; Kaindl 1896, 6; Gram 1908, 125; Gassauer 1933, 1, 15; Andriesescu 1936, 169; Niculică 2009, 34-35, 84 and note 59; Niculică 2016, 476; Niculică, Ungureanu 2019, 132, 160). In the unfortunate circumstances of the two world wars and of transfers of collections made under difficult conditions to the museum in Suceava, many of the old collections belonging to the *Society of Siret Museum* were lost or destroyed. Today, a female anthropomorphic statuette, discovered in the old brickworks of Julius Beill in Siret, remains from Gutter. The piece belongs to Cucuteni culture and is preserved in the collections of the History Museum of Siret, department within the *National Museum of Bucovina* in Suceava (Niculică 2016, 483, fig. V; Niculică, Ungureanu 2019, fig. 19 a-b) (fig. 2).

At the conclusion of this short presentation of the *Society of the Siret Museum*, we believe that it is appropriate to review the institutions and organizations of archaeological and museum profile, with a role in the research, preservation and exploitation of the historical and archaeological heritage of Austrian Bucovina. Apart from these, several private collections, whose patrimony was also recorded in the State's records, were also known, registered and officially operated in the province. Thus, for example, in *Handbuch der Kunstpflege in Österreich* (Weckbecker 1902, 694-701) for year 1902, in the list drawn up for Bucovina, one finds: *The Crafts Museum*, the *Museum of the Country*, the *Archbishop's Museum*, the *Numismatic Cabinet of Francisco-Josefine University*, the *Archaeology Cabinet of the Higher State Gymnasium*, all in Chernivtsi, as well as the *Society of the Museum* of Suceava; as far as private art collections are concerned, mention was made of Eduard Fischer's collection, Baron Victor Stîrcea's collection and Dr. L. Wolan's collection of Chernivtsi, to which were added the Putna Monastery collection, Baron Nicolae Mustaţă's collection, in Sadagura, and the Suceviţa Monastery collection. In *Handbuch der Kunstpflege in Österreich* (Herausgegeben im Auftrage des Ministeriums für Cultus und Unterricht, Zweite Auflage, Wien) in 1893 were also listed the Ioan Zotta's private collection of Stefanovka and the *Romanian Archaeological Society* of Chernivtsi, whose founder was Dionisie Olinescu, a brief collaborator with Josef von Gutter. This picture of private institutions/societies or collections, thoroughly captured by the statistics drafted by the authorities, is surprising through the absence of organizations belonging to other ethnicities in Bucovina, somehow suggesting, at least for the moment, that the concerns in this regard were coming only from the representatives of the Austrian authorities and Romanian intellectuals; this reality, captured in the past by the study by Emil I. Emandi (Emandi 1985, 15-37), is to be confirmed or invalidated by new documents. In this overview, the *Society of the Siret Museum* holds a special position, the information held so far showing a serious way of organization, with paying members, specific to a private entity, with well-defined objectives (collection of objects for the future *Museum of the Country/Bukowiner Landes-Museums*) and an interest in recuperat-

[5] Revista politică, year I, issue 7, Suceava, 15 August 1886 st. n., 9. This is about Zaharia Voronca, member of the Romanian Archeological Society, who took over from Josef von Gutter's family the collection gathereed especially from the brickworks of Siret and its surroundings.

ing and salvaging of "antiquities". Moreover, the complex concerns of the founding president, Josef von Gutter, to draw up a historical chronicle of the Siret, to describe the churches in Bucovina, the quality of the reports drawn up, his relations with the *Central Commission* in Vienna, whose conservator he was, show a living, functional, efficient body. Basically, the name of the *Society of the Siret Museum* and of Josef von Gutter himself are connected to the oldest and most important archaeological finds in the Austrian province of Bucovina, as well as to the enlargement of the patrimony of the *Romanian Archaeological Society* and the *Museum of the Country* in Chernivtsi. All these discoveries and events began 150 years ago, with the founding of the first archaeological and museum society of Bucovina and the tireless activity of the one who can be considered the first archaeologist of Bukovina, Captain Josef von Gutter.

Bibliography

Andrieşescu 1936: I. Andrieşescu, Cercetări şi descoperiri arheologice în Bucovina. Cronica Numismatică şi Arheologică XII, nr. 105, ianuarie-martie, 1936, 161-173.

Căpreanu 1995: I. Căpreanu, Bucovina: istorie şi cultură românească (1775-1918) (Iaşi 1995).

Ciachir 1993: N. Ciachir, Din istoria Bucovinei (1775-1944) (Bucureşti 1993).

Dejan 2014: M. Dejan, 120 de ani de la înfiinţarea Muzeului Bucovinei din Cernăuţi (1893-2013). Analele Bucovinei XXI, 2 (43), 2014, 521-532.

Dejan, Niculică 2018: M. Dejan, B.P. Niculică, Descoperiri monetare la sfârşitul secolului al XIX-lea şi începutul secolului al XX-lea în Bucovina. In: (Eds. L. Munteanu, C.-D. Nicola, G.M. Talmaţchi) Studia Numismatica et Archaeologica. In honorem magistri Virgilii Mihailescu-Bîrliba oblata. Honoraria 12 – coord. Victor Spinei, Bibliotheca Memoriae Antiquitatis XXXIX – coord. Ciprian-Dorin Nicola (Bucureşti – Piatra-Neamţ 2018), 309-323.

Dinu 1959: M. Dinu, Sondajul arheologic de la Dolheştii Mari (r. Fălticeni, reg. Suceava). Materiale VI, 213-221.

Dinu 1961: M. Dinu, Şantierul arheologic Dolheştii Mari, (r. Fălticeni, reg. Suceava). Materiale VII, 1961, 121-129.

Dinu 1961a: M. Dinu, Contribuţii la problema culturii amforelor sferice pe teritoriul Moldovei. ArhMold I, 1961, 43-64.

Emandi 1985: E.I. Emandi, Muzeul de Istorie Suceava (Bucureşti 1985).

Gassauer 1933: R. Gassauer, Briefe Gutters an Wickenhauser. Sonderdruck aus: „Bukowiner Heimatblätter", herausgegeben von A. Nibio, Radautz, Jahrgang I, Heft 2-3, Radautz 1923. Druck P. Blondowskis Wwe (Radautz 1933).

Gramadă 1908: I. Gramadă, Viaţa romînească în Bucovina. Viaţa romînească. Revistă literară şi ştiinţifică, III, vol. VIII, 1908, 125-131.

Iacobescu 1993: M. Iacobescu, Din istoria Bucovinei. I (1774-1862). De la administraţia militară la autonomia provincială (Bucureşti 1993).

Ignat 1969: M. Ignat, Din istoricul cercetărilor arheologice din judeţul Suceava. Studii şi materiale. Istorie I, 1969, 93-104.

Ignat 1983: M. Ignat, Descoperiri din prima jumătate a secolului V e. n. pe valea Sucevei. Studia Antiqua et Archaeologica I, 1983, 206-218.

Ignat 2000: M. Ignat, Metalurgia în epoca bronzului şi prima epocă a fierului din Podişul Sucevei (Suceava 2000).

Kaindl 1890: R.F. Kaindl, Notize 178. In: Mittheillungen der K. K. Zentralkommission für Erforschung und Erhaltung der Kunst- und historischen Denkmale, XVI. Jahrgang, N.F. (Wien 1890), 258.

Kaindl 1893: R.F. Kaindl, Das ehemalige Bukowiner Landesmuseum, der Serether Museumverein und das Münzen- und Antiquitätencabinet an der Universität Czernowitz. In: Jahrbuch des Bukowiner Landes-Museums, I (Czernowitz 1893), 75-77.

Kaindl 1894: R.F. Kaindl, Der rumänische archäologische Verein in der Bukowina (Czernowitz 1894).

Kaindl 1894a: R.F. Kaindl, Der rumänische archäologische Verein in der Bukowina. In: Jahrbuch des Bukowiner Landes-Museums, II (Czernowitz 1894), 22-24.

Kaindl 1896: R.F. Kaindl, Geschichte der Bukowina. Erster Abschnitt. Von den ältesten Zeiten bis zu den Anfängen des Fürstenthums Moldau (1342) (Czernowitz 1896).

Much 1889: M. Much, Kunsthistorischer Atlas. Herausgegeben von der k. k. Centralcommission. I. Abtheilung. Sammlung von Abbildungen vorgeschichtlicher und frühgeschichtlicher Funde aus den Ländern der österreichisch-ungarischen Monarchie, mit 100 Tafeln (Wien 1889).

Niculică 2009: B.P. Niculică, Din istoricul preocupărilor arheologice în Bucovina. Societatea arheologică română (Suceava 2009).

Niculică 2013: B.P. Niculică, Arheologie şi arheologi în Bucovina secolului al XIX-lea. De la anticarism la instituţionalizare. Analele Bucovinei XX, 2 (41), 2013, 517-533.

Niculică 2013a: B.P. Niculică, O descoperire de bronzuri uitată: depozitul de la Prisăcăreni (nordul Bucovinei). ArhMold XXXVI, 2013, 211-228.

Niculică 2015: B.P. Niculică, Epoca Bronzului în Podişul Sucevei (Suceava 2015).

Niculică 2015a: B.P. Niculică, Primele descoperiri de vestigii cucuteniene din Bucovina. Peuce S.N. XIII, 2015, 7-44.

Niculică 2016: B.P. Niculică, Josef von Gutter (1809-1886). Realizările unui pionier al arheologiei Bucovinei. Analele Bucovinei XXIII, nr. 2 (47), 2016, 469-484.

Niculică 2017: B.P. Niculică, Din gândirea teoretica a lui Dionisie Olinescu, primul arheolog român al Bucovinei. Analele Bucovinei XXIV, nr. 1 (48), 2017, 111-134.

Niculică, Ungureanu 2019: B.P. Niculică, Şt.-M. Ungureanu, Josef von Gutter, cel dintâi arheolog al Bucovinei şi scrisorile sale către istoricul Franz A. Wickenhauser (Suceava 2019).

Olinescu 1885: D. Olinescu, Scrisori din Bucovina. (Descoperire archeologică, o Societate archeologică română în Cernăuţi, artiste). Familia XXI, nr. 52, 29 Decembrie st. v./10 Ianuarie st. n., 1885, 625.

Olinescu 1885a: D. Olinescu, Anticităţi din Bucovina. Tribuna II, nr. 47, 28 februarie/12 martie, 1885, 186-187.

Olinescu 1885b: D. Olinescu, Anticităţi din Bucovina. Tribuna II, nr. 48, 1/13 martie, 1885, 190-191.

Olinescu 1886: D. Olinescu, Antichităţile din Bucovina. I. Voinţa Naţională III, nr. 630, sâmbătă 13/25 septembrie, 1886, 2-3.

Olinescu 1886a: D. Olinescu, Antichităţile din Bucovina. II. Voinţa Naţională III, nr. 634, 18/30 septembrie, 1886, 2-3.

Olinescu 1886b: D. Olinescu, Starea archeologică în Bucovina. Tribuna III, nr. 10, 14/26 ianuarie, 1886, 37.

Olinescu 1886c: D. Olinescu, Starea archeologică în Bucovina. Tribuna III, nr. 11, 15/27 ianuarie, 1886, 41-42.

Olinescu 1886d: D. Olinescu, Starea archeologică în Bucovina. Tribuna III, nr. 12, 16/28 ianuarie, 1886, 45-46.

Onciul 1992: D. Onciul, Din istoria Bucovinei (Chişinău 1992).

Petrescu-Dîmboviţa 2001: M. Petrescu-Dîmboviţa, Izvoare arheologice. In: (coord. M. Petrescu-Dîmboviţa, Al. Vulpe) Istoria Românilor. Vol. I. Moştenirea timpurilor îndepărtate (Bucureşti 2001), 43-48.

Prelicz 1886: V. Prelicz, Geschichte der Stadt Sereth und ihre Alterthümer (Sereth 1886).

Prelicz 2011: V. Prelicz, Geschichte der Stadt Sereth und ihre Alterthümer / Istoria oraşului Siret şi antichităţile sale. Ediţie bilingvă îngrijită de B.P. Niculică, traducere de I. Rostoş (Iaşi 2011).

Romstorfer 1893: K.A. Romstorfer, Aus den „Mittheilungen der k. k. Central-Commission". In: Jahrbuch des Bukowiner Landes-Museums, I (Czernowitz 1893), 45-71.

Romstorfer 1895: Ältere Vertheidingungsanlagen in der Bukowina. In: Jahrbuch des Bukowiner Landes-Museums, III (Czernowitz 1895), 6-19.

Szombathy 1894: J. Szombathy, Prähistorische Recognoscierungstour nach der Bukowina im Jahre 1893 In: Jahrbuch des Bukowiner Landes-Museums, II (Czernowitz 1894), 11-21.

Ungureanu 2019: Şt.-M. Ungureanu, Despre Comisia Centrală din Viena. Înfiinţare, organizare, obiective. In: B.P. Niculică, Şt.-M. Ungureanu, Josef von Gutter, cel dintâi arheolog al Bucovinei şi scrisorile sale către istoricul Franz A. Wickenhauser (Suceava 2019), 49-56.

Ungureanu 2019a: Şt.-M. Ungureanu, Josef von Gutter: documente din arhivele vieneze. In: B.P. Niculică, Şt.-M. Ungureanu, Josef von Gutter, cel dintâi arheolog al Bucovinei şi scrisorile sale către istoricul Franz A. Wickenhauser (Suceava 2019), 57-123.

Ursulescu 1998: N. Ursulescu, Începuturile istoriei pe teritoriul României (Iaşi 1999).

Ursulescu, Andronic, Hău 1988: N. Ursulescu, M. Andronic, Fl. Hău, Contribuţii la cunoaşterea aşezărilor de pe teritoriul Siretului înainte de constituirea oraşului medieval. Suceava XIII-XIV (1986-1987), 1988, 85-101.

Weckbecker 1902: W. Weckbecker, Freiherrn von. In: Handbuch der Kunstpflege in Österreich. Herausgegeben vom K. K. Ministerium für Kultus und Unterricht, Dritte Auflage (Wien 1902).

Ільків 2016: М. Ільків, Археологічні студії Р.Ф. Кайндля. In: Раимунд Фрідріх Каиндль. Розвідки з нагоди 150-ліття віддня народження (Чернівці 2016).

150 de ani de la înfiinţarea primei societăţi arheologice şi muzeale din Bucovina: Societatea Muzeului Siret

Cuvinte-cheie: istoria arheologiei din Bucovina, Societatea Muzeului Siret, Josef von Gutter, descoperiri arheologice.

Rezumat: În anul 1870, la Siret, căpitanul pensionar Josef von Gutter a fondat Societatea Muzeului Siret, cu peste 100 de membri. Studiul de faţă se constituie într-o actualizare a datelor şi o sinteză necesară marcării celor 150 de ani de la înfiinţare şi încearcă să surprindă momentele esenţiale ale existenţei societăţii: apariţia, activitatea şi destinul acesteia după desfiinţare. Sunt surprinse coordonatele biografice ale lui Josef von Gutter, descoperirile de rezonanţă, precum şi menţiunile referitoare la societatea sireteană, apărute în presa vremii, în diverse publicaţii din secolul al XIX-lea sau de mai târziu. Locul şi rolul acestei societăţi în peisajul cultural al Bucovinei Imperiului Austro-Ungar – care din punct de vedere al organizării şi cercetării patrimoniului beneficia de activitatea Comisiei Centrale pentru Cercetarea şi Conservarea Monumentelor Istorice şi de Artă din Viena – dar şi în cadrul istoriei arheologiei din spaţiul românesc este astfel evidenţiat.

Lista ilustraţiilor:

Fig. 1. Extras din *Tribuna*, II, nr. 47, 28 februarie / 12 martie 1885 (Olinescu 1885a, 186).

Fig. 2. a-b - Reprezentare antropomorfă feminină, aparţinând culturii Cucuteni, descoperită de Josef von Gutter în „Cărămidăria lui Beill" din Siret (a - după *Mittheilungen*, X, N.F., 1884, Notize 135, CCXXIV, fig. 7); b - fotografia piesei de la Muzeul din Siret – dr. Sorin Ignătescu, 2008 (după Niculică, Ungureanu 2019, 225, fig. 19).

150 лет со дня основания первого археологического и музейного общества в Буковине: Музейное общество г. Сирет

Ключевые слова: история археологии в Буковине, Музейное общество г. Сирет, Йозеф фон Гуттер, археологические открытия.

Резюме: В 1870 году в г. Сирет отставной капитан Йозеф фон Гуттер основал Музейное общество г. Сирет, насчитывающее более 100 членов. Настоящее исследование призвано актуализировать и обобщить информацию об этом обществе в преддверии празднования 150-летия со дня его основания и осветить важные вехи его истории: возникновение, деятельность и судьбу после роспуска. В статье приводятся данные биографии Йозефа фон Гуттера, резонансные открытия, а также упоминания о сиретском обществе, появлявшиеся в прессе того времени и в различных публикациях XIX века или позже. Таким образом, выявляются место и роль этого общества в культурном ландшафте Буковины в составе Австро-Венгерской империи, – общества, которое в области организации и изучения наследия вносило вклад в деятельность венской Центральной комиссии по исследованию и сохранению памятников истории и искусства, а также в историю румынской археологии.

Список иллюстраций:

Рис. 1. Выдержка из периодического издания «Трибуна» («Tribuna»), II, № 47, 28 февраля/12 марта 1885 г. (Olinescu 1885a, 186).

Рис. 2. a-b - Женская антропоморфная статуэтка культуры Кукутень, обнаруженная Йозефом фон Гуттером на кирпичном заводе Бейля в Сирете (a - по *Mittheilungen*, X, N.F., 1884, Notize 135, CCXXIV, fig. 7); b - фотография предмета из Музея Сирета, сделанная доктором Сорином Игнэтеску в 2008 г. (по Niculică, Ungureanu 2019, 225, fig. 19).

10.08.2020

Dr. Bogdan Petru Niculică, National Museum of Bucovina, Ștefan cel Mare str., no. 33, Suceava, Romania, https://orcid.org/0000-0001-7751-5705, e-mail: niculicab@yahoo.com

ARHEOLOGIA FĂRĂ GRANIȚE.
Interviu cu cercetătorul Tiberiu Bader (Hochdorf)

Este ştiut faptul că, în anii ’70 -’80 ai secolului trecut, arheologia românească a cunoscut un fenomen – nu foarte amplu, dar cu implicații – prin care unii specialiști au căutat să se împlinească profesional în alte țări. Printre aceștia a fost şi dr. Tiberiu (Tibor) Bader, cel care, după o bună perioadă de timp aflat în slujba muzeului din Satu-Mare, a ales să plece în Germania.

Student şi apoi absolvent al Universității „Babeș-Bolyai” din Cluj, Tiberiu Bader este recunoscut ca un specialist de marcă al epocii metalelor din Europa centrală şi de est. A fost director al Muzeului din Satu-Mare aproape două decenii, perioadă în care s-a dovedit a fi un participant activ, dar şi un bun coordonator al unui număr impresionant de șantiere arheologice: Ciumeşti, Remetea, Medieșu-Aurit-Potău, Medieșu-Aurit, Turulung Vii, Homorodu de Sus, Bolda, Ardud, Satu Mare, Cehăluț, Odoreu, Culciu Mare, Culciu Mic, Ciumeşti, Boineşti.

În 1987, a avut o bursă DAAD în Germania, fapt care i-a favorizat crearea unor legături profesionale ce l-au ajutat să se adapteze mai uşor în momentul în care a hotărât să se stabilească în această țară. După o scurtă perioadă, în care a lucrat în arheologia preventivă (1988-1991), a devenit directorul unui muzeu nou-înființat în Hochdorf, dedicat unui monument funerar al unei căpetenii celtice. Aici a activat până în anul 2003, după care, până în 2008, a muncit în calitate de colaborator extern, continuând să-i ghideze pe vizitatori până în anul 2018. Din 2004 este membru corespondent al Institutului Arheologic German din Berlin.

A participat la numeroase conferințe ştiințifice naționale şi internaționale, fiind autorul mai multor monografii dedicate epocii metalelor şi al unei serii impresionante de studii şi articole, publicate în reviste de prestigiu din țară şi din străinătate.

Stimate domnule Tiberiu Bader, sunteți absolventul uneia dintre cele mai prestigioase universități din România, cea din Cluj. Cine dintre profesorii dumneavoastră v-a influențat parcursul spre arheologie? Ați vrut de la început să faceți arheologie preistorică?

Da, am studiat la Cluj, la Universitatea „Babeș-Bolyai”, iar profesorul care mi-a cultivat pasiunea pentru arheologie a fost István Ferenczi. Încă din primul an de studiu am colaborat cu dânsul, dar pentru că el era specialist în epoca romană, iar eu eram pasionat de studiul preistoriei, m-am apropiat mai mult de reputatul profesor Kurt Horedt. Cel din urmă a reuşit să-mi canalizeze parcursul către cercetarea preistorică şi m-a determinat să-mi îndrept atenția spre epoca bronzului. De altfel, lucrarea de doctorat a fost realizată sub coordonarea profesorului Horedt, iar subiectul acesteia privea epoca bronzului în nord-vestul României. Ulterior, preocupările mele arheologice au fost ,,dominate” de această fascinantă perioadă din istoria omenirii.

Puțină lume cunoaşte faptul că în timpul studenției ați lucrat pe mai multe şantiere arheologice din județul Neamț. Era o perioadă a ,,marilor proiecte”. Cu ce specialişti ai momentului ați colaborat atunci?

În anii ’50, profesorul C.S. Nicolăescu-Plopşor coordona şantierele arheologice din zona viitorului

2. Tiberiu Bader în Muzeul din Satu Mare (arhiva R. Ghindele).

lac de acumulare al hidrocentralei Bicaz. El a avut o idee constructivă, potrivit căreia la munca de cercetare în teren să participe şi studenţi din centrele universitare din ţară (Bucureşti, Iaşi, Cluj). Spre exemplu, de la Cluj, profesorul I. Ferenczi ne-a delegat pe mine şi pe colegul meu V. Lazăr. Pe şantierele de la Bicaz au venit şi colegi de la Iaşi, iar acolo i-am cunoscut pe V. Căpitanu, M. Brudiu, M. Bitiri, V. Ursachi, cu care am legat o strânsă prietenie ce a durat şi după încheierea cercetărilor, chiar dacă fiecare dintre noi lucra la un alt muzeu din ţară. Trebuie să recunosc şi faptul că practica de pe şantierele de la Bicaz a fost pentru mine un bun prilej să-mi însuşesc mult mai bine tehnicile de cercetare, dar, în acelaşi timp, am reuşit să devin un mai bun vorbitor de limba română.

Aţi condus destinele muzeului din Satu-Mare aproape trei decenii, timp în care aţi avut şi o prolifică activitate arheologică. Ce a determinat orientarea d-voastră către studierea epocii bronzului?

Deşi nu terminasem facultatea, în ianuarie 1958 am preluat conducerea Muzeului din Satu-Mare, deoarece autorităţile locale din acea perioadă au dorit ca eu să mă ocup de muzeu şi să nu rămân la Cluj. Aşa cum aminteam şi mai sus, preocupările mele pentru studierea epocii bronzului au fost încurajate de profesorul Horedt. În vremurile ace-

3. Carol Kacsó, Doina Leahu, Tiberiu Bader, Paul Damian, Alexandru Vulpe în Stuttgart (2000, arhiva C. Kacsó).

4. Attila László şi Tiberiu Bader în Ucraina (2005, arhiva C. Kacsó).

lea, era o adevărată ,,modă" cercetarea perioadei dacice, dar pentru mine acest domeniu nu a reprezentat o prioritate, motiv pentru care am ales să cercetez epoca metalelor. Desigur, marile depozite de bronzuri cunoscute atunci mă fascinau, iar cel de la Apa mi-a deschis noi orizonturi.

Din 1988 sunteţi stabilit în Germania. Când s-a produs totuşi primul contact ştiinţific cu lumea germană? Cum a fost trecerea de la arheologia care se făcea în România în acea perioadă la cercetarea arheologică germană?

Sincer să fiu, nu mi-am dorit să părăsesc România şi nici să abandonez cercetarea epocii bronzului din nord-vestul ţării, însă am fost nevoit să plec din motive familiale. Fiicele mele au făcut şcoală germană în Satu-Mare, vorbeau foarte bine limba şi au vrut să se împlinească profesional în Germania. A fost o alegere bună atât pentru ele, cât şi pentru mine. Fiica cea mare, Helga, conduce contactele cu străinătatea ale unei instituţii din Germania, iar cealaltă fiică, Emese, conduce o fabrică germană în Ungaria. În ceea ce priveşte primele mele contacte cu ştiinţa arheologică germană, cred că s-au produs în perioada studenţiei sau imediat după aceea, odată cu studierea unor lucrări apărute în Germania. Ulterior, am beneficiat şi de o bursă DAAD la Frankfurt pe Main, iar acest fapt m-a ajutat să înţeleg mai bine mentalitatea şi rigoarea germană în cercetarea arheologică. După ce m-am stabilit în această ţară, am preluat conducerea săpăturilor arheologice din oraşul Ulm, unde, în zona centrală, se planifica o construcţie de mari dimensiuni. Cercetările preventive din această locaţie au durat trei ani, iar munca de coordonare mi-a revenit mie. Am avut un atu în faptul că sunt poliglot, iar muncitorii erau din ţări diferite, fapt ce mă ajuta să organizez şi să dirijez mai bine cercetarea.

La începutul anilor '90 aţi ajuns să lucraţi la un muzeu faimos, la Keltenmuseum din Hochdorf. Vă rugăm să ne oferiţi câteva repere mai importante din istoria acestui muzeu şi care a fost rolul dumneavoastră în activitatea sa.

De fapt, sunt fondatorul şi primul director al acestui muzeu. Am lucrat la Denkmalpfelge Württemberg şi primarul de la Eberdingen, Hochdorf a

5. Tiberiu Bader, Ioan Bejinariu şi Václav Furmánek la un simpozion la Satu Mare (2011, arhiva C. Kacsó)

fost informat că un specialist de aici cunoaşte arheologia celţilor din Europa şi ştie mai multe limbi străine. După ce am avut o discuţie cu dânsul, am preluat destinele Muzeului Celtic din Hochdorf, Enz. Principala mea sarcină a fost să fac acest muzeu cunoscut în Europa şi, fără să fiu lipsit de modestie, aş spune că am şi reuşit. Este un obiectiv istoric cu adevărat fascinant – atât prin ceea ce înseamnă construcţia acestui monument funerar, cât şi prin inventarul arheologic păstrat.

Întrucât activitatea dumneavoastră în domeniul muzeal, cel puţin la Hochdorf, a implicat multă reconstituire istorică, pentru a spori atractivitatea unui monument funerar, vă rugăm să ne spuneţi cât de important trebuie să fie acest aspect în existenţa oricărui muzeu sau sit arheologic?

Mormântul princiar celtic din Hochdorf l-am reconstruit în muzeu aşa cum era în realitate, folosind materiale originale şi respectând cele mai mici detalii. Reconstituirea a însemnat inclusiv refacerea tumulului înalt de 6 m. Am considerat că este cea mai bună modalitate de a pune în valoare un obiectiv arheologic de excepţie. De altfel, la ora actuală, majoritatea muzeelor aşa ar trebui să-şi prezinte măcar o parte din patrimoniu, prin reconstituiri care să ajute publicul să înţeleagă mai bine modul de viaţă al oamenilor din diverse epoci.

Sunteţi recunoscut drept o autoritate în cercetarea epocii bronzului european, prin monografiile şi studiile publicate. Din punctul dumneavoastră de vedere, cum puteţi raporta cercetarea arheologică românească la cea occidentală, inclusiv în ceea ce înseamnă preocupările pentru epoca metalelor?

Cercetarea arheologică românească, privită din afara ţării, face progrese remarcabile. Încet, dar sigur, se aliniază unor tendinţe care există la ora actuală la nivel european şi lucrul acesta nu poate fi decât benefic. În plus, graniţele culturale preistorice nu sunt aceleaşi cu actualele hotare, deci preocupările arheologilor din ţări apropiate pot să coincidă. Ca să vă dau câteva exemple mai cunoscute, aş aminti că vestita cultură Otomani-Füzesabony, sau cultura Suciu de Sus, acoperă areale geografice din ţări diferite, iar cercetarea lor este în atenţia atât a specialiştilor din România, cât şi a celor din Ungaria, Ucraina, Polonia şi chiar Germania.

Stimate domnule Bader, vă mulţumim că aţi împărtăşit cu noi aceste gânduri care, cu siguranţă, vor fi apreciate de comunitatea arheologică românească!

14.05.2020

Dr. Vasile Diaconu, Complexul Muzeal Judeţean Neamţ, Muzeul de Istorie şi Etnografie Târgu Neamţ, str. Ştefan cel Mare, 37, Târgu Neamţ, România, e-mail: diavas_n82@yahoo.com

CRONICA DESCOPERIRILOR MONETARE (XIV)

Ana Boldureanu

Cuvinte-cheie: descoperiri monetare, cetatea Tighina, Costeşti, raionul Ialoveni, para, şiling, copeică.

Conform tradiţiei, în acest articol sunt prezentate descoperirile monetare văzute de autor în a doua jumătate a anului 2019 şi prima jumătate a anului 2020. Spre deosebire de alte perioade, din condiţii obiective legate, în primul rând, de pandemia de coronavirus, înregistrările de monede sunt mult mai puţine. Astfel, pentru epoca antică, am reuşit să notăm o singură monedă, dar şi aceea cu loc nesigur de descoperire. Este vorba despre un *antoninian* din metal comun, de la împăratul Aurelian (270-275), bătut la Cyzicus.

La începutul toamnei anului 2020, am aflat o informaţie referitoare la descoperirea unui tezaur alcătuit din monede bizantine de aur, provenit de undeva din părţile de nord ale republicii. Am reuşit sa obţinem pozele monedelor din tezaur, dar, poate, doar ale unui lot din acesta, caci nu ni s-a comunicat numărul exemplarelor din componenţa lui. Identificările făcute în baza pozelor nu sunt foarte sigure, dar am reuşit să constatăm prezenta unei emisiuni *nomisma histamenon* de la Mihail al VII-lea Duca (1071-1078) şi a 13 exemplare de *hiperperi* de la Mihail al VIII-lea Paleologul (1261-1282), toate bătute la Constantinopol. Din cauza imaginii neclare, o monedă din lot a rămas neidentificată.

Am introdus în *Cronică* mai multe monede provenite de pe teritoriul sitului arheologic Costeşti, raionul Ialoveni, aflate în colecţia privata a unui locuitor din sat. Toate monedele reprezintă emisiuni cunoscute, care au mai fost atestate în această localitate. Menţionam o emisiune de argint de la hanul Tokta (1290-1312), bătută la Krım, câteva exemplare de dirhemi de argint de la Uzbek (712-741AH / 1313-1341), care sunt destul de frecvenţi în descoperirile de la Costeşti, fiind înregistrat recent şi un tezaur cu astfel de piese (Boldureanu, Nicolae 2019, 12-13).

La 5 iunie 2017, Nicolae Kiuev a recuperat în preajma cetăţii Tighina un lot de monede medievale, transmise Comisiei Naţionale Arheologice, iar ulterior Muzeului Naţional de Istorie a Moldovei. Acestea reprezintă emisiuni de parale otomane, şilingi polonezi şi imitaţii după cei suedezi, un denar unguresc de la Rudolf al II-lea (1576-1608) şi emisiuni ghiraide. Despre monedele găsite în împrejurimile cetăţii a comunicat anterior Andrei Crivenco, prezentând 80 de emisiuni ale Imperiului Otoman şi Hanatului Crimeii. Monedele au fost găsite pe parcursul anilor 2008-2009, pe un teren cu lăţimea de 350-400 m şi lungimea de 1500 m, situat între râul Nistru şi cetatea Tighina/Bender. Cea mai timpurie monedă este un aspru otoman de la Mehmed al II-lea (domnia a II-a), a. 865 AH, Novar, iar cea mai recentă este o para de la Selim al III-lea, 1203 AH, Istanbul (Crivenco 2009, 23-24).

Monede antice şi bizantine

1. *Anenii Noi*, oraş. În vara anului 2020, o locuitoare a oraşului Anenii Noi a adus la Muzeul Naţional de Istorie a Moldovei, pentru identificare, o monedă romană, aflată de mai mulţi ani în colecţia mamei sale, care a găsit-o undeva în împrejurimi.

IMPERIUL ROMAN
Aurelian (270-275)
Antoninianus
Cyzicus
Av. [IMP] C DOM [AVRELIANVS AVG]; bust drapat şi radiat spre dreapta
Rv. [FEL]ICIT T[EMP]; Felicitas în picioare spre stânga, ţinând în mâna dreaptă un caduceu lung, iar în stânga – cornul abundenţei.
AE 3 g; 20 mm; tocită, patinată.
RIC V, I, 327.
Informaţie: Ana Boldureanu.

* Acest articol a fost elaborat în cadrul proiectului 20.80009.0807.43 „Patrimoniul muzeal şi memoria istorică: cercetare, interpretare, prezentare”.

2. *Republica Moldova*, passim. În toamna anului 2020 s-a aflat despre descoperirea unui tezaur alcătuit din monede bizantine de aur, provenit, conform informatorilor, din nordul ţării. Nu se cunoaşte numărul exact al pieselor aflate în componenţa descoperirii. Noi am reuşit să obţinem pozele tezaurului sau ale unui lot din acesta, dar de o calitate destul de proastă. Analizând fotografiile, constatăm prezenţa unei emisiuni *nomisma histamenon* (Constantinopol) de la Mihail al VII-lea Duca (1071-1078), 13 exemplare de *hiperperi* de Constantinopol de la Mihail al VIII-lea Paleologul (1261-1282), iar una dintre monede este nedeterminată.

Informaţie: Ana Boldureanu şi Sergiu Matveev.

Monede medievale şi moderne

1. *Costeşti*, raionul Ialoveni. Monedele au fost aduse la Muzeul Naţional de Istorie a Moldovei, pentru identificare, de către Sergiu Ţurcanu, locuitor din sat. Conform celor spuse de descoperitor, piesele au fost găsite în malul râului Botna. Acesta a donat Muzeului şi alte obiecte din epoca Hoardei de aur, găsite pe teritoriul terenului aflat în proprietatea familiei, cum ar fi fragmente de oglindă, o puşculiţă de lut, fragment de sferoconus, o pafta, precum şi mai multe fragmente ceramice. Monedele se prezintă după cum urmează:

HOARDA DE AUR
Tokta (1290-1312)
Dirhem
Krım
Av. *Han / al-adil / Tokta* în cartuş liniar; cerc perlat; cerc liniar;
Rv. În centru tamga a Casei lui Batu; în dreapta *duri be*; în stânga *Krım*. Sub tamga sigla O, mai jos anul 707. Лебедев 1990, 142, nr. 16.
1. AR, 1,00 g; 16,5 mm.

Uzbek (712-741 AH / 1313-1341)
Av. Lā ilāh illā Allah Muhammad / rasūl Allah; cerc liniar;
Rv. Han/ al - adil / Uzbek în cartuş pătrat perlat; cerc liniar; an neprecizat. Лебедев 2000, 34-35, nr. 17.
2. AR ↓1,09 g; 18 mm.

3. AR, 0,92; 16,8 mm.

4. AR, 0,93; 15×18 mm.

Puluri
Krım
Anonimă
Av. Cartuş pătrat, în centru – rozetă cu opt petale;
Rv. Cartuş pătrat, latura de jos fiind intersectată de tamgaua Casei Batu; sus şi lateral *Duri be Krım*.
5. AE 0,92; 18×19 mm.

Tip Costeşti-Gârla I

Av. Tamga cu trei picioare, având piciorul din stânga răsfrânt spre stânga, iar cel drept are o poziţie nesigură în partea de jos; pseudo-legenda neclară, cercul liniar nu se observă.
Rv. Inscriptia Kutlug / bolsun, dispusă în două rânduri; cerc liniar.

6. AE ↑1,45 g; 16×17,5 mm.

7. AE ↑0,69 g; 15,9×17,5 mm; ruptă dintr-o parte.

8. AE ⇞0,72 g; 17×14,9 mm.

9. AE 1 1,44 g; 16×17,2 mm.

Informaţie: Ana Boldureanu.

2. *Mereni*, raionul Anenii Noi. I. Locuitorul satului Sergiu Buga, în timpul prăşitului în propria grădină, prin anul 2015, a descoperit o monedă rusească de cupru.

IMPERIUL RUS
Alexandr II (1855-1881)
Ekaterinburg
5 copeici, 1833;
1. AE 21,26 g; 36,8 mm; siglele ЕМ ФХ, tocită, oxidată. Биткин 2003, 487.

II. Din aceeaşi localitate provin alte două monede, găsite de Iulia Ciobanu aproximativ în anul 2005 după o ploaie, pe un drum din fostul cătun Petreuca (azi dispărut), la circa 4 km NE de satul Mereni.

AUSTRIA (Casa de Habsburg)
Francisc Iosif I (1848-1916)
10 heller, 1895
Av. Acvila bicefală imperială cu scutul Casei de Habsburg-Lorena pe piept;
Rv. Valoarea nominală şi milesimul (10 / 1895) în centrul unui scut ornamental.
Gravori: Anton Scharf, Rudolf Neuberger. KM♯2802.
2. Ni 2,93 g; 19 mm.

URSS
20 copeici, 1925
3. AR 3,46 g; 22 mm.

Informaţie: Larisa Ciobanu şi Ana Boldureanu

3. *Taraclia,* raionul Taraclia. O monedă a fost descoperită în cadrul săpăturilor arheologice de la Taraclia-Gaidabul la 15 august 2019, cenuşar, suprafaţa 6, carou HI-2, strat 1.

IMPERIUL RUS
Nicolai I (1801-1825), 5 copeici, 1823, Ecaterinburg. Биткин 2003, 387.
AE 6,18 g; 25,2×26,1 mm.

Informație: Ana Boldureanu

4. *Tighina*, oraş. La 5 iunie 2017, cetățeanul Nicolae Kiuev a recuperat în apropiere de cetatea Tighina un lot, alcătuit din 16 monede din argint și cupru, pe care le-a predat Comisiei Naționale de Arheologie. Monedele au intrat în patrimoniul Muzeului Național de Istorie a Moldovei. Din cauza stării proaste de păstrare, au fost identificate doar 10 exemplare.

IMPERIUL OTOMAN
Mahmud I 1143-1168 AH/1730-1754
Kostantaniye
Para
1143 AH
1-2. AR ↙ 0,48 g, 15,6 mm, perforată. ← 0,24 g, 12,9 mm, ruptă pe margini. Nuri 1968, 523.

IMPERIUL ROMANO-GERMAN
Rudolf II (1576-1608)
Denar
1583, K-B. Huszar 1976, 1059.
3. AR ↓ 0,37, 15,5 mm.

POLONIA
Șilingi
Sigismund III (1587-1632)
Coroana, an neprecizat.
4. AR ↗0,49, 16,3 mm.

Riga, 1590
5. AR ↑1,03, 16,1 mm. Kopicki 2004, 1342.

Lituania
Wilno, 1623

6. AR ↑0,25, 16 mm, fragmentată. Kopicki 2004, 1180.

Emitent neprecizat.
7. AR 0,24, 16 mm.

SUEDIA / MOLDOVA
Christina (1632-1654)
Riga, an. neprec.
8. AE ↑ 0,49, 14,8×15,0 mm.

9. AE 0,48, 16,9 mm, puternic tocită, perforată, ruptă pe margini.

HANATUL CRIMEEA
Selim bin Bahadur, II domnie (1095-1102 AH \ 1684-1691)
Bahcisaray
10. BI 0,70, 15,5×16,1 mm, perforată.

Bibliografie

Boldureanu, Nicolae 2019: A. Boldureanu, E. Nicolae, Un tezaur de monede ale Hoardei de Aur, descoperit la Costesti, raionul Ialoveni, Republica Moldova. In: Al XVIII-lea simpozion de numismatică. Programul și rezumatele comunicărilor, 24-25 octombrie 2019 (Chisinau 2019), 12-13.

Crivenco 2009: A. Crivenco, Monede otomane și girayde descoperite la Tighina. In: Al X-lea Simpozion de Numismatică. Programul și rezumatele comunicărilor. Chișinău, 12-13 noiembrie 2009 (Chișinău 2009), 23-24.

Huszar 1976: L. Huszar, Munzkatalog Ungarn. 1000 bis Heute (Budapest 1976).

Kopicki 2004: E. Kopicki, Monety Zygmunta III Wazy (Szczecin 2004).

Nicolae 2003: E. Nicolae, Monedele de tip Costeşti-Gârla. In: Simpozion de numismatică, dedicat centenarului Societăţii Numismatice Române (1903-2003): comunicări, studii şi note. Chişinău, 26-28 noiembrie 2003 (Bucureşti 2005), 89-104.

Nuri 1968: P. Nuri, Osmanlilarda Madenî Paralar (Istanbul 1968).

RIC V: The Roman Imperial Coinage, v. V, p. I (London 1927).

Биткин 2003: В. Биткин, Сводный каталог монет России, том. 2 (1740-1917) (Киев 2003).

Лебедев 1990: В.П. Лебедев, Символика и язык монет Крыма золотоордынского периода. В сб.: Нумизматические исследования по истории Юго-Восточной Европы (Кишинев 1990), 139-156.

Лебедев 2000: В.П. Лебедев, Корпус монет Крыма в составе Золотой Орды. Анонимный чекан рубежа XIII-XIV вв. и монеты Узбек-хана (1312-1339). Нумизматика и фалеристика 2 (14), 2000, 32-35.

Chronicle of coin finds (XIV)

Keywords: coin finds, Tighina (Bendery) Fortress, Costeşti, Ialoveni District, para, shilling, kopeck.

Abstract: The author presents coin finds, which became known in the second half of 2019 and the first half of 2020. Only one coin belongs to the classical period, namely the antoninianus made of common metal of the time of Emperor Aurelian (270-275), minted in Cyzicus. In the north of the Republic of Moldova, a hoard of Byzantine coins was discovered, containing histamena of Michael VII Doukas (1071-1078) and 13 *hyperpyra* of Michael VIII Palaiologos (1261-1282), all minted in Constantinople. Medieval coins are represented by finds from the village of Costesti of the Ialoveni District and many coins found near the Tighina Fortress. Also, several coins of modern times were attested, namely Russian coins found in the village of Mereni of the Anenii Noi District and in Taraclia.

Хроника монетных находок (XIV)

Ключевые слова: монетные находки, крепость Тигина (Бендерская крепость), Костешть, Яловенский район, пара, шиллинг, копейка.

Резюме: Автор представляет монетные находки, о которых стало известно во второй половине 2019 года и первой половине 2020 года. К античной эпохе относится только одна монета – антониниан из простого металла времен императора Аврелиана (270-275), отчеканенный в Кизике. На севере Республики Молдова был обнаружен клад византийских монет, содержащий гистаменоны Михаила VII Дуки (1071-1078 гг.) и 13 экземпляров иперпиров Михаила VIII Палеолога (1261-1282 гг.), все отчеканенные в Константинополе. Средневековые монеты представлены находками из села Костешть Яловенского района и множеством монет, найденных недалеко от Бендерской крепости. Также было отмечено несколько монет нового времени, а именно русские монеты, обнаруженные в селе Мерень Новоаненского района и в Тараклии.

20.10.2020

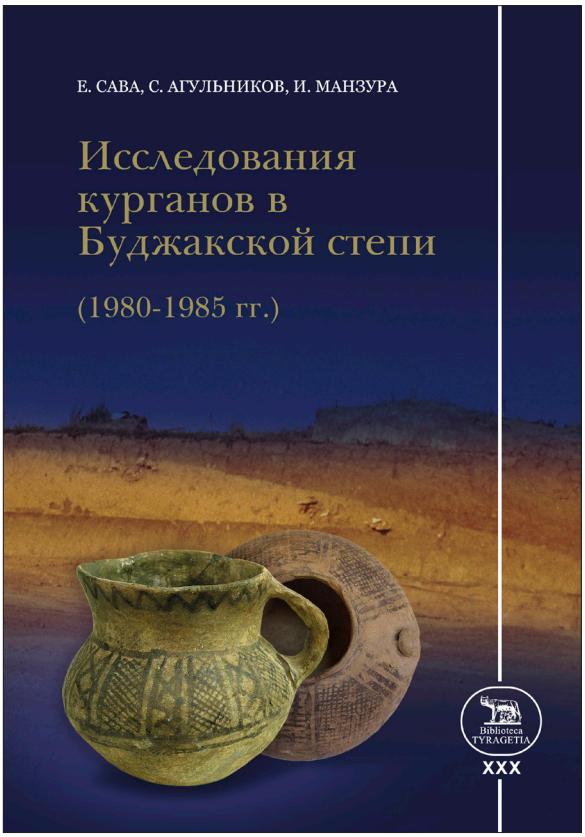
Dr. Ana Boldureanu, Muzeul Naţional de Istorie a Moldovei, str. 31 August, 121-A, MD-2012 Chişinău, Republica Moldova, https://orcid.org/0000-0002-3686-1393, e-mail: anaboldureanu@yahoo.com

Е. Сава, С. Агульников, И. Манзура, ИССЛЕДОВАНИЯ КУРГАНОВ В БУДЖАКСКОЙ СТЕПИ (1980-1985 гг.)

Кишинев: Bons Offices, 2019, 368 с., ISBN: 978-9975-87-560-8

Монография Е.Н. Савы, С.М. Агульникова и И.В. Манзуры, посвященная исследованиям трех курганных групп у Балабану, Казаклии и Тараклии – без преувеличения, одна из самых долгожданных работ в погребальной археологии степей Восточной Европы. Как показывает практика, в среднем между раскопками курганов на территории правобережной Молдовы и их введением в научный оборот проходит чуть более десяти лет, но чаще – шесть–семь. В данном случае полная публикация раскопок случилась почти через сорок лет после их начала. Безусловно, серия статей, посвященная отдельным курганам и погребениям, несколько скрашивала ожидание, но ее количественный охват – менее трети раскопанных насыпей. Хотя, признаться, в качественном отношении эта разница ощущалась гораздо слабее, поскольку получили освещение важнейшие погребальные комплексы и артефакты.

Авторы монографии – авторитетные ученые, хорошо известные далеко за пределами своей страны и степей Северного Причерноморья. Их научные интересы, отчасти пересекаясь, образуют поистине синергетический эффект для разрешения проблемных ситуаций от позднего энеолита до эпохи поздней бронзы. Вероятно, именно этой синергии обязан объем обработанной информации, представленной научному сообществу. Кроме того, к периоду, который охватывает проблематика книги, относится больше половины всех известных насыпей и свыше двух третей погребений на западной окраине Понтийско-Каспийской степи. По всей видимости, курган – самый распространенный вид археологического памятника, по крайней мере, в Евразии. Согласно последним подсчетам, на территории Днестровско-Прутского междуречья располагается не менее 10700 курганов (Topal, Vornic, Popovici 2019, 7), при этом на правобережные районы Молдовы приходит-



ся 6290 насыпей. В среднем на 100 км² территории между Днестром и Прутом – 2,5 кургана, хотя средняя плотность курганов в Республике Молдова – 2 кургана на 100 км². Максимальная плотность зафиксирована в южных районах страны: в Каушанском (330 насыпей или 5,1 кургана на 100 км²) и Штефан-Водэ (288; 4,5), минимальная в центральных – в Страшенском (11; 0,15) и Ниспоренском (13; 0,2). На территории Тараклийского района и Гагаузии (где и расположены курганы микрозоны Казаклия-Тараклия-Балабану) задокументировано 208 и 703 погребальных насыпи с плотностью 3,1 и 3,8 кургана на 100 км² соответственно (рис. 1/II).

Стационарные археологические исследования курганных могильников в Бессарабской губернии (с последующей научной публика-

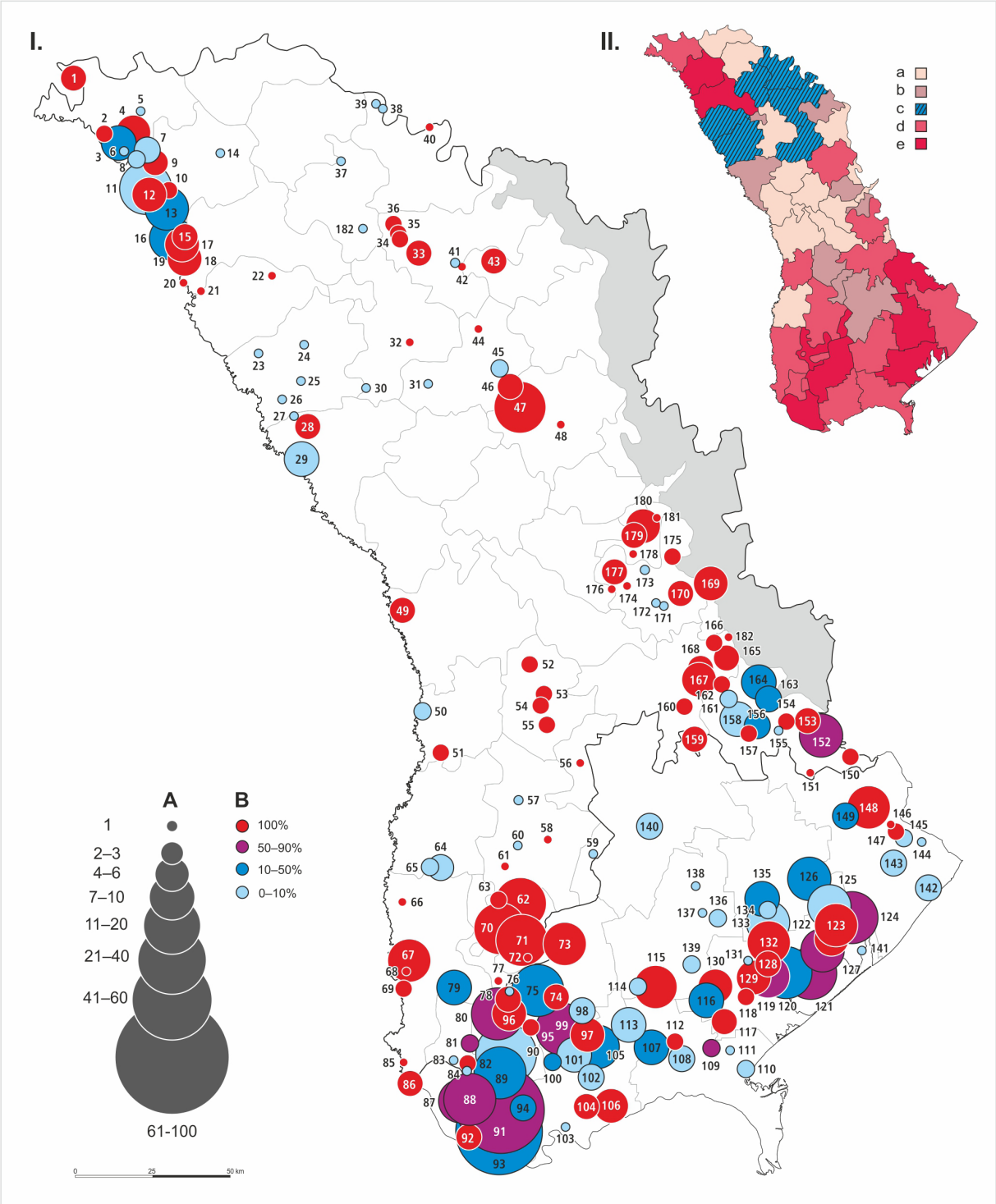


Рис. 1. Введение курганов в научный оборот (I: a - количество курганов, раскопанных в могильнике, b - процент опубликованных курганов) и выявление зон с наибольшим исследовательским потенциалом (II: a - низкая плотность (>2 курганов на кв. км), низкая степень исследованности (>1%), b - низкая плотность (>2 курганов на кв. км), низкая степень исследованности (>1%), c - высокая плотность (<2 курганов на кв. км), низкая степень исследованности (>1%), d - высокая плотность (<2 курганов на кв. км), средняя степень исследованности (1-11%), e - высокая плотность (<2 курганов на кв. км), высокая степень исследованности (<12%)).

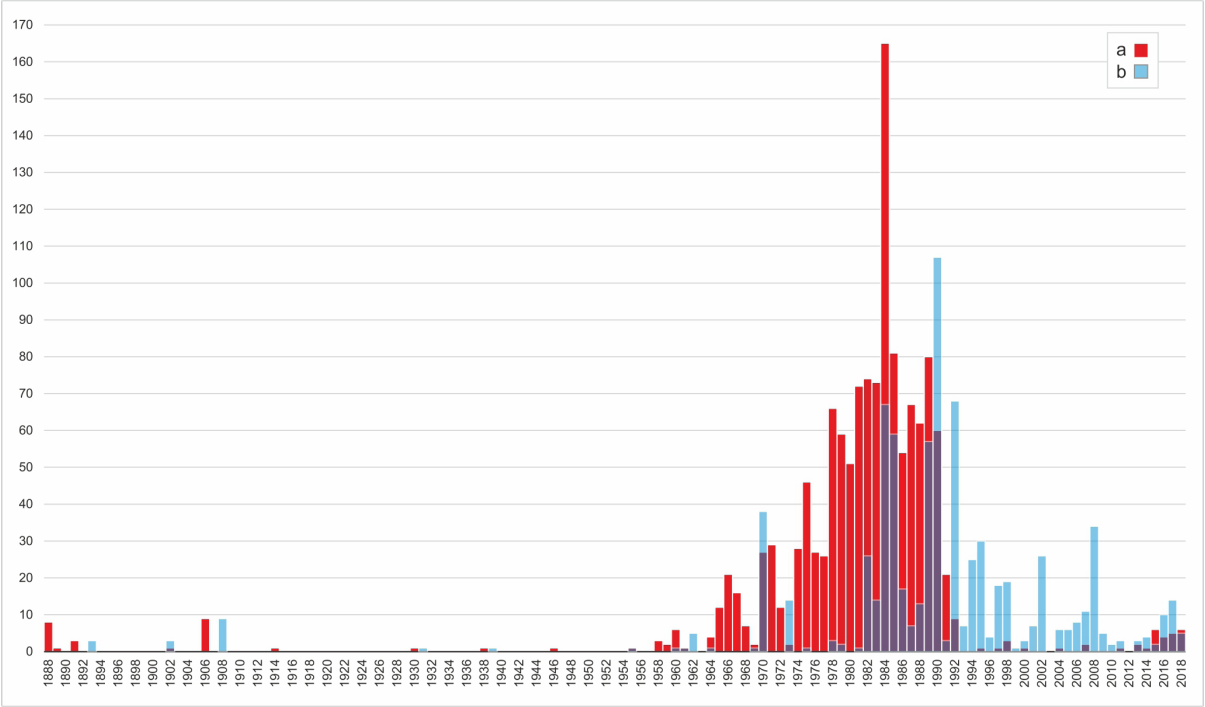


Рис. 2. Исследование и публикация курганных материалов (A - раскопанные курганы, B - курганы, введенные в научный оборот).

цией) впервые были осуществлены еще в XIX веке, а на территории современной Республики Молдова – в начале XX в. В Молдове, на правом берегу Днестра первый курган был раскопан Э.Р. фон Штерном в мае 1902 г. у с. Петрены (Штерн 1904, 71). В том же году «любителями старины» А.Л. Крыловым и И.Н. Халиппой у с. Чеколтены было вскрыто шесть насыпей, однако работы не фиксировались и не документировались, хотя и получили отражение в небольшой эмоциональной заметке (Крылов 1907, 298). Отдельные курганные исследования производились и в межвоенный период: в 1920-е годы. А. Доничем была обследована поверхность кургана у с. Нэвырнец и собрана богатая антропологическая коллекция (Donici 1928). В 1938 г. И.М. Суховым у Чимишлии был исследован курган с предположительно ямным захоронением, а Н. Морошаном был раскопан и опубликован курган (Moroşan 1939, 261) с четырьмя позднекочевническими погребениями у с. Копанка (Chetraru 1994, 127, 129).

Отдельные раскопки осуществлялись после Второй мировой войны (Оболдуева 1955; Кетрару 1969; Мелюкова 1962а; Мелюкова 1962б), однако масштабное изучение курганных могильников было развернуто с 1964 г. и без перерывов продолжалось вплоть до начала 1990-х. С 1992 по 2011 год в правобережной части Республики Молдова не было раскопано ни одного кургана, но активно продолжается введение раскопанных ранее материалов в научный оборот. С началом 2010-х годов курганные исследования возобновляются и почти без перерывов ведутся по сегодняшний день. С конца XIX века между Днестром и Прутом было раскопано не менее 1323 курганов, содержавших более 6300 погребений. В результате было введено (полностью или частично) в научный оборот 830 (63%): 380 (из 499 раскопанных, 76%) с территории Республики Молдова и 450 (из 824, 54%) из Одесской области (рис. 1/I). Пик исследований приходится на 1980-е годы, при этом в первой половине десятилетия (к которой относятся и материалы

рецензируемой монографии) производится больше раскопок, а вторая половина отличается бóльшим количеством опубликованных материалов (рис. 2). С 1930-х годов между Днестром и Прутом, на территории Республики Молдова, было введено (полностью или частично) в научный оборот около 380 курганов (содержавших свыше 2400 погребений). В абсолютном отношении больше всего исследованных курганов находится на территории Ренийского (208 или 35,2% курганов), Болградского (180; 19,8%) и Татарбунарского районов (165; 22,4%) Одесской области. В Республике Молдова наиболее исследованными (до выхода рецензируемой работы) являются Единецкий (68 или 21% курганов), Штефан-Водский (57; 16,5%) и Тараклийский районы (51; 19,6%). Поэтому, вне всякого сомнения, материалы, подготовленные к печати Е.Н. Савой, С.М. Агульниковым, И.В. Манзурой (из 56 курганов и 365 погребений), способны существенно дополнить корпус источников по курганной археологии региона.

Структура монографии вписывается в традиционную для большей части публикаций курганных материалов схему — после краткого историографического экскурса следуют описания курганов и погребений, затем — характеристика культурно-хронологических групп. Небольшой раздел, посвященный истории исследования (во введении), отличается чрезвычайной лаконичностью, хотя отсылка на главу в монографии Г.Ф. Чеботаренко, Е.В. Ярового и Н.П. Тельнова (1989) вряд ли способна удовлетворить заинтересованного читателя. Тем более что ряд наблюдений и, разумеется, оценок, приведенных в этом обзоре (опубликованном, к слову, более 30 лет назад), давно стоит пересмотреть. Кроме того, список памятников, исследованных в западном Буджаке и на Нижнем Пруте с начала 1990-х годов, можно дополнить ссылками на опубликованные материалы раскопок у следующих населенных пунктов: Вадуллуй-Исак в 1991 г. (Agulnikov, Ursu 2008), Гэвэноаса в 1992 г. (Agulnikov, Popovici 2015) Филипень в 2015 г. (Agulnikov, Ciobanu 2016) и Александру-Ион-Куза в 2017 г. (Попович, Чобану 2018).

Судя по особенностям планировки и корреляции с рельефом, курганные насыпи групп Казаклия II, Тараклия II, исследованные авторами монографии и группы Тараклия I (раскопанной В.А. Дергачевым), составляют единый могильник. Если это так, то некрополь у Казаклии-Тараклии – крупнейший в своем роде на территории правобережной Молдовы и один из самых крупных в Северо-Западном Причерноморье. Кроме того, этот погребальный мегакомплекс функционировал с позднего энеолита до позднего средневековья на протяжении пяти тысяч лет с относительно небольшими перерывами в 100-200 лет. Это отчасти справедливо и для Балабану II, представленной в рецензируемой монографии, которая вместе с группой Балабану I, раскопанной Г.Ф. Чеботаренко, образует единый могильник. Поэтому кажется логичным распространить наблюдения, касающиеся публикуемых комплексов, и на материалы, раскопанные ранее. Вероятно, с их помощью можно было бы рассмотреть и пространственно-хронологическую динамику микрозоны Казаклия-Тараклия-Балабану. По всей видимости, это не входило в задачи рецензируемой работы, хотя, например, одним из авторов книги такой подход был продемонстрирован на примере Брэвиченского курганного могильника (Ларина, Манзура, Хахеу 2008, рис. 66-69).

Характеристика культурно-хронологических групп, учитывая непрерывность и длительность функционирования могильников, может служить своего рода пособием по курганной археологии региона, в котором представлены почти все культурные сообщества, практиковавшие этот обряд погребения. Принципиальное значение имеет попытка разделить комплексы позднего энеолита - ранней бронзы (первоначально отнесенные авторами исследования к усатовской культуре) на три совершенно разные группы по своему культурному происхождению, а главное – по хронологическим особенностям. Не находит объяснения полное отсутствие захоронений буджакского варианта ямной культуры, притом что к ямной культурно-исторической общности отнесено 115 погре-

бений, а это около трети всех комплексов, опубликованных в монографии. Вообще практика возведения насыпей в Северо-Западном Причерноморье, по всей видимости, появляется не позже второй четверти IV тыс. до н.э. и продолжается вплоть до Нового времени, пока в Буджакской степи еще сохраняется ногайское население. Однако возведение курганов связано в основном с носителями ямной культуры и скифо-сарматскими племенами. Поэтому насыпи, воздвигнутые представителями катакомбной культуры, культуры многоваликовой керамики, средневековыми кочевниками, опубликованные в рецензируемой монографии, вызывают особый интерес.

В заключении отмечу, что культурно-хронологические характеристики выведены исключительно археологическими методами, среди которых – поиск аналогий, построение относительной хронологии, типологические штудии. Это не может не вызывать уважения, однако за последние десятилетия повседневный археологический арсенал был существенно пополнен, а потому многие из наблюдений и, что важнее, аргументация могут быть серьезно усилены при помощи естественных методов. Конечно, беспрецедентный объем материала усложняет эту задачу, но отнюдь не делает ее невозможной. В любом случае первоначальный вклад авторов в виде обобщающей монографии уже сделан. И хотя материал для дендрохронологических, педологических анализов (вероятно (?)) безвозвратно утерян, радиоуглеродное датирование, палеогенетические, палеодиетические, палеопатологические исследования микрозоны Казаклии-Тараклии-Балабану все еще ждут своего часа. Разумеется, даже если замечания, вынесенные в данную рецензию, и справедливы, они нисколько не снижают ни качества монографии, ни ценности материала, введенного в научный оборот. Этой работе суждена долгая жизнь в качестве полноценного археологического источника, благодаря которому будут появляться наблюдения, проверяться гипотезы и тестироваться теории будущих исследователей.

Библиография

Кетрару 1969: Н.А. Кетрару, Археологические исследования в Кагульском районе в 1958 году. В сб.: (Отв. ред. Л.Л. Полевой) Далекое прошлое Молдавии (Кишинев 1969), 35-54.

Крылов 1907: А.Л. Крылов, Маленькая археологическая экскурсия: Пробные раскопки в с. Чеколтены Оргеевского уезда. Труды БГУАК 3, 1907, 297-299.

Ларина, Манзура, Хахеу 2008: О.В. Ларина, И.В. Манзура, В.П. Хахеу, Брэвиченские курганы (Кишинев 2008).

Мелюкова 1962а: А.И. Мелюкова, Курган усатовского типа у села Тудорово. КСИА 88, 1962, 74-83.

Мелюкова 1962б: А.И. Мелюкова, Курганы эпохи бронзы у с. Оланешты. КСИА 89, 1962, 30-37.

Оболдуева 1955: Т.Г. Оболдуева, Курган эпохи бронзы на р. Когильник. Известия МФ АН СССР 5 (25), 1955, 31-48.

Попович, Чобану 2018: С. Попович, И. Чобану, Раскопки кургана №8 у с. Александру Ион Куза (Кагульский р-н, Республика Молдова). Стародавнє Причорномор'я 12, 2018, 453-456.

Чеботаренко, Яровой, Тельнов 1989: Г.Ф. Чеботаренко, Е.В. Яровой, Н.П. Тельнов, Курганы Буджакской степи (Кишинев 1989).

Штерн 1904: Э.Р. фон Штерн, Предварительное сообщение о раскопках в имении Петрены, в Белецком уезде, Бессарабской губернии. ЗООИД 25, 1904, 69–72

Agulnikov, Ciobanu 2016: S. Agulnikov, I. Ciobanu, Rezultatele investigaţiilor arheologice asupra tumulilor de la Filipeni. Arheologia preventivă în Republica Moldova 3, 2016, 79-88.

Agulnikov, Popovici 2015: S. Agulnikov, S. Popovici, Rezultatele investigaţiilor arheologice în tumulul nr. 1 de la Găvănoasa, Raionul Cahul, Republica Moldova. Buridava XII (1), 2015, 176-185.

Agulnikov, Ursu 2008: S. Agulnikov, I. Ursu, Complexe funerare tumulare din zona Prutului Inferior. Revista Arheologică s.n. IV/1, 2008, 61-79.

Chetraru 1994: N. Chetraru, Din istoria arheologiei Moldovei (Basarabia şi Transnistria) (Chişinău 1994).

Donici 1928: A. Donici, Contribution á l'étude antropologique des Scythes. Archives suisses d'Anthropologie générale 1 (V), 1928, 321-327.

Moroşan 1939: N.N. Moroşan, Geologia şi preistoria regiunei Copanca. Buletinul Institutului de Cercetări Sociale al României. Regională Chişinău 2, 1939, 247-270.

Topal, Vornic, Popovici 2019: D. Topal, V. Vornic, S. Popovici, Consideraţii preliminare asupra peisajului tumular de pe teritoriul Republicii Moldova. Arheologia preventivă în Republica Moldova 4, 2019, 7-26.

07.06.2020

Др. Денис Топал, Национальный музей истории Молдовы, ул. 31 августа 1989 г., 121А, Кишинэу, Республика Молдова, http://orcid.org/0000-0002-8586-4427, e-mail: denis.topal@gmail.com

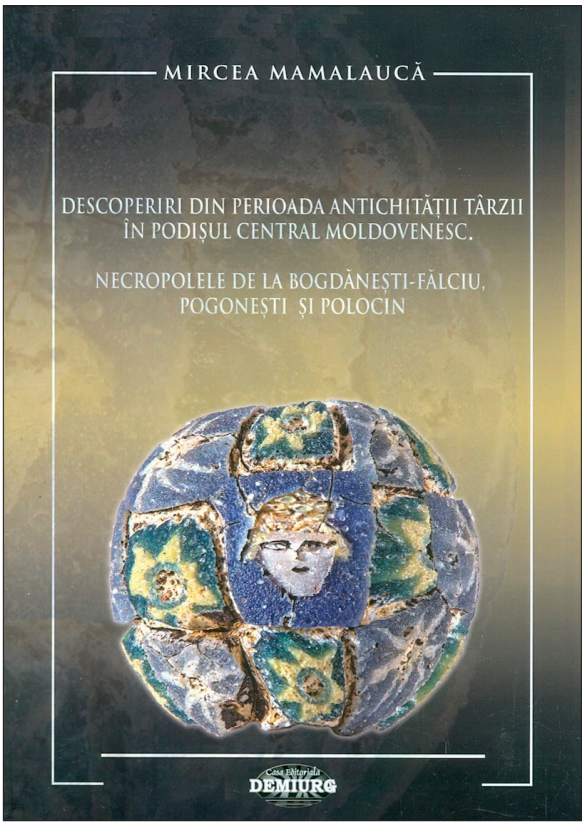
Mircea Mamalaucă, DESCOPERIRI DIN PERIOADA ANTICHITĂȚII TÂRZII ÎN PODIȘUL CENTRAL MOLDOVENESC. NECROPOLELE DE LA BOGDĂNEȘTI-FĂLCIU, POGONEȘTI ȘI POLOCIN

Iaşi: Casa Editorială Demiurg, 2018, 666 p., inclusiv 259 planşe alb-negru şi color, ISBN: 973-152-367-5

În anul 2018, la prestigioasa Casă Editorială Demiurg din Iaşi (laureată a Premiului Senghor-Césaire şi a Ordinului Francofoniei şi al Dialogului Culturilor „La Pléiade" în grad de Cavaler, acordate de Adunarea Parlamentară a Francofoniei [Berna, 2015]), a apărut o altă valoroasă monografie arheologică, de această dată elaborată de domnul Mircea Mamalaucă – *Descoperiri din perioada antichităţii târzii în Podişul Central Moldovenesc. Necropolele de la Bogdăneşti-Fălciu, Pogoneşti şi Polocin*. Lucrarea a fost publicată la relativ scurt timp după ce autorul a susţinut teza de doctor în istorie sub coordonarea ştiinţifică a distinsului arheolog, dr. Ion Ioniţă, cercetător ştiinţific I la Institutul de Arheologie al Academiei Române, filiala Iaşi.

Domnul profesor Ion Ioniţă semnează şi prefaţa acestei solide cărţi, subliniind faptul că monografia celor trei necropole vine ca un bilanţ al activităţii ştiinţifice prodigioase a autorului, „desfăşurate cu totală şi constantă dăruire", remarcând îndeosebi rigoarea pe care a demonstrat-o la cercetările de teren din necropolele de la Pogoneşti şi Polocin, la prelucrarea şi studierea cu competenţă a unui volum atât de mare şi de diversificat de materiale arheologice, textul lucrării fiind clar, dens, fluent şi fără cuvinte de prisos, iar vocabularul – adecvat, sobru şi echilibrat. Deosebit de importante sunt referirile domnului profesor la diferenţierile identificate în urma cercetărilor celor trei cimitire, subliniindu-se faptul că deseori în necropolele mai reduse ca număr de morminte se descoperă obiecte foarte rare şi de o reală valoare, cum ar fi mărgica din pastă de sticlă cu două imagini de feţe umane din mormântul 14 de la Polocin.

Cunoscut muzeograf şi arheolog, director al Muzeului „Vasile Pârvan" din Bârlad din anul 2006, domnul dr. Mircea Mamalaucă este preocupat de istoria şi arheologia epocii romane târzii şi a perioadei de început a migraţiei popoarelor în spaţiul est-carpatic pe parcursul a deja trei decenii, iniţiind şi realizând cu succes o serie de proiecte muzeografice şi ştiinţifice importante. Dintre acestea, evidenţiem amplul proiect transfrontalier „Antichitatea târzie în bazinul Prutului", derulat în cadrul Programului PHARE în anii 2008-2009, ce a inclus, printre altele, organizarea unei mari expoziţii itinerante şi publicarea catalogului „Antichitatea târzie în bazinul Prutului", la care au colaborat şi câţiva specialişti de la Chişinău, inclusiv subsemnaţii. De asemenea, domnul Mircea Mamalaucă a efectuat, începând cu anul 1991 şi până în 2010, săpături sistematice în necropolele din perioada migraţiei goţilor (sec. IV p. Chr.) de la Pogoneşti „La Movilă" şi Polocin „Islaz", iar mai recent, şi în cuprinsul unei aşezări de la Polocin, atribuite aceluiaşi orizont cultural şi cronologic.



Autorul a structurat lucrarea în şapte capitole, după cum urmează: I – *Introducere* (pp. 3-6), II – *Catalogul descoperirilor* (pp. 7-91), III – *Tipologia inventarului* (pp. 93-165), IV – *Practici funerare* (pp. 167-227), V – *Obiceiuri de port* (pp. 227-238), VI – *Cronologie* (pp. 239-255) şi VII – *Concluzii* (pp. 257-268). La acestea se adaugă un consistent şi foarte util rezumat în limba engleză al lucrării (pp. 269-359), bibliografia (pp. 359-368), indicele de autori şi localităţi, întocmit de dna dr. Alexandrina Ioniţă (pp. 269-273), abreviere (p. 374) şi ilustraţia cu 259 de planşe.

În primul capitol sunt prezentate pe scurt scopul, izvoarele, cadrul fizico-geografic şi stadiul cercetărilor, precum şi câteva informaţii despre structura şi conţinutul lucrării, prin care autorul valorifică din punct de vedere ştiinţific importantele descoperiri funerare din secolul al IV-lea p. Chr. de pe cursul inferior al râului Tutova – necropolele de la Pogoneşti şi Polocin (com. Pogoneşti, jud. Vaslui) – cercetările proprii ale domniei sale pe parcursul a mai bine de două decenii, – la care se adaugă datele şi vestigiile arheologice din cimitirul de acelaşi tip de la Bogdaneşti (com. Fălciu, jud. Vaslui), recoltate în timpul săpăturilor efectuate în anii 1967-1972 de regretatul arheolog Vasile Palade şi rămase nepublicate. Situate în partea de sud a Podişului Central Moldovenesc, respectiv în Podişul Bârladului, deosebit de bogat în descoperiri din sec. IV p. Chr., aceste situri arheologice se încadrează în cultura Sântana de Mureş-Černjachov, care este răspândită pe o vastă arie din răsăritul Europei şi constituie unul dintre complexele cultural-istorice cele mai importante ale continentului european din antichitatea târzie, când pe întinse spaţii au loc deplasări masive de populaţii şi transformări majore de ordin demografic, etnic, cultural şi politic.

Una dintre componentele de greutate ale monografiei îl constituie capitolul II, care cuprinde *corpus*-ul descoperirilor. Foarte judicios şi riguros alcătuit, catalogul reprezintă atât o solidă bază de date, pe care domnul M. Mamalaucă şi-a întemeiat analizele şi concluziile asupra celor trei cimitire de tip Sântana de Mureş-Černjachov din Podişul Bârladului, cât şi o importantă sursă documentară pentru studiile viitoare. Conţinând informaţii asupra tuturor complexelor şi a pieselor de inventar, catalogul a fost organizat distinct pe cele trei necropole, începând cu cea de la Bogdăneşti (152 morminte şi 19 gropi) şi continuând cu cele de la Pogoneşti (58 de morminte şi 3 gropi) şi Polocin (79 morminte şi 4 gropi). Pentru fiecare sit arheologic în parte, după o schemă unitară, se prezintă mai întâi, succint, istoricul cercetărilor, apoi mormintele, gropile şi obiectele descoperite *passim*. Descrierea standardizată a fiecărui mormânt din catalog include prezentarea lui amănunţită şi a elementelor de inventar, cu precizarea locului aflării pieselor, menţionarea dimensiunilor acestora şi indicarea tipului/variantei din care fac parte. Ilustraţia aferentă este grupată pe complexe, înglobând desenele mormintelor şi ale obiectelor descoperite. Cu regret, pentru necropola de la Bogdăneşti, investigată cu aproape o jumătate de veac în urmă, unde s-au descoperit 152 de morminte şi 11 gropi din sec. IV p. Chr., nu s-au păstrat planurile decât la un număr de 48 de complexe, pentru alte 65 de morminte însă – numai fotografii, după care autorul a realizat meticulos şi o reconstituire în desen a planurilor. Sunt inserate două tabele ce arată (Tab. 1) câte morminte au fost descoperite în fiecare din cei şase ani de săpături la Bogdăneşti, pentru câte s-au păstrat planurile (31,58%), fotografiile (42,76%), şi pentru câte lipseau şi planurile, şi fotografiile (25,66%). În Tab. 1 bis găsim lista mormintelor din care s-au pierdut anumite piese (o fibulă, o pensetă, un ac de cusut, şase piepteni, trei mărgele, un cuţit ş.a.).

De mare întindere este şi capitolul III al lucrării, în care autorul a examinat în detaliu bogatul material arheologic descoperit în cele 289 de morminte din necropolele de la Bogdăneşti, Pogoneşti şi Polocin. Bazându-se, în primul rând, pe criteriul funcţional de clasificare, întregul inventar recuperat din cele trei cimitire a fost împărţit în următoarele categorii de obiecte: A. *Accesorii vestimentare*; B. *Obiecte de toaletă*; C. *Obiecte de podoabă şi pandantive*; D. *Obiecte de uz casnic*; E. *Obiecte diverse*; F. *Recipiente de lut*; G. *Recipiente de sticlă*, iar la sfârşit au fost prezentate resturile de la ofrandele funerare – H. *Ofrande alimentare*, ce constau din oase de animale şi coji de ouă de pasăre.

Tipologia propriu-zisă a diferitor categorii şi grupe de obiecte a fost întocmită după criterii adecvate, definirea tipurilor, a variantelor şi a subvariantelor fiind, în general, corectă şi precisă. O oarecare neconcordanţă am constatat totuşi la clasificarea fibulelor, ce alcătuiesc primul grup de accesorii vestimentare şi reprezintă importante repere cronologice – cele 38 de exemplare pasibile clasificării (din totalul de 50) au fost încadrate

în patru tipuri de bază, pentru tipurile 1, 2 şi 4 stabilindu-se câte patru sau chiar cinci variante. În ceea ce priveşte fibulele cu piciorul înfăşurat, care sunt cele mai numeroase şi întâlnite în toate trei cimitirele, ţinându-se cont de sistemul de modelare şi de lungimea resortului, ele au fost grupate în două tipuri diferite, împărţite în câteva variante. În acelaşi timp, fibulele cu portagrafa fixă, cu toate că unele piese prezintă diferenţe tipologice semnificative, au fost incluse într-un singur tip, divizat în patru variante.

Pentru cel de-al doilea grup de piese vestimentare, care sunt cataramele (din totalul de 37 de exemplare – 20 de bronz şi 17 de fier – pentru realizarea tipologiei fiind utilizate numai 29), în funcţie de dimensiuni, forma verigii sau a garniturii şi de metalul din care au fost lucrate, autorul a stabilit şapte tipuri (patru includ piese de bronz şi trei – de fier). Primul tip, cataramele de bronz cu verigă oval-circulară, este separat în două variante, iar al doilea, ce cuprinde cataramele de bronz cu verigă ovală – în patru variante. Celelalte cinci tipuri nu prezintă variante distincte.

Foarte interesante şi preţioase sunt şi observaţiile făcute cu privire la tipologia celorlalte categorii de inventar, în special a pieptenilor (52 ex. întregi ori întregibile), ceramicii (438 de vase – 87 lucrate cu mâna şi 351 la roată, inclusiv 82 din pastă zgrunţuroasă, 255 din pastă fină, 14 de import, romane) şi a recipientelor de sticlă (5 ex. de pahare reprezentând trei tipuri). Un semn de întrebare mai apare la atribuirea celor cinci castroane de la Polocin lucrate la roată din pastă fină, considerate romane – credem că ele sunt totuşi de proveniență locală (p. 160, pl. 189B/1; 196/5,6; 218B/3; 247/7), întrucât prezintă tipuri specifice ceramicii fine produse pe plan local, cum se atestă în alte aşezări şi necropole de tip Sântana de Mureş-Černjachov.

Trebuie însă să apreciem la justa valoare meticulozitatea cu care domnul Mircea Mamalaucă a elaborat tipologia generală a inventarului, pe care a folosit-o ulterior pentru datarea celor trei cimitire investigate, dincolo de unele mici lipsuri sau erori, de altfel inerente la prelucrarea unei mari cantităţi de materiale arheologice. Pentru diferitele tipuri de obiecte sau vase ceramice şi de sticlă, autorul a menţionat analogiile cele mai apropiate din cadrul complexelor culturii Sântana de Mureş-Černjachov sau din alte medii culturale, fapt care permite cunoaşterea mai nuanţată a semnificaţiei descoperirilor din necropolele cercetate. La sfârşitul subcapitolelor, pentru aproape fiecare categorie de artefacte, sunt inserate tabele sinoptice cu repartiţia statistică a diferitor tipuri şi variante de piese descoperite în necropolele de la Bogdăneşti, Pogoneşti şi Polocin.

În capitolul IV sunt examinate succesiv riturile şi ritualurile funerare, atestate în cele trei cimitire de tip Sântana de Mureş-Černjachov, care fac obiectul de studiu al lucrării. În paragrafele privind riturile funerare se prezintă mai întâi mormintele de inhumaţie, care predomină numeric clar în toate trei necropolele, apoi şi mormintele de incineraţie, înmormântările din prima categorie fiind analizate şi grupate pe baza următoarelor caracteristici: orientare, adâncime, forma gropilor, starea şi poziţia scheletelor, iar incineraţiile – după „practicile privitoare la tratarea cadavrelor", „forma şi dimensiunile gropilor" şi „recipientele folosite ca urne şi capace".

Investigaţiile efectuate cât s-a reuşit de meticulos în teren, completate de studiul atent al inventarului şi al materialului arheozoologic, au prilejuit observaţii interesante şi asupra ritualurilor funerare practicate în necropolele de la Bogdăneşti, Pogoneşti şi Polocin. După cum se ştie, între diferitele obiceiuri de ritual, folosite de comunităţile culturii Sântana de Mureş-Černjachov, un loc aparte îl ocupă cele legate de ofrandele funerare. Obiceiurile privitoare la ofrande includ multiple aspecte, dintre care se evidenţiază depunerea în morminte a obiectelor de uz casnic, a recipientelor cu alimente şi băutură, dar şi sacrificiile de animale sau păsări şi depunerea ofrandelor de carne alături de defuncţi. Dispunând de documentaţia arheologică corespunzătoare şi de rezultatele determinărilor arheozoologice, domnul Mircea Mamalaucă analizează amănunţit toate aceste aspecte, atât pentru mormintele de inhumaţie, cât şi pentru cele de incineraţie.

Într-un capitol separat, V, sunt tratate obiceiurile de port al accesoriilor vestimentare, podoabelor şi amuletelor de către comunităţile ce şi-au îngropat semenii decedaţi în necropolele de la Bogdăneşti, Pogoneşti şi Polocin. Prezentarea amănunţită a situaţiilor, întâlnite în fiecare cimitir în parte, referitoare la descoperirile de fibule, catarame, mărgele, pandantive-amulete şi de alte piese de podoabă şi realizarea diferitor comparaţii cu alte cimitire cercetate prin săpături, cum sunt cele de la Mihălăşeni, Bârlad-Valea Seaca, Săbăoani,

Leţcani şi Budeşti, au permis formularea unor observaţii de real interes ştiinţific despre utilizarea acestor categorii de obiecte de către purtătorii culturii Sântana de Mureş-Černjachov din spaţiul est-carpatic. Spre exemplu, se compară incidenţa accesoriilor vestimentare (fibule şi catarame) în complexele funerare de la Bogdăneşti (descoperite în 38 – respectiv, 25% din totalul mormintelor), Pogoneşti (în 6 – 10% dintre morminte), Polocin (în 16 – 20% din numărul total) cu cele de la Mihălăşeni (29%), Săbăoani (fibule – în 10% şi catarame – în 8% din morminte), Leţcani (23%), Budeşti (fibule în 31 de morminte/8% şi catarame în 13 morminte/3,5%), Bârlad-Valea Seacă (117 fibule – în 21% şi 81 catarame – în 15% dintre complexele funerare). Autorul conchide că există multe similitudini atât în ceea ce priveşte numărul, cât şi poziţia accesoriilor vestimentare în complexele funerare din necropolele comparate.

Referitor la piesele de podoabă, cele mai multe asemenea artefacte (în special mărgele sau pandantive) au fost descoperite în necropolele de la Bogdăneşti şi Polocin, iar la Pogoneşti mult mai puţine – aşa o situaţie identificându-se însă şi în cimitirul de la Săbăoani.

Capitolul VI al lucrării a fost consacrat complicatei probleme a datării şi periodizării cimitirelor de la Bogdăneşti, Pogoneşti şi Polocin. Chiar de la început, autorul remarcă faptul că din cauza dimensiunilor reduse ale obiectivelor arheologice „este extrem de dificilă surprinderea cronologiei fiecăreia din cele trei necropole" şi că „întocmirea unei diagrame combinatorii a fost imposibil de realizat". În schimb, domnul Mircea Mamalaucă a recurs la multiple comparaţii dintre diferite tipuri de fibule, catarame, piepteni, pahare de sticlă şi vase de lut, descoperite în cele trei obiective arheologice din Podişul Bârladului, cu cele din binecunoscutele necropole Sântana de Mureş-Černjachov de la Târgşor şi Mihălăşeni, a căror cronologie internă a fost realizată pe baza unor metode moderne de cercetare. Aceste numeroase raportări sau corelări au oferit indicii preţioase pentru formularea mai multor observaţii interesante cu privire la încadrarea în timp a complexelor, dar fără să se poată totuşi stabili cronologia relativă la niciuna dintre cele trei necropole studiate.

În ultimul capitol (VII) al monografiei, domnul Mircea Mamalaucă sintetizează mai întâi ideile principale ale compartimentelor anterioare, cu raportări la diferite alte necropole de tip Sântana de Mureş cercetate prin săpături, schiţând şi câteva judicioase observaţii ce evidenţiază semnificaţia descoperirilor arheologice de la Bogdăneşti, Pogoneşti şi Polocin.

O listă bibliografică bogată, urmată de abrevieri, finalizează textul lucrării. Ilustraţia care însoţeşte demersul ştiinţific este cuprinzătoare şi de bună calitate, incluzând 259 de planşe cu hărţi, planuri, desene şi fotografii.

Încheiem această prezentare, subliniind faptul că lucrarea domnului Mircea Mamalaucă reprezintă o contribuţie importantă pentru cunoaşterea realităţilor istorico-arheologice din spaţiul est-carpatic în perioada de început a epocii migraţiilor. Autorul a depus un serios efort de recuperare şi prelucrare a unui mare volum de date şi vestigii arheologice, în bună parte inedite, analizând şi interpretând pertinent descoperirile din necropolele datate în sec. IV p. Chr. de la Bogdăneşti, Pogoneşti şi Polocin, care se impuneau a fi introduse cât se poate de repede şi eficient în circuitul ştiinţific, a reuşit acest lucru în termen restrâns şi merită sincerele noastre felicitări pentru această performanţă.

24.08.2020

Dr. Vlad Vornic, Agenţia Naţională Arheologică, str. Mihai Eminescu, 50, MD-2012 Chişinău, Republica Moldova, https://orcid.org/0000-0003-2796-7716, e-mail: vornic.vlad@yahoo.com

Larisa Ciobanu, Muzeul Naţional de Istorie a Moldovei, str. 31 August, 121-A, MD-2012 Chişinău, Republica Moldova, https://orcid.org/0000-0001-5566-6430, e-mail: ciobanu.lora@yahoo.com

IN MEMORIAM OLEG LEVIȚKI

Cu adâncă durere și consternare, comunitatea arheologică din Republica Moldova și întreaga comunitate științifică a aflat vestea despre dispariția neașteptată a colegului nostru Oleg Levițki, plecat prea curând dintre noi în lumea celor drepți. Personalitatea sa remarcabilă, prin calitățile de om de știință și sensibilitatea general-umană ce îl caracterizau, a fost o prezență constantă în majoritatea întrunirilor științifice specializate, naționale sau internaționale, în cadrul cărora erau abordate probleme complexe privind transformările culturale radicale de la sfârșitul epocii bronzului tardiv și începutul epocii fierului timpuriu în Europa de Sud-Est și/sau în spațiul carpato-danubiano-nistrean, perioadă când avea loc procesul de substituire a culturilor Noua și Sabatinovka prin formațiunile complexului hallstattian timpuriu cu ceramică canelată, privind originea hallstattului tracic la est și la sud de Carpați, discutând despre universul mirific al tracilor.

26 mai 1956 (Pohrebeni, r-nul Orhei) – 18 mai 2020 (Chișinău)

Oleg Levițki s-a născut la 26 mai 1956 în comuna Pohrebea, raionul Orhei, într-o familie bine cunoscută pe plan local, care l-a încurajat și l-a motivat să realizeze lucruri frumoase. Pentru el, familia întotdeauna a reprezentat un loc de suflet și de refugiu, sursa din care a învățat a prețui și a respecta oamenii, dar și care l-a înțeles mereu și l-a susținut în tot ceea ce a făcut. După ce a urmat cursurile școlii primare și secundare în localitatea de baștină, în anul 1973 se înscrie la Facultatea de Istorie a Institutului Pedagogic de Stat „Ion Creangă" din Chișinău, pe care a absolvit-o în anul 1978 cu *Diplomă de excelență* (*Magna cum laude*). Ca student, s-a încadrat activ în viața științifică a facultății, fiind cel mai mult atras de domeniul etnografiei și participând la investigațiile anuale etnografice de teren, organizate de mentorul său de la Academia de Științe – talentatul cercetător dr. Iurie Popovici. După absolvirea facultății și dispariția prematură a dascălului său, în anul 1978, este înrolat în rândurile armatei sovietice. La revenire, în anul 1980, a fost angajat temporar în sectorul de Arheologie al Academiei de Științe, participând la șantiere de salvare în zonele de construcție, în funcție de laborant superior. Din anul 1982 este promovat în calitate de cercetător științific în sectorul Arheologie din cadrul Secției de Etnografie și Studiul Artelor al Academiei de Științe din Chișinău.

Talentat, harnic și plin de energie, calități care i-au fost proprii toată viața, tânărul cercetător a acumulat o bogată experiență de investigare a diferitor categorii de situri, metode de lucru și metodologia documentării de teren. Investigațiile sale au cuprins, în primul rând, sfera istoriei vechi, concentrându-se asupra săpăturilor arheologice (Tomai, 1983; Petrușeni, 1984; Căușeni, 1985; Cobâlnea, 1986-1987; Trinca-*Izvorul lui Luca*, 1982, 1984, 1989-1990, 1994-2002, 2004; Trinca-*Drumul Feteștilor*, 1991, 1994-1995, 1999; Trinca-*La Șanț*, 1999, 2011; Chișinău-*Valea Morilor*, 2010; Conacul Manuc Bei, 2013), asupra studierii și publicării materialelor descoperite – activitate care, în acest domeniu, este echivalentă

cu crearea surselor primare documentare şi va finaliza cu sinteze de mare anvergură. Şantierele arheologice pe care le-a condus sau la care a participat, având diverse responsabilităţi, au fost valorificate prin consistente şi complete rapoarte de săpătură.

În anii 1986-1987 efectuează un stagiu de documentare ştiinţifică la Institutul de Istorie a Culturii Materiale din Sankt-Petersburg, filială a Institutului de Arheologie al Academiei de Ştiinţe din URSS, înscriindu-se ulterior la studii de doctorat la aceeaşi instituţie, pe care le absolveşte în anul 1990. În anul 1991, Oleg Leviţki a susţinut teza de doctor în istorie (candidat în ştiinţe, pe atunci), sub conducerea ştiinţifică a renumitei cercetătoare sovietice Galina I. Smirnova, la filiala din Sankt-Petersburg a Institutului de Arheologie al Academiei de Ştiinţe din URSS, cu tema *Культура Днестровско-Сиретского междуречья на рубеже второго-первого тысячелетий до н.э. (Памятники каннелированного гальштатта типа Кишинев-Корлэтень)* „Cultura din interfluviul Nistru-Siret la cumpăna mileniilor al doilea – mileniul întâi î.e.n. (Siturile Hallstattului canelat de tip Chişinău-Corlăteni)". În anul 1994, lucrarea a fost publicată la Bucureşti, ca monografie, intitulată *Cultura Hallstatului canelat la Răsărit de Carpaţi*, lucrare ce rămâne şi azi o carte de căpătâi pentru studierea vestigiilor hallstattiene timpurii din spaţiul nord-est carpatic.

Între anii 1991-1999 activează în calitate de cercetător ştiinţific superior, iar în anii 1999-2002 – în calitate de cercetător ştiinţific coordonator în cadrul Secţiei de Etnografie şi Studiul Artelor al Academiei de Ştiinţe din Chişinău. În această perioadă, începe o frumoasă colaborare ştiinţifică cu colegii de la Institutul Român de Tracologie, condus de distinsul profesor Petre Roman, fapt de care se mândrea enorm. În calitate de angajat la Bucureşti (1994-2002), beneficiază de finanţare pentru noi campanii arheologice, efectuând investigaţii în cadrul siturilor din microzona satului Trinca: Trinca-*Izvorul lui Luca*, Trinca-*Drumul Feteştilor*, Trinca-*La Şanţ*. Rezultatele cercetărilor au servit drept bază pentru mai multe articole ştiinţifice, publicate atât în ţară, cât şi peste hotare, precum şi pentru un studiu monografic, *Necropola tumulară hallstattiană târzie Trinca „Drumul Feteştilor"*, publicat în anul 2006 la Iaşi.

În tot acest răstimp, pe lângă multiplele activităţi amintite mai sus, a fost interesat cu precădere de cercetarea primei epoci a fierului. Procesele complexe (culturale, demografice, economice şi politice), care se derulau la finalul epocii bronzului şi la începutul fierului timpuriu, cultura hallstattului canelat de tip Chişinău-Corlăteni din spaţiul est-carpatic şi nord-dunărean au fost mereu în centrul preocupărilor lui Oleg Leviţki. Analiza detaliată a vestigiilor şi artefactelor arheologice, inserate în canavaua istorică respectivă, l-au condus la concluzii cu un impact deosebit asupra înţelegerii istoriei noastre vechi, a proceselor proprii fazelor finale ale culturilor Noua şi Sabatinovka, înlocuite prin cultura Chişinău-Corlăteni, în perioada când zona de silvostepă a regiunii carpato-nistrene a fost populată de comunităţile tracilor timpurii, originari din bazinul Dunării de Mijloc. Aceste concluzii se bazau pe materialele propriilor săpături, pe o foarte bună cunoaştere a vestigiilor şi bibliografiei aferente, ceea ce i-a permis să înainteze ipoteze îndrăzneţe, să declanşeze polemici, să rezolve probleme aparent insurmontabile, demonstrând, cu acribia şi perspicacitatea care îi erau proprii, geografia traseelor de pătrundere consecutivă a comunităţilor tracilor timpurii, păstori şi agricultori războinici, în regiunile dominate de resturile complexelor bronzului târziu, pe care le-au substituit.

Cercetările perseverente au condus la susţinerea, în anul 2002, a tezei de doctor habilitat în istorie, în cadrul Consiliului Ştiinţific specializat al Universităţii de Stat din Moldova, cu tema *Lumea tracică şi masivul cultural nord-pontic în perioada hallstattiană timpurie (secolele XII-X î.e.n.)*. Lucrarea s-a materializat într-o monografie de succes, publicată la Bucureşti în anul 2003, remarcându-se printr-o înaltă ţinută ştiinţifică şi prin rolul ei important pentru înţelegerea proceselor cultural-istorice care au cuprins în această perioadă spaţiul central european.

Cariera ştiinţifică a doctorului habilitat a fost una spectaculoasă. În perioada anilor 2002-2004, este cercetător ştiinţific principal în cadrul noucreatului Institut de Arheologie şi Etnografie al Academiei de Ştiinţe din Moldova, iar în anii 2004-2006 exercită funcţia de şef al Sectorului Arheologie Preistorică şi Tracologie al acestei instituţii. Datorită muncii asidue şi rezultatelor ştiinţfice solide obţinute, în anul 2004 i se acordă Diploma de Onoare a Prezidiului Academiei de Ştiinţe a Republicii Moldova.

În urma reformelor din domeniul ştiinţei în Republica Moldova şi după crearea Institutului Patri-

moniului Cultural în cadrul Academiei de Ştiinţe, în anul 2006, Oleg Leviţki devine director al Centrului de Arheologie, funcţie pe care o deţine până în anul 2019. Din anul 2010 este şi redactorul-şef al Revistei Arheologice, la care munceşte enorm, în vederea sporirii calităţii ştiinţifice, a diversificării structurii, dar şi a cooptării unor noi membri ai colegiului de redacţie şi a autorilor de peste hotare.

De-a lungul anilor, rezultatele amplelor investigaţii ştiinţifice, întreprinse de Oleg Leviţki, au fost valorificate, singur sau în colaborare, prin elaborarea a şase monografii, culegeri de studii sau sinteze, precum şi în circa 170 de studii, articole, note şi recenzii, publicate în prestigioase reviste de specialitate din ţară şi de peste hotare. Aceste numeroase şi valoroase contribuţii au condus la elucidarea unor multiple şi destul de puţin cunoscute aspecte – de ordin cultural, social-economic, politic sau demografic – ale perioadei de tranziţie de la bronzul tardiv la epoca fierului timpuriu, ale proceselor complexe de apariţie a culturii arheologice a hallstattului tracic canelat şi a tracilor înşişi în regiune.

În tot acest timp, a participat la peste 40 de şantiere arheologice, însă, dintre toate, microzona Trinca rămâne locul de suflet de o semnificaţie aparte. A condus şi a coordonat patru proiecte de cercetare, a participat la numeroase conferinţe, simpozioane şi alte manifestări ştiinţifice naţionale şi internaţionale. Experienţa imensă, acumulată de-a lungul timpului, cunoştinţele valoroase pe care le poseda, rolul major pe care l-a avut în creşterea şi susţinerea tinerilor cercetători au făcut ca Oleg Leviţki să fie invitat în componenţa mai multor seminare ştiinţifice de profil, comisii de specialitate, colegii de redacţie, iar în ultimii şapte ani – să fie membru al Asambleei Academiei de Ştiinţe a Moldovei.

Fiind autor al mai multor programe pentru studenţi şi masteranzi, preşedinte al comisiilor pentru susţinerea examenelor de stat, a tezelor de licenţă şi de masterat, conducător ştiinţific al mai multor teze de licenţă, masterat şi de doctorat, s-a înscris firesc în avangarda intelectualităţii contemporane.

A fost un om cu suflet mare, de o sensibilitate aparte, şi un izvor nesecat de bunătate; un arheolog desăvârşit cu idei inovatoare, cu dăruire de sine, responsabilitate, abnegaţie şi meticulozitate în ceea ce făcea; un cercetător cu vocaţie deosebită, un promotor acerb al patrimoniului cultural naţional, dar şi un profesor şi un îndrumător înnăscut, cu o nemăsurată putere de convingere şi capacităţi oratorice deosebite.

Prietenii, colegii şi colaboratorii, toţi cei care l-au cunoscut şi l-au preţuit vor păstra neştearsă amintirea sa. Odihnească-se în pace!

Colegii şi prietenii de la Muzeul Naţional de Istorie a Moldovei

Lista abrevierilor

AARMSI	Analele Academiei Române. Memoriile Secţiunii Istorice. Academia Română, Bucureşti
ActaMM	Acta Moldavie Meridionalis. Anuarul Muzeului Judeţean Vaslui, Vaslui
ActaMN	Acta Musei Napocensis. Muzeul Naţional de Istorie a Transilvaniei, Cluj-Napoca
AIIAX	Anuarul Institutului de Istorie şi Arheologie „A.D. Xenopol”, Iaşi
AIMSR	Arhiva Istorico-militară de Stat din Rusia, Sankt Petersburg
AISR	Arhiva Istorică de Stat din Rusia
AISRL	Arhiva Istorică de Stat a regiunii Leningrad
AMC	Arhiva Ministerului Culturii
ANRM	Arhiva Naţională a Republicii Moldova
AO	Arhivele Olteniei, Craiova
Apulum	Apulum. Buletinul Muzeului Regional Alba-Iulia, Alba-Iulia
ArhMold	Arheologia Moldovei. Institutul de Arheologie, Iaşi
ASRO	Arhiva de Stat din regiunea Odesa
AUB	Analele Universităţii Bucureşti, Bucureşti
Basarabia	Basarabia, Chişinău
BOR	Biserica Ortodoxă Română, nr. 8, 1903
BNRM	Biblioteca Naţională a Republicii Moldova
BBR	Buletinul Bibliotecii Române, Freiburg
BDA	Buletinul de Documentare Arhivistică, Bucureşti
BRM	Bibliografia Românească Modernă
Byzantinobulgarica	Byzantinobulgarica, Sofia
CA	Cercetări arheologice, Bucureşti
Candela Moldovei	Candela Moldovei. Institutul cultural-misionar „Trinitas”, Iaşi
Carpica	Carpica. Muzeul de Istorie şi Artă, Bacău
CI	Cercetări Istorice, Iaşi
Cugetul	Cugetul. Revistă de istorie şi cultură, Chişinău
Cumidava	Cumidava. Muzeul judeţean Braşov, Braşov
Datini	Datini. Revistă de cultură, Bucureşti
Destin Românesc	Destin Românesc. Revistă de istorie şi cultură, Chişinău-Bucureşti
Destin Românesc s.n.	Destin Românesc. Serie Nouă. Revistă de istorie şi cultură, Chişinău
FIASRO	Filiala din Ismail a Arhivei de Stat din regiunea Odesa
Magazin bibliologic	Magazin bibliologic, Biblioteca Naţională a Republicii Moldova, Chişinău
Marisia	Marisia. Studii şi materiale, Târgu Mureş
Mitropolia Olteniei	Mitropolia Olteniei, Craiova
MNAIM	Muzeul Naţional de Arheologie şi Istorie a Moldovei
MNIM	Muzeul Naţional de Istorie a Moldovei
Ortodoxia	Ortodoxia. Revista Patriarhiei Române, Bucureşti
Peuce	Peuce. Institutul de Cercetări Eco-Muzeale, Tulcea
Pyretus	Pyretus, Ungheni
Revista arheologică	Revista arheologică. Institutul de Arheologie și Istorie Veche, Chișinău

Revista arheologică S.N.	Revista arheologică S.N. Institutul Patrimoniului Cultural, Chişinău
Revista Arhivelor	Revista Arhivelor. Direcţia Generală a Arhivelor Statului, Bucureşti
Revista Bistriţei	Revista Bistriţei. Muzeul Judetean Bistriţa-Năsăud
Revista de etnologie	Revista de etnologie, Chişinău
Revista de filosofie	Revista de filosofie, Bucureşti
Revista de istorie	Revista de Istorie, Bucureşti
Revista de istorie a Moldovei	Revista de istorie a Moldovei, Chişinău
Revista Muzeelor	Revista Muzeelor, Bucureşti
RRH	Revue Roumaine d'Histoire, Bucarest
SCIV(A)	Studii şi cercetări de istorie veche (şi arheologie), Bucureşti
Tibiscus	Tibiscus. Muzeul Banatului, Timişoara
Tyragetia	Tyragetia. Muzeul Naţional de Istorie a Moldovei, Chişinău
Viaţa Basarabiei	Viaţa Basarabiei, Chişinău
Ziridava	Ziridava. Muzeul judeţean Arad, Arad
Богословские Труды	Богословские Труды. Московская патриархия, Москва
ВИ	Вопросы истории, Москва
ЕАИВЕ	Ежегодник по аграрной истории Восточной Европы
Етнография на България	Етнография на България, София
ЖМВД	Журнал Министерства Внутренних Дел (СПб.)
КЕВ	Кишиневские Епархиальные Ведомости, Кишинев
Киевская старина	Киевская старина, Киев
КСИЭ	Краткие сообщения Института Этнографии АН СССР, Москва
ПСЗРИ	Полное Собрание Законов Российской Империи
РА	Российская Археология, Москва
Русский Вестник	Русский Вестник, Москва
СЭ	Советская этнография, Москва
Труды ГИКМ	Труды Государственного Историко-Краеведческого Музея, Кишинев
УЗКГУ	Ученые Записки Кишиневского Государственного Университета (Кишинев)
Ученые записки	Ученые записки Института истории, языка и литературы Молдавского филиала АН СССР
ЗООИД	Записки Одесского Общества Истории и Древностей

Condiţiile de publicare în revista „Tyragetia”

Stimaţi colegi,

Revista prevede publicarea studiilor arheologice, istorice, muzeografice, rezultatele cercetărilor ştiinţelor interdisciplinare în domeniul arheologico-istoric, ocrotirea patrimoniului.

Articolele şi alte tipuri de lucrări ştiinţifico-muzeografice vor reflecta din punct de vedere geografic spaţiul balcanico-carpato-pontic şi teritoriile limitrofe.

Articolele pot fi prezentate în limbile română, rusă, engleză, germană, franceză.

Toate materialele prezentate spre publicare urmează a fi recenzate de membrii Colegiului de redacţie, precum şi de alţi specialişti în domeniu.

În cazul unui aviz negativ, Colegiul de redacţie nu este obligat să comenteze decizia sa.

Volumul manuscriselor nu va depăşi 100 mii caractere (aproximativ 2,5 c.a.), inclusiv bibliografia, rezumatele şi ilustraţiile. Textul lucrărilor trebuie prezentat în formă de manuscris şi în format electronic: *Microsoft Word*; *Times New Roman; Font size 12; Space 1,5.*

Articolele trebuie să fie însoţite de un rezumat în trei limbi: română; rusă; engleză (germană sau franceză).

Planşele (ilustraţiile), în format A4, se vor prezenta în formă grafică clară, cu numerotarea poziţiei fiecărui obiect. Materialul ilustrativ trebuie să fie însoţit de o lista a planşelor cu o legendă exhaustivă (tradusă şi în limbile rezumatului). Planşele (TIF, JPG – nu mai puţin de 300 dpi) şi lista lor (*Microsoft Word*) se vor prezenta şi în format electronic.

Notele bibliografice se prezintă în original în textul manuscrisului: (Teodor 2005, 172, fig. 7/4-6; Müller 1953, 123, Abb. 15/4-6; Петров 1999, 15, рис. 3/4-6).

Explicaţiile, comentariile, precum şi referinţele la fonduri de arhivă, muzee etc. se vor face la subsolul paginii.

Bibliografia se prezintă în ordine alfabetică, la sfârşitul textului.

Modul de citare a monografiilor:

Boardman 1988: J. Boardman, Grecii de peste mări. Colonizarea greacă şi comerţul timpuriu (Bucureşti 1988).
Козуб 1974: Ю.І. Козуб, Некрополь Ольвії V-IV ст. до н.е. (Кїив 1974).

Modul de citare a articolelor publicate în culegeri de lucrări ştiinţifice:

Behren 2005: Claudia von Behren, Sklaven und Freigelassene auf bosporanischen Grabreliefs. In: (Ed. V. Cojocaru) Ethnic Contacts and Cultural Exchanges North and West of the Black Sea from the Greek Colonization to the Ottoman Conquest (Iaşi 2005), 167-194.
Ванчугов 1981: В.П. Ванчугов, Поселение позднего бронзового века Ялпуг-IV в Нижнем Подунавье. В сб.: (Отв. ред. П.О. Карышковский) Памятники древних культур Северо-Западного Причерноморья (Киев 1981), 91-102.

Modul de citare a lucrărilor publicate în ediţii periodice (reviste, anuare etc):

Postică 2005: Gh. Postică, Complexul monumental din piatră din secolul XV descoperit în citadela Orheiului Vechi. Revista Arheologică S.N. I, 2, 2005, 371-387.
Рехо 1973: М. Рехо, Атическа рисувана керамика в тракийския погребален контекст. Наблюдения върху съдовете, открити в България. Археология 31, 2, 1973, 11-19.

Modul de citare a materialelor publicate în volumele simpozioanelor şi conferinţelor ştiinţifice:

Trohani 2004: G. Trohani, Aspects concernant des rituels de fondation chez les geto-daces. Tracians and circumpontics world. Proceedings of the Ninth International Congress of Thracology, Chişinău-Vadul lui Vodă, 6-11 september 2004, II, Chişinău 2004, 332-337.
Бибикова 1972: В.И. Бибикова, О доместикации лошади на Юго-Востоке Европы. Матеріали XIII конференції Інституту археології АН УРСС (Кїив, 1968), Кїив 1972, 106-110.

În cazul utilizării unor prescurtări în text, precum şi în bibliografie, se anexează o listă de abrevieri.

La sfârşitul textului se anexează date despre autor: numele, prenumele; gradul ştiinţifico-didactic; funcţia; instituţia; adresa; telefon, fax, e-mail.

Anual, termenul de prezentare a materialelor este 1 martie

The following conditions for publishing in the „Tyragetia" journal will apply

Dear Colleagues,

The journal provides publications on various aspects of archaeology, history, museology, results of scientific researches in interdisciplinary sciences in the field of archeology and history, protection of cultural heritage.

Contributions and other types of scientific-museological works should reflect the Balkan-Carpathian-Pontic regions and the neighboring territories from the geographic point of view.

Contributions should be submitted in Romanian, Russian, English, German and French.

All material presented for publication will follow review by the Editorial Board members and other specialists.

The Board is not obliged to comment negative reviews.

The volume of the manuscripts shouldn't exceed 100,000 signs, (approximately 2,5 ens), including bibliography, summaries and illustrations. The texts of the contributions should be submitted in the form of manuscripts and in electronic format: *Microsoft Word*; *Times New Roman; Font size 12; Space 1,5*.

Articles should be accompanied by a summary in three languages: Romanian, Russian, English (German or French).

Illustrations should be provided in A-4 format with all the objects supplied by numbers. The tables themselves should be numbered; a complete list of the tables should be offered and accompanied by relevant information (translated in the language of the summary).Tables (TIF, JPG - not less than 300 dpi) and lists (*Microsoft Word)* of illustrations should be provided in electronic format.

Bibliographical notes in the text of the manuscript should be presented in the original: (Teodor 2005, 172, fig. 7/4-6; Müller 1953, 123, Abb. 15/4-6; Петров 1999, 15, рис. 3/4-6).

Bibliography should be provided at the end of a contribution in the alphabetical order.

Monographs:

Boardman 1988: J. Boardman, Grecii de peste mări. Colonizarea greacă şi comerţul timpuriu (Bucureşti 1988).

Козуб 1974: Ю.І. Козуб, Некрополь Ольвії V-IV ст. до н.е. (Кїив 1974).

Samples of articles published in scientific collections:

Behren 2005: Claudia von Behren, Sklaven und Freigelassene auf bosporanischen Grabreliefs. In: (Ed. V. Cojocaru) Ethnic Contacts and Cultural Exchanges North and West of the Black Sea from the Greek Colonization to the Ottoman Conquest (Iaşi 2005), 167-194.

Ванчугов 1981: В.П. Ванчугов, Поселение позднего бронзового века Ялпуг-IV в Нижнем Подунавье. В сб.: (Отв. ред. П.О. Карышковский) Памятники древних культур Северо-Западного Причерноморья (Киев 1981), 91-102.

Articles published in journals:

Postică 2005: Gh. Postică, Complexul monumental din piatră din secolul XV descoperit în citadela Orheiului Vechi. Revista Arheologică S.N. I, 2, 2005, 371-387.

Рехо 1973: М. Рехо, Атическа рисувана керамика в тракийския погребален контекст. Наблюдения върху съдовете, открити в България. Археология 31, 2, 1973, 11-19.

Contributions to conference proceedings:

Trohani 2004: G. Trohani, Aspects concernant des rituels de fondation chez les geto-daces. Tracians and circumpontics world. Proceedings of the Ninth International Congress of Thracology, Chişinău-Vadul lui Vodă, 6-11 september 2004, II, Chişinău 2004, 332-337.

Бибикова 1972: В.И. Бибикова, О доместикации лошади на Юго-Востоке Европы. Матеріали XIII конференції Інституту археології АН УРСС (Кїив, 1968), Кїив 1972, 106-110.

If abbreviations are used, a list of them should be provided.

Personal data about the author should be provided at the end of the text: name, surname; academic degree; function; institution; address; phone and fax numbers and e-mail.

The deadline for contributions to be published: 1 March

Условия для публикации в журнале «Tyragetia»

Уважаемые коллеги,

В журнале будут опубликованы научные статьи по археологии, истории, музеологии, результаты междисциплинарных научных исследований в этих областях, а также работы по охране культурного наследия.

Статьи и другие типы научно-музееведческих работ должны отражать территорию балкано-карпато-понтийского региона и соседние территории.

Статьи могут быть представлены на румынском, русском, английском, немецком и французском языках.

Материалы представленные к публикации, рецензируются членами редакционной коллегии, а также другими специалистами.

Коллегия не обязана комментировать негативные рецензии.

Объем рукописи не должен превышать 100.000 знаков (примерно 2,5 авторских листа), включительно библиография, резюме и иллюстрации. Тексты статей должны быть представлены в виде рукописи и в электронном формате: *Microsoft Word*; *Times New Roman; Font size 12; Space 1,5*.

Статьи должны сопровождаться резюме на трех языках: румынском, русском, английском (немецком или французском).

Иллюстрации (таблицы) в формате А4 должны быть представлены в четкой графической форме с указанием номера каждого предмета. Иллюстрации должны сопровождаться списком таблиц с полной информацией (переведенным на языках резюме).

Таблицы (TIF, JPG- не менее 300 dpi) и списки (*Microsoft Word*) иллюстраций должны быть представлены в электроном формате.

Библиографические сноски представляются в тексте рукописи в оригинале согласно следующим критериям: (Teodor 2005, 172, fig. 7/4-6; Müller 1953, 123, Abb. 15/4-6; Петров 1999, 15, рис. 3/4-6).

Библиография должна быть дана в конце текста статьи, в алфавитном порядке.

Примеры для монографий:

Boardman 1988: J. Boardman, Grecii de peste mări. Colonizarea greacă și comerțul timpuriu (București 1988).

Козуб 1974: Ю.І. Козуб, Некрополь Ольвії V-IV ст. до н.е. (Кїив 1974).

Примеры для работ, опубликованных в сборниках:

Behren 2005: Claudia von Behren, Sklaven und Freigelassene auf bosporanischen Grabreliefs. In: (Ed. V. Cojocaru) Ethnic Contacts and Cultural Exchanges North and West of the Black Sea from the Greek Colonization to the Ottoman Conquest (Iași 2005), 167-194.

Ванчугов 1981: В.П. Ванчугов, Поселение позднего бронзового века Ялпуг-IV в Нижнем Подунавье. В сб.: (Отв. ред. П.О. Карышковский) Памятники древних культур Северо-Западного Причерноморья (Киев 1981), 91-102.

Примеры для работ, опубликованных в периодических изданиях:

Postică 2005: Gh. Postică, Complexul monumental din piatră din secolul XV descoperit în citadela Orheiului Vechi. Revista Arheologică S.N. I, 2, 2005, 371-387.

Рехо 1973: М. Рехо, Атическа рисувана керамика в тракийския погребален контекст. Наблюдения върху съдовете, открити в България. Археология 31, 2, 1973, 11-19.

Примеры для работ, опубликованных в материалах конференций и семинаров:

Trohani 2004: G. Trohani, Aspects concernant des rituels de fondation chez les geto-daces. Tracians and circumpontics world. Proceedings of the Ninth International Congress of Thracology, Chișinău-Vadul lui Vodă, 6-11 september 2004, II, Chișinău 2004, 332-337.

Бибикова 1972: В.И. Бибикова, О доместикации лошади на Юго-Востоке Европы. Матеріали XIII конференції Інституту археології АН УРСС (Кїив, 1968), Кїив 1972, 106-110.

Если в статьи использованы сокращения, тогда список сокращений прилагается.

В конце текста статьи прилагается также краткая информация об авторе: фамилия, имя, ученая степень, должность и место работы, адрес, телефон, факс, e-mail.

Ежегодно последний срок представления рукописей 1 марта

BONS OFFICES
Casa Editorial Poligrafică

Casa editorial-poligrafică „Bons Offices”
mun. Chişinău, str. Feredeului 4/6, MD-2005
tel/fax.: 500-894; tel.: 500-895, 27-66-44
e-mail: ion@bons.md